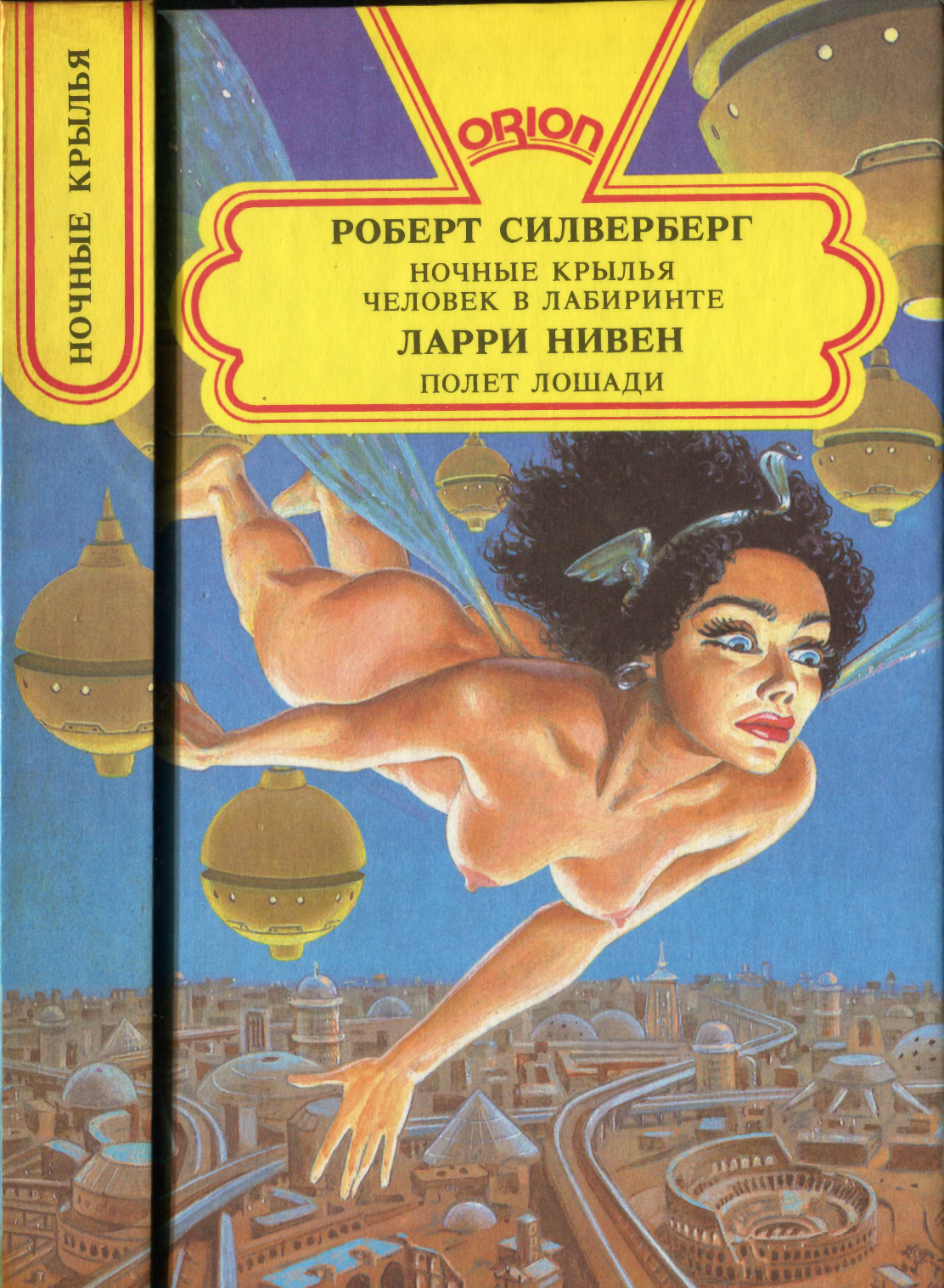
НОЧНЫЕ КРЫЛЬЯ

Р. СИЛВЕРБЕРГ

НОЧНЫЕ КРЫЛЬЯ
ЧЕЛОВЕК В ЛАБИРИНТЕ

Л. НИВЕН

ПОЛЕТ ЛОШАДИ

Библиополис
Санкт-Петербург

© 1993, «Библиополис», Санкт-Петербург;
перевод с английского языка
© 1993, К. Швец: оформление
© 1993, макет ИКА «Тайм-Аут»
© 1993, Д. Лобанов, составление

ISBN 5-87671-023-7

Р. СИЛВЕРБЕРГ

НОЧНЫЕ КРЫЛЬЯ

Часть I

1

Город Рам раскинулся на семи холмах. Говорят, что когда-то, в один из ранних циклов, он был столицей человека. Я об этом ничего не знал, потому что мой союз занимался Наблюдением, а не Запоминанием. Но все же когда в предрассветные часы я впервые увидел Рам, я понял, что когда-то это, должно быть, был великий город. Даже и сейчас это был город могущественный, и в нем обитало много тысяч душ.

Обнаженные силуэты башен отчетливо вырисовывались в сумеречном небе. Призывно подрагивали огни города. Слева от меня небо, только что покинутое солнцем, сверкало великолепием красок; струящиеся лазурные, фиолетовые и алые гроздья переплетались в ночном танце, за которым по пятам подкрадывалась темнота. Справа от меня плотная тьма уже припала к земле. Я попытался разглядеть семь холмов, но уже не смог, и все же я знал, что это тот самый величественный Рам, к которому вели все дороги, и вдруг почувствовал благоговение и уважение к тому, что сделали наши давно ушедшие предки.

Мы отдыхали у длинной прямой дороги, глядя на Рам, и я произнес:

- Большой город. Мы найдем там работу.

- Два дня и три ночи.

- Если бы я полетела, это было бы быстрее.

- Для тебя, - заметил я. - А мы бы остались далеко позади, и ты бы нас никогда не увидела. Ты этого хотела?

Она подошла ко мне совсем близко и погладила шершавую ткань моего рукава, а потом прижалась ко мне, как ласковая кошечка. Крылья ее раскрылись, как две большие прозрачные паутинки, и я увидел сквозь них солнечный закат и размытые пятна волшебных вечерних огней. Я почувствовал сквозь ночь запах ее волос и обнял ее хрупкое, совсем мальчишеское тело.

Она сказала:

- Я хочу быть с тобой всегда, Наблюдатель. Всегда!

- Да, Эвлуэла.

- Мы будем счастливы в Раме?

- Мы будем счастливы, - сказал я, и она выскользнула из моих объятий.

- Мы пойдем в Рам сейчас?

- Думаю, нам надо подождать Гормона, - ответил я, покачав головой. - Он скоро вернется.

- Можно я еще полетаю, пока мы ждем? - спросила она.

- Конечно, полетай.

Я присел на корточки возле нашей тележки и начал греть руки у пульсирующего генератора, пока Эвлуэла готовилась к полету. Сначала она сняла одежды, потому что крылья у нее не очень сильные и ей тяжело поднимать лишний вес. Легко и ловко, словно кожицу, сняла она стекловидные пузырьки с миниатюрных своих ножек, сбросила малиновую курточку и мягкие меховые гетры. Гаснущий на западе свет дня бросал отблески на ее хрупкое тело. Как и все Воздухоплаватели, она была тонкой и легкой: маленькие бугорки ее грудей с плоскими сосками и такие узкие бедра, что когда она стояла, казалось, они были не шире десятка дюймов. Едва ли она весила больше килограммов сорока пяти. Глядя на нее, я как всегда ощущал себя огромным и отвратительным куском плоти, хотя я и не был таким уж тяжелым.

Она стояла у дороги, пригнув к земле колени и склонив голову, как полагалось по ритуалу Воздухоплавателей. Она стояла ко мне спиной. Ее нежные крылья затрепетали, словно в них вдохнули жизнь, поднялись и расправились, как плащ, подхваченный ветром. Я не мог понять, как такие крылья могли поднять даже столь хрупкое тело, как у Эвлуэлы. Они были похожи на крылья бабочки - с такими же прожилками, прозрачные, усыпанные черными, алыми и бирюзовыми пятнами. Они были прочно соединены с двумя подушечками мускулов под ее острыми лопатками, но мышцы ее грудной клетки совсем не были развиты, в отличие от многих летающих существ.

Я знаю, что Воздухоплаватели, чтобы подняться, использовали не только мышцы, в этом процессе есть свои таинства. И все же я, Наблюдатель, скептически относился ко всему этому.

Эвлуэла произнесла свое заклинание. Она встала и, поймав крыльями легкий ветерок, поднялась в воздух на несколько футов. Вот так несколько мгновений она парила в воздухе между небом и землей, пока крылья ее вдруг не забились. Ночь еще не наступила, а у Эвлуэлы были всего лишь ночные крылья. Днем она летать не могла, потому что огромное давление солнечного ветра швырнуло бы ее обратно на землю. Да и теперь, когда наступили сумерки, но еще не опустилась темнота, для нее было не лучшее время летать. Я увидел, как

в сумраке умирающего дня она устремилась к востоку. Она забила крыльями, помогая себе взмахами рук, ее заостренное личико выражало суровую сосредоточенность; тонкие губы шевелились, произнося заклинание ее союза. Она согнулась пополам и неожиданно распрямилась, будто выстрелив свое тело в воздух, головой вперед. И вот какое-то мгновение она парила горизонтально, глядя на землю, крылья ее бились, подхватывая воздух. Вверх, Эвлуэла, вверх!

И победив усилием воли слабый отблеск света уходящего дня, Эвлуэла все же взлетела.

Я вздохнул, сунул руки под мышки, чтобы согреться. Как же это так получалось, что я совсем окоченел, а девочка Эвлуэла радостно парила в небе совсем обнаженная?

Уже наступал двенадцатый час из двадцати, а значит пришло время Наблюдения. Я подошел к тележке, открыл ящики и подготовил приборы. Шкалы некоторых из них пожелтели и почти стерлись, люминисцентное покрытие стрелок индикаторов сошло; пятна морской воды, как реликвия времени, которую оставили пираты Земного Океана, изуродовали футляры приборов. Истертые от времени ручки и кнопки были мне послушны, пока я готовился к работе. Сначала нужно помолиться о том, чтобы во время Наблюдения у вас был ясный и проницательный ум; потом нужно добиться абсолютного единства с приборами; и только после этого нужно начинать сам процесс Наблюдения, поиска в звездных небесах врагов человека. Вот чему я был обучен и в чем состояло мое искусство. Я взялся за ручки и кнопки, выбросив из головы все лишнее, и приготовился слиться с моими приборами, стать их неотъемлемой частью.

Я еще только вошел в первую фазу Наблюдений, когда я услышал за спиной низкий, звучный голос:

- Ну, Наблюдатель, и как идут дела?

Я бессильно опустился на тележку. Испытываешь просто физическую боль, когда тебя так неожиданно отрывают от работы. Какое-то мгновение у меня было ощущение, что в мое сердце вонзились невидимые когти. Меня бросило в жар, я не мог сконцентрировать взгляд; у меня пересохло во рту. Как только я пришел в себя, я оторвался от приборов. Стараясь унять дрожь, я обернулся.

Это был Гормон, который тоже путешествовал с нами. Он стоял и ухмылялся. Его забавляло мое состояние, но я не мог сердиться на него. Разве можно сердиться на того, кто вообще не входил ни в один союз?

Усилием воли я заставил себя произнести:

- Ну, и как, ты полезно провел время?

- Еще как. А где Эвлуэла?

Я показал наверх, и Гормон кивнул.

- Ну, и что же ты обнаружил?

- Этот город определенно Рам.

- В этом никто и не сомневался.

- А я сомневался. Теперь у меня есть доказательства.

- Да?

- В сумке. Смотри!

Он вытащил из туники сумку, сел возле меня на землю и открыл ее. Тихо что-то приговаривая, он начал вытаскивать из нее что-то тяжелое, из белого камня. Теперь я видел, что это была колонна с каннелюрами, покрытая щербинами от времени.

- Из храма Величественного Рама! - воскликнул Гормон.

- Этого не следовало делать.

- Подожди! - он опять полез в сумку.

Он достал оттуда пригоршню круглых металлических пластинок, и они со звоном упали к моим ногам.

- Монеты! Деньги! Посмотри, Наблюдатель! Лица Цезарей!

- Кого?

- Древних правителей. Разве ты не знаешь историю прежних циклов?

Я с любопытством взглянул на него.

- У меня еще кое-что найдется, - сказал Гормон. Сумка его, казалось, была бездонной. Наверное, в ее сморщенный зев можно было бы затолкать весь мир, а размером она все равно была бы с ладонь. Гормон вытащил из нее какие-то детали от машин, свертки, странный геометрический предмет из коричневого металла, который, возможно, когда-то был орудием труда; три квадратика из сверкающего стекла, пять листков бумаги - бумаги! - и еще множество всякой всячины, реликвий времен античности.

- Вот видишь? Неплохой урожай, а, Наблюдатель? И это все не обычные трофеи, подобранные где попало. Все зарегистрировано, на каждом ярлык, примерный возраст, общественная формация, при которой он появился на свет. Здесь тысячелетняя история Рама.

- Следовало ли все это брать? - засомневался я.

- Меня интересует прошлое, Наблюдатель. И хоть я и не вхожу ни в какой союз, но у меня есть свои научные интересы.

Что здесь плохого? Разве у уродов не может быть тяги к знаниям?

- Да, конечно, может быть. Делай, как знаешь. реализуй себя, как тебе хочется. Это Рам. На рассвете мы войдем в него, и я надеюсь, что мы найдем там работу.

- Это может оказаться трудным делом.

- Почему же?

- В Раме слишком много Наблюдателей сейчас, я это точно знаю. Твои услуги там не нужны.

- Я постараюсь добиться благосклонности Принца Рама, - ответил я.

- Принц Рама - очень тяжелый, холодный и жестокий человек.

- Ты что-нибудь знаешь о нем?

Гормон пожал плечами.

- Да так, кое-что. - Он начал складывать свои экспонаты обратно в сумку. - Но все равно, попытаться тебе надо, Наблюдатель. Разве у тебя есть выбор?

- Никакого, - ответил я, и Гормон засмеялся, а мне было не до смеха.

Он занялся своей добычей из прошлого. А я почувствовал, что меня глубоко задели его слова. Он казался таким уверенным в себе в этом зыбком мире, это бессоюзное чудовище, этот человек в нечеловеческом образе. Как ему удавалось быть таким хладнокровным, таким непринужденным? Он жил, не заботясь о том, что может надвинуться катастрофа, и насмехался над теми, кто этого боялся. Уже девять дней прошло с тех пор, как мы встретили Гормона на берегу моря в древнем городе, который раскинулся у подножия потухшего вулкана, и с тех пор путешествовали вместе. Я не предлагал ему присоединиться к нам; он сам как-то к нам пристроился, и я уступил просьбам Эвлуэлы. В это время года на дорогах холодно и темно, полно всякого опасного зверья, и конечно, старик, путешествующий с девушкой, должен был подумать о том, что вполне разумно иметь рядом такого мускулистого защитника, как Гормон. Но все же бывали моменты, когда я жалел, что это произошло, и сейчас как раз был один из таких моментов.

Я медленно побрел назад к своим приборам.

- Скажи мне, - сказал он. - Когда враги Земли действительно придут сюда со своих звезд, твои приборы предупредят нас об этом?

- Надеюсь, что да.

- А потом?

- Потом я предупрежу Защитников.

- И после этого дело твоей жизни закончится?

- Возможно, - сказал я.

- Но почему же у вас целый союз? Почему бы не иметь один научный центр, откуда и проводить Наблюдение? Зачем нужен целый сонм странствующих Наблюдателей, которые переходят с места на место?

- Чем больше векторов, по которым мы ведем Наблюдение, тем большая вероятность того, что мы раньше обнаружили нападение.

- Тогда получается, что один Наблюдатель может включить свои машины и не заметить, что завоеватели уже здесь?

- Это может случиться. Поэтому нас так много.

- Мне иногда кажется, что ты впадаешь в крайности. - Гормон засмеялся. - Ты действительно веришь в то, что нас вот-вот ожидает вторжение?

- Да, - ответил я сухо. - Иначе моя жизнь прошла напрасно.

- А зачем людям с других звезд нужна Земля? Что у нас здесь есть такого, кроме останков прежних империй? Что они будут делать с жалким Рамом? С Парришем? С Иорсалемом? Загнивающие города! Кретины вместо принцев! Ну, Наблюдатель, признайся: вторжение - это миф, а ты совершаешь бесполезные движения четыре раза в день, а?

- Это мое ремесло, мое дело - Наблюдать. А твое - глумиться. Каждому свое, Гормон.

- Прости меня, - сказал он с поддельным смирением. - Иди тогда и Наблюдай.

- Я так и сделаю.

Рассерженный вконец, я вернулся к своим приборам с твердым намерением не обращать внимания ни на какие вмешательства, какими бы грубыми они ни были. На небе появились звезды. Я пристально вглядывался в мерцающие созвездия, и мой мозг автоматически зафиксировал множество планет. "Будем Наблюдать, - подумал я. - Будем бодрствовать, не обращая внимания на насмешников".

И я начал Наблюдать.

Я ухватился за ручки и почувствовал, как через меня прошел импульс энергии. Я мысленно перенесся в черноту неба и начал поиск враждебных существ. Какой восторг! Какое невероятное великолепие! Я, который никогда не покидал эту маленькую планету, через черную пустоту пространства, скользил от одной горящей звезды к другой, видел планеты, вра-

щающиеся с огромной скоростью. На меня смотрели лица совсем без глаз и со множеством глаз, вся многонаселенная галактика была где-то здесь, со мною рядом. Я пытался обнаружить то место, где могли сконцентрироваться вражеские силы. Я искал военные лагеря и полигоны. Как и всю сознательную жизнь, я искал обещанных нам завоевателей, которым судьбой было предначертано захватить нашу истерзанную планету.

Я ничего не обнаружил, а когда уже вышел из состояния транса, опустошенный и покрытый испариной, я увидел, как спускается Эвлуэла.

Она приземлилась, легкая как перышко. Гормон позвал ее, и она побежала к нему, ее маленькие груди подрагивали, и вот он уже обхватил ее своими огромными руками. Объятия их были радостными, но бесстрастными.

- Рам, - выдохнула она. - Рам!

- Ты видела его?

- Я видела все! Тысячи людей! Огни! Бульвары! Рынок! Разрушенные здания, которым уже много тысячелетий. О, Наблюдатель, как прекрасен Рам!

- У тебя был замечательный полет, - сказал я.

- Просто чудо!

- Завтра мы отправимся в путь и устроимся в Раме.

- Нет, Наблюдатель, сегодня вечером, сегодня вечером! - Она горела молодым порывом, лицо ее расцвело от волнения. - Нам ведь осталось пройти совсем немного! Посмотри вот он!

- Сначала нам нужно отдохнуть, - сказал я. - Нам нельзя войти в Рам обессиленными.

- Но мы можем отдохнуть, когда мы туда доберемся, - сказала Эвлуэла. - Пошли! Собирайся! Ты ведь закончил Наблюдение, да?

- Да, да.

- Тогда пошли. В Рам! В Рам!

Я с мольбой посмотрел на Гормона. Уже опустилась ночь. надо было разбить лагерь и хоть несколько часов поспать.

Неожиданно Гормон поддержал меня. Он сказал Эвлуэле:

- Наблюдатель прав. Нам всем нужно отдохнуть. Отправимся в Рам на рассвете.

Эвлуэла надулась. Сейчас, больше чем обычно, она была похожа на ребенка. Крылья ее опустились, а тело как-то обмякло. Она демонстративно сложила крылья, и они превратились в два маленьких бугорка на ее спине размером не боль-

ше, чем маленькие кулачки. Она подобрала одежду, которую раскидала на дороге. Пока мы разбивали лагерь, она одевалась. Я раздал питательные таблетки, и мы забрались в наши убежища. Я забылся беспокойным сном. Мне снилась Эвлуэла, выделывающая замысловатые пируэты на фоне потрескавшейся луны, и Гормон, который летел рядом с ней. Я поднялся за два часа до рассвета и провел свое первое Наблюдение в этот едва родившийся день, пока они еще спали. Потом я разбудил их, и мы отправились к легендарному царственному городу, к Раму.

2

Утренний свет был таким ярким, ослепительным, будто рождался новый мир. Дорога была совершенно пустынной. люди не очень-то много путешествовали в наши дни, если только они не были скитальцами вроде меня и других Наблюдателей, у которых это вошло в привычку или стало ремеслом. Иногда мы останавливались и отступали в сторону, чтобы пропустить колесницу какого-нибудь члена союза Магистров, которую мчали с десяток ньютеров, запряженных один за другим. За первые два часа пути мимо нас пронеслись четыре колесницы, каждая была наглухо закрыта, чтобы надежно укрыть горделивые черты Магистра от таких простолюдинов, как мы. Еще мимо нас проскочили четыре продуктовые повозки. А в общем-то мы были на дороге одни.

На окраинах Рама многое напоминало об античных временах: колонны, остатки акведуков, ведущих в никуда, порталы исчезнувших храмов. Здесь мы увидели самый древний Рам, но мы нашли и наслоения более поздних времен: хижины крестьян, купола насосных систем, зияющие пустоты башен. Иногда мы натыкались на обгоревшие корпуса древних летательных аппаратов. Гормон все внимательно осматривал, время от времени подбирая что-то с земли. А Эвлуэла смотрела вокруг широко открытыми глазами и молчала. Вот так мы и продолжали наш путь, пока перед нами не выросли стены Рама.

Они были построены из голубого камня с блестящей поверхностью, очень аккуратно уложенного, и поднимались стены на огромную высоту - наверное в рост восьми человек. Наш путь в город лежал через арку, ворота были открыты. Когда мы подошли, от них отделилась человеческая фигура и двинулась к нам. Человек этот был в капюшоне, маске и огром-

ного роста, на нем было темное одеяние союза Пилигримов. К такому человеку сами не подходят, но если он подзовет вас, то вы не можете пройти мимо. Пилигрим подозвал нас.

Через особую разговорную решетку он спросил:

- Откуда?

- С юга. Какое-то время я жил в Эгапте. А потом перебрался в Талию, - ответил я.

- Куда идете?

- Пока в Рам.

- Как идет Наблюдение?

- Как обычно.

- У вас есть где остановиться в Раме?

Я покачал головой:

- Мы надеемся на добрую волю Провидения.

- У Провидения не всегда добрая воля, - сказал Пилигрим отсутствующим голосом. - И потом в Раме хватает Наблюдателей. Почему ты путешествуешь с Воздухоплавательницей?

- Так веселее. И потом она еще очень молода, и ей нужна защита.

- А кто второй?

- Он бессоюзный, Мутант.

- Теперь я вижу. А почему он с тобой?

- Он молодой и сильный, а я стар, вот мы и путешествуем вместе. А куда ты направляешься, Пилигрим?

- В Иорсалем. Куда еще могут направляться Пилигримы?

В ответ я лишь пожал плечами.

Пилигрим предложил:

- Почему бы тебе не пойти в Иорсалем со мной?

- Мой путь сейчас лежит на север. А Иорсалем на юге, рядом с Эгаптом.

- Ты был в Эгапте и не был в Иорсалеме? - спросил он озадаченно.

- Да. Тогда для меня еще не пришло время увидеть Иорсалем.

- Пошли сейчас. Мы будем идти вместе, Наблюдатель, и разговаривать о временах ушедших и грядущих, я помогу тебе проводить Наблюдения, а ты поможешь мне общаться с Провидением. Ну, как, согласен?

Это было очень заманчиво. Перед моими глазами возник образ Золотого Иорсалема, священные здания и храмы, центр возрождения, где старики становились молодыми, шпили и башни.

В этот момент мне захотелось уйти из Рама и отправиться с Пилигримом в Иорсалем, хотя я обычно своих решений не меняю.

Я сказал:

- А мои попутчики...

- Оставь их. Мне запрещено путешествовать с бессоюзными, и я не хочу странствовать с женщиной. Ты и я отправимся в Иорсалем вдвоем.

Эвлуэла, которая стояла рядом со мной и, нахмурившись, слушала эту беседу, бросила вдруг на меня взгляд, полный ужаса.

- Я не брошу их, - сказал я.

- Тогда я пойду в Иорсалем один, - сказал Пилигрим. Он протянул мне из-под плаща худощавую руку с длинными, белыми и твердыми пальцами. Я почтительно дотронулся до их кончиков и Пилигрим сказал:

- Да хранит тебя Господь, Наблюдатель. Когда ты доберешься до Иорсалема, разыщи меня.

И не говоря больше ни слова, он побрел по дороге.

Гормон сказал, обращаясь ко мне:

- Ты бы хотел пойти с ним, ведь правда?

- Я подумал об этом.

- А что есть такого в Иорсалеме, чего нет здесь? Священный город? Но ведь и Рам тоже священный. И потом здесь ты сможешь хоть немного отдохнуть. Ты не в форме, и тебе будет трудно опять пуститься в дорогу.

- Возможно, ты и прав, - согласился я, и из последних сил побрел к воротам, ведущим в Рам.

Чьи-то внимательные глаза смотрели на нас через отверстие в стене. Когда мы уже проходили через середину ворот, толстый Часовой с рябым лицом и отвисшей челюстью остановил нас и спросил, зачем мы идем в Рам. Я объяснил, к какому союзу я принадлежу и зачем направляюсь в Рам, и он презрительно фыркнул.

- Отправляйся в какое-нибудь другое место, Наблюдатель. Нам здесь нужны только полезные люди.

- Наблюдение - это нужная работа, - сказал я.

- Конечно, конечно. - Он взглянул на Эвлуэлу. - А это кто? Ведь Наблюдатели дают обед безбрачия, так ведь?

- Она всего лишь моя попутчица.

Часовой грубо захохотал.

- Готов спорить, что ты-то в этих местах странствуешь частенько, чего не скажешь о ней. Сколько ей? Тринадцать,

четырнадцать? Подойди сюда, детка. Проверю, нет ли у тебя контрабанды.

Он быстро обшарил ее руками, взгляд его напрягся, когда он нащупал ее грудь, и брови удивленно поднялись, когда он натолкнулся на два холмика ее крыльев под лопатками.

- А это что такое? Что это? И сзади больше, чем спереди! Ты что, Воздухоплавательница? Грязная это история - Воздухоплавательница спит со стариком. - Он ухмыльнулся и опять опустил руки на Эвлуэлу, но так, что Гормон, объятый гневом, рванулся вперед, а в его огненных глазах мелькнуло желание убить.

Я вовремя остановил его, схватив за руку, и потянул назад из всех моих сил, опасаясь, как бы он не разрушил все наши надежды, напав на Часового. Он почти перевернул меня. А потом успокоился и холодным взглядом наблюдал, как толстяк заканчивает проверку Эвлуэлы "на контрабанду".

А тем временем раздосадованный Часовой повернулся к Гормону:

- Ну, а ты что за птица?

- Бессоюзный, ваша милость, - резко ответил Гормон. - Бедный и никудышный продукт тератогенеза и тем не менее свободный человек, который хочет войти в Рам.

- А нам что, нужны уроды?

- Я мало ем и много работаю.

- Ты бы работал еще больше, если бы был ньютером, - сказал Часовой.

Гормон посмотрел на него:

- Можно нам войти?

- Минуту. - Часовой натянул шлем мыслепередачи и прикрыл глаза, пока передавал сообщение в отсек памяти. Лицо его напряглось от усилия, потом мышцы расслабились и несколько мгновений спустя он получил ответ. Нам ничего не было слышно, но у него был такой разочарованный вид, что стало ясно: причин, по которым нам можно было бы отказать, не нашлось.

- Входите, - сказал он. - Все трое. Быстро!

Мы прошли ворота.

Гормон сказал:

- Я чуть не разорвал его пополам.

- И к исходу дня из тебя бы сделали ньютера. Немного терпения, и мы войдем в Рам.

- Но он так обращался с ней!

- Ты как-то очень уж откровенно предъявляешь права на Эвлуэлу, - сказал я. - Помни, что она Воздухоплавательница и никто из бессоюзных не имеет права обладать ею.

Гормон пропустил мои слова мимо ушей.

- Она волнует меня не больше, чем тебя, Наблюдатель. Но мне больно смотреть, как с ней обращаются. Я бы убил его, если бы ты не схватил меня.

Эвлуэла спросила:

- А где мы остановимся теперь, когда мы уже вошли в Рам?

- Сначала я найду штаб-квартиру своего союза, - сказал я. - Я зарегистрируюсь в гостинице Наблюдателей. А потом мы поищем, где живут Воздухоплаватели, и там получим еду.

- А потом, - сухо сказал Гормон, - мы отправимся в Трущобы Мутантов и получим там полицейских.

- Мне жаль, что ты бессоюзный, - сказал я ему, - но думаю, тебе не стоит жалеть себя. Пошли.

Мы побрели от ворот вдоль извилистой улицы в Рам. Мы были на окраине города, там, где располагались приземистые, невысокие дома, увенчанные неподвижными нагромождениями защитных сооружений. За ними поднимались сияющие башни, которые мы видели с полей предыдущей ночью; останки древнего Рама, тщательно охраняемые и оберегаемые уже тысячу лет или даже больше; рядом раскинулся рынок, расположилась фабрика, поднимался купол центра связи, храмы Провидения, резервуары памяти, ночлежки, публичные дома, правительственные здания, штабы различных союзов.

На углу возле здания Второго Цикла, стены которого были отделаны каким-то резинообразным материалом, я увидел городской шлем мыслепередачи и водрузил его на голову. И сразу же мысли мои хлынули по каналу, пока не достигли интерфейса, откуда попали в мозг накопления информации резервуара памяти. Я проник в интерфейс и увидел складки мозга, который казался бледно-серым на темно-зеленом фоне черепа. Один Наблюдатель сказал мне, что когда-то, в давно прошедших циклах, люди создавали машины, которые думали за них, хотя машины эти были дьявольски дорогими и громоздкими и съедали огромное количество энергии. Это была не худшая из причуд наших предков. Но зачем было создавать искусственный мозг, когда смерть ежедневно высвобождает десятки превосходных естественных, которые можно использовать в резервуарах памяти? Может быть, им не хватало знаний, чтобы их использовать? Но в это мне было трудно поверить.

Я сообщил мозгу данные своего союза, спросил координаты нашей гостиницы, получил их в ту же секунду, и мы отправились в путь. Эвлуэла шла с одной стороны от меня, Гормон - с другой, а я, как всегда, катил тележку, в которой были сложены мои приборы.

Город был переполнен. Я не видел таких толп ни в сонном знойном Эгапте, ни в каком-нибудь другом месте за время моего долгого путешествия к северу. Через толпу протискивались с деловым видом Наблюдатели и мрачные Торговцы, мелькали носилки Правителей. Эвлуэла увидела и несколько Воздухоплавателей, но по законам своего союза не имела права приветствовать их, пока не прошла ритуал очищения. Я с горечью заметил, что многие Наблюдатели смотрели на меня презрительно и неприветливо. Еще я заметил, что в городе много Защитников и даже больше, чем надо, Продавцов, Слуг, Производителей, Писателей, Коммуникаторов и Транспортировщиков. Повсюду были ньютеры, которые молчаливо выполняли свою работу, и еще улицы просто заполнили инопланетяне, большинство из них, видимо, просто туристы, хотя были и бизнесмены, чтобы делать еще возможный бизнес с угрюмыми, обедневшими землянами. Я заметил много Мутантов, которые, крадучись и прихрамывая, пробирались через толпу, но ни у одного не было такой гордой осанки, как у Гормона, шедшего рядом со мной. Он был единственный в своем роде. Все остальные, кого я видел, были покрыты пятнами, волосы у них были какие-то пегие. Это были существа с асимметричными телами, у них либо не было каких-то конечностей, либо этих конечностей было слишком много, либо они были самым невероятным образом деформированы. Среди них мелькали заморыши и косоглазые, и какие-то юркие существа, и ползуны, и свистуны. Это были и воры-карманники, и те, кто перебрался сюда в надежде получить работу, и разносчики органов, и продавцы покаяния, и покупатели надежды, но ни один не держался с таким достоинством, как будто он считал себя настоящим человеком, как это делал Гормон.

Шлем мыслепередачи правильно указал нам дорогу, и меньше, чем через час ходьбы мы добрались до гостиницы Наблюдателей. Я оставил Гормона и Эвлуэлу на улице и вкатил свою тележку внутрь.

Наверное с десяток Наблюдателей расположились в холле. Я приветствовал их так, как принято в союзе, и они лениво

ответили на мое приветствие. Неужели это и были стражи, от которых зависела безопасность Земли? Простаки и слабаки!

- Где я могу зарегистрироваться? - спросил я.

- Новенький? Откуда?

- Последнее место, где я регистрировался, был Эгапт.

- Надо было там и остаться. Здесь Наблюдатели не нужны.

- Где я могу зарегистрироваться? - повторил я.

Щеголеватого вида юнец указал на экран в глубине большой комнаты. Я подошел к нему, прижал к нему пальцы, мне был задан вопрос, и я назвал свое имя, которое Наблюдатель может назвать только другому Наблюдателю и в пределах гостиницы. Распахнулось небольшое окошечко, и человек с отечными глазами, с эмблемой Наблюдателя на правой, а не на левой щеке, что говорило о его высоком положении в союзе, произнес мое имя и сказал:

- Лучше было не приходить в Рам. Нас здесь слишком много.

- И тем не менее мне нужны жилье и работа.

- Человек с вашим чувством юмора должен был бы родиться в союзе Клоунов, - сказал он.

- Я не вижу ничего смешного в том, что я сказал.

- По законам, принятым нашим союзом на последнем заседании, гостиница может не принимать новых постояльцев, если она переполнена. Наша гостиница переполнена. Прощайте, мой друг.

Я был ошеломлен:

- Я не знаю никаких таких законов! Это невероятно! Чтобы союз выставил из гостиницы одного из своих собратьев - когда он уже здесь и у него ломит от усталости ноги! Человек моего возраста, который добрался сюда в Рам из Эгапта, у которого здесь нет знакомых, который голоден...

- Почему вы сначала не прошли у нас проверку?

- Я не имел понятия, что в этом будет необходимость. Да уничтожит Провидение эти ваши новые законы! - закричал я. - Я требую приюта! Выставить того, кто вел Наблюдение еще до того, как ты родился...

- Полегче, брат, полегче...

- Но ведь у вас наверняка найдется для меня угол, где я могу поспать и хоть немного поесть...

И даже когда мои пустые угрозы сменились мольбой, безразличие на его лице сменилось всего лишь пренебрежением.

- У нас нет места. У нас нет пищи. Для нашего союза, знаете ли, наступили тяжелые времена. Поговаривают, что

нас и вовсе распустят как непозволительную роскошь, потому что мы только истощаем ресурсы. У нас очень ограниченные возможности. Из-за того, что Раме слишком много Наблюдателей, мы получаем теперь немного и должны признаться, что будем получать еще меньше.

- Но куда же я пойду? Что я буду делать?

- Я советую вам, - сказал он мягко, - просить милости Принца Рама.

3

Когда, уже на улице, я рассказал все Гормону, он просто скорчился от смеха и хохотал так неистово, что борозды на его впалых щеках стали похожи на кровавые полосы.

- Милость Принца Рама! - повторял он. - Милость Принца Рама!..

- Но ведь всегда, когда кто-то попадет в беду, он обращается за помощью к местному правителю, - холодно произнес я.

- Принц Рама не знает жалости, - ответил Гормон. - Принц Рама накормит тебя твоими же конечностями, чтобы ты не испытывал такое сильное чувство голода!

- Может быть, - вмешалась Эвлуэла, - мы попытаемся найти Дом Воздухоплавателей? Там нас накормят.

- Но не Гормона, - сказал я. - А у нас есть друг перед другом обязательства.

- Но мы бы могли вынести ему еду, - сказала она.

- Я предпочитаю сначала посетить двор, - настаивал я. - давайте получим статус. А потом будем решать, как и что нам делать.

Она уступила, и мы отправились к дворцу Принца Рама, массивному зданию, перед которым раскинулась огромная площадь, окруженная колоннами. Он располагался на отдаленном берегу реки, которая разрезала город пополам. На площади к нам стали приставать нищие, некоторые из них не были даже уроженцами Земли. Что-то со свисающими словно веревки завитками и лицом, на котором совсем не было носа, кинулось на меня и вцепилось с требованием милостыни, и не отпускало, пока Гормон не оторвал это от меня. Всего через несколько мгновений, второе существо, не менее странное, у котрого кожа была покрыта светящимися лунками, а конечности просто усыпаны глазами, схватило меня за колени и тоже стало требовать милостыню.

- Я только бедный Наблюдатель, - сказал я, показывая на свою тележку, - я и сам пришел сюда за милосердием.

Но существо настаивало монотонным голосом, и в конце концов я, к величайшему неудовольствию Гормона, бросил несколько пищевых таблеток в сумку на его груди. Затем мы протиснулись к дверям, ведущим во дворец. У портика нашим глазам предстала еще более ужасная картина: искалеченный Воздухоплаватель с вывихнутыми конечностями. Одно крыло у него было наполовину сложено и надорвано, а второго не было и вовсе. Воздухоплаватель бросился к Эвлуэле, назвал ее чужим именем и полил ее гетры такими обильными слезами, что мех их слипся и покрылся пятнами.

- Помогите мне получить пристанище, - умолял он. - Они выставили меня, потому что я калека, но если вы попросите за меня...

Эвлуэла объяснила ему, что она не в силах была это сделать, что она сама была здесь чужой. Но покалеченный Воздухоплаватель так вцепился в нее, что Гормону пришлось по возможности осторожно и деликатно приподнять его как связку сухих костей и поставить в сторону. Только мы вступили под свод портика, как перед нами выросла троица ньютеров с кроткими лицами, которые спросили нас, зачем мы пришли, и быстро пропустили к следующему барьеру, где царствовали два худых и морщинистых Указателя. Они хором задали нам тот же вопрос.

- Нам нужна аудиенция, - ответил я. - Мы хотим попросить о милосердии.

- Это можно будет сделать только через четыре дня, в день аудиенции, - ответил тот из них, что был справа. - Мы занесем ваши имена в списки.

- Но нам негде спать! - взорвалась Эвлуэла. - Мы голодны! Мы...

Я остановил ее. А Гормон тем временем рылся в своей сумке. В его руках что-то сверкнуло - монеты из золота, вечного металла, монеты, на которых были вычеканены бородатые лица с крючковатыми носами. Он нашел их, когда копался в руинах. Он кинул одну монету тому Указателю, который отказал нам. Тот поймал монету в воздухе, потер ее сияющую поверхность большим пальцем, и она вдруг исчезла в складках его одежды. Второй Указатель выжидательно смотрел на нас. Гормон кинул монету и ему.

- Может быть, - сказал я, - можно назначить специальную аудиенцию, вне этого порядка.

- Ну что ж, это не исключено, - сказал один из Указателей. - Проходите.

И вот мы уже вступили в центральный неф дворца и стояли под сводами в огромном гулком пространстве, глядя вдоль центрального прохода вглубь, на скрытый ширмами полукруглый тронный зал.

Здесь было еще больше просителей - были и те, кто имел на это право, обладая наследственной концессией, были и толпы Пилигримов, Информаторов, Летописцев, Музыкантов, Писателей и Указателей. Был слышен гул молитвы: стоял ароматный запах фимиама; я ощущал вибрацию подземных гонгов. Гормон сказал мне, что в прошедших циклах это здание было храмом древних религий, которые исповедывали учение Христия. У меня еще раз возникло подозрение, что Гормон - Летописец, который скрывается под видом Мутанта. А здание действительно сохранило какой-то священный дух, хотя сейчас в нем заседало светское правительство. Но что же нам нужно сделать, чтобы встретиться с Принцем? Слева от себя я увидел маленькую богато украшенную часовенку, в которую протянулась цепочка процветающих на вид Торговцев и Землевладельцев. Заглянув вглубь, я увидел три черепа, закрепленных у приспособлений для опроса, - это было входное устройство резервуара памяти, а возле них стоял дородный Секретарь. Бросив на ходу Гормону и Эвлуэле, чтобы они подождали меня, я встал в конец очереди.

Она двигалась очень медленно, и прошло около часа, прежде чем я подошел к приспособлениям для опроса. Черепа безмолвно светились, а внутри этой герметически закрытой емкости булькали и пузырились питательные жидкости, которые поддерживали деятельность умершего, но все же дееспособного мозга, миллиарды хромосомных ячеек которого служили теперь незаменимыми мнемотическими устройствами. Секретарь, казалось, был изумлен, когда заметил в этой очереди Наблюдателя, но перед тем, как он успел выгнать меня, я выпалил:

- Я пришел как чужестранец просить милосердия Принца. Мне и моим спутникам негде спать. Меня выгнал мой собственный союз. Что мне делать? Как я могу получить аудиенцию?

- Приходите снова через четыре дня.

- Но мне пришлось ночевать у дорог гораздо дольше. Сейчас мне необходим хороший отдых.

- Городская гостиница...

- Но я член союза! - запротестовал я. - Городская гостиница не примет меня, пока существует гостиница моего союза, а мой союз отказывает мне из-за того, что существуют какие-то новые правила - вы понимаете, в каком я безвыходном положении?

Усталым и безразличным голосом Секретарь произнес:

- Вы можете оставить просьбу о специальной аудиенции. Вам откажут, но обратиться с такой просьбой вы имеете право.

- Где?

- Здесь. Изложите причины.

Стоя перед черепами, я назвал свое имя и профессию, а также назвал имена и статус моих спутников и объяснил, в чем состояла моя просьба. Вся эта информация была принята и передана в различные отделы мозга, установленного где-то в центре города, и когда процедура была окончена, Секретарь сказал мне:

- Если ваша просьба будет принята, вас уведомят.

- А где мне остановиться на это время?

- Я думаю, где-нибудь неподалеку от дворца.

Я все понял. Мне разрешили присоединиться к легиону несчастных, забивших площадь. Сколько из них просили особой благосклонности Принца и все еще были там, уже месяцы или годы, ожидая, когда же их удостоят Великой Чести? Сколько времени спали они на камнях, выпрашивали крохи еды и жили глупой надеждой?

Но я уже исчерпал все свои доводы. Я вернулся к Гормону и Эвлуэле и рассказал им обо всем, что произошло, и предложил попробовать найти хоть какое-нибудь пристанище. Гормона, который был бессоюзным, примут в любой убогой городской гостинице, которые открыли специально для таких, как он. Эвлуэла, может быть, устроится в доме для Воздухоплавателей. И только мне придется спать на улице - уже в который раз. И все же я надеялся, что нам не придется расстаться. Я уже воспринимал нас троих как семью, хотя для Наблюдателя такие мысли могли показаться и странными.

Когда мы двинулись к выходу, мой хронометр тихо просигналил, что опять подошло время Наблюдения. Это была моя обязанность и моя привилегия проводить Наблюдения, когда наступал мой час, где бы я ни был, независимо от обстоятельств. Поэтому я остановился, открыл свои ящики на тележке, подготовил к работе приборы. Гормон и Эвлуэла стояли рядом со мной. Я заметил ухмылку и откровенно издевательские усмешки на лицах тех, кто входил во дворец и

выходил из него. Наблюдение не считалось очень престижным делом, потому что мы вели Наблюдения уже давно, а обещанный враг так и не появился. И все же свой долг нужно выполнять, каким бы забавным это кому-то ни казалось. То, что для одних лишь пустой ритуал, для других - дело жизни. И я все же заставил себя войти в транс, в состояние Наблюдения. Окружающий мир отдалился от меня, и я погрузился в небеса. Меня уже поглотило знакомое чувство восторга, и я осматривал знакомые места и незнакомые, и мое усиленное сознание перескакивало через галактики огромными бросками. Не собиралась ли где-нибудь армада? Не готовились ли где-то войска для завоевания Земли? Четыре раза в день я Наблюдал, и то же самое делали другие члены моего союза, каждый чуть позже или чуть раньше, так, что ни одно мгновение не проходило без неусыпного внимания бдительного мозга. И я не думаю, чтобы это было глупо.

Когда я вышел из транса, пронзительный голос кричал:

- ...Принцу Рама! Дорогу Принцу Рама!

Я бессмысленно моргнул, у меня перехватило дыхание, но я постарался стряхнуть остатки сосредоточенности. Из дворца появились золоченые носилки, которые несли несколько ньютеров, и вся эта процессия по центральному проходу направилась прямо ко мне. Четверо мужчин в элегантных костюмах и богато украшенных масках Магистров разбрасывали в стороны мусор, а перед ними вышагивало трио Мутантов, приземистых и широкоплечих, голоса их имитировали звуки, которые издавали лягушки-быки. Это были звуки, похожие на победный звук трубы. Больше всего меня поразило то, что у Принца на службе были Мутанты, пусть даже и такие одаренные, как эти.

Моя тележка стояла как раз на пути этой процессии, и я начал суетливо собирать свои приборы и старался успеть закрыть тележку, чтобы сдвинуть ее в сторону до того момента, когда процессия просто подомнет меня. Но, видимо, возраст и страх сделали свое дело, пальцы мои дрожали, и я не мог все как следует закрыть. Мои движения становились все более неуклюжими, а процессия с важно выступающими Мутантами подошла настолько близко, что звук их голосов стал просто оглушающим. Гормон попытался помочь мне, чем вывел меня из себя, и я вынужден был зашикать на него: ведь помогать мне и дотрагиваться до моего оборудования могут только члены моего союза. Я оттолкнул его; мгновение спустя

первый из ньютеров уже стоял надо мной и приготовился выбить меня с места ударом своего сияющего хлыста.

- Бога ради! - воскликнул я. - Я Наблюдатель!

И вдруг резким контрастом зазвучал глубокий, спокойный голос, который произнес совершенно неожиданный приказ:

- Оставьте его. Он Наблюдатель.

Наступила мертвая тишина. Заговорил Принц Рама.

Ньютеры попятились назад. Мутанты остановили свою музыку. Те, кто несли паланкин, опустили его на землю. Все те, кто стоял в центральном проходе дворца, попятились назад - все, кроме Гормона и Эвлуэлы. Блестящие кольца занавески паланкина раздвинулись. Двое из Правителей бросились вперед и просунули руки через звуковой барьер, предлагая монарху свою помощь. Барьер исчез, издав всхлипывающий звук.

Появился Принц Рама.

Он был совсем юным! Совсем мальчишка с густыми и темными волосами и гладким лицом. Но рожден он был для того, чтобы править, и несмотря на молодость, в нем чувствовался повелитель, как ни в ком другом, кого я когда-либо видел. Его тонкие губы были плотно сжаты. Резко очерченный огромный нос придавал ему еще более агрессивный вид, его глубоко посаженные холодные глаза были похожи на два бездонных озера. На нем были украшенные драгоценными камнями одежды Правителей, но на его щеке был вырезан Крест Защитников, пересеченный двумя линиями, а вокруг шеи была повязана темная шаль, какие носили Летописцы. Правитель мог состоять в стольких союзах, в скольких он хотел, и было бы странно, если бы Правитель не был Защитником. Но испугало меня то, что он был еще и Летописцем. Это было совсем необычным для власть предержащих.

Он посмотрел на меня с некоторым интересом и сказал:

- Ты выбрал странное место для того, чтобы проводить Наблюдение, старик.

- Это время выбрало место, повелитель, - ответил я. - Я находился здесь и обязан был выполнить свой долг. Я никак не мог знать, что вы появитесь здесь.

- Ну и что, обнаружил ты врагов во время Наблюдения?

- Нет, повелитель.

Я уже собирался было воспользоваться этим счастливым случаем - неожиданным появлением Принца - чтобы обратиться к нему за помощью, но его интерес ко мне угас, как угасает догоревшая свеча, и я не осмелился обратиться к нему, когда он уже отвернулся от меня. Долгое мгновение, на-

хмурившись и теребя подбородок, он смотрел на Гормона. И тут он перевел взгляд на Эвлуэлу. Глаза его засияли. Перестали играть мускулы на лице. Ноздри слегка раздулись.

- Подойди сюда, маленькая Воздухоплавательница, - он подозвал ее кивком головы. - Ты друг Наблюдателя?

Охваченная ужасом, она кивнула.

Принц протянул к ней руку и сжал пальцы; она плавно подлетела к паланкину. С усмешкой, такой злой, что она показалась просто пародией на злобу, молодой Правитель втащил ее внутрь через занавеску. В то же мгновение Магистры восстановили звуковой барьер, но процессия не двинулась дальше. Я стоял, онемев от изумления. Гормон буквально оцепенел около меня, казалось, его мощное тело окаменело. Я откатил свою тележку в менее заметное место. Прошли долгие минуты. Придворные хранили молчание, рассеянно глядя в сторону от паланкина.

4

Но вот занавески опять открылись. Из паланкина, спотыкаясь, вышла Эвлуэла, лицо ее было белым, как полотно, глаза часто моргали. Она, казалось, была в каком-то оцепенении. По ее щекам струился пот. Она чуть не упала, один из ньютеров подхватил ее и опустил на пол. Крылья под ее курточкой слегка распрямились, отчего она казалась горбатой, а я понял, что она находится в крайне подавленном состоянии. Неровными, скользящими шажками она подошла к нам, дрожащая, молчаливая. Она только взглянула на меня и бросилась на широкую грудь Гормона.

Носильщики подняли паланкин. Принц Рама покинул свой дворец.

Когда он исчез из виду, Эвлуэла, заикаясь, хрипло произнесла:

- Принц разрешил нам поселиться в королевской гостинице.

Служащие гостиницы нам, конечно, не поверили.

Гости Принца обычно жили в королевской гостинице, пристроившейся с обратной стороны дворца в маленьком саду, в котором рос цветущий папоротник. Обычно в этой гостинице останавливались Магистры, изредка Правитель. Иногда какая-нибудь ниша доставалась Летописцу очень высокого ран-

га, который прибывал в Рам для проведения исследований. Бывало, что и высокопоставленный Защитник приезжал для осуществления стратегического планирования. Приютить в королевской гостинице Воздухоплавательницу казалось по меньшей мере странным. Было маловероятно, что сюда впустят Наблюдателя. Но даже само появление Мутанта или любого другого бессоюзного было просто немыслимо. Поэтому, когда мы появились в гостинице, первая реакция Слуг - добродушный смех над нашей шуткой - скоро сменилась раздражением и, наконец, презрением.

- Убирайтесь, - отрезали они. - Мерзавцы, чернь!

Эвлуэла сказала упавшим голосом:

- Но нам разрешил здесь поселиться сам Принц, и вы не имеете права нам отказать.

- Прочь! Прочь!

Один Слуга с неровными зубами достал дубинку, поражающую нервную систему, и стал угрожать ею Гормону, да еще и отпустил какую-то грязную шуточку по поводу того, что он бессоюзный. Гормон выбил у него дубинку из рук, и хотя почувствовал жалящую боль, ударил Слугу в живот так, что тот свернулся в три погибели и рухнул, причем его тут же начало рвать. В то же мгновение откуда-то изнутри появилась целая толпа ньютеров, которые бросились на Гормона. Он схватил еще одного Слугу и швырнул его прямо в середину этой толпы, сбив их с ног и превратив в клубок. Громкие крики и ругательства привлекли внимание седовласого Секретаря, который подковылял к двери и крикнул так, что все замолчали. Потом он выслушал нас.

- Это легко проверить, - сказал он, когда Эвлуэла рассказала всю историю. Слуге он презрительно бросил: - Пошлите мысль Указателям и быстро!

Через некоторое время ситуация прояснилась, и нас впустили. Нам дали отдельные, но смежные комнаты. Никогда раньше я не видел такой роскоши и, видимо, никогда больше не увижу. Комнаты были просторные, с высокими потолками. Войти в комнату можно было через раздвигающиеся двери, которые реагировали на ваш тепловой баланс - чтобы больше никто не мог войти. Свет можно было зажечь лишь кивком головы, потому что в плафонах, свисающих с потолка и в светильниках на стенах были остроконечные осколки света-исполнителя, который завезли к нам с планеты Яркой Звезды, а он был обучен выполнять такие команды. Окна открывались и закрывались, как только у вас возникла мысль об этом.

Когда вы не хотели, чтобы вас беспокоил дневной свет, окна зашторивали потоки квазичувствительного газа, завезенного с других планет, что было не просто красиво само по себе, но они еще и источали удивительные запахи по вашему желанию и вкусу. Комнаты были оснащены шлемами мыслепередачи, соединенными с основными отсеками памяти. Тут же были каналы, по которым вы могли вызвать Слуг, Секретарей, Указателей или Музыкантов, как вам того хотелось. Конечно, человек из такого скромного союза как мой, не будет беспокоить других людей вот таким образом, хотя бы просто потому, что не захочет столкнуться со взрывом негодования, да, собственно, я и не испытывал в них необходимости.

Я не спрашивал у Эвлуэлы, что же такое произошло в паланкине Принца, такое, благодаря чему мы были так щедро награждены. Я, конечно, догадывался, так же, как и Гормон, чья едва сдерживаемая ярость выдала его безответную любовь к моей бледной хрупкой Воздухоплавательнице.

Мы поселились в гостинице. Я поставил свою тележку перед окном, обернул ее металлической сеткой и оставил там. У меня все было готово для следующего Наблюдения. Я смыл с тела грязь, а успокоители, вмонтированные в стены, помогли мне вновь обрести состояние покоя. Позже я поел. А потом пришла Эвлуэла, свежая и отдохнувшая, и мы сидели в моей комнате, разговаривали обо всем, что с нами произошло. Гормон не появлялся очень долго. Я даже было подумал, что он и вовсе покинул эту гостиницу, потому что она была слишком изысканной для него, и отправился искать более подходящую компанию таких же бессоюзных, как он. Но когда опустились сумерки и мы с Эвлуэлой вышли в уединенный дворик гостиницы и взобрались на пандус, чтобы посмотреть, как появляются звезды в ночном небе Рама, мы увидели там Гормона. С ним был долговязый и изможденный человек в шали Летописца. Они тихо о чем-то разговаривали.

Гормон кивнул мне и сказал:

- Наблюдатель, познакомься с моим другом.

Изможденный человек поправил шаль.

- Я - Летописец Бэзил, - представился он голосом, тонким, как слой фрески, который счистили со стены. - Я пришел из Парриша, чтобы углубиться в изучение тайн Рама. Я проведу здесь много лет.

- У Летописца есть что рассказать, - сказал Гормон. - Он занимает высокое положение в союзе. Как раз когда вы подходили, он рассказывал мне о том, как раскрываются тайны

прошлого, как можно проникать в него. Они прорывают ров сквозь залежи слоев Третьего Цикла, вы понимаете? И потом с помощью вакуумного сердечника поднимают молекулы земли и обнажают древние слои.

- Мы обнаружили, - сказал Бэзил, - катакомбы Великого Рама и камни периода Больших Перемен, книги, написанные на серебристой поверхности белого металла, пожалуй, в конце Второго Цикла. Все это будет отправлено в Парриш для проверки, классификации и расшифровки; затем все вернется назад. Тебя интересует прошлое, Наблюдатель?

- В определенной степени. - Я улыбнулся. - Мутант гораздо больше интересуется всем этим. Я даже иногда сомневаюсь, Мутант ли он. Ты не узнаешь в нем Летописца, который просто неплохо маскируется?

Бэзил внимательно посмотрел на Гормона; он задержал взгляд на его причудливых чертах, на его сильном, даже пожалуй слишком мускулистом теле.

- Нет, он не Летописец, - сказал он через некоторое время. - Но я согласен, что он действительно интересуется прошлым. Он задал мне много очень глубоких вопросов.

- Например?

- Он хочет знать, каким образом появились союзы. Он хочет знать имя хирурга-генетика, который создал первых Воздухоплавателей. Ему интересно знать, почему существуют Измененные и действительно ли они прокляты Богом.

- И ты можешь ответить на все эти вопросы? - спросил я.

- На некоторые, - сказал Бэзил. - Только на некоторые.

- А как же появились союзы?

- Причина их появления в том, что общество, которое испытало поражение и разрушение, восстановило структуру - структуру со смыслом, - сказал Летописец. - В конце Второго Цикла все постоянно изменялось. Ни один человек не осознавал ни своего положения в обществе, ни своего назначения. В наш мир попали надменные инопланетяне, которые смотрели на нас, как на бесполезные существа! Было необходимо установить жесткие рамки компетенции, благодаря которым каждый человек мог бы осознать свою ценность по сравнению с другим. Так появились первые союзы: Правители, Магистры, Торговцы, Землевладельцы, Продавцы и Слуги. Затем появились Писатели, Музыканты, Клоуны и Транспортировщики. Потом появилась необходимость в Указателях, а уж потом в Наблюдателях и Защитниках. Когда же годы Магии дали нам

Воздухоплавателей и Мутантов, именно тогда добавились эти союзы, потом появились бессоюзные, потом ньютеры, так что...

- Но ведь у Мутантов нет своего союза! - сказала Эвлуэла.

Летописец впервые взглянул на нее:

- Кто ты, дитя мое?

- Эвлуэла, Воздухоплавательница. Я странствую вместе с Наблюдателем и этим Мутантом.

Бэзил сказал:

- Я уже говорил Мутанту, что когда-то у них был союз. Этот союз был распущен тысячу лет назад по приказу Совета Правителей после того, как сомнительная фракция Мутантов попыталась взять под свой контроль священные места Иорсалема, и с тех пор Мутанты лишились своего союза и ниже их по положению стоят только ньютеры.

- Я этого не знал, - сказал я.

- Но ты не Летописец, - самодовольно заметил Бэзил. - Это наше ремесло - открывать прошлое.

- Да, верно.

Гормон спросил:

- А сегодня, сколько союзов существует сегодня?

Чувствуя себя немного не в своей тарелке, Бэзил ответил обтекаемо:

- По крайней мере сто, мой друг. Некоторые из них очень многочисленны, некоторые имеют лишь локальный статус. Меня интересуют лишь первые союзы. То, что произошло в последние несколько столетий - дело других. Затребовать для тебя информацию?

- Да нет, - сказал Гормон, - я ведь спрашивал так, от нечего делать.

- Ты очень любознателен, - сказал Летописец.

- Я просто считаю, что мир и все, что в нем существует, очень интересно. Разве это грех?

- Это странно, - ответил Бэзил. - Бессоюзные редко поднимаются выше своего уровня.

Появился Слуга. В том, как он склонился перед Эвлуэлой, сквозили одновременно и почтение и презрение:

- Принц вернулся. Он желает, чтобы вы пришли к нему во дворец. Прямо сейчас.

Ужас мелькнул в глазах Эвлуэлы. Но отказаться было невозможно.

- Мне идти с вами? - спросила она.

- Прошу вас. Вы должны одеться и привести себя в порядок. Он также желает, чтобы вы вошли к нему с раскрытыми крыльями.

Эвлуэла кивнула, и Слуга увел ее.

На какое-то время мы остались стоять на пандусе. Летописец Бэзил рассказывал о былых днях Рама, я слушал его, а Гормон вглядывался в сгущающуюся темноту. Неожиданно у Бэзила пересохло в горле, он извинился и торжественно удалился. Через несколько мгновений во дворике под нами отворилась дверь и появилась Эвлуэла, которая шла так, будто была из союза Сомнамбул, а не Воздухоплавателей. Сквозь прозрачные ткани просвечивало ее обнаженное хрупкое тело, которое казалось абсолютно белым в свете звезд. Ее крылья были расправлены, трепетали и подрагивали. Слуги поддерживали ее под руки. Казалось, они ведут ожившее изображение, а не живую женщину.

- Лети, Эвлуэла, лети, - буквально прорычал Гормон, стоявший рядом со мной. - Беги, пока не поздно!

Она скрылась в боковом проходе дворца.

Мутант взглянул на меня.

- Она продала себя Принцу, чтобы мы получили кров.

- Похоже, что так.

- Я бы мог разнести этот дворец!

- Ты любишь ее?

- Разве это не очевидно?

- Успокойся, - посоветовал я. - Ты необычный человек, но все же Воздухоплавательница не для тебя. А уж особенно Воздухоплавательница, которая делит ложе с Принцем Рама.

- Она перешла к нему из моих рук.

Я был потрясен.

- Ты знал ее?

- И не один раз, - сказал он с грустной улыбкой. - В минуту блаженства ее крылья трепещут, как листья на ветру.

Я вцепился в поручень, чтобы не свалиться вниз. Звезды закружились у меня над головой, и задрожала и запрыгала древняя Луна и два ее бледных спутника. Я был потрясен, еще не понимая толком, почему. Из-за того, что Гормон рискнул нарушить закон? Или это давали себя знать мои псевдородительские чувства к Эвлуэле? Или это была обычная зависть к Гормону, осмелившемуся совершить грех, на который у меня не хватило смелости, хотя и было желание?

Я сказал:

- Тебе могут выжечь мозг за это. Они могут уничтожить твою душу. И ты сделал меня своим сообщником.

- Ну и что? Принц приказал - и получил то, что хотел. Но до него были и другие. Мне нужно было кому-то рассказать об этом.

- Хватит. Хватит.

- Мы увидим ее снова?

- Принцам быстро надоедают их женщины. Несколько дней, а может быть и единственная ночь - и он вышвырнет ее обратно к нам. И тогда нам, наверное, придется уйти из гостиницы. - Я вздохнул. - По крайней мере, мы пробудем здесь еще некоторое время.

- И куда ты пойдешь? - спросил Гормон.

- Останусь ненадолго в Раме.

- Даже если тебе придется ночевать на улице? Здесь, похоже, невелика нужда в Наблюдателях.

- Что-нибудь придумаю, - ответил я. - А потом, наверное, пойду в Парриш.

- Учиться к летописцам?

- Увидеть Парриш. А ты, что тебе нужно в Раме?

- Эвлуэла.

- Оставь этот разговор.

- Хорошо, - сказал он, горько усмехнувшись, - но я останусь здесь, пока Принц не бросит ее. Тогда она будет моей, и мы придумаем, как выжить. Бессоюзные горазды на выдумки. Им приходится. Может быть, мы найдем какое-нибудь временное жилье в Раме, а потом двинемся вслед за тобой в Парриш. Если ты, конечно, не возражаешь против того, чтобы странствовать с уродами и неверными Воздухоплавательницами.

Я пожал плечами:

- Посмотрим, когда придет время.

- А раньше тебе приходилось бывать в компании Мутантов?

- Нечасто. И недолго.

- Я польщен. - Он забарабанил пальцами по парапету. - Не бросай меня, Наблюдатель. Я очень хочу быть с тобой рядом.

- Почему?

- Я хочу увидеть твое лицо в тот день, когда машины скажут тебе, что Вторжение началось.

Плечи мои опустились.

- Тогда тебе придется долго ждать.

- А разве ты не веришь, что Вторжение состоится?

- Когда-нибудь, но не скоро.

Гормон усмехнулся.

- Ты не прав. Они уже почти здесь.

- Не смеши меня.

- В чем дело, Наблюдатель? Ты потерял веру? Это известно уже тысячу лет: Иная раса захочет получить Землю, и получит ее по условиям договора, и в один прекрасный день явится, чтобы взять ее. Все это было известно еще в конце Второго Цикла.

- Я знаю это, но я не Летописец. - Потом я повернулся к нему и произнес слова, которые, как я думал, я никогда не произнесу вслух. - Я слушаю звезды и провожу свои Наблюдения уже в течение двух твоих жизней. То, что делаешь слишком часто, теряет смысл. Произнеси свое имя тысячу раз, и оно превратится в пустой звук. Я Наблюдал, и Наблюдал хорошо, но в ночные часы я иногда думал, что Наблюдаю впустую, что зря растрачиваю свою жизнь. В Наблюдении есть свое удовольствие, но, вероятно, нет смысла.

Он схватил меня за руку.

- Твое признание так же неожиданно, как и мое. Храни свою веру, Наблюдатель! Вторжение близко!

- Откуда ты можешь знать это?

- Бессоюзные тоже кое-что могут.

Разговор этот задел меня за живое. Я спросил:

- Ты, наверное, иногда сходишь с ума оттого, что ты бессоюзный?

- С этим можно смириться, да и потом отсутствие статуса компенсируется некоторыми свободами. Я, например, могу свободно разговаривать, с кем захочу.

- Я заметил это.

- Я иду, куда хочу. У меня всегда есть пища и кров, хотя пища может быть гнилой, а кров - убогим. Женщины тянутся ко мне вопреки всем запретам. Благодаря этому, вероятно, я не страдаю комплексом неполноценности.

- И ты никогда не хотел подняться на ступеньку выше?

- Никогда.

- Будь ты Летописцем, ты был бы счастливее.

- Я и сейчас счастлив. Я получаю все удовольствия Летописца, но у меня нет его обязанностей.

- До чего же ты самодоволен, - не выдержал я. - Это ж надо, говорить о преимуществах бессоюзности!

- Как же еще можно выдержать волю Провидения? - Он взглянул на дворец. - Смиренные - побеждают. Власть пре-

держащие - проигрывают. Выслушай мое пророчество, Наблюдатель: этот похотливый Принц еще до прихода лета узнает о жизни кое-что, ему неизвестное. Я выдавлю ему глаза за то, что он увел Эвлуэлу!

- Громкие слова! В тебе клокочет жажда мести!

- Воспринимай это как пророчество.

- Но ведь тебе даже близко к нему не подойти, - сказал я. И раздосадованный тем, что принимаю все эти глупости всерьез, я добавил: - А почему ты, собственно, во всем винишь его? Он поступает так, как поступают все Принцы. Почему ты не обвиняешь девушку за то, что она пошла к нему? Она могла бы отказаться.

- И лишиться крыльев. Или умереть. Нет, у нее не было выбора. Но я сделаю это! - и он с неожиданной яростью ткнул в воображаемые глаза раздвинутыми большим и указательным пальцами. - Подожди, - произнес он, - вот увидишь!

Во дворе появились трое Хрономантов. Они разложили приборы своего союза и зажгли тонкие свечи, чтобы по ним определить, каким может быть завтрашний день. Тошнотворный запах ударил мне в ноздри, и у меня пропала всякая охота разговаривать с Измененным.

- Становится поздно, - сказал я. - Мне нужно отдохнуть. Скоро мне проводить Наблюдение.

- Смотри в оба, - сказал мне Гормон.

5

Ночью у себя в комнате я провел четвертое и последнее Наблюдение за этот день и впервые в жизни обнаружил отклонение. Я не мог объяснить его. Это были какие-то смутные чувства, смесь каких-то звуковых и световых ощущений и еще ощущение того, что я находился в контакте с какой-то огромной массой. Обеспокоенный, я прирос к своим приборам намного дольше обычного, но к концу Наблюдения понял ненамного больше, чем вначале.

А потом я подумал о своих обязанностях.

Наблюдателей с детства учат объявлять тревогу без промедления; если только Наблюдатель решит, что мир в опасности, он должен бить тревогу. Должен ли я сейчас известить Защитников? Четырежды за мою жизнь объявлялась Тревога, и каждый раз она была ошибочной, и каждый из Наблюдателей, повинный в ложной тревоге, был обречен на вызывающую содрогание потерю статуса. У одного вынули мозг и

поместили его в хранилище памяти; другой от стыда стал ньютером; третий разбил свои приборы и отправился к бессоюзным; четвертый же, тщетно желая продолжать Наблюдение, постоянно подвергался издевательствам со стороны своих же товарищей. Я не вижу ничего добродетельного в том, чтобы подвергать презрительным насмешкам того, кто поторопился, ибо для Наблюдателя лучше поднять ложную тревогу, чем промолчать. Но таковы обычаи нашего союза, и я вынужден подчиняться им.

Я обдумал положение дел и решил, что не стоит зря сотрясать воздух. Я подумал, что Гормон в этот вечер дал мне много пищи для размышлений. Может быть, это просто была реакция на его разговоры о скором Вторжении. Я не мог заставить себя действовать. Я решил не осложнять свое положение, объявляя поспешную тревогу. Я не очень-то доверяю своим эмоциям.

И я не объявил ее.

Взмокший, растерянный, с мятущимся сердцем, я закрыл свою тележку, проглотил таблетку снотворного и погрузился в сон.

Я проснулся на рассвете и бросился к окну, ожидая увидеть на улицах захватчиков. Но все было тихо. Над двором нависла сероватая зимняя дымка, и сонные слуги отдавали распоряжения лениво двигающимся ньютерам. Первое Наблюдение далось мне с трудом, но, к моему облегчению, странность ночи не повторилась. Правда, я помнил о том, что ночью моя чувствительность выше, чем сразу после сна.

Я поел и вышел во двор. Гормон и Эвлуэла были уже там. Она выглядела усталой и подавленной, истощенная ночью, проведенной с Принцем Рама, но я промолчал. Гормон, прислонившийся с пренебрежительным видом к стене, усеянной круглыми ракушками, спросил меня:

- Ну, как твое Наблюдение?

- Ничего.

- Что ты собираешься делать?

- Поброжу по Раму. Вы со мной?

- Конечно, - ответил он. Эвлуэла едва кивнула, и мы, словно туристы, отправились осматривать величественный Рам.

Получилось так, что Гормон стал нашим гидом в этих нагромождениях прошлого Рама и тем самым опроверг свои заверения, что никогда не бывал здесь раньше. Так же, как и любой Летописец, он описывал все, что мы видели, бредя по вьющимся лентой улицам. Перед нашими глазами представа-

ли разбросанные уровни всех тысячелетий истории Рама. Мы видели купола энергетических станций Второго Цикла; Колизей, где в неимоверно далекие времена со зверями состязались люди, сами напоминавшие зверей. И среди развалин этого вместилища ужасов Гормон рассказывал нам о дикости тех невероятно далеких времен. Огромные толпы, рассказывал он, приходили посмотреть на это зрелище. Люди выходили на арену обнаженными и безоружными бросались в схватку со зверями, которых называли львами. Это были гигантские волосатые кошки с огромными головами. И когда лев уже бился в агонии, победитель поворачивался к Принцу Рама и просил помиловать его за то преступление, которое он совершил и которое бросило его на арену. Если он дрался хорошо, Принц делал особый жест рукой, и этого человека освобождали. Гормон показал нам этот жест; он поднял вверх большой палец и несколько раз указал им на правое плечо. Но если человек трусил или лев вел себя как достойный соперник, даже получив смертельную рану, Принц делал другой жест, и этого человека отдавали на растерзание другому зверю. И Гормон показал нам и этот жест: из сжатого кулака он высунул средний палец и резко поднял кулак вверх.

- А как обо всем этом узнали? - спросила Эвлуэла, но Гормон притворился, что не услышал ее.

Мы увидели вереницу ядерных пилонов, построенных в начале Третьего Цикла, чтобы выкачивать энергию земного ядра; они все еще функционировали, но уже были покрыты ржавчиной. Мы увидели разбитые остатки синоптической машины Второго Цикла, - могучую колонну, раз в двадцать выше человеческого роста. Мы увидели холм, буквально покрытый белокаменными развалинами Рама Первого Цикла, похожими на узоры инея на стекле. Войдя во внутреннюю часть города, мы прошли мимо ограждений защитных сооружений, готовых в любой момент обрушить на врага всю мощь Провидения. Мы видели рынок, на котором гости со звезд торговались с крестьянами, покупая у них реликвии античных времен. Гормон моментально смешался с этой толпой и купил несколько вещей. Мы зашли в мясную лавку, где прибывшие издалека могли купить что угодно от квази-жизни до искусственного льда. Мы пообедали в маленьком ресторанчике на берегу Тивера, где без всяких церемоний обслуживали и бессоюзных. По настоянию Гормона мы заказали пышную мягкую тестообразную массу и запили ее фруктовым желтым вином.

Потом мы прошли через крытую галерею, где в многочисленных закутках Торговцы предлагали товары со звезд, дорогие безделушки из Африкии и аляповатые изделия здешних Производителей. Выйдя из галереи с другой стороны, мы попали на площадь, в центре которой красовался фонтан в виде корабля, а за ним виднелись потрескавшиеся и обитые временем ступени, ведущие к пустырю, покрытому щебнем и сорной травой. Гормон подозвал нас кивком головы, мы быстро прошли это унылое место и вышли к роскошному дворцу, который, похоже, был построен в начале Второго, а то и в Первом Цикле, и будто навис над поросшим зеленью холмом.

- Говорят, это центр планеты, - воскликнул Гормон. - В Иорсалеме тоже можно найти такое место. Они считают, что центр планеты там. Но это место отмечено на карте.

- Как же это у мира может быть один центр, - спросила Эвлуэла. - Ведь он круглый.

Гормон рассмеялся. Мы вошли внутрь. Там в холодной темноте высился огромный глобус из драгоценных камней, освещенный изнутри ярким светом.

- Вот ваша планета, - произнес Гормон и сделал величественный жест.

- О! - выдохнула Эвлуэла. - Да здесь все, все есть!

Глобус был воплощением подлинного мастерства. На нем были обозначены все контуры и возвышенности, моря казались глубокими бассейнами, пустыни были настолько реальны, что вы начинали испытывать неутолимую жажду, а в ярко освещенных городах бурлила жизнь. Я разглядывал континенты: Эйропу, Африкию, Айзу, Стралию. Я видел просторы Земного Океана. Я пересек золотистую цепь Земного Моста, который я прошел недавно пешком с таким трудом. Эвлуэла бросилась к глобусу и стала показывать Рам, Эгапт, Иорсалем, Парриш. Она дотронулась до высоких гор к северу от Хинды и тихо сказала:

- Вот здесь я родилась, здесь, где лежат льды, где горы касаются лун. Вот здесь находятся владения Воздухоплавателей. - Она провела пальцем на Запад к Фарсу и дальше, к страшной Арбанской пустыне и дальше до Эгапта. - Вот куда я полетела. Ночью, когда я простилась с детством. Мы все должны летать, и я полетела сюда. Сотни раз я думала, что умру. Здесь, здесь в этой пустыне... песок в горле... песок сечет крылья... Меня швырнуло на землю, проходили дни, а я лежала обнаженная на горячем песке. Потом меня заметил какой-то Воздухоплаватель, он спустился, пожалел меня и

поднял наверх и, когда я была высоко, силы вернулись ко мне, и мы полетели к Эгапту. А он умер над морем. Жизнь покинула его, хотя он был молодым и сильным, и он упал в море, и я полетела вниз, следом, чтобы быть вместе с ним, а вода в море была горячей даже ночью. Меня качали волны и пришло утро, и я увидела живые камни, которые, подобно деревьям, росли в воде, и разноцветных рыб. Они подплыли к нему и стали кусать его покачивающееся на воде тело с распростертыми крыльями, и я оставила его, я толкнула его вниз, чтобы он нашел там покой, а сама поднялась и полетела в Эгапт, одинокая и напуганная, и там я встретила тебя, Наблюдатель. - Она застенчиво мне улыбнулась. - Покажи нам место, где ты был молодым, Наблюдатель.

С трудом, будто у меня вдруг окостенели суставы, я подошел к глобусу с другой стороны. Эвлуэла встала рядом, а Гормон остался стоять позади, как будто ему это было ни капельки не интересно. Я показал на разбросанные островки, поднимающиеся двумя длинными лентами из Земного Океана - остатки Исчезнувших Континентов

- Здесь, - сказал я, показывая на мой родной Остров на западе. - Здесь я родился.

- Так далеко! - воскликнула Эвлуэла.

- И так давно, - заметил я. - В середине Второго Цикла, так мне иногда кажется.

- Нет! Этого не может быть!

Но взглянула она на меня так, будто и вправду мне было несколько тысяч лет.

Я улыбнулся и коснулся ее бархатной щеки.

- Это мне только так кажется, - сказал я.

- А когда ты ушел из дома?

- Когда я был вдвое старше тебя, - ответил я. - Сначала я пришел сюда, - и я показал на группу островов на востоке. - Десятки лет я был Наблюдателем в Палеше. Затем Провидение повелело мне пересечь Земной Океан и отправиться в Африкию. Я отправился. Какое-то время я жил в жарких странах. Потом отправился дальше, в Эгапт. Там я встретил одну маленькую Воздухоплавательницу.

Наступило молчание. Я долго смотрел на острова, которые когда-то были моим домом, и в моем воображении исчез неуклюжий, потрепанный жизнью старик, которым я стал, я увидел себя молодым и сильным юношей, который взбирается на зеленые горы и плывет в студеном море, и проводит Наблю-

дение у кромки воды на белом берегу, о который неустанно бьет прибой.

Пока я вспоминал, Эвлуэла подошла к Гормону и попросила:

- А теперь ты. Покажи нам, откуда ты, Мутант.

Гормон пожал плечами.

- На этом глобусе нет этого места.

- Но это невозможно!

- Разве? - спросил он.

Она прижалась к нему, но он отстранил ее, и, пройдя через боковой выход, мы оказались на улицах Рама.

Я начал уставать, но Эвлуэла просто жаждала увидеть этот город, она хотела все увидеть днем, и мы брели по сплетению улиц, мимо сверкающих особняков Магистров и Торговцев, мимо грязных лачуг Слуг и Продавцов, которые переходили в подземные катакомбы, мимо прибежищ Клоунов и дальше, туда, где союз Сомнамбул предлагал свой сомнительный товар. Какая-то опухшая Сомнамбула умоляла нас войти и купить правду, являющуюся ей, когда она была в трансе, и Эвлуэла настивала, чтобы мы вошли, но Гормон отрицательно покачал головой, а я только улыбнулся, и мы прошли мимо. Теперь мы подошли к парку совсем рядом с центром города. Здесь прогуливались жители Рама, двигаясь с такой энергией, которую редко заметишь в жарком Эгапте. Мы присоединились к этой марширующей толпе.

- Посмотрите, - воскликнула Эвлула. - Какая яркая!

Она показала на сияющую арку громадной полусферы, под которой покоилась какая-то реликвия древнего города. Прикрыв глаза ладонью, я увидел внутри обветшалую от времени и погоды стену и горстку людей. Гормон сказал:

- Это Уста Правды.

- Что это? - переспросила Эвлуэла.

- Идем. Увидишь.

Под полусферу тянулась очередь. Мы встали в нее и вскоре были уже у входа, стараясь разглядеть бесконечное, не подчиняющееся времени пространство. Я не знал, почему эта реликвия в числе нескольких других была снабжена специальной защитой, и спросил об этом Гормона, чьи познания были столь же невероятно глубокими, как познания любого Летописца. Он ответил:

- Потому, что это царство определенности, где то, что кто-то говорит, соотносится с тем, что есть на самом деле.

- Я не понимаю, - сказала Эвлуэла.

- В этом месте невозможно лгать, - сказал ей Гормон. - Можно ли представить себе памятник старины, который бы стоило больше оберегать, чем этот?

Он вступил в узкий проход, фигура его стала размытой, и я поспешил за ним. Эвлуэла колебалась. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем она решилась войти. Она помедлила, уже стоя на пороге, словно ее сносило ветром, который дул вдоль невидимой границы, разделяющей внешний мир и этот закоулок вселенной, где мы стояли.

Уста Правды находились во внутреннем отсеке. Очередь тянулась именно туда, и Указатель с важным видом контролировал поток входящих в святилище. Прошло некоторое время, прежде чем нам было разрешено войти. Мы оказались перед барельефом, изображающим голову свирепого чудовища: барельеф был прикреплен к стене, изъеденной временем. Ужасные челюсти широко открыты; разверзтый рот - темная и зловещая дыра. Гормон кивнул, окинув эту голову взглядом, словно удовлетворенный тем, что все оказалось точно таким, как он себе представлял.

- И что теперь надо делать? - спросила Эвлуэла.

Гормон сказал:

- Наблюдатель, положи свою правую руку в Уста Правды.

Я нахмурился, но подчинился.

- Теперь, - сказал Гормон, - один из нас задаст вопрос. Ты должен ответить на него. Если ты солжешь, челюсти сомкнутся и отсекут твою руку.

- Нет! - воскликнула Эвлуэла.

Я обеспокоенно взглянул на челюсти, касающиеся моего запястья. Наблюдатель без рук - человек без дела. Во времена Второго Цикла можно было заказать протез получше собственной руки, но Второй Цикл давно закончился, и подобную роскошь теперь уже не найти.

- Как такое возможно? - спросил я.

- Воля Провидения необычайно сильна в пределах этого помещения, - ответил Гормон. - Она неумолимо отделяет правду от лжи. За этой стеной спят три Сомнамбулы, через которых и говорит Провидение, и они управляют Устами. Ты боишься Провидения, Наблюдатель?

- Я боюсь своего собственного языка.

- Смелее. Еще никогда перед этой стеной не произносилась ложь. И никто еще не потерял здесь руки!

- Тогда вперед, - сказал я. - Кто задаст мне вопрос?

- Я, - сказал Гормон. - Ответь мне, Наблюдатель, ответь честно, можно ли сказать, что жизнь, посвященная Наблюдению, это жизнь, проведенная с пользой?

Несколько долгих мгновений я молчал, собираясь с мыслями и глядя на челюсти.

Наконец, я сказал:

- Быть на страже во имя человека - это, наверное, самое благородное дело, которому себя можно посвятить.

- Осторожно! - закричал встревоженный Гормон.

- Я еще не закончил, - сказал я.

- Тогда продолжай.

- Но посвящать свою жизнь поиску мнимого врага - бесполезное занятие. Превозносить того, кто долго и добросовестно ищет врага, который никогда не придет, - глупо и грешно. Моя жизнь прошла впустую.

Челюсти Уст Правды не дрогнули.

Я вынул руку. Я смотрел на нее так, будто она снова выросла из запястья. Я вдруг почувствовал, что постарел на несколько циклов. Эвлуэла стояла с широко распахнутыми глазами и, прижав руки к губам, казалось, была потрясена тем, что я сказал. Мои слова словно повисли в воздухе перед лицом этого страшного идола.

- Сказано откровенно, - сказал Гормон, - хотя и без особой жалости к себе. Ты слишком сурово судишь себя, Наблюдатель.

- Мне было жаль руку, - ответил я, - ты бы хотел, чтобы я солгал?

Он улыбнулся и повернулся к Эвлуэле.

- Теперь твоя очередь.

Явно напуганная, маленькая Воздухоплавательница приблизилась к Устам Правды. Ее тонкая рука дрожала, когда она просунула ее между плитами холодного камня. Я с трудом поборол желание броситься и оттащить ее от искаженной в дьявольской гримасе головы.

- Кто будет задавать вопрос? - спросил я.

- Я, - отвстил Гормон.

Крылья Эвлуэлы слегка дрогнули под одеждой. Лицо ее побледнело, ноздри раздулись, и она закусила нижнюю губу. Она сгорбилась и с ужасом смотрела на то место, где лежала ее рука. А сзади на нас, словно из пелены тумана, глядели неясные лица; губы произносили слова, которые, без сомнения, означали недовольство нашим затянувшимся визитом к Устам Правды. Но ничего не было слышно. Воздух был теп-

лым, влажным и затхлым, словно поднимался из скважины, которую пробурили в пластах Времени.

Гормон медленно произнес:

- Прошлой ночью ты позволила Принцу Рама овладеть твоим телом. Перед этим ты отдавала себя Измененному Гормону, хотя такие связи запрещены обычаем и законом. Еще раньше ты была подругой Воздухоплавателя, который умер. У тебя могли быть и другие мужчины, но я ничего о них не знаю, да это и неважно для моего вопроса. Скажи мне вот что, Эвлуэла: который из трех доставил тебе самое большое физическое наслаждение, который из трех всколыхнул в тебе самые глубокие чувства и которого из трех ты бы выбрала своим другом, если бы у тебя была возможность выбирать?

Я хотел было запротестовать, потому что Мутант задал три вопроса, а не один, и не очень-то честно воспользовался подходящим моментом. Но я не успел, потому что Эвлуэла ответила без промедления, глубоко погрузив руку в Уста Правды:

- Принц Рама дал мне самое большое физическое наслаждение, которое я когда-либо знала, но он холоден и жесток, и я презираю его. Моего умершего друга Воздухоплавателя я любила сильнее, чем кого-либо до или после него, но он был слаб, а я не хотела бы иметь слабого друга. Ты, Гормон, кажешься мне почти чужим даже сейчас, и у меня такое чувство, что мне не знакомы ни твое тело, ни твоя душа, и все же, хотя пропасть между нами так велика, только с тобой я согласилась бы провести свою жизнь.

Она вынула руку из Уст Правды.

- Хорошо сказано! - воскликнул Гормон, хотя было заметно, что искренность ее слов и ранила его, и была ему приятна. - Ты вдруг обрела дар Красноречия, когда потребовали обстоятельства. Ну, а теперь мой черед рисковать рукой.

Он подошел к Устам Правды.

Я сказал:

- Ты задал первые два вопроса. Не хочешь ли довершить начатое и задать третий?

- Да, пожалуй, нет, - ответил он и свободной рукой он сделал жест, отклоняя это предложение. - Посоветуйтесь и задайте общий вопрос.

Мы отошли в сторону. Она, с несвойственной ей прямолинейностью, предложила свой вопрос и, поскольку я хотел спросить то же самое, я согласился и предложил ей начать.

Она спросила:

- Когда мы стояли перед глобусом, Гормон, я попросила тебя показать то место, где ты родился, а ты сказал, что его нельзя найти на карте. Это кажется очень странным. Скажи мне, тот ли ты, за кого себя выдаешь, действительно ли ты Измененный, скитающийся по Земле?

Он ответил:

- Нет.

В общем-то он ответил на вопрос в том виде, в каком его сформулировала Эвлуэла, но и без слов было ясно, что его ответ неравноценен нашим, и он, не вынимая руки из Уст Правды, продолжал:

- Я не показал свою родину на глобусе, потому что я родился под звездой, которую не имею права называть. Я не Измененный в вашем смысле этого слова, хотя, до некоторой степени, я именно он, потому что в моем мире у меня другое тело. А здесь я прожил уже десять лет.

- Зачем же ты пришел на Землю? - спросил я.

- Я обязан ответить лишь на один вопрос, - сказал Гормон и улыбнулся. - И все же я отвечу. Меня послали на Землю в качестве военного наблюдателя для подготовки вторжения, которого ты ждешь так долго, что перестал верить в самую его возможность и которое начнется в ближайшие часы.

- Ложь! - закричал я. - Ложь!

Гормон рассмеялся и вынул руку из Уст Правды целой и невредимой.

6

Онемев от замешательства, толкая перед собой тележку с приборами, я побрел прочь от сияющей полусферы и попал на улицу, неожиданно холодную и темную. Ночь опустилась внезапно, как это обычно бывает зимой. Было почти девять, и близилось время Наблюдения.

Насмешка Гормона не выходила у меня из головы. Это он все подстроил; привел нас к Устам Правды; вырвал у меня признание о потерянной вере и еще одно признание - у Эвлуэлы; он безжалостно рассказал о том, о чем его никто не спрашивал, и сделал это намеренно, чтобы раздавить меня.

А может быть, Уста Правды - это просто надувательство? Может быть, Гормон солгал, зная, что ничего не произойдет? Никогда с тех пор, как я начал заниматься своим ремеслом, я не Наблюдал в неурочный час. Но я чувствовал, что почва уходит у меня из-под ног, и я не мог ждать, когда наступит

ровно девять. Присев на продуваемой ветром улице, я раскрыл тележку, подготовил приборы и с головой, точно в омут, вошел в транс.

Мое обостренное сознание рванулось к звездам.

Подобно Всевышнему, я брел по бесконечности. Я ощущал порывы солнечного ветра, но ведь я не был Воздухоплавателем, которого это давление может опрокинуть и сбросить вниз. Я взмыл выше этого яростного потока частиц света во тьму на краю солнечных владений. И там я ощутил иное давление.

Приближались звездолеты.

Не туристические лайнеры, доставляющие зевак, решивших поглазеть на наш ослабевающий мир. Не торговые транспортеры, не скупы, собирающие межзвездное вещество, не корабли для отдыха, вращающиеся по гиперболическим орбитам.

Это были военные корабли, черные, чужие, грозные. Мне было трудно определить, сколько их было; я знал только, что они неслись к Земле с включенными огнями, выбрасывая перед собой конус отталкивающей энергии, той самой, которую я почувствовал прошлой ночью. Через мои приборы она гулко отдавалась в моей голове, она поглотила меня и проникла в мое нутро, как проникает солнечный луч сквозь хрустальный кубик, заставляя сиять все его грани.

Всю жизнь я Наблюдал ради этого.

Меня учили распознавать это. Я молился, чтобы мне не пришлось увидеть этого; потом, опустошенный напрасным ожиданием, я молился, чтобы увидеть это, а потом я перестал в это верить. И теперь, по милости Измененного по имени Гормон я все-таки распознал и увидел это, Наблюдая в неурочный час, скорчившись на холодной улице Рама, рядом с Устами Правды.

Наблюдателя учат выходить из состояния транса не раньше, чем после тщательной проверки и только когда его исследования подтвердятся, бить тревогу. Я тщательно проверил все, переходя с одного канала на другой и потом на третий, провел тригонометрическую съемку. И постоянно я натыкался на присутствие титанической силы, которая неслась к Земле с невероятной скоростью.

То ли я заблуждался, то ли Вторжение действительно началось. Но я никак не мог выйти из транса и объявить тревогу.

Не торопясь, с наслаждением, я жадно всматривался в полученные данные. Мне казалось, что прошли часы. Я с лю-

бовью поглаживал свое оборудование. Оно полностью подтвердило правильность показаний приборов. Я смутно осознавал, что теряю бесценное время, что мой долг - прекратить это постыдное любование и известить Защитников.

Я, наконец, вышел из транса и вернулся в мир, который я был призван охранять.

Возле меня стояла Эвлуэла, растерянная, испуганная, с каким-то бессмысленным взглядом. Она покусывала костяшки пальцев.

- Наблюдатель! Наблюдатель, ты слышишь меня? Что происходит?

- Вторжение, - сказал я. - Сколько времени я был в трансе?

- Примерно полминуты. Я не знаю точно. У тебя были закрыты глаза. Я думала, ты умер.

- Гормон сказал правду! ВТОРЖЕНИЕ почти началось. Где он? Куда он делся?

- Он исчез, когда мы ушли из этого места, где находятся Уста Правды, - прошептала Эвлуэла. - Наблюдатель, мне страшно. Я чувствую, что все рушится. Я должна лететь - я не могу оставаться здесь, внизу!

- Подожди, - я буквально вцепился в нее. - Не взлетай. Сначала я объявлю тревогу, а потом...

Но она уже начала сбрасывать одежду. Ее обнаженное по пояс тело заблестело в вечернем свете, а мимо нас взад и вперед сновали люди, в полном неведении того, что вот-вот должно было произойти. Я хотел удержать Эвлуэлу рядом с собой, но я больше не мог медлить, мне пора объявлять тревогу, и я повернулся к своей тележке.

Словно во сне, порожденном всепоглощающим желанием, я потянулся к ручке, до которой я еще никогда не дотрагивался, к ручке, которая приводила в действие Всеобщую систему тревоги для Защитников.

Может быть, тревогу уже объявили? Может быть, какой-нибудь другой Наблюдатель увидел то, что увидел я, и менее скованный замешательством и сомнениями, выполнил главную задачу Наблюдателя?

Нет, нет. Тогда бы я сейчас слышал завывание сирен, отражающееся от громкоговорителей на орбитальных станциях, установленных над городом.

Я взялся за ручку. Краем глаза я увидел Эвлуэлу, которая освободилась от своих облачений и, опустившись на колени, начала произносить слова, которые наполняли силой ее неж-

ные крылья. Еще мгновение - и она была бы в воздухе, и я не смог бы ее удержать.

Быстрым и уверенным движением я включил сигнал тревоги.

В это же мгновение я увидел приземистого человека, торопливо направляющегося к нам. Гормон, подумал я, и, вскочив, бросился к нему, чтобы схватить и задержать. Но тот, кто приближался к нам, был вовсе не Гормон. Это был какой-то важный Слуга с рыхлым лицом. Он окликнул Эвлуэлу:

- Не спеши, Воздухоплавательница, опусти крылья. Принц Рама прислал за тобой.

Он вцепился в нее. Ее маленькие груди поднялись, глаза сверкнули гневом.

- Отойди от меня. Я готовлюсь летать.

- Принц Рама требует тебя, - повторил Слуга, заключая ее в свои неуклюжие объятья.

- У Принца Рама в эту ночь будут другие заботы, - сказал я. - Она не будет ему нужна.

Одновременно с моими словами в небе взвыли сирены.

Слуга выпустил ее. Какое-то мгновение его рот беззвучно шевелился; он сделал один из защитных жестов Провидения, взглянул на небо и пробормотал:

- Тревога! Кто дал тревогу? Ты, Наблюдатель?

На улицах заметались люди.

Эвлуэла, освободившись, спряталась за меня - она стояла на земле, крылья ее расправились лишь наполовину - она была поглощена бурной людской толпой. Заглушая устрашающий вой сирен, гремели громкоговорители всеобщего оповещения, инструктируя людей о способах защиты и спасения. Долговязый человек со знаком союза Защитников на щеке, выкрикнув слова, слишком маловразумительные, чтобы их можно было понять, понесся дальше и исчез в толпе. Мир, казалось, сошел с ума.

Только я был спокоен. Я поднял голову, почти уверенный в том, что увижу, как над небом Рама парят черные корабли завоевателей. Но не увидел ничего, кроме повисших в небе ночных огней и других предметов, которые обычно можно увидеть над головой.

- Гормон! - позвал я. - Эвлуэла!

Я остался один.

Я почувствовал странную опустошенность. Я объявил тревогу; Завоеватели были совсем близко; я лишился своего занятия. Наблюдатели больше не были нужны. Почти с любо-

вью я дотронулся до усталой тележки, которая столько лет была моей спутницей. Я провел пальцами по покрытым пятнами и вмятинами приборам. Потом я отвернулся и, оставив ее, зашагал по улице - без тележки, без бремени, человек, чья жизнь в один и тот же момент обрела и утратила свой смысл. А вокруг меня царил хаос.

7

Согласно установленным правилам, в случае наступления момента решающей битвы Земли мобилизуются все союзы, кроме союза Наблюдателей. Нам, кто столько времени стерег все подступы к ней, не нашлось места в стратегии битвы. Нас распускали после подтверждения тревоги. Теперь пришло время показать свои умения союзу Защитников. Полцикла они строили планы, как им действовать во время войны. К какому из планов они обратятся сейчас? Какие действия они предпримут?

Я хотел только вернуться в королевскую гостиницу и переждать кризис там. Было безнадежно думать о том, чтобы найти Эвлуэлу, и я клял себя на чем свет стоит за то, что позволил ей ускользнуть вот так, без одежды, без защиты - в такое смутное время. Куда она пойдет? Кто защитит ее?

Молоденький Наблюдатель, который несся со своей тележкой сломя голову, чуть не налетел на меня.

- Осторожно! - заорал я.

Он взглянул на меня, ошеломленный, едва переводя дыхание.

- Это правда? - спросил он. - Тревога?

- А ты не слышишь?

- Но она настоящая?

Я показал на его тележку:

- Ты знаешь, как это проверить.

- Говорят, что человек, который объявил тревогу, - пьяница и старый дурак, которого вчера выставили из гостиницы.

- И такое может быть, - согласился я.

- Но если тревога настоящая...

Я сказал ему, улыбаясь:

- Если это так, то мы все можем отдохнуть. Хорошего тебе дня, Наблюдатель.

- Твоя тележка! Где твоя тележка? - закричал он мне.

Но я уже пошел дальше к мощной резной каменной колонне - напоминании об императорском Раме.

На этой колонне были вырезаны древние изображения: битвы и победы, монархи других стран, которых ведут в позорных оковах по улицам Рама, - торжествующие орлы, олицетворяющие процветание империи. Я стоял в странном спокойствии перед этой колонной и любовался ее тонкой резьбой. Ко мне кинулся знакомый человек. Я узнал его, это был Летописец Бэзил. Я окликнул его:

- Ты появился так вовремя! Не согласишься ли объяснить мне эти изображения, Летописец? Они просто завораживают, и во мне просыпается любопытство.

- Ты что, ненормальный? Разве ты не слышишь тревогу?

- Это я дал ее, Летописец.

- Тогда беги! Завоеватели рядом! Мы должны драться!

- Только не я, Бэзил. Мое время кончилось. Расскажи мне об этих изображениях. Про этих побежденных королей, про потерпевших крах императоров. Все равно человек твоих лет не принесет большой пользы в битве.

- Сейчас все мобилизованы!

- Все, кроме Наблюдателей, - сказал я. - Погоди минутку. У меня появилось желание узнать о прошлом. Гормон исчез; будь моим гидом по этим давно прошедшим циклам.

Летописец неистово затряс головой и описал вокруг меня дугу, надеясь удрать. Я бросился к нему, чтобы схватить его за костлявую руку и подтащить к интересующему меня месту, но он увернулся, и я схватил лишь его темную шаль, которая легко скользнула с его плеч и осталась у меня в руках. А он бросился прочь по улице, молотя воздух руками, и вскоре скрылся из виду.

Я пожал плечами и стал разглядывать шаль, которой я так неожиданно завладел. Она была прошита блестящими металлическими нитями, которые создавали сложные узоры, притягивающие взор. Каждая нить исчезала в фактуре ткани, но тут же появлялась в самом неожиданном месте, словно ветвь какой-нибудь династии, которая совершенно неожиданно обнаруживается в отдаленном городе. Искусство ткача было выше всяких похвал. Я набросил шаль на плечи.

И побрел дальше.

Мои ноги, которые отказывали мне утром, теперь легко несли меня. Молодость словно вернулась ко мне, и я шел сквозь хаос города, не задумываясь о том, куда идти. Я пошел к реке, пересек ее и там, на дальнем берегу Тивера, увидел дворец Принца. Тьма сгустилась, потому что, согласно приказу о мобилизации, все больше и больше домов оставалось

без жителей и свет выключали; время от времени слышались гулкие удары: взрывы экранирующих бомб, выбрасывающих облака дыма, который мешал дистанционным наблюдениям. Пешеходов на улицах становилось все меньше. Сирены все еще завывали. На крышах зданий поспешно приводились в действие защитные установки. Я услышал писк отражателей и увидел паутину щупальцев усилителей, перекинутую от башни к башне.

У меня не было никаких сомнений, что Вторжение действительно началось. Мои приборы могли ошибиться по какой-то причине, но дело не зашло бы так далеко, если бы первоначальное донесение не было подтверждено данными сотен других членов моего союза.

Когда я подходил ко дворцу, ко мне заспешили, едва переводя на ходу дыхание, два Летописца с развевающимися за плечами шалями. Они обратились ко мне со словами, которые я не понял. Это был код их союза, и тут я вспомнил, что на мне шаль Бэзила. Я не смог ответить, и они перешли на обычную речь:

- Что с тобой? Сейчас же на свое место! Мы должны записывать! Мы должны комментировать! Мы должны наблюдать!

- Вы приняли меня за другого, - мягко сказал я. - Я несу эту шаль вашему брату Бэзилу, который доверил ее мне. У меня на этот раз нет места для наблюдений.

- Наблюдатель! - воскликнули они одновременно, потом каждый обругал меня, и они бросились дальше. Я засмеялся и пошел к дворцу.

Ворота были распахнуты настежь. Ньютеры, которые охраняли портал, исчезли, так же как и двое Указателей, которые раньше стояли у дверей. Нищие, толпившиеся на площади перед дворцом, теперь проталкивались в здание, чтобы найти там убежище. Это пробудило ярость наследных обладателей лицензий, чье пребывание именно в этой части здания было закреплено законом, и они обрушились на поток пришельцев с ненавистью и неожиданной силой. Я видел, как калеки орудовали костылями, словно дубинками; я видел, как слепые раздавали удары с подозрительной точностью; я видел, как кроткие послушники пользовались всеми видами оружия от стилетов до звуковых пистолетов. Я обошел стороной это постыдное зрелище, вошел во дворец и заглянул в часовни, где молились Пилигримы и просили благословения Про-

видения, а Информаторы отчаянно искали подсказку свыше о том, как им избежать грядущего конфликта.

Неожиданно я услышал звук труб и выкрики:

- Дорогу! Дорогу!

Во дворец вошла шеренга Слуг и направилась к комнатам Принца. Двое из них тащили извивающуюся, вырывающуюся и разъяренную фигурку с полураскрытыми крыльями. Эвлуэла! Я закричал, но голос мой тонул в шуме. И пробраться я к ней не смог. Меня отшвырнули Слуги. Процессия исчезла в комнатах Принца. Я перехватил взгляд маленькой Воздухоплавательницы, особенно бледной и хрупкой, какой она казалась в окружении охранников, и она опять исчезла.

Я схватил за рукав бурчавшего что-то Ньютера, бредущего мимо с безразличным видом.

- Это Воздухоплавательница! Зачем ее привели сюда?

- Он-он-они...

- Скажи мне!

- Принц... его женщина... в его колеснице - он-он-они-завоеватели...

Я оттолкнул это лепечущее существо и бросился к дверям. Передо мной встала медная стена, раз в десять выше моего роста. Я застучал по ней что было силы.

- Эвлуэла! - крикнул я хрипло. - Эвлуэла!

Меня не отогнали, но и не пропустили. На меня просто не обратили никакого внимания. Бедлам, царящий у западных дверей, охватил уже и проходы, и все помещение, и поскольку ко мне уже бежали разъяренные нищие, я развернулся и бросился к ближайшему выходу.

Я стоял во дворике, ведущем к королевскому приюту. В воздухе слышалось странное потрескивание. Я решил, что это излучение одной из защитных установок Рама, которая как бы экранирует город, защищая его от нападения. Но в тот же момент до меня дошло, что это и означает, что враг уже здесь.

В небе сверкнули звездолеты.

Когда я заметил их во время Наблюдения, они казались мне черными на фоне черной бесконечности, но теперь они пылали с яркостью солнца. Поток сияющих, тяжелых, подобных драгоценным камням сфер заполнил все небо. Бок о бок, они растянулись с востока на запад непрерывной лентой, покрывая весь небосвод и, когда они вот так неожиданно появились, мне показалось, что я услышал звучание невидимого оркестра, возвещающего приход завоевателей Земли.

Не могу сказать, насколько высоко они были, и сколько их парило над головой и какая была у них конструкция. Я только знал, что они были тут в своем неожиданном и подавляющем величии, и если бы я был Защитником, душа моя затрепетала бы только от одного их вида.

В небо вонзились лучи всевозможных оттенков. Битва началась. Я не мог понять действия наших Защитников, таких же загадочных для меня, как маневры тех, кто пришел завоевать нашу планету с таким долгим и славным прошлым, но со скромным настоящим. К своему стыду я ощущал, что я не просто в стороне от битвы, а как-то вне ее, словно все это меня вовсе не касалось. Я бы хотел, чтобы со мной была Эвлуэла, а она была где-то в глубинах дворца Принца Рама. Я бы даже не возражал, если бы сейчас рядом со мной оказался Гормон, Гормон-Мутант, Гормон-шпион, Гормон-чудовищный предатель нашего мира!

И вдруг, усиленные эхом дворцовых сводов, опять зазвучали голоса:

- Дорогу Принцу Рама! Принц Рама ведет Защитников в бой за землю отцов!

Из дворца появилась сверкающая машина в форме слезы. В крышу из блестящего металла было вмонтировано обзорное стекло, чтобы все население могло видеть правителя, чье присутствие должно было поднимать боевой дух воинов. У рычагов управления, гордо выпрямившись, стоял Принц Рама. Его жестокие юношеские черты застыли в суровой решимости; а рядом с ним, одетая словно императрица, сидела Воздухоплавательница Эвлуэла. Казалось, она была в оцепенении.

Королевская колесница взмыла в небо и исчезла в темноте.

Мне показалось, что появился еще один корабль и устремился следом за первым, а колесница Принца появилась снова и что оба корабля закружились по сужающейся спирали, видимо, готовясь к схватке. Облака голубых искр окутали оба корабля, а потом они метнулись ввысь и понеслись дальше, и вот уже скрылись за одним из холмов Рама.

Бушевала ли битва по всей планете? Подверглись ли нападению Парриш и священный Иорсалем и сонные острова Исчезнувших Континентов? Над всей ли планетой повисли звездолеты? Я не знал. Я воспринимал события только на одном крошечном отрезке неба над Рамом, да даже и здесь я как-то неопределенно и слабо осознавал, что же происходит на самом деле. Небо вдруг вспыхивало ярким светом, и я видел стремительные батальоны Воздухоплавателей; потом

опять возвращалась темнота, как будто на город набрасывали бархатное покрывало. В отблесках взрывов я видел огромные машины наших Защитников, ведущие торопливый разговор с башен; а звездолеты продолжали неподвижно висеть в воздухе, целые и невредимые. Дворик, в котором я стоял, был пуст, но издали доносились голоса, полные страха и дурных предчувствий, слышные еле-еле. Или это был щебет птиц? Изредка их обрывал грохот, заставляющий вздрагивать весь город. Мимо меня промаршировал отряд Сомнамбул. На площади перед дворцом я заметил еще один отряд - как оказалось, отряд Клоунов. Они растягивали поблескивающую сеть, которая тоже, наверное, предназначалась для защиты. Вспышки молний высветили в небе трех Летописцев на гравитационной площадке, торопясь, они записывали все, что происходило. Мне показалось, хотя я и не был в этом уверен, что воздушный корабль Принца промчался в небе, спасаясь от преследователя. "Эвлуэла", - прошептал я, когда две светящиеся точки исчезли из виду. Высадили ли звездолеты войска? Достигли ли потоки энергии, извергаемые этим нависшим в небе сиянием, поверхности Земли? Зачем Принц схватил Эвлуэлу? Где Гормон? Что делают наши Защитники? Почему вражеские корабли не взрываются в небе?

Всю эту долгую ночь я, словно приросший к древним булыжникам дворика, наблюдал за космической битвой и ничего не понимал.

Начался восход солнца. Нити бледных лучей цеплялись за башни. Я коснулся пальцами глаз, до меня вдруг дошло, что я должно быть спал стоя. Может быть, стоит попросить членства в союзе Сомнамбул, спросил я себя. Я положил руки на шаль Летописца, наброшенную на плечи, удивляясь, как она у меня оказалась, и вспомнил.

Я взглянул в небо.

Вражеские корабли исчезли. Я видел обыкновенное утреннее небо, серое с первыми проблесками. Вдруг, как будто меня что-то подтолкнуло, я оглянулся в поисках моей тележки и тут же вспомнил, что не должен больше Наблюдать, и почувствовал опустошенность, большую, чем обычно чувствуешь в этот час.

Кончилась ли битва?

Побеждены ли враги?

Может быть, корабли завоевателей уже сбиты, и их обломки валяются беспорядочно где-то за пределами Рама?

Все кругом молчало. Я больше не слышал небесного оркестра. А потом из этой жуткой тишины донесся новый грохочущий звук, будто шум машин, которые едут по улицам города. И, казалось, невидимые Музыканты тянули одну и ту же заключительную ноту, печальную и звучную, которая вдруг пропала, будто все струны разом оборвались.

Из громкоговорителей всеобщего оповещения донесся спокойный голос:

- Рам пал. Рам пал.

8

Королевская гостиница была открыта. Ньютеры и прочая прислуга - все сбежали. Защитники, Магистры и Правители, должно быть, с честью пали в битве. Летописца Бэзила нигде не было; не было видно и его собратьев. Я зашел в свою комнату, смыл с себя грязь, освежился и поел, собрал свои нехитрые пожитки и бросил прощальный взгляд на всю эту роскошь, в которой мне пришлось так мало пожить. Я сожалел, что так недолго пробыл в Раме, но, в конце концов, Гормон был незаурядным гидом, и мне многое удалось повидать.

Теперь пора было уходить.

Оставаться в завоеванном городе не имело смысла. Шлем мыслепередачи в моей комнате не реагировал на мои вопросы, и я не знал, насколько масштабным было поражение, но одно было ясно - по крайней мере, Рам вышел из-под контроля человека, и надо было поторапливаться. Я подумал, не пойти ли мне в Иорсалем, как советовал долговязый Пилигрим, которого я встретил перед входом в Рам. Но, подумав, я отогнал эту мысль. Я решил отправиться на запад в Парриш, и не только потому, что он был ближе, но и потому, что там размещалась штаб-квартира Летописцев. Мое ремесло теперь никому не было нужно. И в это первое утро завоеванной Земли я вдруг почувствовал неожиданное сильное и странное желание предложить свою скромную помощь Летописцам и вместе с ними заняться поисками свидетельств более блистательного прошлого нашей планеты.

В полдень я ушел из гостиницы. Сначала я направился к дворцу, который все еще был открыт. Вокруг валялись нищие: одни в наркотическом опьянении, другие - спали, а большинство были мертвы. Мертвые лежали так, что было ясно, что они перебили друг друга, охваченные паникой и яростью. В часовне у трех черепов информационного устройства с поте-

рянным видом сидел на корточках Указатель. Когда я вошел, он сказал:

- Бесполезно. Мозг не отвечает.

- А что с Принцем Рама?

- Мертв. Его сбили завоеватели.

- С ним была юная Воздухоплавательница. Ты что-нибудь слышал о ней?

- Ничего. Мертва, я думаю.

- А город?

- Пал. Повсюду завоеватели.

- Убивают?

- Никого пальцем не трогают, - сказал Указатель. - Они в высшей степени вежливы. Они *собирают* нас.

- В Раме или везде?

Он пожал плечами и начал ритмично раскачиваться взад и вперед. Я оставил его в покое и пошел еще дальше во дворец. К моему удивлению, комнаты Принца были открыты. Я вошел и был поражен немыслимой роскошью светильников, тканей, мебели, ковров. Я шел из комнаты в комнату и наконец дошел до королевской кровати, балдахином над которой служила плоть гигантского моллюска с планеты другой звезды. И когда раковина раскрылась передо мной, я дотронулся до невообразимо мягкой ткани, которая укрывала Принца Рама, и вспомнил, что Эвлуэла тоже лежала здесь. Будь я помоложе, я бы расплакался.

Я покинул дворец и медленно пересек площадь, начиная свой путь в Парриш.

Когда я уходил, я впервые увидел наших завоевателей. Машина незнакомой конструкции появилась у края площади и с десяток существ вышли из нее.

Они были почти похожи на людей: высокие и широкоплечие с впалой грудью, как у Гормона, и только непомерно длинные руки говорили о том, что они иноземцы. Их кожа казалась какой-то странной, и если бы я стоял к ним поближе, подозреваю, что я бы заметил, что их глаза, губы и ноздри совсем не такие, как у людей. Не обращая на меня никакого внимания, они пересекли площадь какой-то неравномерной походкой, будто двигались на свободно соединенных шарнирах, и вошли во дворец. Они не производили впечатление ни надменных, ни воинственных.

Зеваки. Величественный Рам снова продемонстрировал свое магическое воздействие на пришельцев.

Оставив новых хозяев наедине с их любопытством, я зашагал прочь, к окраинам города. Холод вечной зимы проник в мою душу. Я подумал, была ли это грусть по павшему Раму? Или я скорбел о пропавшей Эвлуэле? Или причиной всего этого было то, что я пропустил уже три Наблюдения и, подобно наркоману, испытывал муки отторжения?

Я решил, что, наверное, все это вместе взятое причиняло мне боль, но больше всего - последнее.

Никто не встретился мне на улицах, пока я шел к воротам. Страх перед новыми хозяевами заставлял рамлян прятаться, так мне казалось по крайней мере. Время от времени с жужжанием проезжали машины пришельцев, но я даже не поворачивал головы. Я подошел к западным воротам города, когда день начал клониться к вечеру. Они были распахнуты, и за ними был виден пологий холм, на груди которого приютились деревья с темно-зелеными кронами. Я прошел под аркой и недалеко от ворот увидел фигуру Пилигрима, медленно бредущего по дороге.

Я его быстро догнал.

Мне было странно видеть его спотыкающуюся неуверенную походку, потому что даже плотное коричневое одеяние не могло скрыть его сильного и молодого тела. Он шел выпрямившись, развернув плечи, и все же походка у него была неуверенная и шаркающая, какая она бывает обычно у стариков. Когда я догнал его и заглянул под капюшон, я все понял: к его бронзовой маске, которые обычно носили все Пилигримы, был прикреплен отражатель для слепых, который помогал им вовремя узнавать о встречающихся на пути препятствиях. Он будто кожей ощутил мое присутствие и сказал:

- Я слепой Пилигрим. Прошу, не причиняй мне вреда.

Это не был голос Пилигрима. Это был сильный, резкий и властный голос.

Я ответил:

- Я никому не собираюсь причинять вреда. Я Наблюдатель, который прошлой ночью потерял работу.

- Многие лишились своей работы прошлой ночью, Наблюдатель.

- Только не Пилигримы.

- Верно, - сказал он.

- Куда ты идешь?

- Прочь из Рама.

- И никуда конкретно?

- Никуда, - сказал Пилигрим. - Совсем никуда. Я буду просто бродить по свету.

- Тогда мы могли бы странствовать вместе, - предложил я; ведь странствовать с Пилигримом считается небывалой удачей, а я, потеряв Гормона и Эвлуэлу, все равно бы странствовал в одиночку. - Я иду в Парриш. Пойдешь со мной?

- В Парриш, так в Парриш, мне все равно, - сказал он горько. - Пойдем. А что за дела могут быть там у Наблюдателя?

- У Наблюдателя теперь нигде не может быть дел. Я иду в Парриш, чтобы предложить свои услуги Летописцам.

- А, - сказал он. - Я тоже был членом этого союза, но это было лишь почетное звание.

- Теперь, когда Земля пала, я хочу больше узнать о ее славной истории.

- Разве пала вся Земля, а не только Рам?

- Думаю, что да, - ответил я.

- Понятно, - ответил Пилигрим.

Он погрузился в молчание, и мы отправились в путь. Он облокотился на мою руку и уже больше не спотыкался, а зашагал уверенной молодой походкой. Время от времени он издавал какой-то звук, что было похоже на вздох или сдавленное рыдание. Когда я расспрашивал его о жизни Пилигрима, он отвечал либо уклончиво, либо отмалчивался. Мы были в пути уже около часа и пошли через лес, когда он неожиданно сказал:

- У меня от этой маски болит лицо. Помоги мне получше приспособить ее.

И, к моему удивлению, он начал снимать ее. У меня перехватило дыхание - ведь Пилигримам запрещено показывать свое лицо. Может, он забыл, что я зрячий?

Снимая маску, он сказал:

- Вряд ли тебе понравится это зрелище.

Бронзовая решетка соскочила с его лица, и прежде всего я увидел, что он перестал видеть свет совсем недавно: зияющие дыры глазниц, в которых побывал не скальпель хирурга, а скорее всего, расставленные пальцы. Потом я узнал резко очерченный породистый нос и, наконец, плотно сжатые тонкие губы Принца Рама.

- Ваше Высочество! - воскликнул я.

Струи засохшей крови на щеках. Вокруг глазниц какая-то мазь. Вряд ли он чувствовал сильную боль, потому что, как я

думаю, он убил ее этим зеленоватым снадобьем. Но вот боль, которая пронзила меня, была настоящей.

- Больше не Высочество, - сказал он. - Помоги мне надеть маску! - Руки его задрожали, когда он ее мне протянул. - Края надо растянуть. Они сильно давят мне на щеки. Здесь... и здесь...

Я быстро сделал все, что нужно, потому что не мог смотреть на его обезображенное лицо.

Он надел маску.

- Теперь я Пилигрим, - сказал он тихо. - Рам живет без своего Принца. Ты можешь выдать меня, если хочешь, Наблюдатель. Если нет, помоги мне добраться до Парриша и, если я когда-нибудь опять окажусь у власти, ты будешь хорошо вознагражден.

- Я не предатель, - сказал я ему.

Мы молча пошли дальше. Я не имел понятия, о чем можно говорить с таким человеком. Да, это будет невеселое путешествие. Но теперь мне было суждено стать его проводником. Я подумал о Гормоне и о том, что он сдержал свое слово. И об Эвлуэле я думал тоже, и тысячу раз у меня на языке вертелся вопрос, что стало с его любовницей, маленькой Воздухоплавательницей, в ту ночь, но слова не шли с губ.

Наступили сумерки, но золотисто-красное солнце все еще горело на западе. И вдруг я остановился, и у меня вырвался хриплый звук удивления, потому что над нами промелькнула тень.

Высоко в небе парила Эвлуэла. На ее коже горели отблески заходящего солнца, а ее крылья, раскинутые во всю ширь, переливались всеми цветами радуги. Она уже была на высоте сотни человеческих ростов от земли и поднималась все выше, и я ей, наверное, казался лишь точкой среди деревьев.

- Что это, - спросил Принц. - Что ты увидел?

- Ничего.

- Отвечай, что ты увидел!

Мне трудно было обмануть его.

- Я увидел Воздухоплавательницу, Ваше Высочество. Хрупкую девушку в вышине.

- Значит, наступила ночь.

- Нет, - сказал я. - Солнце еще не зашло.

- Но этого не может быть! У нее ведь только ночные крылья. Солнце бы швырнуло ее на землю!

Я колебался. Я не мог заставить себя объяснить ему, как Эвлуэла могла летать днем, хотя у нее и были только ночные

крылья. Я не мог сказать Принцу Рама, что рядом с ней летел Гормон, летел без крыльев, легко скользя в воздухе, обнимая ее хрупкие плечи, помогая ей преодолевать давление солнечного ветра. Я не мог сказать ему, что это его возмездие летит над его головой с его последней возлюбленной.

- Ну? - спросил он требовательно. - Почему же она летит днем?

- Я не знаю, - ответил я. - Для меня это тоже тайна. Сегодня происходит многое, чего я больше не в состоянии понять.

И он снова погрузился в молчание. Мне очень хотелось позвать Эвлуэлу, но я знал, что она не может и не хочет слышать меня, и поэтому я шел дальше, вслед за заходящим солнцем, к Парришу, ведя слепого Принца. А над нами, высоко в небе, летели Гормон и Эвлуэла, летели в сиянии угасающего дня, пока не поднялись так высоко, что я потерял их из виду.

Часть II

1

Странствовать с Принцем, который лишился власти, дело нелегкое. Он остался без глаз, но гордыня его была при нем; слепота не научила его смирению. Он надел маску и одежды Пилигрима, но благочестия в его душе не было.

И пока мы шли к Парришу ранней весной, весь его двор состоял из одного человека - меня. По его желанию я развлекал его историями о своих странствиях; я старался помочь ему преодолеть чувство горького разочарования. Взамен я получал лишь уверенность в том, что у меня будет еда. Ведь никто не может отказать Пилигриму в пище. И в каждом селении на нашем долгом пути мы останавливались в гостиницах, где его кормили и, как его спутнику, кое-что перепадало и мне. Както раз, в самом начале нашего пути, он по привычке высокомерно сказал хозяину гостиницы:

- Смотри, чтоб моего слугу тоже накормили.

Слепой Принц не мог видеть взгляда, полного изумленного сомнения, - зачем это Пилигриму слуга? - Но я улыбнулся хозяину, подмигнул ему и многозначительно постучал себя пальцем по лбу. Он понял меня, и уже без лишних слов накормил нас обоих. Потом я, конечно, объяснил Принцу его ошибку, и с тех пор он уже говорил обо мне, как о своем

спутнике. И все же я понимал, что для него я всего лишь слуга.

Погода была ясная. В Эйропе становилось все теплее. У дороги зеленели тонкие ивы и стройные тополя, но больше всего здесь было раскидистых звездных деревьев, которые были посажены в чудесное время Второго Цикла, и их голубоватые узкие и длинные листья выстояли Эйропскую зиму. И птицы уже возвращались, перезимовав в Африкии. Их оперение переливалось в воздухе, и они щебетали, обсуждая между собой перемены в этом мире.

- Они издеваются надо мной, - сказал однажды на рассвете Принц. - Они напевают мне свои мелодии, но бросают мне вызов, потому что я не могу видеть их яркое оперение!

Да, ему было нелегко. У него, кто имел так много и все это потерял, были основания жаловаться на белый свет. Для меня поражение Земли означало только необходимость сменить привычки. Остальное было по-старому: мне больше не нужно было заниматься Наблюдениями, но я по-прежнему странствовал по белому свету один. Я и сейчас был один, хотя рядом со мной был спутник

Мне было интересно, догадывался ли Принц, почему его ослепили. Объяснил ли Гормон Принцу в момент своего триумфа, что он потерял глаза всего-то навсего из-за женщины.

"Ты завладел Эвлуэлой, - мог бы сказать Гормон. - Ты увидел маленькую Воздухоплавательницу и решил поразвлечься. И ты сказал: а ну-ка, девочка, прыгай ко мне в постель. Тебе и в голову не пришло, что она личность. Тебе и в голову не пришло, что она может предпочесть кого-то другого. Ты думал о ней так, как мог думать Принц Рама - властелин. Получай же, Принц"... - И два выпрямленных и растопыренных пальца, как две стрелы, вонзаются в его глаза.

Но я так и не осмелился ни о чем спросить Принца. Во мне еще жил благоговейный страх перед этим павшим монархом. И я не смел проникать в его тайны, затевать беседу о его несчастьях, как с обыкновенным спутником. Я отвечал, когда со мной заговаривали. Я начинал беседу, когда мне подавали знак. Все остальное время я молчал, как послушный вассал в присутствии господина.

И каждый день хоть что-то напоминало нам о том, что Принц Рама уже не был властелином в своих владениях.

Над головой пролетали Завоеватели - иногда в воздушных кораблях, напоминающих колесницы, иногда вообще без них, за счет собственной энергии. Их было много в небе. Они будто

проводили инвентаризацию теперь уже своих собственных владений. Их тени мелькали над нами, как мгновенные затмения. Я смотрел в небо, чтобы разглядеть новых хозяев и, как ни странно, я чувствовал не гнев, а только облегчение, что такое долгое бдение на страже Земли закончилось. У Принца были совсем другие ощущения. Он, казалось, видел, когда над нами пролетали Завоеватели и сжимал кулаки, и хмурился, и шептал проклятия. Может быть, у него есть оптические нервы, которые фиксируют движение теней? Или, может быть, другие его чувства настолько обострены теперь, что он может слушать почти бесшумное жужжание воздушного флота и ощущать запах кожи парящих в небе Завоевателей? Я не спрашивал. Я старался почти ничего не спрашивать.

Иногда по ночам, когда он думал, что я сплю, я слышал его рыдания. Мне было очень жаль его в эти минуты. Ведь он слишком рано потерял все, что имел. В эти минуты, когда над миром царила тьма, я понял, что он и рыдает-то не как обычный человек, а как-то с вызовом, сердито подвывая. Но все же он рыдал.

Временами мне казалось, что он принял свои потери, как неизбежность, и просто стоически переносит это. С отрешенным видом он делал быстрые короткие шажки, и каждый такой шаг уводил его все дальше от великого города Рама и приближал к Парришу. Иногда же мне казалось, что за бронзовой решеткой маски скрывалась раненая душа. А бывало, что его сдерживаемая ярость впивалась в меня жалящими змеиными укусами. Он издевался над тем, что я стар, что у меня невысокий ранг, что жизнь моя теперь бесцельна, теперь, когда произошло Вторжение, в ожидании которого я вел свои долгие Наблюдения. А то он начинал играть со мной, как кошка с мышкой.

- Скажи мне твое имя, Наблюдатель.

- Но это запрещено, Ваше Высочество.

- Старые законы уже не действуют. Ну же, нам еще долгие месяцы странствовать вместе. ну что, мне тебя так и называть все время - Наблюдатель?

- Но это обычай моего союза.

- А мой обычай, - сказал он, - отдавать приказания, которым подчиняются. Твое имя!

- Даже союзу Правителей не пристало требовать имя Наблюдателя без веских оснований и письменного разрешения главы союза!

Он сплюнул.

- Шакал, ты бросаешь мне вызов, когда я в таком положении! Если бы мы сейчас были в моем дворце, ты бы не осмелился ослушаться!

- В Вашем дворце, Ваше Высочество, вы бы не предъявили мне такого несправедливого требования перед лицом двора. У Правителей тоже есть обязательства, и одно из них - уважать законы других союзов.

- Он мне еще читает мораль, - сказал Принц. В раздражении он опустился на обочину. Потом лег на спину и растянулся на склоне, покрытом густой травой, дотянулся рукой до звездного дерева и оборвал листья с одной из веток, сжал их в руке так, что они, должно быть, впились ему в ладонь. Я стоял возле него. Мимо прогрохотала машина, первая, которую мы встретили в это утро на пустынной дороге. В ней сидели Завоеватели. Кто-то из них помахал нам. Через некоторое время Принц произнес как бы извиняющимся, почти подобострастным голосом:

- Меня зовут Энрик. А теперь назови свое имя.

- Прошу простить меня, Ваше Высочество, но...

- Но теперь ты знаешь мое имя! А ведь мне, так же как и тебе, запрещено его называть!

- Но я у вас его не спрашивал, - сказал я твердо.

Я так и не назвал своего имени. Конечно, это была небольшая победа - не назвать свое имя Принцу, который был лишен власти. Но он заставил меня платить за это непослушание, отыскивая самые мелочные поводы для мести. Он придирался ко мне, досаждал мне, дразнил, проклинал и поносил меня. Он с презрением говорил о моем союзе. Он требовал от меня лакейских услуг. Я смазывал его металлическую маску, я закладывал мазь в его глазницы; я делал многое другое, о чем унизительно даже вспоминать. Так мы и брели по дороге в Парриш, пустой старик и опустошенный юноша, ненавидя друг друга; два странника, связанные необходимостью и долгом.

Это было трудное время. Мне приходилось терпеть его постоянно меняющееся настроение: то он строил радужные, но несбыточные планы о том, как освободить Землю, то снова проваливался в пропасть отчаяния, сознавая, что Завоевание уже свершилось. Мне приходилось защищать его, когда он опрометчиво вел себя в селениях. Забывая, что он уже не Принц Рама, он отдавал жителям приказы, а иногда даже позволял себе кого-то ударить. А ведь это было совершенно недопустимо для святого человека, каким бы должен быть Пилигрим. Но самое ужасное другое - я вынужден был забо-

титься о том, чтобы он удовлетворял свою похоть, и покупал для него женщин, которые приходили к нему под покровом ночи, не имея понятия, что отдавали себя тому, кто называл себя Пилигримом. А он был обманщиком, потому что у него не было даже звездного камня, с помощью которого Пилигримы общаются с Провидением. Мне чудом удалось уберечь его от казалось бы неминуемого разоблачения, когда однажды в пути мы повстречали еще одного Пилигрима, теперь уже настоящего. Это был очень непростой старик, умеющий и готовый спорить, буквально напичканный теологическими софизмами.

- Подойди и давай поговорим об имманентности Провидения, - сказал он Принцу, а Принц, нервы которого в этот день были натянуты до предела, ответил ему какой-то грубостью.

Я украдкой пнул его в царскую голень, а потрясенному Пилигриму сказал:

- Наш друг неважно себя сегодня чувствует. Вчера вечером он общался с Провидением и услышал откровение, из-за которого его рассудок немного помутился. Молю тебя, позволь нам продолжить путь и не говори с ним о святости, пока он не придет в себя.

Благодаря этой моей импровизации, мы могли продолжить путь.

С наступлением тепла Принц немного оттаял. Может быть, он примирился со своей катастрофой, а возможно где-то в закоулках своей легкомысленной головы он осваивал тактику приспособления к своему новому положению. Он даже как-то беззаботно говорил о себе, о своем падении и об унижении, которое он испытал. Он так говорил о власти, которая у него когда-то была, что было ясно - он и не помышлял о том, чтобы ее вернуть. Он рассказывал о своем богатстве, о своих женщинах, о драгоценностях, которые ему когда-то принадлежали, и о странных машинах, о своих Измененных, Музыкантах, Слугах и Магистрах, и даже друзьях Правителях, которые преклоняли перед ним колени. Не могу сказать, что в такие минуты он вызывал у меня чувство симпатии, но, по крайней мере, я видел, что за холодной маской - страдающий человек.

Он даже и во мне увидел, наконец, человека. А это было для него нелегко.

Он говорил:

- Ты знаешь, Наблюдатель, когда обладаешь властью, то вся беда в том, что ты отрезан от людей. Люди становятся для тебя чем-то неодушевленным. Ну вот ты, например, был для

меня просто машиной, которая где-то рядом проводит Наблюдения, чтобы обнаружить Завоевателей. А ведь у тебя были мечты, надежды, огорчения и все остальное, но я-то воспринимал тебя, как старика, который существует только ради того, чтобы выполнять в союзе свои функции. Теперь я понял гораздо больше.

- Что же?

- Что ты был когда-то молод, Наблюдатель. У тебя был родной город, который ты любил. Семья. Наверное, даже девушка. Ты выбрал союз, выбрал дело и научился ему, ты боролся, у тебя болела голова и подводило живот, и вообще было очень много трудных минут в твоей жизни, когда ты пытался разобраться, что к чему в этом твоем деле, для чего оно. И ты видел, как проезжали мы, Магистры, Правители, пролетали мимо, как кометы. И вот судьба свела нас на этой дороге в Парриш. И кто же из нас больше счастлив сейчас?

- Я ощущаю себя вне счастья или печали, - ответил я.

- Это правда? Это правда? Или это просто маска, за которой ты прячешь истинные чувства? Признайся, Наблюдатель, ведь по законам твоего союза ты не имеешь права жениться. Но ты хоть когда-нибудь любил?

- Случалось.

- А сейчас?

- Я уже стар, - ответил я уклончиво.

- Но ведь теперь ты можешь любить, правда? Ты теперь свободен от клятвы своего союза. У тебя может быть невеста.

Я рассмеялся:

- Кому я нужен?

- Не говори так. Ты совсем не стар. Ты полон сил. Ты повидал мир и понимаешь его. А что, в Паррише ты бы мог найти себе какую-нибудь молодую женщину, которая... - Он вдруг замолчал, а потом спросил: - А ты когда-нибудь испытывал искушение, когда ты еще должен был соблюдать клятву?

Как раз в этот момент над нами пролетела Воздухоплавательница. Это была женщина средних лет, и ей трудно было лететь, потому что умирающий дневной свет давил на ее крылья. Меня пронзила острая боль. И мне хотелось сказать Принцу: да, да, было такое искушение. Совсем недавно ворвалась в мою жизнь маленькая Воздухоплавательница, девушка, совсем еще ребенок, Эвлуэла. И по-своему я любил ее, хотя даже ни разу не коснулся, и я до сих пор люблю.

Но я ничего не сказал Принцу Энрику.

Я все смотрел на эту Воздухоплавательницу, которая была свободней меня, потому что у нее были крылья и, окутанный теплом этого весеннего вечера, я почувствовал, как меня пронизывает холод одиночества.

- Еще далеко до Пэрриша? - спросил Принц.

- Мы будем идти и идти и когда-нибудь придем туда.

- А потом?

- Я буду учиться в союзе Летописцев, для меня Парриш - начало новой жизни. А для вас?

- Я надеюсь отыскать там друзей.

И мы шли вперед долгие часы каждый день. Некоторые из тех, кто проезжал мимо, предлагали подвезти нас, но мы отказывались, потому что на проверочных постах Завоеватели наверняка будут искать таких, как Принц. Мы прошли десятки миль по туннелям, прорытым под горами, ледяные вершины которых вздымались в заоблачную высь. Потом мы пересекали равнины, на которых раскинулись крестьянские угодья. И мы останавливались у пробуждающихся после зимы рек, чтобы охладить горящие ступни ног. Нас нещадно палило золотое солнце. Мы шли через этот мир, но были вне его. Мы не слушали новостей Завоевания, хотя было очевидно, что победа Завоевателей была полной и окончательной. Они сновали повсюду в своих маленьких машинах и рассматривали наш мир, который теперь принадлежал им.

Я подчинялся всем приказам Принца, включая и те, которые были для меня неприятны. Я пытался сделать его жизнь более сносной. Поэтому я давал ему возможность все еще чувствовать себя правителем - правителем хотя бы одного никудышнего старого Наблюдателя. Я учил его, как нужно себя вести и что нужно делать, чтобы люди верили, что он Пилигрим. Конечно, я знал немного, но я рассказал ему, как нужно держаться, какие фразы произносить, какие молитвы читать. Было ясно, что он редко обращался к Провидению, пока правил. Теперь он стал праведником, но неискренним, это было просто игрой в Пилигрима.

В городе, который назывался Дижон, он сказал: "Здесь я куплю себе глаза".

Конечно, он не имел в виду настоящие глаза. Секрет такой замены глаз был утерян еще во Втором Цикле. Там, на более счастливых звездах, за деньги можно купить любое чудо, а наша Земля была уже давно забытой Богом планетой где-то на задворках Вселенной. Во времена до Завоевания Принц мог бы отправиться к этим звездам и купить там себе новое зре-

ние, но сейчас он мог приобрести глаза, которые могли помочь ему лишь различать светлые предметы от более темных. Но даже и это было хотя бы каким-то элементарным зрением, ведь пока что у него был лишь рефлектор, который предупреждал его о препятствиях на пути. С чего он взял, однако, что в Дижоне он найдет мастера, который сможет ему помочь? И как он собирается платить?

Он сказал:

- Там есть человек, брат одного из моих Секретарей. Он из союза Изобретателей, и я часто покупал его работы в Раме. У него найдутся для меня глаза.

- А как платить?

- У меня найдутся средства.

Мы остановились в поле у сучковатых пробковых деревьев, и Принц расстегнул одежды. Показав на бедро, он сказал:

- Здесь у меня кое-какой запас на случай крайней необходимости. Дай мне лезвие!

Я протянул ему лезвие, он схватил его за рукоятку и нажал на кнопку. Из рукоятки вырвался плотный холодный луч света. Левой рукой он ощупал свое бедро, чтобы точно определить нужное место. Потом, натянув кожу между двумя пальцами, он сделал ровный надрез длиной около пяти сантиметров. Крови не было, и создавалось впечатление, что ему совсем не больно. Я в изумлении наблюдал, как он просунул пальцы в надрез, растянул его края и, казалось, нащупывал там что-то, как в сумке. Он бросил мне назад лезвие.

Их его бедра посыпались драгоценности.

- Смотри, чтоб ничего не потерялось, - повелительно сказал он мне.

На траву упали семь сверкающих драгоценных камней, явно не земного происхождения, маленькая, ловко сделанная модель земного шара, пять золотых монет прошлых циклов Императорского Рама, кольцо с мерцающей каплей квазижизни, флакон каких-то неизвестных духов, несколько миниатюрных музыкальных инструментов, выполненных из редких пород дерева и инкрустированных драгоценными металлами, восемь статуэток, изображающих кого-то вроде царственных особ, и что-то еще. Я сгреб все эти диковины в ослепительную кучу.

- Это сумка, - холодно пояснил Принц, - которую искусный Хирург имплантировал в мое тело. Я предвидел, что может придти такое время, когда мне придется спешно оставить

дворец. Я насовал туда всего, что смог, но это еще далеко не все. Скажи мне, скажи, что я достал?

Я подробно все перечислил. Он напряженно слушал меня, и я понял, что он пересчитывал все, что достал, и просто проверял мою честность. Когда я закончил, он кивнул с довольным видом.

- Возьми глобус, - сказал он, - кольцо и два самых ярких драгоценных камня. Спрячь их у себя, остальные я положу назад.

Он опять растянул края надреза и по одной убрал драгоценности, и они вновь соединились с невидимым великолепием, укрытым в каком-то другом измерении, выход из которого был в бедре у Принца. Может, у него там полдворца. Наконец, он сжал края надреза и разгладил это место, на котором не осталось никакого следа. Потом застегнул одежды.

В городе мы довольно быстро нашли магазин Изобретателя Бордо. Это был маленький приземистый человечек с рябым лицом и седой бородой; один его глаз подергивал тик, а нос был крупным и плоским, но пальцы его были тонкие и изящные, как у женщины. У него был мрачный магазинчик с пыльными деревянными полками и маленькими окнами. Этому зданию, наверное, было десять тысяч лет. На витрине было выставлено несколько элегантных вещиц. Все остальное не заслуживало интереса. Он осторожно поглядывал на нас, видимо, озадаченный появлением Пилигрима и Наблюдателя в его магазинчике.

Принц толкнул меня в бок, и я сказал:

- Моему другу нужны глаза.

- Я делаю такие вещи. Но это стоит очень дорого и потребует долгих месяцев работы. Вряд ли это по средствам любому Пилигриму.

Я положил один драгоценный камень на потертый прилавок:

- У нас есть средства.

Потрясенный до глубины души, Бордо схватил камень, начал вертеть его в разные стороны и увидел, что в сердце камня горит чужеземный свет.

- Если вы придете ко мне еще раз к осени...

- У вас нет готовых глаз? - спросил я.

Он улыбнулся.

- У меня очень редко спрашивают такие вещи, поэтому мы не держим их в запасе.

Я положил на прилавок модель глобуса. Бордо сразу понял, что это работа мастера, и челюсть его отвисла. Он положил глобус на ладонь, а другой рукой стал дергать себя за бороду. Я не мешал ему, я дал ему время полюбить эту вещицу, а потом забрал ее и сказал:

- Мы не можем ждать до осени. Пойдем в какое-нибудь другое место. В Парриш, например.

Я взял Принца под руку, и мы двинулись к двери.

- Постойте! - закричал Бордо. - Дайте мне время хотя бы проверить! Может, у меня и найдется где-нибудь пара...

И он ожесточенно начал рыться в сумках, которые висели в глубине магазинчика на стене.

Разумеется, у него нашлись глаза, и я поторговался немного, и мы остановились на кольце, глобусе и одном драгоценном камне. Принц все это время не проронил ни слова. Я настоял на том, чтобы глаза вставили немедленно, и Бордо, возбужденно кивая, закрыл магазинчик, надел шлем мыслепередачи и вызвал Хирурга с угрюмым лицом. И вот уже началась подготовка к операции. Принц лежал на каком-то нелепом ложе в герметическом и стерильном колпаке. Он снял рефлектор и маску. Как только миру предстали резкие черты его лица, Бордо, который бывал при дворе Рама, пробормотал что-то в изумлении. Но тут я наступил ему на ногу. Бордо будто проглотил свои слова, а Хирург, так и не понявший, в чем дело, начал спокойно обрабатывать тампоном раненые глазницы.

Глаза - сферы жемчужно-серого цвета - были меньше настоящих глаз, с узкими поперечными разрезами. Я не знаю, что за механизм был там внутри, но с обратной стороны у них были тончайшие золотые выводы для подсоединения к нервным окончаниям. Всю первую стадию операции Принц спал, пока я и Бордо ассистировали Хирургу. Потом пришло время его разбудить. Лицо его исказила конвульсия боли, но вскоре это прошло, и Бордо пробормотал какую-то молитву.

- Дайте свет, - сказал Хирург.

Бордо подвел ближе круг лампы. Принц сказал:

- Да, да, я вижу разницу.

Бордо вышел, я последовал за ним. Он дрожал, лицо его позеленело от страха.

- Теперь вы убьете нас? - спросил он.

- Конечно, нет.

- Я узнал...

- Вы узнали бедного Пилигрима, - сказал я, - с которым случилось в пути несчастье. И не больше. Больше ничего.

Пока я смотрел, что есть у Бордо в магазинчике, вышли Хирург и его пациент. В глазницах Принца поблескивали жемчужно-серые сферы искусственных глаз. Он больше был похож на машину, чем на человека, и когда он передвигался, прорези в глазах расширялись, сужались, потом опять расширялись, бесшумно, будто украдкой.

- Смотри, - сказал он и пошел через комнату, указывая на предметы и называя их. Я понимал, что он видел их будто через плотную ткань, но все-таки видел, хоть как-то видел. Он опять надел маску, и с наступлением ночи мы ушли из Дижона.

Принц казался почти бодрым. Но глаза, которые он получил, были лишь жалким подобием тех, которые у него вырвал Гормон, и очень скоро он понял это. В ту ночь, когда мы спали на жестких лежанках в приюте Пилигримов, Принц кричал от ярости, и в свете луны я видел, как поднимались его руки со скрюченными пальцами и как его ногти вонзались в невидимого врага снова и снова.

2

Только к концу лета добрались мы до Парриша. Мы вошли в город с юга и шли по широкой упругой дороге, которую с обеих сторон обрамляли тысячелетние деревья, и нас поливал прекрасный летний дождь. Порывы ветра обдавали нас сухими листьями. В эти моменты та ночь, когда пал Рам и мы оба бежали из этого покоренного города, казалась кошмарным сном. За время нашего долгого путешествия всю весну и лето мы как-то посуровели, и серые башни Парриша, казалось, обещали новую жизнь. Я чувствовал, что мы обманываем себя, потому что миру нечего было предложить почти слепому Принцу с рухнувшими надеждами и Наблюдателю, у которого давно уже были не те силы.

Город был довольно мрачным. Ведь даже поздней зимой над Рамом сияло солнце в безоблачном небе. Над Парришем, казалось, постоянно нависало затянутое облаками небо, а здания и весь город казались мрачными. Даже стены города были цвета серого пепла и совсем не радовали глаз. Ворота были широко открыты. Возле них сидел с угрюмым видом человек в одежде союза Часовых, который даже и бровью не повел,

когда мы подошли. Я вопросительно взглянул на него. Он покачал головой.

- Входи, Наблюдатель.

- Без проверки?

- Ты что, не слышал? Шесть месяцев назад все города были объявлены свободными. Приказ Завоевателей. Ворота теперь никогда не закрываются. Половина Часовых без работы.

- Я думал, что Завоеватели ищут врагов, - сказал я. - Бывшую знать.

- У них где-то есть контрольные пункты, но Часовые там не работают. Город свободен. Входите, входите.

Когда мы прошли ворота, я спросил:

- Зачем же ты тогда здесь?

- Сорок лет я здесь стоял на посту, - сказал Часовой. - Куда мне идти?

Я понимающе развел руками и кивнул, как бы сочувствуя его горю, и мы вошли в Парриш.

- Пять раз я входил в Парриш через южные ворота, - сказал Принц. - Всегда на колеснице. И мои Измененные шли впереди и возвещали о моем прибытии звуками своих голосов. Мы шествовали к реке, проезжая древние здания и памятники, прямо во дворец Виконта Парриша. А ночью, высоко над городом мы танцевали на гравитационных площадках. А еще там был балет Воздухоплавательниц, а потом в Башне Парриша нам показывали рассвет. И вино, красное вино Парриша, женщины в дерзких нарядах! Ах, как манили их бедра и обнаженные с красными сосками груди! Мы купались в вине, Наблюдатель.

Он неопределенно махнул рукой:

- Это Башня Парриша?

- Я думаю, это останки метеорологической машины, - сказал я.

- Метеорологическая машина - это вертикальная колонна. А то, что вижу я, больше похоже на конус, поднимающийся от широкого основания к более изящной вершине, как Башня Парриша.

- А я вижу, - сказал я мягко, - вертикальную колонну высотой в тридцать человеческих ростов, заканчивающуюся неровными зубцами. И потом, Башня не может быть так близко от южных ворот, ведь правда?

- Да, действительно, - пробормотал Принц и выругался. - Это и вправду метеорологическая машина. Эти глаза, которые мне всучил Бордо, мало что видят, а? Я обманываю себя,

Наблюдатель. Я обманываю себя. Найди-ка шлем мыслепередачи и узнай, в городе ли Виконт.

Еще какое-то мгновение я смотрел на усеченный конус метеорологической машины, этого фантастического устройства, которое принесло столько горя миру в период Второго Цикла. Я попытался мысленно проникнуть внутрь через его блестящие, казалось смазанные маслом, мраморные стены, увидеть складки кишечника таинственных устройств, которые смогли потопить целые континенты, которые давным-давно смогли превратить мои родные гористые земли на западе в цепь островов. Потом я отвернулся, надел шлем мыслепередачи, задал вопрос относительно Виконта и получил ответ, какой и ожидал, и тогда уже попросил назвать места, где мы могли бы остановиться.

Принц спросил:

- Ну?

- Виконт Парриша был казнен со своими сыновьями во время Завоевания. Его династия больше не существует, его титул упразднен, а его дворец теперь превращен Завоевателями в музей. Все остальные представители знати Парриша либо мертвы, либо покинули город. Я устрою вам место в приюте для Пилигримов.

- Нет. Возьми меня с собой, к Летописцам.

- Вы хотите присоединиться теперь к этому союзу?

Его жест выражал нетерпение.

- Да нет же, глупец! Но как я могу остаться один в незнакомом городе, где у меня нет друзей? И что я скажу Пилигримам в их приюте? Я останусь с тобой. Летописцы вряд ли откажутся приютить и накормить слепого Пилигрима.

У меня не было выбора. И он отправился со мной в Дом Летописцев.

Нам пришлось пройти через весь город, и на это ушел почти весь день. Парриш, казалось, был в смятении. С приходом Завоевателей разрушилась структура общества, ремесло огромного количества людей оказалось ненужным, ненужными оказались целые союзы. На улицах я увидел десятки своих братьев, Наблюдателей, некоторые тащили за собой тележки с приборами, а другие, вроде меня, освобожденные от своей ноши, едва понимали, чем же им можно заняться. Мои собраться казались угрюмыми и опустошенными. У многих был тупой и безразличный взгляд, какой бывает от пьянства, которое захлестнуло их теперь, когда они оказались никому не нужны и вся дисциплина в союзе полетела к черту. Еще без

дела слонялось много Часовых в подавленном состоянии, потому что им нечего было охранять, и Защитников, испуганных и потрясенных тем, что защищать уже было нечего. Я не видел Магистров и, конечно, Правителей, но зато по городу бесцельно бродили Клоуны, Музыканты, Писатели и многие другие, кто раньше служил при дворе. Бесчисленные Ньютеры, не привыкшие сидеть без дела, сбивались то здесь, то там в бессмысленные кучи. Только Продавцы и Сомнамбулы, казалось, как обычно заняты делом.

Завоеватели выделялись в толпе. Они разгуливали по улице по двое, по трое - долговязые существа, руки у которых доходили почти до колен. У них были тяжелые веки, ноздри терялись в складках кожи, а губы, хоть и полные, казались спаянными, когда рот у них был закрыт. Почти все они были одеты в одинаковую, видимо военную, одежду темно-зеленого цвета.

Некоторые были при оружии, которое выглядело до странности примитивным - какие-то большие тяжелые штуки, перекинутые за спину, возможно больше для формы, чем для самообороны. Казалось, они не испытывали ни малейшего напряжения - настоящие Завоеватели, самоуверенные и гордые, которые и не думают о том, что побежденные могут оказать хоть какое-то сопротивление. И все-таки они, наверное, ощущали внутренний дискомфорт, потому что не ходили поодиночке. Меня не задевало ни их присутствие, ни какое-то, казалось, высокомерие, с которым они бросали взгляды собственников на древние памятники Парриша. А Принц Рама, который различал лишь темно-серые вертикали на светло-сером фоне, инстинктивно ощущал их присутствие и то и дело сердито и шумно вдыхал воздух.

На улице было много гостей с других звезд, больше, чем обычно. Это были самые невообразимые существа - одни могли дышать воздухом, другие разгуливали в герметических скафандрах или специальных дыхательных коробках в форме пирамиды или контурных костюмах. Ничего необычного не было, но количество гостей приводило в изумление.

Они сновали повсюду: заглядывали в дома древних религий, покупали у Продавцов сверкающие изображения Башни Парриша, рискованно взбирались на самые верхние уровни пешеходных дорожек, заглядывали в жилые дома, делали снимки, обменивали валюту у вороватого вида торгашей, заигрывали с Воздухоплавательницами и Сомнамбулами, с риском для жизни кутили в наших ресторанах, как стада на выпасе

передвигались от одной достопримечательности к другой. Было впечатление, что наши Завоеватели запустили во всей галактике новую рекламу: ПОСЕТИТЕ СТАРУЮ ЗЕМЛЮ СЕГОДНЯ, ПРИ НОВОМ УПРАВЛЕНИИ.

А вот нищие процветали. Тем, кто явился сюда попрошайничать с других звезд, доставалось от приезжающих не очень-то много, но уроженцы Земли просто преуспевали. Исключение составляли Измененные, которых не признавали за землян. Я видел, как несколько таких Мутантов, раздраженные тем, что им отказали, бросались на тех, кто был удачливее, и сбивали их с ног, а любители фотографий запечатлевали сцену, чтобы потом позабавить тех, кто остался дома.

Наконец мы пришли к Дому Летописцев.

Это было величественное здание, как это и подобало зданию, где хранилось все прошлое нашей планеты. Оно поднималось на невероятную высоту на южном берегу Сенны, как раз напротив массивного дворца Виконта. Но дворец свергнутого Виконта был действительно древней постройкой, наверное, Первого Цикла - сложной архитектуры здание из серого камня с зеленой металлической крышей - в традиционном парришском стиле. А вот Дом Летописцев представлял из себя сияющую белую колонну с полированной поверхностью без окон, а от основания до вершины золотистой спиралью ее обвивал обод из блестящего металла, на котором была выгравирована история человечества. На верхних витках спирали еще ничего написано не было. На расстоянии ничего нельзя было прочесть, и мне было интересно, написали ли Летописцы на этой спирали историю поражения Земли. Позже я узнал, что этого они не сделали - практически история Земли была рассказана лишь до конца Второго Цикла, а то, что не доставляло никакой радости, так и осталось недосказанным.

На город опускалась ночь. И Парриш, который днем выглядел так мрачно под облачным небом в дождливую погоду, вдруг расцвел, как вдова, возвращающаяся из Иорсалема снова молодой и полной желаний. Огни города бросали мягкий дразнящий отблеск на старые серые здания, таинственный отсвет скрадывал углы, затягивал цветной пеленой пыль античности, въевшуюся в здания, рождая красоту из уродства. Дворец Виконта из тяжелого и грузного чудовища превратился в воздушный сказочный замок. Башня Парриша, выхваченная огнями из ночного сумрака, нависла над нами, как вытянутый гигантский паук, который вызывает лишь чувство восхищения своим природным изяществом. Белизна Дома Летописцев по-

коряла сияющей красотой, а сверкающая спираль истории, казалось, тянулась прямо к чьему-то сердцу. Воздухоплавательницы Парриша в этот вечер парили в небе в грациозном танце, их прозрачные крылья были широко раскинуты и будто ловили разноцветные огни снизу, а их гибкие тела выстроились парящей вереницей до самого горизонта. О, как стремительно они взмывали ввысь, эти дети Земли с уже совсем иной генетикой, эти счастливые собратья союза, который требует от них единственного - находить удовольствие в жизни! Они просто излучали красоту как множество маленьких лун. К их воздушному танцу присоединились и Завоеватели, которые летали совсем неизвестным мне способом, прижимая свои длинные конечности к телу. Я заметил, что Воздухоплавательницы не испытывали к ним никакого чувства неприязни, и даже приветствовали их появлением рядом, позволяя им принять участие в танце.

Еще выше, прямо на небесном своде, кружили две искусственные луны, чистые и блестящие, которые плавно скользили с запада на восток. И пятна укрощенного света кружили в воздухе посреди этого, как я думаю, вполне обычного развлечения жителей Парриша. Громкоговорители, плывущие под облаками, выплескивали на нас веселую музыку. Откуда-то слышался девичий смех, я чувствовал запах наливаемого вина. Если это покоренный Парриш, думал я, то каким же был Парриш свободный?

- Мы уже в Доме Летописцев? - раздраженно спросил Принц Энрик.

- Да, это он, - ответил я, - белая башня.

- Я знаю, как он выглядит, идиот! Я хуже вижу с наступлением темноты, вот то здание, это что?

- Вы показываете на дворец Виконта, Ваше Высочество.

- Значит, он там.

- Да.

- А почему мы не вошли?

- Я любуюсь Парришем, - сказал я. - Я никогда не видел подобной красоты. Рам тоже красив, но совсем по-другому. Рам - император, Парриш - придворный.

- Да ты поэт, старый сморчок!

- Я чувствую, что молодею. Я бы мог танцевать прямо на улице теперь. Этот город напевает мне прекрасную мелодию.

- Входи, входи. Мы пришли сюда, чтобы встретиться с Летописцами. Пусть он начнет напевать тебе чуть позже.

Я вздохнул и повел его ко входу. Мы пошли по дорожке, выложенной черным блестящим камнем, и вскоре оказались в прыгающих лучах света, которые обнаружили нас и зарегистрировали. Оказалось, что огромная дверь из черного дерева, которую я увидел, в пять человеческих ростов шириной и в десять ростов высотой, была всего-навсего оптическим обманом: как только мы подошли к ней, я почувствовал большое пространство перед собой, увидел внутренние своды и понял, что это обман. Я ощутил слабые волны теплого воздуха и странный запах, когда мы проходили через нее.

Внутри нам открылся гигантский вестибюль, почти такой же роскошный, как внутренние покои дворца Принца Рама. Все сияло белизной, камень, казалось, светился изнутри, и этот свет радостным потоком заливал весь холл. Тяжелые двери справа и слева вели в два внутренних крыла. Хотя уже опустилась ночь, но около устройств, прикрепленных к стене в глубине холла, через которые осуществлялся доступ к банкам данных, теснилось много народа. Экраны и шлемы мыслепередачи давали возможность войти в основные файлы союза Летописцев. Я с интересом заметил, что среди тех, кто пришел с вопросами о прошлом человечества, было много Завоевателей.

Пока мы пересекали холл, было слышно только постукивание наших шагов.

Я, собственно, не увидел самих Летописцев, поэтому подошел к аппаратуре доступа к банку данных, надел шлем мыслепередачи и сообщил набальзамированному мозгу, что ищу Летописца Бэзила, с которым я встречался в Раме.

- Какое у тебя к нему дело?

- Я принес ему его шаль, которую он вверил моим заботам, когда покидал Рам.

- По разрешению Завоевателей Летописец Бэзил вернулся в Рам, чтобы закончить там свои исследования. Я пришлю к тебе кого-нибудь из членов союза, чтобы взять шаль.

Нам не пришлось долго ждать. Мы стояли в глубине холла, и я смотрел на Завоевателей, и думал о том, что им предстоит еще столько узнать, и в этот момент к нам подошел плотный приземистый человек с рыхлым лицом, на несколько лет моложе меня, с шалью союза Летописцев, накинутой на плечи.

- Я Летописец Элегро, - напыщенно объявил он.

- Я принес вам шаль Бэзила.

- Проходите. Следуйте за мной.

Он сам появился из незаметного входа в стене, где один из каменных блоков поворачивался на осях. Теперь он опять проскользнул туда и быстро пошел вниз по проходу. Я крикнул ему, что мой спутник слепой и не может двигаться так же быстро, как он. Летописец Элегро остановился, и было видно, что он явно проявляет нетерпение. Он судорожно сжал губы, а его короткие пальцы начали теребить бороду. Когда мы, наконец, догнали его, он пошел дальше чуть медленнее. Мы преодолели целый лабиринт коридоров и, наконец, попали в покои Элегро, где-то высоко в башне.

Комната была довольно темная, но в ней было множество экранов, шлемов мыслепередачи, записывающих устройств и всего прочего, необходимого для научной работы. На стенках висела пурпурно-черная ткань, видимо живая, потому что складки по краям ритмично сокращались, покрываясь рябью. Три подвижных шара довольно скудно освещали комнату.

- Шаль, - произнес хозяин.

Я достал ее из сумки. В те первые суматошные дни завоевания меня даже как-то забавляло носить ее - в конце концов Бэзил оставил ее у меня в руках, когда он неожиданно бросился бежать по улице, но, видимо, его не очень-то волновала эта потеря - но вскоре я снял ее, потому что сам факт, что человек в одеянии Наблюдателя носит шаль Летописца вызывал замешательство. Элегро взял у меня шаль, развернул ее и начал разглядывать так внимательно, будто искал вошь.

- Как она оказалась у вас?

- Мы с Бэзилом встретились на улице как раз в тот момент, когда объявили о нападении. Он был очень взволнован. Я попытался удержать его, схватив за шаль, но он пробежал мимо, оставив ее у меня в руках.

- Он рассказывал все по-другому.

- Сожалею, если скомпрометировал его, - сказал я.

- В любом случае, вы вернули его шаль. Я передам об этом информацию в Рам сегодня. Вы хотите какое-нибудь вознаграждение за это?

- Да.

С явным неудовольствием Элегро спросил:

- Какое же?

- Я прошу, чтобы мне разрешили остаться среди Летописцев в качестве ученика.

Он, казалось, даже испугался.

- Но у вас есть союз!

- Быть Наблюдателем в наши дни это значит быть бессоюзным. Для чего мне вести Наблюдения? Я свободен от своих клятв.

- Возможно. Но вы уже стары, чтобы овладевать новым ремеслом.

- Не слишком.

- Но у нас трудное ремесло.

- Я хочу много работать. У меня есть желание учиться. В моем преклонном возрасте во мне живет любопытство.

- Станьте Пилигримом, как ваш друг. Повидайте мир.

- Я уже видел мир. А сейчас я хочу стать Летописцем и изучать прошлое.

- Вы можете получить любую информацию внизу. Наши банки данных открыты для вас, Наблюдатель.

- Это разные вещи. Я хочу стать членом союза.

- Станьте учеником Указателей, - предложил Элегро. - Работа такая же, но не отнимает столько сил.

- И все же я хочу стать учеником в вашем союзе.

Элегро тяжело вздохнул. Он сцепил пальцы, наклонил голову, с сомнением поджал губы. Просьба была явно необычной. Пока он все взвешивал, открылась внутренняя дверь и в комнату вошла женщина-Летописец, осторожно неся в руках бирюзовый музыкальный шар. Она сделала четыре шага и остановилась, явно удивленная тем, что Элегро беседует с посетителями.

Она кивнула, как бы принося извинения, и сказала:

- Я вернусь позже.

- Останься, - сказал Летописец, а потом представил нам женщину. - Моя жена. Летописец Олмэйн. - И потом объяснил жене: - Эти странники только что прибыли из Рама. Они передали шаль Бэзила. Наблюдатель хочет стать учеником в нашем союзе. Что ты на это скажешь?

Олмэйн нахмурила светлые брови. Она опустила музыкальный шар в темную хрустальную вазу, и он непроизвольно начал издавать звуки, которые сопровождались мерцанием света, пока она не выключила его. Потом она в раздумье посмотрела на нас, а мы на нее. Она была в расцвете молодости и явно моложе своего средних лет мужа. Но несмотря на это в ней чувствовалась какая-то сила, которая свойственна более зрелому возрасту. Может быть, подумал я, она была в Иорсалеме и вернула молодость. Но в этом случае казалось странным, что этого не сделал ее муж, хотя ему могло нравиться выглядеть старше. Она несомненно была привлекательной

женщиной. У нее было широкое лицо, высокий лоб и высокие скулы, большой, чувственный рот, выступающий подбородок. Ее блестящие черные волосы как нельзя лучше оттеняли необычную бледность ее кожи. Такая белая кожа редко встречается в наши дни, хотя я знаю, что когда-то, в древние времена это не было редкостью. У Эвлуэлы, моей милой маленькой Воздухоплавательницы, было то же сочетание черных волос и замечательно бледной кожи, но на этом сходство заканчивалось, потому что Эвлуэла была сама хрупкость, а Олмэйн воплощала силу. Ее изящная шея переходила в плавную линию красивых плеч. У нее была высокая грудь и крепкие ноги, а осанка была просто королевской.

Она долго смотрела на нас, и я уже с трудом выдерживал изучающий взгляд ее широко поставленных темных глаз. Наконец она произнесла:

- Наблюдатель считает, что он может стать одним из нас?

Вопрос был адресован любому из нас, кто, собственно, мог на него ответить. Я колебался, Элегро, видимо, тоже не мог решиться и через некоторое время раздался властный голос Принца:

- Наблюдатель может стать членом вашего союза.

- А вы кто? - спросила Олмэйн.

В то же мгновение голос Принца смягчился:

- Я несчастный слепой Пилигрим, госпожа, который пришел сюда пешком из Рама вместе с этим человеком. И если я могу высказать свое скромное мнение, то самое лучшее, что вы можете сейчас сделать, это разрешить ему стать учеником в союзе Летописцев.

Элегро спросил:

- А вы? Что бы вы хотели для себя?

- Я бы хотел найти для себя здесь кров, - ответил Принц. - Я устал скитаться, и мне есть о чем подумать. Может быть, вы бы разрешили мне иногда выполнять здесь какую-то работу. Я бы не хотел расставаться со своим спутником.

Олмэйн повернулась ко мне:

- Мы посовещаемся относительно вашей просьбы. Если ее удовлетворят, то вам придется пройти тесты. Я буду вашим спонсором.

- Олмэйн! - вырвалось у Элегро, он явно не мог скрыть изумления.

Она безмятежно нам улыбнулась.

Но наметившаяся семейная ссора была предотвращена, и Летописцы предложили нам ночлег, соки и более крепкие

напитки. Мы пообедали в отдельной комнате, а Летописцев в это время собрали, чтобы обсудить мою необычайную просьбу. Принц был в странном возбужденном состоянии: он заглатывал пищу, почти не разжевывая, расплескал бокал вина, вертел в руках столовые приборы и все время скреб пальцами свои металлические серые глаза, будто его мучила чесотка.

Наконец, он спросил тихим, но требовательным голосом:

- Опиши мне ее!

Я описал ее очень подробно, пытаясь подобрать самые выразительные слова, чтобы нарисовать как можно более достоверный портрет.

- Ты говоришь, она красива, да?

- Я так считаю.

- Ее голос волнует меня, - сказал Принц. - В ней чувствуется сила. Она говорит, как королева. Она должна быть красивой. Это не справедливо, если ее тело не соответствует ее голосу.

- Она, - сказал я жестко, - жена другого, и она оказала нам гостеприимство.

Я помнил тот день в Раме, когда паланкин Принца появился из дворца и Принц заметил Эвлуэлу и, подозвав ее повелительным жестом, втянул ее в паланкин, чтобы использовать ее просто как вещь. Правитель может так обращаться с теми, кто ниже его по рангу, но Пилигрим не имеет права этого делать, и я опасался, не задумал ли Принц что-то. Он опять прикоснулся к глазам. Мускулы на его лице задвигались.

- Обещайте мне, что вы не тронете ее, - сказал я.

Уголок его рта дернулся, казалось, с губ вот-вот сорвется гневная реплика, но он сдержался. С видимым усилием он произнес:

- Ты плохо думаешь обо мне, старик. Я буду следовать законам гостеприимства. А сейчас, будь добр, налей мне вина.

Я повернул большой палец в сторону ниши обслуживания, и там появилась вторая бутылка вина. Это было крепкое красное вино, совсем не то золотистое, что пили в Раме. Я налил, и мы выпили. Бутылка быстро опустела. Я взял ее, скрутил, она хлопнула и исчезла, как пузырь. Через несколько секунд вошла Олмэйн. Она переоделась. До этого на ней было довольно темное платье из грубой ткани, а сейчас она облачилась в ярко-алое платье, застегивающееся на груди. Оно подчеркивало ее соблазнительные формы, и меня удивило, что у нее был большой пупок. Расчет вызвать возбуждение был

настолько тонким, что этот бугорок, прерывающий плавную линию живота, вызвал какие-то эмоции даже во мне.

Она сказала не без удовольствия:

- Ваше заявление приняли по моему настоянию. Тесты будут проведены сегодня вечером. Если вы успешно их пройдете, то поступите в наш отдел.

Неожиданно на ее лице появилось выражение огорчения.

- Мой муж, и вам следует знать об этом, весьма недоволен. Но вы не должны этого опасаться. А сейчас вы оба пойдете со мной.

Она взяла нас за руки. У нее были прохладные пальцы. Меня охватила внутренняя дрожь, и я удивился этому молодому импульсу, который появился без помощи вод из Дома возрождения в священном Иорсалеме.

- Пошли, - сказала Олмэйн и повела нас в то место, где проводили тесты.

3

Итак, меня приняли в союз Летописцев. Тесты были нетрудные. Олмэйн привела нас в круглую комнату где-то у вершины башни. Ее изогнутые стены были выложены редкими породами дерева самых разнообразных оттенков, на полу стояли сияющие полированные скамейки, а в центре поднималась спираль высотой с рост человека. На ней была надпись такими мелкими буквами, что прочитать ее просто было нельзя. В комнате было с полдесятка Летописцев, которые пришли явно по прихоти Олмэйн, а не потому, что их заинтересовал старый потрепанный Наблюдатель, которому она по необъяснимым причинам покровительствовала.

Я надел шлем мыслепередачи. Скрипучий голос задал мне с десяток вопросов, видимо анализируя мои типичные ответы, расспросил мои биографические данные. Я дал все свои союзные данные с тем, чтобы они могли уточнить их у главы местного союза, проверить все детально и зарегистрировать мой выход из союза. В старые времена выйти из союза Наблюдателей и быть свободным от его клятв было невозможно, но сейчас наступили другие времена, и я знал, что союз мой распадается.

Через час все было закончено. Сама Олмэйн накинула шаль на мои плечи.

- Ваши покои будут рядом с нашими, - сказала она. - Вам придется сдать одеяние Наблюдателя, но ваш друг может

остаться в одеждах Пилигрима. Ваше обучение начнется после испытательного периода. А пока вы можете пользоваться любыми архивами памяти. Вы, конечно, понимаете, что пройдет лет десять или даже больше, прежде чем вы станете полноправным членом союза.

- Да, я понимаю это, - ответил я.

- Теперь тебя зовут Томис, - сказала мне Олмэйн. - Не Летописец Томис, а Томис из союза Летописцев. Это разные вещи. Твое прошлое имя теперь не имеет значения.

Потом меня и Принца провели в небольшую комнату, которую нам отвели под жилье. Комната была довольно скромной, но там было место для мытья, входные устройства для шлемов мыслепередачи и других информационных устройств, отверстие для получения пищи. Принц Энрик ходил по комнате, все ощупывая, изучая ее географию. Ящики, кровати, стулья и другая мебель внезапно появлялись из стен и так же внезапно исчезали, когда он натыкался на кнопки. В конечном счете он остался удовлетворенным. Теперь уже безошибочно он нажал нужную кнопку, и из стены выскользнула сияющая чистотой кровать. Он вытянулся на ней.

- Я хочу кое о чем спросить тебя, Томис из союза Летописцев.

- Да?

- Меня снедает любопытство. Какое имя у тебя было раньше?

- Теперь это не имеет значения.

- Но ведь теперь тебя не связывает клятва. Ты все еще будешь упрямиться?

- Меня связывает старая привычка, - ответил я. - Я ведь уже дважды клялся, что произнесу свое имя только в случае, когда это будет разрешено законом.

- Произнеси его сейчас.

- Уиллиг, - сказал я.

Странно, но я будто освободился от какой-то ноши. Казалось, имя, которое сорвалось с моих губ, сначала повисло в воздухе, а потом заметалось по комнате, как маленькая птичка, которую выпустили из клетки, взлетая, резко поворачиваясь, ударяясь о стены и разлетаясь вдребезги с легким звоном. Я вздрогнул.

- Уиллиг, - произнес я снова. - Меня звали Уиллиг.

- Уиллига больше не существует.

- Томис из Летописцев.

И мы расхохотались до слез, и слепой Принц вскочил на ноги и по-дружески хлопнул меня по руке, и мы выкрикнули еще раз мое имя, а потом его, а потом опять и опять мое, как мальчишки, которые узнали волшебное слово и вдруг обнаружили, что на самом деле ничего в нем волшебного не было и оно было бессильно.

Вот так я начал новую жизнь среди Летописцев.

Какое-то время я совсем не выходил из Дома Летописцев. Я был занят все дни напролет и оставался чужестранцем в Паррише. И Принц, хотя и не был много занят, но все время оставался в здании и выходил только тогда, когда его одолевала скука или охватывали приступы ярости. Иногда к нему присоединялась Олмэйн или он к ней, чтобы не чувствовать себя таким одиноким и беспомощным в темноте. Но я знаю, что иногда он выходил совсем один, будто бросал себе же вызов и пытался показать, что несмотря на слепоту, он мог один ориентироваться в городе.

Моя деятельность в часы бодрствования складывалась так: предварительная ориентация; служебные обязанности ученика; личные исследования.

Как я и ожидал, я оказался гораздо старше остальных учеников. Большинство из них были подростки, дети самих Летописцев. Они смотрели на меня в замешательстве, пытаясь понять, откуда среди них появился такой древний одноклассник. Там было несколько учеников в зрелом возрасте, которые почувствовали призвание к этому ремеслу и решили стать Летописцами, но все они были гораздо моложе меня. Поэтому я не очень-то много общался со своими собратьями по учебе.

Ежедневно какое-то время мы изучали методы, с помощью которых Летописцам удается проникать в прошлое. С открытым от изумления ртом я осматривал лаборатории, где проводились исследования образцов грунта. Я видел детекторы, которые по нескольким разрушенным атомам определяли возраст самых разнообразных вещей. Я наблюдал, как разноцветные лучи света, падая на серебристое дерево, превращали его в пепел и заставляли его выдавать свои секреты. Перед моими глазами из безжизненного вещества вставали картины прошлого. Мы оставляем следы там, где находимся: частицы света отражаются от наших лиц, и фотонный поток сохраняет их в окружающей среде. Потом Летописцы собирают их, распределяют по категориям, фиксируют. Я был в комнате, где в глубоком вязком тумане была собрана фантасмагория лиц:

исчезнувшие Короли и Магистры союзов, пропавшие Герцоги и Герои древности. Я видел, как опытные Летописцы будто извлекали историю из пригоршней обуглившегося вещества. Я видел, как влажные глыбы отбросов рассказывали о революциях и убийствах, о свержении правителей, о смене цивилизаций.

Потом мне кое-что рассказали о том, как это делается. Ничего подробно не объясняя, мне показали Летописцев, которые с помощью вакуумных стержней пробирались в самое сердце курганов, оставшихся от великих разрушенных городов Африкии и Айзы. Мне было разрешено, вместо отсутствующего Летописца принять участие в поисках следов цивилизации Потерянных Континентов. Целые бригады летописцев, сидя в полупрозрачных капсулах в форме капли, похожих на шары из зеленого желатина, устремлялись в глубины Земного Океана, все глубже вниз, в покрытые липким илом прерии. С помощью скользящих фиолетовых лучей они буравили каменные породы и деревянные балки, чтобы докопаться до истины. Я наблюдал, как работают собиратели черепков, искатели теней и собиратели молекулярных пленок. Одним из лучших исследований, которые они провели, была целая серия работ, когда несколько, можно сказать, подвижников-Летописцев обнаружили при раскопках в южной Африкии метеорологическую машину. Обнаружив эту гигантскую башню, они подняли ее из земли на мощных блоках, и в этот момент казалось, что земля стонала. Они подняли громоздкую реликвию глупости Второго Цикла, а эксперты в шалях, накинутых на плечи, изучали ее основание, чтобы прежде всего понять, как эта колонна была установлена. Зрелище было таким захватывающим, что мне казалось, будто у меня глаза выскочат из орбит.

Я уходил с этих занятий с чувством благоговения перед союзом, который я избрал. Некоторые Летописцы произвели на меня неприятное впечатление как люди напыщенные, надменные, высокомерные или просто равнодушные. Они были лишены всякого обаяния. И все же целое часто бывает лучше, чем его составляющие, ведь были такие как Бэзил и Элегро, рассеянные, живущие вне повседневной суеты, совершенно бескорыстные, которые вносили свою скромную лепту в трудное общее дело - отвоевывание канувшей в вечность нашей славной истории прошлых времен. Эти исследования прошедших времен были сами по себе грандиозны, это было единственное, что могло сравниться с прошлой деятельностью че-

ловечества. Мы утратили наше настоящее и наше будущее, и теперь испытывали острую необходимость обратить наши усилия в прошлое, которое отнять у нас невозможно, если конечно мы будем настороже.

В течение многих дней я пытался вникнуть в детали того, как предпринимаются эти усилия, в каждую стадию этой грандиозной работы, начиная от сбора пылинок и их обработки и анализа в лаборатории до высшей стадии - синтеза и трактовки, выполняемых старшими Летописцами, которые работали на самых высоких уровнях этого здания. Мне дали возможность лишь взглянуть на этих мудрецов: морщинистые и худые, по возрасту годящиеся мне в дедушки, с торчащими бородами, они почти беззвучно произносят свои комментарии, замысловатые фразы, внося исправления. Некоторые из них, как мне сообщили шепотом, уже прошли омоложение в Иорсалеме дважды и трижды, а теперь уже не могли рассчитывать на еще одно повторение этого процесса и вступили в последнюю полосу своей великой жизни.

Потом нам показали хранилища памяти, куда Летописцы помещали свои находки и откуда они извлекали информацию для любознательных.

Поскольку я был Наблюдателем, то чувство любознательности во мне было не очень-то развито, и поэтому я не испытывал особого желания узнать во всех подробностях, что же это за хранилища памяти. Конечно, до сих пор я ничего подобного в своей жизни не видел, потому что хранилища Летописцев представляли собой не просто отсеки, в каждом из которых было два-три мозга, а огромные установки, где были последовательно соединены сотни мозгов. Комната, в которую нас привели, - одна из десятков таких же комнат, расположенных под зданием, - была вытянутой формы, довольно просторной, и потолки в ней были невысокие. Сосуды, в которые были помещены мозги, стояли рядами по девять штук, и они будто пропадали в глубине комнаты. Старые трюки обманчивого пространства - я не мог точно сказать, сколько было этих рядов - десять или пятьдесят, да и сам вид этих белеющих куполов производил впечатление присутствия чего-то подавляюще огромного.

- Это мозги бывших Летописцев? - спросил я.

Наш гид ответил:

- Некоторые. Но совсем не обязательно использовать только Летописцев. Нам подходит любой человеческий мозг. Даже у Слуги он может быть более объемным, чем вы могли бы пред-

положить. Мы ведь можем в полной мере использовать возможности каждого мозга.

Через толщу желеобразной массы, которая защищала мозги от повреждений, я попытался разглядеть, что находится в хранилище. Я спросил:

- А что хранится именно в этой комнате?

- Имена тех, кто жил в Африкии во времена Второго Цикла и все сведения об их жизни, которые нам до сих пор удалось обнаружить. Ну и потом, поскольку клетки эти загружены пока не полностью, мы поместили в них кое-какие географические данные о Потерянных Континентах и информацию о создании Земного Моста.

- Можно такую информацию перевести из временного хранилища в постоянное? - спросил я.

- Очень даже легко. Здесь все работает на электромагнитном принципе. Наши факты - совокупность зарядов, мы переводим их из одного мозга в другой, используя противоположность зарядов.

- А если вдруг какая-нибудь авария, повреждение? - настаивал я. - Разве нет вероятности утечки данных в результате какой-то аварии?

- Это исключено, - спокойно ответил он. - У нас есть аварийные энергоносители, которые продолжают снабжение энергией в таких случаях. Ячейки хранения сделаны из органической ткани - это и есть самая надежная гарантия безопасности, потому что любой мозг будет сам удерживать информацию в случае прекращения снабжения энергией. Восстановить их содержание будет очень уж дорого, но это не невозможно.

- А во времена Завоевания, - спросил я, - у вас были какие-нибудь трудности?

- Мы находимся под покровительством и защитой Завоевателей, которые считают нашу работу крайне важной в своих интересах.

Вскоре после этого нам, ученикам, разрешили взглянуть с балкона актового зала Дома Летописцев на заседание общего собрания союза Летописцев. Под нами в полном облачении собрались члены союза, у всех на плечи были наброшены шали. Элегро и Олмэйн тоже были среди них. На возвышении, на котором была изображена спираль - символ летописцев, - находился Канцлер Летописцев Кенишал, строгого и внушительного вида человек, а рядом с ним расположилась еще более бросающаяся в глаза личность из тех, кто завоевал

Землю. Кенишал говорил коротко. Его голос звучал раскатисто, но и это не смогло скрыть пустоту его слов; как и любой администратор, он разразился потоком банальностей, не забыл похвалить и себя за мудрое руководство, поздравляя союз за серьезную проделанную работу. Затем он представил Завоевателя.

Тот вытянул вперед руки, казалось, они вот-вот дотронутся до противоположной стены зала.

- Я Манрул Седьмой, - сказал он спокойно. - Я прокуратор Парриша и, в частности, под моим особым наблюдением находится Союз Летописцев. Цель моего присутствия здесь сегодня - подтвердить декрет Временного оккупационного правительства. У вас, Летописцев, не должно быть никаких препятствий в работе. Вы должны иметь доступ к любому объекту этой или любой другой планеты, которая может иметь значение для познания и изучения прошлого Земли. Все файлы остаются открытыми для вас, за исключением тех, которые имеют непосредственное отношение к планированию самого Завоевания. Канцлер Кенишал сообщил мне, что Завоевание находится вне области ваших сегодняшних исследований в любом случае, поэтому никаких трудностей не должно возникнуть. Оккупационное правительство сознает важность работы вашего союза.История планеты имеет огромное значение, и мы хотим, чтобы вы продолжали свои усилия.

- Чтобы Земля стала еще привлекательней для туристов, - горько произнес Принц Рама где-то рядом.

Манрул Седьмой продолжал:

- Канцлер попросил меня проинформировать вас об административных изменениях, которые несомненно произойдут в связи с оккупационным статусом вашей планеты. Раньше все спорные вопросы решались органами вашего же союза, а Канцлер Кенишал имел право высшего голоса. Для того, чтобы управление стало более эффективным, теперь право высшего голоса будет у нас, а не у союза. Поэтому Канцлеру надлежит передать нам те законодательные функции, которые, как он понимает, больше не являются его прерогативой.

Зал охнул. Там, внизу, неожиданно заерзали и зашаркали ногами.

- Канцлер отрекается, - выпалил стоящий возле меня ученик.

- Можно подумать, у него есть выбор, ну ты и дурак, - зашептал второй.

В состоянии какого-то замешательства собрание прервали. Летописцы хлынули в холлы, споря и жестикулируя. Один из них, почтенный старец в шали, был настолько потрясен, что не обращая внимания на толпу, опустился на корточки, что-то бормоча, видимо в бесполезных попытках получить ответ на неразрешимые вопросы. Эта волна поглотила нас, учеников, и отбросила назад. Я попытался как-то оградить Принца, опасаясь, что его швырнут на пол и просто растопчут, но толпа нас разделила, и я потерял его из виду. Когда я увидел его опять, он стоял рядом с Олмэйн. Лицо его покрылось румянцем, глаза ярко горели; она что-то быстро говорила, а Принц слушал. Он держал ее рукой за локоть, будто поддерживая.

4

После того, как период моей адаптации закончился, мне начали давать несложные задания. В основном меня просили сделать то, что когда-то обычно выполняла машина: проследить, например, за каналами, по которым питательные вещества поступают в сосуды, где помещаются мозги хранилища памяти. И каждый день я по нескольку часов ходил по узкому коридору, где были установлены контрольные панели и пытался обнаружить, какие же каналы засорились. Если это происходило, то давление в незасорившихся участках возрастало и лучи специального поляризованного света освещали их, локализуя таким образом засорившиеся участки. Я выполнял свое нехитрое задание, то и дело находя места засорения. Выполнял я и другие работы, которые мне можно было доверить, как ученику.

Но у меня уже появилась возможность начать и свои собственные исследования событий из прошлого моей планеты. Иногда мы не ценим то, что имеем, пока не потеряем. Когда я был Наблюдателем, я прилагал все усилия, чтобы как можно раньше предупредить о предполагаемом нападении на Землю и меня ни капельки не волновало, кто же мог завоевать нас и почему. Всю жизнь у меня была подспудная уверенность в том, что Земля знала лучшие времена, чем те, в Третьем Цикле, когда я родился, и все же я не пытался узнать, какие же на самом деле времена это были и по каким причинам мы оказались в теперешнем унизительном положении. И только в тот момент, когда я увидел, как в небе вспыхнули подобно цветам, звездолеты Завоевателей, я почувствовал внезапное

желание узнать о прошлом. И теперь, как самый старший из учеников, я, Томис из Летописцев, копался в архивах исчезнувших в небытие времен.

Любой горожанин имеет право, воспользовавшись городским шлемом мыслепередачи, потребовать у Летописцев информацию по любому вопросу. Ничто не скрывается. Но Летописцы не предлагают помощь; вы должны знать, как спросить, то есть вы должны знать, что спрашивать. Вопрос за вопросом должны помочь вам получить нужные факты. Это может оказаться весьма полезно для тех, кто, скажем, хочет узнать о том, как менялся климат Эгапта на протяжении долгого времени, или знать симптомы болезни кристаллизации, или ограничения в уставе одного из союзов. Но, если вас интересуют более глобальные вопросы, то вам придется затребовать информацию тысячи раз только для того, чтобы чуть приоткрыть занавес тайны. Расходы при этом огромны, и мало кто на это идет.

Как ученик Летописцев, я получил доступ ко всем данным. И что еще более важно, я получил доступ к Указателям. Указатели - это как бы союз, дополняющий Летописцев, союз поденщиков, которые автоматически записывают и классифицируют то, что они часто не понимают; конечный результат их труда будет использован более крупным союзом, но это не означает, что Указатели открыты для всех. Без них едва ли можно справиться с проблемами, которые появляются в процессе исследований.

Я не буду подробно перечислять все ступени, по которым мне пришлось подняться, чтобы овладеть необходимыми знаниями. Это часы хождения по лабиринтам коридоров, замешательство, лихорадочная работа мозга, неожиданные неудачи. Как наивный новичок, я попадался на удочку проказников, и многие мои собратья по ученичеству, и даже один-два члена союза сбивали меня с пути просто ради дикой забавы. Но я научился, какие вопросы нужно задавать и какова должна быть их последовательность, как от детали к детали, по ступеньке подниматься все выше и выше, туда, где во всем своем великолепии тебе открывается истина. Скорее не мои особые умственные способности, а моя настойчивость помогла мне вырвать из файлов Летописцев связную историю падения человека.

Вот она:

Давным-давно были времена, когда жизнь на Земле была грубой и примитивной. Мы называли это время Первым Цик-

лом. Я не говорю о периоде до цивилизации - времени мычащих и волосатых существ, пещер и каменных орудий труда. Мы считаем, что Первый Цикл начался, когда человек впервые научился записывать информацию и контролировать окружающую среду. Так было в Эгапте и Сумире. Как мы предполагаем, Первый Цикл начался где-то около 40 тысяч лет назад - но мы не можем с уверенностью сказать, сколько же времени он продолжался, потому что продолжительность года изменилась в конце Второго Цикла, и мы до сих пор не смогли определить, сколько времени в предшествующие эпохи требовалось нашей Земле, чтобы обернуться вокруг Солнца. Чуть больше, чем сейчас, наверное.

Первый Цикл охватывает времена Царственного Рама и первого расцвета Иорсалема. Эйропа переживала варварские времена еще долго после того, как цивилизация расцвела в Айзе и части Африкии. На западе большую часть Земного Океана занимали два огромных континента, но и они были во власти варваров.

Считается, что во время этого цикла у человечества не было контактов с другими мирами или звездами. Человек умел освещать свое жилище только с помощью огня; он не умел излечивать свои болезни; человек еще не научился омолаживать свой организм. Это были мрачные времена, жестокие своей примитивностью. Смерть наступала рано; человек едва успевал вырастить несколько сыновей, когда он умирал. Человек жил с чувством какого-то внутреннего страха.

В душе возникает чувство отвращения, когда человек думает об этих временах. Но ведь именно в Первом Цикле были основаны великолепные города - Рам, Парриш, Атины, Иорсалем, именно в это время было завершено немало прекрасных дел. Мы с чувством благоговения склоняем головы перед нашими предками, от которых, несомненно, разило зловонием, которые были безграмотны, у которых не было техники и которые все же сумели ужиться со своей планетой и даже в какой-то степени подчинить ее себе.

Война и горе будто шли за человеком по пятам в течение всего Первого Цикла. И бок о бок сосуществовали разрушение и созидание. В пламени пожаров погибли самые славные города. Казалось, хаос поглотит порядок. Как могли люди выдерживать такие условия жизни тысячи лет?

К концу Первого Цикла примитивизм изжил себя. Человеку наконец стали доступны источники энергии; появились на свет первые транспортные средства; стала возможной пе-

редача информации на дальние расстояния; многочисленные изобретения преобразили мир за короткое время. Совершенствование методов ведения войны шагало в ногу с техническим прогрессом в других областях; но всеобщая катастрофа была предотвращена, хотя несколько раз она, казалось, была неминуема. Как раз в период заключительной стадии цикла были заселены Потерянные Континенты и Стралия и впервые человек полетел к соседним планетам нашей Солнечной системы.

Переход от Первого Цикла ко Второму начался, когда человек впервые столкнулся с разумными существами с отдаленных планет. Как полагают Летописцы, это случилось примерно через пятьдесят поколений после того, как люди, жившие во времена Первого Цикла, научились управлять электронной и ядерной энергией. То есть мы со всей справедливостью можем сказать, что люди Земли, жившие в те времена, будто споткнулись, сделали стремительный шаг вперед от варварства до полетов в галактику, они перемахнули эту пропасть, сделав несколько широких шагов.

И этим тоже можно гордиться. Потому что, если Первый Цикл, несмотря на поражения, был временем великих свершений, то Второй Цикл не знал ни того, ни другого.

В эту эпоху человечество потянулось к звездам, а звезды пришли к человечеству. Земля стала рынком сбыта для всех миров. Всякие чудеса стали чем-то обыденным. Можно было, если захочешь, прожить сотни лет; глаза, сердце, легкие, почки пересаживались с такой же легкостью, как переодевались туфли; воздух стал чистым, никто не голодал, люди забыли, что такое война. На службе у человека были самые разнообразные машины. Но машин не хватало, поэтому люди Второго Цикла взрастили живые существа, которые были машинами, или, скорее, придумали машины в образе человека: эти существа генетически были людьми, но они рождались искусственным путем, их пичкали препаратами, которые не допускали развития памяти. Эти существа, аналоги наших Ньютеров, могли хорошо выполнять повседневную работу, но были не способны накапливать опыт, иметь память, строить планы на будущее - у них не было тех качеств, которые свойственны человеку. Миллионы вот таких "не совсем людей" выполняли наиболее утомительную и отупляющую ежедневную работу, освобождая от нее других и давая им возможность жить в сверкающем удовольствии. За созданием этих неразумных существ последовало создание суперживотных, которые смогли

выполнять работу, по сложности недосягаемую для других видов: собаки, кошки, мыши и скот теперь были зачислены в разряд рабочей силы, в то время как высшие приматы выполняли функции, которые раньше были прерогативой человека. Вот так, эксплуатируя природу в полной мере, человек создал на Земле рай.

Духовно человек поднялся на недосягаемую высоту. Поэты, ученые, образованные люди внесли свою прекрасную лепту в этот процесс. Повсюду на земле выросли сияющие города. Население было огромным, но несмотря на это, всем хватало места, и человечество не испытывало нехватки в ресурсах. Можно было иметь какие угодно прихоти; и поскольку проводили очень много экспериментов с мутагенетическими и тератогенетическими препаратами, появилось большое число разновидностей человека. Хотя, конечно, оно несравнимо с разнообразием, существующим в нашем цикле.

По небу величественной процессией перемещались космические станции, которые могли удовлетворять самые немыслимые запросы. Как раз в это время и создали две луны, хотя Летописцы так до сих пор и не определили, было ли это сделано из эстетических или функциональных соображений. А многоцветные сияния, которые появляются в небе каждый вечер, тоже были, возможно, созданы в это время, хотя здесь у Летописцев есть разногласия и некоторые из них утверждают, что появление этих сияний в умеренной зоне связано с геофизическими смещениями, которые и предвещали завершение цикла.

В любом случае это было самое замечательное время в истории человечества.

"Побывай на Земле - и можешь умирать" - вот что говаривали инопланетяне. Ни один из тех, кто совершал длительное путешествие по галактике, не мог устоять перед тем, чтобы не побывать на этой планете чудес. Мы приветствовали гостей, принимали их комплименты и их деньги, старались удовлетворить все их прихоти и не без гордости демонстрировали свое величие.

Принц Рама может подтвердить, что при определенных обстоятельствах судьба сильных мира сего - быть униженным, и чем выше вы поднимаетесь по социальной лестнице, тем разрушительнее и трагичнее для вас будет ваше падение. После того как тысячи лет Земля прожила в роскоши, которую мне даже трудно постигнуть, счастливчики Второго Цикла слишком зарвались и совершили два преступления, одно

из-за примитивного невежества, второе - из-за чрезмерной самонадеянности. Земля до сих пор расплачивается за это.

Последствия первого преступления почувствовались не сразу. Это был как бы отзвук отношения Землян к другим существам галактики, которое изменилось за время Второго Цикла от благоговейного до равнодушного и, наконец, презрительного. В начале цикла стремительная и наивная Земля ворвалась в галактику, уже населенную развитыми расами, которые давно хорошо знали друг друга. Это могло бы стать причиной серьезной душевной травмы Землян, но получилось так, что это лишь вызвало желание превзойти и перегнать. Вот так и получилось, что Земляне стали относиться к обитателям других галактик, как к равным, а потом, по мере того как Земля процветала все больше - как к низшим. Это породило привычку презрительного отношения к якобы отсталым инопланетянам.

Вот поэтому и было предложено открыть на Земле специальные "исследовательские резервации" для представителей низших рас. На этих территориях, как предполагалось, будет воспроизведена естественная среда обитания этих рас, и ученые смогут там наблюдать, как живут эти расы. Однако же расходы, связанные со всем этим, были настолько велики, что вскоре стало необходимо открыть эти территории для широкой публики - просто для развлечения. Эти, как предполагалось, исследовательские территории, считали чем-то вроде зоопарков для других разумных существ.

Вначале там собирали существа, действительно в корне отличающиеся от человека биологически и психологически, так что вероятность того, что на них будут смотреть как на людей, практически была равна нулю. Существо с множеством конечностей, которое держат в резервуаре, заполненном метаном под высоким давлением, не вызывает чувства симпатии в тех, кто склонен возражать против того, чтобы разумные существа держали вот так в неволе. Ведь всегда можно возразить, что если такая метановая среда подходит обитателю, то тем более важно воссоздать ее на Земле с тем, чтобы люди могли изучать эту странную цивилизацию. Поэтому в самых первых таких резервациях держали только причудливые существа. Собиратели не имели права держать там существа, которые умели самостоятельно совершать путешествия по галактике. Было бы весьма неэтично захватывать тех, у кого могли оказаться родственники среди туристов с других звезд, от которых в сильной степени зависела мировая экономика.

Успех, которым пользовались первые резервации, был таким ошеломляющим, что появилась необходимость в открытии следующих. Уже не так громко была слышна критика; и уже коллекционировали не только так уж сильно отличающиеся от человека и фантастические экземпляры, а просто представителей разнообразной жизни галактик, которые еще не достигли того положения, когда они могли бы предъявить дипломатический протест. И по мере того, как все больше наглели наши предки, все меньше становилось ограничений, до тех пор, пока на Земле не были собраны виды существ с тысячи планет, включая и тех, кто представлял цивилизации более древние и более сложные, чем наша.

Их архивов Летописцев следует, что такое расширение этих своеобразных резерваций вызывало волнение во многих уголках вселенной. Нас осуждали как мародеров, пиратов, насильно увозящих обитателей с их планет; формировались комитеты, которые осуждали нас за безответственное попрание прав живых существ; Землян, которые совершали путешествия на другие планеты, не раз окружали враждебно настроенные толпы, требующие, чтобы мы немедленно освободили пленников своих резерваций. Однако это были протесты меньшинства, большинство же галактик хранили неловкое молчание по поводу наших резерваций. Они высказывали в связи с этим сожаление, говорили, что это варварство, но тем не менее не упускали случая посетить их, когда бывали на Земле. А, собственно, где еще можно за несколько дней видеть столько разновидностей живых существ, собранных со всех уголков вселенной? Эти наши резервации были главной приманкой, одним из чудес космоса. По молчаливому согласию наши соседи по галактике закрывали глаза на аморальность самой концепции ради того, чтобы получить удовольствие, разглядывая пленников.

В архивах Летописцев сохранилось свидетельство о визите в подобную резервацию. Это одна из старейших видеозаписей союза, и я получил возможность просмотреть ее с большими трудностями и при непосредственном ходатайстве Олмэйн. Несмотря на то, что в шлеме был двойной фильтр и видимость была очень неважной, я все же смог все разглядеть. За изогнутым полотном прозрачной материи находятся около пятидесяти существ с неизвестной планеты. Их темно-синие тела имеют пирамидальную форму, а на каждой вершине - области розового цвета, видимо органы зрения; они передвигаются на коротких толстых ножках и на каждом лице у них щупаль-

ца. Рискованно, конечно, высказывать предположения о тех чувствах, которые они могут испытывать, но все же вы четко понимаете, что они находятся в состоянии крайнего отчаянья. Очень медленно, будто в состоянии оцепенения они передвигаются в зеленом густом газе, которым заполнен сосуд, где они находятся. Некоторые из них касались друг друга вершинами - так, видимо, они общались. Один, казалось, только что умер. Двое склонились к земле, будто свалившиеся игрушки, но их конечности шевелились - возможно, они молились. Это гнетущая сцена. Позже я обнаружил в забытых уголках здания другие такие же записи. Они многому меня научили.

За более чем тысячелетнюю историю Второго Цикла рост этих резерваций никак не контролировался, и в конце концов всем, за исключением жертв, стало казаться логичным и естественным, что Земля должна и впредь заниматься этим жестоким делом ради науки. Какое-то время спустя, на одной из отдаленных планет, которую Земляне раньше не посещали, были обнаружены примитивные существа, которых можно было сравнить только, пожалуй, с Землянами ранней стадии Первого Цикла. В общем-то это были гуманоиды, безусловно мыслящие, но немыслимо дикие. Только потеряв несколько человек, отряду собирателей удалось захватить группы таких людей, способных к размножению, и они переправили их на Землю, чтобы поместить в резервацию.

Это была первая из двух фатальных ошибок Второго Цикла.

Во время похищения существа с другой планеты - ее название в записях не упоминается, а обозначается она кодом H362 - были не в состоянии протестовать или предпринимать какие-то карательные меры. Но вскоре после этих событий их посетили эмиссары из других миров, находящихся во враждебных отношениях с Землей. Подстрекаемые этими эмиссарами, существа с H362 попросили вернуть своих людей. Земля отказалась, ссылаясь на то, что заповедники признаны в межзвездном сообществе уже давно. Последовали длительные дипломатические переговоры, которые закончились тем, что Земля еще раз подтвердила свое право на такие действия.

Люди с H362 ответили угрозами. "Когда-нибудь, - сказали они, - мы заставим вас пожалеть об этом. Мы завоюем и покорим вашу планету и освободим всех обитателей резервации и превратим самою Землю в гигантскую резервацию для тех, кто населяет ее".

В те времена это показалось довольно забавным.

В последующие несколько тысячелетий до нас доходили кое-какие слухи о разъяренных обитателях с H362. Они делали успехи и продвигались вперед очень быстро, но, поскольку по всем подсчетам должна была пройти космическая эпоха, чтобы они могли представлять хоть какую-то угрозу для Земли, то их попросту игнорировали. Смешно бояться потрясающих копьями дикарей.

Земля принялась за решение новой задачи - всеобъемлющий контроль климата планеты.

Управление погодой практиковалось с конца Первого Цикла, но это были лишь отдельные усилия: умели, например, рассеять туманы, могли уменьшить разрушительную силу града. Предпринимались определенные шаги, чтобы уменьшить количество полярного льда и чтобы пустыни стали более плодородными. Однако все эти меры носили локальный характер и, за некоторыми исключениями, не имели сколь-нибудь существенного влияния на окружающую среду.

В результате усилий, предпринятых во времена Второго Цикла, в самых разных точках планеты были сооружены огромные колонны. Их было более ста. Нам неизвестна высота этих колонн, поскольку ни одна из них не уцелела полностью, а подробные их описания утеряны, но полагают, что они либо были той же высоты как самые высокие здания, построенные за историю человечества, либо даже выше и достигали двух и более миль. Внутри этих колонн было оборудование, которое было способно вызывать смещение полюсов магнитного поля Земли.

Что касается назначения этих метеорологических машин, то они были призваны определять географию планеты согласно тщательно продуманному плану, в основе которого лежало разделение того, что мы называем Земным Океаном, на ряд крупных составляющих. Хотя эти составляющие и были взаимосвязаны, но полагали, что они существуют раздельно, сами по себе, поскольку каждая из них была отрезана от Земного Океана вдоль большей части своей приграничной зоны большими участками суши. Например, из-за того, что в области северного полюса на западе Айза примыкает к Затерянному Континенту (известному под названием Сешеа-Амрик), а на востоке Сешеа-Амрик расположен достаточно близко к Эйропе, полярные воды могут попадать в более теплые океаны, омывающие Потерянные Континенты, только по двум узким проливам.

Манипуляция с магнитными силами привела к тому, что Земля отклонилась от орбиты, а это должно было вызвать вскрытие льда на северном полюсе, и холодная вода, которую эти льды держали как в ловушке, должна была смешаться с более теплыми водами других океанов. Предполáгалось, что после перемещения льдов северный океан начнет испаряться, и там увеличится количество осадков. Чтобы предотвратить снегопад, необходимо было провести дополнительные манипуляции, направленные на то, чтобы изменить характер преобладающих западных ветров, которые и приносили осадки в умеренные области. Необходим был какой-то естественный водовод, по которому осадки из полярной области попадали бы в области более южных широт, где влаги не хватало.

Но это было еще далеко не все. К сожалению, мы смутно представляем себе детали. Мы четко рисуем схемы перемещения течений океана и вызываем для этого оседание или появление земли, или какие-то другие перегруппировки. А деталям мы не придаем значения. Что для нас важно, так это то, что получится, если мы претворим наш грандиозный план в жизнь.

После долгих подготовительных работ, которые продолжались столетиями, после того, как этот план поглотил больше средств и усилий, чем любой другой в истории человечества, метеорологические установки были запущены.

Результат - опустошение.

В итоге этого разрушительного эксперимента по изменению климата планеты географические полюса были смещены, почти над всем северным полушарием было отмечено резкое похолодание, которое продолжалось довольно долгий период, затопило Сешеа-Амрик и Сюд-Амрик, соседний к ним континент, появился Земной Мост, соединяющий Африкию и Эйропу, и чуть было не погибла человеческая цивилизация. Все эти катаклизмы не произошли в один день. Видимо, все шло нормально в течение нескольких первых столетий; полярный лед таял и соответственно поднимался уровень моря. Чтобы справиться с этим, начали сооружать испарители из расплавленной массы - маленькие солнца - в определенных точках океана. И только со временем стало ясно, что метеорологические установки вызывали структурные изменения в Земной коре. А они оказались необратимыми, в отличие от климатических изменений.

Это было время безудержных ураганов, нескончаемых ветров; время, которое унесло сотни миллионов жизней, время,

когда была прервана какая бы то ни было связь; время панического массового бегства людей с обреченных континентов. Царил хаос. Цветущая цивилизация Второго Цикла была уничтожена. Резервации обитателей других планет были разрушены.

Ради того, чтобы спасти то, что осталось от населения Земли, несколько самых развитых рас галактики взяли под контроль нашу планету. Они установили энергетические столбы, чтобы остановить колебание Земной оси; они размонтировали метеорологические установки, которые не были разрушены конвульсиями планеты; они накормили голодных, одели раздетых и предложили средства для реконструкции. Для нас это было Время Очищения, когда все структуры общества и его обычаи были уничтожены. Мы уже не были хозяевами своей планеты, мы приняли милость пришельцев и пресмыкались перед ними.

Но все же мы остались теми же, той же расой, какой были, и поэтому в какой-то степени мы сумели встать на ноги. Мы промотали капитал планеты и уже навсегда стали банкротами и нищими. В Третий Цикл мы вошли уже более скромно. У нас оставалась хоть какая-то техника. Мы создали и другую, работающую совсем на других принципах. Наши союзы были созданы, чтобы навести порядок в обществе: Правители, Магистры и все остальные. Летописцы делали все, что могли, стараясь вырвать из-под обломков прошлого то, что еще можно было спасти.

Наши долги спасателям были огромны. Как банкроты, мы не видели способов возвращения этих долгов; мы надеялись, что они откажутся от своего права на Землю и простят нам грехи наши вместе с долгами. Переговоры шли уже полным ходом, когда произошло неожиданное вмешательство. Обитатели планеты H362 обратились в Комитет, куда обратились и Земляне, с предложением возместить издержки и за это получить права на все наши долговые обязательства и право на Землю.

Так и было сделано.

H362 теперь считала себя собственником нашей планеты, и это право собственности было закреплено договором. Она официально известила вселенную, что оставляет за собой право вступить во владение в любой момент в будущем. Тогда вероятность этого была мала, потому что в тот момент H362 еще не совершала межпланетные путешествия. Но с того момента

все же H362 считалась легальным обладателем Земли, как покупатель недвижимости банкрота.

Все очень хорошо понимали, что именно так H362 выполняет свою угрозу "превратить Землю в гигантскую резервацию" в качестве мести за оскорбление, нанесенное отрядом собирателей в давно ушедшие времена.

А в обществе Земли Третьего Цикла сложилась структура, действующая и по сей день, структура жесткой сословности союзов. Угрозу H362 восприняли серьезно, поскольку наша и так уже пострадавшая планета теперь достаточно трезво оценивала любую угрозу, даже самую незначительную. И вот Союзу Наблюдателей было предписано внимательно следить за небом в ожидании возможного нападения. Защитники и все остальные тоже были начеку. Мы все же проявляли прежние способности к воображению, как например в годы Чудес, когда, повинуясь странному порыву, мы создали удивительный союз Воздухоплавателей и сходный с ним союз Пловцов, о котором сегодня уже почти никто и не знает, и еще другие разновидности человека, включая сложный и непредсказуемый союз Мутантов, чьи генетические особые характеристики были очень неустойчивы.

Наблюдатели наблюдали. Правители правили. Воздухоплаватели парили в небе. Все шло своим чередом, год за годом, в Эйропе и Айзе, в Стралии и Африкии, на Разбросанных островах - единственном, что осталось от Потерянных Континентов Сешеа-Амрики и Сюд-Амрики. Клятва H362 отошла в область мифологии, но мы оставались бдительными. И где-то там, затерянный в космическом пространстве, наш враг собирался с силами, стараясь получить такие же источники энергии, какие были у нас во Втором Цикле. Они так и не забыли тот день, когда их соплеменников захватили в плен и поместили в наши резервации.

И в ночь ужаса они пришли. Теперь они наши хозяева, их клятва выполнена, их иск предъявлен.

Обо всем этом я узнал, перебирая информацию союза Летописцев.

5

А тем временем Принц Рама безмерно злоупотреблял гостеприимством Летописца Элегро. Мне следовало быть начеку и следить за тем, что происходит, потому что я знал Принца и его замашки лучше, чем кто-либо другой в Паррише. Но я

был слишком занят архивами, изучая прошлое. Пока я занимался частными проблемами файлов протоплазмы Второго Цикла и возможностями обновления организма, способами обнаружения фотонных потоков и вентиляторами ветра времени, Принц Энрик соблазнял Олмэйн.

Как в большинстве таких случаев, я думаю, что противостояние здесь было недолгим. Олмэйн была натурой чувственной, она относилась к мужу с нежностью, но несколько покровительственно. Она не скрывала, что считает его неудачником и натурой пассивной. А Элегро, несмотря на надменный и строгий вид, не мог утаить скрывавшуюся за этим слабость и нерешительность, и казалось, заслуживал ее пренебрежительное отношение. Не мое это было дело - следить за тем, насколько счастливым был их брак, но было совершенно ясно, что она сильнее его и что он не соответствовал ее требованиям.

Почему же Олмэйн согласилась поручиться за нас при поступлении в союз?

Наверняка не ради какого-то оборванного старика Наблюдателя. Должно быть, ею руководило любопытство, желание узнать побольше об этом странном, непонятно властном спутнике Наблюдателя. С самого начала Олмэйн тянуло к Принцу Энрику, а ему, естественно, дважды не надо было повторять, чтобы он принял то, что само идет ему в руки.

Возможно, они стали любовниками с того самого момента, когда мы остались в Доме Летописцев.

Жизнь наша шла своим чередом, лето сменилось осенью, а на смену осени пришла зима. С горячим нетерпением я копался в записях. Никогда раньше я не был так увлечен, не работал так интенсивно и тщательно. Даже не имея возможности посетить Иорсалем, я чувствовал себя моложе. Я редко видел Принца, да и когда мы встречались, мы не разговаривали. Не мое это было дело требовать у него отчет о его поступках, а он сам не испытывал желания рассказывать мне о них.

Иногда я размышлял о моей прежней жизни, о моих странствиях, о Воздухоплавательнице Эвлуэле, которая, как я предполагал, стала супругой одного из наших Завоевателей. Как же теперь называл себя поддельный Мутант Гормон, теперь, когда он сбросил маску и признался, что он один из обитателей Н362? Король Земли Девятый? Владыка Океана Пятый? Повелитель Людей Третий? Где бы он сейчас ни был, он

должно быть испытывает удовлетворение после успешного завершения Завоевания Земли.

К концу зимы я узнал о любовной связи Принца Энрика и Олмэйн. Я был одним из первых, до кого дошла эта сплетня, бродившая среди учеников. Потом я заметил улыбки на лицах других Летописцев, когда появлялись Элегро и Олмэйн. И, наконец, я увидел, как Принц и Олмэйн ведут себя по отношению друг к другу. Все было очевидно. Эти прикосновения рук, этот двусмысленный обмен репликами и имеющими тайный смысл фразами - что еще все это могло означать?

Среди Летописцев к соблюдению брачной клятвы относятся очень серьезно. Так же как и у Воздухоплавателей, в брак вступают на всю жизнь, что, конечно, не предполагает предательства, как это сделала Олмэйн. Когда выходишь замуж за одного из Летописцев - а это традиция союза - то их брак становится как бы священным.

Какую месть выберет Элегро, когда узнает обо всем?

Так уж случилось, что как раз при мне вся эта ситуация вылилась в конфликт. Стояла ранняя весна, день клонился к вечеру. Для меня это был день трудной работы в самых отдаленных уголках хранилищ памяти, из которых я старался извлечь данные, давным-давно забытые - видимо, с тех пор, как их поместили туда. И вот в состоянии, когда моя голова шла кругом оттого, что была набита всем этим, я брел по ночному Парришу, вдыхая свежий воздух. Я шел по берегу Сенны, и меня окликнула одна из Сомнамбул, предложив продать мне способность проникать в мир грез. Я натолкнулся на одинокого Пилигрима, который молился перед храмом плоти. Я наблюдал, как в небе парили двое юных Воздухоплавателей и пролил слезы жалости к себе. Меня остановил турист с какой-то звезды в дыхательной маске и тунике, усыпанной драгоценными камнями, он приблизил ко мне свое красное лицо и выпустил мне в ноздри галлюцинации. Наконец, я вернулся в Дом Летописцев и пошел в покои моих покровителей выразить им свою признательность и уважение, перед тем как лечь спать.

Олмэйн и Элегро были дома. Там же был и Принц Энрик. Олмэйн пригласила меня войти, сделав жест кончиком пальца, но больше даже не взглянула на меня, так же как и остальные. Элегро нервно ходил по комнате взад и вперед, ступая так яростно, что лепестки живой ткани ковра беспокойно сворачивались и разворачивались.

- Пилигрим! - закричал Элегро. - Если бы это был какой-нибудь отщепенец из Торговцев, это было бы просто унизительно. Но Пилигрим? Это просто чудовищно!

Принц Энрик стоял неподвижно, скрестив руки на груди, и невозможно было под маской понять, какое выражение лица у него сейчас, но он казался абсолютно спокойным.

Элегро сказал:

- Ты будешь отрицать, что посягнул на неприкосновенность моей супруги?

- Я ничего не отрицаю. Я ничего не утверждаю.

- А ты? - не унимался Элегро, развернувшись к жене. - Говори правду, Олмэйн! Хоть раз скажи мне правду! Что это за истории, которые рассказывают о тебе и этом Пилигриме?

- Я не слышала историй, - безмятежно ответила Олмэйн.

- О том, что он спит с тобой! Что вы пьете снадобья! Что вы вместе входите в транс!

Ни один мускул не пошевелился на лице Олмэйн. Мне казалось, она еще более красива, чем всегда.

Элегро в гневе дергал бахрому своей шали. Его рыхлое бородатое лицо потемнело от ярости и отчаянья. Рука его скользнула под тунику, и он вынул оттуда блестящую бусину капсулы наблюдения и, положив на ладонь, протянул ее виновникам скандала.

- Зачем я, собственно, сотрясаю воздух? - спросил он. - Все здесь. Все зафиксировано в фотонном потоке. Вы были под наблюдением. Вы что, думаете, что здесь можно что-то скрыть? Ты, Олмэйн, ты ведь Летописец, неужели ты забыла об этом?

Олмэйн, стоя поодаль, смотрела на капсулу, будто это была начиненная взрывчаткой бомба.

- И нравится тебе шпионить за нами, Элегро? Ну и как, доставило тебе удовольствие следить за нашей радостью?

- Скотина! - закричал он.

Засунув капсулу в карман, он направился к безмолвно стоящему Принцу. Теперь лицо Элегро было охвачено настоящей яростью. Стоя на расстоянии вытянутой руки от Принца, он холодно произнес:

- Ты получишь все сполна за свою нечестивость. С тебя снимут одежды Пилигрима, и тебя постигнет участь монстров. Провидение уничтожит твою душу!

Принц Энрик сказал:

- Попридержи язык.

- Попридержать язык? Да кто ты такой, чтобы так со мной разговаривать? Пилигрим, который воспылал страстью к жене гостеприимного хозяина, который дважды нарушил обет благочестия, - потому что насквозь пропитан ложью и лицемерием.

Элегро просто кипел. От его хладнокровия не осталось и следа. Он разразился бессвязной гневной тирадой и, потеряв всякое самообладание, обнаружил свою слабость. Нас захлестнул этот словесный поток, и мы стояли, окаменев от изумления, когда Летописец, вне себя от ярости, схватил Принца за плечи и начал неистово трясти его.

- Ты, мерзость, - заорал Принц, - не смей прикасаться ко мне!

И он со всей силы толкнул Элегро обоими кулаками в грудь, и Летописец, завертевшись, полетел через всю комнату. Элегро упал прямо на лоток, с которого посыпались бутылочки с искрящейся жидкостью, и она пролилась прямо на ковер, издавший болезненный крик протеста. Ошеломленный, Элегро охнул, прижал руку к груди и взглянул на нас, будто прося помощи.

- Оскорбление действием, - прохрипел Элегро. - Позорное преступление!

- Но первым оскорбление нанес ты, - напомнила Олмэйн мужу.

Показывая на Принца дрожащими пальцами, Элегро пробормотал:

- За это тебе не будет прощения, Пилигрим!

- Можешь не называть меня больше Пилигримом, - произнес Энрик и поднял руки к маске. Олмэйн вскрикнула, пытаясь удержать его, но когда Принц впадал в ярость, это было невозможно. Он сорвал маску и швырнул ее на пол. И вот он стоял перед нами, суровое лицо его казалось страшно обнаженным, ястребиный наклон головы подчеркивал суровость черт, а серые механические сферы в глазницах скрывали глубину ярости.

- Я Принц Рама, - объявил он громоподобным голосом. - Поверженный и униженный!

Элегро, казалось, сейчас распадется на куски. Он вытаращил глаза от изумления, потом как-то осел и автоматически, не в силах справиться с шоком, почтительно склонился перед соблазнителем своей жены. Впервые после падения Рама Принц заявил вслух о том, кто же он есть на самом деле, и было настолько явно, что он испытывает от этого удовольствие,

что, казалось, даже искусственные глаза на его истерзанном лице сверкают с королевской гордыней.

- Вон, - приказал Принц. - Оставь нас.

Элегро вышел.

Ошеломленный, я остался стоять в нерешительности. Принц учтиво кивнул мне.

- Ты извини нас, мой старый друг, но мы бы хотели побыть несколько минут наедине.

6

Слабого человека можно обратить в бегство неожиданной атакой, но он выждет немного, обдумает все еще раз и начнет вынашивать планы. Так и случилось с Летописцем Элегро. Изгнанный из своих же покоев после того, как Принц Рама сорвал с себя маску, он успокоился и, освободившись от этого давящего присутствия, затаился. Позже тем же вечером, когда я ложился спать и решал, принимать ли мне снотворное, чтобы хоть немного вздремнуть, Элегро позвал меня в свой исследовательский отсек на нижних этажах здания.

Он сидел там, окруженный атрибутами своего союза: бобинами и катушками, капсулами, шлемами, выходными экранами, маленькими спиралями, там же лежали четыре последовательно соединенных черепа - в общем все, что необходимо собирателю информации. В руках он держал кристалл, понижающий напряжение, с одной из Облачных планет. Ее молочного вида содержимое быстро окрашивалось по мере того, как оно вытягивало ощущение тревоги. Он напустил на себя строгий властный вид, будто забыв, что я был свидетелем его бесхарактерности.

Он спросил:

- Ты знал о личности этого человека, когда вы пришли в Парриш?

- Да.

- Ты ничего не сказал об этом.

- Но меня никто не спрашивал.

- Ты понимаешь, какому риску ты всех нас подвергал - ведь не ведая о том, мы приняли под свой кров Правителя?

- Мы Земляне, - ответил я. - Разве мы уже не признаем власть Правителей?

- Нет, с момента Завоевания. По указу Завоевателей все прежние органы управления распущены, а их руководители арестованы.

- Но ведь такому указу нужно противостоять!

Летописец Элегро насмешливо взглянул на меня.

- Разве это обязанность Летописца - вмешиваться в политику? Томис, мы повинуемся тому правительству, которое находится у власти, каким бы оно ни было и какими бы путями ни пришло к власти. Мы не организуем никакой деятельности сопротивления.

- Понятно.

- Поэтому мы должны немедленно избавиться от этого беглеца. Томис, я приказываю тебе тотчас же отправиться к оккупационным властям и проинформировать Манрула Седьмого, что мы захватили Принца Рама и держим его здесь, пока его не заберут.

- Это я должен идти? - выпалил я. - К чему это посылать ночью старика? Ведь обычный шлем мыслепередачи может сделать то же самое!

- Слишком рискованно. Ведь кто-то может перехватить информацию, посылаемую с помощью шлема. Не очень-то это хорошо для нашего союза, если новость распространится. Эта информация должна поступить из рук в руки.

- Но мне кажется странным, что вы выбираете для этого какого-то ученика.

- Ведь только мы двое знаем об этом, - сказал Элегро. - Я не пойду. Поэтому сделать это должен ты.

- Но ведь меня не пропустят к Манрулу Седьмому, он меня не знает.

- Сообщи его службам, что у тебя есть сведения, которые помогут задержать Принца Рама. Тебя выслушают.

- Я должен упоминать ваше имя?

- Если будет необходимость. Можешь сказать, что Принца держат в плену в моих комнатах и с помощью моей жены.

Я чуть было не рассмеялся вслух. Но лицо мое оставалось непроницаемым, пока я стоял перед этим трусливым Летописцем, который даже боялся пойти туда сам, чтобы разоблачить человека, который наставил ему рога.

- В конечном итоге, - сказал я, - Принц поймет, что мы сделали. Разве это нормально, что вы просите меня предать человека, который был моим спутником в течение долгих месяцев?

- Предательство здесь ни при чем. Это вопрос обязательств перед правительством.

- У меня нет обязательств перед этим правительством. Я предан союзу Правителей. Вот почему я помог Принцу Рама в минуту опасности.

- За это, - сказал Элегро, - ты можешь поплатиться жизнью. Единственное, чем ты можешь искупить вину, - признать свою ошибку и помочь с арестом. Иди. Сейчас.

Я прожил долгую жизнь и всегда терпеливо относился к людям и никогда я никого не презирал так яростно, как Летописца Элегро в этот момент.

И все же я понимал, что стою перед выбором, и ни один из вариантов меня не устраивал. Элегро хотел, чтобы его обидчика наказали, но у него не хватало мужества донести на него, поэтому это я должен был пойти к оккупационным властям и донести на того, кому я помогал найти кров и за кого я был в ответе. Если бы я отказался, Элегро, возможно, передал бы меня самого властям, чтобы меня наказали как соучастника бегства Принца из Рама, или он мог бы отомстить мне внутри союза Летописцев. С другой стороны, если бы я повиновался Элегро, у меня навсегда осталось бы на совести несмываемое пятно, и в случае, если бы восстановилась власть Правителей, мне за многое пришлось бы ответить.

Когда я проанализировал ситуацию и взвесил все за и против, я трижды проклял неверную жену Летописца Элегро и ее бесхарактерного мужа.

Я заколебался на мгновение. Элегро был более убедителен, когда угрожал, что привлечет меня к ответу перед лицом союза по обвинению незаконного получения доступа к секретным файлам, а также по обвинению в том, что я провел на территории союза беглеца, объявленного вне закона. Он угрожал, что навсегда лишит меня возможности пользоваться хранилищами памяти. Он смутно намекнул о мести.

В конце концов я сказал ему, что пойду в штаб-квартиру завоевателей и выполню его приказание. Тогда я уже задумал предательство, которое, как я надеялся, нейтрализует предательство Элегро по отношению ко мне.

Уже близился рассвет, когда я вышел из здания. Воздух был теплым и чистым; низкий туман окутал улицы Парриша, и они будто мерцали в его дымке. На небе не было видно лун. Мне было немного не по себе на пустынных улицах, хотя я повторял себе, что вряд ли кого-то заинтересует престарелый Летописец. Но у меня при себе был только маленький нож, и я боялся бандитов.

Я шел по наклонному пандусу для пешеходов. На наиболее крутом спуске у меня появилась одышка, но когда я дошел до более ровного места, все встало на свои места, и я почувствовал себя в большей безопасности, потому что здесь, через довольно короткие интервалы, встречались патрульные отряды, да и потом на пути мне стали попадаться любители пройтись ночью. Я прошел мимо призрачной, одетой в белые шелковые одеяния фигуры, в которой угадывались неземные очертания: привидение, призрачный обитатель планеты Быка, где перевоплощение - это традиция, и ни один человек не может выходить куда бы то ни было в своем обычном облике. Я прошел мимо трех существ женского пола с планеты Лебедя, они хихикнули и спросили, видел ли я представителей мужского пола с их планеты, поскольку они как раз находились в периоде конъюгации. Я прошел мимо двух Измененных, которые подозрительно взглянули на меня, но решив, что взять у меня нечего, двинулись дальше.

Наконец, я подошел к приземистому восьмиугольному зданию, где жил Прокуратор Парриша.

Он не очень-то и охранялся. Завоеватели понимали, что мы не способны выступить против них, и были, пожалуй, правы. Планета, которую завоевали на заре нового дня, не в состоянии после этого оказать достойное сопротивление. Вокруг здания возвышался защитный сканер, окутывавший здание бледным отблеском. В воздухе чувствовалось присутствие озона. На широкой площади через дорогу уже хлопотали Торговцы, разворачивая свой рынок. Я увидел бочки со специями, которые разгружали мускулистые Слуги, и темные сосиски, которые несли Ньютеры. Я переступил через луч сканера и сразу передо мной выросла фигура Завоевателя.

Я объяснил, что у меня есть срочная информация для Манрула Седьмого, и через очень короткое время, без всяких консультаций и проволочек, меня ввели к Прокуратору.

Завоеватель обставил свой офис просто, но со вкусом. Он был украшен предметами, сделанными на Земле: ткань из Африкии, два алебастровых горшка из древнего Эгапта, мраморная статуэтка, видимо эпохи раннего Рама и темная Тальянская ваза, в которой стояли уже увядшие цветы. Когда я вошел, он, казалось, был занят несколькими информационными кубиками. Как я слышал, Завоеватели в основном работали ночью, поэтому меня не удивило, что он чем-то занят. Через мгновение он взглянул на меня:

- В чем дело, старик? Что это за беглый Правитель?

- Это Принц Рама, - сказал я. - Я знаю, где он находится.

В его холодных глазах мелькнул интерес. Он погладил своей ладонью с множеством пальцев стол, где лежали эмблемы нескольких наших союзов и среди прочих - Транспортировщиков, Летописцев, Защитников и Клоунов.

- Продолжай, - сказал он.

- Принц находится в этом городе, он находится в определенном месте, и у него нет возможности побега.

- Ты пришел, чтобы сообщить мне его местонахождение?

- Нет, - сказал я. - Я здесь для того, чтобы купить его свободу.

Казалось, Манрул Седьмой пришел в недоумение.

- Вы, люди, временами озадачиваете меня. Ты говоришь, что вы поймали этого беглого Правителя и, как я понял, ты хочешь продать его нам, а оказывается, ты хочешь *купить* его. Зачем ты пришел? Это что, шутка?

- Вы позволите мне все объяснить?

Он сидел, глядя в задумчивости на зеркальную поверхность своего стола, пока я коротко рассказывал ему о своем путешествии из Рама со слепым Принцем, о том, как мы пришли в Дом Летописцев, о том как Принц соблазнил Олмэйн и о страстном, но, увы, жалком желании Элегро отомстить. Я сразу все поставил на свои места и объяснил, что пришел сюда только по принуждению и что я-то не собирался передавать Принца в их руки. Потом я сказал:

- Я понимаю, что Правители должны понести расплату. Но этот уже дорого заплатил за свою свободу. Я прошу вас сообщить Летописцам, что Принцу Рама даровано прощение и позволить ему продолжить свой путь в Иорсалем как Пилигриму. Тогда Элегро будет бессилен что-либо сделать.

- Что ты предлагаешь нам, - спросил Манрул Седьмой, - в обмен на помилование Принца?

- Я проводил исследования в хранилищах памяти у Летописцев.

- И?

- Я понял, что ищут ваши люди.

Манрул Седьмой внимательно посмотрел на меня:

- Откуда ты знаешь, что мы можем искать?

- В одном из самых глубоких отсеков Дома Летописцев, - спокойно ответил я, - есть видеозапись резервации, в которой жили ваши предки, насильно увезенные со своей планеты и ставшие пленниками Земли. Она в мучительных подробно-

стях показывает их страдания. Это и есть неоспоримое доказательство справедливости Завоевания Земли планетой Н362.

- Невероятно! Но такого документа не существует!

По его реакции я понял, что попал в самое больное место.

Он продолжал.

- Мы проверили все существующие файлы. Сохранилась только одна запись жизни в резервациях, и мы не увидели на ней своих людей. На ней представители негуманоидной расы, пирамидальной формы, возможно с Якорных звезд.

- Я видел эту запись, - сказал я ему. - Но есть и другие. Я потратил много часов, чтобы найти их, просто мне очень хотелось знать о тех несправедливостях, которые мы когда-то творили.

- Указатели...

- ...иногда не полные. Я обнаружил эту запись случайно. Сами Летописцы не имеют понятия, что она существует. Я помогу вам найти ее, если вы оставите Принца в покое и отпустите его целым и невредимым.

Прокуратор какое-то время молчал. Наконец он сказал:

- Ты озадачиваешь меня. Я не могу понять, негодяй ты или человек высочайшей добродетели.

- Я знаю, что такое преданность.

- Но предать секреты своего союза...

- Я еще не Летописец, я только ученик, раньше я был Наблюдателем. И я не допущу, чтобы вы наказали Принца по прихоти рогатого глупца. Принц в его руках, и только вы можете освободить его. Поэтому я вынужден предложить вам этот документ.

- Который Летописцы тщательно вычеркнули из своих указателей, чтобы он не попал в наши руки.

- И который Летописцы по небрежности перевели в другое место и забыли об этом.

- Я сомневаюсь в этом, - сказал Манрул Седьмой. - Эти люди не допускают небрежности. Они просто спрятали эту запись и разве, передавая ее нам, ты не предаешь свою планету? Сотрудничая с ненавистным врагом?

Я пожал плечами.

- Я хочу освободить Принца Рама. Все остальное меня не касается. Я сообщаю вам местонахождение документа в обмен на освобождение Принца.

Завоеватель изобразил на лице некое подобие улыбки.

- Это не в наших интересах оставлять на свободе членов бывшего союза Правителей. Ваше положение двусмысленно, вы понимаете? Я бы мог вырвать у вас местонахождение документа силой, и Принц был бы у меня в руках.

- Да, конечно, - согласился я. - Я рискую. Но я исхожу из того, что люди, которые пришли сюда, чтобы отомстить за давнее преступление, должны в основе своей быть честными. Я в вашей власти, а местонахождение документа у меня в голове, можете взять.

Теперь он рассмеялся, и было видно, что он в хорошем настроении.

- Подожди минуту, - сказал он и произнес на своем языке несколько слов в переговорное устройство из янтаря. В комнату вошел еще один человек. Я сразу узнал его, хотя его кожа уже не была такой яркой, как в то время, когда он странствовал со мной в виде Мутанта Гормона. Он улыбнулся мне своей обычной улыбкой и сказал:

- Приветствую тебя, Наблюдатель.

- И я приветствую тебя, Гормон.

- Меня зовут Викториус Тринадцатый.

- Теперь меня зовут Томис Летописец, - сказал я.

Манрул Седьмой заметил вслух:

- Когда это вы успели так подружиться?

- Во время Завоевания, - ответил Викториус Тринадцатый. - Тогда я выполнял обязанности старшего разведчика, встретил этого человека в Талии, и мы вместе пошли в Рам. Но мы скорее были спутники, а не друзья.

Я вздрогнул.

- А где Воздухоплавательница Эвлуэла?

- В Парсе, я думаю, - сказал он небрежным тоном. - Она говорила, что хочет вернуться в Хинд, к своим.

- Ты любил ее, но только недолго?

- Мы были скорее спутники, а не любовники, - сказал Завоеватель. - Это было для нас временное увлечение.

- Для тебя, возможно, - сказал я.

- Для нас.

- И ради этого временного увлечения ты вырвал у человека глаза?

Тот, кто когда-то называл себя Гормоном, пожал плечами:

- Я сделал это, чтобы преподать гордому человеку урок гордости.

- Тогда ты говорил, что сделал это из ревности, - напомнил я ему. - Ты говорил, что тобою движет любовь.

Викториус Тринадцатый, казалось, теряет ко мне интерес. Манрулу Седьмому он сказал:

- Почему этот человек здесь? Зачем вы вызвали меня?

- Принц Рама в Паррише, - сказал Манрул Седьмой.

Викториус Тринадцатый был неожиданно сильно удивлен.

Манрул Седьмой продолжал:

- Он - пленник Летописцев. Этот человек предлагает странную сделку. Ты знаешь Принца лучше, чем любой из нас. Я прошу у тебя совета.

Прокуратор кратко изложил ситуацию. Тот, кто когда-то был Гормоном, слушал вдумчиво и молча. В конце Манрул Седьмой сказал:

- Проблема в следующем: дадим ли мы амнистию Правителю, который сегодня находится вне закона?

- Он слеп, - сказал Викториус Тринадцатый. - Он уже не обладает властью. И даже если он все еще силен духом, он не представляет для нас опасности. Я считаю, что нужно пойти на эту сделку.

- Есть определенный риск в том, чтобы оставить Правителя на свободе, - заметил Манрул Седьмой. - И тем не менее, я согласен. Мы принимаем условия. - А мне он сказал: - Назови нам местонахождение нужного нам документа.

- Сначала освободите Принца Рама, - сказал я спокойно.

У обоих Завоевателей на лицах появилось выражение удивления.

- Вполне справедливо, - сказал Манрул Седьмой. - Но подумай сам. Как можем мы быть уверены, что ты сдержишь слово? Ведь с тобой может случиться все что угодно за то время, что мы освобождаем Принца.

- У меня есть предложение, - сказал Викториус Тринадцатый. - Ведь это не столько вопрос взаимного недоверия, сколько вопрос времени. Томис, почему бы нам не зафиксировать местонахождение документа в кубе, который выдает информацию через шесть часов? Мы загрузим информацию в куб таким образом, что он выдаст ее только в том случае, если в течение шести часов сам Принц Рама, и никто иной, даст ему команду выдать информацию. Если за это время мы не найдем Принца и не освободим его, куб будет уничтожен. Если же мы все-таки освободим Принца, куб выдаст нам информацию, даже если - ну, если - что-то случится с тобой за это время.

- Вы предусматриваете любую вероятность, - сказал я.

- Мы договорились? - спросил Манрул Седьмой.

- Мы договорились, - ответил я.

Они принесли мне куб и поместили меня под экран секретности, пока я писал на блестящей поверхности номер полки и уравнения последовательности документа, который я обнаружил. Прошло несколько мгновений; куб вывернулся наизнанку, и информация исчезла в его темных глубинах. Я вручил им куб.

Вот так я предал наследие Земли и сослужил службу нашим Завоевателям просто из чувства преданности слепому Принцу, который крал чужих жен.

7

К этому времени рассвело. Я не пошел с Завоевателями в Дом Летописцев. Это было не мое дело - наблюдать за непростыми событиями, которые должны были произойти, я предпочел быть где-нибудь в другом месте. Моросил мелкий дождь, и я отправился по серым улицам, которые сбегали вниз рядом с Сенной. Вечная река, поверхность которой расчертили пунктирами капли дождя, неутомимо мчала свои воды под каменными арками, построенными в античные времена Первого Цикла. Уже бесчисленное количество тысячелетий в ее воды гляделись мосты, сохранившиеся с тех времен, когда единственными проблемами человечества были те, которые оно само себе создавало. Утро поглотило город. По старой, видимо уже неискоренимой привычке, я начал оглядываться в поисках своих приборов, чтобы провести Наблюдение, и мне пришлось напомнить себе, что все это осталось далеко позади. Союз Наблюдателей распустили, пришел враг, а старый Уиллиг, теперь Томис из Летописцев, продался врагам человечества.

В тени маленького дома с двухъярусной колокольней, куда когда-то приходили древние Христеры, я позволил заманить себя в кабинку Сомнамбулы. С этим союзом мне нечасто приходилось иметь дело. Я очень подозрительно отношусь к шарлатанам, а их в наше время хватает. Сомнамбулы заявляют, что в состоянии транса они видят, что с вами происходило раньше, происходит теперь и произойдет в будущем. Я кое-что понимаю в трансах, потому что как Наблюдатель входил в такое состояние четыре раза в день. Но Наблюдатель, который гордится своим ремеслом, конечно, испытывает презрение к тем, кто использует свое второе зрение для получения выгоды, как это делают Сомнамбулы.

Но уже среди Летописцев я, к своему удивлению, узнал, что к Сомнамбулам часто обращаются за консультациями при раскопках каких-то мест древних времен и что они хорошо помогали Летописцам. И хотя я был настроен скептически, но все же мне хотелось услышать кое-что о себе. И потом, в этот момент мне нужно было хоть какое-то убежище, чтобы укрыться от грозы, которая разразилась в Доме Летописцев.

Изящный, несколько жеманный человек приветствовал меня насмешливым поклоном, когда я вошел в домишко под низенькой крышей.

- Меня зовут Самит из Сомнамбул, - произнес он высоким жалобным голосом. - Я приветствую вас и предлагаю вам хорошие новости. Вот мой компаньон - Сомнамбула Мерта.

Сомнамбула Мерта оказалась крепкой женщиной в кружевном платье. У нее было мясистое лицо и большие темные круги под глазами, над верхней губой были заметны усики. Сомнамбулы обычно работают по двое: один - рекламирует, второй - работает. Чаще всего это муж и жена, как эти. Мой мозг не мог воспринять, как могучая женщина Мерта может обнимать миниатюрного Самита, но в конце концов это была не моя забота! Я сел туда, куда мне показал Самит. Рядом на столе я увидел несколько пищевых таблеток разного цвета - я прервал семейный завтрак. Мерта, уже находясь в глубоком трансе, бродила по комнате тяжелыми широкими шагами, то и дело слегка задевая мебель. Говорят, что некоторые Сомнамбулы бодрствуют всего лишь по два-три часа из двадцати. Они сами едят и отправляют естественные нужды. Но есть и такие, которые, по-видимому, живут в состоянии постоянного транса, и их кормят, и ухаживают за ними их последователи и ученики.

Я едва слушал, когда Самит быстро и взволнованно произносил свою рекламную речь, обрушив на меня поток подходящих для такого случая и ставших уже ритуальными слов. Все это предназначалось для непосвященных. Ведь Сомнамбулам часто приходится иметь дело со Слугами, Клоунами и другой челядью. Но сейчас, видимо чувствуя, что терпение мое уже начинало лопаться, он прекратил расхваливать способности Сомнамбулы Мерты и спросил у меня, что я хочу знать.

- Я уверен, что Сомнамбула уже поняла это, - ответил я.

- Вы хотите получить общий анализ?

- Я хочу знать судьбу людей, которые окружают меня. Особенно мне хотелось бы, чтобы Сомнамбула сконцентри-

ровалась на событиях, которые происходят сейчас в Доме Летописцев.

Самит побарабанил пальцами по гладкой поверхности стола и бросил красноречивый взгляд на мужеподобную Мерту.

- Ты уже вошла в контакт с правдой? - спросил он ее.

Она ответила прерывистым вздохом, который вырвался из самого нутра ее дрожащей обильной плоти.

- Что ты видишь? - спросил я ее.

Она начала что-то быстро бормотать. Сомнамбулы говорят на языке, отличающемся от языка людей. Это суровый язык, звуки его режут слух и, как говорят, произошел он от древнего языка Эгапта. Я ничего об этом не знаю. Для меня это бессвязные, отрывистые звуки, и смысл их понять невозможно. Самит слушал некоторое время, потом кивнул с удовлетворением и протянул ко мне ладонь.

- Нам есть о чем рассказать, - сказал он.

Мы обсудили плату и, немного поторговавшись, пришли к соглашению.

- Ну же, - сказал я ему. - Скажи мне правду.

И он осторожно начал:

- В это замешаны пришельцы с другой планеты и несколько членов союза Летописцев.

Я молчал, стараясь не обнаруживать своих чувств.

- Они столкнулись в очень серьезной ссоре. В центре событий - человек без глаз.

Я выпрямился, как от толчка.

Самит сдержанно улыбнулся.

- Человек без глаз лишился былого величия. Как бы это сказать - он потерпел поражение на Земле от Завоевателей. Его жизнь близится к концу. Он хочет вернуть прежние времена, но знает, что это невозможно. Он заставил Летописца нарушить клятву. В холл здания вошли несколько Завоевателей - чтобы подвергнуть его наказанию? Нет, нет. Чтобы освободить его из плена. Мне продолжать?

- Быстро!

- Но вы получили всю информацию, за которую заплатили.

Я взвыл. Это было вымогательство. Но, тем не менее, Сомнамбулы ясно видели, что происходит в действительности. Я не узнал пока больше, чем знал, но и этого было достаточно, чтобы понять, что я могу узнать больше. Я заплатил еще.

Деньги исчезли у Самита в кулаке, и он еще раз послушал, что бормочет Мерта. Она говорила пространно, в некотором

возбуждении, покружилась несколько раз, налетев на массивный диван.

Самит сказал:

- Человек без глаз - теперь между мужем и женой. Разъяренный муж хочет добиться его наказания. Завоеватели ищут спрятанную информацию; они найдут ее с помощью предателя. Человек без глаз ищет свободу и власть; он найдет покой. Опозоренная жена ищет развлечений; она столкнется с трудностями.

- А я? - уронил я в упрямое и дорогостоящее молчание. - Ты ничего не сказал обо мне!

- Вы скоро покинете Парриш. Вы уйдете не один. Вы уйдете, уже не будучи членом этого союза.

- Куда я отправлюсь?

- Вы же знаете это так же хорошо, как и мы, так зачем же тратить время и деньги, чтобы сказать вам об этом еще раз?

Он опять замолк.

- Скажи мне, что произойдет со мной по дороге в Иорсалем? - спросил я.

- Столько информации вам не по карману. Будущее становится все дороже. Я предлагаю вам довольствоваться тем, что вы знаете.

- У меня есть несколько вопросов, касающихся того, о чем уже говорилось.

- Ни за какие деньги мы не даем уточнений.

Он ухмыльнулся. И тут я почувствовал силу его презрения. Сомнамбула Мерта, которая, бормоча, бродила по комнате, вдруг застонала и срыгнула. Казалось, что силы, с которыми она вошла в контакт, передали ей новую информацию. По ее телу пробежала дрожь, она захныкала, и издала подобие хихиканья. Она что-то подробно объясняла ему. Он взглянул на меня.

- Ни за какую цену, - повторил он, - а теперь последняя информация. Ваша жизнь вне опасности, чего нельзя сказать о вашей душе. Было бы хорошо, если бы вы как можно скорее помирились с Провидением. Восстановите свой моральный дух. Помните о том, чему вы должны быть преданы. Покайтесь в грехах. Больше я ничего не скажу.

И действительно, Мерта шевельнулась и, казалось, проснулась. Лицо ее и тело задергались в конвульсиях, пока она выходила из транса. Она открыла глаза, но я видел только белки, это было ужасное зрелище. Губы ее подергивались,

обнажая гнилые зубы. Самит выпроводил меня короткими, указывающими на дверь жестами крошечных рук.

Я вышел на улицу, в промокнувшее утро.

Я поспешил в Дом Летописцев и примчался туда, буквально задыхаясь, испытывая острую боль в грудной клетке. Я помедлил немного на улице, чтобы отдышаться. Надо мной проплыли воздушные корабли, которые вылетели с верхнего уровня здания. Мне почти стало страшно. Но в конце концов я вошел в вестибюль и поднялся на уровень, где находились комнаты Элегро и Олмэйн.

В холле толпились возбужденные Летописцы. В воздухе плыл гул взволнованных голосов. Я было подался вперед, но человек, который, как я понял, занимает высокое положение в совете союза, протянул руку, преграждая мне путь и спросил:

- Какое дело у тебя, ученик?

- Я Томис, за которого поручилась Летописец Олмэйн. Здесь рядом моя комната.

- Томис! - вскричал кто-то.

Меня схватили и втолкнули в знакомые комнаты, теперь являвшие собой довольно печальную картину разрушения.

Там стояли с десяток Летописцев, перебирая пальцами шали и находясь в явно подавленном состоянии. Среди них я узнал подтянутого и элегантного Канцлера Кенишела, серые глаза его потемнели от отчаяния. Под покрывалом, слева от входа, лежало съежившееся тело в одеждах Пилигрима. Это был Принц Рама, мертвый, в луже крови. Его сверкающая маска, теперь уже покрытая пятнами, лежала рядом. В противоположной стороне комнаты, осев всем своим телом на подставки, на которых стояли прекрасные предметы искусства Второго Цикла, был Летописец Элегро, который, казалось, спит с выражением удивления и одновременно гнева на лице. Из его шеи торчал маленький изящный дротик. В глубине, в окружении рослых Летописцев, стояла Олмэйн, в растерянности и отчаянии. Через ее разорванное спереди алое платье были видны высокие белые груди, черные волосы ее спутались, а гладкая кожа блестела от выступившей испарины. Она, казалось, не понимала, где находится и думала о чем-то своем, не обращая внимания на происходящее.

- Что здесь произошло? - спросил я.

- Два убийства, - ответил прерывающимся голосом канцлер Кенишел. Он подошел ко мне - высокий, осунувшийся, с

седой головой. Одно веко у него подергивалось. - Когда ты видел этих людей в последний раз, ученик?

- Вечером.

- Почему ты пришел сюда?

- Это был лишь визит вежливости.

- Что-нибудь было не так?

- Ссора между Летописцем Элегро и Пилигримом, - признался я.

- Из-за чего? - спросил тихо Канцлер.

Я в замешательстве посмотрел на Олмэйн, но она ничего не видела, а слышала еще меньше.

- Из-за нее, - сказал я.

Я услышал, как среди Летописцев послышался сдавленный смех. Они подталкивали друг друга, кивали, даже улыбались. Я подтвердил все их подозрения. Голос Канцлера стал еще более сухим.

- Это был твой спутник, когда ты вошел в Парриш, - сказал он. - Ты знал, кто он такой на самом деле?

Я облизнул пересохшие губы:

- Я догадывался.

- Что это был...

- Сбежавший Принц Рама, - сказал я. Я не осмелился увертываться сейчас, положение мое было слишком шатким.

Опять все закивали и начали подталкивать друг друга. Канцлер Кенишел сказал:

- Этого человека должны были арестовать. Ты не имел права скрывать его имя.

Я молчал.

Канцлер продолжал.

- Несколько часов тебя в этом здании не было. Расскажи нам, что ты делал после того, как ушел из комнат Элегро и Олмэйн.

- Я пошел к Манрулу Седьмому, - сказал я.

Сенсация.

- Зачем?

- Проинформировать Прокуратора, - сказал я, - что Принц Рама схвачен и находится у Летописцев. Я сделал это по приказанию Летописца Элегро. После этого я несколько часов бесцельно гулял по улицам и наконец вернулся сюда и обнаружил... и обнаружил...

- И обнаружил, что здесь полный хаос, - сказал Канцлер Кенишел. - Прокуратор был здесь уже на рассвете. Он был и в этой комнате. И Элегро, и Принц, должно быть, были в это

время еще живы. Затем он пошел в наши архивы и стер... и стер... материал очень высокой чувствительности... стер материал, который, как полагали, хранится очень надежно... высокой чувствительности...

Канцлер не смог дальше говорить. Будто в сложной машине, разрушенной одним ударом, движения его замедлились, он издал несколько дребезжащих звуков и, казалось, вот-вот упадет. Несколько высокого ранга Летописцев бросились к нему на помощь. Через несколько мгновений Канцлер вроде бы оправился.

- Эти убийства произошли после того, как Прокуратор покинул это здание, - сказал он. - Летописец Олмэйн не смогла нам ничего о них рассказать. Возможно, ты, ученик, знаешь что-либо важное?

- Но меня здесь не было. Двое из Сомнамбул у Сенны могут подтвердить, что я был с ними, когда произошли преступления.

Кто-то грубо расхохотался, когда я рассказал про Сомнамбул. Бог с ними. В такой ситуации мне было не до чувства собственного достоинства. Я знал, что был в опасности.

Канцлер медленно сказал:

- Ты пойдешь в свою комнату, ученик, и останешься там до допроса. После этого ты покинешь это здание и должен будешь уйти из Парриша в течение двадцати часов. Своей властью я объявляю тебя изгнанным из союза Летописцев.

Хотя меня об этом уже предупредил Самит, я был ошеломлен.

- Изгнанным? За что?

- Мы не можем больше доверять тебе. Тебя окружает слишком много тайн. Ты приводишь к нам Принца и скрываешь свои подозрения; ты присутствуешь при смертельной ссоре; ты наносишь визит Прокуратору среди ночи. Возможно именно из-за тебя мы понесли эту невосполнимую потерю в архивах этим утром. Нам здесь не нужны загадочные люди. Мы рвем взаимоотношения с тобой. - Канцлер величественно взмахнул рукой. - В свою комнату теперь, пока не придет время допроса, а потом - уходи!

Меня втолкнули в комнату. Когда за мной закрывалась входная дверь, я увидел пепельно-серое лицо Канцлера, который рухнул на руки своих собратьев по союзу, и в то же мгновение Олмэйн вышла из оцепенения и с криком упала на пол.

8

Оставшись один в комнате, я долго собирал свои пожитки, хотя у меня мало что было. Утро было в самом разгаре, когда ко мне пришел Летописец, которого я не знал. Он принес приборы для допроса. С тяжелым сердцем я смотрел на них, думая о том, что со мной будет покончено, если только Летописцы обнаружат доказательство того, что именно я выдал Завоевателям местонахождение записи о резервации. Они уже заподозрили меня в этом. Канцлер не выдвинул обвинение против меня только потому, что ему, должно быть, показалось странным и маловероятным, чтобы ученику, вроде меня, было бы интересно проводить такие поиски в архивах союза.

Мне повезло. Мой следователь больше интересовался деталями убийства. И как только он выяснил, что я к этому не причастен и ничего не знаю, он отпустил меня, предупредив, чтобы я покинул здание в назначенное время. Я сказал ему, что так и сделаю.

Но сначала мне нужно было отдохнуть. Я ведь не спал всю ночь. Поэтому я выпил снотворное, действующее в течение трех-четырех часов и погрузился в успокаивающий сон. Когда я проснулся, кто-то стоял около меня. Это была Олмэйн.

Она выглядела гораздо старше теперь. На ней была строгая туника приглушенных тонов без украшений. Черты ее лица обострились. Я постарался скрыть свое изумление, когда увидел ее и пробормотал извинения, что не сразу заметил, что она вошла.

- Не беспокойся, - мягко сказала она. - Я разбудила тебя?

- Я уже поспал.

- А я совсем не спала. Но для этого еще будет время. Мы должны объясниться, Томис.

- Да. - Я неуверенно поднялся. - Вы хорошо себя чувствуете? Я видел вас чуть раньше и вы, казалось, были в трансе.

- Мне дали лекарства, - ответила она.

- Расскажите мне, что можете, о минувшей ночи.

Ее веки моментально закрылись.

- Ты был ведь у нас, когда Элегро затеял ссору и Принц вышвырнул его. Через несколько часов Элегро вернулся. С ним был Прокуратор Парриша и еще несколько Завоевателей. Элегро, казалось, ликовал. Прокуратор показал нам куб и велел Принцу положить на него руку. Принц заартачился, но Манрул Седьмой убедил его подчиниться. Когда он дотронулся до куба, Прокуратор и Элегро ушли, оставив нас опять

вместе, и ни он, ни я не понимали, что произошло. У комнаты поставили стражу, чтобы Принц не сбежал. Вскоре после этого Прокуратор и Элегро вернулись. Теперь Элегро, казалось, был подавлен и даже сконфужен, а Прокуратор был очень оживлен. В нашей комнате Прокуратор объявил, что бывшему Принцу Рама дарована амнистия и что никто не имеет права причинить ему вред. А потом Завоеватели ушли.

- Продолжайте.

Олмэйн говорила так, будто она Сомнамбула.

- Элегро, казалось, не понимал, что произошло. Он кричал, что совершено предательство; он орал, что его предали. Потом последовала ссора. Элегро напоминал разъяренную женщину, Принц становился все более высокомерным, каждый требовал от другого выйти из комнаты. Ссора стала такой истеричной, что даже ковер начал умирать. Лепестки опали, маленькие рты раскрылись, будто им не хватало воздуха. Кульминация наступила быстро. Элегро схватил оружие и начал угрожать, что он воспользуется им, если Принц немедленно не уйдет. Принц недооценил темперамент Элегро, думая, что он его шантажирует и пошел вперед, будто намереваясь вышвырнуть Элегро из комнаты. Элегро убил Принца. Мгновение спустя я схватила дротик с полочки, где хранятся древности, и метнула его прямо в шею Элегро. В дротике был яд. Он умер мгновенно. Я позвала людей, а больше я ничего не помню.

- Странная ночь, - сказал я.

- Слишком странная. Скажи мне, Томис, почему пришел Прокуратор и почему он не посадил Принца в тюрьму?

Я сказал:

- Прокуратор пришел, потому что я просил его об этом, кстати, по приказу вашего покойного мужа. Прокуратор не арестовал Принца, потому что свобода Принца была куплена.

- Какой ценой?

- Ценой позора человека, - ответил я.

- Ты говоришь загадками.

- Правда обесчестит меня. Прошу вас, не заставляйте меня этого делать.

- Канцлер говорил о каком-то документе, которым завладел Прокуратор...

- Да, речь идет именно об этом, - признался я, и Олмэйн опустила глаза и больше не задавала мне вопросов.

В конце концов я спросил:

- Ведь вы совершили убийство, как вас накажут?

- Преступление было совершено в состоянии аффекта и страха, - ответила она. - Поэтому серьезного наказания не будет. Меня исключили из союза за супружескую измену и акт насилия.

- Примите мои сожаления.

- Мне предписано в качестве Пилигрима отправиться в Иорсалем, чтобы очистить там душу. Я должна покинуть город в течение суток или я поплачусь своей жизнью.

- Меня тоже изгнали из союза, - сказал я ей. - И я тоже отправляюсь в Иорсалем, хотя это был мой собственный выбор.

- Может быть, мы можем странствовать вместе?

Я не мог скрыть своих колебаний. Я уже странствовал со слепым Принцем. Мне было безразлично, что я мог отправиться в дорогу с убийцей, с женщиной без союза. Может быть, просто для меня пришло время попутешествовать в одиночестве? Но ведь Сомнамбула сказала, что у меня будет спутник.

Олмэйн сказала спокойно:

- Я вижу, ты воспринял мое предложение без энтузиазма. Может быть, я смогу восполнить его нехватку. - Она открыла тунику. Между двумя белоснежными холмами ее грудей я увидел мешочек. Она соблазняла меня не телом, а кошельком. - Здесь лежит все, - сказала она, - что у Принца Рама было спрятано в бедре. Он показал мне эти сокровища, и я вытащила их из его тела, когда он, мертвый, лежал в моей комнате. Здесь есть кое-что и мое. Я тоже не без средств. Мы будем путешествовать без лишений. Согласен?

- Мне трудно отказаться.

- Будь готов через два часа.

- Я уже готов, - сказал я.

- Тогда подожди меня.

Она оставила меня одного. Примерно через два часа она вернулась - в маске и одеждах Пилигрима. Через руку у нее был перекинут еще один комплект одежды для Пилигрима и маска. Теперь я был бессоюзный и так путешествовать было безопаснее. Решено, я отправляюсь в Иорсалем как Пилигрим. Я принял необычный наряд. Мы взяли наши пожитки.

- Я уже уведомила союз Пилигримов, - заявила она, когда мы вышли из Дома Летописцев. - Мы зарегистрированы, и я надеюсь, что сегодня мы получим звездные камни. Как ты чувствуешь себя в маске, Томис?

- Уютно.

- Так и должно быть.

Наш путь из Парриша проходил через огромную площадь перед серым старинным зданием церкви древнего вероисповедания. Около нее собралась толпа. В центре группы я увидел Завоевателей. Нищие окружили их кольцом в надежде сорвать свой куш. На нас они не обратили ни малейшего внимания, потому что никто не просит подаяния у Пилигримов. Но все же я схватил за воротник одного попрошайку и спросил:

- Что за церемония здесь происходит?

- Похороны Принца Рама, - ответил он. - По приказу Прокуратора. Государственные похороны, как положено. Они превратили это в настоящий праздник.

- Почему вдруг в Паррише? - спросил я. - Как умер Принц?

- Спроси кого-нибудь еще. А мне нужно работать.

Он увернулся и нырнул в толпу.

- Пойдем на похороны? - спросил я Олмэйн.

- Лучше не надо.

- Как хочешь.

Мы пошли к массивному каменному мосту, перекинутому через Сенну. А за нами взмыло к небу голубое пламя погребального костра для умершего Принца. Этот костер освещал наш путь, пока мы медленно шли в ночь, на восток, к Иорсалему.

Часть III

1

Наша Планета теперь действительно принадлежала им. На всем пути через Эйропу я видел, что они стали на Земле хозяевами, и мы принадлежали им, как звери на скотном дворе принадлежат фермеру.

Они были повсюду, как облеченные плотью растения, обнаружившие корни после странной бури. Они расхаживали с холодным самоуверенным видом, как бы подчеркивая размеренностью своих движений, что Провидение отвернулось от нас и теперь благосклонно к ним. Нет, они не были жестоки к нам, но самим своим присутствием они будто выкачивали из нас жизненные силы. Они получили право владения нашим солнцем и лунами, нашими музеями древних реликвий и руинами, оставшимися от прежних циклов, нашими городами и

дворцами, нашим будущим, нашим настоящим и нашим прошлым. Наша жизнь потеряла теперь смысл.

Ночью звезды вздрагивали на небе, будто посмеивались над нами. Вся вселенная взирала на наш позор.

Холодный зимний ветер напоминал нам, что за грехи свои мы потеряли свою свободу. А летний зной рассказывал историю о том, как за свою гордыню были мы унижены.

Вот так мы и жили, лишенные прошлого. Я, кто бродил по звездам каждый день, теперь не испытывал ни малейшего желания делать это. Теперь, направляясь в Иорсалем, я находил спокойное утешение в надежде, что как Пилигрим я смогу искупить грехи свои и почувствовать обновление в священном городе. Олмэйн и я повторяли каждый вечер молитву Пилигримов:

- Мы воздаем хвалу Провидению.
Мы воздаем хвалу Провидению.
В большом и малом.
В большом и малом.
И просим прощения.
И просим прощения.
За все грехи наши.
За все грехи наши.
И просим понимания и покоя.
И просим понимания и покоя.
До конца дней наших, пока не придет искупление.
До конца дней наших, пока не придет искупление.

И когда мы произносили эти слова, мы сжимали прохладную гладкую поверхность круглых звездных камней, холодных как цветы на стекле, и вот так мы общались с Провидением. И так мы шли к Иорсалему, который уже не принадлежал на этой планете человеку.

2

Как раз когда мы подходили к Земному Мосту через Талию, Олмэйн впервые обошлась со мной бессердечно. По природе она была бессердечным человеком, и я не один раз убеждался в этом в Паррише. Но теперь, когда мы уже много месяцев странствовали как Пилигримы, пробираясь через горы, на восток от Парриша, а потом вниз по Талии к Мосту, она спрятала свои коготки. До вот этого момента.

Нас остановил отряд Завоевателей, который шел на север из Африкии. Их было около двадцати, высоких, с суровыми

лицами, исполненных чувства гордости за то, что теперь они хозяева Земли. Они подъехали в блестящей крытой машине их собственного производства, с маленькими окнами, длинной и узкой, передвигавшейся на толстых, песочного цвета гусеницах. Уже издалека мы видели, как эта машина приближается к нам, поднимая облако пыли.

Было жарко. Даже небо было цвета песка, все исполосованное отблесками тепловых излучений и страшными бирюзово-золотистыми росчерками энергетических потоков.

Нас было, наверное, человек пятьдесят. Мы стояли спиной к Талии, а континент Африкия лежал перед нами. В нашей группе были самые разные люди: были и Пилигримы, как Олмэйн и я, которые совершали свой переход к священному городу Иорсалему, были здесь и случайные люди, перекати-поле, мужчины и женщины, которые перебирались от континента к континенту просто потому, что больше им делать было нечего. Я насчитал среди нас пять бывших Наблюдателей, а также узнал несколько Указателей, Часового и пару Коммуникаторов, Писателя и даже несколько Измененных. Мы собрались вместе, уже заранее уступая дорогу Завоевателям.

Земной Мост не очень-то широк, и поэтому по нему не может пройти сразу много народа. Хотя, в обычные времена, движение по нему было двустороннее. но сегодня мы боялись идти вперед, пока Завоеватели были так близко. Так мы и стояли, будто связанные друг с другом, глядя, как приближаются Завоеватели.

Один из Мутантов, отделившись от группы своих собратьев, направился ко мне. Для Мутанта он был на редкость маленького роста, хотя и широк в плечах. Кожа на его лице, казалось, была слишком сильно натянута; глаза большие, с зеленым ободком, волосы на его голове росли пучками, а носа на лице совсем не было видно, так что казалось, что ноздри его начинаются прямо у верхней губы. И все же, несмотря на это, внешность его не казалась мне гротескней, чем у большинства Мутантов... Он произнес почти шепотом:

- Как вы думаете, Пилигрим, нас надолго здесь задержат?

В былые дни никто, вот так запросто, а тем более Измененный, не мог бы обратиться к Пилигриму. Для меня, собственно, все эти традиции не имели значения, но Олмэйн с возмущением отпрянула.

Я сказал:

- Мы подождем здесь, пока наши хозяева позволят нам пройти. Разве у нас есть выбор?

- Никакого, друг, никакого.

Услышав слово "друг", Олмэйн вскипела и сердито взглянула на Мутанта. Он повернулся к ней и было видно, что он разъярен, потому что под блестящей кожей на его щеках вдруг неожиданно вспыхнули шесть параллельных полос алого цвета. Но он только вежливо поклонился ей и сказал:

- Позвольте представиться. Я Бернальт, бессоюзный конечно, уроженец Найруби в Центральной Африкии. Я не спрашиваю ваших имен, Пилигримы. Вы направляетесь в Иорсалем?

- Да, - сказал я, потому что Олмэйн демонстративно повернулась к нему спиной. - А ты? Возвращаешься после странствий домой в Найруби?

- Нет, - сказал Бернальт. - Я тоже иду в Иорсалем.

Меня мгновенно охватило чувство враждебности и отчуждения, а симпатии, которую он вызвал во мне, будто и не бывало. Я уже раньше путешествовал с Мутантом, хотя он оказался и не настоящим. Он тоже был полон обаяния, но с меня было достаточно.

Я спросил:

- Могу я поинтересоваться, какое дело может быть у Измененного в Иорсалеме?

Он услышал прохладные нотки в моем голосе, и взгляд его красивых глаз опечалился.

- Нам тоже разрешается посещать священный город, если вы помните. Даже нам. Вы опасаетесь, что Мутанты захватят Храм Обновления опять, как это случилось тысячу лет назад, когда нас низвергли и лишили нашего союза? - Он резко рассмеялся. - Я никому не угрожаю, Пилигрим. У меня отвратительное лицо, но оно не опасно. Да поможет тебе Провидение найти то, что ты ищешь, Пилигрим. - Он слегка поклонился в знак уважения и пошел обратно к другим Мутантам.

Разъяренная, ко мне повернулась Олмэйн.

- Зачем ты разговариваешь с этими мерзкими существами?

- Этот человек сам подошел ко мне. И он был доброжелателен. Нас здесь всех свела одна беда, Олмэйн, и...

- Человек, человек! Ты называешь Мутанта человеком?

- Но ведь они люди, Олмэйн.

- Ну, это как посмотреть, Томис. Я испытываю отвращение к таким монстрам. У меня мурашки идут по телу, когда они

находятся около меня. Если бы это было в моей власти, я бы вышвырнула их с нашей планеты!

- А как быть с терпимостью к ближнему, которую Летописец должен поощрять?

Она вспыхнула, услышав издевку в моем голосе.

- От нас не требуют любить Мутантов, Томис. Это одно из проклятий, которое лежит на нашей планете - пародия на человечество, враги правды и красоты! Я презираю их!

И такое отношение к ним не было исключением из правила. Но у меня не было времени, чтобы упрекать Олмэйн в нетерпимости. Машина с Завоевателями была уже совсем близко. Я надеялся, что мы продолжим путь, как только она проедет. Но она замедлила ход и остановилась, из нее вышли несколько Завоевателей. Они неторопливо подошли к нам, их длинные руки болтались по бокам как плохо натянутые веревки.

- Кто здесь, главный, кто лидер? - спросил один из них.

Никто не ответил, потому что мы все путешествовали порознь.

Завоеватель нетерпеливо спросил, выждав немного:

- Нет лидера? Очень хорошо. Тогда вы, все, слушайте. Дорога должна быть очищена. По ней движется конвой. Возвращайтесь в Палерму.

Голос его был спокоен. Завоеватели никогда не разговаривали безапелляционно или повелительно. В них была та уравновешенность и уверенность, какая обычно бывает у настоящих собственников.

Писатель вздрогнул, челюсти его сжались, но он ничего не сказал. Некоторые из тех, что стояли у обочины, казалось, хотели возразить. Часовой отвернулся и сплюнул. Человек, у которого на лице была отметка разбитого в пух и прах союза Защитников, сжал кулаки и явно подавил в себе приступ ярости. Измененные шептали что-то друг другу. Бернальт горько улыбнулся мне и пожал плечами.

Вернуться в Палерму? День напрасной ходьбы по такой жаре! Ради чего?

Но Завоеватель небрежным жестом приказал нам расходиться.

Вот тогда-то Олмэйн и проявила жестокость по отношению ко мне. Она сказала мне тихо:

- Объясни им, Томис, что ты на службе у Прокуратора Парриша, и они пропустят нас.

Ее темные глаза излучали презрение и издевку.

Плечи мои опустились, будто она водрузила на них еще десять лет жизни.

- Зачем ты это делаешь? - спросил я.

- Жарко. Я устала. Это идиотизм - посылать нас обратно в Палерму.

- Я согласен. Но я ничего не могу изменить. Зачем же причинять мне боль?

- Разве правда причиняет боль?

- Я не служу им, Олмэйн.

Она засмеялась:

- Ах, как красиво ты говоришь, Томис. Но ты делаешь это, да, да! Ты продал им документы.

- Чтобы спасти Принца, твоего любовника, - напомнил я ей.

- Но ты имел дело с Завоевателями, тем не менее. Мотивы не имеют значения, остается факт.

- Прекрати, Олмэйн.

- Ты мне уже приказываешь?

- Олмэйн...

- Подойди к ним, Томис. Скажи им, кто ты такой, и пусть они нас пропустят.

- Конвой сметет нас с дороги. В любом случае я не могу повлиять на Завоевателей. Я не человек Прокуратора.

- Я умру до того, как вернусь в Палерму.

- Тогда умри, - устало сказал я и повернулся к ней спиной.

- Предатель! Продажный старый глупец! Трус!

Я притворился, что мне безразлично, что она говорит, но слова ее жгли мне спину. В них не было лжи, но была злоба. Я ведь действительно был у Завоевателей, я ведь действительно имел с ними дело, я действительно предал союз, который приютил меня и я-таки нарушил негласный закон, который призывает к настойчивой пассивности - как единственному способу протеста против поражения Земли. Все верно. И все же как несправедливо было именно с ее стороны упрекать меня в этом! Я не размышлял о высоких материях патриотизма, когда нарушил закон. Я просто пытался спасти человека, к которому я был привязан, и больше того, человека, которого она любила. Отвратительно, что Олмэйн обвиняла меня теперь в предательстве, просто чтобы помучить меня и просто из-за раздражения, вызванного жарой и пыльной дорогой.

Но эта женщина хладнокровно убила собственного мужа. Почему она не может изрыгать злобу и по пустякам?

Завоеватели знали, как разговаривать с нами. Мы поплелись обратно в Палерму, в унылый, знойный, сонный городишко. Но в этот вечер, будто в утешение нам, городок приглянулся пяти Воздухоплавателям, которые пролетали над ним, и они снова и снова появлялись в безлунном небе, трое мужчин и две женщины, и парили там, как хрупкие и прекрасные призраки. Я стоял и наблюдал за ними больше часа, пока душа моя, казалось, покинула меня и умчалась в небо, чтобы присоединиться к ним. Их огромные мерцающие крылья едва затеняли свет звезд; а их белые угловатые тела выписывали изящные дуги, руки были тесно прижаты к бокам, ноги вместе, а спины немного выгнуты. Они напомнили мне об Эвлуэле и расшевелили во мне печальные воспоминания.

И вот Воздухоплаватели пролетели в последний раз и исчезли. Вскоре после этого на небе появились две искусственные луны. Тогда я пошел в наш приют, и вскоре Олмэйн попросила разрешения войти.

У нее был виноватый вид. В руке она несла восьмигранную бутылку зеленого вина, не Тальянского, а откуда-то с других звезд, купленного несомненно по дорогой цене.

- Ты простишь меня, Томис? - спросила она. - Давай выпьем, я знаю, ты любишь такое вино.

- Было бы лучше, если бы я не слышал тогда тех слов и не видел бы сейчас этого вина, - сказал я ей.

- Ты знаешь, я бываю вспыльчива. Прости меня, Томис. Я сказала глупые, бестактные вещи.

Я простил ее, в надежде, что так будет легче путешествовать, и мы выпили почти все вино, а потом она отправилась спать к себе в комнату. Пилигримы должны быть целомудренными. И дело не в том, что Олмэйн никогда не разделит ложе с таким старым сморчком как я, но законы нашего теперешнего союза отмели даже возможность такого вопроса, так что он отпал сам собой.

Долгое время я лежал с открытыми глазами, и на меня давила тяжесть вины. В порыве нетерпения и гнева Олмэйн попала в мое самое больное место - я был предателем человечества. И почти до рассвета я боролся с этой мыслью.

- Что я сделал?

- Я рассказал Завоевателям о существовании некоего документа.

- У Завоевателей было моральное право на этот документ?

- Он рассказывал о том, как унизительно обращались наши предки с их соотечественниками.

- Почему же тогда нельзя было допустить, чтобы этот документ попал к ним?

- Нельзя помогать Завоевателям, даже если они имеют моральное преимущество.

- Маленькое предательство - это очень серьезная вина?

- Маленьких предательств не бывает.

- Возможно, необходимо взвесить сложность ситуации. Я ведь поступил так не из любви к врагу, а чтобы помочь другу.

- И тем не менее, я сотрудничал с врагом.

- Это бесстыдные, самоуничижающие шлепки грешной гордости.

- Но я чувствую свою вину, мне стыдно.

Вот так я и провел ночь. Когда наступил день, я поднялся, посмотрел на небо и попросил Провидение помочь мне найти искупление в водах Дома Возрождения в Иорсалеме, когда мы туда придем. Потом я пошел разбудить Олмэйн.

3

Земной Мост был в этот день открыт, и мы присоединились к толпе, устремившейся из Талии в Африкию. Я уже во второй раз пересекал Земной Мост, потому что год назад - теперь это казалось где-то далеко в прошлом - я шел как раз в обратном направлении: из Эгапта в Рам.

Существуют два основных пути, по которым Пилигримы перебираются из Эйропы в Иорсалем. Северный путь пролегает через Темные Земли к востоку от Талии, затем нужно сесть на паром до Станбула и обогнуть на нем западное побережье континента Айзы. Я бы выбрал именно этот маршрут, потому что из всех великих городов мира я никогда не был в Станбуле. Но Олмэйн уже побывала там, чтобы проводить исследования, когда она была Летописцем, и ей город не понравился. Поэтому мы выбрали южный маршрут - через Земной Мост в Африкию и затем вдоль берега великого Озера Медий, через Эгапт и складки Арбанской пустыни до Иорсалема.

Истинный Пилигрим странствует только пешком. Эта идея не очень-то была по душе Олмэйн, и хотя нам приходилось много идти, мы ехали как только представлялась возможность. Если ей нужно было остановить машину, она не гнушалась никакими средствами. Уже на второй день нашего путешествия ей удалось напроситься в машину богатого Торговца, который направлялся на побережье. У этого человека

и в мыслях не было предлагать кому-то проехаться в его роскошном автомобиле, но он не смог устоять перед чувственными нотками глубокого, музыкального голоса Олмэйн, даже несмотря на то, что голос этот исходил от бесполого существа, скрытого под маской Пилигрима.

Торговец путешествовал со вкусом. Возможно, он и не заметил, что произошло Завоевание и что Земля деградировала в течение долгих столетий Третьего Цикла. Его самозаправляющаяся машина была длиной в четыре человеческих роста, а шириной достаточной, чтобы в ней свободно уместились пять человек; а пассажиры, сидящие в ее чреве, словно ребенок в утробе матери, были надежно защищены от окружающего мира. Видеть, что находится вокруг, можно было с помощью нескольких экранов. Температура внутри никогда не отклонялась от заданной. Открыв кран, можно было налить себе ликер или более крепкие напитки; можно было получить и питательные таблетки. Специальные сиденья предотвращали тряску. Для освещения использовался автоматический свет, который включался и выключался мысленной командой. В машине был установлен шлем мыслепередачи, но я так и не понял, был ли где-то в машине консервированный мозг для использования в качестве хранилища памяти или по каналу дистанционной связи из машины можно было связаться с хранилищами памяти городов, которые мы проезжали.

Торговец был человек дородный и грузный, которому нравилось быть таким. У него была кожа темно-оливкового цвета, шапка напомаженных черных волос и темные проницательные глаза, и он просто упивался тем, что он такой важный и полностью контролирует окружающий мир. Как мы узнали, он занимался продажей продуктов с других звезд. Он обменивал нашу незамысловатую пищу на деликатесы с других планет. Он направлялся в Марсей, чтобы проверить груз с насекомыми, вызывающими галлюцинации. Груз только что прибыл с одной из окружающих Землю планет.

- Вам нравится машина? - спросил он, заметив наши восхищенные взгляды. Олмэйн, которая при любых обстоятельствах умела чувствовать себя непринужденно, не могла оторвать восхищенного взгляда от парчовой ткани, усыпанной бриллиантами, которой машина была отделана внутри. - Она принадлежала Виконту Парриша, - продолжал он. - Я имею в виду, что это была его личная машина. Теперь его дворец превращен в музей.

- Я знаю, - тихо сказала Олмэйн.

- Это была его колесница. Предполагали, что она станет музейным экспонатом, но я перекупил ее у дельца из Завоевателей. Вы не знали, что у них есть такие, а? - Он раскатисто рассмеялся, и чувствительная ткань на стенах машины пренебрежительно отпрянула. - Этот был любовником Прокуратора. Да, и такие у них тоже есть. Ему нужен был особый корень, который растет на планете Рыб и может увеличить его мужскую потенцию, и он узнал, что все поставки оттуда контролирую я, поэтому мы и заключили эту небольшую сделку. Конечно, мне пришлось немного переделать машину. У Виконта перед машиной всегда были четыре Ньютера, мотор работал на их метаболизме - вы понимаете, благодаря перепаду температур. Ну что же, если вы Виконт, то так можно приводить машину в действие, но вам понадобится слишком много Ньютеров, и я подумал, что для моего положения это будет уже слишком. И потом, у меня могли быть неприятности с Завоевателями. Поэтому пришлось убрать моторный отсек и заменить его стандартным сверхмощным двигателем - о, это была очень тонкая работа - и вот мы едем. Вам повезло, что я вас подхватил. Это только потому, что вы Пилигримы. Обычно я никого не подвожу, просто боюсь, что мне начнут завидовать, а завистливые люди опасны для человека, который кое-что сумел в этой жизни сделать. Но вас привело ко мне само Провидение. Направляетесь в Иорсалем?

- Да, - ответила Олмэйн.

- Я тоже собираюсь, но уж не сейчас! - Он похлопал себя по животу. - Я буду там, готов спорить, когда я почувствую, что мне необходимо обновление. Но это случится еще не скоро, по воле Провидения! И давно вы стали Пилигримами?

- Нет, - ответила Олмэйн.

- Многие стали Пилигримами после Завоевания. Я не виню их. Каждый из нас по-своему адаптируется к переменам. Послушайте, у вас есть эти маленькие, которые обычно носят с собой Пилигримы?

- Да, - сказала Олмэйн.

- Можно я взгляну хотя бы на один? Меня всегда тянуло к ним. Как-то я встретился с торговцем с созвездия Темной Звезды - такой худощавый прощелыга с кожей, будто смолой пропитанной, - он предложил мне целую кучу таких штучек. Сказал, что они настоящие, что действительно помогают приобщиться к святым тайнам, как и Пилигримам. Но я сказал ему нет, я не собирался вступать в игры с Провидением. Есть вещи, которые нельзя делать даже ради прибыли. Но потом

я пожалел, что не оставил для себя хотя бы один в качестве сувенира. Я так и не дотронулся до них! - Он протянул руку к Олмэйн. - Можно посмотреть?

- Мы не можем позволять кому-либо брать в руки свой камень, - сказал я.

- Но я никому не скажу, что вы давали его мне!

- Это запрещено.

- Послушайте, но ведь мы здесь одни, это самое уединенное место на земле, и...

- Пожалуйста, не надо. То, о чем вы просите, невозможно.

Лицо его помрачнело, и я вдруг подумал, что он остановит машину и высадит нас, от чего бы лично я не расстроился. Моя рука скользнула в карман и нащупала прохладную поверхность звездного камня, который мне дали, как только я стал Пилигримом. Прикосновение вызвало слабые волны, которые ощущаешь, когда входишь в транс, и по мне пробежала сладостная дрожь. Я поклялся, что не дам ему камень. Но буря так и не разразилась. Торговец попробовал сломить нас, но получил отпор и решил не форсировать события.

Мы мчались к Марсею.

Нельзя сказать, чтобы он внушал симпатию, но было в нем какое-то обаяние грубой силы, и нас не задевали его слова. Олмэйн, которая была женщиной привередливой и большую часть своей жизни провела в сияющем уединении в Доме Летописцев, воспринимала его хуже, чем я. Моя нетерпимость к людям притупилась за годы странствий. Но даже Олмэйн показалось, что он очень забавный, когда он хвастал своим богатством и влиянием, когда он рассказывал о женщинах, которые ждали его на многих планетах, когда он перечислял свои дома и свои трофеи и упоминал имена глав союзов, которые просили у него совета, когда он хвастался дружбой с бывшими Магистрами или Правителями. Он разговаривал почти только о себе и редко о нас, за что мы были ему признательны. Однажды он спросил, как это могло случиться, что мужчина Пилигрим странствует с женщиной Пилигримом, видимо намекая на то, что мы, должно быть, любовники. Мы признали, что действительно Пилигримы редко так странствуют и перешли на другую тему, и думаю, что мы так и не убедили его в своем целомудрии. Его непристойные предположения не имели никакого значения ни для меня, ни, как я думаю, для Олмэйн. На нашей совести были другие, более серьезные, провинности.

Казалось, трагедия нашей планеты никак не повлияла на жизнь Торговца: он был богат, как всегда, прекрасно себя чувствовал, мог ехать, куда хотел. Но даже его иногда утомляло присутствие Завоевателей, как мы обнаружили каким-то вечером уже недалеко от Марсея, когда нас остановил дорожный патруль.

Радары отметили наше приближение, передали сигнал на устройства, которые немедленно перекинули золотистую паутину заграждения с одной стороны шоссе на другую. Сенсоры машины засекли эту преграду и мгновенно просигналили нам, чтобы мы остановились. На экранах мы увидели с десяток каких-то светлых человеческих фигур, которые приникли к машине.

- Бандиты? - спросила Олмэйн.

- Хуже, - сказал Торговец, - предатели. - Он нахмурился и повернулся к прибору связи. - В чем дело?

- Выходите для проверки.

- По чьему приказанию?

- Прокуратора Марсея, - последовал ответ.

Это было отвратительное зрелище: Земляне на службе Завоевателей. Но было неизбежно, что мы начнем работать на них, ведь работы так не хватало, особенно для тех, кто был занят в союзах обороны. Торговец начал открывать машину, а это было делом сложным. Лицо его пылало негодованием, но положение у него было безвыходное, он не мог проскочить паутину дорожного контроля.

- Я вооружен, - прошептал он, - ждите меня в машине и ничего не бойтесь.

Он выбрался наружу и начал объясняться с дорожным патрулем. Мы ничего не слышали из их разговора, который, видимо, через некоторое время зашел в тупик и потребовалось вмешательство чиновников более высокого ранга, которые вскоре и явились к месту конфликта в лице трех Завоевателей. Они отослали коллаборационистов и окружили Торговца. Его поведение моментально изменилось. Выражение лица стало заискивающе хитрым, руки начали красноречиво жестикулировать, глаза заблестели. Он повел всех троих к машине, открыл ее и показал им своих пассажиров, то есть нас. Завоевателей, казалось, озадачило появление Пилигримов среди всей этой роскоши, но они не попросили нас выйти. Побеседовав с ними еще несколько минут, Торговец сел в машину и закрыл ее. Паутина исчезла, и мы помчались к Марсею.

Когда мы набрали скорость, он выругался про себя и сказал:

- Знаете, как бы я избавился от всей этой длиннорукой мерзости? Все, что нам нужно, - это четкий план. Каждый десятый Землянин должен уничтожить одного Завоевателя. Мы бы тогда избавились от них.

- Почему же никто не возьмется организовать это движение? - спросил я.

- Это дело Защитников, а половина из них - мертвы, другая же половина уже служит им. Это не мое дело организовывать сопротивление. Но я знаю, как это нужно делать. По-партизански: подкрадываться сзади и вонзать в них нож. Быстро. Хорошие старые методы еще Первого Цикла, они хороши во все времена.

- Но на их место придут другие, - мрачно сказала Олмэйн.

- И с ними нужно действовать так же!

- Они ответят огнем. Они разрушат нашу планету, - сказала она.

- Эти Завоеватели считают, что они цивилизованная раса, более цивилизованная, чем мы, - сказал Торговец. - Такое варварство проклянет их в глазах миллионов планет. Нет, они не сделают этого. Они устанут завоевывать нас снова и снова, им надоест терять своих людей. И они уйдут, и мы будем снова свободны.

- Не искупив наши давние грехи, - сказал я.

- Ты о чем, старик? О чем это ты?

- Неважно.

- Я так понимаю, что если мы нападем на них, то вы не помощники?

Я сказал:

- Раньше я был Наблюдателем и посвятил себя тому, чтобы защитить от них нашу планету. Мне наши хозяева нравятся не больше, чем вам, и я так же хотел бы видеть, как они уберутся отсюда. Но ваш план не просто непрактичен, это план ущербный в моральном отношении. Просто кровавое сопротивление не соответствует тому, что нам предназначено Провидением. Мы должны заслужить свою свободу более благородным путем. Нам это испытание выпало не для того, чтобы мы научились резать глотки.

Он с презрением посмотрел на меня и фыркнул:

- Мне следовало помнить. Я ведь разговариваю с Пилигримами. Ну ладно. Забудьте об этом. Я ведь это несерьезно.

Может быть, вам и нравится все, что сейчас происходит, откуда я знаю.

- Мне не нравится, - сказал я.

Он взглянул на Олмэйн и я тоже, потому что в глубине души я опасался, что она скажет Торговцу, что я уже вложил свою лепту в сотрудничество с Завоевателями. Но, к счастью, Олмэйн промолчала, что она всегда и делала до того печального дня, когда у Земного Моста, из-за нетерпения и усталости, она бросила мне ядовитый упрек в моем единственном падении.

Мы распрощались с нашим благодетелем в Марсее, провели ночь в приюте Пилигримов и на следующее утро, уже пешком, отправились в путь по побережью. Так мы и шли, Олмэйн и я, по прекрасным местам, которые просто кишели Завоевателями. Иногда мы шли пешком, иногда подъезжали в симпатичных вагончиках, а однажды мы даже стали гостями путешествующих Завоевателей. Мы уже были далеко от Рама, когда вошли в Талию и повернули на юг. Потом мы подошли к Земному Мосту и там вдруг произошла неожиданная задержка, и эта неприятная ссора, а потом нам разрешили пройти по этой узкой песчаной ленте, которая соединяет два континента, разделенных озером. И вот, наконец, мы попали в Африкию.

4

Нашу первую ночь на другой стороне после долгого и утомительного путешествия мы провели в грязной гостинице на берегу озера. Это было квадратное, побеленное здание почти без окон, оно будто было выстроено вокруг прохладного внутреннего дворика. Большей частью там жили Пилигримы, но были и члены других союзов, в основном Продавцы и Транспортировщики. В угловой комнате гостиницы жил Летописец, которого Олмэйн избегала, хотя и была с ним знакома. Ей просто не хотелось, чтобы хоть что-то напоминало ей о ее бывшем союзе.

Там же остановился и Мутант Бернальт. По новым законам Завоевателей Мутанты имели право останавливаться в гостиницах, отведенных не только для них. И все же странно как-то было видеть их здесь. Мы прошли по коридору, и Бернальт было улыбнулся мне и даже начал о чем-то говорить, но улыбка исчезла с его лица. Он, видимо, понял, что я еще не готов принять его дружбу. А может быть, он вспомнил, что

Пилигримы, по закону своего союза, не могут часто общаться с бессоюзными. Закон все еще действовал.

Мы с Олмэйн съели наваристый суп и тушеное мясо, а потом я проводил ее до комнаты и уже пожелал ей спокойной ночи, когда она сказала:

- Подожди, мы вместе совершим обряд общения.

- Но видели, как я вошел в твою комнату. Пойдут сплетни, если я останусь.

- Тогда мы пойдем в твою!

Олмэйн выглянула в холл. Никого. Она схватила меня за руку, и мы бросились через проход в мою комнату. Она заперла дверь и сказала:

- Теперь давай твой звездный камень!

Я достал камень из потайного кармана, а она достала свой, и мы положили на них руки.

Став Пилигримом, я обнаружил, что звездный камень дает небывалое успокоение. Уже много времени прошло с тех пор, как я последний раз входил в транс Наблюдателя, но я никак не мог отвыкнуть от старых привычек. Звездный камень мог вызвать чувство внезапно нахлынувшего восторга, сходное с тем, которое я испытывал во время Наблюдений.

Звездные камни привозят с каких-то других планет - не знаю уж каких - и владеть ими можно, если только становишься членом союза. И сам камень определяет, можешь ли ты быть Пилигримом, потому что он обжигает руку тех, кого он считает недостойным носить одеяние Пилигрима. Говорят, что все без исключения, кто вступил в союз Пилигримов, испытывали крайнее беспокойство, когда им впервые предлагали взять в руки камень.

- Ты волновался, когда тебе дали твой камень? - спросила Олмэйн. - Волновался?

- Конечно.

- И я.

Прошло немного времени, прежде чем энергия камня поглотила нас. Я крепко сжал свой камень. Темный, сияющий, еще более гладкий чем стекло, он мерцал у меня в руке, словно осколок льда, и я чувствовал, как меня подхватывает энергия Провидения.

Сначала у меня обострилось восприятие всего, что меня окружает. Каждая трещинка в стенах этой древней гостиницы казалась почти долиной, а легкое дуновение ветра превращалось в порывистый шквал. В мягком отсвете лампы я разглядел цвета, которые лежали за пределами спектра.

Чувства, которые обуревали меня, когда я сжимал звездный камень, совсем были не похожи на те, которые я испытывал, когда брался за ручки приборов Наблюдения. Я будто освобождался от своей земной кожи и на невероятной скорости стремительно взлетал над бесконечным пространством, охватывая и постигая все разом. Наверное в большей степени человек не может приблизиться к божественному началу. Конечно, входя в транс Наблюдателя, я получал высоко точные данные, которых не мог дать звездный камень. Все это время я ничего не видел и не мог конкретно определить, где я нахожусь и что меня окружает. Я только понимал, что меня поглотила огромная сила и что я в непосредственном контакте с чревом вселенной.

Называйте это общением с Провидением.

Будто откуда-то издалека я услышал голос Олмэйн:

- Ты знаешь, что люди говорят об этих камнях? Что на самом деле не происходит никакого общения, что это всего лишь электрический эффект?

- У меня на этот счет нет никакой теории, - сказал я, - меня больше интересуют результаты, чем причины.

Скептики полагают, что звездные камни - это всего лишь усилители, которые отталкивают колебания, излучаемые мозгом. Благоговейное безграничное нечто, с которым человек входит в контакт, как утверждают эти насмешники, это просто огромное повторяющееся колебание одного челночного электрического импульса в черепе Пилигрима. Возможно. Возможно.

Олмэйн протянула руку и сжала свой камень. Она сказала:

- Когда ты был Летописцем, Томис, ты изучал историю ранней религии? Во все времена человек искал возможности слияния с бесконечностью. И многие религии - не все! - поддерживали надежду этого священного слияния.

- Были еще и медицинские препараты, - пробормотал я.

- Да, были наркотические средства, которые могли почти моментально создать ощущение единства со вселенной. Эти звездные камни, Томис, просто самые современные в длинном ряду изобретений, которые могут помочь преодолеть одно из самых страшных проклятий человека - одиночество души, будто запертой в теле каждого индивидуума. Такую страшную изоляцию друг от друга и от самого Провидения не может выдержать большинство рас, населяющих вселенную. Это крест человечества.

Голос ее был едва слышен. Она говорила еще что-то, и это были мудрые мысли, которые она почерпнула у Летописцев, но я не мог понять их смысла. Я быстрее входил в транс, чем она, потому что мне приходилось это делать множество раз, когда я был Наблюдателем.

В этот вечер, как и в другие вечера, я схватил камень и почувствовал озноб, и закрыл глаза, и услышал далекий звон мощного гонга, и шум прибоя у какого-то незнакомого побережья, и шепот ветра в незнакомом лесу. И я услышал зов, и я не сопротивлялся, я вошел в состояние транса, в состояние, когда начинается общение. И отдал себя во власть Провидения.

И я будто снова прожил всю жизнь, вспоминая юность и зрелые годы, мои скитания и старую любовь, мои страдания, мои радости, мои полные лишений последние годы, предательства, потери, печали мои и мои несовершенства.

И я освободился от себя, и сбросил свой эгоизм, как сбрасывают кожу. И стал частью целого. Стал одним из тысяч Пилигримов, не только с Олмэйн рядом со мной, но других, преодолевших горы Хинда и пески Арбанской пустыни, частицей Пилигримов, которые тянутся к Иорсалему. У многих на это уходят месяцы, у других - годы, а третьим - так и не удается закончить свой путь. И я погрузился вместе с ними всеми на какое-то мгновение в Провидение.

И увидел в темноте темно-пурпурный свет на горизонте, который становился все ярче, пока не превратился во всепоглощающее красное сияние. И я погрузился в него таким, каким я был - никчемным, не весьма достойным, в капкане собственного тела, ухватившимся без оглядки за эту возможность общения и не помышляющим ни о каком другом состоянии, кроме этого - побыть вне своей плоти.

И я очистился.

И пробудился в одиночестве.

5

Я хорошо знал Африкию. Еще в молодости я поселился в самом центре континента на долгие годы. Но из-за своей неугомонности я ушел из этих мест и двинулся к северу, до Эгапта, где лучше чем где-либо сохранились древние реликвии Первого Цикла. Но в те дни античность меня совсем не интересовала. Проводя Наблюдения, я переходил с места на место - ведь Наблюдателю нет необходимости привязываться

к одной местности. И тогда судьба свела меня с Эвлуэлой, как раз в тот момент, когда я снова отправлялся в путь. И я пошел из Эгапта в Рам, а потом в Парриш.

И вот теперь я вернулся назад с Олмэйн. Мы избегали песчаных пустынь и старались держаться ближе к побережью. Как Пилигримы, мы были застрахованы от многих лишений, которые поджидают вас в странствиях: мы никогда не голодали, и у нас всегда была крыша над головой, даже там, где не было приюта для нашего союза, все выражали нам свое уважение. Красота Олмэйн могла бы представлять для нее же самой опасность, потому что охранял-то ее один-единственный изможденный старик. Но под маской и в одеянии Пилигрима она была в безопасности. Мы редко снимали маски, да и то там, где нас никто не мог увидеть.

У меня не было иллюзий на счет отношения Олмэйн ко мне. Я для нее был как бы частью снаряжения, которое она взяла в дорогу, - кто помогал ей совершать ритуал общения, заботился о крыше над головой, в общем расчищал ее путь. Меня эта роль устраивала. Я знал, что она опасная женщина, со странными причудами и непредсказуемыми капризами. Мне не хотелось никаких осложнений.

В ней отсутствовала некая чистота, свойственная Пилигримам. Хоть она и прошла испытание звездным камнем, но не смогла возвыситься над своей плотью. А Пилигрим должен это сделать. Иногда она исчезала до полуночи или даже дольше, и я воображал, как она, задыхаясь от обуревавших ее чувств, лежит без маски в объятиях какого-нибудь Слуги. Это было ее дело, и я никогда не говорил с ней об этих исчезновениях, когда она возвращалась.

Да и в приютах она не очень-то заботилась о добродетели. Мы никогда не жили в одной комнате - да и ни в одном приюте для Пилигримов этого не допустят - но обычно мы жили в смежных комнатах, и она звала меня к себе или приходила ко мне, когда у нее было настроение. Она довольно часто снимала одежды. Однажды ночью в Эгапте она показалась мне фантастическим существом: ее белое сияющее тело будто было в непреодолимом противоречии с самой идеей бронзовой маски, скрывающей ее лицо. И только однажды ей пришло вдруг в голову, что когда-то я, возможно, был молод и во мне просыпалось желание. Она взглянула на мое сухопарое, сморщенное тело и сказала:

- Интересно, как ты будешь выглядеть после возрождения в Иорсалеме? Я пыталась представить себе это, Томис. Ты доставишь мне тогда удовольствие?

- Для меня это все позади, - ответил я уклончиво.

Олмэйн не понравилась жара Эгапта. Мы шли в основном ночью и старались не выходить из приютов днем. Дороги были переполнены в любое время дня. Казалось, что стремление Пилигримов попасть в Иорсалем было непреодолимо. Олмэйн и я размышляли о том, сколько же времени уйдет у нас, чтобы добраться до вод возрождения.

- Ты раньше никогда этого не делал? - спросила она.

- Никогда.

- И я никогда. Говорят, они не допускают тех, кто уже побывал там.

- Возрождение - это привилегия, а не право, - сказал я. - Многих поворачивают назад.

- И еще мне кажется, - сказала Олмэйн, - что не всем, кто входит в воды, удается успешно пройти этот процесс.

- Я мало что знаю об этом.

- Некоторые стареют вместо того, чтобы стать моложе. Некоторые становятся моложе слишком быстро. Все это рискованно.

- Разве ты не будешь рисковать?

Она рассмеялась:

- Только глупец будет колебаться.

- А разве тебе сейчас нужно обновление? - спросил я. - Тебя послали в Иорсалем для спасения души, а не тела, насколько я помню.

- Я и о душе не забуду, когда мы придем в Иорсалем.

- Но ты говоришь так, будто Дом Обновления - единственная святыня, которую ты собираешься посетить.

- Но это очень важная святыня. - Она поднялась, томно изогнув тело. - Мне действительно нужно искупить грехи. Но неужели ты думаешь, что я прошла весь этот путь до Иорсалема только ради этого?

- Да.

- Ты! Ты, старый сморчок! Лучше сам подумай не только о духе, но и о теле. Я бы не возражала сбросить немного лет - восемь, десять. Годы, которые я потратила на этого глупца Элегро. Мне не нужно полное обновление. Ты прав. Я все еще в расцвете лет. - Лицо ее вдруг омрачилось. - Если город переполнен Пилигримами, то меня вообще могут не пропустить в Дом Обновления. Они скажут, что я слишком молода,

или скажут, чтобы я вернулась через сорок-пятьдесят лет... Томис, они сделают это?

- Мне трудно сказать.

Она вздрогнула.

- Тебя-то они впустят. Ты же ходячий труп уже - им придется омолодить тебя. Но я, Томис, я не позволю, чтобы мне показали от ворот поворот! Даже если мне придется перерыть по камню весь Иорсалем, чтобы прорваться туда, я это сделаю!

Я подумал про себя о ее душе, о том, готова ли она пройти обновление. Пилигрим должен научиться смирению. Но у меня не было желания выводить Олмэйн из себя, поэтому я промолчал. Может быть, несмотря на ее недостатки, ей все же разрешат обновление? Пока что меня волновали мои собственные проблемы. Олмэйн вело вперед тщеславие, а у меня были другие цели. Я много бродил по свету и многое сделал, и не все мои поступки были добродетельны. Мне прежде всего нужно было очистить свою совесть, а не уменьшить возраст.

Или мною тоже руководило тщеславие?

6

Уже минуло несколько дней, как Олмэйн и я шли на восток по опаленной зноем дороге, когда деревенские ребятишки с испугом и любопытством кинулись к нам.

- Пожалуйста, пойдемте, пойдемте, - кричали они. - Пилигримы, пойдемте!

Олмэйн озадачило и вызвало раздражение, когда они уцепились за ее одежду.

- Что они говорят, Томис? Я ничего не могу разобрать из-за этого чертова эгаптского акцента!

- Они просят нас помочь, - ответил я и прислушался к тому, что она кричали. - У них в селении вспышка кристаллической болезни. Они просят, чтобы мы попросили Провидение смилостивиться над страдающими.

Олмэйн попятилась назад. Я вообразил ее искаженное брезгливой гримасой лицо под маской. Она стала отмахиваться от детей, стараясь, чтобы они не прикасались к ней. А мне она сказала:

- Мы не можем идти туда!

- Мы должны.

- Но мы торопимся. Иорсалем переполнен. Я не хочу тратить время зря в каком-то вонючем селе.

- Но мы нужны им, Олмэйн.

- Мы что, Хирурги?

- Мы Пилигримы, - ответил я спокойно. - У нас есть не только привилегии, но и обязанности. Если мы встречаем повсюду гостеприимство, то душа наша должна быть готова принять всех, кто нуждается в участии. Пошли.

- Я не пойду!

- А как это прозвучит в Иорсалеме, когда ты будешь подробно рассказывать о своей жизни, Олмэйн?

- Но это ужасная болезнь. А если мы заразимся?

- Тебя беспокоит именно это? Доверься Провидению! Как ты можешь рассчитывать на обновление, если в душе твоей так мало места для добра?

- Заткнись, Томис, - сказала она тихо. - Когда это ты стал таким благочестивым? Ты нарочно это делаешь, из-за того, что я сказала тебе у Земного Моста. Я по глупости наговорила тебе колкостей и теперь ты, из чувства мести, хочешь подвергнуть нас обоих жуткой опасности.

Я пропустил ее обвинения мимо ушей.

- Дети все больше волнуются, Олмэйн. Ты подождешь меня здесь, или пойдешь в следующее село и подождешь меня там, в приюте?

- Не оставляй меня здесь, в неизвестности!

- Но я должен идти к больным, - сказал я.

В конце концов она пошла со мной - думаю не потому, что неожиданно почувствовала желание помочь ближнему, а просто из страха, что ее отказ может повредить ей в Иорсалеме. Мы быстро пришли в село, маленькое и развалившееся, потому что Эгапт находился в спячке и мало что изменилось в нем за последнее тысячелетие. Контраст между такими вот местами и шумными городами на юге Африкии, которые процветают благодаря производству предметов роскоши, - огромен.

Дрожа от озноба, мы пошли за ребятишками в те дома, где были больные.

Болезнь кристаллизации была завезена с одной из звезд. Земляне подвержены не многим болезням чужеземцев. Но эта болезнь, завезенная туристами с созвездия Копья, прижилась у нас. Если бы эта болезнь вспыхнула у нас в славные времена Второго Цикла, то ее бы погасили в течение одного дня. Но теперь мы умеем гораздо меньше. И года не проходит без новой вспышки. Олмэйн была просто повергнута в ужас, когда

мы вошли в первую глиняную хижину, куда поместили несколько больных.

Эта болезнь не оставляла никаких надежд для своих жертв. Единственное, на что можно было надеяться, так это на то, что она пощадит здоровых. К счастью, это не очень заразная болезнь. Но она очень коварная, передается неизвестным путем и совсем необязательно передается от мужа к жене, а вдруг перекидывается на противоположный конец города, а иногда и в другую страну. Первый ее симптом - шелушение кожи, зуд. Обсыпанная чешуйками кожи одежда, воспаление кожи. За этим следует ослабление костей из-за недостатка кальция. Человек начинает хромать, а тело становится резиновым, но это только начальная стадия. Вскоре начинают затвердевать кожные покровы. Плотная, непрозрачная пленка затягивает глаза; ноздри стягиваются, кожа становится грубой и пупыристой. На этой стадии очень типично появление ясновидения. В пораженном болезнью проявляются способности Сомнамбул, он произносит предсказания. Душа может покидать его тело, иногда на долгие часы, хотя жизнь в нем не умирает. А дальше, когда истекает двадцать дней со дня начала болезни, начинается кристаллизация. Костные структуры растворяются, и кожа покрывается трещинами, при этом образуются сияющие кристаллы строгой геометрической формы. Жертва в это время выглядит очень красивой - как собственная копия, усыпанная драгоценными камнями. Кристаллы сверкают фиолетовыми, зелеными и красными цветами. Все новые грани появляются каждый час. Даже слабое освещение в комнате вызывает сверкающее отражение от больного, которое дразнит и восхищает. И все это время меняется внутреннее состояние тела, будто на свет рождается странная куколка. Каким чудом в этот период в жертве еще теплится жизнь на протяжении всех этих трансформаций - непонятно, но ясно одно - жертва скорее всего не сознает этих изменений и уже не может общаться с окружающими. И наконец, изменения поражают жизненно-важные органы, и все заканчивается. Никакое вмешательство не способствует восстановлению органов, а только убивает больного. Агония проходит быстро: конвульсии и последний разряд энергии по каналам нервной системы, тело сгибается дугой, это сопровождается нежным звоном дрожащего стекла - и все кончено. На планете, откуда пришла эта болезнь, кристаллизация - совсем не болезнь, а просто метаморфоза, результат тысяч лет эволюционных изменений, путь к символическим взаимо-

связям. К несчастью, Земляне еще не подготовлены к таким эволюционным изменениям, и поэтому вещество, которое должно реализовать в организме человека трансформацию, приводит его к фатальному исходу.

Поскольку процесс необратим, то единственное, чем Олмэйн и я смогли помочь этим невежественным и напуганным людям, так это утешением. Я сразу понял, что болезнь прочно обосновалась в этом селе. Здесь были люди на всех стадиях болезни, от первых проявлений зуда до полной кристаллизации. В зависимости от стадии их и разместили в хижине. Слева от меня располагался мрачный ряд новых жертв, находящихся в полном сознании, расчесывающих руки и наблюдающих за теми мучениями, которые их ждали впереди. У стены в глубине на матрасах лежали пять селян с уже огрубевшей кожей, в той стадии, когда больные начинают пророчествовать. Справа от меня лежали больные с разной степенью кристаллизации, а прямо напротив входа - диадема жертвы, которая переживала последние часы своей жизни. Его тело, будто инкрустированное фальшивыми изумрудами, рубинами и опалами, сверкало красотой, которая вызывала почти физическую боль. Он едва мог дышать. В этой раковине божественного цвета он лежал будто в удивительном забытье, и наверное последние дни его были освещены куда большим восторгом и более сильными эмоциями, чем вся его тяжелая крестьянская жизнь.

Олмэйн метнулась назад от двери.

- Это ужасно, - прошептала она. - Я не войду.

- Мы должны. Мы обязаны.

- Я никогда не хотела быть Пилигримом!

- Ты хотела очищения, - напомнил я ей. - Это нужно заслужить.

- Мы заразимся!

- Провидение найдет нас, чтобы заразить, где бы мы ни были. Оно бьет наугад. Опасность здесь для нас не больше, чем где-нибудь в Паррише.

- Почему же столько людей, пораженных этой болезнью, здесь?

- Это село заслужило кару Провидения.

- Как ты веришь в весь этот мистицизм, Томис, - сказала она с горечью. - Я недооценила тебя. Я думала, что ты здравомыслящий человек. Этот твой фатализм - мерзость.

- Я видел, как завоевали мою планету, - сказал я. - И еще я видел, как погиб Принц Рама. Несчастья заставляют чело-

века испытывать определенные чувства и вырабатывать к ним определенное отношение. Пошли, Олмэйн.

Мы вошли, но Олмэйн все еще колебалась. Теперь и мною овладело чувство страха, но я подавил его. Я почти красовался своим благочестием, пока спорил с моей симпатичной спутницей-Летописцем, но не могу отрицать, что меня неожиданно охватил страх.

Я заставил себя успокоиться.

Существуют искупления и искупления, сказал я себе. Если я задержусь, я останусь верным Провидению.

Возможно, Олмэйн пришла к такому же решению, когда мы вошли, а может быть ощущение горя заставило ее войти в новую, нежелательную для нее роль сестры милосердия. Мы с ней сделали обход. Мы прошли от тюфяка к тюфяку, наклонив вперед головы и крепко сжав звездные камни. Мы произносили слова, мы улыбались, когда только что заболевший просил вернуть ему уверенность. Мы молились. Олмэйн остановилась перед девушкой, болезнь которой проходила уже вторую стадию и глаза которой уже покрылись твердой ороговевшей пленкой; она встала около девушки на колени и дотронулась до ее покрытой чешуей щеки звездным камнем. Девушка начала произносить какие-то предсказания, но, к сожалению, на языке, который мы не понимали.

Наконец, мы подошли к тем, кто находился в последней стадии болезни, кто уже вырастил свой собственный великолепный саркофаг. Я почувствовал укол страха и, видимо, то же почувствовала и Олмэйн, потому что мы долго стояли молча перед этим фантастическим зрелищем, и потом она прошептала:

- Как ужасно! Как замечательно! Как красиво!

Нас ожидали еще в трех таких же хижинах.

Жители села столпились у дверей. Когда мы по очереди выходили из каждой хижины, здоровые падали перед нами на колени, цеплялись за наши одежды и требовали, чтобы мы помолились за них Провидению. Мы произносили слова, которые были необходимы, и не были такими уж неискренними. Те, кто лежали в хижинах, воспринимали наши слова безучастно, как будто они уже поняли, что шансов у них никаких не было. Те, кто стояли снаружи и еще не были сражены болезнью, цеплялись за каждый слог. Глава села всего лишь замещал истинного главу, который лежал, уже кристаллизованный, и благодарил нас снова и снова, будто нам действительно

удалось чем-то им помочь. Но мы хотя бы утешили их, и в этом тоже была помощь.

Когда мы двинулись к последней хижине, мы увидели худощавого человека, который издали наблюдал за нами. Это был Мутант Бернальт. Олмэйн подтолкнула меня.

- Это существо следовало за нами, Томис. Всю дорогу от Земного Моста!

- Он тоже идет в Иорсалем.

- Но почему он остановился именно здесь, в этом ужасном месте?

- Помолчи, Олмэйн. Будь милосердна к нему сейчас.

- К Мутанту?

Бернальт подошел к нам. На нем было белое одеяние из мягкой ткани, которое несколько смягчало необычные черты его внешности. Он печально кивнул в сторону села и сказал:

- Ужасная трагедия. Провидение покарало это место.

Он рассказал, что пришел сюда несколько дней назад и встретил здесь друга из родного города Найруби. Сначала я понял так, что он рассказывает тоже о Мутанте, но нет, друг Бернальта был Хирург, как он объяснил, который остановился здесь, чтобы помочь, чем он мог, заболевшим жителям. Мне казалось страшной сама мысль о дружбе между Хирургом и Измененным, не говоря об Олмэйн, которая даже и не пыталась скрыть чувство отвращения, которое она испытывала к Бернальту.

Уже частично кристаллизованный человек вышел из хижины, искривленные руки его были судорожно сцеплены. Бернальт подошел к нему и бережно отвел назад, в хижину. Вернувшись к нам, он сказал:

- Бывают времена, когда я рад, что я - Мутант. Вы знаете, что мы не подвержены этой болезни. - Глаза его неожиданно заблестели. - Я утомляю вас, Пилигримы? Вы, кажется, просто окаменели под масками. Но я не хочу ничего плохого. Мне уйти?

- Конечно, нет, - сказал я, имея в виду как раз обратное. Меня как-то тревожило его общество. Возможно, общепринятое презрительное отношение к Мутантам заразило и меня. - Подожди немного. Я бы не возражал, если бы мы пошли в Иорсалем вместе, но ведь ты знаешь, это нам запрещено.

- Конечно. Я понимаю.

Он был холодно вежлив, но горечь, звучавшая в его голосе, была так очевидна. Большинство Мутантов - тупые, бесстыдные существа и не понимают, что вызывают чувство не-

приязни у нормальных союзных мужчин и женщин. Но Бернальт безусловно мучился тем, что осознавал это. Он улыбнулся, а потом показал:

- Вот мой друг.

К нам приблизились несколько человек. Один из них и был Хирург, друг Бернальта - стройный, темнокожий, с мягким голосом, усталыми глазами и редкими желтыми волосами. С ним был кто-то из официальных представителей Завоевателей и еще какой-то инопланетянин.

- Я слышал, что в это селение позвали двух Пилигримов, - сказал Завоеватель. - Я признателен вам за то успокоение, которое вы дали этим страдающим. Я Претензионист Девятнадцатый. Этот район находится под моим управлением. Не пообедаете ли сегодня со мной?

Я сомневался, принять ли предложение Завоевателя. Я понял, что Олмэйн тоже сомневается, когда увидел, как она ухватилась за звездный камень. Чувствовалось, что Претензионист Девятнадцатый очень хочет, чтобы мы приняли его приглашение. Он был совсем не такой высокий, как большинство из них, и его непропорциональные руки свисали ниже колен. Под палящим солнцем Эгапта его восковая кожа блестела, будто у него никогда не выступал пот.

Последовало напряженное, долгое и неловкое молчание, неожиданно его нарушил Хирург:

- Нет необходимости отказываться. Мы все братья в этом селе. Ждем вас вечером, хорошо?

Мы пришли. Претензионист Девятнадцатый жил на вилле на берегу Озера Медит. Мне казалось, что в ясном вечернем свете я видел Земной Мост слева от себя и даже Эйропу вдалеке за озером. Нас ждали члены союза Слуг, которые принесли прохладные напитки во внутренний дворик. У Завоевателей было много слуг, и все Земляне. Для меня это был еще один признак того, что Завоевание стало уже узаконенным и было принято как факт большинством населения. Мы еще долго разговаривали после наступления сумерек, медля с напитками, но наконец длинные тени возвестили о наступлении ночи. Мутант Бернальт оставался в стороне, хотя чувствовал он себя явно неловко в нашем присутствии. Олмэйн была несколько подавлена и без сил. Смешанные чувства депрессии и экзальтации, которые охватили ее еще в пораженном недугом селе, и присутствие Бернальта сделали ее совсем молчаливой, потому что она не представляла себе, как быть вежливой в присутствии Мутанта. Завоеватель, наш хо-

зяин, был любезен и внимателен и старался вывести ее из этого состояния. Я и до этого видел обаятельных Завоевателей. Я странствовал с одним из них, который выдавал себя за Землянина, Мутанта Гормона, как раз перед Завоеванием. Но этот был поэтом, который воспевал родную планету. Я сказал:

- Кажется странным, что вы захотели принимать участие в военной оккупации.

- Любой опыт делает искусство только богаче и сильнее, - ответил он. - Я ищу пути расширения своих возможностей. В любом случае я не воин, а администратор. Наверное, это звучит странно, что поэт может быть администратором и наоборот? - Он рассмеялся. - Среди ваших многочисленных союзов нет союза Поэтов. Почему?

- Но есть Коммуниканты, - сказал я. - Они служат вашей музе.

- Но это связано с религией. Они не стараются выразить свою душу, скорее они - выразители Провидения.

- Грань здесь слишком тонкая. Ведь они слагают стихи по божественному вдохновению, но эти стихи из их сердец, - сказал я.

Я, казалось, не убедил его.

- Конечно, вы можете утверждать, что в основе поэзии - религия. Но все ваши Коммуниканты так ограничены в выборе темы. Они ведь могут исходить из одного - молчаливого согласия с Провидением.

- Парадокс, - сказала Олмэйн. - Провидение всеобъемлюще, а вы говорите, что у наших Коммуникантов ограниченные возможности.

- Но у поэзии есть и другие темы, кроме погружения в Провидение, друзья. Любовь двух людей друг к другу, защита родного дома, чудесное ощущение, когда стоишь незащищенный под горящими звездами... - Завоеватель засмеялся. - Не могло ли получиться, что Земля пала так быстро из-за того, что ее немногие поэты воспевали покорность судьбе?

- Земля пала, - сказал Хирург, - потому что Провидение потребовало от нас искупления за грех наших предков, которые обращались с вашими предками, как с животными. И качество нашей поэзии ничего общего с этим не имеет.

- Провидение предопределило, что вы проиграете нам и таким образом будете наказаны, да? Но если Провидение всесильно, то, должно быть, оно предопределило и грех ваших предков, который и сделал это наказание необходимым. А? Провидение, которое играет с самим собой? Вы видите, как

трудно верить в священную силу, которая предопределяет все события? А где же возможность выбора, благодаря которой страдания приобретают смысл? Заставить вас совершить грех, а потом потребовать, чтобы вы выдержали тяжесть поражения в качестве искупления - мне это кажется пустым упражнением - простите уж мне мое богохульство.

Хирург сказал:

- Ваши рассуждения некорректны. Все, что произошло на планете, это, если хотите, моральный урок. Провидение дает ведь только канву событий, а уж мы формируем их рисунок.

- Пример?

- Провидение наделило Землян мастерством и знаниями. За время Первого Цикла мы за короткое время оставили позади варварство. Во Втором Цикле мы поднялись до величия. И в момент величия в нас заговорила гордыня, и мы переступили черту дозволенного. Мы лишили свободы разумные существа и заперли их под предлогом "исследования", когда на самом деле это было всего лишь высокомерное желание развлекаться. Мы забавлялись экспериментами с климатом нашей планеты, пока океаны не соединились и континенты не погрузились в водную пучину и наша древняя цивилизация оказалась разрушенной. Вот так Провидение преподало нам урок о том, что мы не должны переступать границу в своих честолюбивых замыслах.

- Нет, мне еще больше не по душе эта мрачная философия, - сказал Претензионист Девятнадцатый. Я...

- Позвольте мне закончить, - сказал Хирург. - Крушение Земли Второго Цикла - это было наше наказание. Поражение Земли в Третьем Цикле, которое нанесли вы, люди с других звезд, - это всего лишь довершение наказания, начатого раньше. Но это еще и начало новой фазы. Вы - орудие нашего искупления и освобождения. Испытывая унижения Завоевания, вернее завоеванных, мы оказались на самом дне своего падения. И теперь начинается процесс обновления души, мы начинаем подниматься после всех перенесенных испытаний.

Я в изумлении смотрел на Хирурга, который высказывал те же мысли, которые беспокоили меня всю дорогу в Иорсалем, мысли об искуплении человека и планеты. А я ведь совсем не обращал на него внимания до этого.

- Вы не позволите и мне сказать, - неожиданно, впервые за несколько часов беседы, произнес Бернальт.

Мы взглянули на него. Пигментные полосы на его лице вспыхнули, что было признаком сильного волнения.

Он сказал, кивнув Хирургу:

- Мой друг, вы говорите об искуплении и возрождении Землян. Вы имеете в виду всех Землян и даже бессоюзных?

- Конечно, всех Землян, - сказал мягко Хирург. - Разве вы не пережили Завоевание?

- И все же мы в разном положении. Разве может идти речь об искуплении для планеты, на которой миллионы людей вынуждены влачить существование бессоюзных? Я говорю о Мутантах, конечно. Да, мы давным-давно совершили грех. Тогда мы думали, что бросаем вызов тем, кто создал нас такими чудовищами. Мы думали отнять Иорсалем у вас. И за это мы были наказаны, и наказание наше продлилось тысячу лет. Мы все еще изгнанники, так ведь? Где же наша надежда на искупление? Разве могут все остальные очиститься от грехов и стать добродетельными благодаря этим недавним страданиям, но в то же время попирая нас?

Хирург, казалось, был в смятении:

- Ты очень резок, Бернальт. Я знаю, у Мутантов есть обида. Но ведь и ты знаешь, что время вашего освобождения не за горами. В будущем ни один Землянин не будет смотреть на вас с презрением, и мы будем стоять вместе, когда мы вновь обретем свободу.

Бернальт уставился в пол.

- Прости меня, друг. Конечно, конечно, ты говоришь правильно. Меня немного занесло. Жара, это прекрасное вино - как глупо я тут говорил!

Претензионист Девятнадцатый сказал:

- Так вы считаете, что зарождается движение сопротивления, которое вскоре сметет нас с этой планеты?

- Я рассуждаю отвлеченно, абстрактно, - сказал Хирург.

- Я думаю, что движение сопротивления - это тоже вещь абстрактная, - сказал Завоеватель. - Простите уж меня, но я не верю, что у планеты, которую завоевали за один день, есть еще силы. Мы думаем, что еще долго будем владеть Землей и вряд ли столкнемся с серьезной оппозицией. За те месяцы, что мы здесь, пока не появилось никаких признаков растущей враждебности. Как раз наоборот - нас все лучше принимают.

- Это естественный процесс, - сказал Хирург. - Как поэт, вы должны понимать, что слова многозначны. Нам не обязательно ниспровергать наших новых хозяев, чтобы освободиться от них. Эта интерпретация достаточно поэтична для вас?

- Великолепно, - сказал Претензионист Девятнадцатый, поднимаясь. - Ну, что, перейдем к обеду?

7

Больше к этому разговору не возвращались. За обедом трудно поддерживать философскую беседу. Да и хозяин наш, видимо, не весьма остался удовлетворен нарисованной перспективой. Он быстро выяснил, что Олмэйн была Летописцем перед тем, как стать Пилигримом, и начал расспрашивать ее о нашей истории и древней поэзии. Как и многих Завоевателей, его особенно интересовало наше прошлое. Олмэйн постепенно выходила из состояния оцепенения, которое охватило ее, и уже свободно рассказывала о тех исследованиях, которые она проводила в Парише. Она говорила как человек глубоко знающий наше далекое прошлое, а хозяин задавал умные вопросы весьма осведомленного человека. На обед нам предложили деликатесы с других звезд, возможно завезенные на землю тем самым толстым, не склонным к сентиментам Торговцем, который подвозил нас из Парриша в Марсей. На вилле было прохладно, а Слуги были предупредительны. И, казалось, это пораженное смертельной болезнью село находится не в получасе ходьбы отсюда, а в другой галактике.

Когда уже утром мы уходили с виллы, Хирург попросил разрешения присоединиться к нам во время путешествия.

- Мне здесь уже делать нечего, - пояснил он. - В разгар эпидемии я приехал сюда из своего дома в Найруби и провел здесь много дней, скорее утешая, чем оказывая какую-то врачебную помощь. Теперь мне нужно отправляться в Иорсалем. Но если из-за этого вам придется нарушить свою клятву путешествовать без спутников...

- Конечно, присоединяйтесь к нам, - сказал я.

- Тогда у нас будет еще один попутчик, - сказал Хирург.

Он имел в виду еще одного инопланетянина, которого мы встретили в селении, загадочное существо, не вымолвившее и слова в нашем присутствии. Это существо было похоже на сплющенный штырь, немного выше среднего роста человека, на трех нескладных ногах. Он был родом с Золотой Спирали. Кожа у него была шершавая и ярко-красного оттенка, а с трех сторон его конической головы на вас взирали вертикальные ряды стеклянных овальных глаз. Я еще никогда не видел такого существа. Оно, по мнению Хирурга, появилось на Земле с целью сбора данных и уже прошло большую часть Айзы и Стралии. А сейчас это существо исследовало область Озера Медит, потом собиралось посетить Иорсалем, а после этого отправиться к великим городам Эйропы. Серьезное, ни на

секунду не прекращающее свои нескончаемые наблюдения, совсем не мигающее своим множеством глаз, никак не комментирующее то, что эти глаза видели, оно казалось какой-то необычной машиной, каким-то записывающим устройством, а не живым существом. Но оно было вполне безвредным и могло пойти с нами в священный город.

Хирург попрощался со своим другом Мутантом и нанес прощальный визит в селение. Мы не пошли с ним - в этом просто не было смысла. Когда он вернулся, лицо его было мрачным.

- Еще четыре случая, - сказал он. - Все это село погибнет. На Земле еще никогда не было такой вспышки этой болезни, такой сконцентрированной эпидемии.

- Это что-то новое? - спросил я. - Она перекинется и на другое место?

- Кто знает? Никто в соседних селах еще не заболел. И самое главное - это совсем необычный случай - погибает только одно селение и больше никто. Здешние люди считают, что это возмездие за неизвестные грехи.

- Что же могли крестьяне такое совершить, - спросил я, - за что Провидение так жестоко их карает?

- И они задают этот вопрос, - ответил Хирург.

Олмэйн сказала:

- Если появились новые жертвы, наш вчерашний визит сюда был бесполезен. Мы рисковали своей жизнью напрасно.

- Неправильно, - возразил ей Хирург. - Они уже были инфицированы, когда вы пришли сюда. Мы можем только надеяться, что болезнь не поразит тех, кто все еще был в этот момент здоров.

Но мне не показалось, что он был в этом уверен.

Олмэйн каждый день проверяла, не появились ли у нее симптомы болезни, но ничего не появилось. Она постоянно дергала Хирурга, приставала к нему с просьбами осмотреть пятнышки на ее коже, часто воображаемые, и снимала в его присутствии маску, чем немало смущала его, чтобы он мог определить, не является ли какое-нибудь маленькое пятнышко на ее щеке свидетельством начала болезни кристаллизации.

Хирург воспринимал все эти просьбы очень добродушно, а существо с другой планеты молча брело рядом с нами, как привидение. Хирург был человеком глубокого ума, огромного опыта. Он был уроженцем Африкии и, поскольку лечение было у них семейной традицией, то он с самого рождения и

попал в этот союз. Много путешествуя, он уже видел большую часть нашей планеты, а забывал он из того, что видел, очень мало. Он разговаривал с нами о Раме и Паррише, о полях серебристых цветов в Стралии, о тех местах, где я родился - о западных островах Потерянных Континентов. Он тактично расспрашивал нас о звездных камнях и воздействии, которое они оказывают. Я видел, что ему ужасно хотелось самому попробовать подержать в руках такой камень, но это было запрещено Пилигримам. Когда он узнал, что раньше я был Наблюдателем, он задал мне тысячу вопросов о моих приборах, с помощью которых я наблюдал за небесами, он старался узнать, что же я видел во время Наблюдений и каким образом я постигал все это и как понимал, что процесс постижения завершен. И хотя я знал немного, я старался рассказать ему все, что я знал.

Обычно мы придерживались зеленой полосы плодородной земли вдоль озера, но однажды, по настоянию Хирурга, мы повернули к знойной пустыне, чтобы посмотреть на что-то, что, по его мнению, будет интересно для нас. Он не сказал нам заранее, что же это будет. В это время мы путешествовали в открытых повозках на гусеницах, и резкий ветер бросал нам песок прямо в лицо. Песок просто прилипал к глазам неземного существа, и я видел, как ловко он ежеминутно промывал каждый глаз потоком голубых слез. Остальные же прятали головы под одежды, как только поднимался ветер.

- Вот мы и приехали, - наконец объявил Хирург. - Когда я, очень давно, отправился путешествовать со своим отцом, я впервые оказался в этом месте. Мы войдем внутрь - а вы, бывший Летописец, скажете нам, куда мы попали.

Это было двухэтажное здание, построенное из белых стеклянных блоков размером с кирпич. Двери оказались заперты, но когда мы чуть нажали на них, они раскрылись. Как только мы вошли, зажегся свет.

В длинных проходах, покрытых тонким слоем песка, стояли столы, на которых были укреплены приборы. Ни один из них не был мне знаком. Приборы имели форму рук, в которые можно было вложить свои собственные руки. От странного вида металлических перчаток к сияющим закрытым ящикам шли изоляционные трубки, а целая группа зеркал проецировала изображение внутреннего устройства ящиков на гигантский экран наверху. Хирург вдел руки в перчатки и пошевелил пальцами. Экраны засветились, и я увидел на них крошечные иголки, которые продвигались под небольшими дугами. Он

подошел к другой машине, из которой сочились неизвестные жидкости. Он свободно ориентировался в этой явно старой лаборатории чудес, все же еще действующей будто в ожидании тех, кто будет в ней работать.

Олмэйн была просто в состоянии транса. Она следовала за Хирургом от одного прохода до другого, дотрагиваясь до всего.

- Итак, Летописец? - спросил он наконец. - Что это?

- Это Операционная, - сказала она тихим голосом. - Операционная Века Чудес!

- Абсолютно верно! Превосходно! - Он, казалось, находился в странно возбужденном состоянии. - Вот здесь мы создавали удивительных монстров! Мы могли творить чудеса! Воздухоплаватели, Пловцы, Мутанты, Близнецы, Альпинисты - изобретайте свои собственные союзы, создавайте людей такими, как вам подскажет ваш каприз! Вот что это было!

Олмэйн сказала:

- Мне описывали эти Операционные. Их сейчас осталось шесть. Если я не ошибаюсь, одна - в северной Эйропе, одна - на юге Африкии, одна - в северной Айзе. - Вдруг она запнулась.

- И одна в Хинде, самая значительная из всех, - сказал Хирург.

- Да, конечно, в Хинде! На родине Воздухоплавателей!

Их чувство благоговения передалось и мне.

- Значит, здесь менялась внешность и структура человека? Как это происходило?

Хирург пожал плечами.

- Сейчас это искусство утрачено. Ведь Век Чудес уже давно позади, старина.

- Да, да, я знаю. Но ведь все оборудование на месте, вы бы могли догадаться, как...

- С помощью этих ножей мы проникаем в ткани еще не рожденного, внося коррективы в человеческое семя. Хирург помещал вот сюда свои руки, совершал манипуляции, и вот в этих инкубаторах ножи вершили свою работу. Вот так на свет появились Воздухоплаватели и все прочие. Наши разновидности хорошо размножались. Некоторые уже не существуют сегодня, но Воздухоплаватели и Мутанты были рождены в одном из таких зданий. Мутанты, конечно, это ошибка Хирургов. Не нужно было оставлять их в живых.

- А я думал, что эти монстры - результат введения тератогенических веществ в тот период, когда они были еще в

утробе матери, - сказал я. - А вы говорите, что эти Мутанты были созданы Хирургами. Так что же верно?

- И то, и другое, - ответил он. - Все сегодняшние Мутанты появились в результате ошибок Хирургов в Годы Магии. Но матери этой несчастной разновидности часто усугубляли уродство своих детей, принимая различные препараты, чтобы придать им, что называется, более товарный вид. Но это племя уродливо не только внешне. Не удивительно, что союз их был распущен, и они стали изгоями общества. Мы...

Вдруг что-то яркое осветило воздух и пролетело мимо Хирурга, не больше, чем на расстоянии ладони от его лица. Он бросился на пол и крикнул, чтобы мы сделали то же самое. Когда я падал, я увидел, что уже второй снаряд летит к нам. Наше чужеземное существо пассивно наблюдало за происходящим в последние минуты своей жизни. Потому что снаряд в ту же секунду отсек две трети его тела. За этим снарядом последовали другие - они ударили в стену как раз позади нас. И тут я увидел атакующих - отряд Мутантов, злобных и отвратительных. Мы были безоружны. Они двинулись к нам. Я приготовился к тому, чтобы умереть.

Но в этот момент от двери послышался знакомый голос, но язык, на котором были произнесены слова, был нам непонятен - это был язык, на котором обычно общаются Мутанты. Атака мгновенно прекратилась. Те, кто угрожали нам, повернулись к двери. Вошел Мутант Бернальт.

- Я увидел вашу машину, - сказал он, - и подумал, что вы, видимо, здесь и, видимо, попали в беду. Мне кажется, я пришел вовремя.

- Почти, - сказал Хирург. - Он показал на распростертого на полу инопланетянина, которому уже нельзя было помочь. - Но почему они атаковали нас?

Бернальт указал на Мутантов:

- Они скажут вам сами.

Мы посмотрели на пятерых Мутантов, которые напали на нас из засады. Они совсем не были похожи на таких же культурных и образованных как Бернальт, они и внешне отличались от него. Каждый казался перекрученной и сгорбленной пародией на человека. У одного из подбородка росли кустики завитков, второй вообще был лишен каких-либо черт, у третьего уши были похожи на две гигантские чашки, да и прочие были не лучше. От одного из них, который стоял к нам ближе, чем все остальные, существа с небольшими выступами из кожи по всему телу - мы узнали, почему же мы подвергались

нападению. На грубом эгаптском диалекте он сказал нам, что мы осквернили храм, который был священным для Мутантов.

- Нам не разрешено входить в Иорсалем, - объяснил он, - почему это вам можно туда идти?

Конечно, он был прав. Мы попросили прощения настолько искренне, насколько смогли, а Хирург объяснил, что он был здесь очень давно, когда это здание еще не было храмом. Это, казалось, успокоило Мутанта, который признал, что это место стало священным только в последние годы. Он успокоился еще больше, когда Олмэйн открыла мешочек, который висел у нее между грудей, и достала оттуда несколько блестящих золотых монет, которые достались ей в наследство от Принца. Странные и деформированные существа были удовлетворены тем, что получили, и разрешили нам уйти из здания. Мы хотели взять с собой и тело мертвого инопланетянина, но во время беседы с Мутантами оно почти испарилось, и все, что осталось от него на песчаном полу, на том месте, где он упал, - было несколько серых полосок.

- Трупный фермент, - объяснил Хирург. - Выделяется с наступлением смерти.

Остальные обитатели этого здания находились снаружи и с опаской поглядывали на нас, пока мы уходили. Это было какое-то кошмарное племя с кожей невообразимых цветов и строения, и лицами, будто слепленными наугад, - здесь присутствовали самые невероятные генетические импровизации и сочетания всех возможных органов тела. И даже сам Бернальт, их собрат, казалось, был поражен их уродством. Они смотрели на него с благоговением. Некоторые из них, завидев нас, ухватились за оружие, подвешенное к их бедрам, но резкий окрик Бернальта предотвратил неприятности.

Он сказал:

- Я сожалею, что вас здесь так приняли и что здесь погиб наш гость - инопланетянин. Но вообще-то это очень рискованно входить в здание, которое является священным для таких отсталых и агрессивных людей.

- Но мы не имели понятия, - сказал Хирург. - Мы бы никогда не вошли, если бы только знали...

- Конечно. Конечно. - Неужели в мягком голосе Бернальта появились снисходительные нотки? - Я прощаюсь с вами опять.

Неожиданно меня прорвало:

- Нет. Пойдем с нами в Иорсалем! Даже странно, что мы идем порознь в одно и то же место.

Олмэйн ахнула. Казалось, даже Хирург был изумлен. Только Бернальт был спокоен. Он сказал:

- Ты забываешь, друг, что Пилигримам не разрешается странствовать с бессоюзными. Кроме того, я пришел сюда, чтобы помолиться в этом храме, а у меня это займет время. Я не хочу задерживать вас.

Его рука протянулась к моей. Потом он ушел, войдя в старинную Операционную. Десятки его собратьев Мутантов рванулись за ним. Я был благодарен Бернальту за его тактичность. Мое импульсивное предложение присоединиться к нам, хотя и искреннее, никак не могло быть им принято.

Мы вошли в наши машины. В следующую секунду мы услышали ужасный звук: неблагозвучный гимн Мутантов в честь, я уж даже не осмеливаюсь думать, какого, божества - скрежещущая песня, такая же дисгармоничная, как те, кто, как считалось, пели ее.

- Скоты, - пробормотала Олмэйн. - Священный храм! Храм Мутантов! Как отвратительно! Они ведь могли убить нас, Томис. Какая у таких монстров может быть религия?

Я не ответил. Хирург с грустью взглянул на Олмэйн и покачал головой, будто раздосадованный, что у того, кто называет себя Пилигримом, так мало милосердия к людям.

- Они тоже люди, - сказал он.

Когда мы по пути вошли в следующий город, мы заявили властям о смерти инопланетянина. А потом, опечаленные и молчаливые, мы, оставшиеся в живых, продолжили наш путь к месту, где береговая линия, изгибаясь, устремлялась к северу, а не к востоку. Итак, мы покидали сонный Эгапт и пересекали границу земли, где раскинулся священный Иорсалем.

8

Город Иорсалем находился довольно далеко от Озера Медит, в глубине материка, на плоскогорье, которое охраняет кольцо скалистых гор, лишенных всякой растительности. Мне казалось, что вся моя жизнь - всего лишь подготовка к тому моменту, когда я впервые взглянул на этот золотистый город, чей образ был так хорошо мне знаком. Поэтому, когда я увидел его шпили, парапеты, поднимающиеся на востоке, у меня было ощущение не благоговения, а ощущение, что я вернулся домой.

По извилистой дороге мы спустились через горы к городу. Стена, окружающая его, была сделана из квадратных блоков прекрасного камня, темного розово-золотистого цвета. Дома и храмы тоже были построены из этого камня. Дорогу обрамляли рощицы, где росли деревья, которые когда-то сами по себе произрастали на Земле, и это было естественно для старейшего города Земли, еще более древнего, чем Рам и Парриш, корни которого уходили глубоко в Первый Цикл.

Завоеватели поступили очень проницательно, не вмешиваясь в дела администрации Иорсалема. Город оставался под управлением Главы союза Пилигримов и даже Завоевателям предписывалось просить его разрешения войти в город. Конечно, это была формальность. Ведь на самом деле Глава союза Пилигримов, так же как и Канцлер Летописцев, был просто марионеткой в руках Завоевателей. Но это тщательно скрывали. Завоеватели как бы оставили этот город в стороне, и их отрядов, расхаживавших с важным видом на улицах Иорсалема, не было видно.

Подойдя к стене, мы попросили у Часового у ворот разрешения войти. Хотя во всех других местах большинство Часовых было без работы - поскольку города были открыты по приказу новых хозяев - здесь он стоял в полном снаряжении своего союза и мягко настоял на выполнении всех формальностей. Олмэйн и мне, как Пилигримам, был разрешен беспрепятственный вход в город. Однако он заставил нас предъявить наши звездные камни, как свидетельство того, что мы имеем право носить наше одеяние и маски, затем, через шлем мыслепередачи он проверил в архиве союза наши имена. И наконец нас впустили. Хирургу, нашему спутнику, войти оказалось легче. Пока он еще был в Африкии, он подал заявку на разрешение войти в Иорсалем, поэтому, как только проверили его личность, его впустили.

Все в городе напоминало о его древности. Иорсалем - единственный в мире город, в котором сохранилось много памятников архитектуры из Первого Цикла. Но это были не просто разрушенные колонны и разрушенные акведуки, как в Раме, это были целые улицы, крытые аркады, башни, бульвары, выжившие, несмотря на потрясения, которые испытала наша планета. Поэтому как только мы вошли в город, мы в изумлении побрели через всю эту необычность, по улицам, мощенным булыжником, по узким переулкам, наполненным гвалтом ребятишек и нищих, через базарные площади, где стоял терпкий запах специй. Прошел час, и мы почувствовали,

что пора искать приют, и вот в этот момент нам пришлось расстаться с Хирургом, потому что он не имел права останавливаться в приюте Пилигримов, а с нашей стороны было бы глупо, да и дорого для нас останавливаться где-нибудь в другом месте. Мы проводили его до гостиницы, где он когда-то снимал комнату. Я поблагодарил его за то, что он был хорошим спутником во время путешествия, а он с печальным лицом поблагодарил нас и выразил надежду, что мы еще встретимся в Иорсалеме. Мы расстались с ним и сняли себе комнаты в одном из многочисленных мест для Пилигримов.

Этот город существует исключительно для Пилигримов и случайных туристов, поэтому он похож на один большой приют. Пилигримы в своих одеяниях на улицах Иорсалема такое же частое явление, как Воздухоплаватели в Хинде. Мы устроились, немного отдохнули, потом пообедали и отправились гулять вдоль широкой улицы, с которой нам был виден на востоке священный район Иорсалема. Это город в городе. Самая древняя его часть, настолько маленькая, что ее можно пересечь пешком меньше, чем за час, тоже была окружена стеной. Там внутри находился храм, который почитали все бывшие религии Земли: Христийская, Мисламская, Еверская. Говорят, что это то место, где умер бог Христос, но вся эта история может быть искажена временем, ибо что это за бог, если он умирает?

На небольшой возвышенности на углу Старого Города стоял золоченый купол, священный для Мисламов, за которым тщательно следили жители Иорсалема. А немного позади возвышалась стена из огромных серых блоков, которой поклонялись Еверы. Все эти памятники сохранились, но идея, которой они служили, потеряла смысл. Ни разу, пока я был среди Летописцев, я не встретил ни одного ученого, который бы мог объяснить, почему поклонялись этой стене или золотому куполу. И все же, судя по записям, эти три вероисповедания Первого Цикла отличались глубоким содержанием и богатством духа.

В Старом Городе было еще одно место Второго Цикла, которое Олмэйн и меня интересовало гораздо больше. Когда мы вглядывались в темноту, пытаясь увидеть это священное место, Олмэйн сказала:

- Завтра мы должны подать заявки в Дом Обновления.

- Я согласен. Я теперь очень хочу сбросить несколько лет.

- Они позволят мне войти, Томис?

- Бесполезно гадать об этом, - сказал я ей. - Мы пойдем, мы подадим заявки, и ты получишь ответы на свои вопросы.

Она говорила что-то еще, но я ее не слышал, потому что в этот момент над нами пролетали, направляясь на восток, три Воздухоплавателя. Один мужчина и две женщины. Они летели обнаженные, как это предписано законом их союза, и Воздухоплавательница в центре была хрупкая, тоненькая девушка, просто косточки и крылья, она двигалась с такой грацией, какую редко встретишь даже среди Воздухоплавателей.

- Эвлуэла! - выдохнул я.

Трио Воздухоплавателей исчезло за парапетами Старого Города. Окаменевший, потрясенный, я вцепился в дерево, чтобы не упасть и хватал ртом воздух.

- Томис? - спросила Олмэйн. - Томис, ты здоров?

- Я знаю, это была Эвлуэла. Говорят, что она вернулась в Хинд, но нет, это была Эвлуэла! Как я мог ошибиться?

- Ты говорил то же самое о каждой Воздухоплавательнице, которую ты видел, пока мы шли от Парриша, - холодно сказала Олмэйн.

- Но на этот раз я уверен! Где шлем мыслепередачи? Я должен сейчас же связаться с приютом Воздухоплавателей!

Олмэйн положила свою руку на мою:

- Уже поздно, Томис. Ты действуешь слишком поспешно. Ну что ты так волнуешься из-за своей тощей Воздухоплавательницы? Что она тебе?

- Она...

Я внезапно замолк, потому что не смог подобрать слова, которые бы выразили мои чувства. Олмэйн знала историю моего путешествия из Эгапта с девушкой, знала, что я, старый Наблюдатель, вообразил себе, что испытываю к ней нежные отцовские чувства и что, возможно, я испытывал нечто большее, и как я потерял ее из-за фальшивого Мутанта Гормона, и как он, в свою очередь, потерял ее из-за Принца Рама. И все же, чем же была для меня Эвлуэла? Почему взгляд на кого-то, кто отдаленно мог напоминать Эвлуэлу, вызывал у меня этот приступ замешательства? Но я не мог найти ответов на эти вопросы в моем лихорадочно работающем мозгу.

- Возвращайся в гостиницу и отдохни, - сказала Олмэйн. - Завтра мы должны найти Дом Обновления.

Но я прежде всего надел шлем мыслепередачи и связался с приютом Воздухоплавателей. Мои мысли скользнули с интерфейса в хранилище памяти регистрационной книги союза. Я задал вопрос и получил ответ, который ждал. Эвлуэла из

Воздухоплавателей действительно живет сейчас в Иорсалеме.

- Я хотел бы ей кое-что передать, - сказал я. - Наблюдатель, с которым она была знакома в Раме, находится сейчас здесь как Пилигрим, и хочет встретиться с ней у Дома Обновления завтра в полдень.

Когда это было закончено, я пошел с Олмэйн в наш приют. Она казалась мрачной и рассеянной, а когда она сняла маску в моей комнате, лицо ее оказалось каким-то жестким от... ревности? Да! Для Олмэйн все мужчины были вассалами, даже такой старый и изможденый, как я. И она не могла поверить, что другая женщина смогла разжечь во мне такое пламя. Когда я протянул свой камень, Олмэйн сначала не захотела начинать общение. И только когда я начал ритуал, она-таки уступила. Но я был настолько возбужден и чувствовал в эту ночь такое напряжение, что не смог слиться с Провидением, не смогла и она. Вот так мы угрюмо смотрели друг на друга полчаса, а потом оставили свои попытки и разошлись.

9

Каждый должен идти в Дом Обновления самостоятельно. Я проснулся на рассвете, совершил обряд общения с Провидением и, не позавтракав, отправился в путь без Олмэйн. Через полчаса я стоял перед золотистой стеной Старого Города. Еще через полчаса я уже пересек хитросплетение переулков внутреннего городка. Проходя мимо серой стены, которая была так дорога древним Еверам, я поднялся на возвышенность и прошел мимо золоченого купола исчезнувших Мисламов и, повернув налево, последовал за потоком Пилигримов, который уже в этот ранний час направлялся в Дом Обновления.

Это здание было построено в период Второго Цикла, потому что именно тогда задумали процесс Обновления. И из всех научных достижений того времени, только Обновление дошло до наших дней приблизительно таким же, как его практиковали в то время. Так же как и всего несколько других построек Второго Цикла, которые сохранились до наших дней, Дом Обновления - изогнутый и блестящий, очень сдержанный по архитектурному замыслу, с красивыми линиями и отделанный гладкими материалами, - был без окон; на нем отсутствовали какие бы то ни было украшения. В нем было много дверей. Я встал перед крайними к востоку дверьми, и через час меня впустили.

Как только я вошел, меня приветствовал член союза Обновителей в зеленом одеянии - первый из этого союза, которого я когда-либо видел. Обновителей набирают из Пилигримов, которые хотят сделать эту работу делом своей жизни и остаться в Иорсалеме и помочь другим найти путь к Обновлению. У этого союза та же администрация, что и у Пилигримов; тот же глава союза решает судьбы обоих; даже одеяние одинаковое, за исключением цвета. Практически Пилигримы и Обновители - из одного союза и представляют различные фазы одного и того же процесса. Но различие между ними всегда проводится.

Голос Обновителя был жизнерадостным.

- Милости просим в этот дом, Пилигрим. Кто ты и откуда?

- Я Пилигрим Томис, бывший Томис из Летописцев, а до этого Наблюдатель, которого при рождении назвали Уиллиг. Я родился на Затерянных Континентах и много путешествовал до того и после того, как стал Пилигримом.

- Что ты ищешь здесь, что хочешь найти?

- Обновление. Искупление.

- Да поможет Провидение твоим желаниям исполниться, - сказал Целитель. - Пойдем со мной.

Меня повели через узкий, тускло освещенный коридор в небольшую каменную келью. Целитель предложил мне снять маску, войти в состояние транса и ждать. Я снял бронзовую решетчатую маску и сжал в руках звездный камень. Меня охватили знакомые ощущения, но я не почувствовал единения с Провидением. У меня скорее возникло ощущение особого контакта с каким-то другим человеком. И хотя я был озадачен, но решил не сопротивляться судьбе.

Кто-то будто исследовал мою душу. Вся моя жизнь была извлечена из меня и разложена передо мной на полу кельи: мои трусливые поступки и эгоистическое поведение, все мои пороки и слабости, все мои огорчения и самый позорный мой поступок - продажа документа Летописцев Прокуратору Завоевателей. Я взирал на все это и понимал, что недостоин Обновления. В этом храме можно было продлить свою жизнь в два, три раза. Но почему такие привилегии должны предлагать таким людям, как я, людям, у которых так мало достоинств?

Долго я так стоял, созерцая свои недостатки. Затем контакт прервался, и уже другой Целитель, замечательного телосложения, вошел в келью.

- Провидение милосердно к тебе, мой друг, - сказал он, вытянув руки с необычайно длинными пальцами и дотронулся до моих.

Когда я услышал этот низкий голос и увидел эти бледные пальцы, я понял, что передо мной человек, которого я встретил раньше, когда я стоял у ворот Рама, как раз накануне Завоевания Земли. Он был тогда Пилигримом и предложил мне отправиться с ним в Иорсалем, но я отклонил его предложение, потому что Рам манил меня.

- Твое путешествие было легким? - спросил я.

- Оно было очень полезным, - ответил он. - А ты? Я смотрю, ты уже больше не Наблюдатель.

- За этот год я уже поменял два союза.

- И предстоит поменять третий, - сказал он.

- Мне суждено стать Целителем?

- Нет, друг Томис, я не имел в виду этот союз. Но мы еще поговорим об этом, когда ты станешь моложе. Я рад объявить тебе, что твое возрождение состоится.

- Несмотря на мои грехи?

- Именно из-за них, из-за тех грехов, которые ты совершил. завтра на рассвете ты войдешь в первый резервуар возрождения. Я буду помогать тебе и направлять тебя во время твоего второго рождения. Я Кудесник Талмит. Теперь иди, а когда вернешься - спросишь меня.

- Один вопрос...

- Да?

- Я странствовал вместе с женщиной, Олмэйн, она раньше была Летописцем в Паррише. Ты не можешь мне сказать, разрешено ли ей возрождение?

- Я ничего об этой Олмэйн не знаю.

- Она не очень хорошая женщина, пустая, властная и жестокая. Но все же, я думаю, ее еще можно спасти. Ты можешь что-нибудь сделать, чтобы помочь ей?

- В таких вещах я бессилен, - сказал Талмит. - Она должна исповедаться, так же, как и все. Но могу сказать тебе вот что: добродетель - это не единственный критерий, по которому разрешают Обновление.

Он проводил меня до выхода. Холодный солнечный свет залил город. Я был слишком истощен, чтобы чувствовать подъем - ведь мне разрешено омоложение. Был полдень, и я вспомнил, что должен встретиться с Эвлуэлой. Я обошел вокруг Дома Обновления с растущим беспокойством. Придет ли она?

Она ждала меня у входа, около сияющего памятника времен Второго Цикла. Малиновый жакет, меховые гетры, стеклянные шарики на ногах и чуть выдающиеся бугорки на спине: даже издалека я мог определить, что она Воздухоплавательница.

- Эвлуэла! - крикнул я.

Она заметалась. Она казалась бледной, худенькой, еще моложе, чем в последний раз, когда я видел ее. Ее глаза искали мое лицо, которое было еще под маской, и на мгновение она пришла в замешательство.

- Наблюдатель? - спросила она. - Наблюдатель, это ты?

- Зови меня теперь Томис, - сказал я ей. - Но я все тот же человек, которого ты знала в Эгапте и Раме.

- Наблюдатель! О, Наблюдатель! Томис. - Она прильнула ко мне. - Как давно все это было! Столько всего произошло! - Она уже сияла, и щеки ее порозовели. - Пойдем, найдем гостиницу, место, где бы мы могли посидеть и поговорить. Как ты нашел меня здесь?

- Через твой союз. Я увидел тебя в небе вчера ночью.

- Я добралась сюда зимой. Какое-то время я была в Парсе, это примерно на полпути до Хинда, а потом передумала. Я никак не могла вернуться домой. Теперь я живу недалеко от Иорсалема и помогаю... - Она резко оборвала последнюю фразу. - Томис, тебе разрешили обновление?

Мы уже спустились с возвышенности в более скромную часть внутреннего городка.

- Да, - сказал я - я должен стать моложе. Моим проводником будет Талмит - ты помнишь, мы встретились с ним у входа в Рам, он тогда был Пилигримом?

Она не помнила. Мы сели во внутреннем дворике гостиницы, и Слуги принесли нам еду и вино. Ее веселье было заразительным. Я уже чувствовал себя молодым просто потому, что был рядом с ней. Она рассказывала о тех последних трагических днях в Раме, когда ее как наложницу повели во дворец Принца; и она рассказала мне о том ужасном моменте, когда Гормон-Мутант нанес сокрушительное поражение принцу Рама в тот вечер, когда началось Завоевание - он заявил, что он никакой не Мутант, а замаскированный Завоеватель и что он отнял у Принца его трон, его любовницу и его зрение.

- Принц умер? - спросила она.

- Да, но не из-за того, что он ослеп.

Я рассказал ей, как этот гордец бежал из Рама, скрытый маской и одеянием Пилигрима, и как я сопровождал его до

Парриша, и как, пока мы были среди Летописцев, он начал интригу с Олмэйн, и как его убил ее муж, которого убила его же собственная жена.

- И еще я видел Гормона в Паррише, - сказая я. - Там его имя - Викториус Тринадцатый. Он занимает довольно высокое положение у Завоевателей.

Эвлуэла улыбнулась.

- После Завоевания Гормон и я недолго были вместе. Он захотел совершить путешествие по Эйропе; я полетела с ним в Донсию и Шведу: а там он потерял ко мне всякий интерес. Вот тогда-то я и поняла, что должна вернуться домой, в Хинд, но позже я передумала. Когда начинается Обновление?

- На рассвете.

- О, Томис, как же все сложится, когда ты снова станешь молодым? Ты знал, что я любила тебя? Все то время, пока мы путешествовали, все то время, пока я делила ложе с Гормоном и Принцем, ты был единственным, кто мне действительно был нужен! Но ведь ты был Наблюдателем, и это было невозможно. И потом, ты был так стар. А теперь ты больше не Наблюдатель и скоро ты уже не будешь старым и... - Она положила свою руку на мою. - Мне не нужно было расставаться с тобой. Мы бы оба пережили гораздо меньше страданий.

- Страдания многому учат нас, - сказал я.

- Да. Да. Я понимаю это. Сколько времени будет проходить Обновление?

- Наверное столько, сколько обычно.

- Что ты будешь делать после этого? Какой союз ты выберешь? Теперь ты не должен быть Наблюдателем.

- Нет, и не Летописцем тоже. Мой проводник Талмит упомянул еще о каком-то союзе, который он не назвал, и он высказал предположение, что мне нужно будет войти именно в этот союз после Обновления. Я думал, что по его мнению я должен остаться здесь и войти в союз Целителей, но он сказал, что речь идет о другом союзе.

- Да, это другой союз, - сказала Эвлуэла. Она наклонилась ко мне поближе. - Спасатели, - прошептала она.

- Спасатели? Но я не знаю такого союза.

- Он только что основан.

- Но ведь новые союзы не появлялись уже больше...

- Талмит имел в виду именно этот союз. И ты бы очень подошел. Все, чему ты научился, пока ты был Наблюдателем, было бы очень полезно.

- Спасатели, - произнес я, будто пробуя на слух это название. - Спасатели - а чем занимается этот союз?

Эвлуэла хитро улыбнулась.

- Он спасает заблудшие души и планеты, попавшие в беду. Но сейчас не время говорить об этом. Закончи свои дела в Иорсалеме, и все встанет на свои места.

Мы поднялись. Ее губы скользнули по моим.

- Это последний раз, когда я вижу тебя стариком. Будет странно, Томис, видеть тебя после возрождения!

И она ушла.

К вечеру я вернулся в свою комнату. Олмэйн у себя не было. Слуга сказал мне, что ее не было весь день. Я подождал до самой ночи, потом провел свой сеанс общения и уснул. На рассвете я задержался перед ее дверью. Она была закрыта. Я поспешил в Дом Обновления.

10

Целитель Талмит встретил меня у входа и повел вниз по коридору, выложенному зеленой плиткой, к первому резервуару омоложения.

- Пилигриму Олмэйн, - сообщил он мне, - тоже разрешено возрождение, и она придет сюда сегодня чуть позже.

Это была последняя информация о каком-либо человеке, которую я услышал перед тем, как отключиться на довольно значительное время. Талмит провел меня в маленькую комнату с низким потолком, душную и пахнущую сыростью, освещенную тусклыми лампами. Я почувствовал слабый запах растертых лепестков цветка смерти. У меня забрали маску и мои одежды, и Целитель покрыл мою голову тончайшей золотисто-зеленой сеткой, сделанной из какого-то хрупкого металла, через которую он пропустил ток; и когда он снял сетку, волосы мои исчезли, и голова моя сияла, как покрытые кафелем стены.

- Так легче вживить электроды, - объяснил Талмит. - Теперь можешь входить в резервуар.

Я спустился к резервуару по отлогому скату. Резервуар напоминал не очень большую по размеру бадью. Я почувствовал под ногами мягкий теплый, скользкий ил, и Талмит кивнул мне и объяснил, что это особый радиоактивный восстанавливающий ил, который будет стимулировать ускорение деления клеток, что и приведет, в конечном счете, к омоложению, и я успокоился. Я растянулся на дне резервуара, и

только моя голова торчала над мерцающей темной фиолетовой жидкостью, которой он был наполнен. Ил убаюкивал и ласкал мое уставшее тело. Надо мной возвышался Талмит, который держал в руках что-то вроде запутанных медных проводов, но когда он прижал их к моему сияющему черепу, они сами распутались, распрямились и их кончики вошли в мой череп через кожу и кости прямо в скрытую под ними серую складчатую массу. Я не почувствовал ничего, кроме легких уколов.

- Электроды, - объяснил Талмит, - ищут определенные центры старения в твоем мозгу. Мы уже передаем сигналы, которые вызовут реверсирование естественного процесса старения, и твой мозг утратит способность восприятия направления течения времени. Таким образом, твое тело станет более восприимчивым к стимуляционным воздействиям, которые поступают из массы в резервуаре омоложения. Закрой глаза.

Он положил мне на лицо дыхательную маску, слегка меня подтолкнул, и затылок мой соскочил с края резервуара, и я оказался в его середине. Стало теплее. Смутно я слышал какое-то бульканье. Я рисовал в воображении черные, серые пузыри, которые поднимаются от ила через жидкость, в которой я нахожусь; я представлял себе, как жидкость постепенно приобретает цвет ила. Вот так я и лежал в этом море без прибоя, где-то в глубине осознавая, что через электроды проходит ток, и будто что-то пощипывает мой мозг, и что я весь будто окутан илом, в котором, возможно, была амниотическая жидкость. А откуда-то издалека слышался низкий голос Целителя Талмита, который возвращал меня к молодости, на десятилетия назад, разматывая для меня катушку времени. Во рту у меня был привкус соли. И опять я бороздил Земной Океан, кишащий пиратами, и защищал свои приборы для Наблюдения от их язвительных насмешек и нападок. И опять я стоял под палящим солнцем Эгапта там, где я впервые встретил Эвлуэлу. И еще раз я жил на Пэлаше. Я вернулся туда, где я родился, на западные острова Затерянных Континентов, те, что раньше назывались Сешеа-Амрик. Я во второй раз был свидетелем падения Рама. Обрывки воспоминаний проплывали через мой размягченный мозг. События всплывали хаотично, без всякой последовательности. Вот я ребенок. А вот изможденный старик. Вот я среди Летописцев. А вот я у Сомнамбул. Я вдруг увидел опять, как Принц Рама пытается купить глаза у Изобретателя в Дижоне. Вот я торгуюсь с Прокуратором Парриша. Вот я уже ухватился за ручки своих приборов

и вхожу в состояние Наблюдения. Я уже ем какие-то сладости с далеких планет и вдыхаю весенний аромат Пэлаша; вот я вздрагиваю от старческого озноба, а вот уже плаваю в будущем море, жизнерадостный и счастливый; я ссорюсь с Олмэйн; я обнимаю Эвлуэлу. В моем сознании мелькают ночи и дни по мере того, как мои биологические часы двигаются в странном ритме обратного ускоренного движения. Меня преследуют миражи. С неба вдруг полились огненные струи, время рванулось в нескольких направлениях; я стал маленьким и вдруг огромным. Я услышал голоса в отсветах алого и бирюзового цвета. Обрывки какой-то музыки будто вспыхивали над горами. Сердце мое неистово колотилось. Я был словно в ловушке этих обрывков воспоминаний и звуков; руки мои были прижаты к бокам, и мне хотелось занимать как можно меньше места, по мере того, как мозг мой наполнялся этими отзвуками. Звезды на небе трепетали, сжимались, таяли.

Эвлуэла мягко сказала:

- Мы заслуживаем вторую юность не благодаря проявлению своих личных добродетелей, а благодаря снисходительной, доброжелательной воле Провидения.

Олмэйн произнесла:

- Какая я стала холеная!

Талмит сказал:

- Эти колебания процесса восприятия означают исчезновение желания саморазрушения, которое лежит в основе процесса старения.

Гормон сказал:

- Это восприятие колебаний означает только саморазрушение желания до полного его исчезновения, что определяет процесс старения основы.

Прокуратор Манрул Седьмой сказал:

- Мы были ниспосланы на эту планету в качестве инструмента вашего очищения. Мы были ниспосланы Провидением.

Претензионист Девятнадцатый сказал:

- С другой стороны, позвольте мне не согласиться. Переплетение нашей судьбы и судьбы Земли - чистая случайность.

Мои веки окаменели. Маленькие существа, из которых состояли мои легкие, вдруг зацвели. Кожа моя сошла, обнажив мускульную ткань, приросшую к костям.

Олмэйн сказала:

- Мои поры становятся меньше. Тело мое сжимается и становится упругим. Мои груди уменьшаются.

Эвлуэла сказала:

- Потом, Томис, ты полетишь с нами.

Принц Рама закрыл руками свои глаза.

Башни Рама качались под напором солнечного ветра.

Я стащил шаль с проходящего мимо Летописца.

Клоуны рыдали на улицах Парриша.

Талмит сказал:

- Просыпайся, Томис, ну же, открывай глаза.

- Я опять молод, - сказал я.

- Твое возрождение еще только началось, - сказал он.

Я больше не мог двигаться. Помощники схватили меня, закутали в пористые ткани, и положили в носилки на роликах, и повезли ко второму резервуару, гораздо большему по размеру. В нем уже покачивалось на поверхности с десяток человек, каждый - в убаюкивающей изоляции от остальных. Их безволосые черепа были украшены электродами; их глаза были закрыты розовой тесьмой: руки их успокоенно лежали на груди. Вот в этот резервуар меня и поместили, и здесь не было никаких миражей, только сон - без всяких сновидений. На этот раз я пробудился от звука прибоя и обнаружил, что я проплываю по узкому водовороту ногами вперед и попадаю в закрытый резервуар, где я дышу в наполняющей его жидкости и где я нахожусь чуть больше минуты и чуть меньше столетия, пока с моей души счищают слои моих грехов. О, это была очень тяжелая, очень медленная процедура. Хирурги работали в отдалении, руки их были продеты в перчатки и управляли крошечными ножичками, и они избавляли меня от зла удар за ударом маленького острия, которое отрезало вину и печаль, ревность и ярость, жадность, похоть и нетерпение.

Когда со всем этим было покончено, они открыли крышку резервуара и подняли меня. Я не мог стоять без поддержки. Используя свои инструменты, они промассажировали мускульную ткань моих конечностей, восстанавливали тонус. И тогда я смог идти самостоятельно. Я взглянул на свое обнаженное тело, сильное, упругое, заряженное энергией. Талмит подошел ко мне и подбросил в воздух пригоршню зеркальной пыли, чтобы я мог разглядеть себя. И когда крошечные частицы соединились, я взглянул на свое мерцающее изображение.

- Нет, - сказал я. - Лицо совсем не мое. Я никогда таким не был. Нос был более заостренным, губы не были такими полными, а волосы совсем не были такими черными...

- Но мы пользовались записями союза Наблюдателей, Томис. Ты просто не помнишь себя таким, это было слишком давно.

- Разве так может быть?

- Если хочешь, мы можем сделать тебя таким, каким ты себя представляешь, а не таким, каким ты был на самом деле. Это был бы легкомысленный поступок с нашей стороны и на это бы потребовалось слишком много времени.

- Да нет, - сказал я. - Это в общем-то не имеет значения.

Он согласился и сказал мне, что мне придется ненадолго задержаться в Доме Обновления, пока я полностью не адаптируюсь к себе. Мне дали нейтральную одежду, потому что я пока не вступил ни в какой союз. Я потерял статус Пилигрима после Обновления, и я мог теперь вступать в любой союз.

- Сколько времени продолжалось мое Обновление? - спросил я Талмита, когда одевался.

Он ответил:

- Ты пришел сюда летом. Сейчас зима. Мы работаем не торопясь.

- А как дела у моей спутницы Олмэйн?

- С ней нас постигла неудача.

- Не понимаю.

- Хочешь взглянуть на нее? - спросил Талмит.

- Да, - ответил я, думая, что он отведет меня в комнату к Олмэйн. Вместо этого он отвел меня к резервуару, где находилась Олмэйн. Я стоял на небольшом возвышении, глядя вниз на закрытый резервуар. Талмит показал мне на волокнистый телескоп, я приник к его широко раскрытому глазу и увидел Олмэйн. Вернее то, что, как мне сказали, было Олмэйн. Обнаженная девочка-ребенок лет одиннадцати, с гладкой кожей, совсем без груди, лежала свернувшись в резервуаре, коленки ее были подтянуты к животу, а большой палец она сунула в рот. Сначала я ничего не понял. Потом ребенок зашевелился, и я узнал в этих детских чертах царственную Олмэйн, которую я когда-то знал: широкий рот, сильный подбородок, высокие острые скулы. Меня пронзил ужас, и я спросил у Талмита:

- Что это?

- Когда у человека слишком темная душа, Томис, мы входим в нее слишком глубоко, чтобы очистить. Случай с Олмэйн оказался очень трудным. Нам не нужно было за него браться. Но она так настаивала, и кое-какие признаки обеща-

ли успех. Но эти признаки оказались ошибочными, как ты видишь.

- Что с ней произошло?

- Омоложение вошло в необратимую фазу прежде, чем мы успели очистить ее от ядов, пропитавших ее, - сказал Талмит.

- Вы зашли слишком далеко? Вы слишком омолодили ее?

- Как видишь.

- Что же вы будете теперь делать? Почему вы не вынимаете ее оттуда, чтобы она стала опять взрослым человеком?

- Ты невнимательно слушал меня, Томис. Я сказал, что это омоложение необратимо.

- Необратимо?

- Она сейчас в забытье, и ей снятся детские сны. Каждый час она становится на день моложе. Внутренние часы уже не поддаются контролю. Ее тело сжимается; ее мозг разглаживается. Она впала в детство и уже никогда не проснется.

- А в конце концов, - я оглянулся, - до чего это дойдет? Сперма и яйцо разделятся в резервуаре?

- Регрессия не зайдет так далеко. Она умрет будучи ребенком. Это случается со многими.

- Она говорила о рискованности омоложения, - сказал я.

- Но она настаивала, чтобы ей разрешили это. Душа ее была темна, Томис. Она жила только для себя. Она пришла в Иорсалем, чтобы очиститься, и это произошло, и она успокоилась и примирилась с Провидением. Ты любил ее?

- Никогда. Ни одно мгновение.

- Что же ты потерял тогда?

- Кусочек прошлого, наверное.

Я опять поднес глаз к телескопу и взглянул на Олмэйн, такую невинную, девственную, очищенную от грехов ее, примиренную с Провидением. Я смотрел на ее странным образом изменившееся, но все же такое знакомое лицо и попытался проникнуть в ее сны. Понимала ли она, что с ней произошло, когда она так неожиданно сорвалась в юность? Кричала ли она от душевных страданий и безвыходности, когда почувствовала, что жизнь ускользает от нее? Сверкнула ли надменная Олмэйн в последний раз перед тем как она погрузилась в эту нежелательную непорочность? Ребенок в резервуаре улыбался. Гибкое маленькое тело вытянулось и потом снова свернулось комочком. Олмэйн примирилась с Провидением. Неожиданно, будто Талмит опять рассыпал зеркало в воздухе, я взглянул на себя, обновленного, и понял, что для меня сделали, и понял, что мне даровали еще одну жизнь при условии,

что я смогу теперь сделать нечто большее, чем сумел сделать за свою первую жизнь, и я оробел, и дал клятвенное обещание служить Провидению, и меня вдруг охватила радость, которая нахлынула мощными волнами, будто прилив Земного Океана, и я распрощался с Олмэйн и попросил Талмита увести меня оттуда.

11

И Эвлуэла пришла в мою комнату в Дом Обновления, и мы оба испугались этой встречи. На ней был жакет, через который ее крылья выходили наружу; казалось, она не может их контролировать, потому что они как-то нервозно трепетали, и были полуоткрыты, а их прозрачные кончики испускали подрагивающее мерцание. Огромные глаза ее были серьезны; лицо ее, казалось, осунулось и заострилось еще больше, чем обычно. Мы довольно долго молча смотрели друг на друга; моя кожа начала гореть, а взгляд затуманился; я почувствовал, как во мне закипают внутренние силы, которые дремали уже десятилетия, и я в равной степени опасался их, и радовался им.

- Томис? - наконец спросила она, и я кивнул.

Она дотронулась до моих плеч, рук, губ. И я прикоснулся к ее руками, бедрам, а потом, очень нерешительно, к бугоркам ее грудей. Будто двое ослепших, мы изучали друг друга прикосновениями. Мы были чужими. Этот морщинистый старый Наблюдатель, которого она знала и возможно любила, исчез, испарился еще лет на пятьдесят или больше, а на его месте стоял кто-то чудесным образом измененный, неизвестный, незнакомый. Старый Наблюдатель был ей кем-то вроде отца; а кем же будет этот молодой, пока бессоюзный Томис? А кем же она стала для меня? Уже не дочерью? Я был сам себе незнаком. Мне казалось чужой эта гладкая упругая кожа. Я был ошеломлен и испытывал чувство восхищения от того, что во мне играли новые силы и что я был напитан живительными соками, и что я чувствовал пульсации, о которых почти забыл.

- У тебя те же глаза, - сказала она. - Я тебя всегда узнаю по глазам.

- Что ты делала все эти месяцы, Эвлуэла?

- Я летала каждую ночь. Я летала в Эгапт и залетала далеко в Африкию. Потом я возвращалась и улетала в Станбул. Когда темнеет, я уношусь ввысь. Ты знаешь, Томис, я по-настоящему живу, когда я там, наверху!

- Ты - Воздухоплавательница. Ты и должна именно так чувствовать.

- Когда-нибудь, Томис, мы полетим вместе, бок о бок.

Я засмеялся.

- Старые Операционные закрыты, Эвлуэла. Они творят здесь чудеса, но они не могут сделать из меня Воздухоплавателя. Им нужно родиться.

- Но чтобы летать, крылья не нужны.

- Я знаю. Завоеватели поднимаются в воздух без помощи крыльев. Как-то раз, вскоре после того, как Рам пал, я видел тебя и Гормона в небе вместе, - я покачал головой. - Но ведь я не Завоеватель.

- Ты полетишь со мной, Томис. Мы поднимемся в воздух и не только ночью, несмотря на то, что мои крылья - всего лишь ночные крылья. И в ярком солнечном свете мы будем парить вместе.

Мне понравились ее фантазии. Я обнял ее, и она казалась такой хрупкой в моих объятиях, а тело ее было таким прохладным, но мое собственное тело пылало незнакомым жаром. Какое-то время мы молчали, и я отпрянул, отказавшись от нее в это мгновение, и просто ласкал ее тело. Человек не может проснуться вот так сразу, в одно мгновение.

Потом мы шли по бесконечным коридорам, проходя мимо других таких же обновленных и вошли в большой центральный зал со стеклянным потолком, и мы стояли и смотрели друг на друга, залитые бледным зимним солнечным светом, а потом опять пошли куда-то, и опять о чем-то разговаривали. Я опирался на ее руку, потому что не обрел еще достаточно сил и, в определенном смысле, это возвращало нас к прошлому, когда девушка помогала идти еле державшемуся на ногах старцу. Когда она провела меня назад в комнату, я сказал:

- Еще до моего Обновления ты говорила мне о новом союзе Спасателей. Я...

- Но у нас еще будет время поговорить об этом, - раздосадованно сказала она.

И мы обнялись, и я почувствовал, как во мне зажегся молодой огонь, и я даже испугался, что он поглотит ее хрупкое и прохладное тело. Но этот огонь не сжигает, он только порождает такой же огонь в других. И когда она пришла в состояние блаженного восторга, крылья ее развернулись и обволокли меня своей шелковой нежностью. И когда меня подхватил неистовый порыв наслаждения, я уже знал, что мне больше не придется опираться на ее руку.

Мы уже больше не были чужими; в нас умер страх. Она приходила ко мне каждый день, и мы гуляли с ней, и шаги мои становились все более твердыми и размеренными. А огонь наш разгорался все сильнее и ярче.

Талмит тоже часто навещал меня. Он учил меня, как управлять моим молодым обновленным телом и помогал мне быть молодым. Я отклонил его предложение еще раз взглянуть на Олмэйн. И однажды он сказал мне, что ее ретрогрессия завершилась. Меня охватило чувство сожаления, это было какое-то ощущение опустошенности, которое быстро прошло.

- Скоро ты уйдешь отсюда, - сказал Целитель. - Ты готов?

- Я думаю, да.

- Ты хорошо подумал о том, что ты будешь делать после того, как уйдешь отсюда?

- Я должен найти для себя новый союз.

- Многие союзы приняли бы тебя, Томис. А какой бы союз ты сам для себя выбрал?

- Союз, в котором я буду наиболее полезен человечеству, - сказал я. - Я обязан Провидению жизнью.

Талмит сказал:

- Говорила Воздухоплавательница о тех возможностях, которые перед тобой открываются?

- Она упомянула о новом союзе.

- Она назвала его?

- Союз Спасателей.

- Что ты знаешь о нем?

- Очень мало, - ответил я.

- Ты хочешь узнать больше?

- Если это возможно.

- Я из союза Спасателей, - сказал Талмит. - И Воздухоплавательница Эвлуэла.

- Так вы уже оба в союзе! А как же можно состоять в нескольких? Ведь только Правителям разрешается такая привилегия; и они...

- Томис, союз Спасателей принимает и членов других союзов. Это высший союз, такой, каким был союз Правителей. У нас есть Летописцы и Писатели, Указатели и Слуги, Воздухоплаватели, Землевладельцы, Сомнамбулы, Хирурги, Клоуны, Купцы, Продавцы. Есть и Мутанты, и...

- Мутанты? - ахнул я. - Но ведь у них нет союза, они по закону не имеют права вступать в союз! Как же вы можете принимать их?

- Это союз Спасателей. Каждый Мутант имеет право на спасение, Томис.

Устыдившись, я сказал:

- Даже Мутанты, конечно. Но как необычно думать о таком союзе!

- Ты бы презирал союз, который принимает Мутантов?

- Мне просто трудно это понять.

- Всему свое время.

- Когда придет это свое время?

- В тот день, когда ты уйдешь отсюда, - сказал Талмит.

Этот день пришел очень скоро. Эвлуэла пришла, чтобы увести меня. Я неуверенно ступил в Иорсалемскую весну, и на этом ритуал моего возрождения был завершен. Талмит дал ей последние наставления о том, как меня вести. И она повела меня через город к священным местам, чтобы я мог помолиться в каждом Храме. Я встал на колени у священной Еверской стены и у золоченого купола Мисламов; потом мы спустились дальше в город, прошли через базарную площадь, мимо темного, страшной архитектуры здания, где, как говорят, умер бог Христос; затем я отправился к источнику знаний и фонтану Провидения, а оттуда к зданию союза Пилигримов, чтобы сдать мою маску, одежду и звездный камень, а уже потом - к стене Старого Города. В каждом из этих мест я обратился к Провидению со словами, которые мне так давно хотелось произнести. Пилигримы, другие жители города собрались на почтительном от меня расстоянии - они знали, что я совсем недавно пережил Обновление - в надежде, что какое-то необычное излучение от моего молодого тела принесет им удачу. Наконец, я исполнил свой долг. Я был свободным, здоровым человеком, который мог теперь выбирать свой путь в жизни.

Эвлуэла спросила:

- Ты пойдешь теперь со мной к Спасателям?

- А где мы их найдем? В Иорсалеме?

- Да, в Иорсалеме. Через час они соберутся, чтобы приветствовать твое вступление в союз.

Она извлекла из своей туники что-то маленькое и сверкающее, и я с изумлением узнал звездный камень.

- Откуда у тебя это? - спросил я. - Ведь только Пилигримы...

- Положи свою руку на мою, - сказала она, протягивая руку, в которой был зажат звездный камень.

Я повиновался. Ее маленькое заостренное личико стало вдруг на мгновение жестким от напряжения. Потом она расслабилась. Она отложила звездный камень.

- Эвлуэла, что...?

- Это сигнал союзу, - сказала она мягко. - Сигнал-предупреждение, чтобы они собрались, потому что ты уже на пути к ним.

- Но откуда ты взяла этот камень?

- Пойдем со мной, - сказала она. - О, Томис, если бы только мы могли полететь туда! Но это недалеко. Мы встречаемся почти в тени Дома Обновления. Пошли, Томис. Пошли!

12

В комнате было темно. Эвлуэла привела меня в подземную темноту и, сказав, что я в Главном зале союза Спасателей, оставила меня одного.

- Не двигайся, - предупредила она.

Я почувствовал, что я в комнате не один. Но я ничего не слышал и ничего не видел.

Ко мне что-то подтолкнули.

Эвлуэла произнесла:

- Протяни руки. Что ты чувствуешь?

Я дотронулся до небольшого квадратного ящика, стоявшего, видимо, на металлической подставке. На его панели были знаковые диски и рычаги. Я ощупью нашел ручки на передней панели корпуса прибора. В это же мгновение мне показалось, что никакого Обновления и не было, и не было Завоевания Земли, и я опять был Наблюдателем, потому что это, несомненно, было оборудование Наблюдателя!

Я сказал:

- Это не тот ящик, что был у меня когда-то. Но почти такой же.

- Ты не забыл, что ты умел, Томис?

- Думаю, что это со мной навсегда.

- Тогда включи приборы, - сказала Эвлуэла. - Проведи еще раз Наблюдение и скажи мне, что ты видишь.

С легким сердцем и без всяких затруднений я вспомнил, чему меня когда-то учили. Я быстро совершил все предварительные ритуалы, очистив свой разум от всяческих сомнений. Оказалось, что я на удивление легко могу войти в транс Наблюдателя. Я ведь не делал этого с момента падения Земли, и мне даже показалось, что я могу войти в это состояние быстрее, чем раньше.

Теперь я схватился за ручки. Какое странное это было ощущение! Они заканчивались совсем не так, как раньше: на

конце каждой был прикреплен прохладный и твердый наконечник. Может быть, какой-нибудь драгоценный камень. Может быть, даже звездный камень, подумал я. Меня вдруг охватило дурное предчувствие, даже страх. Потом я вновь обрел необходимое равновесие, душа моя рванулась к прибору, и я начал Наблюдать.

Когда я Наблюдал, я не вознесся к звездам, как это бывало раньше. Хотя я и был полон ощущений, но они ограничивались пространством комнаты. Глаза мои закрылись, тело ссутулилось в состоянии транса. Я вытянул руку и наткнулся на Эвлуэлу; она была возле меня, почти надо мной. Я ясно видел ее. Она улыбалась, она кивала, глаза ее блестели.

- Я люблю тебя.

- Да, Томис. И мы всегда будем вместе.

- Я еще никогда не чувствовал такой близости с другим человеком.

- В этом союзе мы все ощущаем эту близость, эту духовную связь. Мы - Спасатели, Томис. Такого еще на Земле не было.

- А как же это я разговариваю с тобой, Эвлуэла?

- Твой мозг разговаривает с моим с помощью машины. В один прекрасный день она не понадобится.

- А когда мы будем вместе?

- Скоро, Томис.

Звездные камни становились все теплее у меня в руках. Теперь я ясно видел этот прибор: это был ящик Наблюдателя, но он был несколько изменен - на ручки были прикреплены звездные камни. И тогда я взглянул на тех, кто стоял за Эвлуэлой, на тех, кого я когда-то знал. Аскетическая фигура - Целитель Талмит, рядом с ним - Мутант Бернальт. И теперь я понял, что привело этих людей из Найруби в священный город. Остальных я не знал. Но там были два Воздухоплавателя, Летописец, ухватившийся за свою шаль, женщина Слуга и другие. И я увидел их, благодаря внутреннему свету, который исходил от них, потому что в комнате по-прежнему было темно. И я не только увидел их, я прикоснулся к ним, к их разуму.

И первым был разум Бернальта. Прикосновение было легким, но я испугался, отпрянул, затем снова прикоснулся к нему. Он радушно приветствовал меня. И тогда я понял, что возрождение мое состоится только тогда, когда я смогу относиться к Мутанту как к своему брату, и только тогда сможет возродиться и сама Земля. Потому что мы никогда не поло-

жим конец этому наказанию, этому возмездию, пока не станем единым народом.

Я попытался проникнуть в разум Бернальта, но меня одолевали опасения. Как было скрыть эти предубеждения, это жалкое презрительное отношение, просто условные рефлексы, возникающие при упоминании о Мутантах?

- Ничего не скрывай, - посоветовал он. - Все это для меня не секрет, забудь обо всем этом и присоединяйся ко мне.

Я преодолел себя. Я изгнал демонов. Я вспомнил ту минуту у Храма Мутантов, когда Бернальт спас нас и когда я пригласил его продолжить путешествие с нами. Какие у меня тогда были к нему чувства? Считал ли я его своим братом хоть только на это мгновение?

Я сконцентрировал свои мысли на этом чувстве благодарности и товарищества. Оно переполнило меня и, перелившись через край, захлестнуло ростки презрения и пренебрежения; и я увидел душу человека под странной оболочкой Мутанта, и я прорвал эту оболочку и ступил на путь спасения. Он будто притянул меня к своему разуму.

И я присоединился к Бернальту, и он принял меня в свой союз. Теперь я был одним из Спасателей.

Я отчетливо услышал голос, но я не понял, было ли это эхо звучного голоса Талмита или сухого ироничного голоса Хирурга, или сдержанное бормотание Бернальта, или мягкий шепот Эвлуэлы, потому что я слышал их всех разом, и с ними другие голоса, и они говорили:

- Когда все человечество вступит в наш союз, то мы уже не будем покоренным народом. Когда каждый из нас станет частицей другого, нашим страданиям придет конец. Нам не нужно бороться против наших Завоевателей, потому что мы поглотим их, как только мы станем Спасенными. Вступай в наш союз, Томис, который был Наблюдателем Уиллигом.

Так я и сделал.

И я стал Хирургом, и Воздухоплавателем, и Целителем, и Мутантом, и Слугой, и всеми остальными. А они стали мной. И все время, пока мои руки держали звездные камни, все мы были словно одно тело и одна душа. Это было не просто общение, в процессе которого Пилигрим будто погружается в одиночку в Провидение, а скорее союз Личностей, считающих, что общество человеческое независимо тогда, когда каждый помнит о другом и все зависят друг от друга. Это было Наблюдение и Проникновение в вечность, которое происходит при общении с Провидением, а я знал, что это было нечто

новое для Земли, не просто основание нового Союза, а начало нового цикла существования человечества, рождение Четвертого Цикла на побежденной планете.

Голос произнес:

- Томис, мы Спасем прежде всего тех, кто больше других нуждается в этом. Мы пойдем в Эгапт, в пустыню, где песчаные Мутанты ютятся в старинном здании, которое они сделали своим храмом, и мы примем их к себе и поможем им опять очиститься. А потом мы пойдем дальше, на запад, в это несчастное селение, пораженное болезнью кристаллизации, и мы обратимся к ним и прикоснемся к их душе, и мы изгоним из них заразу, и болезнь отступит, и они излечатся. А потом мы пойдем дальше, во все уголки Земли, и отыщем тех, у кого нет союза, и тех, кто потерял надежду, и тех, у кого нет завтра, мы вернем их к жизни. И придет время, когда Земля будет Спасена.

И передо мной возникло вдруг видение измененной планеты и Завоевателей с жесткими лицами, которые отступают перед нами и просят нас принять их в это новое сообщество, которое родилось в самых недрах Завоевания. Мне показали Землю, которая очистилась от своих стародавних грехов.

Потом я почувствовал, что мне пора убрать руки с приборов, что я и сделал.

Видение исчезло. И мерцание постепенно угасло. Но я уже был не одинок, и мой разум это понимал, потому что еще какое-то время контакт с другими продолжался, и вот комната наполнилась светом.

- Как все произошло? - спросил я. - Когда это началось?

- Когда Завоевание свершилось, - сказал Талмит, - мы спрашивали себя, почему мы так быстро сдались и как можно возвыситься над самими собой. Мы поняли, что наши союзы не обладали достаточно сильной структурой, чтобы защитить нас. У нас были звездные камни; и у нас были приборы Наблюдения; наша задача была - слить их воедино.

Хирург сказал:

- То, что будешь делать ты, Томис, очень важно, потому что ты знаешь, как устремлять разум в пространство. Нам нужны бывшие Наблюдатели. Они будут ядром нашего Союза. Когда-то твоя душа рвалась к звездам в поисках врагов человечества; теперь она будет странствовать по Земле, чтобы воссоединить человечество.

Эвлуэла сказала:

- Ты будешь помогать мне летать, Томис, даже днем. И ты будешь летать рядом со мной.

- Когда ты уходишь? - спросил я.

- Сейчас, - сказала она. - Я направляюсь в Эгапт, в Храм Мутантов, чтобы предложить им то, что мы должны предложить. И все мы объединимся, чтобы у меня хватило силы, и сила эта будет сконцентрирована в тебе, Томис. - Она дотронулась руками до моих рук. И губы ее скользнули по моим. - Жизнь Земли начинается снова, сейчас, в этом году, это будет новый Цикл. О, Томис, мы все родились заново!

13

Я остался один в комнате. Остальные куда-то разошлись. Эвлуэла ушла наверх и вышла на улицу. Я положил руки на звездные камни, прикрепленные к ручкам приборов, и увидел ее, будто она стояла рядом. Она готовилась к полету. Сначала она сняла одежду, и ее обнаженное тело засверкало в лучах полуденного солнца. Ее тело казалось невозможно хрупким; казалось, порыв сильного ветра может унести ее. Потом она опустилась на колени, склонилась и начала свой ритуал. Она говорила про себя, но я слышал ее слова, слова, которые произносят Воздухоплаватели, когда готовятся взлетать. Все союзы теперь объединились в один, у нас нет секретов друг от друга, нет тайн. И когда она молила о милости Провидения и его поддержке, мои молитвы слились с ее молитвами.

Она поднялась и подождала, пока распрямятся ее крылья. Некоторые прохожие с удивлением смотрели на нее, но не потому, что было что-то удивительное в том, чтобы увидеть обнаженную Воздухоплавательницу на улицах Иорсалема, а потому, что солнце светило очень ярко, и ее прозрачные крылья, покрытые лишь слабыми пятнами, были явно ночными крыльями, которые не могли выдержать давление солнечного ветра.

- Я люблю тебя, - мы сказали ей, и наши руки скользнули по ее шелковой коже, лаская ее.

Ее ноздри затрепетали от восторга. Ее маленькие девичьи груди набухли от волнения. Крылья ее теперь полностью раскрылись и переливались на солнце.

- Теперь мы полетим в Эгапт, - пробормотала она, - спасти Мутантов и принять их в наш союз. Томис, ты полетишь со мной?

- Да, я буду с тобой, - сказали мы, и я крепко ухватился за звездные камни и склонился над своими приборами в темной

комнате как раз под тем местом, где она стояла. - Мы полетим вместе, Эвлуэла.

- Тогда вверх, - сказала она, и мы сказали: - Вверх!

Крылья ее забились, изгибаясь, чтобы наполниться воздухом, и мы почувствовали, как ей было трудно в первый момент, и мы дали ей необходимую энергию, и она приняла ее у нас через меня, и мы поднялись высоко в небо. Шпили и парапеты Золотого Иорсалема стали маленькими, и город превратился в розовую точку среди зелени гор, и крылья Эвлуэлы быстро понесли ее к западу, туда, где заходило солнце, к земле Эгапта. Ее восторг захватил нас всех: "Смотри, Томис, как прекрасно лететь высоко над Землей. Ты чувствуешь?"

- Я чувствую, - прошептал я. - Прохладный ветер на коже, - ветер в волосах, мы скользим на воздушных потоках, мы летим по инерции, мы парим, Эвлуэла, мы парим!

В Эгапт. К заходящему солнцу.

Мы посмотрели вниз, на сверкающее озеро Медит. Где-то там Земной Мост. К северу - Эйропа. К югу - Африкия. А далеко впереди, за Зеленым Океаном, была моя родина. Когда-нибудь я вернусь туда, когда мы полетим с Эвлуэлой на запад, разнося радостную весть о преобразовании Земли.

С высоты совсем не было видно, что наша Земля завоевана. Можно было видеть только буйство красок земли и моря, а не контрольные пункты Завоевателей.

Этим контрольным пунктам недолго осталось жить. Мы завоюем наших Завоевателей, но не оружием, а любовью нашей. И поскольку Спасение Земли станет таким всепоглощающим, мы с радостью примем в свое сообщество даже тех, кто захватил нашу планету.

- Я знала, что когда-нибудь ты полетишь со мной рядом, Томис, - сказала Эвлуэла.

Стоя в своей темной комнате, я послал еще несколько импульсов энергии ее крыльям.

Она парила над пустыней. Старая Операционная, а теперь Храм Мутантов уже скоро появится на горизонте. Мне было жаль, что придется спуститься. Мне хотелось навсегда остаться в небе с Эвлуэлой.

- Так и будет, Томис! Так и будет! - сказала она мне. - Ничто не может нас разлучить теперь! Ты веришь в это, Томис, да?

- Да, - ответили мы. - Я верю.

И мы направили ее вниз через темнеющее небо.

Р. СИЛВЕРБЕРГ

ЧЕЛОВЕК В ЛАБИРИНТЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Теперь Мюллер знал лабиринт совсем хорошо. Он разобрался, где и какие могут быть силки и обманки, предательские западни, страшные ловушки. Он жил здесь уже девять лет. Времени хватило, чтобы смириться с лабиринтом, если не с ситуацией, которая заставила его искать здесь убежище.

Но он продолжал ходить с осторожностью. Ему пришлось несколько раз убедиться, что знание лабиринта, которым он обладал, хотя полезно и достаточно, но не абсолютно. По крайней мере однажды он был на грани гибели и только благодаря невероятному везению вовремя успел отскочить от неожиданного источника энергии, испускающего лучи. Этот, как и другие пятьдесят, он обозначил на своей карте, но когда шел по лабиринту, занимающему площадь крупного города, он не мог быть уверен, что не наткнется еще на что-нибудь, до сих пор ему не известное.

Небо темнело: великолепный оранжевый день сменялся черным мраком ночи. Идя на охоту, Мюллер задержался, чтобы взглянуть на созвездия. Даже их он теперь знал превосходно. В этом вымершем мире он выискивал в небе крупицы света и объединял их в созвездия, которые называл в соответствии со своими отвратительными, горькими мыслями. Так появились Нож, Позвоночник, Череп, Стрела, Жаба. В глазнице Черепа мерцала крохотная, слабенькая звездочка, которую он считал Солнцем Земли. Он не был в этом уверен, потому что блоки с картами он уничтожил сразу же после посадки здесь, на планете Лемнос, и, однако, чувствовал, что эта маленькая огненная пылинка - Солнце. Та же слабая звездочка изображала левый глаз Жабы. Порой Мюллер говорил себе, что Солнце нельзя увидеть на небосклоне мира, отдаленного от Земли на девяносто световых лет, но бывали минуты, когда он нисколько не сомневался, что видит именно его. Созвездия чуть дальше, сразу за Жабой, он назвал Весами и Чашами весов. Чаши, разумеется, висели неровно.

Над планетой Лемнос светились три небольших спутника. Воздух здесь, хотя и разреженный, годился для дыхания. Мюллер уже давно перестал замечать, что вдыхает слишком много азота и слишком мало кислорода. Немного не хватало двуокиси углерода, отчего он почти не зевал. Из-за этого, однако, он не печалился. Крепко сжав в руках ствол штуцера,

он неторопливо шел по чужому городу в поисках ужина. Это тоже относилось к выработавшемуся образу жизни. У него были запасы пищи на шесть месяцев, помещенные в радиационный холодильник, установленный в убежище, которое находилось в полукилометре от его теперешнего местопребывания, но чтобы сохранить их, он каждый вечер отправлялся за добычей. Таким способом он убивал время. Запасы он хотел сохранить в предвидении того дня, когда лабиринт, может быть, покалечит или парализует его. Он быстро водил глазами по резко изгибающимся улицам. Вокруг поднимались стены, темнели укрытия, ждали ловушки и каверзы лабиринта. Он глубоко дышал. Осторожно поднимал одну ногу, потом ставил ее очень крепко и лишь тогда поднимал другую, оглядываясь вокруг. Свет трех спутников смещался и изменял его тень, раскраивая ее на многочисленные тени, пляшущие и извивающиеся вокруг него.

Он услышал писклявый сигнал детектора живой массы, прикрепленного к левому уху. Это означало, что где-то неподалеку находится зверь весом от пятидесяти до ста килограммов. Он настроил детектор на три уровня, причем средний соответствовал животным средней величины - съедобным. Кроме того датчик сигнализировал о приближении твари весом от десяти до двадцати килограммов и улавливал эманацию созданий весом более пятисот килограммов. Маленькие бестии умели мгновенно бросаться на горло, гиганты же могли раздавить его, попросту не заметив. Избегая тех и других, Мюллер охотился на зверей средней величины.

Он притаился с оружием наготове. Животные, обитающие на планете Лемнос, позволяли убивать себя без каких-либо выдумок с его стороны. Они сохраняли осторожность относительно друг друга, но за девять лет пребывания здесь Мюллера как-то не поняли, что он тоже хищник. Скорее всего никакие представители разумной жизни не охотились здесь уже миллионы лет, так что Мюллер без особого труда каждую ночь убивал их, а они все еще не поняли, что такое человек.

Единственной его заботой на этих охотах было подыскать себе безопасное и закрытое место, чтобы, сосредоточившись на своей жертве, не оказаться добычей какого-нибудь более грозного создания. Стержнем, прикрепленным к пятке левого ботинка, он проверил, достаточно ли прочна за ним почва. Порядок - плотная. Он отступил назад, пока не коснулся спиной холодной, каменистой поверхности стены. Потом опустился на левое колено на слегка пружинящий тротуар и при-

готовил штуцер к выстрелу. Он был в безопасности и мог подождать. Так прошли, наверное, минуты три. Писк детектора массы продолжал указывать, что животное находится в радиусе ста метров. Потом под влиянием тепла все ближе подходящего зверя тональность писка начала медленно меняться. Он спокойно ждал. Он знал, что из своей позиции на краю площади, окруженной округлыми скалистыми перегородками, он сможет застрелить любую тварь, которая вышла бы из-за любой из этих поблескивающих стен в форме полумесяца.

Сегодня он охотился в зоне "E" лабиринта (пятой, если считать от центра), в одной из наиболее коварных. Он редко забредал дальше сравнительно безопасной зоны "D", но в этот вечер какая-то дьявольская фантазия заставила его придти именно сюда. С тех пор, как он более-менее познакомился с лабиринтом, Мюллер ни разу не отважился вновь войти в зоны "G" и "X"; в зоне "F" был всего лишь два раза. Здесь же, в зоне "E", он бывал наверное раз пять за год.

Направо от него из-за одной из перегородок выдвинулась тройная из-за света трех лун тень. Писк детектора массы в диапазоне зверей среднего размера достиг максимума. Тем временем самый маленький из спутников, Атропос, двигавшийся по небу в обратном направлении, изменил конфигурацию теней: черная полоса пересекла две другие черные полосы. То была тень морды, знал Мюллер. Прошла еще секунда. Он увидел свою жертву - зверя, величиной с крупную собаку, коричневого, с серой мордой, горбатого, уродливого, явно хищника. Первые свои несколько лет на Лемносе Мюллер старался не убивать хищных животных, думая, что у них невкусное мясо. Он охотился на местные аналоги овец и коров - ласковых копытных животных, которые бродили по лабиринту, блаженно пощипывая травку в садах. Лишь тогда, когда их нежное мясо ему приелось, он убил животное, снабженное когтями и клыками, которое охотилось на этих вегетарианцев, и к его изумлению бифштекс из мяса хищника оказался превосходным. Сейчас он наблюдал, как на площадь выбирается именно такой зверюга. Он видел длинную подрагивающую морду, слышал фырканье. Но скорее всего запах человека ничего не означал для этого создания.

Самоуверенное, оно неторопливо направилось через площадь, только неубирающиеся когти постукивали по мостовой.

Мюллер приготовился к выстрелу, внимательно целясь то ли в горб, то ли в зад. У него был самонаводящийся штуцер,

так что он бы попал автоматически, но несмотря на это он всегда устанавливал прицел. Он, если можно так сказать, не совсем соглашался со своим штуцером, целью которого было убить, только убить, в то время как его интересовала еда. И ведь легче взять на себя хлопоты с установкой прицела, чем втолковать штуцеру, что выстрел в мягкий сочный горб разорвал бы самое вкусное мясо. Штуцер выбирает цель наиболее верную. Ну, прострелил бы он горб до самого позвоночника, а дальше? Мюллер любил охотиться с большим изяществом.

Он выбрал место на хребте в пятнадцати сантиметрах от горба, там, где позвоночник соединяется с черепом. Он выстрелил. Зверь тяжело повалился на бок. Сохраняя всяческую осторожность, он подошел к зверю так быстро, как только осмелился. Умело отделив несъедобные части - лапы, голову, живот - он распылил консервирующий лак на мясо, которое извлек из горба. Из зада он вырезал толстый бифштекс, после чего прикрепил оба куска ремнями к плечам. Потом повернулся. Он осмотрел зигзагообразную трассу, единственную, которая вела к центру лабиринта. Примерно через час он уже будет в своем убежище в сердце зоны "А".

На половине пути через площадь он услышал незнакомый звук.

Он остановился и обернулся. Три небольшие твари сломя голову мчались к убитому зверю. Но не стук когтей этих стервятников он только что слышал. Или это лабиринт приготовил какую-то новую дьявольскую неожиданность? До него донеслось тихое гудение, приглушенное хриплым пульсированием на средней частоте, слишком протяжное, чтобы быть голосом какого-либо из крупных животных. Он никогда здесь раньше не слышал ничего похожего.

Вот именно, здесь не слышал. Он начал перетряхивать ячейки памяти. И уже через мгновение вспомнил, что звук этот ему отлично знаком. Двойное гудение, неторопливо тающее вдали, - что это может быть?

Он определил направление. Вроде бы звук доносился сверху и из-за правого плеча. Он посмотрел туда и увидел тройной каскад внутренних стен лабиринта, соединенный этаж за этажом. А выше? Он посмотрел на полное звезд небо: Череп, Жаба, Весы... и вспомнил, что означает этот звук.

Корабль, космический корабль, переходящий с подпространственной на ионную тягу перед посадкой на планету. Гудение основных и пульсация тормозных двигателей космического корабля, перемещающегося над городом-лабиринтом.

Он не слышал этих звуков вот уже девять лет, то есть с того момента, как начал жизнь в своем добровольном изгнании. И теперь прибывшие гости случайно вторглись в его одиночество. Или его выследили? Что им здесь надо? Мюллер кипел от гнева. Разве не достаточно с него людей и мира людей! Так ли уж им необходимо нарушать его покой? Он твердо стоял, широко расставив ноги. И одновременно краешком сознания как всегда следил, нет ли поблизости опасности, даже сейчас, когда он тоскливо глядел в сторону вероятного места посадки звездолета.

Он не хотел иметь ничего общего ни с Землей, ни с жителями Земли. Нахмурившись, он смотрел на крохотную искорку света в глазу Жабы, в глазнице Черепа.

Они до меня не доберутся, решил он. Они умрут в этом лабиринте, и косточки их смешаются с другими костями, которые вот уже миллионы лет разбросаны по всем проходам.

А если им удастся войти так же, как это удалось ему?

Ну тогда им придется воевать с ним. Они поймут, как это непросто. Он жестко усмехнулся, поправил висящий на плечах груз и все внимание посвятил своему обратному пути. Вскоре он уже был в зоне "С", в безопасной зоне. Затем добрался до своего жилища, спрятал мясо и приготовил себе ужин. Голова у него страшно разболелась.

После десяти лет он вновь не один на свете. В его одиночество вторглись. Снова он ощутил злость. Ведь ему ничего не надо было от Земли, кроме уединения, но и этого Земля не хочет ему дать. Но людям этим еще придется пожалеть, если они доберутся до него сквозь лабиринт. А если...

2

Космический корабль вышел из подпространства с небольшим опозданием, почти на самой границе атмосферы Лемноса. Чарльз Бордман не был доволен этим. Требуя совершенства от самого себя, он требовал, чтобы и остальные тоже умело справлялись со своими обязанностями. Особенно пилоты.

Но он не выразил недовольства. Он включил экран, и стена кабины украсилась живым образом планеты внизу. Облака почти не заслоняли ее поверхность. Посреди обширной равнины вырисовывались круги складок, очертания которых можно было определить даже с высоты ста километров. Он обернулся к следящему за ним молодому человеку и сказал:

- Прошу, Нед. Лабиринт Лемноса. И Дик Мюллер в сердце лабиринта.

Нед Раулинс прикусил губу.

- Такой большой? Да он, наверное, в сотни километров диаметром.

- Виден только наружный вал. Город обнесен кольцом стен высотой в пять метров. Длина наружного вала по периметру - около тысячи километров. Но...

- Да-да, я знаю, - прервал его Раулинс и тотчас же покраснел с той обезоруживающей наивностью, которую Бордман считал такой милой и которую намеревался использовать в своих целях.

- Прости, Чарльз. Я не хотел перебивать тебя.

- Не страшно! Так о чем ты хотел спросить?

- Вон то темное пятно внутри стен, это и есть город?

Бордман кивнул.

- Город-лабиринт. Один Господь знает, сколько миллионов лет назад он был выстроен. Именно там мы отыщем Мюллера.

- Если сможем добраться до середины.

- Да, конечно. Когда доберемся, - поправил он Раулинса.

- Разве может такое быть, чтобы мы не добрались до центра?

- Мюллер добрался, - заметил Бордман. - Он там.

- Но он оказался первым. Всем остальным это не удалось. Так почему мы...

- Пробовали многие, - заметил Бордман. - Причем без соответствующего снаряжения. Мы справимся. Так что не думай об этом, лучше полюбуйся посадкой.

Космический корабль снижался. Слишком быстро, подметил Бордман, ощущая дискомфорт от потери скорости. Он не выносил межзвездных путешествий. Но этого было не избежать. Нед сидел, напрягшись, с горящими от любопытства глазами. Без сомнения, у этого мальчишки больше и сил, и здоровья, и сообразительности, чем мне порой кажется. Неужели и я в молодости был таким? Однако, ему казалось, что он всегда был взрослым - сознательным, рассудительным, уравновешенным. Теперь, разменяв восьмой десяток, он научился оценивать себя объективно. Он как следует овладел своим ремеслом - ремеслом править людьми, теперь он мудрее, но характер его не изменился. А вот Нед будет через шестьдесят лет совершенно иным человеком - немного в нем останется от молокососа, что сидит в соседнем кресле. Скеп-

тичный от натуры, Бордман допускал, что именно эта миссия окажется тем испытательным огнем, который лишит Неда наивности.

Он прикрыл глаза. Сила тяготения овладела его старческим телом. Сколько посадок на планеты совершил он? Работа дипломата требовала постоянных метаний с места на место. Рождество Христово на Марсе, Пасха на одном из миров Центавра, Троица на одной из планет Ригеля, и вот теперь эта миссия - наиболее сложная из всех. Человек же не создан для того, чтобы скакать вот так, от звезды к звезде.

Он чувствовал, как под влиянием силы притяжения Лемноса, на который корабль падал так быстро, лицо его деформируется. Он был полноват и производил впечатление сладкоежки, и все же незначительным усилием мог бы приобрести модный силуэт современного человека. Но уже в самом начале своей карьеры он решил выглядеть пожилым. То, что он терял в элегантности, он приобретал на авторитете. Позже, на закате карьеры, он вновь позволит, чтобы время перестало касаться его. Тогда пусть седеют волосы, западают щеки. Он будет делать вид, что ему лет восемьдесят и играть роль скорее Нестора, чем Улисса.

Он был низкого роста, но производил такое солидное впечатление, что легко становился центральной фигурой за любым столом переговоров. Его широкие плечи, мощная грудная клетка и длинные руки скорее подошли бы гиганту. Когда он вставал, лишь тогда выявлялся его небольшой рост, но сидя он мог вызывать почтение. Он уже убедился, что эта особенность может идти на пользу. Человек слишком высокий больше подходил бы для распоряжений, а не советов, а он, Бордман, никогда не стремился командовать. Он предпочитал применять власть более тонкими способами.

И без того он выглядел как владыка. Пухлый, но четко очерченный подбородок, крупный, широкий нос, солидный и решительный рот, огромные курчавые брови, черные пряди волос. Волосы, жесткие и длинные, закинуты за уши. На пальцах он носил три перстня: алмаз в платине и два рубина с темной инкрустацией из урана. Одевался он скромно, традиционно - любил толстые ткани и покрой чуть ли не средневековый. Наверняка, он оказался бы важной персоной в любое время и при любом дворе. Следовательно, был важной персоной и сейчас. Вскоре он должен был высадиться еще на одной чужой планете. Он засопел. Как долго еще будет длиться эта посадка?

Он посмотрел на Неда Раулинса. Двадцатидвух-двадцатитрехлетний парнишка, сплошная невинность, хотя достаточно взрослый, чтобы знать о жизни больше, чем это показывает. Высокий, банально стройный, светлые волосы, голубые глаза, крупные подвижные губы, ослепительно-белые зубы. Нед был сыном покойного теперь теоретика связи, одного из самых близких друзей Дика Мюллера. Возможно, эта связь позволит вступить с Мюллером в переговоры, весьма сложные и деликатные.

- Чарльз, тебе нехорошо? - спросил Раулинс.

- Переживу как-нибудь. Сейчас сядем.

- Мы медленно спускаемся, правда?

- Осталась всего минута.

Лицо парнишки было словно не подвержено силе притяжения Лемноса. Только левая щека слегка оттянулась - и ничего больше. Выражение случайной язвительности на этом открытом юношеском лице производило неприятное впечатление.

- Сейчас, - пробормотал Бордман и закрыл глаза.

Корабль коснулся поверхности планеты. Двигатели прекратили работу. В последний раз рявкнули тормозные установки, наступил ошеломляющий момент неуверенности, но амортизаторы крепко вцепились в грунт, и грохот посадки смолк. Мы на месте, - подумал Бордман. Теперь - этот лабиринт. Теперь Дик Мюллер. Посмотрим, не изменился ли он за девять лет к лучшему. Может быть, теперь он совершенно нормальный человек. Господи, если так, то помоги нам всем.

3

До сих пор Неду Раулинсу не приходилось много путешествовать. Он посетил всего лишь пять миров, из них три в своей родной системе. Когда ему было десять лет, отец взял его с собой в летние каникулы на Марс. Два года спустя он побывал на Венере и Меркурии. А после окончания школы он получил награду в виде путешествия за пределы Солнечной системы на Альфа Центавра IV. После чего, тремя годами позже, ему пришлось отправиться в систему Ригеля, чтобы после катастрофы сопроводить домой останки своего отца. Да, это не было рекордом по путешествиям в те времена. Но он знал, что в дипломатической карьере его ожидает еще не одно путешествие. Чарльз Бордман всегда повторял, что межзвездные перелеты очень быстро приедаются, и метания по

вселенной, по сути дела, еще одна нелегкая обязанность. Раулинс относил это за счет усталости человека, который был чуть ли не в четыре раза старше, чем он.

Ладно, пусть она когда-нибудь придет, эта скука. Но в этот момент Нед Раулинс стоял на незнакомой планете в шестой раз за всю свою недолгую жизнь. Корабль опустился на огромной равнине, раскинувшейся вокруг лабиринта. Вал лабиринта протянулся на сотню миль на юго-восток. Сейчас на этой половине Лемноса была полночь. Сутки здесь длились тридцать часов, а год - двадцать месяцев. На этом полушарии уже настала осень, и было довольно холодно. Экипаж корабля выгружал эжекторы, из которых в одну минуту должны были выкинуть палатки.

Чарльз Бордман стоял на склоне в такой задумчивости, что Раулинс не посмел подойти к нему. Он всегда относился к Бордману со странным почтением, близким к страху. Он знал, что тот - циничная старая дрянь, но все же не мог не удивляться. Бордман по-настоящему великий человек. Отец наверняка был одним из них. И Дик Мюллер (Раулинсу было двенадцать лет, когда Мюллер попал в переделку и загубил свою жизнь). Быть знакомым с такими тремя людьми - это настоящая привилегия. Если бы ему удалось сделать карьеру, хотя бы наполовину столь значительную, как у Бордмана. Мне недостает хитрости Бордмана. Зато у меня есть другие преимущества: определенная тактичность, которая у него отсутствует. Я могу быть полезным на свой собственный манер, думал Раулинс. Однако, он сомневался - не питает ли он слишком наивных надежд.

Он глубоко вдохнул чужой воздух. Посмотрел на небо. Пустая эта планета, мертвая. Он когда-то читал о Лемносе, еще в школе: одна из древних планет, некогда населенная существами неведомой расы, но уже тысячу столетий покинутая, лишенная жизни. От прежних обитателей не осталось ничего, кроме окаменевших костей и этого лабиринта. Смертоносный лабиринт, построенный неизвестными существами, окружает город мертвых.

Археологи исследовали этот город с воздуха, зондируя его датчиками, разочарованные невозможностью проникнуть туда. На планете побывало уже двенадцать экспедиций, и ни один из отрядов не смог проникнуть в лабиринт: смельчаки быстро становились жертвами ловушек, размещенных во внешней зоне. Последняя попытка пробраться туда была предпринята пятьдесят лет назад. Ричард Мюллер, который

позже высадился на этой планете, первый отыскал верный путь. Удастся ли завязать контакт? Раулинс не мог не думать о том, сколько его спутников по путешествию погибнут, преодолевая препятствия. (Мысль, что и он также может умереть, как-то не пришла ему в голову). А ведь некоторых из тех, кто занимался сейчас разбивкой лагеря, может в течение ближайших дней унести смерть...

Размышляя об этом, Раулинс увидел, как незнакомое животное появилось из-за песчаного холма неподалеку. Он с интересом присмотрелся к этому созданию. Оно немного напоминало крупного кота со светлыми полосками по бокам, но когти у него не убирались, а пасть была утыкана множеством зеленоватых клыков.

Зверь приблизился к нему на расстояние метров в двенадцать, посмотрел безразлично, повернулся, движением полным грации, и побежал в сторону Бордмана. Тот приготовил оружие.

- Нет! - крикнул Раулинс. - Не убивай его, Чарльз! Он просто хочет поглядеть на нас вблизи!

Бордман выстрелил.

- Чарльз, не мог подождать минутку? Он сам бы ушел! Зачем ты...

Бордман улыбнулся. Кивком головы он подозвал одного из членов экипажа. Тот наклонился над зверем и накинул на него сеть. Бордман добродушно сказал:

- Я только оглушил его, Нед. Часть стоимости этой экспедиции покрывает федеральный зоосад. Или же ты думал, что я убиваю с таким удовольствием?

Раулинс чувствовал себя маленьким и глупым.

- Забудем об этом. Или нет - нет, постарайся ни о чем не забывать. И пусть это будет тебе уроком: следует подумать, прежде чем болтать глупости.

- Но если бы я ждал, а ты действительно убил?

- Тогда ценою этой зверюшки ты бы узнал обо мне кое-что неприятное. И в дальнейшем пусть будет тебе известно, что меня провоцирует на убийство все, что чужеродно и наделено острыми зубами. Ведь если бы я хотел убить, твои вопли не произвели бы на меня никакого впечатления. Так что всегда выбирай подходящий момент, Нед. Сперва трезво оцени ситуацию, лучше позволить, чтобы что-то произошло, чем действовать слишком поспешно. Обиделся? Своей коротенькой лекцией я заставил тебя почувствовать себя идиотом?

- С чего ты взял, Чарльз? Я далек от мысли, что нет вещей, которым мне не надо научиться.

- И ты хотел бы учиться у меня?

- Чарльз, я...

- Прости, Нед. Мне не следует надоедать тебе. Ты был прав, пытаясь остановить меня от убийства зверя. Не твоя вина, что ты не понял моих намерений.

- Однако ты считаешь, что я преждевременно выступил, вместо того чтобы оценить ситуацию? - растерянно спросил Раулинс.

- Это было ненужным.

- Ты сам себе противоречишь.

- Отсутствие логики - это моя привилегия, - сказал Бордман. - Выспись сегодня как следует. Утром мы полетим и составим карту, а потом начнем высылать туда людей. Может оказаться, что мы будем через неделю беседовать с Мюллером.

- И он захочет с нами сотрудничать?

- Сперва не захочет. Будет раздраженным, примется оплевывать нас ядом. Это же мы - те, кто его отверг. Зачем он должен теперь помогать людям Земли? Но в конце концов он нам поможет, Нед, поскольку он человек чести, а честь - это такая вещь, которая не поддается изменениям, безотносительно к тому, насколько ты болен, одинок или обижен. Настоящую честь не убивает даже ненависть. Даже во мне есть своеобразная честь. Уж как-нибудь мы установим контакт с Мюллером. Уговори его, чтобы он вышел из этого лабиринта.

- Надеюсь, так все и будет, Чарльз. - Раулинс заколебался. - Но как подействует на нас близость с ним? Я имею в виду его болезнь, его воздействие на окружающих...

- Мерзко...

- Ты его видел уже после того, как это случилось?

- Да, множество раз.

- Я по-настоящему не могу себе вообразить, как это можно находиться рядом с человеком, когда все его естество воздействует на тебя.

- Ощущение такое, словно ты забрался в ванну, полную кислоты, - ответил Бордман с некоторым сомнением. - К этому можно привыкнуть, но полюбить - никогда, это как огонь по всей коже. Уродство, страх, жадность, болезни... хлещут из Мюллера.

- Ты сказал, что он человек чести...

- Был - и слава тебе, Господи! Если даже в мозгу такого достойного человека, как Дик Мюллер, кроются эти мерзости, то что же говорить об обычных людях? Только послать на них несчастье, подобное тому, что выпало на долю Мюллера.

- У Мюллера было достаточно времени, чтобы самому сгореть от собственного несчастья, - заметил Раулинс. - Что будет, если к нему теперь вообще нельзя приблизиться? Если то, что он него эманирует, окажется настолько сильным, что мы не выдержим?

- Выдержим, - сказал Бордман.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

В лабиринте Мюллер проанализировал ситуацию и прикинул свои возможности. В окошках визиоскопа были видны изображения корабля, пластиковых куполов и мельтешение крохотных фигур. Теперь он жалел, что не смог освоить операций, регулирующих четкость изображения. Но он считал, что ему повезло, что он хоть как-то может пользоваться этой аппаратурой. Множество аппаратов в этом городе утратило свои свойства из-за износа каких-то узлов. Мюллеру удалось установить, для чего служат лишь некоторые из них, да и ими он пользовался далеко не идеальным образом.

Он следил за туманными изображениями ближних своих - людей, занятых разбивкой лагеря на равнине - и прикидывал, какую новую пакость они ему приготовили.

Он сделал все, чтобы стереть за собой следы, когда стартовал с Земли. Нанимая звездолет, он ложно заполнил маршрутный лист, указав, что летит на Сигму Дракона. Во время полета ему пришлось отметиться на трех станциях слежения, но на каждой из них он зарегистрировался как совершающий облет Галактики, трассу которого он старательно обдумал, чтобы никто не мог знать, где он находится.

Нормальный сравнительный анализ данных станций слежения должен был выявить, что все три очередных заявления - ложь, однако он рассчитывал, что до ближайшего контроля он успеет закончить рейс и исчезнуть. Скорее всего, ему это удалось, так как патрульные корабли не были посланы за ним вслед.

Вблизи планеты Лемнос он выполнил последний отвлекающий маневр, оставив корабль на орбите и опустившись на планету в капсуле. Тем временем бомба с часовым механизмом разнесла корабль. Нужно было располагать поистине фантастическим компьютером, чтобы разыскать его следы. Самому Мюллеру требовалось немного - лет шестьдесят. С Земли он улетел почти шестидесятилетним мужчиной, и в нормальных условиях мог бы рассчитывать еще по меньшей мере на сотню лет жизни, но здесь, без врачей, пользуясь лишь услугами далеко не лучшего диагностата, он знал, что будет считать себя счастливчиком, если дотянет до ста десяти - ста двадцати как максимум. Шестьдесят лет одиночества и спокойная смерть в изоляции - это все, чего он ждал от судьбы. И вот в его уголок вторглись пришельцы.

Как они его выследили?

Он пришел к выводу, что выследить его они не могли. Во-первых, он использовал все возможные средства предосторожности. Во-вторых, нет никакой причины, чтобы за ним гнались. Он не беглец. Он попросту человек, наделенный ужасной болезнью - ощущает отвращение при виде своих земных близких. Там он был позорищем, живым укором всем им. Он понимал, что величайшим благодеянием и явилась изоляция от них. Так что они не стали бы применять никаких усилий, чтобы отыскать существо, столь им ненавистное.

И все же, кто были пришельцы?

Он полагал, что археологи. Мертвый город на Лемносе без сомнения интересует их. До сих пор он надеялся, что ловушки лабиринта заставят воздержаться от исследований. Город был открыт более ста лет назад, но потом планету избегали по весьма конкретным причинам. Он сам видел останки тех, кто пытался проникнуть в лабиринт. Если он сюда и добрался, то потому лишь, что готов был принять такую же смерть, и в то же время любопытство вынудило его проникнуть в центр лабиринта и выяснить его тайны. Он добрался, он здесь, но прибыли пришельцы.

Они не проникнут сюда.

Удобно разместившись в центре лабиринта, он располагал достаточным количеством следящих устройств. Таким образом, он видел, как перемещаются из зоны в зону животные, на которых он охотился. В определенной мере он мог держать под контролем ловушки лабиринта, являющиеся по сути всего лишь пассивными ловушками, но и они могли пригодиться в войне с каким-либо врагом. Неоднократно, когда хищные зве-

ри размером со слона пытались пробраться к центру лабиринта, он сбрасывал их в подземную ловушку в зоне "С". Теперь он спрашивал себя, какие бы средства он применил против людей. Но не находил на это ответа. По сути дела, люди в нем не вызывали ненависти: он лишь хотел, чтобы они оставили его одного с тем, что могло восприниматься как покой.

Он смотрел на экраны. Он занимал низкое шестиугольное помещение - одну из жилых комнат в центре города - со встроенными в стену визиоскопами. Более года он выяснял, какие части лабиринта соответствуют изображениям на экране. Шесть экранов в самом нижнем углу показывали участки зон от "А" до "F". Камеры двигались по полукругу, позволяя патрулировать участки, примыкающие к выходам из других зон. Поскольку лишь один вход в каждую из зон был доступен, он всегда мог наблюдать за приближением хищников. То, что происходило у входов-ловушек, его не интересовало.

В верхнем ряду экранов - седьмой, восьмой, девятый и десятый - вроде бы показывали участки зон "G" и "X", наиболее близких к входу в лабиринт, самых больших и самых опасных. Мюллер решил не рисковать и не проникать в них для детального подтверждения этой гипотезы. Нет смысла, думал он, нарываться на все эти неприятности только затем, чтобы детально исследовать ловушки. Одиннадцатый и двенадцатый экраны показывали пейзаж за пределами лабиринта - равнину, на которой находился теперь корабль.

Немногие из устройств имели такую информативную ценность. Посреди центральной площади города стоял под защитным зонтиком из хрусталя двенадцатигранный камень рубинового цвета, и внутри него тикал какой-то механизм. Мюллер предполагал, что это атомные часы, отмеряющие время в единицах, принятых в то время, когда они были спроектированы. Камень подвергался определенным изменениям: рубиновая поверхность мутнела, приобретала цвет граната, а то и черный, а сам камень перемещался на своем основании. Мюллер старательно регистрировал все изменения, но еще не понял их назначения. Эти метаморфозы происходили не случайно, но их ритмику и последовательность он понять не мог.

На каждом из восьми углов площади стоял многогранный металлический столб высотой примерно в шесть метров. Эти столбы медленно поворачивались на протяжении всего года. Мюллер знал, что один полный оборот они совершают за каждые двадцать месяцев, то есть за то время, которое занимает на Лемносе один оборот вокруг солнца, но он подозре-

вал, что эти столбы поставлены с какой-то более важной целью.

На улицах зоны "А" на равных расстояниях располагались клетки с прутьями, выполненными из материала, напоминающего алебастр, но ни одним из способов ему не удалось открыть их. Дважды за эти годы прутья втягивались и клетки распахивались. Первый раз они были распахнуты на протяжении трех суток, а потом ночью прутья вернулись на место. Несколько лет спустя клетки вновь раскрылись. Он попытался не спускать с них глаз, стремясь узнать секрет этого механизма, но на четвертую ночь задремал так глубоко, что не заметил, как они закрылись.

Не менее таинственным был акведук. Вдоль всей зоны "В" бежал замкнутый и словно выполненный из оникса желоб с угловатыми кранами через каждые пятьдесят метров. Если он подставлял под краны любую емкость, то начинала течь чистая вода. Когда же он попытался вставить в кран палец, оказалось, что отверстия там нет. Словно вода просачивалась через какую-то проницаемую каменную пробку.

До сих пор его все еще поражал тот факт, как много уцелело в этом сверхстаром городе. Археологи после исследования артефактов и скелетов пришли к выводу, что разумные существа исчезли на планете более миллиона лет назад, даже может пять-шесть миллионов. Он хотя и был археологом-любителем, научился оценивать воздействие времени. Копи на равнине были невероятно древними, а внутренние стены города свидетельствовали, что лабиринт относится к тем же старым временам, что и копи.

И все-таки большая часть города оказалась нетронутой временем. Возможно, частично этому способствовал сухой климат - тут никогда не было ураганов, ни разу не шел дождь. Песок не собирался даже на незащищенных улицах города. И Мюллер знал, почему. Спрятанные насосы поддерживали все в идеальном состоянии, всасывая любую грязь. Он собрал несколько горстей земли с огородов и разбросал их. Пару минут спустя они исчезли в щелях, которые приоткрылись у основания зданий и тут же закрылись.

Скорее всего под городом протянулась сеть неведомой машинерии - неуничтожаемые консервационные устройства, противостоящие воздействию времени. У Мюллера не было подходящего оборудования, чтобы разломать мостовую, твердость которой не могло преодолеть ничто. Самодельными инструментами он начал копать в городе, надеясь таким об-

разом добраться до этих подземелий, но, хотя выкопал яму глубиной в три метра, а вторую еще глубже, он не обнаружил ничего, кроме почвы. Какая-то аппаратура обеспечивала функционирование видеокамер; улицы оставались чистыми, стены не крошились, и всегда были в готовности смертоносные ловушки.

Что за раса могла выстроить город? Еще труднее было вообразить себе, что эти существа вымерли. Если предположить, что останки принадлежали строителям города - город создавали гуманоидные существа полутораметрового роста, с очень длинными пальцами и ногами с двумя суставами. Но следов такой расы не было на других планетах Галактики. Или же, что тоже возможно, они попросту не совершали звездных полетов, развились и погибли здесь.

Кроме города ничто на планете не свидетельствовало о том, что некогда она была населена. Может быть, за прошедшие века остальные города исчезли с поверхности Лемноса и сохранился лишь этот. Или он так и был единственным городом на Лемносе. Теперь ничто не указывало на существование других населенных пунктов. Концепция лабиринта свидетельствовала, что в последние времена это племя заперлось в своей твердыне, чтобы спастись от грозного неприятеля. Но Мюллер думал, что это только домысел. Несмотря на все, он не мог избавиться от впечатления, что лабиринт появился вследствие какой-то ошибки в развитии цивилизации, а не из-за внешней угрозы.

Или же сюда вторглись некогда чужаки, для которых преодоление лабиринта не представляло никаких сложностей и перебили всех жителей города, после чего очищающие механизмы убрали кости? Проверить это было невозможно. Вступая в город, он нашел его тихим и мертвым. Лишь животные населяли его. Мюллер насчитал примерно двадцать видов млекопитающих. Травоядные животные паслись в городских садах, плотоядные нападали на них, экологическое равновесие было идеальным. Этот город напоминал ему Вавилон пророка Исайи: "Но будут скрываться там звери, и наполнятся их дома драконами. И будут совы гнездиться в домах его, и сирены в дворцах роскошных".

Теперь этот город принадлежал Мюллеру безраздельно до конца его жизни.

До него завладеть им пытались не только люди Земли. В зонах лежало по меньшей мере двадцать скелетов людей. Три человека добрались даже до зоны "D". Но он очень удивился,

когда увидел кости неведомого происхождения. В зонах "X" и "G" он нашел скелеты крупных, напоминающих драконов созданий, даже остатки космических скафандров. Ближе к центру лабиринта лежало множество останков существ какого-то иного вида, вероятно - человекообразных. Он не пытался прикинуть, как давно прибыли сюда эти создания. Эта галактическая помойка была для Мюллера приятным напоминанием, что здесь он первооткрыватель, так как человечество за свои первые двести лет выхода за пределы Солнечной системы еще не встретило никаких форм живой разумной жизни, кроме гидрян. Одно существование кладбища костей на Лемносе свидетельствовало о наличии, по меньшей мере, двенадцати различных рас. Мюллер гордился тем, что проник в сердце лабиринта.

Несколько первых лет он не удивлялся сохранности останков в лабиринте. Лишь потом он начал наблюдать за механическим безжалостным устранением любого мусора - как пыли, так и костей животных, которые служили ему пищей. Но скелеты визитеров оставались. Почему? В конце концов Мюллер сообразил, что механические мусорщики минуют трупы разумных существ не случайно. Это предостережение: оставь надежду всяк, сюда входящий.

Эти скелеты - один из видов оружия в психологической войне, которую вел с каждым пришельцем дьявольский город. Они должны были напоминать: смерть ждет тебя повсюду. Но каким образом они могли "знать", какие трупы убирать, а какие не трогать?

Сейчас он смотрел на экраны. Следил за суетой крохотных фигурок возле космического корабля.

Пусть только войдут сюда, думал он. Город много лет никого не убивал. Вот он ими и займется. Я - в безопасности.

Он был уверен, что даже если они доберутся до него, то надолго не задержатся. Его болезнь оттолкнет их. Может, им и хватит ловкости преодолеть лабиринт, но им не справиться с тем, что сделало Мюллера мертвым для его сородичей.

- А ну, убирайтесь! - громко произнес он.

Неожиданно услышав ворчание двигателей, он увидел, как площадь пересекает мрачная тень. Значит, они обследуют лабиринт с воздуха. Он спрятался. Разумеется, они смогут отыскать его, где бы он ни находился. Экраны скажут им, что в лабиринте живет человек, и они, конечно, постараются наладить с ним связь, еще не зная, он ли это. А потом...

Он окаменел от тоски. Пусть они придут. Он вновь сможет разговаривать с людьми. Забыть об одиночестве. Но он хотел этого лишь минуту. Невольное желание вырваться из одиночества задавила логика: что было бы, если бы он предстал перед ними? Нет! Не приближайтесь! Не подходите!

2

- Там внизу Дик, - сказал Бордман. - Он там, наверняка. Видишь точку на том экране? Единственный живой человек. Это - Мюллер.

- В самом центре лабиринта, - сказал Раулинс. - Ему в самом деле удалось проникнуть туда.

- Как-то удалось.

Бордман перевел взгляд на экран. С высоты лабиринт просматривался довольно четко. Он различал девять зон. Он мог разобрать даже площадки, бульвары, стены, переплетения улиц. Зоны были концентрическими; каждая с большой площадью посередине. И детектор живой массы на разведывательном самолете обнаружил наличие Мюллера в ряду невысоких домов к востоку от одной из таких площадей. Но никаких проходов, соединяющих отдельные зоны, он обнаружить не смог. Даже с воздуха оказалось невозможным наметить трассу.

Бордман знал, что это почти невозможно. В блоках информации содержались отчеты предыдущих неудачных экспедиций. Кроме того, ясно, что Мюллер достиг центра лабиринта каким-то загадочным способом.

- Сейчас, Нед, я тебе кое-что покажу.

Он отдал распоряжение. От корпуса самолета отделился зонд и начал падать к городу. Бордман и Раулинс следили за ним, пока он не оказался на высоте нескольких десятков метров над крышами зданий. Но внезапно зонд исчез. Взметнулся клуб зеленого дыма - и больше ничего не стало видно.

- Все по-прежнему. До сих пор весь этот район прикрывает экран. Все, что приближается сверху - сжигается.

- Значит, даже птицы...

- На Лемносе нет птиц.

- А дождь? Или еще что-нибудь, падающее на город...

- На Лемносе нет осадков. По крайней мере на этом полушарии. Значит, экран не пропускает инородные предметы. Мы об этом знаем со времен первой экспедиции.

- Они не выслали робот-зонд?

- Если ты видишь покинутый город среди пустыни на мертвой планете, то без опасения пытаешься в этом городе высадиться. Это простительная ошибка, но Лемнос ошибок не прощает.

Он приказал снизиться. Минуту спустя они кружили над внешним валом лабиринта. Они пролетали над городом раз за разом, дополняя новыми деталями схему, а Бордман, разозлившись, захотел, чтобы сейчас поток света от экрана ударил в самолет и превратил его в пепел. Он уже давно утратил привязанность к совершенству. Говорят, что нетерпеливость - качество молодых и что чем старше человек становится, тем добродушнее и терпеливее плетет он паутину своих планов, но Бордман поймал себя на том, что свое задание ему хочется завершить как можно скорее. Выслать робота, который проскользнет сквозь лабиринт, схватит Мюллера и выволочет его наружу. Сказать Мюллеру, чего от него хотят, и заставить его согласиться.

3

Капитан Хостин, который должен был вести людей через лабиринт, пришел уточнить обстановку. Он был человек дела, готовый рисковать двадцатью жизнями, в том числе и своей собственной, лишь бы добраться до сердца лабиринта.

Он покосился на экран и спросил:

- Есть какие-нибудь новые сведения?

- Ничего нового.

- Вы уже хотите садиться?

- Да, - сказал Бордман и посмотрел на Раулинса. - Разве что ты хотел бы еще кое-что уточнить, Нед.

- Я? Ну... я думаю, следует ли нам вообще входить в лабиринт. Может быть, удастся выманить Мюллера и поговорить с ним снаружи.

- Нет.

- Не удастся?

- Нет. Потому что, во-первых, Мюллер не вышел бы на нашу просьбу. Он - нелюдим. Он живьем похоронил себя здесь, чтобы быть как можно дальше от человечества. Во-вторых, приглашая его, нам пришлось бы слишком многое рассказать, чего мы от него хотим. А в этой игре, Нед, карты не следует раскрывать преждевременно.

- Не понимаю, о чем ты говоришь.

- Допустим, мы будем действовать в соответствии с твоим планом. Что мы скажем Мюллеру, чтобы выманить его из лабиринта?

- Ну... что прибыли с Земли специально за ним, чтобы он помог нам в ситуации, опасной для всей Солнечной системы. Что мы наткнулись на расу чужих существ, с которыми не можем наладить контакт, и только он один может помочь. Так как мы... - Раулинс замолчал, почувствовав свою беспомощность. - Но Мюллера вряд ли убедили бы такие аргументы.

- Вот именно. Один раз Земля уже посылала его в мир чужих, которые испортили ему жизнь. Вряд ли он захочет попробовать это еще раз.

- Так каким же образом можно склонить его к тому, чтобы он нам помог?

- Апеллируя к его чести. Ты предложил, чтобы через громкоговорители подробно объяснить ему, что от него требуется, а потом ждать, когда он выбежит и поклянется, что сделает все возможное ради милой старой Земли. Так?

- Примерно.

- Но это отпадает. Значит, мы должны проникнуть в лабиринт сами и тем заработать уважение Мюллера, чтобы убедить его в неизбежности сотрудничества.

Выражение взволнованной настороженности появилось на лице Раулинса.

- Что мы ему скажем, Чарльз?

- Не мы. Ты.

- Так что я ему скажу?

Бордман вздохнул.

- Ты будешь врать, Нед. Попросту будешь врать.

4

Они прибыли на Лемнос с соответствующим оборудованием для преодоления трудностей, которые могли возникнуть в лабиринте. Мозгом, центром системы, был первоклассный компьютер с запрограммированными деталями всех предыдущих попыток людей добраться до города.

Увы, не хватало лишь деталей экспедиции, увенчавшейся успехом. Но сведения о неудачах могли пригодиться. Центр контролировал множество вспомогательных аппаратов, управляемых на расстоянии: автоматические зонды - подземные, наземные, летающие; роботы, телескопы, датчики и т.д. До того, как начать рисковать жизнью людей, Бордман и Хостин

могли провести серию проверок с их помощью. Устройств этих было несколько комплексов, так что без хлопот удалось бы заменить новыми все устройства, которые они потеряют.

До сих пор никто не начинал с изучения природы лабиринта. Исследователи сразу же входили туда и гибли. Но теперь появлению людей должно было предшествовать детальное аппаратное изучение района. Надежды на то, что эти устройства проложат абсолютно безопасный путь не было, но это был наилучший способ, чтобы до какой-то степени разрешить проблему.

Полеты над городом дали полную картину лабиринта. Они могли не подниматься в воздух - превосходные экраны в их хорошо оборудованном лагере помогли им познакомиться со строением лабиринта. Но Бордман уперся. Сознание надежнее фиксирует непосредственные впечатления.

Раулинс высказал предположение, что, может быть, в защите есть какие-то окна. Стремясь проверить это, он под конец дня нагрузил зонд металлическими шариками и вывел его над центром лабиринта. Бинокли позволяли видеть как автомат медленно раскачивается, по одному выбрасывая из себя шарики в каждую из заранее намеченных точек. И каждый шарик падает и превращается в пепел. Они установили, что высота экрана не везде одинакова, и над зонами ближе к центру лабиринта составляет около двухсот метров, после чего постепенно уменьшается, образуя невидимый купол. Но никаких окон не было. Хостин проверил: нельзя ли его пробить. Автомат сбросил несколько шариков одновременно. Но защита выдержала и это.

Позже при помощи механических кротов они убедились, что проникнуть в город подземными туннелями тоже нельзя. Кроты раскопали песчаный грунт снаружи внешнего вала. Все они были уничтожены магнитным полем, когда находились еще на глубине в двадцать метров под лабиринтом. Автоматы, пытавшиеся проникнуть через стену вала, постигла та же судьба.

Один из инженеров-электриков предложил установить мачту, отводящую энергию, но и это оказалось безуспешным. Мачта стометровой высоты высасывала энергию с поверхности всей планеты, голубая молния скакала, но и это не оказало никакого влияния на защитное поле. Мачту развернули в надежде на короткое замыкание. Защита вобрала в себя все и, казалось, может вобрать еще больше. Никто так и не смог объяснить источник энергии этого поля.

- Наверное, он связан с энергией движения планеты, - сказал специалист. Но понимая, что это объяснение ничего не дает, отвернулся и начал ворчливо отдавать распоряжения в микрофон.

Три дня исследований показали, что город недоступен с воздуха так же, как и из-под земли.

- Есть только один способ пробраться туда, - сказал Хостин. - А именно - пешком через главные ворота.

- Если обитатели города хотели быть в безопасности - спросил Раулинс, - то почему, по крайней мере, одни из ворот они оставили открытыми?

- Может быть для себя, а может они милостиво давали пришельцам шанс. Хостин, вы направили в главные ворота зонды?

Утро было серым. Ветер резкими порывами несся над равниной. Из-за облаков время от времени проглядывал плоский апельсиновый диск.

Нед стоял перед одним из пультов, расположенных в паре километров от внешней стены, и наблюдал, как техперсонал подготавливает аппаратуру. Он чувствовал себя несколько не в своей тарелке.

Даже пейзажи мертвого Марса не угнетали его так, как вид Лемноса. Мир Лемноса - это селение мертвых. Когда-то в Фивах Раулинс вошел в гробницу наместника фараона и, пока остальные туристы рассматривали росписи на стенах, он не отрывал глаз от холодного каменного пола, где лежал мертвый майский жук. И с тех пор Египет остался для него лишь воспоминанием об этом мертвом жуке. Как же вообще такой живой, энергичный и полный человеческого тепла Дик Мюллер мог пойти на добровольное изгнание именно здесь, в печальном лабиринте?

Потом он вспомил, что произошло с Мюллером на Бете Гидры IV, и согласился, что даже у такого человека могли оказаться конкретные причины, чтобы поселиться на Лемносе. Грязное дело, грязное - подумал он. Вечная болтовня, что цель оправдывает средства. Издалека он видел, как Бордман стоит перед основным пультом, дирижирует людьми, которые размещаются веером вдоль стены города. Он начинал понимать, что позволил втянуть себя в какую-то паршивую историю. Бордман, старый хитрый лис, на Земле не вдавался в детали и не объяснил, каким именно способом он намерен склонить Мюллера к сотрудничеству. А тем временем это может оказаться чем-то подлым. Он попросту представил это

поручение как великолепную прогулку. Бордман никогда не углублялся в подробности, пока его не вынуждали обстоятельства, решил Раулинс. Принцип номер один: не разъяснять свою стратегию никому. Таким же образом, как участие в заговоре.

Хостин и Бордман приказали разместить несколько десятков роботов у каждого из входов в лабиринт. Уже ясно, что единственно безопасной дорогой являются северо-восточные ворота, но роботов у них было больше, чем надо, и они хотели получить все возможные данные. Пульт был нацелен только на один участок - Раулинс видел схему этой части лабиринта на экране перед собой и мог следить за всеми тупиками и поворотами. Ему было поручено наблюдать за тем, как там будет пробираться робот, а каждый из пультов контролировал не только человек, но и компьютер, причем Бордман и Хостин следили за ходом операции во всем объеме.

- Пусть входят, - распорядился Бордман.

Хостин отдал приказание, и робот вошел в ворота города. Глядя теперь через объективы робота, Раулинс в первый раз увидел, как выглядит сразу за входом зона "Z". Слева бежала голубая стена, сделанная как бы из блоков фарфора. Справа с массивной плиты свисала занавесь из металлических нитей. Робот миновал этот заслон из нитей, которые задрожали и забренчали, и направился вдоль голубой стены. Дальше стена изгибалась и поворачивала, образуя что-то вроде вытянутого холла без крыши. Во время последней попытки проникнуть в лабиринт - это была четвертая экспедиция на Лемнос - здесь шли двое людей: один из них вошел в "холл" и благодаря этому уцелел, другой остался снаружи и погиб.

Робот вошел в проход. Через мгновение из мозаики, украшающей стену, ударил луч красного света и обвел близлежащее пространство.

В наушнике Раулинс услышал голос Бордмана:

- Мы уже потеряли четырех роботов прямо в воротах. Что с твоим?

- Согласно программе, - доложил Раулинс. - До сих пор все в порядке.

- Скорее всего мы потеряем его в течение шести минут с начала входа. Сколько прошло времени?

- Две минуты пятнадцать секунд.

Робот выглянул из-за стены и быстро двинулся по мостовой. Мостовая разделилась. Одна - каменным мостом в один пролет дугой изгибалась над какой-то полной огня ямой. Над

второй дорогой нависал столб каменных блоков, неустойчиво нагроможденных один на другой. Мост выглядел более безопасным, но робот начал карабкаться на блоки. Раулинс передал вопрос: почему? Робот ответил, что моста вообще не существует. Раулинс вгляделся в изображение прохода по мосту и увидел, как призрак робота поднимается на пролет, потом качается, пытаясь сохранить равновесие. Ловко, подумал Раулинс и содрогнулся.

Тем временем робот перебрался через нагромождение блоков неповрежденным. Прошло три минуты восемь секунд.

Дальнейший путь шел прямо. Это была улица между башнями без окон. В начале четвертой минуты робот миновал светлую решетку и отскочил в сторону, благодаря чему не был размозжен копром в форме зонтика. Восемь минут спустя он обогнул трамплин, ловко избежал удара копий и оказался в желобе, столь длинном, что скольжение, хотя и очень быстрое, заняло сорок секунд. На сорок первой секунде робот выпрыгнул из желоба.

Все это давно уже встретил на своем пути Картиссан, с той поры мертвый. Он продиктовал рапорт об именно таких происшествиях в лабиринте. Он просуществовал в нем пять минут и тридцать секунд, и его ошибка была в том, что он не выскочил из желоба на сорок первой секунде. Но что произошло с ним дальше, не известно.

Раулинс перевел изображение на желоб и увидел: в конце желоба открылась широкая щель и поглотила призрак робота. Тем временем робот осторожно продвигался к чему-то, что могло быть проходом в лабиринт.

Раулинс сказал:

- Мы уже на седьмой минуте и все еще продвигаемся вперед, Чарльз. Прямо перед нами я вижу ворота в зону "G". Не следует ли теперь тебе взять моего робота под контроль?

- Если вы продержитесь еще две минуты, я так и сделаю, - ответил Бордман.

Перед воротами робот задержался. Он включил свой гравитон и создал энергетический шар. Толкнув его в ворота, он подождал, но ничего не произошло. Словно бы успокоенный, робот двинулся к воротам сам. Когда он проходил их, створки внезапно сомкнулись, расплющив его. Экран погас. Человека такая ловушка превратила бы в пыль.

- Мой робот влип, - сообщил Раулинс. - Шесть минут сорок секунд.

- Так, как и предвидели, - послышался ответ. - У нас робот пока продвигается. Переключайся и смотри.

На экране показалась общая картина. Раулинс после недолгих поисков отыскал трассу робота и значок на границе между двумя зонами и убедился, что этот робот пробрался дальше остальных. Так или иначе, но он продолжал путь во второй зоне.

Схема исчезла. Раулинс видел изображение лабиринта. Чуть ли не грациозно этот металлический цилиндр высотой с человека лавировал среди изгибов лабиринта в стиле "барокко", миновал золотистую колонну, от которой доносилась верещащая музыка со странной тональностью, потом световой пруд, наконец, паутину и кучу побелевших костей. Раулинс только мельком заметил эти кости, это были останки человека.

С большим восторгом он следил за путешествием робота. Будто он сам шел там, избегая смертельных ловушек. Шла уже пятнадцатая минута. Вторая зона лабиринта. Видны широкие аллеи, изящные колоннады, длинные галереи. Гордясь ловкостью этого робота и совершенством его датчиков, он перестал волноваться. И потому получил болезненный удар, когда одна из плит тротуара внезапно поднялась, и робот исчез между крутящихся колес какой-то могучей машины.

Следующий робот был направлен через главные ворота - безопасные. Благодаря полученной информации, он избежал всех опасностей и находился сейчас в зоне "G", почти на границе с зоной "F". Робот шел точно тем же путем - тут обходя, там перепрыгивая - и провел в лабиринте восемнадцать минут без последствий.

- Хорошо, - сказал Бордман. - На этом месте погиб Мортенсон. Правда?

- Да, - ответил Хостин. - В последнем его рапорте сообщалось, что он стоит вон там, около пирамиды. Потом связь прервалась.

- Значит, начнем собирать свежую информацию. Мы убедились, наши сведения точны. Входом в лабиринт служат главные ворота. Но сюда...

Робот без программы стал продвигаться медленно, поминутно останавливаясь, чтобы во все стороны раскинуть сеть для сбора данных. Он искал открытые двери, замаскированные отверстия в мостовой, аппаратуру, лазеры, масс-детекторы, источники энергии.

Таким путем он прошел двадцать три метра. Далее робот сообщил, что Мортенсон был раздавлен каким-то катком, приведенным в действие его неосторожным шагом. Далее робот миновал еще две ловушки поменьше, но не смог справиться с дезориентационным экраном, который нарушил работу его механического сознания. И в результате его разрушил удар молота.

- Следующий робот должен будет отключить все свои цепи, пока не пройдет этого места, - проворчал Хостин. - Идти наощупь с отключенным зрением...

- Может, человеку там было бы лучше, чем машине, - заметил Бордман. - Мы не знаем, как этот экран может воздействовать на него.

- Мы еще не готовы высылать туда людей, - напомнил Хостин.

Бордман согласился. В путь отправился новый робот. Хостин посоветовал выслать вторую группу аппаратов для прокладывания пути в лабиринте. Одного робота Хостин послал вперед, остальных задержал для наблюдения. Головной робот, оказавшись в зоне действия дезориентационного экрана, отключил сенсорный механизм. Лишенный связи с окружающим, он не реагировал на пение сирен. Компьютер скорректировал его данные с роковым путем предыдущего робота и рассчитал новый путь. Пару минут спустя слепой робот двинулся вперед под воздействием наружных сигналов. Теперь можно было снова включить сенсорный механизм. Это удалось. Тогда пустили третьего робота с включенной наводящей аппаратурой.

- Порядок, - сказал Хостин. - Раз мы можем провести через преграду машину, значит, сможем провести и человека. Он пройдет с закрытыми глазами, а компьютер будет отсчитывать его шаг за шагом.

Головной робот двинулся дальше. Он преодолел семнадцать метров от экрана, прежде чем его прижала к мостовой серебристая решетка, из которой высунулись два электрода. Раулинс напряженно наблюдал, как гибнет очередной робот. Так и высылали робота за роботом...

А ведь скоро пойдут люди. И мы тоже пойдем.

Он направился к Бордману.

- Как выглядит обстановка? - спросил он.

- Трудная, но не безнадежная, - ответил Бордман. - Не может же вся трасса быть столь опасной.

- А если так?

- Роботов нам хватит. Составим точную карту и будем знать все ловушки. И лишь тогда попробуем сами.

- Ты пойдешь туда, Чарльз?

- Разумеется. И ты тоже.

- И какие шансы, что мы вернемся?

- Большие, - ответил Бордман. - Иначе я бы не занялся этим. Да, не простая прогулка, Нед. Но не стоит пугаться. Мы только приступили к обследованию лабиринта. Пройдет несколько дней, и мы начнем ориентироваться в нем.

Раулинс молчал.

- А ведь у Мюллера не было никаких роботов, - сказал он, наконец. - Каким же чудом он преодолел все это?

- Не знаю, - буркнул Бордман. - Я полагаю, что он счастливчик от рождения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

В лабиринте Мюллер следил за ходом операции на своих экранах. Используя метод проб и ошибок, роботы преодолели зону "X" и часть зоны "G". Он был готов защищаться.

По утрам ему всегда вспоминалось прошлое. Ласковые глаза всегда смотрели в его глаза, руки тянулись к его рукам, он видел улыбки, смеялся, танцевал. Дважды он был женат. И первая, и вторая женитьба завершились без скандалов. Часто путешествовал. Имел дело с королями и министрами. И теперь он чуть ли не наяву ощущал аромат сотен планет. Весной и летом, горя огнем желаний, он считал, что не заслужил для себя такую печальную осень.

Город-лабиринт по-своему заботился о нем. У него была крыша над головой. Он устроил себе ложе из шкур убитых зверей, выстлал его кусками меха, смастерил кресло из шкур и ребер. Город снабжал его водой. С Земли он прихватил необходимые вещи. Три кубика с книгами и с музыкальными записями. Этой духовной пищи хватило бы на его оставшуюся жизнь. Блок для рисунков. Оружие. Масс-детектор. Диагност.

Он питался регулярно. Спал хорошо. Он уже смирился со своей судьбой.

В том, что произошло с ним, он не винил никого. Он сам породил это своей жаждой, своим голодом. Он хотел узурпировать права Господни, и тогда некая неуловимая сила, управ-

ляющая всем, сбросила его с высоты, и ему пришлось жить на мертвой планете в полном одиночестве.

Этапы пути на Лемнос были ему ясны. К двадцати пяти годам он начал достигать того, о чем мечтал. Он завоевал известность в тридцати звездных системах. Десять лет спустя ему грезилась большая политика, что поделаешь, если он поддался на уговоры Бордмана и взялся за миссию на Бете Гидры IV.

В тот год он проводил свой отпуск на системе Тау Кита. Мардук, четвертая из ее планет, использовалась как место отдыха для горняков. Он решил поискать разрядки на Мардуке. Там почти не было времен года. Постоянно царила весна, сушу окружал неглубокий океан. Из этой планеты сделали что-то наподобие Земли в пору ее невинности - повсюду леса и луга, уютные гостиницы. Как правило, Мюллер не любил таких мест. Но, утомленный приключениями, решил провести пару недель на Мардуке в обществе девушки.

Ее звали Марта - высокая, смуглая, с большими темными глазами, со светлыми с голубоватым отливом волосами. Она выглядела двадцатилетней, хотя вообще трудно определить возраст женщины. Мюллеру казалось, что она и правда молоденькая. Что при плавании с электродвигателем, что при перелетах с дерева на дерево, что при охоте с пневматической винтовкой, что в любви - Марта демонстрировала такой восторг, словно все это случилось с ней первый раз в жизни.

Мюллеру не хотелось вникать в эти дела слишком глубоко. Марта была богатой, родилась на Земле и путешествовала везде. Влекомый неожиданным побуждением, он набрал ее номер и договорился о встрече на Мардуке, и она охотно прилетела. Скорее всего она знала, кто такой Мюллер, но ореол славы не имел для нее значения.

Отель, стрельчатая башня, стоял в долине над озером. Они занимали номер на двухсотом этаже, завтракали в башенке на крыше, а на протяжении дня могли тешить себя разнообразными удовольствиями. Неделю они не расставались. Ее маленькие прохладные груди как раз умещались в его ладонях, длинные ноги гибко оплетали его в моменты экстаза. Но на восьмой день прилетел Бордман. И пригласил Мюллера к себе.

- Я на отдыхе, - ответил Мюллер.

- Подари мне полдня своего отдыха.

- Я не один.

- Я знаю. Приглашаю обоих. Немножко прошвырнемся. Это очень важное дело, Дик.

- Я сюда приехал отдохнуть от дел.

- От них не убежишь. И не мне тебе говорить об этом.

Назавтра, ранним утром они с Мартой полетели на аэротакси к отелю Бордмана. Такси летело так низко, что они смогли даже хорошо разглядеть великолепное длинноногое животное, напоминающее козла.

Они совершили три круга над могучим животным и полетели дальше, в низину, где мерцала цепь озер. Около полудня они опустились на опушке. Бордман снял дорогой номер в отеле. В знак приветствия он пожал Мюллеру запястье, а Марту оглядел с бесстыдным интересом.

Марта отнеслась к этому безразлично.

- Проголодались? - спросил Бордман. - Сперва обед, разговоры потом.

Он угостил их янтарным вином. Потом они вошли в капсулу ресторана и вылетели из отеля, чтобы во время обеда любоваться зрелищем озер и лесов. Замкнутые в летящей капсуле, они небрежно наслаждались пищей, питьем, пейзажем. Бордман все великолепно распланировал, чтобы создать соответствующее настроение, но Мюллер знал, что все его старания пойдут насмарку. Он не даст уговорить себя.

Марта скучала. Кольчужка, в которую она была одета, была сконструирована так, чтобы не скрывать, а скорее оттенять ее формы. Бордман оценил демонстрацию. Он был полон готовности пофлиртовать с девушкой, столь доступной с виду, но она игнорировала его заигрывания. Мюллера это забавляло.

После обеда капсула опустилась на берег озера. Стена разошлась. Бордман спросил:

- Может, ваша дама предпочла бы искупаться, пока мы будем говорить о скучных делах?

- Прелестная идея, - ответила Марта.

Поднявшись из кресла, она коснулась защелки на плече, и кольчужка упала. Бордман поднял ее и положил на багажную полку. Она поблагодарила его и пошла к берегу озера. На минуту она остановилась в воде, потом нырнула и принялась сильными размашистыми движениями кружить по поверхности озера.

Бордман спросил:

- Дик, кто она?

- Девушка. Вроде бы довольно молодая.

- Моложе, чем твои обычные пассии. И немножко испорченная. Ты давно ее знаешь?

- С прошлого года. Нравится?

- Разумеется.

- Я скажу ей об этом, - пообещал Мюллер. - Но не сегодня.

Марта уже возвращалась к берегу. Они оба следили за ней. Они казались ровесниками. Но в действительности дело было иначе. Бордман был старше на целое поколение, а Мюллер выше его на целых пятнадцать сантиметров. Знакомы они были лет тридцать.

В определенном смысле они занимались одним и тем же делом - принадлежали к национальному корпусу, который следил за тем, чтобы структура объединенного человечества не разрушалась в пределах Галактики. Мюллер уважал Бордмана за то, каким именно способом тот применял свои таланты на протяжении всей карьеры. Он знал, что Бордман быстр в решениях и лишен сантиментов.

Бордман извлек из кармана туники кубик видеозаписи и поставил перед Мюллером.

- Включи, - попросил Бордман. - Проектор за тобой.

Мюллер вставил кубик в отверстие. Из центра крышки тут же выдвинулся гораздо больший куб. Мюллер увидел какую-то планету. Возможно, это Венера. Регистрирующий глаз проникал через слой облаков. Почва была мокрой, губчатой, на ней росли словно резиновые грибообразные деревья. Трудно было ориентироваться в пропорциях. Неожиданно в этом унылом лесу появились три странные фигуры, высокие, худые, чуть ли не паукообразные, и из узких плеч у них вырастали пучки примерно десяти конечностей, сгибающихся в суставах. Головы у них были конической формы с цепочкой глаз вдоль основания, ноздри - вертикальные отверстия. Рот раскрывался на две стороны. Кроме того, что вокруг них развевались какие-то ленты, завязанные между пучками рук - явные украшения, они были обнажены. Но Мюллер не нашел ничего, что бы говорило об их детородных органах, или о том, что они млекопитающие. Их кожа была серая и шершавая, покрытая чем-то вроде ромбоидальной чешуи.

С поразительной грацией они приблизились к грибообразным деревьям и вскарабкались на них. Каждый встал в самом центре шляпки и вытянул вниз одну из конечностей вроде длинного жала. Она легко вошла в рыхлый ствол дерева. Потом они спустились вниз и вновь зашагали по лесу.

Неожиданно одно из этих существ задержалось и наклонилось, рассматривая грунт под ногами. Пучком рук оно подняло глаз зонда. На экране начался хаос. Неожиданно изображение потемнело и погасло. Глаз был уничтожен. После минуты неспокойного молчания Мюллер сказал:

- Они выглядели весьма убедительно.

- Еще бы, они существуют на самом деле.

- Съемки переданы одним из внегалактических зондов?

- Нет, - сказал Бордман, - это из нашей Галактики.

- Значит, с Беты Гидры IV?

- Да.

Мюллер силой заставил себя не вздрогнуть.

- Могу я еще раз посмотреть это, Чарльз?

- Разумеется.

Мюллер включил проектор.

- Снимки сделаны месяц тому назад, - сказал Бордман. - Зондирующий корбаль мы припарковали на высоте в пятьдесят тысяч метров над Бетой Гидры IV и сбросили на нее тысячу наблюдательных зондов. По крайней мере, половина из них просто упала на дно океанов. И только один передал изображение незнакомых существ.

- Почему вы решили снять карантин с этой планеты?

- Мы считаем, что пора вступить с ними в контакт, Дик. Вот уже десять лет мы крутимся вокруг них и до сих пор не поздоровались. А ведь они - гидряне - и мы являемся единственными разумными существами в нашей Галактике.

- Твои недомолвки не очень-то меня убеждают. Ведь решение Совета осталось неизменным - оставить гидрян в покое еще по меньшей мере лет на сто... Кто решил изменить это решение и почему?

Бордман ухмыльнулся. Но Мюллер знал, что единственный способ добиться чего-либо была фронтальная атака. Бордман пояснил:

- Я вовсе не собираюсь хитрить, Дик. Решение было принято, когда ты был на пути к Ригелю.

- С чем это связано?

- Один из внегалактических зондов доставил нам факты, что в соседней Галактике существует вид высокоразумных существ, подчинивших себе все остальные.

- В каком скоплении?

- Прости, но сейчас я не могу сказать тебе.

- Ладно.

- Достаточно того, что эти существа, если судить по тому, что мы о них знаем, ставят перед нами проблему. У них есть галактические корабли, так что, логически рассуждая, мы можем ожидать их визита в любое мгновение... И когда посещение это произойдет, мы окажемся в весьма нелегкой ситуации.

- Не хочешь ли ты сказать, - спросил Мюллер, - что речь идет о том, чтобы нам установить дружеские отношения с другим видом разумных существ в нашей Галактике до того, как прибудут гости?

- Вот именно.

- Теперь мне следует выпить, - заявил Мюллер.

Бордман указал рукой. Мюллер нацедил себе из крана сосуда крепкий котейль. Он оторвал глаза от Бордмана и взял со стола кубик видеозаписи.

2

Вот уже два столетия человек использовал космос, так и не находя следов собратьев. На небосводе достаточно планетных систем, благодаря которым существует вероятность появления жизни. Процесс планетогенеза не является чем-то необычным, и большинство систем насчитывает от пяти до десяти планет, причем размеры некоторых, масса и целый ряд параметров делают возможным поддержание атмосферы и не мешают эволюции жизни. Определенное количество таких планет находится в доступной зоне, населены живыми созданиями, и эта часть Галактики - сущий рай для зоологов.

И, однако, в быстрой хаотической экспансии за пределы Солнечной системы люди наткнулись на следы некоторых существующих созданий, наделенных разумом. В руинах невообразимо древних цивилизаций звери теперь устраивали логова. На Лемносе и других планетах были найдены развалины городов, пострадавших от атмосферных воздействий. Космос оказался раем и для археологов. Появились новые направления в науке. Люди пытались воссоздать жизнь обществ, исчезнувших до того, как в человеческом сознании родилась концепция пирамиды.

И, однако, какая-то странная гибель настигла все разумные расы Галактики. Очевидно, существовали они так давно, что не сохранились даже их деградировавшие потомки. Ниневия и Тир просто исчезли без следа.

Но Галактика обширна, и человек не прекращает поисков своих космических товарищей, влекомый смесью любопытст-

ва и тревоги. И хотя использование эффектов подпространства сделало возможным быстрые перелеты в любую точку в пределах нашей вселенной, обученного персонала и звездолетов не хватало, чтобы справиться со всей бездной задач, которые возникают при поиске. Столетия назад вторгшись в просторы Галактики, человечество до сих пор делает открытия, причем зачастую сравнительно недалеко от матери Земли. Звезда Бета Гидры IV - это система из семи планет, и было установлено, что на четвертой из них существует вид разумных существ.

Никто еще не высаживался там. Все возможности проникновения старательно изучили, чтобы избежать непредвиденных последствий от поспешного контакта с жителями Беты Гидры IV. Наблюдения производили сквозь слой облаков. Специальная аппаратура замеряла степень активности планеты с поразительной точностью. Установили - энергия, излучаемая Гидрой, достигает нескольких миллионов киловатт в час. Составили карты с обозначением населенных пунктов на планете и высчитали примерную плотность населения. Установили уровень развития промышленности. Гидряне все еще не вышли в космическое пространство. Этому мешал слой облаков вокруг планеты. Трудно надеяться, что существа, не видевшие звезд, мечтали достичь их.

3

Мюллер был посвящен в дискуссии яростных совещаний, которые последовали после обнаружения гидрян. Он знал, почему на них наложен карантин, и если карантин решили нарушить, то по серьезным причинам. Человечество, не будучи уверено в умении установить взаимопонимание с существами другой культуры, явно желало как можно дальше держаться от гидрян. Но теперь ситуация изменилась.

- Как это будет выглядеть? - спросил Мюллер. - Экспедиция?

- Да.

- Когда?

- Очевидно, на следующий год.

Мюллер насторожился.

- Кто будет руководить?

- Может быть и ты, Дик.

- Почему "может быть"?

- А вдруг ты не захочешь.

- Когда мне было восемнадцать лет, - сказал Мюллер, - мы с одной девушкой гуляли в лесу на Земле. Любили друг друга, это было для меня не впервые, но зато впервые, когда это получилось как надо... Потом мы лежали на спине, любуясь звездами, и тогда я сказал ей, что отправлюсь туда, чтобы ходить по этим звездам. Она ответила: "Ох, Дик, как это прекрасно!" Любой юнец говорит так, глядя на звезды. Еще я сказал, что собираюсь наделать открытий, что я знаю, я всегда буду впереди. Я был весьма красноречив. Есть вещи, которые мы способны говорить в восемнадцатилетнем возрасте.

- Есть вещи, которые мы способны делать лишь в восемнадцатилетнем возрасте, - заметил Бордман. - Ну, Дик, теперь тебе пятьдесят, верно? И ты гуляешь по звездам. И тебе кажется, что ты Бог?

- Временами.

- И хочешь отправиться на Бету Гидры IV?

- Ты знаешь, что хочу.

- Один?

Мюллер онемел и немного погодя переспросил:

- Один?

- Мы запрограммировали все это дело и пришли к выводу, что посылка туда нескольких людей была бы грубейшей ошибкой. Гидряне не особенно хорошо относятся к нашим наблюдательным зондам. Мы не можем начать с углубления в их психику, так как ни разу еще не имели дело с чужой психологией. Но нам кажется, что наиболее верным... принимая во внимание как возможные потери в людях, так и шок, каким это могло бы оказаться для совершенно неведомой нам культуры... выслать одного посланца Земля с добрыми целями, умного и крепкого человека, который прошел уже не одну пробу огнем. Возможно, человек этот будет четвертован через тридцать секунд. С другой же стороны, если ему удастся наладить взаимопонимание, то он совершит нечто уникальное в истории человечества. Ты можешь выбирать.

- И каким ты представляешь шансы на успех? - спросил Мюллер.

- Из расчетов вытекает, что есть только один шанс на шестьдесят пять выбраться из этого невредимым, Дик. Не забывай, что планету трудно назвать землеподобной, там требуются приспособления для поддержания жизни. И можно наткнуться на враждебное отношение. Один шанс.

- Самое худшее.

- Я в любом случае не пошел бы при таких условиях, - сказал Бордман.

- Ты нет, а я бы пошел.

Мюллер осушил свой стакан. Выполнение этой миссии означает бессмертную славу. Неудача - смерть. Бывает худший приговор судьбы, чем гибель, когда ты несешь флаг человечества в иные миры.

Вернулась Марта. Она была мокрая и поблескивающая. Груди ее ритмично вздрагивали - небольшие холмики плоти. С тем же успехом она может быть четырнадцатилетней девушкой, подумал Мюллер, глядя на ее узкие бедра и небольшие ягодицы. Бордман протянул ей сушилку. Уже сухая, она сняла с полки свое платье.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

- Вот он, - сказал Раулинс. - Наконец-то!

Объективы робота транслировали изображение человека в лабиринте. Мюллер стоял, скрестив руки на груди. Крупный, загорелый мужчина с выступающим подбородком и широким носом.

Раулинс включил звук и услышал, как Мюллер сказал:

- А, робот, привет! Чего тебе здесь надо от меня?

Робот не ответил. Стоя перед центральным пультом, Раулинс немного наклонился, чтобы лучше видеть. Уставшие глаза подергивались. Они потеряли уже около ста роботов. Но все же им повезло, если учесть, что возможности блуждания по лабиринту были чуть ли не бесконечными. Счастьем этим они были обязаны тому, что умело пользовались помощью, которую оказывал им установленный на корабле компьютер, и, используя целый набор совершенных сенсорных датчиков, избежали наиболее очевидных ловушек. И вот теперь добрались до цели. Раулинс падал от усталости. Он совсем не спал ночь. Хостин отправился спать. Немного позже и Бордман. Несколько членов экипажа несли службу в центре и на борту, но Раулинс был единственным штатским среди них.

Он прикидывал, могло ли обнаружение Мюллера произойти в его дежурство. Скорее всего нет. Бордман заявил бы, что новичок у руля в столь важную минуту все бы испортил. Они

оставили его на дежурстве, и он продвинул робота на несколько метров дальше, и смотрел прямо на Мюллера.

Он присматривался к его лицу.

Но ничего не говорило о страданиях. Мюллер прожил столько лет в одиночестве, неужели это не наложило отпечатка? Однако он увидел спокойное, чуть ли не каменное лицо уравновешенного, сильного, немолодого мужчины. Мюллер поседел, одежда его была потрепана, было видно, что ее уже стирали.

- Что тебе здесь нужно? - спрашивал Мюллер у робота. - Кто тебя прислал? Почему ты не уходишь?

Раулинс не посмел ответить. Он не знал, какой гамбит был запланирован Бордманом на этот момент. И побежал к палатке Бордмана.

Бордман лежал под куполом жизнеобеспечивающей системы. В конце концов лет ему было за восемьдесят - хотя никто бы их ему не дал - а единственным способом борьбы со старостью является подключение на каждую ночь к регенерирующей системе.

Раулинс задержался, смущенный своим вторжением в тот момент, когда старик спал, оплетенный сетью устройств. К его лбу были прикреплены лентой два электрода, которые гарантировали правильную и здоровую работу зон мозга во время сна, очищая сознание от ядовитых субстанций после дневной усталости. Ультразвуковой фильтр очищал от примесей артерии. Концентрации гормонов регулировала причудливая паутина, размещенная на груди. Все это было подключено к корабельному мозгу и контролировалось им. В обрамлении сложной системы жизнеобеспечения Бордман производил впечатление восковой куклы.

Можно ли его сейчас разбудить без опасных последствий? - встревожился Раулинс.

Раулинс предпочитал не рисковать. И включил ближайший аппарат связи с Центром.

- Сон для Чарльза Бордмана, - распорядился он. - Пусть ему приснится, что мы отыскали Мюллера. И что он должен проснуться немедленно. Ну, Чарльз, Чарльз, вставай, ты нам нужен. Ясно?

- Принято к исполнению, - ответил мозг корабля.

Импульс пронесся к Центру, принял форму управляемой реакции и вернулся к палатке. Сообщение проникло в мозг Бордмана.

Бордман шевельнулся.

- Мюллер... - пробормотал он.

И открыл глаза. С минуту он ничего не видел. Но процесс пробуждения уже начался, а система жизнеобеспечения уже достаточно укрепила его организм.

- Нед? - сорвался с его губ хриплый вопрос. - Что ты здесь делаешь? Это мне снилось, что...

- Это не был сон, Чарльз. Я запрограммировал его для тебя. Мы добрались до зоны "А". Нашли Мюллера.

Бордман отключил систему жизнеобеспечения.

- Который час?

- Уже светает.

- Давно ты его нашел?

- Минут пятнадцать. Я отключил робота и сразу примчался к тебе. Но не хотел вырывать тебя из сна...

- Ладно.

Бордман уже вылез из кровати. Он слегка качнулся, вставая.

- Пойдем, - сказал Бордман. - Надо задействовать этого робота. Я хочу поглядеть на Мюллера немедленно.

Пользуясь пультиком у входа в палатку, Раулинс привел робота в действие. Они увидели на экране зону "А" лабиринта, выглядевшую более пустынной, чем окружающие ее зоны. А вот Мюллера видно не было.

- Включи звук, - посоветовал Бордман.

- Уже включен.

- Куда он делся?

- Наверное, вышел за пределы видимости, - сказал Раулинс.

Робот совершил полный оборот, демонстрируя изображения низких кубических домов, стрельчатых арок и многоэтажных стен вокруг. Они заметили пробегающего маленького зверька, похожего на кота, но от Мюллера не осталось и следа.

- Он стоял вон там, - оправдывался Раулинс.

- Отлично. Ведь не будет же он стоять на месте в ожидании, пока ты меня разбудишь. Пусть робот обследует район.

Раулинс подчинился. Опасаясь новых опасностей, он управлял роботом очень осторожно. Неожиданно из-за одного из домов без окон вышел Мюллер и остановился перед роботом.

- Снова? - спросил он. - Воскрес, да? Ты почему ничего не говоришь? Ты с какого корабля? Кто тебя прислал?

- Может быть, нам следует ответить? - спросил Раулинс.

Бордман приблизился прямо к экрану.

- Поразительно, - тихо произнес он. - Это выражение лица Мюллера.

- На меня он производит впечатление совершенно спокойного, - сказал Раулинс.

- Что ты знаешь? Я-то помню этого человека, Нед. Теперь его лицо точно только что из ада. Лицевые кости выступают несравнимо больше. Глаза жуткие. И видишь эти искривленные губы... левый уголок опущен. Может быть, он даже перенес некоторое потрясение. Но держится он неплохо.

Раулинс взволнованно отыскивал следы переживаний на лице Мюллера. Раньше он не мог их заметить и почему-то не мог обнаружить и теперь.

- Нелегко будет выманить его оттуда, - заметил Бордман. - Он не хочет выбираться. Но он нам необходим.

Мюллер, присматриваясь к движениям робота, произнес:

- У тебя тридцать секунд на объяснение, с какой целью ты меня преследуешь. А потом для тебя же лучше будет, если ты вернешься туда, откуда пришел.

- Ты не поговоришь с ним? - спросил Раулинс. - Он уничтожит робота!

- Пусть крошит. - Бордман пожал плечами. - Первый, кто заговорит с ним, должен быть человеком во плоти и крови и стоять с ним лицом к лицу. Только так можно убедить его. Надо завоевать его симпатию, Нед.

- Десять секунд, - произнес Мюллер.

Он извлек из кармана черный металлический шар размером не больше яблока, снабженный небольшим прямоугольным окошком. Мюллер мгновенным движением поднял руку со своим таинственным шаром, направляя окошко прямо в лицо робота.

Экран заволокла тьма.

- Почему-то мне кажется, что мы потеряли еще одного робота.

Бордман поддакнул:

- Именно. Последнего робота, которого нам предстояло потерять. Теперь начинаются потери в людях.

2

Пришло время рисковать людьми. Это было неизбежно, и Бордман не особенно переживал из-за этого. Ведь они в должной мере использовали сперва роботов-разведчиков и спас-

ли этими действиями, по всей вероятности, несколько десятков людей. Но теперь людям наверняка придется гибнуть. Вот уже не один десяток лет он требовал от своих подчиненных готовности именно к такому риску, и смерть неминовала многих. Но и сам он готов был пожертвовать жизнью в соответствующий момент и для соответствующей цели.

Лабиринт был точно обозначен на картах. Бордман, высылая туда роботов, мог рассчитывать до девяносто девяти процентов вероятность того, что они доберутся до зоны "А" в сохранности. И все же, может ли человек пройти по этой трассе с тем же шансом на успех? Лишь это оставалось под вопросом. Даже если компьютер будет давать человеку указания на каждом шагу пути.

И желающие нашлись.

Они знали, что им грозит смерть. Никто не пытался обмануть их, уверяя, что дело обстоит не так. Бордман им сообщил, что для блага человечества надо добиться того, чтобы Мюллер покинул лабиринт по собственному желанию, и наибольший шанс на то, чтобы достичь этого - это лично переговорить с ним, причем это должны сделать лишь определенные люди: Чарльз Бордман и Нед Раулинс, и, значит, они являются личностями незаменимыми. Пусть другие расчистят дорогу Бордману и Раулинсу. Неудача означает новую информацию, а вот удачное достижение центра лабиринта на этом этапе не принесет никакой информации.

Кинули жребий, кому идти первым.

Он выпал на одного из лейтенантов по фамилии Барке, который выглядел достаточно молодо и, скорее всего, был молодым. Невысокий, плотный, темноволосый смельчак вел себя так, словно его можно было заменить не только любым из людей, но даже типовым роботом.

- Когда я отыщу Мюллера, - заявил он, - я скажу ему, что я археолог. И спрошу, не имеет ли он ничего против того, чтобы туда пришли несколько моих коллег.

- Хорошо, - сказал Бордман, - но только помни, что чем меньше ты будешь говорить с ним по специальности, тем меньше это может вызвать подозрений.

Барке не должен был дожить до беседы с Мюллером. Но на прощанье он помахал рукой и исчез в лабиринте. Аппаратура в ранце соединила его с мозгом корабля.

Уверенно и спокойно он преодолел страшные ловушки в зоне "Z". Он не нес с собой аппаратуры, которая помогла роботам обнаружить всякие скрытые ловушки. Однако он обла-

дал кое-чем иным, чего недоставало роботам, а именно - полным знанием о ловушках, собранным ценой гибели множества механизмов. Бордман на экране уже видел пилоны, проходы и переходы, мосты, груды костей и обломки роботов.

На путь от зоны "X" до зоны "G" потребовалось около сорока минут. Преодолев эту трассу, Барке не проявил никакой радости. Зона "G" грозила опасностями. Он отсчитывал шаги, сворачивал и напрягался. Держался браво. Но что поделаешь, если компьютер не смог предостеречь его о небольшом, невероятно зубастом звере, который притаился на золотистых поручнях на расстоянии сорока метров от ворот зоны "G".

Опасность случайная, непредвиденная. А Барке располагал знаниями о происходящем лишь на основе тех попыток, которые проводились на этом участке.

Хищник этот был не больше крупного кота. Обзорное устройство за спиной Барке заметило, как он прыгнул, но было слишком поздно. Прежде чем Барке успел наполовину обернуться, бестия уже оказалась у него на плечах и подбиралась к горлу.

Пасть распахнулась широко. Ряды острых как иглы зубов выглядели поразительно. Зверь сомкнул пасть.

Барке покачнулся и упал вместе с нападавшим. Хлынула кровь. Человек и зверь дважды перевернулись на тротуаре, коснулись какого-то скрытого источника энергии и исчезли в клубах дыма.

Вскоре после этого Бордман заметил:

- Значит, есть кое-что новое, о чем следует помнить. Ни один из этих зверей не бросился на робота. Людям придется брать с собой детекторы живой массы и идти группами.

Так и сделали. Дорогой ценой они заплатили за этот приобретенный опыт, но теперь они знали, что в лабиринте им противостоит не только изощренность древних инженеров. Двое людей, Маршалл и Патронелли, вошли теперь в лабиринт, снабженные детекторами живой массы. Благодаря этому они без труда уничтожили четырех животных.

В глубине зоны "G" они подошли к месту, где был установлен дезориентирующий экран, который действовал так, что все устройства для сбора информации оказались бесполезными.

На каких принципах он действует? Земные дезориентаторы влияют непосредственно на сознание. Но этот экран не такой: невозможно атаковать нервную систему робота, какой

бы смысл ни вкладывали в это понятие. Его зрительная аппаратура воспринимает лишь то, что его окружает. Однако то, что роботы наблюдали там, никак не соответствовало истинному геометрическому строению того места. Другие роботы, размещенные вне зоны действия экрана, передавали изображение совершенно иное и, без сомнения, более достоверное. Из этого вытекало, что экран работал на каком-то оптическом принципе, ограничиваясь изображением близлежащего участка, изменял его, вводя хаос в нормальную конфигурацию. Любой орган зрения должен видеть полностью убедительную картину, хотя и не соответствующую действительности, и не имеет значения, человеческий ли мозг воспринимает ее или же машина, лишенная разума. Ни одним из способов нельзя было узнать, какие формы примет лабиринт для Маршала и Патронелли, когда они подвергнутся действию экрана. Самое большее, они могли рассказать о том, что видят.

Они слушались указаний компьютера.

- Боюсь, что в любую минуту одно из этих лезвий упадет и разрубит меня пополам, - сказал Патронелли.

Но никаких лезвий там не было. После прохождения тротуара они послушно свернули под молот. Но молота тоже не было. С неудовольствием они воздержались от того, чтобы не взобраться на лестницу, выложенную мягкими подушками и ведущую к глазнице экрана. Лестницы тоже не было.

- Самое правильное, - заметил Бордман, - если бы они шли с закрытыми глазами.

- Они говорят, что это было бы для них слишком страшно.

- А что лучше: не иметь никакой информации или иметь информацию ложную? - спросил Бордман. - Ведь советы компьютера они могут слушать и не открывая глаз.

Патронелли вскрикнул. На одной половине экрана Бордман увидел действительную картину, прямой кусок дороги, на другой же - иллюзию: неожиданно полыхнувшие из-под ног Маршалла и Патронелли языки пламени.

- Спокойно! - рявкнул Хостин. - Огня там нет!

Патронелли, изогнувшийся к прыжку, услышав это, со страшным усилием опустил ногу на тротуар. Маршалл не отличался такой быстрой реакцией. Прежде, чем он услышал крик Хостина, он повернулся, чтобы миновать огонь, в растерянности несколько отступил влево и остановился лишь после этого. Он стоял, сдвинувшись на несколько сантиметров за пределы безопасной трассы. И неожиданно из одной из плит вылетел моток провода, который оплелся вокруг его ног,

впился в кожу, мышцы, кости и отрезал ступни. Падающего Маршалла пронзил и прибил к стене золотистый прут.

Патронелли, не оглядываясь, счастливо преодолел столб огня, сделал еще несколько шагов и остановился в безопасности, за пределами действия экрана.

- Дейв? - спросил он. - Дейв, с тобой ничего не случилось?

- Он сбился с курса, - сказал Бордман. - Это был быстрый конец.

- А мне что делать?

- Отдохни. Успокойся и не пытайся идти дальше. Я высылаю к тебе Честерфильда и Уолкера. Жди их там.

Патронелли весь содрогался. Бордман посоветовал мозгу корабля сделать ему успокаивающий укол.

Уолкеру и Честерфильду потребовался час, чтобы добраться до того места. Зону действия экрана они проходили с закрытыми глазами и потому не очень спешили. Патронелли за это время успокоился... Все трое двинулись вглубь лабиринта.

3

Неду Раулинсу казалось, что самые длинные дни в своей жизни он пережил четыре года назад, летя на Ригель. Однако сейчас он убедился, что дни на Лемносе тянутся для него значительно дольше. Все-таки ужасно стоять перед экраном и смотреть, как гибнут отважные мужчины.

И все же они выиграли битву за лабиринт. К этому времени в него вошли четырнадцать человек. Четверых из них настигла смерть. Уолкер и Патронелли разбили лагерь в зоне "F", трое преодолели дезориентирующий экран в зоне "G". Поскольку фактически зоны "E" и "F" были уже покорены, то добраться туда, где их ждал равнодушный и неприступный Мюллер, не представлялось сложным.

Раулинс думал, что он уже изучил лабиринт в совершенстве. Правда, не лично. Он и Бордман должны были стать наследниками тяжело приобретенного опыта, когда придет их срок.

Минута эта приближалась.

Однажды Раулинс стоял вместе с Бордманом у песчаного вала. За две недели их пребывания на Лемносе погода изменилась. Стояла туманная неприятная пора года. Раулинс уже почти не мог дождаться пробы своих сил среди опасностей

лабиринта. Он ощущал пустоту, напрасность стремлений, которые выросли из нетерпеливости и стыда.

Тем временем на экранах они наблюдали прогулки Мюллера по зоне "А". Кружащие там роботы держали его под постоянным контролем, отмечая его передвижения. С тех пор, как Мюллер встретил первого робота, он не покидал зоны "А". Однако, каждый день он менял свое местонахождение, переселяясь из дома в дом, так, словно не хотел спать в одном месте два раза. Бордман позаботился о том, чтобы ни один робот не попадался ему на глаза. У Раулинса часто создавалось впечатление, что старый хитрец руководит охотой на какого-то необычного, очень осторожного зверя.

- Мы отправимся туда сегодня после полудня, Нед. Переночуем в главном лагере. Утром отправимся к Уолкеру и Патронелли в зону "Е". А потом уже ты дойдешь до самого центра и отыщешь Мюллера.

- А ты зачем идешь, Чарльз?

- Чтобы помогать тебе.

- Но ведь ты и так сможешь находиться в контакте со мной, - заметил Нед. Тебе нет необходимости рисковать.

Бордман задумчиво потер подбородок.

- Дело тут состоит к сведению риска до минимума, - пояснил он.

- Как это?

- В случае каких-либо трудностей мне пришлось бы спешить с помощью. Я предпочитаю на всякий случай ждать в зоне "F", чем добираться до тебя снаружи.

- А какого рода трудности могут возникнуть передо мной?

- Мюллеровское упрямство. Очень трудно найти доводы, убедившие бы его сотрудничать с нами, и он не из тех людей, с кем легко договориться. Я помню его с тех времен, когда он вернулся с Беты Гидры IV. Покою от него нам не было. Собственно, он и до этого никогда не был уравновешенным. Он имел право быть разобиженным на весь мир. Но хлопот с ним... Он - как птица, приносящая несчастье. Тебе еще придется намучиться с ним.

- В таком случае, может ты пойдешь со мной?

- Исключено, - возразил Бордман. - Если он только узнает, что я нахожусь на этой планете, мы от него ничего не добьемся. Ведь это я отправил его к гидрянам. В результате я виноват, что он ушел из мира и спрятался в одиночестве. Если бы я ему показался, он, скорее всего, убил бы меня.

Раулинс содрогнулся от этой мысли.

- Нет. Не мог он настолько сделаться дикарем.

- Ты его не знаешь. Не знаешь, каким он был. Насколько он переменился.

- Если он такой холодный и равнодушный, как же можно вызвать в нем симпатию к кому-либо?

- К нему отправишься ты. Искренний, заслуживающий симпатии. Тебе не придется притворяться. Ты скажешь ему, что прибыл сюда с археологической экспедицией. Не проговорись, что мы с самого начала знали о нем. Скажи, что мы знаем это с той минуты, как на него наткнулся робот... и ты узнал его, поскольку помнишь его с тех времен, когда он дружил с твоим отцом.

- Мне упомянуть об отце?

- Конечно же! Представься ему. Это единственный способ. Скажи, что твой отец погиб, а это твоя первая космическая экспедиция. Пробуди в нем сочувствие.

- Не сердись на меня, Чарльз, но я должен признаться тебе, что все это мне совершенно не нравится. Вся эта ложь.

- Ложь? - глаза Бордмана загорелись. - Разве ты не сын своего отца, и это не первая твоя миссия?

- Но ведь я же не археолог.

- Ты бы предпочел сказать ему, что мы прибыли сюда в поисках Мюллера? Подумай о нашей цели, Нед!

- Ладно. Цель оправдывает средства. Мы прилетели сюда, чтобы уговорить Мюллера сотрудничать с нами, так как кажется, что лишь он может избавить нас от опасности, - произнес Раулинс безразлично. - Так что мы вправе прибегнуть к любым способам.

- Вот именно. И не смейся, как идиот.

- Прости, Чарльз. Но мне неприятно, что придется врать Мюллеру.

- Он нам нужен.

- Я понимаю, Чарльз.

- Ты нам тоже нужен. Сам я, увы, не могу сделать это. В его глазах я - чудовище. А к тебе он может отнестись с симпатией. Ты - сын его друга.

- Врать ему, чтобы он дал согласие.

- Перестань, Нед.

- Продолжай, что мне дальше делать?

- Постарайся с ним подружиться. Не торопись. Пусть ему захочется, чтобы ты навещал его.

- А что если мне станет дурно от его присутствия?

- Попытайся скрыть это от него. Это наиболее трудная часть твоего задания.

- Самая трудная часть - это ложь.

- Это ты так считаешь. Приложи все усилия, разговори его. Дай ему понять, что ты тратишь время, которое должен был бы посвятить научной работе, и то эти болваны, эти сукины сыны, руководители экспедиции, не хотят, чтобы ты имел с ним что-либо общее, но ты его любишь, ему сочувствуешь, и для них же будет лучше не вмешиваться.

- Мне упомянуть о другой Галактике? - спросил Раулинс.

- Вскользь. Время от времени упоминай, чтобы дать ему пищу для размышлений. Но не слишком часто. И не намекай, что он нам нужен, понял? Если он сообразит, что мы хотим его выманить, нам конец.

- Но каким образом я должен уговорить его покинуть лабиринт без объяснений того, зачем мы хотим, чтобы он вышел?

- Об этом я еще не думал, - произнес Бордман. - Я дам тебе указания позже.

- Я понимаю, что ты подразумеваешь. Ты собираешься заставить меня произнести ложь, так что просто боишься сказать об этом сейчас, потому что тогда я просто откажусь от этой затеи.

- Нед...

- Извини. Но зачем нам выманивать его оттуда уловками? Мы можем сказать ему, что человечество нуждается в нем.

- Ты считаешь, что это этично?

- Это как-то чище. Возьмем его силой, в конце концов.

- Недостаточно, - заявил Бордман. - Это слишком рискованно. Он может попытаться покончить с собой.

- Надо произвести парализующий выстрел, - предложил Раулинс, - а потом спящего вынести из лабиринта.

Бордман покачал головой.

- На то, чтобы познакомиться с лабиринтом, он имел девять лет. Мы не знаем, каким штучкам он здесь научился. Пока он там, я не отважусь ни на одно действие, направленное против него. Это слишком ценный человек. Может быть, он запрограммировал какое-нибудь устройство, и весь город взлетит на воздух, если кто-то вздумает прицелиться в него. Он должен выйти добровольно.

- Я тебе кажусь чертовски незрелым, Чарльз?

- Тебе можно совершать ошибки, - ответил Бордман.

- Ты веришь, что существует некое космическое зло во всех проявлениях вселенной?

- Я бы сформулировал это не так. Вселенной не управляют ни силы зла, ни силы добра. Вселенная - это огромная машина. Когда мы выслали Мюллера к гидрянам, мы были вынуждены послать его. А они сделали так, что Мюллер вернулся не таким, каким был. Он был затянут в машину Вселенной и перемолот. Теперь происходит другое соприкосновение частей Вселенной, и мы вынжудены пропустить Мюллера через мясорубку еще раз. Если мы не перехитрим Мюллера, может случиться, что мы приведем в действие какие-то новые узлы машины, которые уничтожат все человечество... Я хочу, чтобы ты сделал кое-что неприемлемое ради более высокой цели. Ты не хочешь делать этого, но твои моральные принципы не обязательно являются наиболее важным фактором. Во время войны солдат убивает, поскольку окружающий мир ставит его в такую ситуацию. Это может оказаться несправедливая война, или может случиться, что он поймает на мушку собственного брата, но, тем не менее, война - это реальное событие, и он вынужден в нем играть свою роль.

- Но где же тогда место для свободы воли в твоей механизированной Вселенной, Чарльз?

- Для нее нет места.

- Значит, у нас нет выбора?

- Мы достаточно свободны, чтобы повертеться на крючке.

- И ты всегда так воспринимал это?

- Почти всю жизнь.

- Даже когда был в моем возрасте?

- Еще раньше.

Раулинс отвел глаза.

- Наверное, ты полностью неправ, - сказал он, - но я не стану тратить сил, чтобы объяснить тебе это. У меня не хватит слов. Впрочем, ты и не стал бы меня слушать.

- Боюсь, что я выслушаю тебя, Нед.

Раулинс попытался улыбнуться.

- Но как же я смогу жить в гармонии с самим собой, если заставлю Мюллера покинуть свою скорлупку?

- Сам увидишь, как. Ты обнаружишь, что поступил верно. В эту минуту тебе кажется, что душа твоя будет загублена навсегда, но ты не прав.

- Посмотрим, - тихо сказал Раулинс.

Бордман сейчас, - подумал он, - вроде бы даже более скользкий, чем обычно, поскольку ударился в свой наставнический тон. Умереть в лабиринте - единственный способ избежать растворения среди этих неясностей.

Раулинс еще раз посмотрел на экран.

- Ну что ж, пора идти, - произнес он. - А то мне от этого ожидания скоро будет тошно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Мюллер увидел, как они приближаются, и не мог понять, почему, несмотря на все, он чувствует себя спокойно. На обзорных экранах он мог видеть людей, разбивающих лагерь. Он не мог различить их лиц и не знал, чем они там занимаются. Он насчитал их около десятка.

У него было много возможностей. Он мог затопить, если бы захотел, зону "Е" водой из акведука. Однажды он случайно учинил это, и город почти целиком ликвидировал последствия. Те люди, которые не утонут, в панике попали бы в другие ловушки. Он мог воспользоваться и другими штучками.

И все-таки он ничего такого не сделал. Он знал, что причиной его бездеятельности является по сути дела желание вырваться из этой изоляции. И как бы он ни ненавидел людей, он все же позволял им прокладывать путь. Теперь встреча была неминуемой. А вот сможет ли он снова пребывать среди людей?

Он провел несколько месяцев среди гидрян, а потом, понимая, что не сможет ничего добиться, сел в капсулу и полетел туда, где его ждал корабль.

На корабле он произвел манипуляции, которые должны были вернуть его на Землю. Когда он увидел на отполированной поверхности свое отражение, оно поразило его. Он заметил на своем лице новые морщины, которые не удивили его, а вот странные чужие глаза насторожили. Мышечное напряжение, подумал он. Он кончил программировать свое возвращение и отправился в лечебное помещение, где заказал микстуру "ДП-40" для нервной системы, горячий душ и хороший массаж. Когда он вышел оттуда, глаза его так и остались странными, а кроме того начался нервный тик. От тика он избавился довольно легко, а вот глаза такими и остались.

Собственно, в них нет выражения, сказал он себе. Такое впечатление производят веки. Мои веки набрякли из-за того, что мне так долго пришлось дышать замкнутым в скафандре.

Это пройдет. У меня было несколько трудных месяцев, но теперь все позади.

Корабль пил энергию от ближайшей звезды. Указатели шевелились в ритме работы подпространственных двигателей, и Мюллер в своем корабле был выброшен из мира Гидры на одну из самых коротких трасс. Но, несмотря на перемещение в подпространстве, какое-то абсолютное время должно было пройти, пока корабль как игла пронзал континуум. Мюллер читал, спал, слушал музыку и забавлялся сексатором, когда в нем возникало такое желание. Он говорил себе, что лицо его только кажется застывшим, но после возвращения на Землю ему, наверное, не помешает небольшое преображение. Эта экспедиция оказалась такой, что он постарел на несколько лет.

Делать ему было нечего. Корабль вышел из подпространства на расстоянии ста тысяч километров от Земли. Зажглись контрольные огоньки на пульте связи. Ближайшая станция космического движения требовала, чтобы он сообщил свои координаты. Он приказал мозгу корабля передать надлежащие сведения.

- Выровняйте скорость, мистер Мюллер, - попросил диспетчер движения, - и мы пришлем к вам пилота, который доставит вас на Землю.

И этим тоже занялся мозг корабля.

Перед глазами Мюллера возник шар службы контроля движения. Достаточно долго он плавал перед ним, пока корабль не догнал его.

- У нас для вас сообщение, переданное с Земли, - сообщил диспетчер. - Говорит Чарльз Бордман.

- Давайте, - сказал Мюллер.

Экран заполнило лицо Бордмана. Лицо розовое, свежевыбритое. Бордман улыбнулся и протянул руку.

- Дик, - сказал он. - Господи, какая радость, что я тебя вижу!

Мюллер включил осязательный аппарат и сквозь экран пожал запястье руки.

- Привет, Чарльз. Один шанс из шестидесяти пяти, верно? Ну, так я возвращаюсь.

- Что мне передать Марте?

- Марте? - Мюллер задумался. Ага, это та голубоволосая девушка... узенькие бедра и остренькие грудки. - Да, передай ей привет. Скажи, что мне было бы приятно увидеться с ней

сразу после посадки. Сексаторы не доводят до такого безумия.

Бордман фыркнул от смеха, словно услышал шикарную шутку. Потом резко изменил тон и спросил:

- Хорошо получилось?

- Безрезультатно.

- Но ты наладил контакт?

- Пожил среди гидрян, конечно же. Они меня не убили.

- Но относились враждебно?

- Меня не убили.

- Да, но...

- Но я все-таки жив, Чарльз. - Мюллер почувствовал, что снова начинается нервный тик. - Я не научился их языку. Не знаю, как они меня восприняли. Казалось, они проявляли интерес. Долгое время они внимательно присматривались ко мне, но не произнесли ни слова.

- Может, они телепаты?

- Я не знаю, Чарльз.

Бордман какое-то время молчал.

- Что они с тобой сделали, Дик?

- Ничего.

- Не сказал бы.

- Я просто устал от полета, - заявил Мюллер. - Но в хорошей форме, разве что немножко перенервничал. Я хочу дышать нормальным воздухом, пить настоящее пиво, и мне было бы приятно оказаться в постели не одному. Тогда все бы стало великолепно. А позже, может, я и предложу какой-нибудь способ установления контактов с гидрянами.

- Это настроение отражается на твоем радио, Дик.

- Что?

- Тебя слышно слишком громко, - пояснил Бордман.

- Это вина трансляционной станции. Черт побери, Чарльз, что общего имеет это с настроением?

- Не спрашивай меня, - ответил Бордман. - Я только пытаюсь понять, что это ты так раскричался на меня.

- Я не кричу! - крикнул Мюллер.

Вскоре после этого разговора с Бордманом он получил сообщение с контрольной станции, что пилот готов и - ждет разрешения взойти на корабль. Он открыл люк и впустил на борт этого человека. Пилот оказался молодым блондином с орлиным носом и светлой кожей. Снимая шлем, он сказал:

- Меня зовут Лес Кристиансен, мистер Мюллер, и я хочу, чтобы вы знали, что я горжусь и считаю за честь сопровож-

дать первого человека, который посетил расу чужих существ. Надеюсь, я не нарушу предписаний, касающихся служебной тайны, если скажу, что мечтаю хоть немного услышать об этом, пока мы будем спускаться. Если вы не сочтете это за навязчивость, то я был бы счастлив, если бы вы рассказали хоть о некоторых... необычных впечатлениях... из вашего... вашего...

- Пожалуй, я могу рассказать не очень-то много, - вежливо отозвался Мюллер. - Прежде всего, вы видели запись с гидрянами? Я знаю, что ее должны были демонстрировать, но...

- Вы позволите, мистер Мюллер, если я присяду на минутку?

- Милости прошу. Вы их видели... это высокие худые создания с плечами...

- Мне как-то не по себе, - сказал Кристиансен. - Не могу понять, что это со мной. - Его лицо пошло красными пятнами, капельки пота заблестели на лбу. - Наверное, я расхворался...

Он упал в кресло и скорчился, закрыв голову руками. Мюллер беспомощно огляделся. Потом вытянул руку и взял пилота за локоть, чтобы довести до медицинского кабинета. Кристиансен дернулся, словно к нему прикоснулись раскаленным железом. При этом он потерял равновесие и свалился на пол кабины. И стал отползать как можно дальше от Мюллера. Сдавленным голосом он спросил:

- Куда мне?

- Вон в те двери.

Он поспешил в туалет и закрылся. Мюллер к своему удивлению услышал, как того вытошнило, и потом он долго откашливался. Мюллер хотел уже сообщить на станцию контроля, что пилот захворал, но дверь приоткрылась, и Кристиансен пробормотал:

- Вы не могли бы подать мне мой шлем?

Мюллер протянул ему шлем.

- Мне очень жаль, что на вас это отразилось таким образом. Надеюсь, я не приволок с собой какую-либо заразу.

- Я не болен. Я просто чувствую себя паршиво. - Кристиансен надел шлем. - Не понимаю. Но охотнее всего я сжался бы в комочек и поплакал. Прошу вас, выпустите меня, мистер Мюллер! Это так страшно...

Он выскочил из корабля. Мюллер смотрел, как он несется к недалекой станции.

Потом включил радио.

- Пока что не присылайте другого пилота, - сказал он диспетчеру. - Кристиансен как только снял шлем, сразу заболел. Может, я чем-нибудь заразил его. Это надо проверить.

Диспетчер согласился. Он попросил, чтобы Мюллер прошёл в медицинский кабинет, настроил диагностат и передал данные. Потом на экране Мюллера появилось важное темно-шоколадное лицо врача станции контроля движения.

- Это очень странно, мистер Мюллер, - сообщил он.

- Что именно?

- Данные вашего диагностата проанализировал наш компьютер. Нет никаких необычных симптомов. Я подверг проверке Кристиансена, и тоже ничего не понимаю. Он говорит, что чувствует себя уже хорошо. Он мне сказал, что в ту минуту, как увидел вас, его охватила сильная депрессия, которая немедленно перешла во что-то вроде метаболического паралича. Это значит, что эта тоска полностью лишила его сил.

- И часто с ним бывают такие приступы?

- Никогда, - ответил доктор. - Я хотел бы в этом разобраться. Я могу сейчас посетить вас?

Доктор не скулил и не жаловался. Но надолго не задержался, и когда отлетел от корабля Мюллера, лицо его было мокрым от слез. Он был не менее растерян, чем Мюллер. Двадцать минут спустя появился новый пилот. Он не снимал шлема, скафандра и немедленно начал программировать корабль на приземление. Он сидел за пультом выпрямившись, повернувшись к Мюллеру спиной, и не произнес ни слова, словно Мюллера вообще не было. С окаменевшим лицом и плотно сжатыми губами он слегка качнул головой в знак прощания и выскочил из корабля. Наверно, я страшно мерзко пахну, подумал Мюллер, если он смог почувствовать этот запах даже сквозь скафандр.

Посадка прошла нормально.

2

В межпланетном порту Мюллер быстро прошел через имиграционную камеру, исследованный компьютерной системой уже сотни раз. Рассеялось опасение, что диагностат обнаружит в нем какое-либо заболевание. Он прошел сквозь нутро этой машины, и когда он, наконец, вынырнул из нее, то звонки не зазвенели, табло не заполыхало. Пропущен. Он поболтал с роботом в Бюро направлений. Бумаги его были в порядке. Щель в стене разошлась до размеров двери. Он уже

мог выйти и в первый раз с момента посадки встретиться с другими людьми.

Бордман прилетел с Мартой, чтобы приветствовать его. В толстом сари он производил весьма солидное впечатление, пальцы его украшали множество перстней. Марта красовалась коротко остриженными волосами темно-зеленого цвета, подсеребренными глазами и была похожа на искрящуюся статуэтку. Мюллеру, который помнил ее голой и мокрой, выходящей из хрустального озера, эти перемены не понравились. Он прикинул, в его ли честь она так нарядилась - ведь это Бордман любил, чтобы у женщины была эффектная внешность. Скорее всего эти двое были вместе, пока он отсутствовал.

Бордман взял Мюллера за запястье, но рукопожатие через пару минут ослабло.

- Как мне приятно вновь видеть тебя, Дик, - произнес он без уверенности в голосе и отступил на пару шагов.

Марта вошла между ними и прижалась к Мюллеру. Он обнял ее. Ее глаза, когда он в них заглянул, были полны блеска, и его ошеломили отражающиеся в ее зрачках образы. Ее ноздри раздулись. Он чувствовал, как напряглись мышцы под кожей. Она попыталась освободиться.

- Дик, - шепнула она, - я молилась о тебе каждую ночь. Ты даже представить не можешь, как я тосковала.

Она вырывалась все решительнее. Он притянул ее к себе. Ее ноздри раздулись, ноги задрожали, и он испугался, что она упадет.

Она отвернула голову.

- Дик, мне так странно... От этой радости, что я тебя вижу, все перепуталось. Отпусти меня, мне нехорошо.

- Да, конечно же. - Он отпустил ее.

Бордман нервно стирал пот с лица и проглотил какое-то успокаивающее лекарство. Мюллер никогда раньше не видел его в таком состоянии.

- Ну, а что, если мне бросить вас обоих, а? - предложил Бордман. - Эта погода что-то нехорошо на меня подействовала.

И он убежал. Теперь только Мюллер почувствовал, как его охватывает паника.

- Куда нам ехать? - спросил он.

- Транспортные коконы рядом с залом. Снимем номер в портовой гостинице. Где твой багаж?

- Еще на корабле, - ответил Мюллер. - Можем подождать.

Марта прикусила уголок нижней губы. Он взял ее под руку. Ну, мысленно подгонял он Марту, скажи мне, что ты плохо себя чувствуешь.

- Зачем ты остригла волосы? - спросил он.

- Разве я не нравлюсь тебе с короткими волосами?

- Не особенно. - Они сели в кокон. - Они были длинными и очень голубыми, как море в ветреный день.

- Я старалась выглядеть красивой для тебя.

- Зачем ты закусываешь губу?

- Что?

- Ничего. Мы приехали. Номер уже зарегистрирован?

- Да, на твое имя.

Они вышли, спустились этажей на пятьдесят, чуть ли не самый последний. Трудно было выбрать лучше, подумал Мюллер. Они вступили в отведенную им спальню. Свет был притушен. Мюллер вспомнил, как вынужден был довольствоваться сексаторами, и почувствовал тяжесть в низу живота. Марта обогнула его и скрылась в соседней комнате. Он разделся.

Она вернулась обнаженной. Нарочитой косметики уже не было, а волосы вновь стали голубыми.

- Так ты выглядишь намного лучше. У гидрян то ли пять полов, то ли ни одного. Я так точно и не понял. Однако мне кажется, что как бы они этим ни занимались, люди находят больше удовольствия. Что ты остановилась там, Марта?

Она молча приблизилась. Одной рукой он обнял ее за плечи, в другую поместил округлую грудь. Раньше, когда он это делал, то ощущал, как твердеет от желания ее сосок под ладонью. Сейчас же она чуть подергивалась как испуганный жеребенок. Губы ее тоже оказались сухими, напряженными, враждебными. Он усадил ее на кровати. Она вопреки своему желанию пыталась ласкать его.

В ее глазах он увидел страдание.

Она отодвинулась от него и упала на подушки. Он видел ее лицо, перекосившееся от с трудом сдерживаемой муки.

- Возьми меня, Дик, - произнесла она. - Ну скорей же!

- Тебе так не терпится? Правда?

Она хотела взвалить его на себя. Он высвободился и сел. Красные пятна заливали ее лицо и спускались на плечи, по щекам текли слезы.

- Скажи мне, что с тобой, Марта?

- Не знаю.

- Ты ведешь себя так, словно заболела.

- Наверно.

- Когда тебе стало нехорошо?

- Зачем эти вопросы? Милый, иди же ко мне!

- Но ведь тебе не хочется. Ты делаешь это от доброты сердечной.

- Я хочу, чтобы ты был счастлив, Дик. Дик, я же тебя предупреждала насчет экспедиции. Говорила, что я могу предвидеть будущее. Что тебя там может ждать что-то плохое, но не обязательно смерть.

- Скажи мне, где болит?

- Не могу... не знаю...

- Ложь. Когда это началось?

- Сегодня утром. Едва я встала.

- Еще одна ложь. Я должен знать правду.

- Возьми меня, Дик, не заставляй меня дольше ждать. Я...

- Что?

- Уже не могу это вынести.

Она вскочила с постели и принялась тереться об него, как кошка.

Он схватил ее за кисти рук.

- Скажи, чего ты больше не можешь выносить, Марта?

Она сжала зубы. Он сжимал ее руки все сильнее. Она откинулась назад, так что голова ее свисла, а груди целились в потолок. Теперь она вся была мокрая от пота. Растревоженный, жаждущий, он настаивал:

- Скажи, чего ты не можешь вынести?...

- Твоей близости, - призналась она.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

В лабиринте было намного теплее, чем на равнине. Наверное стены и экран не пропускают ветра, подумал Раулинс.

Сверни влево... три шага... поставь правую ногу у той черной полоски на тротуаре... полный поворот на девяносто градусов вправо... еще раз...

Это несколько напоминало детскую игру в "классы". Только что здесь игра шла на более высокие ставки. Следи за

каждым своим шагом, чувствуя, как смерть идет по пятам. Что за люди выстроили этот город? Он увидел луч энергии, пересекающий ступени перед ним. Компьютер приказал ему задержаться. Раз, два, три, четыре, пять... Иди!

По другую сторону этой преграды он остановился и повернулся. Бордман, хотя и старше его, догонял его, помахал ему рукой и подмигнул. Сейчас ему предстояла та же ловушка. Он уже миновал место, в котором вспыхивал энергетический луч.

- Передохнем минутку? - спросил Раулинс.

- Не относись с такой снисходительностью к старому человеку, Нед. Не задерживайся, я еще не устал.

- У нас трудный участок впереди.

- Вот и нечего рассиживаться.

Раулинс просто не мог смотреть на эти кости. Существа разных видов встретились тут со смертью.

Яркий свет вспыхивал множество раз в секунду. Бордман, идущий на расстоянии пяти метров за Раулинсом, превратился в зловещий призрак, дергающийся в конвульсиях. Оглянувшись, Раулинс был вынужден махнуть перед глазами рукой, чтобы увидеть эти сдержанные движения.

Он слышал голос компьютера:

"Пройди десять шагов и остановись. Раз, два, три. Пройди десять шагов и остановись. Быстрее пройди до конца платформы".

Здесь, в зоне "Х" кошмары подстерегали почти везде, и у него путалась лишь их очередность. Может быть, это здесь блок, весящий тонну, падает на неосторожных? А стены что, сжимаются? А где мост, который ведет в озеро огня?

Если исходить из средней продолжительности жизни человека, он мог бы прожить еще двести пять лет. Он хочет жить как можно дольше.

2

Зверь с длинными зубами сидел на пороге дома напротив них. Бордман отцепил от своего пояса оружие и включил автоматический прицел, установив его на тридцать килограмм массы в радиусе пятидесяти метров.

- Не промахнусь, - сказал Бордман и выстрелил.

Хищник, спрыгнув с порога, вытянул лапы в агонии и упал. Откуда-то прибежали три маленькие зверушки, питающиеся падалью, и начали рвать его в клочья.

Бордман захохотал. Чтобы попасть из оружия с автоматическим прицелом, не надо быть хорошим стрелком. Но он давно не охотился. Когда ему было тринадцать лет, он провел томительную неделю на охоте в Сахарском заповеднике вместе с группой из восьми значительно старших, чем он, заправил. Он охотился с этими людьми, так как заботился о своей карьере, но вообще-то ему там не понравилось - душный воздух, яркий блеск солнца, мертвые грязные звери на песке, бессмысленные убийства. Когда тебе тринадцать лет, то не слишком понимаешь мудреные развлечения людей среднего возраста. И все же он выдержал до конца, в надежде, что в делах карьеры ему помогут хорошие отношения с ними. И они помогли в самом деле. Но теперь это уже было что-то другое. Не развлечение, не спорт.

3

Изображения менялись на экране. Раулинс увидел, как лицо его отца, четкое поначалу, понемногу сливается с фоном. Проекцию каким-то образом представлял глаз смотрящего. Роботы, проходя тут, видели экран пустым. Теперь же Раулинс увидел шестнадцатилетнюю Мэрибель Чемберс, ученицу второго класса лицея Мадонны Милосердия в Рокфорде, штат Иллинойс. Мэрибель с несмелой улыбкой принялась раздеваться. Волосы ее были мягкие, губы припухшие и влажные. Она расстегнула лифчик и обнажила два крепких полушария с сосками словно огоньки. Мэрибель смущенно разрумянилась и обнажила теперь нижнюю часть тела. Во впадинах над ее пухлыми розовыми ягодицами поблескивали аметисты. Бедра обвивала цепочка с крестиком из слоновой кости. Раулинс пытался не смотреть на экран. Он вслушивался в голос компьютера, управляющий каждым его шагом.

- Я восстала из мертвых и жива теперь, - хрипло и многозначительно произнесла она.

Она призывала его, подманивая тремя пальчиками. Строила ему глазки. Слала воздушные поцелуи.

- Иди ко мне, за этот экран, глупенький! Я тебе покажу, как приятно это может быть...

Она хохотала, изгибалась, шевелила пальчиками. Кожа ее приобрела темно-зеленый цвет. Глаза меняли место, перемещаясь по лицу. И неожиданно экран скрылся за полыхающим огнем. Подчиняясь шепоту мозга, который вел его, он успешно миновал и эту ловушку.

4

Экран показывал какие-то абстрактные узоры: власть геометрии, прямые линии на марше, неподвижные фигуры. Бордман задержался, чтобы полюбоваться этим. А потом двинулся дальше.

5

Лес колеблющихся ножей у внутренней границы зоны "X".

6

Жара усиливалась. Пришлось идти по раскаленной мостовой на цыпочках. Это вызвало тревогу, так как никто из тех, кто испытывал трассу, этого не испытал. Может, на трассе происходят перемены? Может, город скрывал в себе новые дьявольские загадки? Сколько еще будет мучить жара, где ее территория кончается? Выживет ли он, доберется ли до зоны "E"? Может быть, это Мюллер пытается не пропустить его в сердце лабиринта?

7

Может быть, Мюллер увидел Бордмана и хочет убить его? Не исключено. Он имеет все причины для ненависти. Может быть, надо пойти побыстрее, чтобы удалиться от Бордмана? Да, жара все сильнее. С другой строны, тогда Бордман может заподозрить меня в трусости.

8

В глубине зоны "G" Бордман оказался перед дезориентационным экраном. Он не боялся этих опасностей лабиринта. Но он боялся идти туда, где свидетельства разума ложны. Он доверял своему разуму. Ему уже трижды пришлось менять сетчатку. Трудно правильно анализировать мир, если нет уверенности, что ты все четко различаешь.

Теперь он был в стране фантомов.

Параллельные линии сливались. Треугольные фигуры все как одна были сложены из тупых углов. Река, пересекающая долину, текла в гору. Звезды повисли, спутники кружили вокруг друг друга.

Закрыть глаза и не позволять сбить себя с толку.

"Левая нога, правая. Левая. Правая. Чуть-чуть влево... Передвинуть ногу. Еще немного. И вновь вправо. И снова вперед".

Запретные плоды искушали его, всю жизнь он старался увидеть все. Единственная надежда вырваться отсюда, сказал он себе, это держать глаза закрытыми. Если я открою глаза, они обманут меня, и я пойду на гибель. Я не имею права умереть так глупо, когда так много людей испытало это, чтобы продемонстрировать мне, как надо себя вести.

Он стоял неподвижно. Слышал, как голос компьютера пытался поторопить его.

- Подожди, - буркнул он. - Могу же я поглядеть немного, если стою на месте?

- "А гейзер огня? - напомнил ему компьютер. - Достаточно было страха, чтобы довести Маршалла до смерти".

Повсюду он видел бред геометрии. Тебе восемьдесят лет, и ты знаешь, как должен выглядеть мир. А теперь закрой глаза, Чарльз, ты слишком рискуешь.

Но в первую очередь он отыскал глаза Неда Раулинса. Парнишка опережал его на двадцать метров и, осторожно передвигая ноги, как раз преодолевал экран. Глаза у него были закрыты. Нед - послушный мальчик. Он хочет выбраться отсюда живым и предпочитает не видеть мира, искаженного экраном.

Уже подняв ногу, Бордман опомнился и вновь замер. Прямо перед ним распустился в воздухе подрагивающий желтый цвет, принимая то форму лебедя, то дерева. Вдали Нед поднял левое плечо невозможно высоко. Сквозь золотистое мерцание Бордман заметил труп Маршалла. Глаза его были широко раскрыты. Глядя в огромные глаза трупа, он увидел свое кривое отражение. Он закрыл глаза.

Компьютер, словно испытав облегчение, повел его дальше.

9

Море крови. Фонтаны лимфы.

10

Я должен умереть прежде, чем успел полюбить...

11

Вот и вход в зону "F". Я покидаю это царство смерти. Где мой паспорт? Нужна ли мне виза?

12

Холодный ветер, веющий из завтрашнего утра.

13

Ребята, которые разбили лагерь в зоне "F", должны выйти нам навстречу, проводить нас в зону "E". Мы можем пройти и без них. Лишь бы только миновать этот последний экран, и мы чудненько доберемся.

14

Как часто я мечтал об этой трассе. Но теперь я ее ненавижу, хотя она и прекрасна. И наиболее прекрасной она нам покажется наверное тогда, когда нас подкараулит на ней смерть.

15

Кожа на бедрах Мэрибель слегка морщится. Прежде, чем ей исполнится тридцать лет, она располнеет.

16

В своей карьере мне пришлось делать кучу разных вещей. У меня никогда не хватало времени, чтобы прочитать Руссо. Я ничего не знаю о Канте. Если выберусь отсюда, то начну всех их читать. Я, Нед Раулинс... Я, Ричард Мюллер... буду читать...

17

Раулинс вошел в зону "F" и спросил компьютер, можно ли здесь отдохнуть. Мозг корабля ответил, что можно. Очень осторожно Нед присел. Каменные блоки поднимались на высоту пятьдесят метров с обеих сторон узкой расщелины, в

которой показалась массивная фигура Чарльза Бордмана. Бордман был потным и нервным. Прямо невероятно.

Сам Раулинс не был спокоен. Пот тек ручьем. Скафандру пришлось работать с перегрузкой, чтобы избавиться от дополнительной влажности. Радость была бы преждевременной.

- Отдыхаешь? - спросил Бордман.

- А почему бы и нет? Притомился, Чарльз. И ты тоже. Компьютер говорит, что нам ничего не угрожает.

Бордман подошел и присел.

- Мюллер, - сказал Раулинс, - прошел эту трассу в одиночку без всякой подготовки.

- Мюллер всегда был необыкновенным человеком.

- Как, ты думаешь, он это сделал?

- Спроси у него.

- И спрошу, - согласился Раулинс. - Может быть завтра в это же время я буду говорить с ним.

- Возможно. Но нам надо идти. Скоро к нам выйдут ребята. Скорее всего, нас засекли их детекторы массы.

Они поднялись.

В зоне "F" было просторней, но неуютно. Доминирующий архитектурный стиль нес в себе какую-то искусственность и тревогу. Раулинс хотя и знал, что ловушек тут меньше, все же шел с ощущением, что плиты мостовой разойдутся у него под ногами.

- Какой участок до сих пор был у тебя наихудшим? - спросил Раулинс.

- Дезориентирующий экран.

- Это не так страшно... если человек сможет заставить себя пройти мимо всех этих смертоносных пакостей с закрытыми глазами.

- Я смотрел, - сказал Бордман.

- В зоне дезориентации?

- Недолго. Не выдержал искушения. Не буду даже рассказывать, что я видел, но это было одно из самых причудливых переживаний в моей жизни.

Раулинс улыбнулся. Значит, и Бордман способен сделать что-то нелогичное, безрассудное.

- И что? Ты просто стоял без движений и смотрел? А потом с закрытыми глазами пошел дальше? И не было никакой критической ситуации?

- Была. Засмотревшись, я чуть было не тронулся с места. Но тут же опомнился.

- Наверно, я попробую, когда мы будем возвращаться. Ведь беглый взгляд не повредит, - сказал Раулинс.

- Откуда ты знаешь, что экран действует в обратном направлении?

- Я над этим не задумывался. Мы еще не отрабатывали возвращения. Может, в обратном направлении все по-другому? У нас нет карты обратной дороги. Может быть, когда мы будем возвращаться, то все погибнем.

- Снова вышлем роботов, - сказал Бордман. - Уж об этом можешь не волноваться.

Раулинс отозвался только через минуту:

- Кстати, а зачем нужны были какие-нибудь ловушки для выходящих? Или строители лабиринта так же заперли себя в центре города, как не пускали туда своих врагов? С чего бы им так делать?

- Кто же может знать, Нед? Это были неизвестные существа.

- Неизвестные. Это верно.

18

Бордман сообразил, что тема разговора еще не исчерпана. Он спросил:

- А для тебя какое место было самым трудным?

- Тот экран далеко за нами, - ответил Раулинс. - Я в нем видел всякие паскудства, которые клубятся в подсознании.

- Что за экран?

- В глубине зоны "Х". Я на него посмотрел и несколько секунд видел своего отца. А потом девушку... которую я знал. На экране она разоблачилась. Но разве у кого-нибудь подсознание другое?

- Я таких вещей не видел.

- Но ведь ты не мог обойти этот экран. Он был в пятидесяти метрах от места, где ты убил первого зверя.

- Да, этот экран я видел. Но он показывал только геометрические фигуры.

- А я видел, как Мэрибель раздевалась, - заявил Раулинс в растерянности. - А ты, значит, видел геометрические фигуры.

19

В зоне "F" также угрожали смертельные опасности. Небольшой перламутровый пузырь лопнул, и из него потекла струйка шариков. Эти шарики двигались в ногах Раулинса с какой-то зловещей целенаправленностью. Кусали через ботинки. Он растоптал их множество, но чуть сам не оказался слишком близко от источника света, который неожиданно засиял голубым глазом. Он пнул три шарика в сторону света. Они расплавились.

20

Бордману все это надоело чуть ли не до отрыжки.

21

С того момента, как они вошли в лабиринт, прошел 1 час 48 минут. Трасса в зоне "F" вела через зал с розовыми стенами, где из скрытых отверстий вырывались клубы дыма. В противоположном конце розового зала помещалась ловушка. Если бы они не прошли ее в точно рассчитанное время, то были бы размозжены. За залом был длинный коридор. Этот коридор выводит на открытую площадь с шестью наклонно установленными обелисками из белого металла. Из фонтана на стометровую высоту била вода. По бокам площади возвышались три башни с множеством окон разной величины. Стекла в них были нетронуты. На ступенях одной из них лежал расчлененный ударами скелет какого-то создания.

В лагере несли службу Элтон, Антонелли, Камерон, Гринфилд Стейн. Сейчас же Антонелли и Стейн вышли на площадь в центре зоны навстречу Раулинсу и Бордману.

- Уже недалеко, - сказал Стейн. - Или же вы предпочли бы отдохнуть несколько минут, мистер Бордман?

Старик хмуро глянул на него.

- Дэвис, Оттавио и Рейнольдс уже добрались сегодня до зоны "E". Элтон, Камерон и Гринфилд присоединились к нам. Патронелли и Уолкер исследуют внутреннюю границу зоны "E" и заглядывают в зону "D". Говорят, что там все выглядит несравненно лучше.

- Я с них шкуру спущу, если они туда полезут.

Антонелли невесело улыбнулся.

Промежуточная база состояла из двух куполообразных палаток. Территория была тщательно обследована, и здесь наверняка ничто не грозило. В палатке Раулинс снял ботинки, получил очищающий препарат и пакет с пищей. Ему было как-то не по себе среди этих людей. Он знал, что они лишены тех возможностей в жизни, которые даны ему. Они не получили образования, и даже если они уцелеют, то не будут жить так долго, как он. Ни у кого из них не было светлых волос, голубых глаз и, наверное, не хватило бы средств, чтобы подвергнуться дорогостоящей операции. И все же они выглядели счастливыми. Может быть, потому, что их не волновали моральные аспекты извлечения Мюллера из лабиринта.

В палатку вошел Бордман.

- Передайте капитану Хостину, что он проиграл. Мы сюда добрались.

- Что проиграл? - не понял Антонелли.

Гринфилд говорил о чем-то другом:

- Допустим, что Мюллер как-то следит за нами. Он перемещается очень регулярно. Сейчас он находится в дальнем квадрате зоны "А"... если входом туда являются ворота, которые мы знаем... и описывает небольшую дугу по мере того, как к нему приближаются наши передовые.

Бордман пояснил Антонелли:

- Хостин ставил три к одному, что мы не дойдем досюда. Сам слышал.

И спросил у Камерона, техника-связиста:

- Возможно ли, что Мюллер пользуется какой-нибудь следящей системой?

- Вполне правдоподобно.

- Системой, позволяющей различать лица?

- Я допускаю, что так. У него было множество времени на ознакомление с устройствами этого лабиринта.

- Если он видел мое лицо, - заявил Бордман, - самое лучшее будет вернуться и не ломать головы над остальным. У кого-нибудь есть термопластический аппарат? Я немедленно должен изменить свое лицо.

22

Он не стал объяснять, почему. Но когда процедура закончилась, нос у него стал длинным, резко очерченным, губы тонкими и подбородок, как у ведьмы. Лицо это трудно было назвать симпатичным.

23

После неспокойно проведенной ночи Раулинс начал готовиться к тому, чтобы дойти до передового лагеря в зоне "Е". Бордман должен был остаться на базе, но поддерживать с ним связь - видеть то, что видел он, слышать то, что слышал он, и давать ему шепотом указания.

Раулинс вышел из палатки, отсчитал десять шагов и замер в неподвижности, наблюдая, как рассвет покрывает украшенные клювами стены оранжевым блеском.

- Подними правую руку, - приказал Бордман, - если ты меня слышишь, Нед!

Раулинс поднял.

- Теперь скажи мне что-нибудь.

- Где, ты говоришь, родился Мюллер?

- На Земле. Я слышу тебя превосходно.

- Где на Земле?

- В Северо-Американской Директории. А где точно, не знаю.

- Я тоже оттуда, - сказал Раулинс.

- Знаю, - ответил Бордман. - Мюллер, кажется, из западной части Северной Америки. Но я в этом не уверен. Я так мало времени провожу на Земле, Нед, что уже не помню в деталях земной географии. Если это так важно для тебя, то нас может проинформировать мозг корабля.

- Попозже, - сказал Раулинс. - Не пора ли мне трогаться?

- Сначала послушай, что я тебе скажу. Мы с большим трудом пробрались внутрь лабиринта, и не забывай, что все, что мы до сих пор сделали, было всего лишь вступлением к достижению настоящей цели. Мы прилетели сюда за Мюллером. Не забывай этого.

- Я что, могу забыть?

- До сих пор мы думали главным образом о себе самих. Выживем или умрем - вот и вся проблема. А это ограничивает перспективу. Теперь же мы можем перейти к более широкой точке зрения. Дар, которым обладает Мюллер... или же висящее над ним проклятие, не знаю, как это определить... имеет потенциальное значение, и нашим заданием является использовать его, Нед. Судьба Галактики зависит от того, что произойдет в ближайшие дни между тобой и Мюллером. Это поворотный пункт во времени. Миллиарды еще не рожденных существ получат жизнь, измененную во зло или на благо, в результате событий, которые разыграются здесь.

- Вроде бы ты это серьезно говоришь, Чарльз.

- Абсолютно серьезно. Порой приходит мгновение, когда все напыщенные слова начинают что-нибудь значить. Ты стоишь на развилке галактической истории. И потому, Нед, ты пойдешь и будешь лгать, клятвопреступничать, идти на компромиссы. Допустим, что сомнения не оставят тебя на какое-то время, и ты возненавидишь себя за это, но в конце концов ты поймешь, что совершил богатырский поступок. Проверка связи окончена. А теперь возвращайся и готовься к походу.

24

На этот раз один он шел недолго. Стейн и Элтон проводили его вплоть до ворот в зону "F". Никаких приключений не было. Они указали ему тропинку вправо, и он выскочил из этой зоны, суровой и угрюмой. Спускаясь с покатой плиты у ворот, он увидел в одной из стрельчатых колонн какое-то гнездо. Во тьме гнезда что-то поблескивало, что-то подвижное, могущее оказаться глазом.

- Мне кажется, я нашел часть следящей системы Мюллера, - сообщил он. - Что-то тут со стены глядит на меня.

- Опрыскай это нивелирующей жидкостью, - посоветовал Бордман.

- Он может отнестись к этому как к враждебному акту. С чего археолог стал бы уничтожать такую редкость?

- Логично. Иди дальше.

В зоне "E" обстановка казалась менее грозной. Темные, невысокие дома стояли как перепуганные воробьи. Все здесь выглядело иначе, поднимались высокие стены и поблескивала какая-то башня. Каждая из зон отличалась от уже пройденных, так что Раулинс предположил, что все они строились в разное время. Сперва был возведен центр, или жилые кварталы, а потом постепенно наслаивались наружные зоны, снабженные ловушками, по мере того, как враги делались все более настырными. Это была концепция, достойная археолога. Он отметил ее в памяти, чтобы позднее использовать.

Он уже отошел на некоторое расстояние от ворот, когда увидел туманный силуэт идущего к нему Уолкера. Уолкер был тощим несимпатичным человеком. Утверждали, что он несколько раз брал в жены одну и ту же женщину. Ему исполнилось около сорока лет, и он думал в первую очередь о своей карьере.

- Я рад, что с тобой все в порядке, Раулинс. Отсюда спокойно иди вперед. Эта стена поворачивает.

- Значит, все в порядке?

- Более-менее. Полчаса назад мы потеряли Патронелли.

Раулинс окаменел.

- Но ведь эта зона сравнительно безопасна!

- Нет. Она более опасна, чем зона "F", и почти так же полна ловушек, как зона "G". Мы ее недооценили, когда высылали роботов. Кстати, нет причин, по которым эти зоны должны были бы становиться все более безопасными по мере приближения к центру, правда? Так что эта одна из самых скверных.

- Усыпляют бдительность, - предположил Раулинс. - Делают вид, что теперь ничего не угрожает.

- Если бы я знал! Ну, пошли. Иди за мной и особо не утруждай извилины. Индивидуализм здесь гроша ломаного не стоит. Или ты идешь протоптанной дорожкой, или никуда не приходишь.

Раулинс пошел за Уолкером. Он не видел явной опасности, но подпрыгнул там, где подпрыгнул Уолкер, и свернул за ним в сторону. Лагерь в зоне "E" был не слишком далеко. Там сидели Дэвис, Оттавио, Рейнольдс и смотрели на верхнюю часть тела Патронелли.

- Ждем приказа о похоронах, - пояснил Оттавио. - От пояса и вниз от него ничего не осталось. Хостин наверняка прикажет вынести его из лабиринта.

- Закрой его, по крайней мере, - пропросил Раулинс.

- Ты сегодня пойдешь дальше, в зону "D"? - спросил Уолкер.

- Надо бы.

- Тогда мы тебе скажем, чего надо избегать. Это новинка. Именно там погиб Патронелли. Это метров в пяти от границы зоны "D"... по ту сторону. Ты вступаешь в какое-то поле, и оно перерезает тебя пополам. Ни один из роботов на такое не натыкался.

- А если оно перерезает пополам всех, то кто туда проходит? - спросил Раулинс. - Всех, кроме роботов?

- Мюллера не перерезало, - заметил Уолкер. - И тебя не перережет, если ты его обогнешь. Мы тебе покажем, как.

- А за этим полем что?

- Это уже забота для твоей головы.

25

Бордман сказал:

- Ты устал, задержись на ночь в лагере.

- Я бы предпочел пойти сразу.

- Но тебе придется идти одному. Не лучше ли сперва отдохнуть?

- Пусть мозг корабля проверит мое состояние и определит степень усталости. Я готов идти дальше.

Бордман проверил. Организм Раулинса находился под постоянным контролем: знали его пульс, возбудимость, гормональный баланс. Компьютер сообщил, что он может идти дальше без отдыха.

- Ладно, - сказал Бордман. - Давай...

- Я должен войти в зону "D", Чарльз. Вот здесь погиб Патронелли. Я вижу эти нити, которых он коснулся... очень тонкие, превосходно замаскированные. Огибаю их. Вот я и в зоне "D". Останавливаюсь, пусть мозг корабля определит мое положение. В зоне "D" вроде бы поспокойнее, чем в зоне "E", я должен быстро преодолеть ее.

26

Медно-золотистые лучи, которые стерегли проход в зону "C", были иллюзией.

Раулинс тихонько прошептал:

- Передай созвездиям, что их судьба в надежных руках. Скорее всего я столкнусь с Мюллером не позднее, чем через пятнадцать минут.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Мюллеру часто и подолгу приходилось бывать в одиночестве. При заключении первого брачного контракта он настаивал о включении в него параграфа о разлуке - разлуке классической и типичной. Лорэйн не выдвинула возражений, так как знала, что его работа может время от времени потребовать поездок туда, куда она или не сможет, или не захочет с ним отправиться. На протяжении восьми лет его супружества он

воспользовался этим параграфом три раза, причем в сумме время его отсутствия равнялось четырем годам.

Периоды отсутствия Мюллера, однако, не были на самом деле решающим фактором. Супружеский контракт они не возобновили. В те годы Мюллер убедился, что способен выносить одиночество, и что оно идет ему даже на пользу. В одиночестве мы развиваем все, кроме характера, писал Стендаль. По этим высказыванием Мюллер, может, и не подписался бы, но ведь его характер был уже полностью сформирован до того, как ему стали поручать задания, требующие одиночного пребывания на безлюдных, опасных планетах. Он добровольно изъявлял желание. Так же добровольно, но в другом смысле, он отправился на Лемнос, но изгнание досаждало ему здесь гораздо больше, чем во время предыдущих отшельнических странствий. И все же он держал себя в руках. Его прямо-таки удивляла и поражала собственная способность к приспособлению. До этого он не мог и предположить, что так легко сбросит узы, связывающие его с обществом людей. Только сексуальные вопросы заключали в себе трудности, да и то не такие серьезные, как он себе воображал, а остальное - возбуждающие интеллект дискуссии, перемена обстановки, взаимовлияние личностей - как-то очень быстро стало неважным. У него было достаточно много развлекательных кубиков, и достаточно много задач ставила перед ним жизнь в лабиринте. Недостатка в воспоминаниях он тоже не ощущал.

Он мог вспомнить пейзажи сотен планет. Человечество протянулось повсюду, посеяло зерно Земли в колониях тысячи звезд. На Дельте Павониса VI, к примеру, отстоящей на двадцать световых лет: эта планета внезапно стала возбуждать удивление. Ее окрестили именем Локи, совершенно здесь не подходящим, так как Локи был хитрым, вертким и худощавым, а переселенцы на Локи после пятидесятилетнего пребывания вдали от Земли неожиданно сделались поклонниками культа чрезмерной полноты, достигающейся путем задержки сахара в организме. За десять лет до своей неудачной экспедиции к гидрянам Мюллер побывал на Локи. По сути дела, это была хлопотная миссия для колонии, не поддерживающей связи со своим родным миром. Он помнил эту горячую планету, где люди могли жить лишь в узком поясе умеренной температуры. Продирался сквозь стену зеленых джунглей вдоль черной реки, на болотистых берегах которой обитали животные с клыками словно из драгоценностей, пока не добрался до поселка пропотевших толстяков, весящих, на-

верное, по полтонны каждый. У порогов хижин, крытых сухими листьями, сидели люди, истинно по-буддийски погруженные в торжественную медитацию. Никогда прежде он не видел столько плоти на один кубический метр. Действенными должны были быть снадобья, используемые локитянами, чтобы соответствующим образом усваивать глюкозу и толстеть. Это не было порождено какой-либо необходимостью, вытекающей из условий местной жизни, им просто захотелось быть толстыми. Мюллер на Лемносе вспоминал предплечья, выглядящие как бедра, и бедра, напоминающие колонны, округлые и еще раз округлые торжествующе-огромные животы.

Невероятно гостеприимные, они подыскали прибывшему с Земли шпиону даму для времяпровождения. Тогда Мюллер и понял, в какой степени относительны все понятия. В этой деревушке была пара женщин, которые будучи весьма и весьма упитанными, расценивались согласно местным критериям как худые, хотя и превышали в несколько раз норму, принятую у него на родине. Локитяне не представили ему ни одну из них - этих жалких недоразвитых стокилограммовых пышек. Вероятнее всего, принципы гостеприимства не позволяли этого. Они наградили Мюллера светловолосой исполиншей с грудями как арбузы и ягодицами, напоминающими горы подрагивающего мяса.

В любом случае это было незабываемым впечатлением.

Сколько же существует самых разных миров! Мюллеру никогда не надоедали путешествия. Занятия хитрыми политическими махинациями он оставлял таким людям, как Бордман, он сам, если возникала в том необходимость, тоже мог быть достаточно хитрым в той степени, в какой это пристойно государственному деятелю. Самого себя он воспринимал скорее как исследователя-путешественника, чем как дипломата. Он дрожал от холода в метановых озерах, задыхался от жары в пустынях - Сахара им слабо соответствовала - пересекал с кочевыми повозками фиолетовые равнины в поисках отбившихся от стада одомашненных членистоногих животных. Он счастливо выкарабкался из крушения звездолета в одном из безвоздушных миров - даже такое с ним приключилось, поскольку и компьютеры иногда ошибаются. Он видел медные обрывы планеты Дамбалла высотой девяносто километров, плавал в озере гравитации на планете Мордред. Спал на берегу ручья, радужно меняющего свой цвет, под небом с тремя яркими солнцами и ходил по мостам из хрусталя на планете Процион XIV. Он мало о чем сожалел.

И теперь, притаившись в центре лабиринта, он смотрел на экран и ждал, пока этот чужак не приблизится к нему. Оружие, маленькое и холодное, притаилось в его руке.

2

Полдень наступил быстро. Раулинс подумал, что поступил бы вернее, если бы послушался Бордмана и переночевал в лагере, а не отправлялся бы сразу на поиски Мюллера. Достаточно трех часов глубокого сна, чтобы мозг отдохнул, и ему было бы совсем хорошо. Теперь же у него не было возможности вздремнуть. Сенсорные устройства сообщили ему, что Мюллер где-то неподалеку.

Неожиданно к мучившим его проблемам морального характера прибавилось отсутствие обыкновенного мужества.

До сих пор ему не приходилось заниматься ничем столь ответственным. Он получал образование, выполнял свои повседневные обязанности в бюро Бордмана, время от времени улаживал кой-какие деликатные делишки. Он думал, что еще и не приступил к настоящей карьере, что все это лишь вступление. Ощущение, что он все еще стоит на пороге будущего, оставалось и сейчас, и все же он знал, что наконец-то этот порог переступил. Это уже не стажировка. Высокий, светловолосый, молодой Нед Раулинс, сообразительный и честолюбивый, приступил к операции, которая - вот здесь Чарльз Бордман не так уж и преувеличивал - могла в определенной степени повлиять на ход истории!

Дзинь!

Он огляделся. Сенсорные устройства не подвели. Из тени перед ним выступил силуэт мужчины - Мюллер.

Они остановились друг против друга на расстоянии двадцати метров. Раулинсу Мюллер запомнился гигантом, и он поразился, увидев, что этот мужчина немногим выше двух метров, а значит, чуть выше его. Одет он был в темный поблескивающий комбинезон. Лицо его в освещении начинающихся сумерек напоминало чередование плоскостей и выступов, сплошные горы и долины. На его ладони лежал аппаратик размером не больше яблока, при помощи которого он уничтожил робота.

Раулинс услышал тихий, звенящий голос Бордмана:

- Подойди поближе. Делай вид, что ты робкий, неуверенный, дружелюбный и очень проголодавшийся. И держи руки так, чтобы он все время мог их видеть.

Раулинс послушно шагнул вперед. Остановлюсь, когда увижу результаты своего приближения к Мюллеру, подумал он. До чего сияет и притягивает взгляд этот шарик, который Мюллер держит на манер гранаты. Когда расстояние уменьшилось до десяти метров, он ощутил эманацию. Да, вне сомнения. В конце концов выдержать можно, если расстояние между ними не уменьшится.

Мюллер заговорил:

- Чего вы...

Это прозвучало хрипло, напряженно.

Он замолчал и залился краской, явно силясь заставить свою гортань работать как следует. Раулинс прикусил губу. Одна его щека еле заметно подергивалась.

- Чего ты от меня хочешь? - спросил Мюллер голосом глубоким, естественным, полным сдерживаемого раздражения.

- Я хочу просто поговорить. Правда. Я не хочу причинить вам никаких хлопот, мистер Мюллер.

- Ты меня знаешь?

- Разумеется. Ричарда Мюллера знают все. Ну, понимаете, вы были героем Галактики, когда я ходил в школу. Мы писали сочинения о вас. Рефераты. А мы...

- Вон отсюда! - Мюллер снова кричал.

- ...я и мой отец, его звали Стивен Раулинс. Я вас знаю давным-давно...

Черное яблоко в руке Мюллера поднялось выше. Маленькое квадратное окошечко было перед ним. Раулинс вдруг вспомнил, как внезапно прервалась связь с тем роботом.

- Стивен Раулинс? - рука Мюллера опустилась.

- Это мой отец. - Пот тек у Раулинса по спине. Испаряясь, он образовывал облачко над его плечами. А значит, эманация все сильнее: как будто за пару минут произошла настройка на нужную длину волны. Какая мука, печаль, ощущение, что уютная лужайка превращается неожиданно в зияющую пасть.

- Я давно познакомился с вами, - повторил Раулинс. - Вы тогда как раз вернулись с... сейчас, сейчас... вроде бы с планеты 82 Эридана... Вы были сильно загоревший, чуть ли не обгоревший. Мне тогда было, кажется, лет восемь, вы меня подняли и подбросили к потолку. Правда, вы тогда отвыкли от земного притяжения и подбросили меня слишком сильно, так что я стукнулся об потолок головой и расплакался, и вы мне дали игрушку, чтобы я успокоился... Маленький такой коралл, меняющий цвет...

Мюллер опустил руку. Яблоко исчезло в складках его комбинезона.

- Как же тебя зовут? - произнес он сдавленным голосом. Фред, Тэд, Эд... Ну да, Эд. Эдвард Раулинс.

- Позже меня стали называть Нэдом. Так вы меня помните?

- Немножко. Твоего отца я помню значительно лучше. - Мюллер отвернулся и раскашлялся. Затем сунул руку в карман и подставил голову свету заходящего солнца, который неприятно задрожал на его лице, окрасив его в темно-оранжевый цвет. Потом нервно погрозил пальцем: - Уходи, Нед! Передай своим приятелям, что я не желаю, чтобы они мешали мне тут. Я тяжело болен и должен находиться один.

- Больны?

- Это какая-то таинственная гангрена души. Послушай, Нед, ты чудный, симпатичный мальчик. Я от всего сердца люблю твоего отца, если ты не соврал мне, говоря, что он - твой отец. И поэтому я не хочу, чтобы ты был рядом со мной. Ты сам об этом пожалеешь. Я тебе не угрожаю, я просто констатирую факты. Так что уходи. И как можно дальше.

- Не уступай, - сказал Раулинсу Бордман. - Подойди поближе. Прямо туда, где уже ощущается действие.

Раулинс сделал осторожный шаг вперед, думая о шарике в кармане Мюллера, тем более, что голова этого человека явно не свидетельствовала о личности в поступках. Он сократил расстояние между ними. И ощутил эманацию чуть ли не в два раза сильнее.

- Прошу вас, - произнес он, - не прогоняйте меня. У меня самые добрые намерения. Если бы отец мог узнать, что я вас видел и ничем не мог помóчь вам, он бы мне этого не простил.

- Если бы мог узнать? А что с ним?

- Он умер.

- Когда он умер? Где?

- Четыре года назад. На Ригеле XXII. Он помогал при устройстве сети связи между планетами Ригеля. И произошла катастрофа с амплификаторами. Источник был не изолирован. Весь луч ударил в отца.

- Господи! Он же был молодой!

- Через месяц ему исполнилось бы пятьдесят. Мы хотели устроить ему сюрприз на день рождения, навестив его на Ригеле и устроить шумное торжество. А вместо этого я полетел на Ригель один, чтобы доставить его тело на Землю.

Лицо Мюллера стало более ласковым. Глаза сделались спокойнее, несколько расслабились губы. Так бывает, когда чужая боль временно избавляет от собственной.

- Подойди поближе, - посоветовал Бордман.

Еще один шаг. Мюллер вроде и не заметил этого. И неожиданно Раулинс ощутил жар, но не физический, а психологический. Он вздрогнул, переполненный страхом. До сих пор он не особенно верил в реальность дара, которым гидряне наделили Ричарда Мюллера. Разве может быть реально что-то такое, что невозможно обнаружить в лаборатории? Разве может быть реально нечто, не поддающееся объяснению? Да и вообще, возможно ли перестроить человеческое существо настолько, что оно начинает транслировать свои эмоции? Никакой электрический контур не мог бы исполнить такую функцию. И все же Раулинс ощущал эту выделяемую Мюллером эманацию.

Мюллер спросил:

- Что ты делаешь на Лемносе, парень?

- Я археолог. Это моя первая полевая экспедиция. Мы пытаемся провести детальное обследование этого лабиринта.

- Но получилось так, что лабиринт является чьим-то домом. Вы вломились в этот дом, нарушили покой.

Раулинс смутился.

- Скажи ему, что вы не могли знать о его пребывании тут, - подсказал Бордман.

- Мы понятия не имели, что здесь кто-то есть. А другого способа, чтобы исследовать лабиринт, не было.

- И послали сюда эти автоматы? Но с той минуты, как вы установили здесь присутствие кого-то, кто, как вы хорошо убедились, не желает принимать никаких гостей...

- Я вас не понимаю, - сказал Раулинс. - Мы предположили, что вы уцелели после катастрофы какого-то звездолета. Мы хотели оказать помощь.

Мюллер посмотрел грозно.

- Ты не знаешь, почему я здесь?

- Не знаю.

- Ты можешь и не знать. Ты был тогда слишком молод. Но те... когда они увидели мое лицо, должны были предостеречь тебя. Почему они ничего не сказали тебе? Твой робот передал изображение моего лица. Ты знал, что это я. И они тебе ничего не сказали обо мне?

- Я в самом деле не понимаю...

- Подойди ближе! - рявкнул Мюллер.

Раулинс пошел вперед, уже не подсчитывая шагов. Неожиданно он оказался лицом к лицу с Мюллером и ощутил огромную ладонь на своем плече. Ошеломленный прикосновением, он качнулся, падая в какие-то бездны отчаяния. Однако он все же исхитрился не потерять равновесия.

- А теперь убирайся от меня! - рявкнул Мюллер. - Ну, быстро! Вон отсюда! Прочь!

Раулинс не тронулся с места.

Мюллер выматерился от души и неловко вбежал в невысокий домик со стеклянными стенами и матовыми окнами, напоминающими чьи-то незрячие глаза. Двери закрылись так плотно, что даже следа не осталось от них на стене. Раулинс вдохнул поглубже, стараясь вернуть самообладание. Лоб его набухал, словно что-то лезло наружу из-под кожи.

- Оставайся на месте, - сказал Бордман. - Пусть у него пройдет приступ ярости. Все идет, как мы задумали.

3

Мюллер притаился за дверью. По его телу катились потоки пота. Его трясло. Он же не хотел приветствовать пришельца таким способом.

Обмен парой фраз, резкое требование, чтобы его оставили в покое, а потом, если этот парень не уберется, смертоносное оружие. Но я заколебался. Я слишком много говорил и слишком много услыхал. Сын Стивена Раулинса? Группа археологов? Парнишка подвергся действию облучения с очень близкого расстояния. Может быть, излучение со временем начало терять силу?

Он взял себя в руки и попытался проанализировать свою враждебность. Откуда во мне страх? Почему я так стремлюсь к одиночеству? Ведь нет же причин, чтобы мне следовало бояться людей с Земли: это они, а не я, страдают от общения со мной. Но если я убегаю от них, то причиной тому паническая трусость.

Мюллер медленно поднялся и открыл дверь. Вышел из дома. Уже настала ночь, быстро, как всегда зимой. Небо стало черным. Парнишка все еще стоял на площади, явно растерянный. Самый большой спутник Клотто заливал его светом, в котором его волосы как бы светились изнутри. Лицо его казалось очень бледным. Голубые глаза поблескивали от испытанного шока.

Мюллер подошел, не зная, какую тактику избрать. Он почти ощущал, как какая-то заржавевшая машина начала в нем работу.

- Нед? - начал он. - Послушай, Нед. Я хотел бы извиниться. Ты должен понять, что я отвык от людей.

- Все в порядке, мистер Мюллер. Я понимаю, что вам тяжело.

- Дик. Зови меня Дик. - Мюллер поднял обе руки и развел их. - Я уже полюбил мое одиночество. Можно научиться ценить даже собственный рак. Я прибыл сюда сознательно. Это не была катастрофа корабля. Я выбрал себе то единственное место во Вселенной, где одиночество до конца жизни казалось обеспеченным.

- Дик, если тебе не хочется, чтобы я был здесь, я уйду! - выкрикнул Раулинс.

- Наверно, это было бы самым лучшим для нас обоих. Подожди, останься! Ты очень паршиво чувствуешь себя в моем присутствии?

- Как-то невесело, - немного слукавил Раулинс. - Но не настолько плохо, чтобы не сознавать этого. Не знаю почему, но на таком расстоянии мне просто печально.

- Почему не знаешь? - спросил Мюллер. - Судя по твоим ответам, Нед, я думаю, что ты знаешь. Ты только делаешь вид, будто не знаешь, как меня обработали на Бете Гидры IV.

Раулинс покраснел.

- Что-то такое припоминаю. Они повлияли на твое сознание.

- Именно. Ты чувствуешь, Нед, как моя душа растекается в воздухе. Ты принимаешь нервные волны прямо из моей макушки. Попробуй, подойди поближе.

Раулинс приблизился.

- Ну, - сказал Мюллер, - теперь посильнее, когда стоишь здесь? Жуткое удовольствие, верно? На расстоянии в один метр это делается непереносимым. Ты можешь представить себе, что ты держишь в объятиях женщину? А ласкать женщину на расстоянии в десять метров трудновато. Присядем, Нед. Нам здесь ничего не грозит. У меня есть детекторы массы, а ловушек тут никаких нет. Садись.

- Нед, - поинтересовался Мюллер, когда они сели, - сколько тебе лет?

- Двадцать три.

- Ты женат?

- Нет.

- А девушка у тебя есть?

- Была одна. Контракт на свободную связь был расторгнут нами, когда я согласился на эту работу.

- В вашей экспедиции есть женщины?

- Только сексаторы, - ответил Раулинс.

- Не очень-то они помогают, правда, Нед?

- Мы могли бы взять с собой несколько женщин, но...

- Что, но?

- Это слишком опасно. Лабиринт...

- Сколько смельчаков вы потеряли?

- Пятерых. Я бы хотел познакомиться с людьми, которые догадались что-то такое выстроить.

Мюллер сказал:

- Это был величайший триумф созидания их расы. Их сверхтворение, их памятник. Какими же изощренными были они при создании этой фабрики убийств. Это в первую очередь квинтэссенция.

- Ты высказываешь только предположения, или какие-то следы свидетельствуют об их культурных горизонтах?

- Единственный след, говорящий об их горизонтах, это то, что нас окружает. Но я знаю эту психику. Я знаю больше любого другого человека, потому что я единственный из людей сталкивался с неизвестным видом разумных существ. Убей чужого - это закон Вселенной. И если не убьешь, то хоть придуши немного.

- Но мы не таковы! - ужаснулся Раулинс. - Мы же не проявляем инстинктивной враждебности против...

- Ерунда!

- Но...

Мюллер сказал:

- Если бы как-нибудь на одной из наших планет опустился какой-нибудь незнакомый звездолет, мы бы поставили его на карантин, посадили бы экипаж за решетку и допрашивали его до тех пор, пока бы они не умерли. Может быть, мы нарушили свой душевный покой, но от этого пострадали бы только наша изысканность и самолюбование. Мы делаем вид, что слишком воспитанны, чтобы ненавидеть других, но доброта наша вытекает из слабости. Возьмем, к примеру, гидрян. Некая влиятельная фракция в Совете Земли настаивала на том, чтобы прежде чем мы вышлем к ним эмиссара для знакомства, рассеять слой облаков, которые окружают их планету, и дать им дополнительное солнце...

- Да?!

- Проект был отклонен, а эмиссара, который был выслан, гидряне приняли слишком хорошо. Меня. - Неожиданно что-то пришло Мюллеру в голову. - Вы имели дело с гидрянами за последние девять лет? Были какие-нибудь контакты? Война?

- Нет, - ответил Раулинс. - Мы держимся подальше от них.

- Ты мне говоришь правду, или может быть, мы избавили Вселенную от этих сукиных сынов? Господь свидетель, что я не имел бы ничего против, хотя это вовсе не их вина в том, что они сотворили со мной. Просто они реагировали своим, типично неофобическим способом. Нед, мы с ними не воевали?

- Нет, могу поклясться, что нет.

Мюллер успокоился. Чуть погодя он сказал:

- Ладно. Я не буду просить тебя, чтобы ты информировал меня исчерпывающе о новых событиях в остальных областях. Меня, по сути дела, Земля не интересует. Долго вы собираетесь оставаться на Лемносе?

- Еще не знаем. Я полагаю, несколько недель. Собственно, мы даже еще не приступили к исследованиям в лабиринте. И в дополнение еще эта внешняя территория. Мы хотим скорректировать наши исследования с работами предшествующих археологов и...

- Это значит, что какое-то время вы будете тут. Твои коллеги тоже собираются навестить центр лабиринта?

Раулинс облизал губы.

- Они послали меня вперед, чтобы я установил с тобой отношения. Сейчас мы еще не строим никаких планов. Все это зависит от тебя. Мы не хотим быть помехой. Так что если тебе не хочется, чтобы мы тут работали...

- Не хочу, - быстро сказал Мюллер. - Повтори это своим коллегам. Лет через пятьдесят-шестьдесят меня уже не будет в живых, тогда пусть и копаются. Но пока я здесь, я не хочу видеть никаких посетителей. Они могут работать в нескольких внешних зонах. Но если кто-нибудь из них ступит ногой в зоны "А", "В" или "С", я убью его. Я способен на это, Нед.

- А я... меня ты можешь принимать?

- Время от времени. Мне трудно предвидеть свои настроения. Если тебе захочется поболтать со мной - приходи, но если я при этом скажу: "Нед, убирайся к дьяволу!"- немедленно уходи. Ясно?

Раулинс радужно улыбнулся.

- Ясно!

Он встал с мостовой. Мюллер, видя это, поднялся тоже. Раулинс сделал несколько шагов к нему.

- Куда ты, Нед?

- Я предпочитаю разговаривать нормально, а не кричать на расстоянии. Могу я подойти к тебе поближе?

Мюллер подозрительно спросил:

- Ты, случаем, не какой-нибудь там мазохист?

- Ну, что ты! Нет.

- А я со своей стороны не имею никакой склонности к садизму. И предпочитаю, чтобы ты не приближался.

- Это в самом деле не так уж и тяжело, Дик.

- Ты лжешь. Ты также не выносишь этой эманации, как и все остальные. Скажем, меня гложет проказа, приятель. Если уж ты извращенец и испытываешь тягу к прокаженным, то я тебе очень сочувствую, но не подходи ко мне слишком близко. Меня попросту из себя выводит вид кого-либо, страдающего из-за меня.

Раулинс остановился.

- Хорошо, раз уж ты так говоришь. Слушай, Дик, я не хочу причинить тебе хлопоты. Я просто предлагаю тебе дружбу и помощь. Может быть, я это делаю способом, который тебя раздражает... скажи тогда. Я попробую как-нибудь по-другому. У меня нет никаких причин к тому, чтобы ухудшать твое положение.

- Это звучит весьма невнятно, сынок. Чего ты, собственно, хочешь от меня?

- Ничего.

- Так зачем тогда ты пачкаешь мне мозги?

- Ты - человек, и уже столько времени сидишь тут в одиночестве. С моей стороны вполне естественно, что я хочу составить тебе компанию, по крайней мере сейчас. Или это тоже глупо звучит?

Мюллер пожал плечами.

- Никудышный из тебя товарищ, - сказал он. - Было бы лучше, если бы ты со своими естественными христианскими побуждениями шел бы куда подальше. Ты можешь только растравить рану, напоминая мне о том, чего для меня больше не существует или чего я не знаю, - Мюллер, теперь холодный и далекий, смотрел мимо Раулинса туда, где на стенах дрожали тени животных. Ему хотелось есть, и как раз приближалось время охоты для ужина. Он резко закончил: - Сынок, мое терпение вроде бы подходит к концу. Самое время тебе убраться.

- Хорошо. А я могу придти завтра?

- Кто знает. Кто знает.

Теперь улыбка парнишки стала искренней:

- Спасибо, что ты согласился поговорить со мной, Дик. До свидания!

4

В неспокойном свете лун Раулинс выбрался из зоны "А". Голос мозга корабля вел его назад тем же самым путем, причем, порой в самых опасных местах на эти указания накладывался голос Бордмана.

- Хорошо начал, - говорил Бордман, - это уже плюс, что он вообще терпит тебя. Как ты себя чувствуешь?

- Паршиво, Чарльз.

- Потому что был так близко от него?

- Потому что поступаю как свинья.

- Перестань бредить, Нед. Если мне придется читать тебе нотации каждый раз, как ты туда отправляешься...

- Свое задание я выполню, - заявил Раулинс. - Но это не значит, что мне оно нравится.

Он осторожно прошел по каменной плите с пружиной, которая сбросила бы его в пропасть, если бы он ступил на нее в непредусмотренное время. Какой-то некрупный, невероятно зубастый зверек запищал, словно смеялся над ним. По ту сторону плиты он ткнул стену в соответствующем месте, и стена разошлась. Он вошел в зону "В". Поглядев наверх, на притолоку, он заметил глаз в углублении, который вне сомнения был видеофоном. Он улыбнулся ему на тот случай, если Мюллер следит за его уходом.

Теперь понятно, думал он, почему Мюллер решил изолироваться от мира. В подобных условиях я поступил бы точно так же. Мюллер, благодаря гидрянам, получил духовное увечье, причем в эпоху, когда любое увечье воспринимается как достойный сожаления пережиток прошлого. С точки зрения эстетики считалось преступлением отсутствие конечностей, глаза или носа, но эти недостатки можно легко исправить, хотя бы из-за заботы о ближних. Демонстрация своего уродства перед человечеством - антисоциальный поступок, вне сомнения.

Однако, ни один из специалистов не смог бы излечить уродство Мюллера. Такому оставалось лишь отъединиться от

общества. Кто-то слабый избрал бы смерть. Мюллер предпочел изгнание.

Раулинс все еще дрожал от недолгого прямого контакта с Мюллером. Ведь он чуть ли не минуту воспринимал эманацию незащищенных, обнаженных эмоций, действующих без слов. Эта волна, бьющая из глубин человеческой души, пробуждала страх, угнетение.

То, чем гидряне наделили его, не было телепатическим даром. Из него непроизвольно излучалась его личность: ревущий поток дичайшего отчаяния, река печали, сожаления, вся грязь души. И он не мог сдержать это. В то короткое время Раулинс буквально был залит этим водопадом эмоций, а сперва и позже его охватывала лишь жалость.

Он осознавал это по-своему. Печаль Мюллера не была лишь его личной печалью, он транслировал не больше и не меньше, а лишь сознание тех наказаний, какие изобрел космос для живущих в нем. В те мгновения Раулинс ощущал себя настроенным на каждый из диссонансов - упущенные возможности, растоптанная любовь, торопливые слова, неоправданные сожаления, голод, чванство и жажда, стилет зависти, яд разочарования, смертоносные клыки времени, гибель на зиму крохотных насекомых, слезы отчаяния, слезы созданий божьих. В то мгновение он познал старение, утраты, ярость, беспомощность, одиночество, опустошение, самоуверенность и безумие. Услышал немой рев космического гнева.

Неужели все мы таковы? - поразился он. И то же самое излучаем и я, и Бордман, и моя мать, и та девушка, которую я любил когда-то? Неужели все мы, блуждая по миру, издаем такие же сигналы, разве что не способны воспринимать волны такой частоты?

Настоящее счастье. Слушать такую песню было бы невероятно болезненно.

Бордман сказал:

- Очнись, Нед. Перестань предаваться печальным размышлениям и следи за тем, чтобы тебя что-либо не убило. Ты уже почти в зоне "С".

- Чарльз, что ты чувствовал, когда был рядом с Мюллером после его возвращения с Беты Гидры?

- Об этом поговорим попозже.

- Ты чувствовал себя так, словно внезапно понял, что такое человеческие существа?

- Я же сказал - попозже...

- Позволь мне говорить о том, о чем мне хочется говорить, Чарльз. Дорога здесь безопасна. Сегодня я заглянул в душу человека... Ошеломляюще! Но послушай... Не может быть, что он на самом деле такой. Он же хороший человек. От него бьет мерзостью, но это только фон. Какие-то отвратительные помехи, которые не говорят нам правды о Дике Мюллере. Что-то, чего мы не должны слышать... искаженные сигналы, как тогда, когда ты нацеливаешь открытый амплификатор на звезды и слышишь завывание призраков, знаешь... тогда даже от самых прекрасных звезд доносятся гнусные вопли, но это только реакция амплификатора... и не имеет ничего общего с самой природой той звезды, это... это...

- Нед!

- Прости, Чарльз!

- Возвращайся в лагерь! Мы все согласны, что Дик - превосходный человек. Именно поэтому он и необходим нам. И ты нам необходим тоже, так что заткнись, наконец, и смотри, куда идешь.

Будь осторожней! Спокойней! Спокойней! Спокойней! Что это за зверюга там слева? Прибавь шаг, Нед. Но спокойно. Это единственный способ, сынок! Сохраняй спокойствие.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Ранним утром следующего дня, когда они вновь встретились, они чувствовали себя свободнее. Раулинс после ночи, проведенной в лагере под металлической сеткой генератора сна, выспавшийся и отдохнувший, отыскал Мюллера у высокого пилона на краю обширной центральной площади.

- Как ты думаешь, что это? - начал разговор Мюллер, едва заметив его появление. - Такой стоит здесь на каждом из восьми углов площади. Я уже много лет слежу за ними. Они вращаются. Посмотри.

Он указал на один из боков пилона. Подходя, Раулинс на расстоянии метров в десять начал ощущать эманацию Мюллера. Однако он пересилил себя и подошел поближе. Так близко ему вчера быть не приходилось за исключением той жуткой минуты, когда Мюллер схватил его и притянул к себе.

- Видишь это? - спросил Мюллер, постукивая по пилону.

- Какой-то знак.

- У меня ушло чуть ли не шесть месяцев на то, чтобы нацарапать его. Я пользовался обломками кристаллов вон от той стены. Каждый день я посвящал этому час, а то и два, пока не получил четкий след на металле. Потом наблюдал. На протяжении одного местного года пилон совершает один полный оборот. А значит - он вращается. Незаметно, но вращается. Что-то вроде календаря.

- А они... а ты... а ты когда-нибудь...

- Ближе к делу, сынок.

- Прости. - Раулинс отступил на пару шагов, стараясь не показать, что близость плохо влияет на него. Он был оглушен, растерян. На расстоянии в пять метров он уже почувствовал определенное облегчение, но чтобы выдержать это, он был вынужден постоянно повторять про себя, что переносит эманацию с каждой минутой все лучше.

- О чем ты спрашивал?

- Ты наблюдаешь только за этим пилоном?

- Я сделал знаки еще на паре. Наверняка все они вращаются. Однако их механизмы я не обнаружил. Под этим городом скрывается какой-то фантастический мозг. Старый, насчитывающий миллионы лет, но все еще работающий. Может быть, это какой-то жидкий металл, в котором циркулируют первоэлементы создания. Этот мозг заставляет вращаться пилоны, следит за чистотой воды, чистит улицы.

- И расставляет ловушки.

- И расставляет ловушки, - подтвердил Мюллер. - Но для меня это непонятно. Когда я копал и тут и там, под тротуаром, я натыкался только на почву. Может быть, вы, сукины дети археологи, сможете локализовать мозг этого города? Ну? Есть какие-нибудь наметки?

- Вроде бы никаких, - сказал Раулинс.

- Ты говоришь это без особой уверенности.

- Потому что не знаю. Я не принимаю никакого участия в работах на территории лабиринта. - Раулинс невольно виновато улыбнулся. Он тут же пожалел об этом и услышал по контрольной линии замечание Бордмана, что виноватая улыбка как правило заранее отмечает ложь, и что Мюллер в любую минуту может сообразить это. - Я преимущественно работал снаружи, - объяснил он Мюллеру, - вел исследования у входа. А потом, когда вошел, то направился прямо сюда. Так что я не знаю, что наоткрывали тут другие. Если, вообще, они что-то открыли.

- Они собираются вести раскопки на улицах? - спросил Мюллер.

- Не думаю. Теперь мы так часто не копаем. У нас есть исследовательская аппаратура, сенсорные устройства и зондирующие лучи. - Захваченный собственной импровизацией, он продолжал: - Разумеется, когда-то археология несла разрушения. Чтобы исследовать то, что находится под пирамидой, надо было пирамиду разобрать. Но сейчас для многих работ мы можем использовать роботов. Понимаешь, это новая школа - исследование грунта без раскопки его. Таким образом мы сохраняем памятники прошлых дней...

- На одной из планет Эпсилон Индейца, - сказал Мюллер, - какие-нибудь пятнадцать лет назад группа археологов разобрала древнейший погребальный павильон неизвестного происхождения, и ни одним из способов не удалось восстановить это сооружение, поскольку никто не знал, на каком принципе оно было построено. Как бы ни пытались сложить его, оно падало, и это была огромная потеря. Я случайно видел его развалины несколько месяцев спустя. Разумеется, ты знаешь эту историю.

Раулинс истории этой не знал. Покраснев, он произнес:

- Ну... в любой области всегда отыщутся свои халтурщики...

- Лишь бы их здесь не было. Я не потерплю никаких разрушений в лабиринте. Это не значит, что у них нашлось бы много возможностей для этого. Лабиринт превосходно защищает себя. - Мюллер неторопливо отошел от пилона.

Раулинс чувствовал все большее облегчение по мере того, как росло расстояние между ними, но Бордман посоветовал ему пойти за Мюллером. Тактика преодоления недоверчивости Мюллера предусматривала намеренное пребывание в эманационном поле. Не оборачиваясь, Мюллер произнес как бы сам себе:

- Клетки опять закрыты.

- Клетки?

- Посмотри... вон там, на той улице.

Раулинс увидел нишу в стене здания. Прямо из мостовой вырастало несколько десятков прутьев из белого металла, постепенно изгибающихся и входящих в стену на высоте примерно четырех метров. Таким образом, они создавали нечто вроде клетки. Другую такую же клетку он разглядел дальше на той же улице.

Мюллер сказал:

- Всего их двадцать, они симметрично расположены на улицах, отходящих от площади. Трижды за то время, пока я здесь нахожусь, клетки открывались. Прутья как-то вдвигаются в тротуар и исчезают. Последний, третий раз это произошло позавчера ночью. Я никогда не видел самого процесса открытия или закрытия. И на этот раз проворонил.

- Для чего, как тебе кажется, могли служить эти клетки? - поинтересовался Раулинс.

- В них содержались опасные звери. Или же плененные враги, быть может. Для чего же еще могут служить клетки?

- Но ведь они открываются до сих пор.

- Город все еще заботится о своих жителях. В наружные зоны проникли враги. Вот клетки и ждут в готовности на тот случай, если кто-то из них будет пойман.

- Ты говоришь о нас?

- Да. О врагах. - В глазах Мюллера неожиданно блеснула параноидальная ярость. Угрожающе быстро после логических расуждений последовал этот холодный взрыв. - Хомо сапиенс! Самое безжалостное, самое грязное и самое подлое животное во Вселенной!

- Ты говоришь так, словно сам в это веришь...

- Верю.

- Успокойся, - сказал Раулинс. - Ты же всю свою жизнь старался на благо человечества. Не может быть, чтобы ты в это верил...

- Всю свою жизнь, - медленно произнес Мюллер, - я потратил на благо Дика Мюллера.

Он повернулся к Раулинсу. Расстояние между ними было метров шесть-семь, но, казалось, что эманация почти также сильна, как если бы они стояли лицом к лицу.

- Человечество, - продолжал он, - нисколько не касалось меня, малыш. Я видел звезды и хотел владеть ими. Мне мерещилось божественное могущество. Одного мира мне казалось мало. Я жаждал обладать всеми мирами. Поэтому я выбрал себе профессию, которая сделала звезды доступными для меня. Я тысячу раз был перед лицом смерти, выдерживал фантастические температуры. От дыхания причудливыми газами легкие мои сгнили, так что мне пришлось подвергнуть их обновлению. Я ел мерзости, один рассказ о которых вызывает тошноту. А детишки, такие как ты, обожали меня и писали рефераты о моей самоотверженности в работе на благо человечества, о моей безграничной жажде знаний.

А я тебе объясню, что было на самом деле. Во мне было столько же самоотверженности, как в Колумбе, Магеллане или Марко Поло. Это были великие путешественники, конечно же, но при этом они стремились и к немалой прибыли. Прибыль же, которой добился я - все вокруг. Я хотел сделаться стокилометрового роста. Хотел, чтобы памятники мне из золота были установлены на тысячах планет. Знаешь, как в стихах: "Слава - вот наши шпоры... последняя слабость утонченного ума". Мильтон.

Ты знаком с этими вашими греками? Когда человек забирается слишком высоко, боги сбрасывают его вниз. Я познакомился с этим фатальным образом. Когда я сквозь облака спускался к гидрянам, я ощущал себя богом. Когда я улетал оттуда, вновь сквозь те же облака... тоже был богом. Для гидрян это уже вне сомнения. Тогда я думал: я останусь в их мифах, они всегда будут рассказывать легенды обо мне. Существо, спустившееся к ним и встревожившее их настолько, что пришлось его обезвредить... Но...

- Эта клетка...

- Позволь, я закончу! - рявкнул Мюллер. - Ты понимаешь, в действительности я никакой не бог... я обычный паршивый смертный, одержимый иллюзиями собственной богоравности, пока истинные боги не позаботились преподать мне небольшой урок. Это они сочли необходимым напомнить мне, что под пластиковым комбинезоном скрывается волосатый скот... что в этом интеллигентном черепе кроется звериный мозг. Это по их поручению гидряне воспользовались кой-какими своими хирургическими уловками - наверняка одной из своих специальностей - и открыли у меня этот мозг.

Не знаю, сделали ли они это из злости, чтобы я узнал, что такое жизнь в аду, или же решили, что должны избавить меня от моего врожденного порока, а именно - неумения проявлять чувства. Они - чужие нам создания. Ты только представь их себе. Но они внесли это небольшое исправление.

А я вернулся на Землю. Герой и прокаженный в одном лице. Встаньте рядом со мной - и вас начнет рвать. Почему? Да потому, что то, что бьет из меня, напоминает каждому, что он тоже зверь. И в результате мы лишь несемся сломя голову по нашему порочному кругу. Любой начинает ненавидеть меня, поскольку побывав рядом, начинает разбираться в своей собственной душе. И я ненавижу всех, так как знаю, что они сторонятся меня. Видишь ли, я разносчик заразы, и имя этой заразы - правда. Я утверждаю, что залогом человеческого

счастья служит плотность черепной коробки. Если бы люди обладали хоть зачатками телепатических способностей, хотя бы той смутной силой, умением обходиться без слов, какими располагаю я, то они попросту не смогли бы находиться в обществе друг друга. Существование человеческого коллектива сделалось бы невозможным. А гидряне могут взаимно воспринимать мысли друг друга, и, по-видимому, это доставляет им удовольствие. Но мы так не можем. И именно потому я заявляю тебе, что человек - это скорее всего наиболее достойное удивления животное во всей Вселенной, неспособное даже переносить запах своих ближних... Душа не желает знать душу...

Раулинс сказал:

- Эти клетки вроде открываются.

- Что? Сейчас погляжу.

Мюллер бросился к клеткам. Раулинс не успел достаточно быстро отстраниться и испытал мгновенный удар эманации. На этот раз это не было болезненно: он увидел осень, засыхающие листья, вянущие цветы, пыль от порывов ветра, ранние сумерки. Он испытал скорее сожаление, чем боль от кратковременности жизни, неизбежного омертвления. Тем временем Мюллер, забыв обо всем, смотрел на алебастровые прутья клетки.

- Они ушли в тротуар уже на несколько сантиметров. Почему ты мне сказал только сейчас?

- Я пытался и раньше. Но ты меня не слушал.

- Да, да. Эти мои чертовы монологи! - Мюллер рассмеялся. - Нед, я ждал много лет, чтобы увидеть это. Эта клетка действительно открывается. Смотри, как быстро исчезают прутья в мостовой. Это очень странно, Нед. До сих пор они ни разу не открывались дважды в год, а тут второй раз за одну неделю...

- Может быть, ты просто не замечал этого, - предположил Раулинс. - Может быть, ты спал, когда они...

- Ладно, смотри!

- Как ты думаешь, почему они открываются именно в эту минуту?

- Повсюду вокруг враги, - сказал Мюллер. - Меня город уже принимает за своего. Я - постоянный житель. Слишком долго я нахожусь здесь. А теперь смысл, наверное, заключается в том, чтобы запереть тебя. Врага. Человека.

Клетка раскрылась полностью. Не было видно ни следа от прутьев, разве что на тротуаре остался ряд небольших отверстий.

- Ты пытался когда-нибудь что-нибудь поместить в эту клетку? - спросил Раулинс. - Какое-нибудь животное?

- Разумеется. В одну из них я засунул здоровую убитую зверюгу. Клетка не закрывалась. Тогда я поместил в нее несколько небольших пойманных зверьков. Я их связал и сунул живьем. И она опять не закрылась, - Мюллер нахмурил брови. - Однажды я даже сам вошел, хотел проверить, закроется ли клетка автоматически, почувствовав живого человека. И тоже ничего не произошло. Я тебе советую: не ставь таких экспериментов, когда очутишься в одиночестве. - Он замолчал, а потом спросил через минуту: - Ты хотел бы помочь мне в ее исследовании? А, Нед?

Раулинс заколебался. Разреженный воздух неожиданно как огнем начал жечь ему легкие.

Мюллер спокойно продолжал:

- Ты только войди в нишу и постой там пару минут. Посмотрим, закроется ли клетка, чтобы задержать тебя. Это стоит проверить.

- А если она закроется? - поинтересовался Раулинс, не отнесясь к этому предложению серьезно. У тебя есть ключ, чтобы выпустить меня из нее?

- Мы всегда можем выломать эти прутья.

- Это было бы уничтожение для того, чтобы выпустить меня. Ты сам говорил мне, что не позволишь ничего разрушать в лабиринте.

- Временами приходится уничтожать для того, чтобы обрести знания. Ну же, Нед, войди в эту нишу!

Мюллер произнес это странным приказным тоном. Теперь он замер в каком-то причудливом ожидании, полупригнувшись, уткнув руки в бок. Словно сам собирается броситься в клетку, подумал Раулинс.

Тихонько прозвучал голос Бордмана:

- Сделай это, Нед. Войди. Покажи, что ты ему доверяешь. Ему-то я доверяю, подумал Раулинс, а вот этой клетке - нет.

Он тревожно представил себе, как в клетке, едва успеют сомкнуться прутья, провалится пол, и он рухнет куда-нибудь в подземелье прямо в чан с кислотой или в море огня. Лобное место для плененных врагов. Где взять уверенность, что это не так?

- Войди туда, Нед, - прошептал Бордман.

Это был великолепный жест и совершенно безумный. Раулинс переступил ряд отверстий и повернулся спиной к стене. Почти немедленно прутья выскочили из своих гнезд и, не оставляя ни щели, заперли его. Не произошло ничего из тех ужасов, которые он ожидал, но он стал узником.

- Интересно, - сказал Мюллер. - Скорее всего, клетка реагирует на интеллект. Поэтому и не получились проверки с животными. И живыми, и мертвыми. А ты что об этом думаешь, Нед?

- Я рад, что помог тебе в твоих изысканиях. Но был бы рад еще больше, если бы ты выпустил меня отсюда.

- Я не могу управлять этими прутьями.

- Но ты говорил, что можешь их выломать.

- Зачем так сразу браться за разрушение? Подождем с этим, ладно? Может быть, она сама откроется. Я принесу тебе что-нибудь перекусить, если ты захочешь. В клетке ты в полной безопасности. А твои коллеги не переполошатся, если ты не вернешься до наступления сумерек?

- Я им сообщу, - кисло сказал Раулинс. - Однако я надеюсь, что до тех пор я отсюда выберусь.

- Не горячись, - услышал он голос Бордмана. - В худшем случае, мы сами можем извлечь тебя оттуда. А сейчас поддакивай Мюллеру в чем только сможешь, пока окончательно не завоюешь его симпатию. Если ты меня слышишь, коснись правой рукой подбородка.

Раулинс коснулся подбородка правой рукой.

Мюллер сказал:

- Ты достаточно смел, Нед. Или глуп. Порой я не уверен, не одно и то же ли это. Но я в любом случае благодарен тебе. Мне надо было знать, как обстоит дело с этими клетками.

- Видишь, и от меня есть какая-то польза. Значит люди, несмотря ни на что, не такие уж чудовища.

- Сознательно - нет. Мерзка лишь та гниль, что в глубине их естества. Ну, напомню тебе, - Мюллер подошел к клетке и ухватился руками за гладкие прутья, белые как кость, - то, что под черепной коробкой. Сам я, разумеется, никогда не смогу ощутить этого. Разве что выведу путем экстраполяции по реакции окружающих. Это должно вызывать отвращение.

- Я бы смог к этому привыкнуть, - сказал Раулинс. Он уселся на полу клетки по-турецки. - После возвращения на Землю с Беты Гидры IV ты никак не пытался избавиться от этого?

- Я беседовал со специалистами по перевоплощениям. Но они не смогли разобраться, какие перемены произошли в моих нервных связях, и поэтому не знали, что делать. Мило, правда?

- Ты еще долго оставался на Земле?

- Несколько месяцев. Достаточно долго, чтобы обнаружить, что все мои знакомые зеленеют, стоит им ко мне приблизиться. Я принялся оплакивать себя и себя же ненавидеть, не знаю, что хуже. Знаешь, я даже хотел покончить с собой, дабы избавить мир от этой напасти.

Раулинс сказал:

- Я не верю. Некоторые люди попросту не способны на самоубийство. И ты один из них.

- Благодарю, но я сам знаю об этом. Будь добр заметить, я жив еще до сих пор. Сперва я ударился в лучшие из наркотиков, потом начал пить, затем принялся отыскивать разнообразнейшие опасности. И вот жив еще. За один месяц меня по очереди лечили в четырех нейропсихиатрических клиниках. Я пытался носить свинцовый шлем с мягкой прокладкой, чтобы задерживать излучение мысли. Но это было то же самое, что пытаться ловить ведром нейтроны. Я даже умудрился вызвать панику в одном из публичных домов на Венере. Все девицы выскочили в чем мать родила, едва почувствовав этот запашок. - Мюллер сплюнул. - Знаешь, я всегда мог находиться или не находиться в компании. Находясь среди людей, я был добродушным, сердечным, проявлял дружеские чувства. Не такой сердечный паинька, как ты, чрезмерно тактичный и вежливый... и все же я мог находить общий язык с людьми, болтать с ними, развлекаться. А потом отправлялся в путешествие года на полтора, никого не видя, ни с кем не разговаривая, но мне тоже было хорошо. Лишь в ту минуту, когда я навсегда отрезал себя от человечества, я обнаружил, что на самом-то деле люди мне необходимы. Но теперь с этим покончено. Я подавил в себе эту тягу, сынок. Я могу провести в одиночестве и сто лет, не тоскуя по живой душе. Я перестроил себя, чтобы видеть человечество так же, как оно видит меня... и теперь оно для меня - нечто угнетающее, вызывающее неприязнь, словно изувеченное создание, которое лучше обойти стороной.

Чтобы вам всем гореть в аду! Я никому из вас не должен, никого не люблю. У меня нет никаких обязанностей перед вами. Я мог бы оставить тебя здесь, чтобы ты сгнил в этой клетке, Нед, и ни разу бы не испытал укоров совести по этому поводу. Я мог бы приходить сюда дважды в день и улыбаться

твоему черепу. И не потому, что я ненавижу тебя лично или же всю Галактику, полную тебе подобных. Просто-напросто потому, что не воспринимаю тебя. Ты для меня - ничто. Ты меньше, чем ничто. Горстка праха. Я уже знаю тебя, ты знаешь меня.

- Ты говоришь так, словно принадлежишь к другой расе, - задумчиво сказал Раулинс.

- Нет, я принадлежу к расе людей. Я наиболее человек изо всех вас, потому что я единственный, кто не может скрыть своей принадлежности к людям. Ты чувствуешь это? Ощущаешь эту вонь?

То, что живет во мне, есть и в тебе. Слетай к гидрянам, они помогут тебе вызволить это из себя. А потом от тебя также начнут разбегаться люди, как это было со мной. Поскольку я свидетельствую от имени человечества, говорю правду. Я тот мозг, что случайно оказался не скрыт под мышцами и кожей. Те внутренности, отходы, существование которых мы предпочитаем не признавать. Я - это всевозможная ложь, жадность, вспышки ненависти, болезни, зависть. Я тот, кто ощущал себя богом. Мне дали понять, что я на самом деле.

- Почему, - спокойно спросил Раулинс, - ты решил прилететь на Лемнос?

- Мне подсказал эту мыслишку некто Чарльз Бордман.

Раулинс вздрогнул от неожиданности, когда прозвучало это имя.

- Знаешь его? - спросил Мюллер.

- Ну да, знаю, разумеется. Он... он.. крупная фигура в нашем правительстве.

- Что же, про него можно сказать и так. Так вот, этот самый Бордман отправил меня на Бету Гидры IV. Да-а, он не завлекал меня обманом, ему не пришлось прибегать ни к одному из своих не особо чистых способов. Он слишком хорошо знал, что я из себя представляю. Он просто-напросто сыграл на моем честолюбии. Он напомнил мне, что есть планета, населенная чужаками, чужими разумными существами, и надо, чтобы там появился человек. Скорее всего, это работа для самоубийцы, но одновременно - первый контакт человечества с иной расой существ, наделенных разумом, так что не хотел ли бы я взяться за это?

Разумеется, я захотел. Он предвидел, что я не смогу противостоять такому предложению. Потом, когда я вернулся в этом своем состоянии, он какое-то время старался избегать

меня... может быть из-за того, что не мог вынести этой эманации, может быть из-за чувства вины.

Но в конце концов я подловил его и сказал: "Посмотри на меня, Чарльз, вот каким я стал. Посоветуй, куда мне отправиться и чем заняться". Я близко подошел к нему. Почти вплотную. И лицо его покрылось потом. Ему пришлось принять таблетки. Я видел отвращение в его глазах. И тогда он напомнил мне об этом лабиринте на Лемносе.

- Почему?

- Он решил, что самое подходящее для меня убежище - это здесь. Не знаю, от чистого ли сердца или не без задних мыслей был этот совет. Может быть, он надеялся, что лабиринт убьет меня. Достойная смерть для таких, как я. В любом случае, лучшая, чем сделать глоток какого-нибудь растворителя и стечь в канализацию. Но я, разумеется, сказал ему, что мне даже и не снилось лететь на Лемнос. Я захотел замести следы за собой. Я разыграл гнев, накричал, что это последнее дело, которое я бы сделал. Потом провел месяц, болтаясь по подземельям Нового Орлеана, а когда вновь вынырнул на поверхность, то нанял корабль и прилетел сюда. Я петлял, как только мог, чтобы уже никто наверняка не сообразил, куда я направляюсь. Бордман оказался прав. Это в самом деле наиболее подходящее место для меня.

- Но каким образом, - спросил Раулинс, - ты смог добраться до центра лабиринта?

- Мне просто не повезло.

- Не повезло?

- Я мечтал погибнуть в лучах славы, - сказал Мюллер. - Мне было все равно, уцелею ли я, проходя через лабиринт, или нет. Я просто шел, куда глаза глядят, и волей-неволей оказался в центре.

- Мне в это трудно поверить.

- Твое дело, но примерно так это и было. Суть в том, что я из тех людей, которые способны преодолеть все. Это какое-то природное качество, если вообще не что-то сверхъестественное. У меня необычайно быстрая реакция. Интуиция. Шестое чувство, как говорят. И необычайно сильная жажда жизни. Кроме того, я прихватил с собой детекторы живой массы и еще кое-что из полезного барахла. Так что когда я забрался в лабиринт, то если видел, что где-то рядом лежат трупы, начинал повнимательнее приглядываться, а когда чувствовал, что глаза начинают меня подводить, останавливался и делал передышку. В зоне "Х" я был уверен, что меня под-

жидает смерть. Но судьба решила иначе, я умудрился пройти там, где никому другому это не удавалось... потому, наверное, что я шел без страха, безразлично, не было первичной скованности. Я пробивался как кошка, мышцы мои работали превосходно, и таким образом к моему величайшему разочарованию преодолел самые опасные части лабиринта и оказался вот тут.

- Ты когда-нибудь выходил наружу?

- Нет. Иногда я прогуливаюсь до зоны "E", в которой находятся сейчас твои коллеги. Дважды я побывал в зоне "F". Но преимущественно я остаюсь в трех внутренних зонах. Я совсем неплохо устроился. Запасы мяса я храню в радиационном холодильнике. Я отвел целый дом под свою библиотеку и подходящее место для сексаторов. В другом доме я препарирую животных. Часто охочусь, и изучаю лабиринт, пытаясь исследовать все его приспособления. Я надиктовал уже несколько кубиков-дневников. Ручаюсь, что твои приятели-археологи дорвались бы до этих записей с величайшей радостью.

- Наверняка, они дали бы нам множество информации, - согласился Раулинс.

- Не сомневаюсь. Так что я их припрячу, чтобы никто из вас не смог бы добраться до них. Ты еще не проголодался, сынок?

- Слегка.

- Пойду, принесу тебе обед.

2

Размашистым шагом Мюллер направился в сторону ближайших домов. Когда он исчез, Раулинс негромко произнес:

- Это страшно, Чарльз. Он явно свихнулся.

- Не будь в этом так уверен, - отвстил Бордман. - Вне сомнения, девять лет одиночества могут нарушить человеческую уравновешенность, а Мюллер уже тогда, когда я видел его в последний раз, не отличался уравновешенностью. Но скорее всего, он начал с тобой какую-то игру... строит из себя психа, пытаясь выяснить, насколько ты легковерен.

- А если он не притворяется?

- В свете того, что нам требуется, его сумасшествие не играет никакой роли. Это могло бы только помочь.

- Я не понимаю.

- Тебе и не надо понимать, - спокойно ответил Бордман. - Только веди себя спокойно, Нед. До сих пор ты все делал превосходно.

Мюллер вернулся, неся миску с мясом и изящный хрустальный сосуд с водой.

- Ничем лучшим я не могу тебя побаловать, - сказал он и пропихнул кусок мяса между прутьями. - Местная дичь. Ты ешь обычную натуральную пищу, верно?

- Да.

- В твоем возрасте так и надо. Ты говорил, сколько тебе лет? Двадцать пять?

- Двадцать три.

- Это еще хуже.

Мюллер подал Раулинсу сосуд. Вода имела приятный вкус или может быть, отсутствие вкуса. Потом он молча сел рядом с клеткой и сам приступил к еде. Раулинс убедился, что эманация уже не такая омерзительная, даже на расстоянии менее пяти метров. Наверное, к ней можно приспособиться, подумал он. Если кому-то это очень понадобится.

После длительного молчания он спросил:

- Ты не вышел бы на пару дней из своего убежища, чтобы познакомиться с моими спутниками?

- Исключено.

- Им не терпится поговорить с тобой.

- А меня беседа с ними совершенно не интересует. Я предпочитаю разговаривать с животными.

- Со мной же ты говоришь, - заметил Раулинс.

- Поскольку это для меня в новинку. Поскольку твой отец был моим приятелем. Поскольку ты достаточно сносный. Но у меня нет никакого желания оказаться среди толпы археологов, пялящих на меня глаза...

- Тогда, может быть, ты встретишься с парой из них? - предложил Раулинс. - Чтобы освоиться с мыслью, что ты снова будешь среди людей.

- Нет.

- Не вижу причин...

Мюллер прервал его:

- Подожди-ка! Зачем это мне осваиваться с мыслью, что я снова буду среди людей?

Раулинс, смешавшись, ответил:

- Ну, ведь люди уже здесь. Потому что это нехорошо, если ты так долго намерен сторониться...

- Что ты здесь крутишь? Ты хочешь одурачить меня и выманить из лабиринта? Эй, приятель, скажи, что это ты там задумал? Задумал своим крошечным умишком. Какие у тебя причины, чтобы мне привыкать к людям?

Раулинс заколебался. Во время наступившего неловкого молчания Бордман быстро подсказал ему верный ответ - именно тот, который и был нужен. И он повторил эти слова, стараясь, чтобы они прозвучали естественно:

- Ты делаешь из меня интригана, Дик. Но я клянусь тебе: у меня нет дурных намерений. Я могу признаться, я в самом деле пытаюсь немного подыграть тебе, понравиться, завоевать симпатию. Наверное, мне стоит объяснить причины этого.

- Наверное стоит.

- Это из-за наших археологических исследований. Мы можем провести на Лемносе едва несколько недель. А ты тут... сколько лет ты здесь? Девять? Ты уже накопил кучу данных об этом лабиринте, Дик. С твоей стороны было бы некрасиво оставить их у себя. Так что я надеюсь, что как-то переубежу тебя, что сначала ты подружишься со мной, а потом, может быть, придешь к остальным в зону "Е" и переговоришь с ними, ответишь на их вопросы, поделишься информацией...

- С моей стороны некрасиво держать эти данные при себе?

- Ну да. Сокрытие знания - это грех.

- А красиво со стороны людей называть меня нечистым и бежать от меня?

- Это иное дело, - ответил Раулинс. - И его не решишь таким способом. Тут причина в твоем несчастье... которого ты не заслужил, и все жалеют, что такое несчастье случилось с тобой, но ты же сам должен понимать, что людям довольно трудно переносить безразлично твой... твой... твой...

- Мой смрад, - закончил Мюллер. - Ладно. Я понимаю, что находиться рядом со мной тяжело. Поэтому я и предпочитаю не огорчать твоих коллег. Я изолировал себя от человечества и таким отшельником и останусь. И тот факт, что сделал для тебя исключение и позволил надоедать своим присутствием, не играет никакой роли. А поскольку я объяснил уже тебе это, то знай, что мое несчастье не было незаслуженным. Я заслужил его, поскольку заглянул туда, куда не должен был заглядывать. Тщеславие распирало меня, я был уверен, что могу добиться всего, я начал было считать себя сверхчеловеком. Я уже объяснял тебе это.

Бордман продолжал давать Раулинсу свои указания. Чувствуя едкий привкус от собственной лжи, Раулинс пытался продолжать:

- Я не могу сердиться на тебя, Дик. И все же мне кажется, что ты поступишь некрасиво, если не поделишься с нами информацией. Вернись в памяти ко времени твоих собственных исследований. Когда ты совершал посадку на какой-нибудь из планет, и кто-нибудь там знал что-то важное, что было необходимо знать и тебе, разве ты не прилагал все усилия, чтобы эту информацию получить... пусть даже тот человек имел свои личные проблемы, которые...

- Мне очень жаль, - холодно возразил Мюллер, - но меня в самом деле все это больше не касается.

И ушел, оставив Раулинса в клетке с двумя кусками мяса и почти пустым сосудом.

3

Когда он исчез, Бордман сказал:

- Какой он раздражительный, верно? Но я и не рассчитывал, что он проявит мягкость характера. Ты начинаешь добираться до него, Нед. Ты как раз в нужных пропорциях соединяешь в себе хитрость с наивностью.

- И в результате сижу в клетке.

- Ну и что? Мы можем прислать робота, чтобы он тебя освободил, если вскоре клетка сама не откроется.

- Мюллер отсюда не выйдет, - продолжал Раулинс. - Он полон ненависти. Прямо сочится ею. Я никогда не видел, чтобы столько злобы умещалось в одном человеке.

- Ты не знаешь, что это за ненависть, - заметил Бордман. - И он не знает. Уверяю тебя, все идет хорошо. Без сомнения, будут еще кое-какие неудачи, но основное - это то, что он вообще с тобой разговаривает. Он не хочет ненавидеть. Создай такие условия, чтобы его лед растаял.

- Когда вы пришлете за мной робота?

- Попозже, - сказал Бордман.

4

Мюллер не возвращался. Сгущались сумерки и сделалось холоднее. Раулинс сидел в клетке, продрогший, съежившийся. Он пытался вообразить город в те времена, когда в нем бурлила жизнь, когда клетка служила для показа тварей, вы-

ловленных в лабиринте. Сюда приходят толпы строителей города, невысоких и плотных, покрытых густой медного цвета шерстью, с зеленоватой кожей. Размахивают длинными руками, указывая на клетку. А в клетке извивается существо, напоминающее какого-то исполинского скорпиона. Зрачки его полыхают, белые когти дерут мостовую, внезапно бьет хвост, и животное только и ждет, чтобы кто-то подошел слишком близко. Дети плюют в клетку. Слюна их как огонь. Ужасный узник, полный злых намерений, чувствует себя одиноким без созданий своего вида, которые кишмя кишат в освещенных туннелях на планете Альфекка или Маркаба - очень далеко. Но однажды, под клеткой пол проваливается, поскольку обитателям города наскучил их пленник из чужого мира, и он рушится в бездну, оскалившуюся остриями ножей.

Настала ночь. Раулинс уже несколько часов не слышал голоса Бордмана. Мюллера же он не видел почти полдня. По площади крались животные, преимущественно небольшие, с отвратительными зубами и когтями. А он на этот раз пришел сюда безоружный. Он был готов затоптать любое из этих созданий, которое бы только сунулось между прутьев клетки.

Он дрожал от холода, ему хотелось есть. Он пытался отыскать во тьме Мюллера. Все это перестало быть шуткой.

- Ты меня слышишь? - спросил Бордман. - Вскоре мы тебя оттуда вызволим.

- Да? Но когда?

- Мы выслали робота, Нед.

- Значит, достаточно будет четверти часа, чтобы робот дошел сюда. Здесь безопасные зоны.

Какое-то время Бордман молчал.

- Час назад Мюллер задержал робота и уничтожил его.

- И ты не мог мне об этом сказать сразу?

- Мы тотчас же выслали несколько роботов одновременно, - сообщил Бордман. - Мюллер наверняка уничтожит еще хотя бы одного. Все идет отлично, Нед. Тебе не грозит ни малейшая опасность.

- Если только ничего не случится, - пробормотал Раулинс.

Он не стал продолжать этого разговора. Озябший и голодный, он оперся о стену и ждал, наблюдая, как на площади на расстоянии ста метров небольшие гибкие зверюшки набрасываются и убивают значительно более крупных животных. Минуту спустя туда уже набегали стервятники, чтобы обглодать кучу окровавленных костей. Он прислушивался к звуку этой охоты и насыщения. Его поле зрения было ограничено, так что

ему приходилось вытягивать шею в поисках робота, высланного ему на помощь. Но робота не было.

Он ощущал себя человеком, принесенным в жертву, избранником смерти. Стервятники завершили свою работу. И тихо двинулись через площадь к нему - небольшие, напоминающие лисиц зверюшки, с крупными крутолобыми головами, кривоватыми лапами и желтыми, загибающимися внутрь когтями. Они шевелили золотистыми белками, посматривая на него с интересом. Мордочки их были измазаны густой, пурпурной кровью.

Они приближались. Раулинс заметил длинное узкое рыльце между прутьями клетки. Ударил. Морда убралась. Но с левой стороны уже другой зверек протискивался сквозь решетку. А дальше - еще трое. И вдруг эти зверюшки начали проникать в клетку отовсюду.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Бордман в лагере в зоне "F" свил себе уютное гнездышко. Но его старость как-то сама собой делала это естественным. Он никогда не был спартанцем, а уж сейчас, предприняв это тяжелое и рискованное путешествие, он прихватил с собой с Земли все, что только могло доставить ему удовольствие. Робот за роботом доставляли его имущество с корабля. В палатке он устроил себе жилище с центральным отоплением, световой драпировкой, поглощателями тяготения и даже с баром, полным напитков. Коньяк и другие деликатесы были у него под руками. Он спал на мягком надувном матраце, укрываясь толстым красным ковром, сотканым из теплого материала. Он знал, что остальные люди в лагере, хотя и вынужденные пользоваться гораздо меньшими удобствами, не питают к нему зла. Они понимали, что Чарльз Бордман дожен жить в уюте.

Вошел Гринфилд.

- Мы потеряли еще одного робота, - доложил он. - Значит, во внутренних стенах их осталось всего три.

Бордман поднес ко рту сигару и улыбнулся.

- Итак, Мюллер вывел из строя и этих тоже?

- Боюсь, что так. Он знает входные трассы лучше нас. И все держит под контролем.

- Вы выслали хотя бы одного робота путем, которого у нас нет на картах?

- Даже двух. Оба пропали.

- Хм-м. Надо бы выслать большее число роботов одновременно. Тогда будет надежда, что хотя бы один не привлечет внимания Мюллера. Парнишка нервничает в клетке. Измените программу, хорошо? Мозг корабля подберет нужную диверсионную тактику, если вы его верно запрограммируете. Скажем, пусть роботов двадцать пойдут одновременно.

- У нас их осталось всего три, - напомнил Гринфилд.

Бордман прикусил сигару.

- Три тут в лагере или вообще?

- Три в лагере. Снаружи лабиринта их еще пять. Они уже начинают входить.

- Кто такое допустил? Я еще поговорю с Хостином. Надо собрать новые из блоков. К утру в моем распоряжении должно быть пятьдесят роботов. нет, восемьдесят. Нет, какая безнадежная глупость, Гринфилд!

- Именно так.

- Ладно, убирайтесь!

Бордман с раздражением затянулся сигарным дымом. Он пододвинул бутылку коньяка - превосходного, густого, липковатого напитка, изготовленного отцами-монахами на планете Денеб XIII. Ситуация и в самом деле была тревожной. Он отхлебнул с полбокала коньяка, потерял дыхание, потом наполнил бокал заново.

Он знал, что ему грозит потеря перспективы - страшнейший из всех грехов. Деликатность этой миссии уже начала несколько раздражать его. Рассерженный, он погасил сигару о пепельницу и немедленно воззрился с изумлением на длинный окурок. Сколько сигары пропало! Сама она уже не раскурится. Но ведь есть же инфракрасный луч от генератора. Он снова раскурил сигару и энергично запыхтел ею, пока она не раскурилась. Потом неохотно протянул руку и вновь нажал клавишу связи с Недом Раулинсом.

Он увидел на экране вертикальные прутья в лунном отблеске и волосатые мордочки, посверкивающие зубами.

- Нед! - вскричал он. - Это Чарльз. Мы выслали к тебе много роботов. Мы вызволим тебя из этой идиотской клетки за пять минут. Слышишь? За пять минут!

2

Раулинс был очень занят.

Это выглядело чуть ли не смешно. Без конца набегали и набегали эти зверьки. Всовывали мордочки между прутьями - по две, по три сразу. Лисицы, норки, горностаи или дьявол их разберет, какие это зверюшки - ничего, кроме зубов и маленьких алых пастей. Но ведь кормились-то они падалью, сами не убивали. Неизвестно, что притягивало их к клетке. Они протискивались, собирались вокруг Раулинса, жестким мехом терлись о его ноги, били его лапками, драли ему кожу когтями, грызли ему лодыжки.

Он топтал их. Он довольно скоро убедился, что стукая каждую по голове тяжелым ботинком, он сразу же ломает ей позвоночник. Мгновенными ударами он отбрасывал свои очередные жертвы в угол клетки, куда сразу же кучей кидались маленькие бестии. Каннибалы. Постепенно он вошел в ритм. Поворот. Удар. Толчок. Поворот. Удар. Толчок. Хруп. Хруп. Хруп.

И все же грызли и царапали они его ужасно.

Первые пять минут у него почти не было времени для отдыха. Поворот, удар, толчок. Он так расправился по крайней мере с двумя десятками за каких-то пять минут. В углу клетки скопилась гора маленьких скрючившихся телец, на которой копошились живые, пытаясь отыскать лучшие куски.

Но, наконец-то, он угостил их всех, находящихся в клетке, а снаружи их больше не проникало. Теперь он мог передохнуть. Он ухватился за прут, поднял левую ногу и начал рассматривать многочисленные ранки, царапины, укусы. Интересно, дадут мне посмертно Звездный Крест, если я умру от галактического бешенства? - подумал он. Ноги у него были окровавлены от колен и ниже, и эти повреждения саднили и болели.

Неожиданно он понял, почему эти зверюшки, питающиеся падалью, пришли к нему. Имея сейчас возможность передохнуть, он почувствовал сильный запах гниющего мяса. Он чуть ли не ощутил в воображении - огромное животное с распоротым брюхом с красными липкими внутренностями... крупные черные мухи над ним... черви, копошащиеся в этом куске гнили...

Здесь, в этой клетке, разлагаться было нечему.

Мертвые стервятники еще не начали гнить, впрочем, немного их и останется, если не считать обгрызанных костей.

Значит, наверняка, это какая-то ловушка: западня с запахом, вмонтированная в клетку. Сама клетка распространяла такой запах. Зачем? Скорее всего, чтобы заманить стаю питающихся падалью внутрь. Изысканная форма пыток. Не исключено, что это дело рук Мюллера. Ведь мог же Мюллер дойти до ближайшего пульта управления и включить этот запах.

Но на этом Раулинсу пришлось закончить свои размышления. Новая армия стервятников бежала через площадь. Они были несколько крупнее, хотя и недостаточно большими, чтобы не пролезть между прутьями. Эти твари скалили зубы в лунном свете почти омерзительно. Раулинс немедленно растоптал трех урчащих, жрущих каннибалов, что еще оставались живыми, и вышвырнул их за прутья как можно дальше, метров на восемь-десять. Великолепно! Батальон новых визитеров остановился и начал лакомиться, пожирая трупики и еще не совсем мертвые тельца. Раулинс подумал, что если их не станет больше, то с ними он может справиться.

В конце концов они перестали надоедать ему. Он убил уже семьдесят, а то и восемьдесят штук. Запах свежей крови перебивал даже искусственный запах разложения. Ноги его ныли от ранений, голова кружилась. Но остаток ночи прошел спокойно.

Последние уцелевшие стервятники, пережравшись, тихонько удалились, даже не пытаясь добраться до утомленного человека. Изможденный, выдохнувшийся, близкий одновременно к смеху и плачу, Раулинс отпустил прутья и уже не смотрел больше на свои окровавленные ноги. Они ныли, горели. Он представил, как целые флотилии неведомых микроорганизмов уже кружат по его кровеносной системе. Распухший, сине-фиолетовый труп под утро, жертва перехитрившей самое себя хитрости Чарльза Бордмана. Идиотской идеей было забираться в эту клетку! Дурацкий способ заслужить доверие Мюллера, воистину дурацкий! А ведь у этой клетки есть свои плюсы, неожиданно подумал он.

Три крупных зверя крались к нему с трех сторон сразу. Походкой они они напоминали львов, а внешностью - кабанов. Приземистые, весящие, наверное, по сотне килограммов создания с острыми хребтами и вытянутыми пирамидальными мордами. Слюна капала с узких губ, крохотные глазки, попарно посаженные сразу под рваными обвисшими ушами с каждой стороны морды, посверкивали. Загнутые клыки выделя-

лись среди более мелких, более острых собачьих зубов на мощных челюстях.

Подозрительно поглядывая друг на друга, эти три мерзких создания произвели ряд ритуальных перемещений, свидетельствующих об их тупости, поскольку они лишь ходили кругом и следили друг за другом, а не изучали окружающее. Какое-то время они рылись в горе мертвых стервятников, но скорее всего, падалью они не питались - искали парное мясо. Их отвращение к этим жертвам каннибализма было очевидным.

Потом они повернулись, чтобы посмотреть на Раулинса, стоящего так, что каждое из них могло направить одну из пар глаз прямо на него. Вот теперь уже Раулинс воспринял клетку как убежище. Он не хотел бы оказаться снаружи, уставшим и беззащитным, когда три этих чудовища разыскивают здесь себе мясо на ужин.

И в ту же самую минуту прутья клетки начали бесшумно проваливаться в тротуар.

3

Мюллер, подходя, как раз застал эту сцену. Он задержался лишь на мгновение, чтобы поглядеть на исчезновение прутьев. Он обвел глазами трех проголодавшихся диких свиней и ошеломленного окровавленного Раулинса, неожиданно оказавшегося перед ними без преграды.

- Падай! - крикнул он.

Раулинс, пробежав четыре шага налево, упал на скользкую от крови мостовую лицом в груду маленьких трупиков на углу улицы. Мюллер выстрелил. Он не стал ломать голову над установлением прицела вручную, потому что это были несъедобные животные. Тремя быстрыми молниями он сразил свиней. Они даже не дернулись. Он бросился к Раулинсу, когда, внезапно, появился один из роботов, высланных из лагеря в зоне "F", весело направлявшийся в их сторону. Черт побери! Мюллер извлек из кармана смертоносный шар и навел окошко на робота. Робот повернул к нему бездушное пустое лицо. Выстрел. Механизм развалился. Раулинс пытался подняться с тротуара.

- Жаль, что ты его уничтожил, - пробормотал он. - Он пришел сюда затем, чтобы помочь мне.

- В помощи не было необходимости, - сказал Мюллер. - Ты можешь идти?

- Вроде бы.

- Тебя здорово попортили?

- Поглодали немножко, и ничего больше. Не так это страшно, как выглядит.

- Иди за мной.

Снова стервятники сбежались на площадь, притянутые запахом крови. Маленькие, поразительно зубастые, они серьезно взялись за дело с тремя огромными кабанами. Раулинс смотрел как-то рассеянно, что-то бормоча себе под нос. Забыв о своей эманации, Мюллер подхватил его под руку. Парнишка содрогнулся и вырвался, и тотчас же пожалел о своей невежливости и протянул Мюллеру руку. Через площадь они прошли вместе.

- Сюда! - резко сказал он.

Они вошли в шестиугольное помещение, где находился диагностат. Мюллер плотно закрыл дверь, вновь ставшую неразличимой, и Раулинс повалился на голый пол. Светлые волосы, мокрые от пота, приклеились к его лбу. Глаза метались, зрачки расширились.

- Долго продолжалось это нападение на тебя? - спросил Мюллер.

- Наверное минут пятнадцать-двадцать. Я не знаю. Должно быть, их было штук пятьдесят, а то и все сто. Они трескались, знаешь, словно ломались ветки. А потом клетка исчезла. - Раулинс разразился беззвучным смехом. - Это было наилучшее из всего! Едва я покончил с этими дрянями и попробовал передохнуть, явились три зверюги покрупнее, и, разумеется, клетка испарилась и...

- Помедленнее, - попросил Мюллер. - Ты тараторишь так быстро, что я не все понимаю. Ты можешь снять эти ботинки?

- То, что от них осталось?

- Вот именно. Скинь их, мы сейчас обработаем ноги. На Лемносе полным-полно микробов. И бацилл, и бактерий, и черт там знает чего еще...

Раулинс потянулся руками к ботинкам.

- Поможешь мне? Я, к сожалению, не...

- Тебе станет плохо, если я подойду чуть ближе, - предостерег Мюллер.

- К дьяволу это!

Мюллер пожал плечами. Он подошел к Раулинсу и принялся возиться со сломанной и изогнутой молнией его ботинок. Металл искорежили крохотные зубки, так же, кстати, как повредили кожу самих ботинок и подметок. Минуту спустя

Раулинс с голыми ногами лежал на полу, вытянувшись, и кривился, хотя и пытался строить из себя героя. Он мучился, хотя ни одно из повреждений не было, вроде бы, серьезным. Мюллер наладил диагностат. Лампы аппарата засветились, блеснул сигнал на выходе рецептора.

- Это какая-то старая модель, - сказал Раулинс. - Я не знаю, как с ней обращаться.

- Вытяни ноги под анализатором. Раулинс пошевелился. Голубой свет теперь падал на его ранки. Все в диагностате урчало и клокотало. Вытянулось гибкое щупальце с тампоном, которое бережно протерло его левую ногу почти что до паха. Диагностат втянул окровавленный тампон и принялся разлагать его на составные элементы, тем временем как другое щупальце водило тампоном по правой ноге Раулинса. Парнишка прикусил губу. Тампоны сделали свое дело: коагулятор прекратил кровотечение. Кровь была смыта так, что стали четко видны все небольшие ранки и царапины. И сейчас это выглядело не очень-то хорошо, подумал Мюллер, хотя и не так печально, как раньше.

Из диагностата высунулся сверхзвуковой шприц и вогнал какой-то желтоватый раствор в ягодицу Раулинса. Обезболивающее средство, догадался Мюллер. Вторая инъекция, темно-янтарная, скорее всего была каким-то универсальным антибиотиком. Раулинс явно успокаивался. Следом за этим из диагностата выскочило множество крохотных ручек, чтобы исследовать повреждения в подробностях и проверить, не требуется ли их где-нибудь зашить. Раздалось бренчание, и что-то трижды громко треснуло. Диагностат принялся залечивать повреждения.

- Лежи спокойно, - сказал Мюллер. - Через пару минут все будет позади.

- Тебе не следовало этого делать, - испугался Раулинс. - В нашем лагере есть медицинская аппаратура. Тебе наверняка уже не хватает разных важных химикалий. Если бы ты позволил тому роботу отнести меня в лагерь...

- Я не хочу, чтобы автоматы крутились здесь. А мой диагностат заправлен всем необходимым по крайней мере на полстолетия. Болею я не часто. Вдобавок ко всему, этот аппарат способен сам синтезировать необходимое количество наиболее употребительных лекарств. Лишь бы я время от времени поставлял ему протоплазму, а остальное он делает сам.

- Тогда позволь хотя бы, чтобы мы снабдили тебя запасом наиболее редких медикаментов.

- Обойдусь. Я не нуждаюсь ни в каком милосердии. Ну вот и все. Диагностат завершил свою работу над тобой. Скорее всего, у тебя даже шрамов не останется.

Аппаратура оставила Раулинса в покое. Он сел и поглядел на Мюллера. Мюллер стоял в одном из углов этой шестиугольной комнаты, опершись спиной о стену.

- Если бы я мог предположить,- сказал он, - что они нападут на тебя, я бы не оставил тебя одного так надолго. У тебя не было оружия?

- Не было.

- Хищники, которые питаются только падалью, обычно не нападают на живых. Что могло привлечь их к тебе?

- Клетка, - сказал Раулинс. - Она выделяла запах гниющего мяса. Приманивала их. И ни с того ни с сего множество их начало вскарабкиваться внутрь. Я думал, они живьем меня съедят.

Мюллер улыбнулся.

- Интересно, - сказал он. - Значит, и клетки эти тоже запрограммированы как ловушки. Благодаря твоему неприятному приключению, мы получили любопытную информацию. Я даже не могу сказать тебе, насколько меня интересует эта клетка. Как весьма интересует меня любая деталька этого невероятного окружения. Акведук. Пилоны-календари, устройства, которые чистят улицы. Я тебе благодарен, что ты помог мне несколько углубить мое знание лабиринта.

- Я знаю еще одного человека, у которого точно такой же подход. Для него неважно, насколько он рискует или какой ценой должен заплатить, чтобы извлечь для своего опыта необходимые данные. Борд...

Движением руки Мюллер остановил Раулинса.

- Кто?

- Бордени, - сказал Раулинс. - Эмилио Бордени. Мой профессор эпистомологии в университете. Преподавал он поразительно. Но на самом деле только герменетику.. как учиться...

- Эвристику, - поправил его Мюллер.

- Ты уверен? Я бы поклялся, что...

- Ты ошибаешься, - сказал Мюллер. - Ты же говоришь со специалистом. Герменетика - это филологическая дисциплина, занимающаяся толкованием Священного Писания, но в последнее время нашедшая широкое применение в связи. Твой отец знал бы это превосходно. Собственно, и моя миссия

у гидрян была экспериментом в области герменетики. Только он не удался.

- Эвристика, герменетика! - Раулинс фыркнул от смеха. - Но в любом случае я рад, что помог тебе в изучении этих клеток. Мой достойный вклад в эвристику. Но на будущее я предпочел бы обходиться без таких переживаний.

- Само собой, - согласился Мюллер. Он ощущал странное добродушие.

Он уже почти забыл, как это приятно - помогать людям. И, кроме того, как это приятно иметь возможность вести свободную беседу. Он спросил.

- Ты пьешь, Нед?

- Спиртное?

- Именно это я имел в виду.

- Умеренно.

- Я тебя угощу нашим местным напитком, - сказал Мюллер. - Он изготавливается какими-то гномиками в недрах этой планеты. - Он извлек изящную плоскую бутылку и два фужера. Аккуратно налил в фужеры не больше, чем по двадцать миллилитров. Я его получаю в зоне "С", - разъяснил он, протягивая один из бокалов Раулинсу. - Этот напиток там бьет из фонтана. Он в самом деле заслуживает носить этикетку: "Пей меня!"

Раулинс осторожно продегустировал.

- Крепковато!

- Примерно шестьдесят процентов алкоголя. Именно так. Понятия не имею, что составляет остальное, как оно изготавливается и для чего. Попросту эта штука пришлась мне по вкусу. Она как-то сразу и сладковатая, и изысканная. В голову бьет, само собой. Я полагаю, это еще одна из ловушек. Можно преприятнейше налакаться.. а остальное выполнит лабиринт. - Он поднял фужер в руке. - Твое здоровье!

- Твое здоровье!

Они оба улыбнулись от этого архаического тоста и выпили.

- Будь бдителен, Дик, - напомнил себе Мюллер. - Ты уже начал брататься с этим парнишкой. Не забывай, где ты. И почему. Ведь ты же - чудовище!

- Можно, я возьму немножко этой отравы в лагерь? - спросил Раулинс.

- Будь добр. А для кого?

- Для одного человека, кто бы смог в полной мере оценить его достоинства. Он - гурман. Он путешествует с коллекцией

самых разнообразных напитков. Их там примерно с сотню сортов и, могу допустить, с сотни разных планет. Мне даже трудно вспомнить все названия.

- Там есть что-нибудь с Мордука? - спросил Мюллер. - С планет Денебы? С Ригеля?

- Честно говоря, я не знаю. Понимаешь, я не прочь выпить, но не разбираюсь в марках.

- Может быть этот твой приятель захотел бы что-нибудь из своих деликатесов обменять... - Мюллер замолчал. - Нет, нет, - сказал он чуть погодя, - забудь о том, что я сказал. Не хочу никаких обменов.

- Ты бы мог просто пойти со мной в лагерь, - сказал Раулинс. - Он бы побаловал тебя всем, что есть в его запасах. Это уж вне сомнения.

- До чего ты хитрый, Нед! - Теперь Мюллер печально глядел на свой фужер. - Меня не удастся уговорить, Нед. Я не хочу иметь ничего общего с теми людьми.

- Мне неприятно, что ты так к этому подходишь.

- Еще выпьешь?

- Нет. Мне пора возвращаться. Я ведь пришел сюда не на весь день. В лагере меня такой ад поджидает за то, что я ничего не сделал из того, что мне было поручено.

- Большую часть этого времени ты провел в клетке. За это они не могут быть на тебя в претензии.

- Могут все-таки. Я уже за вчерашнее получил немного. Им вроде бы не особенно нравится, что я прихожу к тебе.

Мюллер неожиданно почувствовал, как что-то защемило у него в сердце.

Раулинс продолжал:

- Я и так растранжирил здесь сегодня весь день, так что нисколько бы не удивился, если бы они совсем запретили мне приходить сюда. Они будут на меня злы. Понимаешь, раз уж они знают, что ты не горишь желанием сотрудничать с ними, они расценивают эти мои визиты к тебе как пустую трату времени, которое я мог бы потратить на помощь нашим группам в зонах "E" или "F".

Он допил фужер до конца и поднялся, слегка пошатываясь. Посмотрел на свои голые ноги. Какая-то распыленная диагностатом лечебная субстанция цвета кожи покрыла ранки так, что трудно было даже догадаться, что недавно ноги были искалечены. Он с трудом натянул свои изодранные брюки.

- Ботинок и не буду надевать, - заявил он. - Они в жутком состоянии. Наверно, я могу добраться до лагеря и босиком.

- Мостовая очень гладкая, - сказал Мюллер.

- Ты мне дашь немного этого напитка для моего приятеля?

Ни слова не говоря, Мюллер вручил Раулинсу наполовину еще полную фляжку. Раулинс прикрепил ее к поясу.

- Это был очень интересный день. Я надеюсь, что мне удастся навестить тебя.

4

Пока Раулинс, прихрамывая, добирался до зоны "Е", Бордман спросил:

- Как твои ноги?

- Устали. Но раны быстро заживают. Ничего со мной не случится.

- Смотри, чтобы у тебя бутылка не выпала.

- Не бойся, Чарльз. Я ее надежно привязал. Я не хотел бы лишить тебя такого удовольствия.

- Нед, послушай. Мы в самом деле выслали к тебе множество роботов. Я все время смотрел на твое ужасное сражение с этими зверями. Но мы ничего не могли поделать. Каждого робота Мюллер уничтожал.

- Все в порядке, - сказал Раулинс.

- Он на самом деле неуравновешен. Он не захотел пропустить во внутренние зоны ни одного робота.

- Все в порядке, Чарльз. Ведь я же выбрался из этого живым.

Однако Бордман не прекращал разговора:

- Мне пришло в голову, что если бы я совсем не высылал туда роботов, Нед, было бы значительно лучше. Ведь они слишком надолго задержали Мюллера. За это время он вполне мог вернуться к тебе. Освободить тебя. Или же поубивать этих животных. Он...

Бордман замолчал, скривился и мысленно обругал себя за эти бредни. Признак старости. Он почувствовал складки жира на своем животе. Необходимо вновь придать себе вид шестидесятилетнего мужчины и одновременно вернуть хорошее физическое самочувствие тех времен, когда ему было пятьдесят. Таким способом хитрый человек скрывает свою хитрость.

После длительного молчания он сказал:

- Я полагаю, что Мюллер уже подружился с тобой. Я рад. Пришло время соблазнить его и заставить покинуть лабиринт.

- И как я это сделаю?

- Пообещай ему исцеление, - сказал Бордман.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Они встретились через два дня около полудня в зоне "B". Мюллер приветствовал Раулинса с явной радостью и облегчением. Раулинс подошел, наискосок пересекая овальный - может быть, танцевальный зал, расположенный между двумя сапфировыми башнями с плоскими крышами. Мюллер кивнул.

- Как ноги?

- Превосходно.

- А твой приятель? Понравился ему мой напиток?

- Безумно. - Раулинс вспомнил блеск в лисьих глазах Бордмана. - Он шлет тебе какой-то особенный коньяк и надеется, что еще раз угостишь его своей отравой.

Мюллер присмотрелся к бутылке в вытянутой руке Раулинса.

- К чертям это, - холодно произнес он. - Ты не уговоришь меня ни на какой обмен. Если ты дашь мне эту бутылку, я ее разобью.

- Но почему?

- Дай-ка, я тебе это покажу. Нет, подожди. Не разобью. Ну, давай.

Он обеими руками взял бутылку у Раулинса, открутил колпачок и поднес ее к своим губам.

- Вы - дьяволята! - ласково сказал он. - Что это? Из монастыря на Денебе XIII.

- Я не знаю. Он лишь сказал, что тебе это придется по вкусу.

- Дьяволы! Искусители! Товарообмен, чтоб нам всем гореть в аду! На этом конец. Если ты еще раз заявишься ко мне с этим проклятым коньяком... или каким-нибудь другим эликсиром... даже богов, даже... чем-то другим, я не возьму. Чем ты, собственно, занят целыми днями?

- Работаю. Я же говорил тебе. Им не нравится, что я посещаю тебя.

И все же он меня ждал, подумал Раулинс. Чарльз был прав: я уже добрался до него. Почему он такой упрямый?

- Где они сейчас копают? - спросил Мюллер.

- Нигде не копают. Мы исследуем акустическими зондами границу зоны "E" и "F", чтобы установить хронологию... был

ли этот лабиринт построен сразу или постепенно. А ты как думаешь, Дик?

- Чтоб ты сдох. Ничего нового из археологии ты от меня не услышишь! - Мюллер сделал еще один глоток коньяка. - Ты, вроде бы, слишком близко стоишь, - заметил он. - Метра четыре-пять.

- Ты был еще ближе, когда подавал мне эту фляжку. Я не видел, чтобы это тебе помешало.

- Ты не ощущаешь последствий?

- Ощущаю.

- Но скрываешь их, как положено стоику, верно?

Пожав плечами, Раулинс беззаботно ответил:

- Мне кажется, что впечатление слабеет по мере повторения. Оно и до сих пор сильное, но мне гораздо лучше, чем было в первый день. Ты уже замечал что-нибудь похожее в случаях с другими?

- Никто другой не отваживался на повторения, как ты это называешь, - сказал Мюллер. - Иди-ка сюда, малыш. Видишь вон это? Это мой водопровод. Прямо роскошь. Черная труба бежит вдоль всей зоны "В". Она из оникса, как мне кажется. Из полудрагоценного камня. В любом случае - смотрится прекрасно. - Мюллер погладил трубу и пошлепал по акведуку. - Там есть какая-то система насосов. Они выкачивают воду из каверны где-нибудь на глубине может в тысячу километров, не знаю. На поверхности Лемноса нет никакой воды.

- Моря есть.

- Независимо от... ну, от чего-то там. Вот здесь ты видишь один из кранов. Такие есть через каждые пятьдесят метров. Насколько я ориентируюсь, это был водопровод для всего города, из чего вытекает, что те, кто выстроил этот город, не нуждались в большом количестве воды. Скорее всего, вода не имела для них принципиального значения, поскольку они все это так спроектировали. Подключений я не нашел. Пить хочешь?

- Пожалуй, нет.

Мюллер подставил изогнутую ладонь под спиральный с тонкой гравировкой кран. Появилась вода. Он быстро сделал несколько глотков. Когда он убрал руку, вода перестала течь.

- Попей, - предложил Мюллер. - Чтобы потом не мучиться от жажды.

- Я не могу оставаться надолго, - сказал Раулинс, но воды немного глотнул.

Неторопливым шагом они оба добрались до зоны "А". Клетки вновь были закрыты. Раулинс при виде их содрогнулся. Сегодня я бы не хотел ставить подобных экспериментов, - подумал он. Они отыскали себе скамьи из полированного камня, изогнутые по бокам на манер кресел. Они уселись на этих скамьях и принялись беседовать. Их разделяло значительное расстояние, такое, чтобы Раулинс не чувствовал себя слишком нехорошо из-за эманации Мюллера и все же ощущение разделенности не возникало.

Мюллер разговорился. Он перескакивал с темы на тему, порой впадал в гнев, временами предавался самооплакиванию, но в общем-то, говорил спокойно, с обаянием - пожилой мужчина, которому приятно в обществе молодежи. Он высказывал мнения, философствовал.

Мюллер рассказывал о начале своей карьеры, частенько упоминал Бордмана. Раулинс старался относиться к этому безразлично. Отношение Мюллера к Бордману явно сочетало собой мешанину глубокого уважения и затаенной обиды. Мюллер все еще не мог справиться с тем, что Бордман воспользовался его слабостями и отправил его к гидрянам. Это нелогично, думал Раулинс. Если бы я сам обладал таким любопытством и честолюбием, я бы все сделал, чтобы именно мне поручили эту миссию. Безотносительно к Бордману, не глядя на риск.

- А у тебя как все было? - спросил Мюллер под конец. - Ты строишь из себя менее знающего, чем есть на самом деле. Кажешься нерешительным и наделен соображением, заботливо скрытым под маской старательного студента. Что тебе дает археология?

Раулинс посмотрел ему прямо в глаза.

- Возможность соприкоснуться с миллионом разных прошлых. Я хочу знать, как это все было, и почему именно было так, а не иначе. И не только на Земле, в нашей Солнечной системе. Везде.

- Хорошо сказано!

Еще бы, похвалил себя в душе Раулинс. Наверное, Чарльз оценит этот мой прилив красноречия.

- Может быть, я бы мог пойти на дипломатическую службу, - сказал он, - как это сделал ты. Но вместо дипломатии я выбрал археологию. Я думаю, что не буду жалеть. Тут столько всего для открытий... и в других местах! Мы еще только начинаем осматриваться.

- В твоем голосе слышится энтузиазм.

- Может быть.

- Я рад это слышать. Это мне напоминает то, что я говорил когда-то.

Раулинс вспылил:

- Но чтобы ты не считал, что я - этакий оптимист, я тебе скажу кое-что от души. Мной руководит скорее некий эгоистический интерес, а не абстрактная жажда знаний.

- Ясное дело. И простительное. Мы и в самом деле не особенно отличаемся друг от друга. Кроме того, конечно же, что между нами существует разница в возрасте... сорок лет с лишним. Ты не особенно придавай значение своим побуждениям, Нед. Лети к звездам, лети. Радуйся каждому полету. Рано или поздно жизнь сломает тебя так же, как и меня, но будет это не скоро. Когда-нибудь... А может и никогда... Не думай об этом.

- Постараюсь не думать, - сказал Раулинс.

Теперь он улавливал сердечность Мюллера, ниточку подлинной симпатии. И все же продолжала существовать эта волна кошмара, непрекращающееся излучение чего-то из нечистых глубин души, вони, ослабленной расстоянием и все же ощутимой. Повинуясь состраданию, Раулинс все откладывал то, что он должен был сказать, Бордман нетерпеливо подстегивал его:

- Ну, давай, парень! Переходи к делу.

- Ты куда-то далеко забрался мыслями, - сказал Мюллер.

- Собственно, я думал над тем, как это ни печально, что ты не хочешь нам помочь... что ты так враждебно относишься к человечеству.

- У меня есть на то право.

- Но ты не должен так всю жизнь и провести в этом лабиринте. Есть же какой-то выбор!

- Позволить убрать себя вместе с отбросами?

- Послушай, что я тебе скажу, - начал Раулинс. Он набрал в грудь воздуху и сверкнул открытой мальчишеской улыбкой. - Я говорил о твоем случае с врачом нашей экспедиции. Это человек изучал нейрохирургию. О тебе он знал. Так вот, он утверждает, что теперь такие заболевания лечатся. Разработаны определенные методы... за последние два года. Можно блокировать источник этого излучения, Дик. Он просил, чтобы я тебе повторил это. А потом мы возьмем тебя с собой на Землю, тебе сделают операцию, и ты станешь здоров.

Это искрящееся, острое, ранящее слово среди слов тактичных, ласковых, попало прямо в сердце и пронзило его насквозь. Здоров! - эхом отразилось от темных, грозных стен лабиринта. Здоров! Здоров! Здоров! Мюллер ощутил яд этого искушения.

- Нет, - сказал он, - чепуха! Излечение невозможно.

- Откуда у тебя эта уверенность?

- Я знаю.

- Наука за эти девять лет ушла вперед. Люди уже исследовали, как работает мозг. Познакомились с электроникой мозга. И знаешь, что сделали? Соорудили в одной из лунных лабораторий огромную модель... ну да, года два назад... и провели на ней все эти опыты от начала до конца. Наверняка им не терпится, чтобы ты вернулся, тогда они смогут проверить верность своих теорий. И чтобы ты вернулся в том состоянии, в каком находишься. Они прооперируют тебя, заглушат то, что ты излучаешь, и тем докажут, что они правы. Тебе ничего не надо делать, просто вернуться вместе с нами.

Мюллер мерно постукивал ладонью о ладонь.

- Почему ты не говорил мне об этом раньше?

- Я не знал. Ничего не знал.

- Ну, конечно.

- Я, правда, не знал. Ведь мы же не могли рассчитывать, что встретим тебя здесь, верно же? Сперва мы могли только догадаться, кто ты такой и что здесь делаешь. Потом я тебя узнал. И только сейчас наш врач вспомнил об этом методе лечения... А что такое? Ты мне не веришь?

- С виду ты просто ангелочек, - сказал Мюллер. - Глазки голубые, полные сладости. Нед, в чем заключается твоя игра? Чего ради ты излагаешь мне все эти глупости?

Раулинс покраснел.

- Это не глупости!

- Я тебе не верю. И я не верю в исцеление.

- Можешь не верить. Но ты столько теряешь, если...

- Не пугай!

- Извини меня.

Настала неприятная пауза.

Мысли клубились в голове Мюллера. Улететь с Лемноса? Постараться, чтобы с него было снято это проклятие? Снова сжимать в объятиях женщину? Женские груди, округлые, жгущие как огнем... Губы, бедра... Восстановить карьеру? Еще

раз достичь небес? Отыскать себя после девяти лет разлуки? Поверить?

- Нет, - осторожно произнес он. - Мой случай неизлечим.

- Это ты так говоришь. Но откуда ты знаешь?

- Я просто не вижу в этом смысла. Я верю в предназначение, мальчик. В то, что моя трагедия - это возмездие. Возмездие за тщеславие. Боги не посылают временное несчастье. Они не ограничивают свое наказание несколькими годами. Эдип не вернул себе глаз. Не вернул матери. Прометей не смог оторваться от скалы.

- Ты живешь в реальном мире, а не в греческих мифах, - напомнил ему Раулинс. - В настоящем мире. В нем не все обязано протекать согласно воле богов. Возможно, боги сочли, что ты достаточно натерпелся. А поскольку уж мы заговорили о литературе... Ореста они простили, верно? Так почему ты думаешь, что этих твоих девяти лет им показалось недостаточно?

- Действительно существует возможность исцеления?

- Наш врач говорит, что да.

- Мне кажется, что ты лжешь, сынок.

Раулинс отвел глаза:

- Но с какой целью?

- Понятия не имею.

- Ну хорошо, я вру, - отчаянно сказал Раулинс. - Нет способа, чтобы помочь тебе. Поговорим о чем-нибудь другом. Может, ты покажешь мне фонтан этого напитка?

- Он в зоне "С", - сказал Мюллер. - Но сейчас мы туда не пойдем. Зачем ты рассказал мне всю эту историю, если она неправда?

- Я же просил - переменим тему.

- Допустим, что она все-таки верна, - принялся рассуждать Мюллер. - Что, если я вернусь на Землю, меня, может быть, и вылечат. Так знай: меня это не интересует, даже если бы была гарантия. Я видел людей Земли такими, какие они есть в действительности. Они топтали меня, упавшего. Нет, игра кончилась, Нед. Они смердят. Воняют. Смакуют мое несчастье.

- Ничего подобного!

- Что ты можешь знать? Ты тогда был ребенком, еще более наивным детенышем, чем сейчас. Они относились ко мне как к мрази, поскольку я демонстрировал им тайны глубин их самих. Отражение их грязных душ. Зачем мне надо возвращаться к ним? Зачем они мне нужны? Черви. Свиньи! Я видел,

какие они на самом деле, за те несколько месяцев, что провел на Земле после возвращения с Беты Гидры IV.

Выражения их глаз, улыбки, боязливые улыбки, стремление оказаться подальше. "Да, господин Мюллер. Разумеется, господин Мюллер. Только не подходите ближе". Сынок, приходи сюда как-нибудь ночью, и я покажу тебе созвездия такими, как они видны с Лемноса. Я назвал их по-своему. Там есть "Нож"... одно из них. Он длинный, острый. Направленный прямо в позвоночник. И есть "Стрела". Есть "Череп" и "Жаба". Эти два соединяются. Одна и та же звезда светит во лбу "Жабы" и в левой глазнице "Черепа". И звезда эта - Солнце, друг мой. Солнце Земли. Мерзкая, крохотная звездочка, желтоватая, как понос. И на ее планетах множество созданий, которые разливаются по Вселенной, как моча.

- Могу я сказать кое-что такое, что могло бы тебя обидеть? - спросил Раулинс.

- Ты меня обидеть не в состоянии. Но попробуй.

- Я думаю, что у тебя деформированное мировоззрение. За все эти годы ты утратил перспективу.

- Нет. Именно здесь я научился смотреть надлежащим образом.

- Ты ставишь человечеству упрек в том, что оно состоит из людей. И значит, нелегко иметь дело с кем-то вроде тебя. Если бы мы поменялись местами, ты бы понял. Пребывание рядом с тобой вызывает боль! Даже в эту минуту я ощущаю ее каждым нервом. Будь я немного поближе к тебе - я бы разрыдался. Ты не можешь потребовать, чтобы люди моментально приспособились к тебе. Даже твоим любимым понадобилось бы...

- У меня не было никаких любимых.

- Ведь ты же был женат.

- Это все кончилось.

- Ну, любовницы.

- Ни одна из них не могла меня вынести, когда я вернулся.

- Друзья.

- Разбежались, - сказал Мюллер. - Только пятки засверкали.

- Ты не давал им времени.

- Я им дал достаточно времени.

- Нет, - убежденно возразил Раулинс. Он не мог больше вынести и вскочил со скамьи. - А теперь я скажу тебе кое-что такое, что тебе и вправду покажется неприятным, Дик. Мне очень жаль, но я должен.

- Все, что ты скажешь, это бредни на манер тех, каких я наслушался в университете. Наивность студента со второго курса. Этот мир достоин сожаленья, повторяешь ты. Мерзкий, мерзкий. Ты видел, каково человечество в действительности, и не желаешь иметь с ним дела. Каждый так говорит, когда ему восемнадцать лет. Но это проходит. Мы психически организуемся и видим, что Вселенная - достаточно приятное место, и что все люди стараются, как могут... Да, мы не совершенны, но мы и не чудовища. Когда тебе восемнадцать лет, у тебя нет права на такие высказывания. Я же получил это право давным-давно. Я пришел к ненависти трудной и долгой дорогой.

- Тогда почему ты остался при своих юношеских убеждениях? Ты ведешь себя так, словно любуешься собственным несчастьем. Возвращайся с нами на Землю и забудь о прошлом. Или, хотя бы, прости.

- Не забуду. И не прощу.

Мюллер поморщился. Неожиданно он испытал такой страх, что весь задрожал. А если это правда? Если существует способ исцеления? Покинуть Лемнос? Что-то я расстроился. Парнишка прав: веду себя как студент-второкурсник, не иначе. Неужели я такой мизантроп? Нет. Это он меня вынудил. Спора ради. И теперь тешится своей победой. Но ведь лечение наверняка невозможно. Ловко парень смог преподать: вру, мол, хотя и сам не знаю зачем. Он хочет поймать меня в ловушку, заманить на их корабль. А если он не лжет? Почему бы мне и не вернуться на Землю? Мюллер с трудом дал себе на это ответ. Это страх сдерживает. Вновь увидеть эти миллиарды людей... Броситься в круговерть жизни... Девять лет я провел на необитаемом острове и теперь боюсь возвращения. Его охватило безмерное отчаяние, когда он отдал себе отчет в неприятных, но неоспоримых фактах. Человек, который возжелал стать богом, оказался жалким одиночкой, цепляющимся за свою самоизоляцию, сходящим с ума и презрительно отвергающим помощь. Это невесело, - подумал Мюллер. - Это весьма невесело.

- Я чувствую, - сказал Раулинс, - как запах твоих мыслей меняется.

- Чувствуешь?

- Ничего конкретного. Ты был такой самоуверенный, непоколебимый. А в эту минуту мне видится что-то вроде... тоски... что-то жалобное...

Мюллер изумился:

- Никто никогда не говорил мне, что способен различать значения излучения. Никто! Мне лишь говорили, что находиться в моем обществе невыносимо.

- Так от чего же ты так растрогался? Это я явственно ощутил. От мыслей о Земле?

- Возможно.

Мюллер снова замкнулся. Сжал зубы. Поднялся и неторопливо подошел к Раулинсу, наблюдая, как тот борется с собой, чтобы не показать тревоги. Затем сказал:

- Не пора ли тебе вернуться к своим археологическим занятиям, Нед? Твои коллеги будут вновь недовольны тобой.

- У меня есть еще немного времени.

- Уже нет. Иди.

3

Вопреки ясному приказу Чарльза Бордмана, Раулинс настоял, чтобы вернуться прямо в лагерь в зоне "F" под тем предлогом, что должен доставить новую бутылку напитка, котрую он в конце концов все-таки смог выпросить у Мюллера. Бордман хотел выслать кого-нибудь за бутылкой, чтобы избавить его от риска не отдохнув преодолеть силки зоны "F". Ему же, однако, нужен был непосредственный контакт. Он чувствовал себя безгранично потрясенным. И знал, что он во все большей и большей растерянности.

Бордмана он застал за обедом. Перед стариком помещалась плита из темного полированного дерева, инкрустированная деревом светлым. В прекрасных керамических сосудах помещались овощи в сахаре, зелень в коньячном соусе, мясные экстракты, пикантные приправы. Бутылка вина темно-оливкового цвета возвышалась рядом с его мясистой рукой. Разные загадочные таблетки располагались в углублениях вытянутой пластины из черного стекла. Время от времени Бордман совал одну из них в рот. Достаточно долго он делал вид, что не видит гостя, стоящего у входа в эту часть палатки.

- Я тебе сказал, чтобы ты не приходил, Нед, - сказал он наконец.

- Это от Мюллера. - Раулинс поставил бутылку рядом с вином.

- Чтобы поговорить со мной, вовсе нет нужды приходить ко мне в гости.

- С меня довольно всех этих разговоров на расстоянии. Мне надо было с тобой увидеться. - Раулинс стоял, поскольку

сесть ему не предложили, в явной растерянности от того, что Бордман даже не прервал обед. - Чарльз... я думаю, что я больше не смогу ему врать.

- Сегодня ты лицемерил первоклассно, - заметил Бордман, потягивая вино. - Весьма убедительно.

- Да, я учусь лгать. Но что из того? Ты же его слышал. Он испытывает отвращение к человечеству. Он в любом случае не захочет сотрудничать с нами, когда мы извлечем его из лабиринта.

- Он не искренен. Ты сам это заметил, Нед. Глупый щенячий цинизм. Этот человек любит людей. Именно потому он так себя и вел... поскольку он измеряет их этой своей любовью. Но она не переходит в ненависть. На самом деле - нет.

- Ты там не был, Чарльз. Ты с ним не говорил.

- Я наблюдал. Я присутствовал, вслушиваясь в него. Я ведь уже сорок лет знаю Дика.

- Только последние девять лет не в счет. Те, за которые он так переменился. - Раулинс согнулся чуть ли не пополам, чтобы смотреть в глаза сидящему Бордману. Бордман насадил засахаренную грушу на вилку, уравновесил ее и лениво поднес к губам. Он намеренно меня игнорирует, подумал Раулинс.

- Чарльз, - снова начал он, - будь же серьезен. Я хожу туда и рассказываю Мюллеру жуткую ложь. Я очаровываю его этим исцелением, а он мне все мои предложения швыряет назад в лицо.

- С оговоркой, что он не верит в такую возможность. Но он уже поверил, Нед. Он просто боится покинуть свое убежище.

- Я прошу тебя, Чарльз, послушай. Допустим, он поверил. Допустим, он выйдет из лабиринта и отдастся нам в руки. Что же дальше? Кто возьмет на себя труд разъяснить ему, что ни одним из спосо́бов излечить его невозможно, и что он был бессовестно обманут, и что мы хотим, чтобы он вновь был нашим послом среди чужих существ, в двадцать раз более странных и в пятьдесят раз более опасных, чем те, которые разбили ему жизнь? Я ему это говорить отказываюсь.

- Тебе и не придется, Нед. Я сам это сделаю!

- Но как он прореагирует? Ты надеешься, что он улыбнется, поклонится и еще похвалит: "Ах, как ты дьявольски пронырлив, Чарльз, опять ты своего добился!" И отправится, и будет во всем послушен? Нет! Наверняка нет. Может быть, тебе и удастся выманить его из лабиринта, но именно те ме-

тоды, к которым ты прибегаешь, сделают так, что все это окажется ни к чему.

- Не исключено, что так и будет, - спокойно согласился Бордман.

- Так может ты посвятишь меня в свою тактику с того момента, когда ты сообщишь ему, что излечение - это ложь, а ты подготовил ему рискованное задание?

- Пока бы я предпочел об этом не говорить.

- Тогда я складываю свои полномочия, - заявил Раулинс.

4

Бордман ожидал чего-то в таком духе. Какого-нибудь благородного жеста: внезапного раскаяния, ударившей в голову порядочности. Отбрасывая свое деланое равнодушие, он внимательно поглядел на Раулинса. Да, в этом парнишке есть сила. Решительность. А вот ловкости нет. Пока еще нет.

Он негромко произнес:

- Ты хочешь сложить полномочия? Это после стольких уверений в заботе о благе человечества? Ты нам нужен, Нед. Необходим. Ты являешь собой нить. Ты являешь собой нить, связывающую нас с Мюллером.

- В мою сферу входит также и Дик Мюллер, - строптиво возразил Раулинс. - Дик Мюллер также является частью человечества вне зависимости от того, так ли он считает сам или нет. Я уже достаточно провинился перед ним. Если ты не скажешь мне, как ты намерен довести эту интригу до конца, пусть меня черти утащат, если я приму в этом хоть какое-то участие.

- Меня удивляет твое поведение.

- Я повторяю свой отказ.

- Я могу даже согласиться с твоей точкой зрения, - сказал Бордман. - Я нисколько не горжусь тем, что мы вынуждены здесь делать. Однако, я воспринимаю это как историческую необходимость. Время от времени приходится опускаться до обмана, если это делается исключительно ради пользы всех. Пойми, Нед, у меня тоже есть совесть. Ей, этой совести, уже пятьдесят лет, и она очень чуткая. Ведь совесть человеческая не подвержена атрофии с ходом времени. Мы просто учимся справляться с укорами совести, и ничего больше.

- И каким способом ты намерен принудить Мюллера к сотрудничеству? При помощи наркотиков? Пыток? Или же промыванием мозга?

- Ни одним из этих способов.

- Тогда каким же? Я серьезно спрашиваю, Чарльз. Моя роль во всей этой истории сейчас подойдет к концу, если я не буду знать, что мы собираемся делать дальше.

Бордман закашлялся, допил вино до конца, съел персик и быстро, одну за другой, проглотил таблетки. Он знал, что бунта Раулинса не избежать, и приготовился к нему. И все же ему было неприятно. Пришла пора идти на намеренный риск. Он сказал:

- Я вижу, что пришла пора покончить со всеми недомолвками, Нед, и потому скажу тебе, что ждет Дика Мюллера. Однако, я хочу, чтобы ты посмотрел на это с более широкой точки зрения. Не забывай, что маленькая игра, которую мы затеяли на этой планете, это не вопрос чьих-то моральных принципов. Хоть мы и стараемся избегать громких слов, я вынужден тебе напомнить, что ставка в ней - судьба всего человечества.

- Я слушаю, Чарльз.

- Вот и хорошо. Дик Мюллер должен отправиться к нашим внегалактическим знакомым и убедить их, что мы, люди, представляем собой вид разумных существ. Согласен? Он один сможет справиться с этим заданием, поскольку лишь он один проявляет уникальную в своем роде неспособность экранировать свои мысли.

- Верно.

- Нам нет нужды доказывать тем существам, что мы добрые, добропорядочные, или попросту милые. Достаточно, чтобы они поняли, что мы наделены сознанием и обладаем способностью думать. Что мы чувствуем, переживаем, что мы не бездушные, мудро сконструированные машины. Таким образом, неважно, что излучает Мюллер, важно лишь то, что он вообще излучает что-то.

- Я начинаю понимать.

- Когда он выйдет из лабиринта, я сообщу ему, какое задание его ожидает. Вне сомнения, он будет в ярости, что его обманули. Но, может быть, в нем перевесит чувство долга. Я надеюсь на это. Ты вот думаешь, что нет. Но это ни в коем случае не изменит ситуацию. Я не дам Мюллеру никакого выбора, пусть только он выберется из этой пещеры. Он будет доставлен куда следует и отправлен к тем чужим существам, чтобы наладить с ними контакт. Отправлен силой, как я знаю. Но иного решения тут нет.

- Значит, все дело не в его желании помочь нам, - отметил Раулинс. - Его попросту отправят туда. Как мешок.

- Как мыслящий мешок. В чем наши знакомые смогут убедиться.

- Я...

- Нед, Нед. Сейчас мне ничего не говори. Я вижу все твои мысли. Тебе неприятен весь этот разговор? Разумеется. Мне тоже все это омерзительно. А теперь иди и подумай над сказанным. Разбери ситуацию со всех точек зрения, а потом принимай решение. Если утром ты решишь покинуть нас, то дай мне знать, я уж как-нибудь попытаюсь обойтись без тебя... Но поклянись, что ты не станешь принимать поспешных решений. Это дело слишком большой ценности.

Какое-то время Раулинс был бледен, как полотно. Потом щеки его заполыхали. Он прикусил губу. Бордман добродушно улыбнулся. Сжав кулаки и прищурив глаза, Раулинс отвернулся и поспешно вышел.

Намеренный риск.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Мюллер почти полюбил гидрян. Живее всего и с наибольшим удовольствием он вспоминал грациозность их движений. В самом деле, казалось, что они парят в воздухе. Причудливость их облика никогда особенно его не поражала. Он частенько повторял себе: если ты хочешь гротеска, то нет нужды искать его за пределами Земли. Жирафы, омары, актинии, каракатицы, верблюды. Поглядим объективно - вот верблюд. Разве он выглядит менее причудливо, чем гидрянин?

Он опустился на влажной унылой части Беты Гидры IV, несколько к северу от экватора, где на амебообразном континенте находилось несколько крупных квазигородов, занимающих площадь в несколько тысяч квадратных километров. Он был снабжен особой жизнеобеспечивающей системой, сконструированной специально для его миссии, в виде слоистого фильтра, облегающего его тело, как вторая кожа. Она поставляла ему свежий воздух через тысячи диализовых чешуек. Двигаться в ней было легко, даже свободно.

Прежде чем он наткнулся на обитателей планеты, примерно с час длились его скитания по джунглям огромных, напо-

минающих грибы деревьев. Они достигали высоты в несколько сотен метров. Может быть небольшая сила притяжения, пять восьмых земной нормы, имела какое-нибудь значение, но в любом случае их изгибающиеся стволы не производили впечатление крепких. Он подозревал, что под корой, толщиной не больше, чем палец, кроется какая-то влажная и клейстероподобная масса. Кроны этих деревьев, а скорее шляпки, соединялись, образуя почти монолитный балдахин, так что свет лишь кое-где проникал до почвы. Слой облаков вокруг планеты пропускал только слабый перламутровый свет, а здесь его глушили деревья, так что в глубине леса царил каштановый полумрак.

Встретившись с первыми гидрянами, Мюллер был поражен тем, что рост их равнялся примерно трем метрам. С детских пор он не ощущал себя таким маленьким - он стоял среди этих чужих существ и вытягивался как только мог, стараясь заглянуть им в глаза.

Пришла пора, чтобы применить знания, полученные в области практической герменетики. Он спокойно произнес:

- Меня зовут Ричард Мюллер. Я прибыл с добрыми намерениями от людей земной зоны культуры.

Разумеется, гидряне не могли понять этого. Однако они стояли неподвижно, и выражения их лиц не свидетельствовали об иронии.

Он присел и на влажной мягкой глине начертил теорему Пифагора. Поднял глаза. Улыбнулся.

- Основная концепция геометрии. Универсальная система мышления. - Гидряне слегка наклонили головы. Ноздри, напоминающие вертикальные прорези, слегка задрожали. Он предположил, что они обмениваются какими-то соображениями. Располагая таким количеством глаз, размещенных со всех сторон, им даже не было необходимости оборачиваться друг к другу.

- А теперь, - продолжал Мюллер, - я покажу вам еще одно доказательство нашей близости.

Он начертил палочку. Чуть дальше нарисовал две палочки. Еще подальше три. Соединил их знаками.

I+II=III

- Верно? - спросил он. - Мы это называем сложением.

Соединенные суставами руки заколыхались. Двое гидрян столкнулись. Мюллер вспомнил, как гидряне едва только обнаружили исследовательский зонд, уничтожили его, даже не пытаясь разобраться в нем. Сейчас он был готов к такой же

реакции. Но они только слушали. Великолепно. Он встал с колен и указал на то, что нарисовал.

- Ваша очередь, - сказал он.

Он говорил намеренно громко. Широко улыбался...

- Обратитесь ко мне на универсальном языке математики. Покажите мне, что вы поняли.

Ничего.

Он вновь указал на символы, а потом протянул открытую ладонь к ближайшему гидрянину.

Через какое-то время другой гидрянин, плавно передвигаясь, выступил вперед, поднял ногу и несколько раз качнул шарообразной ступней. Чертежи исчезли. Он разровнял почву.

- Хорошо, - сказал Мюллер. - А теперь ты что-нибудь нарисуй.

Однако гидрянин вернулся на свое место в окружившей Мюллера толпе.

- Превосходно. Существует еще один универсальный язык. Надеюсь, он не осквернит ваших ушей.

Мюллер извлек флейту и приложил ее к губам.

Играть через фильтрационную оболочку оказалось нелегко. Но он задержал дыхание и исполнил диатоническую гамму. Он во второй раз заиграл диатоническую гамму, но теперь в минорном ключе. Потом принялся играть гамму хроматическую. Ему показалось, что мелодии произвели на них какое-то впечатление. Это неплохо свидетельствует о вас, подумал он. В этом вы разбираетесь. И ему пришло в голову, что, быть может, полная гамма подойдет более под настроение этого облачного мира. Он заиграл ее и еще что-то из Дебюсси на закуску.

- Доходит это до вас? - спросил он.

Вроде бы они стали о чем-то совещаться.

Отошли от него.

Он двинулся за ними. Но не мог догнать, и они вскоре исчезли из его глаз в сумерках влажной чащи. Но он не расстроился и вскоре оказался там, где они собрались все вместе, словно ожидая его. Когда он приблизился, они снова отошли. И с такими перерывами они довели его до своего города.

Питался он искусственно. Химический анализ показал, что было бы, по меньшей мере, безрассудно даже попробовать то, что ели гидряне.

Он множество раз чертил "пифагоровы штаны". Выписывал арифметические действия. Играл Шуберта и Баха. Рисо-

вал равносторонние треугольники. Погружался в стереометрию. Пел. Говорил гидрянам не только по-английски, но и по-французски, по-китайски, чтобы продемонстрировать им, сколь разнородны языки людей. Предлагал схематические изображения атома. И все же после шести месяцев пребывания среди них он знал о работе их сознания не больше, чем через час после посадки.

Они молча терпели его присутствие. Между собой они переговаривались, в основном, быстрыми жестами, прикосновением рук, подрагиванием ноздрей. Какой-то свой язык у них явно был, но это был причудливый, полный посапывания шум, в котором он не сумел различить не только слов, но хотя бы слабых упорядоченных звуков. Разумеется, все, что он слышал, он записывал.

Пока, в конце концов, наверное, утомленные этим визитером из иного мира, они не взялись за него.

Он спал.

Только значительно позже он понял, что они сделали с ним, пока он был погружен в сон.

2

Ему было восемнадцать лет и он, обнаженный, лежал под яркими звездами в небе Калифорнии. Ему казалось, что он может дотянуться до звезд, может сорвать их с неба.

Быть богом! Овладеть Вселенной!

Он повернулся к ней, смуглый и прохладный, слегка напряженный. Накрыл ладонями ее груди, потом провел рукой по гладкому животу. Она слегка задрожала.

- Дик, - сказала она. - Ох...

Быть богом, думал он. Он быстро поцеловал ее, а потом надолго прижался к ее губам.

- Подожди, - попросила она. - Я еще не готова.

Он ждал. Помог подготовиться ей или же это показалось ему, что помог, но скоро ее дыхание сделалось прерывистым. Она снова пробормотала его имя. Сколько звездных систем способен посетить человек за свою не слишком долгую жизнь? Если вокруг каждой звезды вращается в среднем двенадцать планет, и если во всей Галактике сто миллионов звезд... Бедра ее разошлись. Он закрыл глаза. Под коленями и локтями он ощутил бархатистые иголки старых сосен.

Она не была его первой девушкой, но первой, которая шла в счет. Когда мозг его вспарывали молнии, он туманно осоз-

нал ее реакцию, робкую, сперва приглушенную и вдруг взрывную. Напряжение этой страсти поразило его, но только на мгновение. Он позволил ей поглотить себя.

Он долго лежал рядом с ней. Показывал на звезды и говорил, как они называются, причем перепутал по крайней мере половину названий. Она, однако, этого не знала. Он доверил ей свои мечты. А потом они снова любили друг друга и было еще лучше.

Он надеялся, что к полуночи пойдет дождь, и они смогут потанцевать под его струями, но небо осталось безоблачным. И потому они всего лишь сходили поплавать. Они выскочили из воды, дрожа от холода и хохоча. Когда он отвозил ее домой, она запила свою противозачаточную пилюлю ликером шартрез. Он сказал ей, что любит ее.

Они обменивались поздравительными открытками на Рождество Христово еще много лет.

3

Восьмая планета Альфы Центавра-В была шаром невысокой плотности с силой притяжения, примерно равной силе притяжения Земли. Мюллер провел там медовый месяц, когда женился во второй раз. При этом он проворачивал и служебные дела, так как колонисты на шестой планете этой системы стали слишком уж самостоятельными. Они хотели создать вихревой эффект, который высосал бы большую часть крайне полезной атмосферы восьмой планеты для нужд их промышленности.

Конференцию он провел достаточно успешно. Убедил местные власти в необходимости установления квоты на разработку атмосферы и даже выслушал похвалу за свой небольшой вклад в вопросы межпланетной морали. Позже, все свое время пребывания на восьмой планете Альфы Центавра-В он и Мола были гостями правительства. Мола, в отличие от первой его жены Лорэйн, страстно любила путешествовать. И ее ожидало множество космических перелетов вместе с ним.

В изоляционных костюмах они плавали в ледяном метановом озере. Смеясь, носились по аммиачным берегам этого озера. У Молы, высокой как и он, были сильные ноги, темно-рыжие волосы, зеленые глаза. Он заключал ее в объятия в теплом помещении, все окна которого выходили на безнадежно-унылое море, сотни тысяч километров неспокойной жидкости.

- Мы всегда будем любить друг друга, - говорила она.

- Да, всегда...

Однако уже к концу первой недели они адски разлаялись. Но это была лишь игра, так как чем отчаяннее ругань, тем трогательнее было примирение. На какое-то время. Потом им не хотелось даже ругаться. Когда подошел срок очередного брачного контракта, они оба отказались. По мере того, как слава его росла, Мола слала ему дружеские письма.

После возвращения с Беты Гидры IV он хотел с нею увидеться. Кто-кто, а уж она бы от него не отвернулась. Слишком многое соединяло их когда-то.

Однако Мола тогда проводила отпуск на планете Веста со своим седьмым мужем. Сам он был у нее третьим. Он не стал вызывать ее. Он понял, что в этом нет смысла.

Хирург сказал:

- Мне очень жаль, мистер Мюллер, но мы ничего не можем сделать для вас. Я не хотел бы пробуждать в вас напрасных надежд. Мы детально обследовали вашу нервную систему. Мы не можем локализовать изменения. Мне очень жаль.

4

У него было девять лет времени, чтобы оживить свои воспоминания. Он заполнил ими несколько кубиков, в основном, в первые свои годы пребывания на Лемносе, когда он еще думал, что иначе не сможет помнить прошлое. Однако, он обнаружил, что с годами воспоминания делаются все ярче. Может быть, в том ему помогло переобучение. Он мог воскрешать пейзажи, звуки, вкус, запах, восстанавливать целиком разговоры. Цитировать по памяти полный текст нескольких трактатов, над содержанием которых он корпел. Он был способен перечислить всех королей Англии в хронологическом порядке от Вильгельма I и до Вильгельма IV. Он помнил имя каждой из своих девушек.

В глубине души он признавал, что если бы была такая возможность, он бы вернулся на Землю. Остальное было лишь позой. Это стало ясно для него самого, так же как для Неда Раулинса. Его презрение к человечеству - искреннее, но это вовсе не значит, что он жаждет остаться здесь в одиночестве. Он с нетерпением поджидал нового посещения юноши. В ожидании он выпил несколько капель жидкости, которую поставлял ему город. Охотился, ни о чем не думая, и настре-

лял зверей столько, что не смог бы съесть даже за год, вел длительные диалоги с самим собой, мечтал о Земле.

5

Раулинс спешил. Задыхающийся, раскрасневшийся, он влетел в зону "С" и увидел Мюллера, который как раз вошел сюда и стоял на расстоянии каких-то ста метров от ворот.

- Тебе следовало бы идти спокойнее, - напомнил Мюллер, - даже по этим безопасным зонам. Никогда не известно, что...

Раулинс задержался у бассейна с песком, стиснув руки над его изогнутой поверхностью, переводя дыхание.

- Дай мне выпить, - выдавил он, - этого твоего особого...

- Тебе плохо?

- Нет.

Мюллер направился к ближайшему фонтану и наполнил удобную плоскую бутылку ароматным напитком. Потом с бутылкой подошел к Раулинсу. Парнишка даже не вздрогнул. Казалось, он совсем не ощущает эманации. Он выпил жадно, быстро, капли поблескивающей жидкости потекли с его подбородка на комбинезон. Он прикрыл глаза.

- Ты кошмарно выглядишь, - заметил Мюллер. - Словно тебя минуту назад обесчестили.

- Меня и обесчестили.

- Не понимаю.

- Подожди, дай передохнуть. Я бежал сюда всю дорогу от зоны "F".

- Тебе повезло, что ты еще жив.

- Наверно.

- Еще выпьешь?

- Нет, - Раулинс покачал головой. - Пока нет.

Мюллер присмотрелся к парнишке. Перемена была разительной и непонятной - одна лишь усталость не могла быть тому поводом. Лицо раскраснелось и словно опухло, застыло, глаза тревожные. Перепил? Болен? Перебрал какого-нибудь наркотика?

Раулинс молчал.

Через какое-то время, чтобы заполнить пустоту этой тишины, Мюллер сказал:

- Я много думал о нашем последнем разговоре. И пришел к выводу, что вел себя как чертов глупец. Этот нарочитый негативизм, - выдавил он и попытался заглянуть в бегающие

глаза Раулинса. - Послушай, Нед, откинь все это. Я охотно вернусь на Землю и буду лечиться, пусть даже лечение будет экспериментальным, рискованным. Самое большое, если оно не удастся, это...

- Нет никакой возможности лечения, - печально сообщил Раулинс.

- Нет возможности лечения?..

- Нет. Никакой. Это была ложь.

- Ну конечно. Разумеется.

- Ты сам так говорил, - напомнил Раулинс. - Ты не верил ни в одно мое слово. Помнишь?

- Ложь?

- Да.

- Ты не понимал, зачем я говорю об этом, но сказал, что все это ерунда. Ты заявил, что я вру. Пытался понять, с какой же целью. Я в самом деле врал тебе, Дик.

- Врал?

- Да.

- А я уже переменил свои планы, - ласково сказал Мюллер. - Я был готов вернуться на Землю.

- Нет ни малейшей надежды на исцеление, - сказал Раулинс.

Он выпрямился и пригладил пальцами длинные золотистые волосы. Одернул на себе потертый комбинезон. Подошел к фонтану и наполнил бутылку.

Возвращаясь он протянул ее Мюллеру. Потом сам допил остальное. Какой-то небольшой и явно плотоядный зверек пробежал мимо них и скрылся за воротами в зону "D".

Наконец Мюллер спросил:

- Может ты хочешь мне кое-что пояснить?

- Прежде всего никакие мы не археологи.

- Дальше.

- Мы прилетели сюда специально за тобой. Это не было случайностью. Мы все это время знали, где ты. За тобой следили все эти девять лет.

- Я принимал меры предосторожности.

- Они никуда не годились. Бордман знал, что ты отправишься на Лемнос, и приказал наблюдать за тобой. Тебя оставили в покое, поскольку ты не был ему нужен. Но когда появилась необходимость, он был вынужден сюда прилететь. Он держал тебя в резерве, так бы я сказал.

- Чарльз Бордман прислал за мной? - переспросил Мюллер.

- Ну да, именно поэтому мы и здесь. Это единственная цель нашей экспедиции, - бесцветно проговорил Раулинс. - И он выбрал меня для налаживания контакта с тобой, так как когда-то ты знал моего отца, значит, мог бы привязаться ко мне. К тому же я только с виду кажусь таким невинным. С самого начала Бордман руководил мной, говорил, что я должен сказать, давал указания, даже рекомендации, какие мне следует допускать ошибки, как халтурить, чтобы все это в конечном итоге пошло на благо. Например, это он приказал мне войти в эту клетку. Он полагал, что этим я заслужу твое доверие.

- Бордман здесь? На Лемносе?

- В зоне "F". В лагере.

- Чарльз Бордман?

- Он. Именно.

Лицо Мюллера сделалось как из камня. Но в голове его царил кавардак.

- Зачем он это сделал? Что ему от меня нужно?

- Ты же знаешь, - сказал Раулинс, - что во Вселенной кроме нас и гидрян есть третья раса разумных существ.

- Знаю. Их обнаружили лет двадцать тому назад. Именно поэтому меня и направили к гидрянам. Я должен был заключить с ними пакт о совместной защите до того, как та галактическая раса доберется до нас. И ничего не смог. Но что общего это имеет с...

- Ты много знаешь об этой расе?

- Очень мало, - признался Мюллер. - Практически ничего кроме того, что я только что сказал. Впервые я услышал о ней в тот день, когда согласился взять на себя миссию на Бете Гидры IV. Бордман сказал мне лишь то, что в соседней Галактике живут весьма развитые существа... какая-то высшая раса... И что они располагают галактическими кораблями и вскоре могут прибыть к нам в гости.

- Теперь мы знаем о них побольше, - сказал Раулинс.

- Но сперва скажи, что от меня нужно Бордману?

- Всему свое время, для большей ясности, - Раулинс улыбнулся открыто, но как-то застенчиво. Опершись о борт каменного бассейна, он вытянул ноги перед собой. - Мы слишком многого не знаем об этих существах не из нашей Галактики. Мы выслали туда всего лишь одну ракету: выстрелили ее в подпространство, пока она не пролетела несколько тысяч... или несколько миллионов световых лет. Я не знаю, сколько в точности. В любом случае эта ракета была с видеодатчиками.

Выслана она была в одну из областей рентгеновского излучения. Информация совершенно секретная, но я слышал, что все это то ли Галактика Пигнус А, то ли Скорпион П. Мы убедились, что одну из планет этой Галактики заселяет какая-то высокоразвитая цивилизация абсолютно чуждых нам существ.

- Абсолютно?

- Они видят весь спектр, - пояснил Раулинс. - Основное поле зрения лежит для них в высокочастотном диапазоне. Они могут видеть в свете рентгеновских лучей. Кроме того, они, вроде бы, способны видеть радиоволны или, по крайней мере, черпать из них какую-то информацию. И воспринимают большинство средних волн, но не особенно интересуются всем тем, что расположено между инфракрасными и ультрафиолетовыми областями... Тем, что мы называем видимым светом.

- Подожди... Радиовосприятие? Ты имеешь понятие, какова длина радиоволн? Чтобы получить информацию прямо от волны, надо обладать глазами или каким-нибудь другим рецептором - ну, что там еще у них может быть? - огромных размеров. И какие, ты предполагаешь, размеры у этих существ?

- Каждое могло бы пообедать слоном, - сказал Раулинс.

- Разумные формы жизни не достигают таких размеров.

- Что это еще за ограничитель? Их планета - огромная, газовая, одни моря. Сила притяжения такова, что о ней не стоит даже упоминать. Они плавают, а не ходят. Не знают квадратных или кубических измерений.

- Значит, стаи сверхкитов, достигших технической культуры, - сказал Мюллер. - Не станешь же ты мне говорить, что...

- Вот именно. Достигли. Я повторяю, они нам чужды. Сами не способны создавать механизмы. Но у них есть рабы.

- Ага, - тихо произнес Мюллер.

- Мы только начали ориентироваться в этом и, разумеется, до меня доходят лишь обрывки этих сведений, совершенно секретных, но я их анализирую и знаю, что эти создания пользуются помощью существ более низкого уровня, делают из них нечто вроде управляемых автоматов.

Они используют всех, кто только обладает конечностями и способен ими шевелить. Начали они с каких-то зверюшек, с небольших созданьиц, вроде наших дельфинов, тоже почти разумных, а потом развили свою технологию дальше, пока не

вышли в нашу Галактику. Они достигли планет... планет с почвой... и овладели какими-то псевдоначальными видами, вроде первошимпанзе.

Теперь же им понадобились пальцы. Применение рук имеет для них огромное значение. В настоящее время сфера их влияния равна примерно восьмидесяти световым годам и, насколько мне известно, расширяется с поразительной быстротой.

Мюллер покачал головой:

- Это еще худшая ложь, чем твоя болтовня о лечении. Послушай-ка, скорость распространения радиоволн ограничена, правда? Если эти существа осуществляют контроль над работой невольников, отдаленных на восемьдесят световых лет, срок передачи приказа тоже займет восемьдесят лет. Каждое подрагивание мышцы, каждое малейшее движение...

- Они могут покидать свою планету, - сказал Раулинс.

- Но поскольку они такие огромные...

- Они приказывают невольникам строить компенсаторы гравитации. Кроме того, располагают межзвездными кораблями. Всеми их колониями правят надзиратели, которые парят на орбите в нескольких тысячах километров над планетой в искусственной атмосфере родной планеты. На каждую планету достаточно одного надзирателя. Я полагаю, что это как бы дежурные на определенный срок.

Мюллер прикрыл глаза. Эти непонятные огромные бестии распространяются по своей далекой Галактике, превращая население планет в подневольные рабочие коллективы, а сами, как этакие космические киты, парят на орбите, руководя работой рабов и контролируя ее. Сами же они оказываются неспособными ни на какой физический труд.

Просто прямо из моря взявшиеся комья розовой протоплазмы, утыканные рецепторами, охватывающими оба края спектра. Перешептываются рентгеновскими лучами. Отдают приказы на радиоволнах. Нет, подумал он, нет.

- Хм-м... - наконец произнес он. - Ну и что? Что дальше? Они же в другой Галактике.

- Уже нет. Они вторглись на окраину нашей Галактики. Знаешь, что они делают, когда натыкаются на планету, колонизированную людьми? Оставляют на орбите надзирателя, и тот полностью подчиняет себе поселенцев. Они уже разобрались, что люди - наилучший сорт невольников, и это меня ни чуточки не удивляет. В этот момент под их властью находится шесть наших планет. Они захватили было и седьмую, но там

удалось уничтожить наблюдателя. Теперь сделать это стало невозможным. Они попросту отталкивают наши снаряды, отбрасывают их назад.

- Если ты все это выдумал, - заявил Мюллер, - я тебя убью.

- Это правда. Клянусь тебе.

- Когда это началось?

- В прошлом году.

- И что происходит? Эти существа маршируют по Галактике, и все больше людей превращается в живые трупы?

- По мнению Бордмана, есть люди, которые имеют шанс помешать всему этому.

- Какой же?

Раулинс пояснил:

- Они, вроде бы, не отдают себе отчета, что мы тоже разумные существа. Видишь ли, мы не можем общаться с ними. Они немые, общаются на основе какой-то телепатической системы. Мы перепробовали самые разные формы связи, бомбардируем их информацией на всех диапазонах волн, но ничто не свидетельствует о том, что они нас понимают. Бордман полагает, что если бы мы ухитрились продемонстрировать им, что обладаем... ну... душой... они могли бы оставить нас в покое. Одному Богу ведомо, почему он так считает. Есть, кажется, вывод компьютера, что эти непонятные создания претворяют в жизнь какой-то свой план, согласно их идеологии: хотят подчинить себе все живые существа, которые могут считаться полезными, но это не распространяется на виды, развитые так же, как и они. Так что если бы мы смогли продемонстрировать им, что...

- Но ведь они видят, что у нас огромные города. Что мы освоили звездные перелеты. Разве это не доказательство нашего разума?

- Бобры строят плотины, - заметил Раулинс, - но ведь мы не заключаем договоров с бобрами. Мы не выплачиваем им компенсацию, когда присваиваем себе их территории. Мы считаем, что по определенным соображениям чувства бобров можно не принимать в счет.

- Считаем? Скорее мы юридически постановили, что бобров можно уничтожать. И что значит вся эта болтовня об уникальности разумных существ? Начиная от первичных клеток и кончая высшими формами, для всех существует одна шкала. Мы более развиты, чем шимпанзе, но является ли это качественным скачком? Или же тот факт, что мы способны

регистрировать наше знание, чтобы использовать его в случае необходимости, так сильно меняет положение дел?

- Сейчас я не буду вдаваться в философские дискуссии, - едко произнес Раулинс. - Я лишь показал тебе, какая вырисовывается ситуация... и как сильно она касается тебя.

- Ладно. Как же сильно она касается меня?

- Бордман убежден, что мы в самом деле можем избавиться от этих чудовищ из другой Галактики, если докажем им, что мы ближе к ним по развитию, чем все иные творения, находящиеся у них в рабстве. Если мы как-то заставим их понять, что тоже обладаем чувствами, сомневаемся, гордимся, мечтаем...

- Разве у еврея нет глаз? - сплюнув, процитировал Мюллер сцену из "Венецианского купца" Шекспира. - Или же у еврея нет рук, ног, внутренностей, мыслей, чувств, надежд?.. Или если ранишь нас, разве кровь не течет?"

- Вот именно, именно этим способом.

- Способ не ахти какой, поскольку они не знают ни одного языка.

- Ты не понял? - спросил Раулинс.

- Нет. Я... Да, Господь милосердный, я понял!

- Среди многих миллиардов людей есть только один человек, который способен объясняться без слов. Он излучает свои глубочайшие чувства. Свою душу. Мы не знаем, на какой волне, но может быть, они воспримут. - Поэтому Бордман и решил попросить тебя, чтобы ты еще раз кое-что сделал на благо человечества. Чтобы ты полетел к этим чуждым существам. Чтобы позволил им принять то, что ты передаешь. Чтобы показал, что мы нечто большее обычных животных.

- Так зачем нужны были все эти бредни о том, чтобы забрать меня на Землю для лечения?

- Приманка. Ловушка. Как-то надо было выманить тебя из лабиринта. Потом бы тебе объяснили, что к чему, и попросили бы о помощи.

- И признались бы, что исцеление ни одним из способов невозможно? И рассчитывали бы, что я хоть пальцем шевельну ради спасения человечества?

- Твоя помощь могла быть и не добровольной, - сообщил Раулинс.

6

Теперь все это эманировало с небывалой силой - ненависть, горечь, зависть, страх, страдание, упрямство, ложь, отвращение, гордость, отчаяние, злоба, безразличие, бешенство, смирение, жалость, сожаление, боль и гнев, весь фейерверк. Раулинс отшатнулся как опаленный. Мюллер оказался в бездне одиночества. Ложь, ложь, ложь, все что было - ложь! Он весь кипел. Говорил немного. Но то, что он чувствовал, само хлынуло из него стремительным, неудержимым потоком.

Он стоял между двумя выступающими вперед фасадами домов и медленно приходил в себя. Потом спросил:

- Значит, Бордман сунул бы меня в пасть этим чужакам даже вопреки моей воле?

- Да. Он сказал, что дело слишком серьезное, чтобы оставлять тебе свободу выбора. Твое желание или нежелание не играли бы никакой роли.

Мюллер сказал утвердительно, с мертвенным спокойствием:

- И ты принимаешь во всем этом участие. Я только не понимаю, зачем ты мне все это рассказываешь?

- Я отказался.

- Ну конечно же.

- Нет, в самом деле. Да, я принимал в этом участие. Шел рука об руку с Бордманом... верно, я говорил тебе все эти враки. Но я не знал финала... того, что у тебя не окажется выбора. Я должен был прибежать сюда. Я не могу этого допустить. Я был обязан сказать правду.

- Как я признателен. Значит, теперь у меня есть альтернатива, так, Нед? Я могу позволить увести себя отсюда и еще раз оказаться козлом отпущения для Бордмана... или могу прямо сейчас, вот в эту минуту отправиться на тот свет и послать ко всем чертям все человечество.

- Нет, не говори так! - взволнованно вскрикнул Раулинс.

- А почему? Выбор-то у меня такой, раз уж ты по доброте душевной открыл мне глаза на происходящее, я могу выбирать то, что мне по вкусу. Ты вынес мне смертный приговор, Нед!

- Нет!

- А как это иначе назвать? Я должен позволить снова собой воспользоваться?

- Ты мог бы... сотрудничать с Бордманом, - сказал Раулинс и облизнул губы. - Я знаю, это звучит по-дурацки, но ты мог

бы показать ему, какого склада ты человек. Забыть о своей обиде. Подставить другую щеку. Помнить, что Бордман же не все человечество. Существуют миллиарды ни в чем не повинных людей...

- Господи, прости им, ибо они не ведают, что творят.

- Вот именно!

- И каждый из этих миллиардов людей бросился бы бежать от меня, стоит только к нему приблизиться.

- Ну и что? Здесь ничего не поделаешь! Но ведь все эти люди такие же, как и ты!

- И я один из них? Только они почему-то не думали об этом, когда отвернулись от меня!

- Ты мыслишь нелогично.

- Да, я мыслю нелогично. И по-другому не собираюсь. Если даже допустить, что я полетел бы как посол к этим радиосуществам и мог бы тем хоть чуточку повлиять на судьбы человечества... во что, впрочем, я никогда не поверю... то я с величайшей радостью отказываюсь от этой чести. Благодарю, что ты предупредил меня.

Теперь, когда я, наконец-то, знаю, что вам от меня нужно, я нашел решение тех вопросов, которые постоянно задавал себе. Я знаю тысячи мест, где смерть приходит мгновенно и, вроде бы, безболезненно. Так что пусть Чарльз Бордман договаривается с этими иногалактянами сам. А я...

- Дик, прошу тебя, не двигайся, - сказал Бордман, стоя в каких-то тридцати метрах от Мюллера.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Как это все неприятно и, однако, необходимо, - думал Бордман, нисколько не удивленный тем, какой оборот приняли события. В своем первичном анализе он предусматривал два одинаково правдоподобных варианта: или Раулинс согласится ложью выманить Мюллера из лабиринта, или же Раулинс взбунтуется окончательно и выложит ему всю правду. Он был готов как к одному, так и к другому.

Из зоны "F" он пришел в сердце лабиринта вслед за Раулинсом, чтобы овладеть ситуацией, пока это еще возможно. Он знал, что самоубийство может оказаться одной из реакций Мюллера. Мюллер ни в коей мере не покончил бы с собой от

отчаяния, но разве не мог бы сделать это из мести? С Бордманом пришли Оттавио, Дэвис, Рейнольдс и Гринфилд. Хостин и остальные дежурили в наружных зонах. Люди Бордмана были вооружены.

Мюллер повернулся. Лицо его выражало удивление.

- Прости, Дик, - сказал Бордман. - Но мы вооружены и вынуждены так поступать.

- У тебя что, совсем нет совести? - спросил Мюллер.

- Там, где речь идет о безопасности Земли - нет.

- Это я уже давно понял. Но я все-таки думал, что ты человек, Чарльз. Жаль, я не знал тебя лучше.

- Я бы предпочел, чтобы не возникло такой необходимости. Но что поделаешь, если я не вижу другого выхода. Пойдем с нами.

- Нет.

- Ты не можешь отказаться. Парнишка объяснил тебе всю ситуацию. Мы и так виноваты перед тобой больше, чем можем искупить. Дик, не стоит увеличивать счет. Прошу тебя.

- Я не улечу с Лемноса. Я не считаю, что у меня есть какие-то обязанности перед человечеством. Я не стану выполнять ваше задание.

- Дик...

Мюллер сказал:

- В пятидесяти метрах к северу от того места, где я стою, есть яма, полная огня. Я пойду туда. И через десять секунд не останется никакого Ричарда Мюллера. И его несчастное существование подойдет к концу, а Земля станет ничем не хуже, как если бы он вообще не получил своих неприятных качеств. С какой стати мне позволять, чтобы меня для чего-то там использовали?

- Если ты хочешь умереть, - сказал Бордман, - то почему бы тебе не отложить это на пару месяцев?

- Нет, я не собираюсь работать на вас.

- Но это же детство. Последний грех, в котором бы я мог тебя заподозрить.

- Детством с моей стороны была мечта о звездах, - сказал Мюллер. - Я здесь попросту ни при чем. Что касается меня, Чарльз, то пусть эти иногалактические выродки тебя хоть живьем съедят. Ведь тебе не захотелось бы стать рабом, верно? Что-то в твоем мозгу будет продолжать существовать, что-то будет кричать, молить об освобождении, но радио не перестанет диктовать тебе, что надо поднять руку, как поставить ногу. Жаль, что я до этого не доживу и не увижу. Но что

бы там ни было, я иду к огненной яме. Ты не хочешь пожелать мне счастливого пути? Подойди, дай я коснусь твоего плеча. Прежде чем меня не станет, позволь я покажу тебе мою душу. В первый и последний раз. И перестану надоедать всем вам. Мюллер дрожал. Лицо его лоснилось от пота. Верхняя губа вздрагивала.

Бордман предложил:

- По крайней мере, прогуляемся со мной в зону "F". Там посидим спокойно, поговорим, коньячком побалуемся.

- Посидим? - Мюллер рассмеялся. - Да ты же сбежишь. Не выдержишь.

- Мне надо поговорить с тобой.

- А я с тобой разговаривать не желаю! - категорически заявил Мюллер.

Он сделал один неловкий шаг в северо-западном направлении. Его крупное сильное тело казалось сейчас вялым и скорчившимся, словно мышцы напрасно работали под оболочкой опавшей кожи. Но он сделал следующий шаг.

Бордман наблюдал. Оттавио и Дэвис стояли от него по левую руку; Рейнольдс и Гринфилд - по правую, между Мюллером и ямой огня. Раулинс, всеми забытый, стоял как раз напротив этой группы.

Бордман почувствовал пульсацию в висках, что-то там приливало и отливало, щекотало его извилины. Он был страшно утомлен и одновременно ощущал небывалый подъем, какого не было с ним со времен молодости. Он позволил Мюллеру сделать третий шаг к гибели. А потом небрежно щелкнул пальцами.

Гринфилд и Рейнольдс кинулись на Мюллера.

Они налетели словно коты и ухватили его за локти. Немедленно лица того и другого посерели от воздействия эманации. Мюллер, сопя, дергался и вырывался. Но уже Дэвис и Оттавио подскочили к нему. Теперь, в сгущающихся сумерках, все вместе они выглядели как группа Лаокоона - Мюллер, самый высокий из них и видимый только наполовину, пригнувшийся от этого неожиданного груза. Было бы лучше, если бы они применили парализатор, - подумал Бордман. Но в отношении людей это бывает рискованно. Дефибрилятора у нас с собой нет.

Еще минута, и они поставили Мюллера на колени.

- Обезоружьте его! - распорядился Бордман.

Оттавио и Дэвис держали Мюллера. Рейнольдс и Гринфилд обшарили его карманы. В одном из карманов Гринфилд нашел смертоносный шар с окошком.

- Вроде бы больше у него ничего нет при себе, - сказал он.

- Тщательно проверьте.

Они проверили. Мюллер тем временем с застывшим лицом и окаменевшими глазами сохранял неподвижность. Так же человек засыпает под топором палача. Наконец Гринфилд снова поднял глаза.

- Ничего, - доложил он.

Мюллер сказал:

- В одном из верхних коренных зубов с левой стороны у меня вмонтирована доза карнифагина. Я считаю до десяти, потом раскусываю ампулу и распыляю ее на вас.

Гринфилд сразу же потянулся к лицу Мюллера.

- Оставь его в покое, - сказал Бордман, - он шутит.

- Откуда мы можем знать... - начал Гринфилд.

- Оставь его. Отойди! - Бордман махнул рукой. - Станьте вон там, на расстоянии десяти метров от него. Не подходите, если он не будет шевелиться.

Они отошли, явно довольные тем, что могут покинуть зону наиболее сильного излучения. Бордман, стоящий от него в пятнадцати метрах, ощущал лишь несильные болевые уколы. Ближе подходить он не стал.

- Можешь встать, - сказал он. - Только я прошу тебя, ничего больше. Мне в самом деле очень неприятно, Дик.

Мюллер поднялся. Лицо его перекосилось от ненависти. Но он молчал и стоял как окаменелый.

- Если возникнет необходимость, - сказал Бордман, - мы засунем тебя в кокон из пены и вынесем из лабиринта на корабль.

В этом коконе ты там и останешься. И будешь в нем, пока не встретишься с теми существами. Абсолютно беспомощный. Но я не хотел бы делать этого, Дик. Выбор только один - твое желание сотрудничать. Если ты по своей воле пойдешь с нами. Сделай то, о чем мы тебя просим. Помоги нам в последний раз.

- Чтобы твои кишки проржавели, - сказал Мюллер почти безразлично. - Чтобы ты прожил тысячу лет, и все это время тебя грызли черви. Чтобы ты подавился своим самолюбованием и никогда не умер.

- Помоги нам. Без принуждения, по собственному желанию.

- Сажай меня в кокон, Чарльз, иначе я покончу с собой при первой же возможности.

- Каким же болваном ты будешь тогда выглядеть! - сказал Бордман. - Но я не хотел бы забирать тебя отсюда таким способом. Пойдем с нами добровольно, Дик.

Мюллер в ответ что-то зло буркнул.

Бордман вздохнул. Это был вздох облегчения. Он повернул голову к Оттавио:

- Пенный кокон.

Раулинс, который стоял как в трансе, неожиданно начал действовать. Он бросился вперед, выхватил у Рейнольдса пистолет из кобуры, метнулся к Мюллеру и всунул оружие ему в руку.

- Держи! - хрипло сказал он. - Теперь ты хозяин ситуации!

2

Мюллер разглядывал оружие, словно никогда такого не видел, но изумление его длилось меньше секунды. Привычным движением он обхватил рукоятку и положил палец на спуск. Это был пистолет хорошо знакомого ему образца, хотя и несколько измененного из-за внесенных за последнее время улучшений. Мгновенной быстрой очередью он мог бы уничтожить их всех. Или себя. Он отшатнулся, словно на него могли напасть сзади. Острием, вмонтированным в носок ботинка, он проверил стену, и когда убедился, что она прочна, оперся о нее спиной. Потом описал пистолетом полукруг, охватывая всех.

- Встаньте в ряд! - приказал он. - Все шестеро. На метр друг от друга и держите руки так, чтобы я мог их видеть.

Его позабавил печальный взгляд, которым Бордман наделил Неда Раулинса. Парнишка был ошеломлен, растерян, испуган, словно его резко вырвали из сна. Терпеливо ожидая, пока эти шестеро выполнят его распоряжение, Мюллер поразился собственному спокойствию.

- А лицо-то у тебя страдающее, Чарльз, - отметил он. - Сколько тебе сейчас? Восемьдесят? И ты хотел бы прожить еще лет семьдесят, восемьдесят, девяносто, как я понимаю. Ты всю свою карьеру распланировал, но план этот не предусматривает завершения ее на Лемносе. Успокойся, Чарльз. Распрямись. Не буди во мне жалости, строя из себя немощного старца. Знаю я эти номера, ты так же полон сил, как и я, разве

что мышцы твои подряблее. А так ты даже здоровее меня. Распрямись, Чарльз!

Бордман хрипло сказал:

- Дик, если это тебя успокоит, убей меня. А потом иди на корабль и сделай все, о чем мы тебя просим. Без меня мир не рухнет.

- Ты серьезно говоришь?

- Да.

- Вроде бы и в самом деле, - задумчиво произнес Мюллер. - Ты хитрая, старая дрянь, предлагаешь торговую сделку? Твоя жизнь на мое сотрудничество! Но это никакой не обмен. Я не люблю убивать. Я не получу успокоения от того, что я уничтожу тебя. Проклятие по-прежнему будет висеть надо мной.

- Я не отказываюсь от своего предложения.

- А я его отвергаю, - сказал Мюллер. - Если я тебя убью, наш договор потеряет силу. Однако более правдоподобно, что я сам с собой разделаюсь. Знаешь, я по сути дела гуманный человек. Неуравновешенный, конечно, но никто не может иметь за это на меня зла. Но - гуманный. Я скорее застрелю себя из этого пистолета, чем тебя. Ведь это же я страдаю. Не пора ли покончить со страданием?

- Ты мог бы покончить со страданием в любую минуту за эти девять лет, - заметил Бордман. - И все-таки ты жив. Весь свой опыт ты направил на то, чтобы выжить.

- Да, верно. Но это было другое дело! Этакий абстрактный вызов: человек против лабиринта. Зато теперь, когда я покончу с собой, я разрушу твои планы. Пошлю человечество по ветру. Я необходим, говоришь ты? Так разве найдется лучший способ расплатиться с людьми за мою боль?

- Нам больно из-за того, что ты страдаешь, - сказал Бордман.

- Конечно, вы горько рыдали по мне. Но ничего больше не сделали. Вы позволили мне тихонько ускользнуть, грязному, вонючему, нечистому. И теперь пришло освобождение. Это не самоубийство, нет. Это - месть.

Мюллер улыбнулся. Он перевел пистолет на самый тонкий луч и приставил ствол к своей груди. Только нажать спуск. Он обвел глазами их лица. Четверо солдат казались равнодушными. Раулинс, вроде бы, все еще пребывал в шоке. И только Бордман был явно испуган и озабочен.

- Я бы мог сперва прикончить тебя, Чарльз. Чтобы преподнести урок нашему молодому другу... Платой за ложь служит

смерть. Но нет. Это бы все испортило. Ты останешься жить, Чарльз. Ты вернешься на Землю и будешь вынужден признать, что этот несносный человек все-таки выскользнул у тебя из рук. Надо же, какое пятно на твоей карьере! Неудача важнейшей из твоих миссий! Вот именно. Такова моя воля. Я лягу костьми, и можешь забирать то, что от меня останется.

И Мюллер переместил палец на спуск пистолета.

- Сейчас, - сообщил он. - Раз, два...

- Нет! - крикнул Раулинс. - Ради...

- Человечества! - закончил за него Мюллер. Он рассмеялся и не выстрелил. Убрал палец со спуска и презрительно кинул оружие в сторону Бордмана. Пистолет упал у самых ног старика.

- Кокон! - крикнул Бордман. - Быстро!

- Не суетись, - сказал Мюллер. - Я пойду с вами.

3

Раулинсу потребовалось немало времени, чтобы понять это. Сперва им надо было выбраться из лабиринта, и они наткнулись на многие трудности. Даже для Мюллера, их проводника, это оказалось трудным заданием. Как они и предполагали, их поджидали иные ловушки, чем те, которые они преодолевали при пути внутрь. Мюллер осторожно провел их через зону "Е"; дальше, в зоне "F", они уже сами неплохо справлялись.

После того, как лагерь там был свернут, они направились в зону "П". Раулинс не переставал опасаться, что Мюллер ни с того, ни с сего бросится в один из смертоносных силков. Но Мюллер - не в меньшей степени, чем все остальные - явно хотел выбраться отсюда целым и невредимым. И Бордман, странное дело, словно бы знал это. Он хоть и не спускал с Мюллера глаз, но предоставил ему полную свободу.

Раулинс, понимая, что он в опале, держался поодаль от спутников, почти не разговаривавших друг с другом на пути из лабиринта. Он был уверен, что карьере его пришел конец. Он рисковал жизнью людей, успешностью миссии. И все же, полагал он, есть ситуации, когда человек должен восстать против того, что ему кажется неверным, он сделал это.

Над этим естественным моральным удовлетворением, однако, превалировало чувство, что он поступил наивно, романтично, глупо. Он не мог смотреть в глаза Бордману. Неоднократно задумывался, не лучше ли принять смерть в одной из

губительных ловушек лабиринта, но и это, как он в конце концов решил, было бы наивным, романтичным и глупым.

Он наблюдал, как Мюллер, высокий, рассудительный, спокойный, освободившийся теперь от сомнений, размеренно идет первым. И раз за разом ломал голову, почему Мюллер отдал пистолет.

В конце концов Бордман просветил его. Они как раз разбили временный лагерь на одной из безопасных площадей с наружной стороны зоны "G".

- Посмотри на меня, - приказал Бордман. - Что с тобой? Не можешь смотреть мне прямо в глаза?

- Не играй со мной, Чарльз. Давай, начинай.

- Что я должен начинать?

- Устраивай мне головомойку. Выноси мне приговор.

- Все в порядке, Нед. Ты помог мне достичь цели. С чего бы мне сердиться на тебя?

- Но пистолет... Я дал ему пистолет...

- Ты опять забыл, что цель оправдывает средства. Он идет с нами. Он сделает все, о чем мы попросим. Только это засчитывается.

Раулинс пробормотал:

- А если бы он выстрелил в себя... или в нас?..

- Не выстрелил бы.

- Сейчас ты можешь это говорить. Но в первую минуту, когда он держал этот пистолет...

- Нет, - заявил Бордман. - Я еще раньше говорил тебе, мы обратимся к его чести, к тому чувству, которое надо было воскресить в нем. Именно это ты и сделал. Послушай: я - грязный наемник грязного и аморального общества, верно? Я - живое доказательство наихудших мнений Мюллера о человечестве. Захотел бы Мюллер помочь стае волков? А ты - молодой и невинный, полный иллюзий и мечтаний. Живое напоминание о том человечестве, которому он служил, пока его не начал одолевать цинизм. Самым нелепым способом ты пытаешься поступить морально в мире, в котором нет ни морали, ни других заслуживающих уважение качеств. Ты олицетворяешь собой сострадание, любовь к ближнему, благородные порывы во имя того, что порядочно. Ты демонстрируешь Мюллеру, что человечество еще не безнадежно. Понял? Наперекор мне ты суешь ему в руки оружие, чтобы он стал хозяином ситуации. Он же мог сделать самую естественную вещь: испепелить нас. Мог сделать вещь менее очевидную: уничтожить себя. Но мог также равняться на тебя, мог своим

щедрым жестом ответить на твой благородный поступок, поддаться проснувшемуся в нем чувству морального превосходства. Так он и поступил. А ты оказался орудием, с помощью которого мы этого добились.

- До чего это все мерзко выглядит в твоей трактовке, Чарльз. Как если бы ты даже это предусмотрел... спровоцировал меня, чтобы я дал ему пистолет. Знал что...

Бордман улыбнулся.

- Ты знал? - резко переспросил Раулинс. - Нет. Ты не мог запланировать такого оборота дела. Это ты сейчас, когда все уже случилось, пытаешься приписать себе заслугу... Но я видел тебя в тот момент, когда я кинул ему пистолет. На твоем лице были гнев и страх. Ты вовсе не был уверен в его поступках. Лишь теперь, когда все удачно кончилось, ты можешь утверждать, что события развиваются в соответствии с твоим планом. Я это знаю. Я могу читать в тебе, как в открытой книге, Чарльз.

- Приятно быть открытой книгой, - весело заявил Бордман.

4

Лабиринт, вроде бы, ничего не имел против, чтобы они его покинули. Направляясь к выходу, они продолжали сохранять крайнюю осторожность, но ловушек им попадалось уже немного, и не было никакой серьезной опасности. Они быстро добрались до корабля.

Мюллеру выделили каюту в носу, изолированную от помещений экипажа. Мюллер согласился, что это вытекает из его состояния, и не высказал никакого раздражения. Он держался замкнуто, уравновешенно, спокойно. Порой усмехался иронически, а из глаз его не исчезало выражение своего превосходства. Однако он охотно прислушивался ко всем рекомендациям. Он уже продемонстрировал свое духовное превосходство, а теперь мог и подчиниться.

Экипаж звездолета под командованием Хостина занимался приготовлениями к отлету. К Мюллеру, который оставался в своей каюте, Бордман пришел на этот раз в одиночестве и без оружия. От него тоже можно было ожидать щедрых жестов.

Они уселись друг против друга за низким столиком. Мюллер молча ожидал, лицо его ничего не выражало. После долгой паузы Бордман сказал:

- Я тебе признателен, Дик.

- Поблагодари за это нас обоих.

- Ты можешь меня ненавидеть. Но я выполнял свой долг. Так же, как и парнишка. Так же, как и ты вскоре выполнишь свой долг. Тебе так и не удалось забыть, что как бы там ни было, а ты человек с Земли.

- Жаль, что не удалось.

- Дик, не надо так говорить. Это все пустые слова, ненужная поза. Мы оба слишком стары для этого. Вселенная грозит опасностью. Мы прилагаем все силы, чтобы избежать ее. Все остальное не имеет значения.

Он сидел почти рядом с Мюллером. Ощущая эманацию, он не позволял себе тронуться с места. Волна печали, наплывающая на него, заставляла его почувствовать бремя старости, словно ему исполнилось уже тысяча лет. Разложение тела, измельчение души, видение Галактики в огне... грядущие холода... пустота... пепел.

- Когда мы прилетим на Землю, - деловито заговорил он, - ты пройдешь курс переподготовки. Узнаешь об этих радиосуществах все то, что знаем мы. Однако не надейся, что этого будет слишком много. Потом тебе придется рассчитывать только на свои силы, на самого себя... Но уж ты, наверняка, сможешь понять, что миллиарды жителей Земли душой и сердцем молятся за успешность твоей миссии.

- И кто тут говорит пустые слова? - спросил Мюллер.

- Есть кто-нибудь, кого бы ты хотел повидать в порту сразу после посадки?

- Нет.

- Я могу переслать сообщение. Есть люди, Дик, которые никогда не переставали любить тебя. Они будут ждать тебя, если я предупрежу их.

Мюллер медленно произнес:

- Я вижу растерянность в твоих глазах, Чарльз. Ты чувствуешь эманацию, и тебя это угнетает. Ты это нутром чувствуешь. Головой, грудной клеткой. Лицо твое посерело, щеки обвисли. И пусть это даже убьет тебя, но ты останешься сидеть здесь, поскольку таков твой стиль. Но ведь это ад для тебя, Чарльз. Если кто-то из людей Земли еще не перестал любить меня, Чарльз, я могу для него сделать лишь то, что избавлю от этого ада. Я не хочу никого видеть. Я не желаю ни с кем разговаривать.

- Как тебе угодно, - сказал Бордман. Капельки пота свисали у него с кустистых бровей и стекали на щеки. - Может ты переменишь свое решение, когда будешь рядом с Землей.

- Я никогда не буду рядом с Землей, - сказал Мюллер.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

На протяжении трех недель он изучал все, что было известно о незнакомых гигантских существах из другой галактики. Он настоял на своем и даже не ступил на Землю в это время, но ни об этом плане, ни о его возвращении на Землю не было ни одного упоминания в информационных выпусках. Он получил квартиру в одном из лунных бункеров и спокойно жил там, в кратере Коперника, прогуливаясь как робот по серым стальным коридорам в свете полыхающих факелов. Ему доставляли кубики видеозаписей, внедряли информацию всеми сенсорными методами. Он слушал. Усваивал. Говорил он мало.

Люди избегали близости с ним, так же как и во время пути с Лемноса. Порой он целыми днями никого не видел. Когда его навещали, то старались держаться от него по крайней мере в десяти метрах.

Он не имел ничего против.

Исключение составлял Бордман, который заходил к нему трижды в неделю и всегда подходил вплотную. Ему казалось это тайной демонстрацией со стороны Бордмана. Этот старец своим добровольным и практически ненужным стремлением к болевым ощущениям вроде бы тем самым хотел продемонстрировать свою благодарность.

- Я бы предпочел, Чарльз, чтобы ты держался подальше, - резко заявил он в начале пятого визита. - Мы можем беседовать с помощью телевидения. Ты мог бы оставаться у дверей.

- Мне не мешает близкий контакт.

- А мне мешает. Тебе ни разу не приходило в голову, что я испытываю такое же отвращение к близости людей, какое они испытывают от меня? Запах твоего расплывшегося тела, Чарльз, меня просто бесит. И смердишь не только ты, но и все остальные. Противно. Омерзительно. Даже ваши рожи, ваши хари. Эта противная кожа. Этот глупый приоткрытый рот. Эти

уши. Ты как-нибудь присмотрись внимательней к человеческому уху, Чарльз. Ты видел что-нибудь более отвратительное, чем эта розовая складчатая пластинка? Все вы будите во мне отвращение.

- Мне жаль, что ты так к этому относишься, - сказал Бордман.

Переподготовка продолжалась и продолжалась. Мюллер уже к концу первой недели был готов к миссии, но нет - его заставляли сперва овладеть всеми материалами, которыми располагали. Он знакомился с фактами, сдерживая нетерпение. Что-то из давнего его опыта оставило в нем столь сильный след, что эта миссия заворожила его. Он снова оказался перед вызовом, который стоило принять. Он хотел отправиться к грозным и незнакомым существам, он хотел вновь служить во благо Земли, как и раньше. Он хотел как можно лучше исполнить свой долг.

Наконец он узнал, что может отправляться.

С Луны его забрали кораблем с ионным двигателем до определенной точки внутри орбиты Марса, где его уже поджидал корабль с подпространственным двигателем, соответственно запрограммированный и долженствующий доставить его на край Галактики. На этом втором корабле он отправился один. Больше его не тревожило, как и насколько страдают от его присутствия другие члены экипажа.

Это было предусмотрено в программе экспедиции, но основной причиной для этого было то, что его акцию считали почти самоубийственной, а поскольку корабли могут совершать рейсы и без экипажа, зачем же надо было рисковать жизнью добровольцев - хватало одного Мюллера. Впрочем, он и сам заявил, что не желает никаких спутников.

Он не виделся с Бордманом последние пять дней перед отлетом, и ни разу с момента отлета с Лемноса не встречался с Недом Раулинсом. Бордман был ему ни к чему, но он все же жалел, что не мог хотя бы часок провести с Раулинсом. Этот парнишка так хорошо держался, думал он. Конечно, он еще такой наивный, и в голове у него каша, но есть в нем задатки человечности.

Из кабины межзвездного корабля он наблюдал за тем, как техники, невесомые в вакууме, отсоединяют переходной тунель и скрываются в планетолете. Минуту спустя он получил последнее сообщение от Бордмана: это его привычка произносить напутственное слово - лети и делай свое дело на благо

человечеству, и т.д., и т.п. Он вежливо поблагодарил Бордмана за эти ничего не значащие слова.

Связь оборвалась.

И вскоре после этого Дик Мюллер оказался в подпространстве.

2

Эти незнакомые существа завладели тремя планетными системами на краю Галактики, причем в каждой из этих систем было по две планеты, колонизированных землянами. Корабль Мюллера летел прямо к зеленовато-золотой звезде, планеты которой были земными колониями около сорока лет. Пятая планета системы принадлежала колонистам из Центральной Азии, которые пытались воскресить монашеские культы, принципы жизни кочевых племен. Шестую планету с климатом и топографией, более напоминающей климатические условия Земли, освоили несколько объединенных колоний, каждая из которых разместилась на соответствующем континенте. Отношения между этими колониями, часто сложные и недоброжелательные, перестали иметь какое-либо значение, потому что вот уже двенадцать месяцев над каждой из планет осуществляли полную власть надзиратели из другой Галактики.

Мюллер вынырнул из подпространства на расстоянии в двадцать световых секунд от шестой планеты. Корабль автоматически вышел на поисковую орбиту, включились устройства наблюдения. Экраны демонстрировали поверхность планеты, наложенная на них полупрозрачная карта колоний позволяла сравнивать прежнее положение дел с теперешним, вызванным влиянием этих таинственных существ. Изображения эти при увеличении оказались достаточно интересными.

Первые поселения колонистов обозначались на экране фиолетовым цветом, новые постройки были красными. Мюллер заметил, что вокруг каждого поселка, вне зависимости от их первоначального плана, раскинулась сеть улиц и бульваров, имеющих извилистую, местами нарушающую симметрию форму. Он инстинктивно почувствовал в этом чуждую людям геометрию. И сразу вспомнил лабиринт: и хотя эти строения ничем не напоминали здания лабиринта, их также характеризовала причудливая асимметрия. Он даже выдвинул предположение, что лабиринт на Лемносе был в свое время выстроен под руководством радиосуществ. То, на что глядел он, сочe-

талось с лабиринтом только с точки зрения непривычности. Чуждые нам существа и строят чуждым нам способом.

Над шестой планетой на расстоянии в семь тысяч километров кружила по орбите какая-то поблескивающая капсула в форме конуса, размером с межзвездный грузовик. Точно такую же капсулу Мюллер обнаружил на орбите вокруг пятой планеты. Он понял, что это надсмотрщики.

Он не смог установить связи ни с одной из этих капсул, ни с планетами под ними. Все каналы были блокированы. Он по очереди перебрал все диапазоны на протяжении более часа, игнорируя реакцию мозга корабля, постоянно напоминающего, чтобы он прекратил бесцельное занятие. А потом уступил.

Он направился в сторону капсулы, которая оказалась ближе к нему. К своему изумлению, он все еще продолжал сохранять власть над кораблем. Снаряды, которые люди направляли на эти капсулы, отбрасывались, он же вел свой корабль без помех. Хороший признак? Он задумался. Может, они следят за мной или уже как-то установили, что это не вражеское оружие? Или попросту не воспринимают меня всерьез?

На расстоянии в тысячу километров он уравнял свою скорость со скоростью капсулы-спутника планеты. Перешел в посадочную капсулу, которая направилась к спутнику.

3

Он оказался в чужой власти. В этом не было никакого сомнения. Посадочная капсула была запрограммирована таким образом, чтобы в нужное время пролететь мимо спутника, но он быстро обнаружил, что она сбилась с этого курса. Отклонения никогда не бывают случайными. Посадочная капсула приобрела скорость и направление, не предусмотренные программой, а значит - что-то притягивало ее. Он отметил это. С ледяным спокойствием он ни на что не рассчитывал и ко всему был готов. Скорость уменьшилась. Он с близкого расстояния увидел поблескивающий борт огромного чужого спутника.

Металл коснулся металла, стыковка осуществилась.

В металлической оболочке спутника открылся люк. Капсула Мюллера вплыла внутрь.

И остановилась на возвышении в огромном, напоминающем пещеру зале - высоком, шириной и длиной в несколько сотен метров. Мюллер в космическом скафандре вышел наружу. Привел в действие гравитационные прокладки, так как

сила притяжения здесь, как он и предполагал, была почти незаметной. Во мраке он различил слабое пурпурное зарево. Тишина стояла могильная, и в то же время что-то билось вдалеке, словно балки и распорки спутника сотрясало чье-то мощное дыхание.

Несмотря на работу гравитационных прокладок, голова у него кружилась, пол раскачивался под ногами. Он не мог избавиться от впечатления, что его окружает бурное море, огромные волны накатывают на изъеденные берега, водная масса в своем шарообразном, глубоком ложе волнуется и шумит. Мир содрогается от этого груза.

Он ощутил, как холод проникает под его обогреваемый скафандр. Его влекла вперед какая-то неодолимая сила. Он шел неуверенно, и в то же время с облегчением и удивлением замечал, что ноги послушны ему, хотя он и не в полной мере сохраняет над ними контроль. Близость чего-то огромного, чего-то волнующего, подрагивающего, дышащего была все ощутимее.

Он шел, погруженный во мрак, будто по набережной. Наткнулся на невысокое ограждение - темно-красную полосу на фоне угольной тьмы - прижался к ней ногой и дальше уже шел вдоль нее. В одном месте он поскользнулся и когда ударился локтем об ограждение, вся конструкция отозвалась потревоженным металлом. Нечеткое эхо вернулось к нему. Словно сквозь лабиринт он шел дальше по коридорам и череде комнат; то там, то здесь поднимался на мостики, переброшенные над темной бездной, по некрутым лестницам спускался в просторные залы, потолки которых были еле видны.

Ничего не опасаясь, он шел так, полный уверенности в себе. Правда ориентировки почти никакой не было. Он не знал, какова внутренняя планировка этого спутника. Он даже не мог понять, для какой цели служат внутренние переборки. От этой близости скрытого гиганта плыли бесшумные волны и делались все сильнее. Он содрогался от их давления, пока не выбрался на какую-то центральную галерею и, глянув вниз, не увидел в тусклом голубоватом полусвете уменьшающиеся по мере удаления бесчисленные этажи и глубоко под его балконом этакий огромный бассейн, а в этом бассейне - нечто гигантское, полыхающее искрами.

- Вот я, - сказал он. - Ричард Мюллер. Человек с Земли.

Он сжал руки на парапете и смотрел туда, вниз, готовый ко всему. Может, это огромное создание шевельнется, двинется? Откашляется? Отзовется на языке, который ему досту-

пен? Но он ничего не услышал, но ощущал многое: постепенно он понял, что происходит какой-то контакт, общение, беседа.

Он почувствовал, как его душа просачивается сквозь поры кожи.

Это было неприятно, но он предпочел не сопротивляться. Он охотно раскрывался, не жалея себя. Кошмарное чудище под ним высасывало из него его сущность, словно пило из отвернутых кранов его энергию - и не могло насытиться.

- Ну, пожалуйста! - произнес он, и эхо от его голоса задрожало вокруг, отражаясь, изменяясь. - Пей! Тебе нравится? Это ведь горький напиток, правда? Пей! Пей!

Колени его подгибались, и он оперся о балюстраду, прижав лоб к ее холодной поверхности. Источник его эманации иссякал.

Но теперь он отдавал свое "я" с радостью. Поблескивающими капельками из него выцеживалось все: его первая любовь и первое разочарование, майский дождь, страсть и боль. Гордость и надежды, тепло и холод, пот и кровь. Запах разомлевшего тела, прикосновение гладкой ухоженной кожи, гром музыки, музыка грома, бархатистость волос под его пальцами, уравнения, начертанные на губчатом грунте. Фыркающие верблюды, серебряные струйки крохотных рыбок, башни Второго Чикаго, бордели подземелий Нового Орлеана. Снег. Молоко. Вино. Голод. Пламя. Страдание. Сон. Печаль. Яблоки. Свет. Слезы. Фуги Баха. Шипенье мяса на огне. Смех стариков. Солнце почти за горизонтом. Луна над морем. Свет иных звезд, стартующие корабли, летние цветы на краю ледника. Отец. Мать. Иисус. Полдень. Ревность. Радость.

Он выдавливал из себя все это и значительно большее. И ждал ответа. Но напрасно. А когда ничего не осталось в нем, он обвис на балюстраде, лицом вниз, изможденный, пустой, слепо уставившийся в бездну под ним.

4

Он улетел, как только немного пришел в себя. Люк спутника разошелся, чтобы выпустить его капсулу, которая сразу взяла направление на корабль. Вскоре после этого он был уже в подпространстве.

Почти весь обратный путь он проспал. Лишь в районе Антареса он взял на себя контроль над кораблем и запрограммировал перемену курса. Ему незачем было возвращаться на

Землю. Станция слежения проанализировала его задание, в рамках нормальной процедуры проверила, свободен ли канал, и позволила ему направиться прямо на Лемнос. Он вновь сразу же ушел в подпространство.

Когда он вновь выскочил из него вблизи Лемноса, то убедился, что какой-то корабль ждет его на орбите. Он не стал обращать на него внимания, но с того корабля так настойчиво пытались наладить с ним связь, что он в конце концов согласился на переговоры.

- Это Нед Раулинс, - раздался на удивление тихий голос. - Почему ты изменил курс?

- Разве это важно? Свое задание я выполнил.

- Ты не сделал доклад.

- Ну так сейчас его сделаю. Я навестил одно из этих чужих существ. Провел милую приятную беседу. Потом оно позволило мне вернуться домой. Вот я и почти дома. Я не знаю, какие последствия окажет моя миссия на грядущие судьбы человечества. На этом конец.

- Что ты собираешься делать?

- Вернуться домой. Я же сказал, это мой дом.

- Лемнос?

- Лемнос.

- Дик, пусти меня на свой корабль. Я хочу поговорить с тобой минут десять... лично. Прошу тебя, не отказывай.

- Я не отказываю, - сказал Мюллер.

Минуту спустя от того звездолета отделилась небольшая ракета и поравнялась с кораблем. Он вооружился терпением и впустил гостя. Раулинс вошел и скинул шлем скафандра. Он был бледный, похудевший и словно бы повзрослевший. И выражение его глаз было не тем, что раньше. Достаточно долго они молча разглядывали друг друга. Потом Раулинс подошел поближе и поздоровался, пожав запястье.

- Я бы никогда не предположил, что снова встречусь с тобой, Дик, - сказал он. - Я только хотел... - и он внезапно замолк.

- Ну? - спросил Мюллер.

- Я не чувствую его! - выкрикнул Раулинс. - Я не чувствую его!

- Чего?

- Тебя. Твоего поля. Смотри, я стою совсем рядом. Этой обиды, этой боли, этого отчаяния... Ты не эманируешь!

- То чужое существо все выпило, - спокойно сообщил Мюллер. - Я нисколько не удивлен, что ты ничего не чувст-

вуешь. Моя душа меня покинула. И была возвращена мне не полностью.

- О чем ты говоришь?

- Я чувствовал, как то существо высасывает все, что было во мне. Я понимал, что оно меня изменяет. Не намеренно. Это было случайное изменение. Побочный продукт.

Раулинс медленно произнес:

- Значит, ты знал об этом. Еще до того, как я появился.

- Ты только подтвердил это.

- И все-таки ты хочешь вернуться в лабиринт? Почему?

- Потому что там мой дом.

- Твой дом на Земле, Дик. Почему бы тебе не вернуться туда? Ведь ты излечился.

- Да, - согласился Мюллер. - Счастливое завершение моей несчастливой истории. Я снова годен для общения с человечеством. Вознаграждение за то, что я во второй раз соизволил рискнуть ради его блага. Какая радость! Но годится ли человечество для общения со мной?

- Не надо садиться на Лемнос, Дик. Ты совершаешь глупость. Чарльз прислал меня за тобой. Он страшно переживает за тебя. Мы все за тебя переживаем. С твоей стороны было бы величайшей ошибкой вновь запереться в лабиринте.

- Возвращайся на свой корабль, Нед, - сказал Мюллер.

- Я вернусь с тобой в лабиринт, если ты решил туда вернуться.

- Если ты это сделаешь, я покончу с собой. Я хочу остаться один, как тебе этого не понять, Нед? Я выполнил задание. Последнее задание. И освободившись от своих кошмаров, выхожу на пенсию. - Мюллер выдавил слабую улыбку. - Не надо навязываться мне в спутники, Нед. Я уважал тебя, а ты пытался меня предать. Все остальное было лишь случайностью. А теперь уходи с моего корабля. Мы уже вроде бы сказали друг другу все, что собирались, за исключением: "Прощай".

- Дик...

- Прощай, Нед. Привет от меня Чарльзу. И всем прочим.

- Не делай этого.

- Там, на Лемносе есть что-то такое, чего я не хочу утратить, - сказал Мюллер. - И у меня есть на это полное право. Так что держись подальше. Я знаю правду о людях Земли. Все вы держитесь подальше... Ну, так ты идешь?

Раулинс молча выслушал все это. Потом направился к люку. Когда он выходил, Мюллер сказал:

- Попрощайся с ними со всеми от меня, Нед. Я рад, что ты оказался последним человеком, которого я вижу. От этого мне легче.

Раулинс исчез в люке.

Вскоре после этого Мюллер запрограммировал выход корабля на гиперболическую орбиту с уничтожением через двадцать минут, забрался в посадочную капсулу и приготовился к высадке на Лемнос. Он спустился быстро, приземлился удачно. И направился прямо в нужное место, отстоящее на два километра от входа в лабиринт. Солнце, застывшее высоко на небе, ярко светило. Быстрыми шагами Мюллер приближался к лабиринту.

Он сделал то, о чем его просили.

И теперь возвращался домой.

5

- Снова эта его поза, - заявил Бордман. - Он оттуда вылезет.

- Вряд ли, - сказал Раулинс. - Он говорил серьезно.

- Ты стоял рядом и ничего не чувствовал?

- Ничего. Он больше не эманирует.

- Сам-то он это понимает?

- Да.

- В таком случае он выйдет, - сказал Бордман. - Мы будем за ним наблюдать, и когда он попросит, чтобы мы забрали его с Лемноса, мы за ним прилетим. Рано или поздно ему вновь захочется оказаться среди людей. Он столько испытал за последнее время, что ему необходимо обдумать все это, и ему наверняка кажется, что лабиринт для этого самое подходящее место. Он еще не готов для того, чтобы вновь вернуться к нормальной жизни. Дадим ему два, три, четыре года. И он оттуда выйдет. Зло, которое ему причинил один вид чужих существ, другой исправил. Дик вновь может жить в обществе.

- Не думаю, - тихо произнес Раулинс. - Я не думаю, что это не оставило никаких следов, Чарльз, он вроде бы уже не человек, уже нет.

Бордман рассмеялся.

- Хочешь поспорить? Ставлю пять к одному, что Мюллер покинет лабиринт не позже, чем через пять лет. И по собственному желанию.

Хм-м...

- Стоит рискнуть.

Раулинс вышел из бюро Бордмана. Начиналась ночь. Он поднялся на мост перед зданием. Через час у него был назначен ужин с ласковой, милой и желанной девушкой, самолюбию которой страшно льстило, что она - подружка знаменитого Неда Раулинса. Эта девушка умела слушать, любила, чтобы он рассказывал ей о своих работах, и очень серьезно кивала головой, когда он рассказывал о своих новых смелых планах. Не менее хороша она была и в постели.

Идя через мост, он остановился и посмотрел на звезды.

Миллиарды светящихся точек сияли на небе. Лемнос и Бета Гидры IV, планеты, находящиеся под оккупацией радиосуществ, и все земные колонии, и даже невидимая, но родная Галактика этих существ. Где-то там раскинулся лабиринт на просторной равнине, где-то там была чаща грибообразных деревьев стометровой высоты, и где-то там же росли молодые города переселенцев с Земли, и кружились капсулы над покоренными мирами, и находился в капсуле некто незнакомый и чужой.

На тысяче планет растерянные люди боялись будущего. Среди грибообразных деревьев грациозно перемещались немые многорукие существа. И жил в лабиринте одинокий... человек.

- Может, - подумал Раулинс, - через год-два я проведаю Дика Мюллера.

Он знал, что еще не пришло время строить планы. Еще не известно, как прореагируют, если вообще прореагируют радиосущества на то, что они узнали от Ричарда Мюллера. Роль гидрян, попытки людей к самозащите. Выход Мюллера из лабиринта - все это тайны, которые еще предстоит выяснить. Вдохновляла и несколько поражала Раулинса та мысль, что все это произойдет на его веку.

Он прошел по мосту. Полюбовался, как космические корабли разбивают тьму пространства. Потом снова остановился в неподвижности, вслушиваясь в зов звезд. Вся Вселенная влекла его к себе, каждая из звезд действовала в этом своей силой притяжения. Бездна людей ошеломляла. Открытые пути манили, уходя в бесконечность.

Он подумал о человеке в лабиринте. И подумал о той девушке, гибкой и грациозной, темноволосой, с глазами как серебряные зеркальца, подумал о ее ждущем теле.

И неожиданно сделался Диком Мюллером, которому тоже было когда-то двадцать - двадцать четыре года, и Галактика лежала у его ног.

- А ты, Дик, чувствовал себя тогда по-другому? - спросил он. - О чем ты думал, когда поднимал голову и глядел на звезды? Волновало ли тебя это? Тянуло ли туда? Вот так. Так, как манит сейчас меня. И ты там оказался. И нашел свое. И потерял. И обрел что-то другое. Ты помнишь, Дик, что ты чувствовал тогда, много лет назад? Сегодня, в эту ночь, укрывшийся у себя в лабиринте - о чем ты думаешь? Что вспоминаешь?

Почему ты отвернулся от нас, Дик?

Кто ты теперь?

Он поспешил к девушке, которая ждала его. Они пили молодое вино, терпкое, электризующее. Улыбались друг другу в неверном свете свечей. Еще позже она отдалась ему, а потом они стояли вдвоем на балконе, и перед ними открывалась перспектива крупнейшего из земных городов. Бесчисленные огоньки перемигивались и поднимались к другим огонькам на небесах. Он обнял ее и привлек к себе, положив руку на ее обнаженное бедро.

Она спросила:

- Ты надолго останешься на этот раз?

- Еще на четыре дня.

- А когда вернешься?

- Когда выполню задание.

- Нед, когда ты, наконец, отдохнешь? Когда ты, наконец, скажешь, что с тебя довольно?.. Что ты не будешь больше летать? Что выберешь одну планету и поселишься на ней окончательно?

- Ну да, - небрежно произнес он. - Так я, наверное, и поступлю. Немного погодя.

- Ты так говоришь, чтобы что-то сказать. Никто из вас никогда не может усидеть на месте.

- Не можем, - прошептал он. - Мы всегда в пути. Всегда нас ждут новые миры... новые звезды...

- Вы хотите слишком многого. Вы хотите познать всю Вселенную, Нед, а это - грех. Существуют границы, которые не дозволено переступать.

- Да, - согласился он, - ты права. Я знаю, что ты права. - Он провел пальцем по ее гладкой атласной коже. Она задрожала. - Мы делаем то, что обязаны, - сказал он. - Учимся на чужих ошибках. Служим нашему делу. Стараемся быть достойными самих себя. Да и разве можно иначе?

- Этот человек, который заперся в лабиринте...

- ... он счастлив, - завершил Раулинс. - Он идет избранным путем.

- Как это?

- Я не смог бы тебе этого объяснить.

- Он наверно страшно нас ненавидит, если изолировался от всего мира.

- Он смог возвыситься над своей ненавистью, - объяснил он, как умел. - Сумел. И обрел покой. Безотносительно к тому, кто он есть.

- Что?

Он почувствовал прохладу ночи и отвел ее в комнату. Они остановились у постели.

Он нежно поцеловал ее и вновь подумал о Дике Мюллере. И попытался понять, какой лабиринт поджидает его самого в конце его пути. Он обнял ее. Они откинулись на кровать. Его руки искали, ласкали, терзали.

Дик, подумал он, когда мы с тобой увидимся, нам найдется о чем поговорить.

Она спросила:

- Но почему он снова скрылся в лабиринте?

- Потому же, почему раньше полетел к чужим существам. По той самой причине, по какой все это произошло.

- Не понимаю.

- Он любил человечество, - сказал Раулинс.

И это было наилучшим эпилогом. Ему никогда еще не было так хорошо с девушкой. Но ушел он от нее до рассвета...

Л. НИВЕН

ПОЛЕТ ЛОШАДИ

ПОЛЕТ ЛОШАДИ

Шел 750 год доатомной эры, или, примерно, 1200 год нашей эры. Ханвиль Свец вышел из кабины перелетов и огляделся по сторонам.

Для Свеца как изобретение атомной бомбы, имевшее место тысячу сто лет назад, так и не существовавшие вот уже тысячу лет лошади ушли в область предания. В прошлое он попал впервые. Тренировочные полеты не в счет, их практически даже нельзя было назвать путешествиями во времени - каждый настоящий запуск обходился в несколько миллионов коммерциалов. Свец слегка пошатывался, не успев прийти в себя после полета, - сказывались особенности гравитации. Он перенесся в далекий предындустриальный век и чувствовал себя там не очень уютно, хотя и не был фаталистом; в то же время он еще не до конца поверил, что оказался где-то. Точнее, в когда-то. Парадоксальная ситуация.

Свец не взял с собой анестезирующее ружье, так как, прилетев за лошадью, он никак не ожидал увидеть ее в первую минуту. Интересно, какого она размера? Где ее найти? Ему пришлось довольствоваться только теми раритетами, которыми Институт снабдил его. К ним относились несколько картинок в чудом сохранившейся детской книжке да древняя легенда, в которую было трудно поверить. В ней рассказывалось о том, как лошадь когда-то использовали в качестве средства передвижения!

Ступив на пустынную землю, над которой нависло мрачное низкое небо, Свец оперся рукой на изогнутую стенку кабины перелетов. У него закружилась голова. Прошло несколько секунд, прежде чем он осознал, что видит лошадь.

Она стояла примерно в пятнадцати ярдах, разглядывая Свеца большими умными карими глазами. И была намного больше, чем он представлял. Кроме того, на картинке из книги художник изобразил лошадь с блестящей коричневой шерстью и короткой гривой, а животное, представшее перед Све-

цем, оказалось абсолютно белым, с гривой, развевающейся по ветру, подобно длинным волосам. Бросались в глаза и другие различия... впрочем, это не имело значения. Животное соответствовало изображению на картинке настолько, что с первого взгляда становилось ясно: это то, за чем он прилетел. У Свеца создалось впечатление, что наблюдавшая за ним лошадь ждала, пока он обдумает происходящее. Затем, не дав Свецу опомниться и сообразить, почему у него в руках не было ружья, лошадь заржала, повернулась и ускакала. Исчезла, не дав ему возможности осознать, что происходит.

Свеца начал бить озноб. Никто не предупредил его, что лошади способны чувствовать. Несомненно, ее ржание слишком походило на человеческий смех.

Только сейчас он осознал, что находится в далеком-далеком прошлом.

В том, что он попал именно туда, его убедило не столько появление лошади, сколько пустота, бросившаяся в глаза после ее исчезновения. Ни очертаний высотных жилых домов на горизонте; ни белых следов, расчерченных самолетами в небе, - ничего этого не было. Казалось, мир состоял только из деревьев, цветов и травы, по которой никогда не ступала нога человека.

Тишина. Свецу показалось, что он оглох. За все время он не услышал здесь ни одного звука, кроме ржания лошади. В 1100 году постатомной эры нигде на Земле не было такой тишины. Прислушавшись и присмотревшись, Свец, наконец, понял, что он попал на Британские острова до появления там какой-либо цивилизации. Он совершил путешествие во времени.

Кабина перелетов была частью машины времени - с ее помощью осуществлялись различные перемещения. Она была оборудована системой циркуляции воздуха, которая имела немаловажное значение для ее нормального функционирования. На этом месте это было излишним. На заре цивилизации еще не производились выбросы в атмосферу продуктов горения угля, углеводорода, табака, дерева и многого другого.

Поэтому, в страхе отступая из прошлого в привычный мир кабины, Свец преднамеренно не закрыл за собой дверь.

В кабине он чувствовал себя намного увереннее. За ее стенками находилась неизведанная планета, таившая огромное количество опасностей, вызванных незнанием. Внутри все было в точности, как во время тренировок. Свец провел сотни часов в макете этой кабины, который был ее точной копией,

только снабженной компьютером. Там даже была создана искусственная гравитация, дававшая возможность испытать заранее все ощущения, возникающие в процессе передвижения во времени.

Теперь лошадь, уже наверняка, была далеко. Но он успел узнать, какого она размера, и удостоверился, что эти животные водятся на данной территории. Тогда к делу...

Свец снял со стены анастезирующее ружье. Подобрав растворимую кристаллическую иглу нужного размера (в упаковке их было несколько - самая маленькая, не нанося ей никакого вреда, усыпляла землеройку; самой большой было достаточно, чтобы сделать то же со слоном), зарядил ею ружье, повесил его на плечо и поднялся на ноги.

Кабина не двигалась вот уже двадцать минут, а он все еще испытывал легкое головокружение! - путешествие было долгим. Институт времени никогда не отправлял кабину в довоенную эру. Путешествие это длительное и необычное. Вся масса тела Свеца была направлена силами гравитации к его центральной точке.

Как только ему стало полегче, он подошел к стене, на которой было прикреплено все остальное снаряжение.

Летатель одновременно являлся генератором подъемного поля и источником энергии и представлял собой жезл длиной в пять футов. На одном конце его находился контрольный рычаг, а на другом - разрядное устройство. Точно посередине было установлено подъемное кресло с ремнем безопасности. Весь этот аппарат сравнительно небольшого размера был разработан предприятиями по производству космического снаряжения. Он весил тридцать фунтов без двигателя. Свецу с трудом удалось снять это сооружение со стены. Его начало мутить.

Наклонившись, чтобы поднять летатель, и внезапно ощутив, что вот-вот потеряет сознание, он захлопнул дверь и упал без чувств.

- Мы не знаем, в какую точку Земли вы перенесетесь, - говорил ему Ра-Чен, директор Института Времени, высокий полный человек с крупными чертами лица, которое всегда выражало недовольство. - Вся загвоздка в том, что невозможно настроиться ни на определенную часть суток, ни на определенный год, что исключительно важно. Вы не окажетесь под землей или внутри какой-либо постройки, потому что мы просчитали возможные изменения энергетического уровня. Если вы зависнете на высоте, составляющей тысячи футов,

кабина не рухнет вниз, она плавно приземлится, расходуя при этом массу энергии, что нанесет тяжелый удар по бюджету...

В ту ночь Свецу снились очень живописные сны: снова и снова кабина материализовывалась в толще скалы, взрывавшейся с невыносимым грохотом.

- По документам лошадь предназначается для Отдела Истории, - продолжал Ра-Чен, - в действительности же она будет отличным подарком Генеральному Секретарю в день его двадцативосьмилетия. По уму, однако, ему дашь не больше шести. В королевской семье все чаще и чаще появляются дети от родственных браков. Мы изыскали возможность переслать ему книгу с картинками, которую получили из 130 года постатомной эры, и теперь дитяте захотелось лошадку...

Свец уже представлял, как его расстреливают за государственную измену, преступление, состоявшее в том, что он слушал такие речи.

- Если бы не это, мы бы ни за что не получили деньги на этот полет. Ученые произведут клонирование лошади перед тем, как передать ее по назначению. Кроме того, гены представляют собой своеобразный код, который тоже может нарушиться. Найдите самца, и мы получим столько животных, сколько захочется людям.

Но почему каждый должен обязательно пожелать стать обладателем лошади? Свец внимательно изучил копию картинки из детской книжки, найденной их сотрудником в разрушенном тысячу лет назад доме. Лошадь не произвела на него должного впечатления.

Его привели в ужас слова Ра-Чена.

- Мы никогда никого не посылали в столь далекое прошлое, - говорил он всего за ночь до намеченного момента запуска, то есть когда уже не было возможности, испугавшись, отказаться от полета. - Помните об этом. Если случится что-нибудь непредвиденное, не полагайтесь на справочник, не рассчитывайте на снаряжение. Главное - не терять головы. Хотя, видит Бог, это не всегда помогает...

В ночь перед стартом Свец не мог заснуть.

- Вы насмерть перепуганы, - отметил Ра-Чен перед тем, как Свец вошел в кабину перелетов, - но вам здорово удается скрыть волнение, Похоже, я единственный, кто это заметил. Именно поэтому я вас и выбрал - вы не остановитесь, даже если будете умирать от страха. Без лошади не возвращайтесь, так и знайте... - Директор повысил голос. - Но это не все. Думайте головой, Свец, головой...

Свец резко сел. Воздух! Если он забыл закрыть дверь, неминуема медленная смерть! Но дверь оказалась закрытой, и он остался сидеть на полу, сжимая руками гудящую голову.

Систему циркуляции воздуха вместе со всем оборудованием сняли непосредственно с демонтированного марсианского вездехода. Она автоматически приходила в действие, только когда кабина была герметично закрыта.

Свец с трудом собрался с силами и открыл дверь. Когда чистый и даже какой-то душистый воздух Британии двенадцатого века ворвался внутрь кабины, он задержал дыхание и посмотрел, как изменились показания приборов. В ту же секунду он закрыл дверь и подождал, пока сработает система циркуляции воздуха, и вместо опьяняющего яда можно будет дышать безопасной и привычной для него смесью.

Когда Свец покинул кабину, держа в руках летатель, на голове у него красовалось что-то наподобие воздушного шарика - еще один результат развития предприятий по производству снаряжения для межзвездных исследований. Это был фильтр, предназначенный для контроля дыхания. Через него могли проходить только определенные газы и создавать внутри необходимую смесь.

Постоянно был виден только контур своеобразного шлема. Если свет преломлялся особенно сильно, вокруг головы Свеца появлялся тонкий золотой ободок, очень напоминавший нимб. Именно так изображали святых на средневековых картинах. Но он не знал ровным счетом ничего о живописи эпохи средневековья. Свец был одет в широкий белый хитон очень простого покроя, подпоясанный на талии. В Институте считали, что такая форма одежды не нарушала границ приличия и соответствовала существующим традициям. Через плечо у него был перекинут вещевой мешок, свободно болтавшийся на тонком ремне. В мешке находился термобарогенератор, пакетик с корундом и маленькие пузырьки с красителями.

У Свеца был смущенный и растерянный вид. Выходит, он не может дышать незагрязненным воздухом, воздухом, которым дышали его предки?

В кабине все было по-другому - там в воздухе содержалось около четырех процентов углекислого газа, а здесь, в 750 году доатомной эры, - только около четырех десятых процента. Человек тогда еще не представлял опасности для окружающей среды: не отравлял ядовитыми выхлопами созданных им

машин атмосферу, не вырубал тысячи гектаров леса, не загрязнял отходами производства водоемы.

Однако промышленность развивалась, выбрасывались в воздух продукты химических реакций, и процент содержания в нем углекислого газа увеличивался с такой скоростью, что зеленые насаждения не успевали обращать его в кислород. За истекшие две тысячи лет, к тому моменту, когда Свец появился на свет, человечество уже приспособилось дышать воздухом, чрезмерно насыщенным углекислым газом.

Для нормального функционирования нервных окончаний, находящихся в лимфатических железах человека, была необходима высокая концентрация CO_2. Свец понял, почему он потерял сознание.

Теперь, когда его голова была надежно защищена, он чувствовал себя в безопасности.

Он установил летатель и повернул на нем предохранительный рычаг. Аппарат приподнялся над землей. Свец с трудом втиснулся в узкое кресло, поменял положение рычага и взмыл вверх, как детский воздушный шарик. Внизу простиралась его планета, прекрасная, зеленая и безлюдная. Выше, чем он сам, было только жемчужно-серое небо, на котором не было ничего, даже следа от самолета. Вскоре он увидел руины, отдаленно напоминавшие длинную стену. Развернув летатель, он направился вдоль нее.

Свец был готов лететь хоть на край света, лишь бы отыскать хоть какую-нибудь деревушку. Поэтому он решил не сворачивать, пока стена не закончится. Если древняя легенда не была выдумкой, размышлял Свец, то лошадей можно будет найти только там, где живут люди, - эти животные, действительно, оказались довольно крупными, а значит, могли использоваться как средство передвижения.

Неожиданно он заметил, что неподалеку от стены была проложена тропа - утоптанная полоса плоской земли без растительности, достаточно широкая, чтобы по ней мог пройти человек. Она значительно отличалась от изрытой ямами и канавами поверхности, на которую он приземлился. Почва не могла быть утрамбована сама по себе - это говорило о многом.

Свец полетел туда, куда вела тропа, не опускаясь ниже десяти метров.

Через некоторое время он увидел мужчину в поношенной коричневой одежде, который шел по дорожке босиком, опираясь на посох. Во всем его облике видна была какая-то не-

преодолимая усталость, к которой он, вероятно, уже привык. Свец не видел его лица, а только спину.

Первой мыслью Свеца было спуститься и расспросить этого мужчину о лошадях, но он сразу передумал. Невозможно было предугадать, где именно приземлится кабина перелетов, и он решил вообще не изучать древние языки.

Свец вспомнил о своем вещевом мешке, который, конечно, не мог полностью помочь в общении. Никто еще не пробовал применить его с этой целью. Он знал, что его содержимое не предназначалось для случайных встреч - корунда было слишком мало.

Вдруг внизу раздался пронзительный крик. Свец опустил глаза и увидел, как мужчина в коричневой одежде несся прочь быстрее ветра, отбросив в сторону свой посох. Куда только девалась былая усталость!

Должно быть, он чего-нибудь испугался, решил Свец. К его удивлению, нигде поблизости не было ничего такого, что могло так напугать человека. Значит, причиной всему явилось что-то совсем малюсенькое, но очень страшное.

В Институте подсчитали, что люди за время своего существования истребили более тысячи видов млекопитающих, птиц и насекомых (некоторых - намеренно, некоторых - случайно). Однако сейчас ничего вокруг не предвещало опасности. Свеца бросило в холодный пот. Этот человек, возможно, убегал от того, что способно убить Ханвиля Свеца.

Он нетерпеливо потянулся к рычагу и прибавил скорость. Его путешествие слишком затянулось. Кто бы мог подумать, что поселения здесь находятся так далеко одно от другого?

Через полчаса Свец, защищенный от ветра силой параболического поля, все еще летел над тропой со скоростью шестьдесят миль в час.

Ему сильно не везло: если на пути встречался человек, то он мгновенно исчезал куда-то. Не обнаружил он и ни одного населенного пункта.

Через некоторое время его внимание привлек необычной формы камень, неизвестно как попавший на вершину холма. Существование в природе такого правильного многогранника огромных размеров ставило под сомнение все известные Свецу законы геологии. Заинтересовавшись, он сделал над ним несколько кругов и вдруг понял, что этот предмет полый, и все его грани пронизаны прямоугольными отверстиями.

Может быть, это - дом? Однако жить внутри такого жуткого ящика, наверное, ничуть не лучше, чем просто под зем-

лей. Но только человек умеет возводить прямоугольные постройки, а у этого предмета все углы были прямыми.

Чуть ниже полого камня находились круглые, очень неопрятно смотревшиеся холмики из сена; в каждом из них была дверь высотой в человеческий рост. Вероятнее всего, там находились гнезда огромных насекомых. Недолго думая, Свец улетел подальше от этого неприятного места.

Впереди дорога огибала невысокий холм, и Свец, сбавив скорость, полетел по направлению к нему.

С вершины холма, бурля, текла река, спускаясь к дороге и пересекая ее. Какое-то большое животное пило воду, стоя на берегу.

Свец резко остановился, зависнув в воздухе. Открытый источник воды - смертельный яд. Он вряд ли понял, что поразило его больше: лошадь или тот факт, что она на его глазах совершила самоубийство.

Лошадь подняла голову и посмотрела в его сторону.

Это была та же самая лошадь. Белое, как снег, животное, с развевающейся густой гривой и длинным хвостом, несомненно, было той же лошадью, которая посмеялась утром над Свецем и столь стремительно умчалась. Свец узнал ее злые глаза еще до того, как она успела отвернуться от него.

Но как она оказалась здесь быстрее, чем он? Свец уже потянулся было за ружьем, как вдруг ему показалось, что все в мире перевернулось с ног на голову.

Девушка выглядела совсем молодой, лет шестнадцати, не больше. У нее были длинные черные, заплетенные в косу волосы. Платье, сшитое из плотной синей ткани, доходило ей до колен. Она сидела под деревом, в тени, на темной подстилке. Свец ее не сразу заметил и мог бы так никогда и не заметить...

...если бы к ней не подошла лошадь и не легла рядом, положив свою наводящую ужас голову ей на колени.

Девушка все еще не видела Свеца.

- Ксенофилия! - Свец произнес первое попавшееся на ум, не нравящееся ему слово. Он ненавидел иностранцев.

С первого взгляда было ясно, что лошадь принадлежала девушке; ее нельзя было просто усыпить и забрать с собой. Ее придется купить... только как?

Чтобы обдумать ситуацию, требовалось время, которого не было, - девушка могла в любой момент поднять голову. За работой мысли на его лице внимательно наблюдали карие глаза...

На размышления о том, как заполучить лошадь, нельзя было терять больше ни минуты. Неуверенность губительна для путешествий во времени - она влияет на энергию кабины в процессе обратного перемещения. Задержись Свец еще немного, и ему была бы уготована участь заживо сгореть в кабине во время обратного перелета.

Больше всего его волновало то, что лошадь на его глазах пила воду прямо из реки. Она, несомненно, подохнет, и очень скоро, если только Свец не успеет вернуться с ней в свой 1100 год постатомной эры. Таким образом, доставив это животное из прошлого, он не изменит историю своего века. Попробовать все-таки стоило... но только переборов панический страх перед этим белым чудовищем.

Лошадь была приручена. Даже такая молоденькая и стройная девушка запросто с ней управлялась - так чего же тут бояться?

Однако в ней было нечто устрашающее, не отображенное на обманчивой картинке, которую ему дал Ра-Чен. Свец предполагал, что следующие поколения постепенно изменили лошадиную породу, сделав животных безопасными. Жаль, что он оказался в XII веке, а не в одном из следующих...

Что-то очень недоброе, угрожающее читалось в глазах белой лошади. Она ненавидела Свеца и знала, что Свец ее боится.

А что если устроить засаду и все же усыпить ее?

Нет. Девушка очень расстроится, если ее любимица внезапно рухнет замертво без какой-либо на то видимой причины, а Свец не сможет объяснить ей происходящее.

Придется действовать другими методами. Если девушка потеряет контроль над лошадью - или если он лишится ее доверия, - животное, без сомнения, убьет Свеца.

Когда он приблизился, лошадь подняла голову, но не шевельнулась. Увидела его и девушка, ее глаза округлились от изумления. Она что-то сказала - скорее всего, задала какой-то вопрос. Свец только улыбнулся в ответ и приблизился еще на некоторое расстояние. Он летел с минимальной скоростью на высоте одного фута. Он знал абсолютно точно, что выглядит чертовски привлекательно, управляя единственным в мире летательным аппаратом.

На лице девушки не появилось даже тени улыбки. Она была очень встревожена. Свец был уже в нескольких ярдах от нее, когда она вскочила на ноги.

Он сразу же остановил летатель и посадил его на землю. Широко улыбаясь, он отстегнул от пояса термобарогенератор. Он старался не делать резких движений - девушка была готова убежать прочь.

Достав пакетик с корундом, несколько склянок с красителями, Свец высыпал корунд в камеру, плеснул немного окиси хрома и спрессовал полученную смесь. Цилиндр начал разогреваться. В конце концов в руках Свеца оказался сверкающий рубин цвета голубиной крови; он потер его пальцами и подержал на солнце. Камень был темно-красный; на нем была выгравирована ослепительно-белая шестиконечная звезда.

Рубин жег руку, держать его становилось невозможно.

До чего же глупо! Свец продолжал улыбаться. Ра-Чен должен был его предупредить! Что она подумает, когда почувствует искусственно созданное тепло, исходящее от самоцвета? Она решит, что над ней просто-напросто сыграли злую шутку!

Но другого выхода не было. Содержимое вещевого мешка - вот его единственное спасение.

Он наклонился и подтолкнул камень так, что он покатился к ее ногам по сырой земле.

Гладя одной рукой лошадь, чтобы успокоить ее, девушка нагнулась и подняла рубин. Свец заметил, что на ее запястье было несколько колец, изготовленных из какого-то желтого металла.

Она подняла самоцвет высоко над головой и, не отрываясь, смотрела на излучаемое им красное сияние.

- О-о-о-х, - вздохнула она и улыбнулась Свецу. Ее лицо выражало удивление и восторг. Свец тоже улыбнулся и, сделав два шага ей навстречу, перекатил к ней желтый сапфир. Как вышло, что Свецу два раза встретилась одна и та же лошадь, оставалось загадкой. Но вскоре он выяснил, почему она опередила его...

Он отдал девушке три драгоценных камня. В руке он держал еще три, пытаясь заманить ее на летатель. Она отрицательно покачала головой, показывая, что не пойдет с ним. Не прошло и секунды, как она вскочила на лошадь. Обе они внимательно следили за его действиями.

Свец сдался. Он надеялся, что лошадь пойдет следом, когда девушка сядет на летатель. Однако, если они обе последуют за ним, его это тоже устроит.

Лошадь скакала справа, чуть отставая от летателя. Казалось, она не чувствует веса сидящей на ней верхом девушки.

Вероятно, так и было - животное, видимо, было приучено к выполнению такой работы. Свец увеличил скорость, желая посмотреть, на что способна лошадь. Он летел все быстрее и быстрее. Должен же быть у нее какой-то предел скорости.

Набрав восемьдесят, он решил оставить эту дурацкую затею. Девушка прижалась к своей любимице, обняв ее за шею, чтобы защитить лицо от ветра. Лошадь не отставала, не спуская со Свеца пристального вызывающего взгляда.

Как описать ее движение? Свец никогда не видел балетных спектаклей. Он знал, как работают машины, но это было совсем не то. Единственным сравнением, приходившим ему в голову, был ритм, в котором мужчина и женщина занимаются любовью. Такие отрывистые и в то же время плавные движения можно было совершать только с одной целью - чтобы получить от этого удовольствие. Этот полет лошади поражал и даже ужасал своей непостижимой красотой.

Наверное, животное было неутомимым, но девушка устала. Она потянула за белоснежную гриву, и лошадь остановилась.

Он отдал девушке драгоценные камни, которые держал в руках, затем сделал еще четыре, один из которых также отдал ей.

От ветра из ее глаз струились слезы, и она плакала и улыбалась одновременно, когда брала самоцветы. Интересно, она улыбалась, потому что ей понравились камни, или вспоминала, какую радость ей принесла эта бешеная скачка? Девушка, тяжело дыша, в изнеможении прислонилась к теплому пульсирующему боку животного. Все ее тело, кроме рук, оставалось неподвижным - она перебирала пальцами серебристую гриву. Лошадь разглядывала Свеца диковатыми карими глазами.

Девушка выглядела как-то по-домашнему уютно. Дело было даже не в явном отсутствии косметики, а скорее в нехватке витаминов. Ее рост составлял не более пяти футов, худоба бросалась в глаза. Налицо были признаки какой-то детской болезни. Но счастье, от которого так и светилось ее личико, когда она сжимала в ладошке корундовые самоцветы, делало ее почти хорошенькой.

Дав ей отдохнуть, Свец снова сел в кресло летателя. Полет и скачка продолжились.

Когда они приблизились к кабине перелетов, корунд у него уже почти закончился. И тут произошла неприятность.

Девушка, зачарованная драгоценными камнями, которые давал ей Свец, и им самим, высоким человеком, умеющим парить в воздухе, послушно следовала за летателем. Но вид кабины испугал ее. Ее вины в этом не было. Сторона, на которой была дверь, выглядела вполне нормально - обыкновенное сферическое зеркало, сделанное из одной пластины. Но другая сторона была затуманена, как будто стерта каким-то не постижимым для человека образом. Это до смерти напугало и самого Свеца, когда он впервые увидел машину времени в действии.

Он мог купить лошадь, усыпить ее прямо на месте и втащить ее в кабину с помощью летателя. Но намного проще было бы...

Свец пустил в дело весь корунд, который у него был. Закончив работу, он зашагал в сторону кабины перелетов, оставляя за собой след из разноцветных корундовых бусин.

Его волновало лишь то, что термобарогенератор производил нестраненые драгоценные камни, каждый из которых был похож на куриное яйцо в миниатюре. Однако с помощью красителей становилось возможным изменять окраску самоцветов: окись хрома давала красные, окись железа - желтые и титан - синие камни; кроме того, камни получались прозрачные или непрозрачные, в зависимости от особенностей кристаллической решетки. Он продолжал двигаться вперед, а следом тянулась полоса из мелких красных, желтых и синих сверкающих самоцветов...

И девушка шла за ним, испуганная, но не способная устоять перед искушением. Она собирала камни в носовой платок, который был уже почти полон. Лошадь не отставала ни на шаг, приближаясь к кабине перелетов.

Оказавшись внутри, девушка, все еще не отрываясь, завороженно смотрела на четыре оставшиеся у Свеца самоцвета: красный, желтый, синий и черный, самый большой из всех полученных ранее. Он указал на лошадь, потом - на камни.

Ее лицо выражало нечеловеческие страдания. Лоб Свеца покрылся испариной. Она явно не хотела расставаться с лошадью... а у Свеца не было больше корунда...

Девушка кивнула - одно быстрое движение головы. Не медля ни секунды, пока она не передумала, Свец высыпал камни ей в ладонь. Прижав руки к груди, она, рыдая, выбежала из кабины.

Лошадь поднялась, готовая следовать за хозяйкой. Свец схватил ружье и выстрелил. Кровь заструилась по шее живот-

ного, которое, отпрянув, пронзило Свеца, как штыком, взглядом холодных глаз.

Жаль девушку, подумал Свец, повернувшись к двери. Но так или иначе, она все равно лишилась бы лошади: та пила зараженную воду из открытого источника. Теперь оставалось только втащить в кабину летатель...

Угловым зрением он заметил какое-то движение.

При некоторых обстоятельствах даже неподтвердившееся предположение способно повергнуть человека в ужас. Свец и не думал, что лошадь мгновенно упадет, но, когда он осознал, что происходит, его охватил панический страх. Животное, по всей видимости, даже не собиралось падать, а, наоборот, собиралось атаковать его. Он нажал на кнопку и открыл дверь, с трудом успев избежать смертельного удара.

Исключительно красивый и очень острый спиралевидный рог мешал двери закрыться. Лошадь, напоминавшая молнию в темной кабине, быстро развернулась, и снова Свец чудом спасся от ее грозного оружия, пронзившего воздух в полудюйме от него.

Белая бестия проскочила мимо, врезавшись в пульт управления, пробив насквозь пластиковую панель и проводку под ней.

Что-то вспыхнуло и зашипело. Лошадь целилась в Свеца торчащим у нее на лбу копьем. Он сделал то, что первое пришло ему в голову - резко повернул рычаг обратного перелета.

Лошадь заржала, направила рог прямо в живот Свецу, однако промахнулась. Ее смертельное оружие прошло мимо его уха, прорвав дыхательный баллон у него на голове.

В этот момент вступил в действие закон гравитации. В кабине перелетов, в процессе перемещения во времени, возникала специфическая гравитация. Свец и лошадь оказались плотно притянутыми к мягким стенам. Свец вздохнул с облегчением.

Неожиданно по кабине разлился нестерпимо резкий необычный запах, которого Свец никогда раньше не чувствовал. Этот ужасный рог вполне мог прорвать оболочку. Все говорило за то, что он вдыхал самый настоящий яд. Если кабина вовремя не возвратится...

А возратится ли вообще? Куда она летела, было никому не ведомо: Свец не исключал возможности, что костяное копье повредило какой-нибудь тоненький, но очень важный проводок. Вероятно, они перелетят в конечное время, в котором

даже черные инфрасолнца производят недостаточное количества тепла и не способны поддерживать жизнь.

Кроме того, не известно, существует ли вообще будущее. Летатель остался в прошлом. Как его использовать? Что сделают с этим железом, на одном конце которого - контрольная рукоятка, на другом - статическое устройство, а посередине - подъемное кресло? Девушка может сделать с ним что угодно. Он, конечно, имел возможность отчетливо представить ее на фоне ночного неба при свете полной луны... но разве от этого что-нибудь изменится?

Казалось, что лошадь вот-вот испустит дух. Причиной этому, вероятно, послужил воздух, богатый углекислым газом, да она еще и пила прямо из реки.

Гравитация постепенно исчезла. Свец и лошадь кувыркались в свободном полете, и животное все время пыталось боднуть его, но без особого пыла.

Когда снова возникла гравитация, Свец, готовый к этому, оказался под потолком. Он услышал, как кто-то открывал снаружи дверь.

Свец старался держаться на безопасном расстоянии от яростно фыркающей, жаждущеей крови лошади. Два сотрудника доставили их в контрольный центр Института.

- На нее не действуют анастезирующие препараты! - предупредил Свец. Животное сразу утихло при виде множества пультов и светящихся экранов, словно опьяненное непривычным составом воздуха, и двигалось, не переставая натыкаться на людей и предметы. Свец теперь уже с легкостью уворачивался от вездесущего рога.

Всеобщая паника усиливалась...

- Ума не приложу, что бы мы делали без Зееры, - пожаловался ему Ра-Чен по прошествии нескольких дней. - Ваша идиотская лошадь словно взбесилась. Она терроризировала весь Центр и вдруг стала абсолютно смирной и покорной, сама подошла к этой ведьме Зеере и позволила увести себя из Института.

- Вам удалось вовремя доставить ее в медицинскую часть?

Ра-Чен угрюмо кивнул. Угрюмость была самым естественным для него состоянием, не имеющим, тем не менее, никакого отношения к его реальному настроению.

- Мы нашли в составе ее крови около пятидесяти неизвестных бактерий. При этом ее вид нельзя было назвать больным! Она выглядела здоровой как... здоровой как... короче говоря, у нее, должно быть, неистощимый запас жизненных

сил. Нам удалось сохранить не только саму лошадь, но и большинство бактерий для зоопарка.

Свец сидел на больничной койке. Его рука почти по локоть погружена в диагностирующей раствор. Не исключалось, что он успел абсорбировать какую-нибудь уже давно исчезнувшую бактерию. Он осторожно пошевелился, стараясь не двигать рукой, и поинтересовался:

- Вы знаете хоть одно реально действующее на лошадь анастезирующее средство?

- Пожалуй, нет. Я очень сожалею, что все так случилось, Свец. Но мы до сих пор не можем понять, почему ваши иглы не сработали. Видимо, эта чертова лошадь имеет иммунитет к любым транквилизаторам. Межу прочим, с вашей воздушной оболочкой оказалось все в порядке. Вы чувствовали обычный исходящий от лощади запах.

- Хотелось бы узнать об этом раньше - я уже успел попрощаться с жизнью.

- Этот запах выводит из себя практикантов и врачей. Похоже, что он никогда не выветрится из помещений Центра. - Ра-Чен присел на край кровати. - Но больше всего меня беспокоит этот рог у нее на лбу. У лошади на картинке рогов нет.

- Нет, сэр.

- Тогда, очевидно, существуют разные породы. Это не та лошадь, которая нам нужна, Свец. Мы пошлем вас обратно, но учтите, что это разорит нас.

- Я откажусь, сэр...

- Отбросьте эту чертову вежливость.

- А вы тогда - вашу чертову глупость, сэр.

Свец ни за какие коврижки не хотел возвращаться за другой лошадью.

- Люди, считавшие лошадей домашними животными, наверное, научились спиливать рог у только родившихся жеребят. А как же иначе? Мы воочию убедились, насколько опасно это оружие для человека. Приручить животное с таким копьем на лбу становится невозможным.

- Почему же тогда у нашей лошади остался рог?

- Я думаю, что она дикая. Мне кажется, что спиливать рога люди начали только по прошествии нескольких веков.

Ра-Чен кивнул удовлетворенно, но все так же угрюмо.

- Я тоже так считаю. Но проблема в том, что наш Генеральный Секретарь достаточно внимателен, чтобы заметить различие: у его лошади есть рог, а у лошадей на картинке - нет. А винить в этом он будет только меня.

- М-м-м. - Свец не мог понять, какую реакцию ожидал от него директор.

- Мне придется ампутировать этот рог.

- Кто-нибудь обязательно обратит внимание на рубец, - ответил Свец.

- Вы правы, черт побери. В суде у меня полно врагов. Они будут рады-радешеньки подтвердить, что я изувечил любимое животное Генерального Секретаря. - Ра-Чен взглянул на Свеца. - Ладно, послушаем, что вы сможете предложить.

Свец уже пожалел о своих словах. Норовистая красавица-лошадь лишится своего устрашающего рога... Он вздрогнул при мысли об этом, не сумев скрыть своих чувств. Что можно сделать, если не спиливать рог?

Вот оно!

- Изменим изображения на картинках, а живую лошадь оставим в покое. Компьютер сделает точную копию по рогу. Не забудьте после этого уничтожить дискету.

Ра-Чен произнес в задумчивости:

- Пожалуй, эту идею стоит претворить в жизнь. Я знаю одного человека, который поможет нам. - Он бросил быстрый взгляд из-под густых черных бровей. - Вы, естественно, должны держать рот на замке.

- Да, сэр.

- Не забудьте об этом. - Ра-Чен поднялся. - Когда ваше обследование закончится, получите четырехнедельный отпуск. Ваша задача добыть вот это через четыре недели. - Он открыл собрание средневековых сказаний. - Мы нашли эту книгу в городском парке, примерно в 10 году постатомной эры; ее оставил малыш, игравший с корундовым яйцом.

Свец стал внимательно рассматривать картинку.

- Ну надо же, какое уродство! Просто страсть неземная. Вы хотите взять реванш? После такого красивого животного, как лошадь, вам потребовалось именно это - иначе равновесие будет нарушено?

Ра-Чен прикрыл утомленные глаза.

- Придется доставить сюда Джильское чудовище, Свец. Генеральному Секретарю понравилось именно Джильское чудовище.

- Каковы его размеры?

Они оба посмотрели на картинку. Определить это по ней было невозможно.

- Судя по внешнему виду, вам лучше отправиться в большой кабине перелетов.

Свецу пришлось вернуться в прошлое. Путешествие обернулось смертельной усталостью и обширными ожогами второй степени. Существо, которое он привез с собой, было длиной в тридцать футов, имело небольшие крылья, почти такие же, как у летучей мыши, извергало огонь, но было не очень-то похоже на изображенное на картинке чудовище. Никого более похожего Свецу найти не удалось.

Генеральный Секретарь очень полюбил свою новую игрушку.

Левиафан[1]

Двое мужчин стояли перед толстой стеклянной стеной.

- Вы сможете оторваться от земли, - говорил Свецу его босс, человек с полным красным лицом. - Пока вы лежали в больнице, нами была разработана усовершенствованная модель малой кабины перелетов. Используя ее, вы будете иметь возможность перемещаться со скоростью до пятидесяти миль в час. Есть там и автоматическое управление. Корпус кабины мы решили сделать абсолютно прозрачным.

По другую сторону толстого стекла металось нечто, пытавшееся наброситься на них. Существо было длинным, сорок футов от носа до кончика хвоста; на его спине находились перепончатые крылья, очень похожие на крылья летучей мыши. Если бы не это, создание напоминало бы изящную ящерицу. Оно рычало и взвизгивало, царапая стекло огромными острыми когтями, способными распороть живот человека.

Надпись на табличке, прикрепленной к стене, гласила:

Джильское чудовище
доставлено из 1230 года доатомной эры,
район обитания - Китай, планета Земля.
Представитель вымершего вида.

- Держитесь от него на недосягаемом расстоянии, - посоветовал Ра-Чен.

- Да, сэр. - Свец поеживался как будто в ознобе. Его отправляли за самым большим существом из всех живших когда-либо животных, а Свец боялся любых животных без исключения.

---

1 Левиафан - в библейской мифологии огромное морское чудовище. Переносное значение - нечто огромное и чудовищное, громадина.

- Во имя Науки! Чего вы переживаете, Свец? Это ведь всего навсего крупная рыба!

- Да, сэр. Вы уже рассказывали мне о Джильском чудовище - называли его просто вымершей ящерицей.

- Картинка в детской книжке - это все, чем мы располагали. Откуда же нам было знать, что оно окажется таким громадным?

Джильское чудовище отпрянуло от стекла. Шумно вздохнув и прицелившись, оно выпустило в их сторону несколько языков желтовато-оранжевого пламени, которое вырвалось из его ноздрей. Свец вскрикнул и отскочил в угол комнаты.

- Через стену у него ничего не выйдет, - заметил Ра-Чен.

Свец сделал над собой усилие.

- Откуда же мне было знать, что оно дышит пламенем? - подражая директору, сказал он. - Эта ящерица чуть не кремировала меня заживо. Я провел в больнице четыре месяца, день в день. Но интереснее всего то, что каждый раз, когда я смотрю на нее, она все меньше и меньше напоминает мне изображенное на картинке существо. Иногда я даже сомневаюсь, то ли я привез.

- Какая разница, Свец? Генеральному Секретарю оно понравилось, а это все, что нам нужно.

- Все так, сэр. Кстати, о Генеральном Секретаре - зачем ему понадобился кашалот? У него есть лошадь, есть Джильское чудовище...

- Нам этого не понять, - Ра-Чен поморщился. - Дворцовая политика! Тут все так запутано... Как раз сейчас, Свец, во Дворце Объединенных Наций разрабатываются сотни заговоров. Каждый из них требует пристального внимания Генерального Секретаря. А удержать его внимание не легко.

Свец кивнул. Всем было известно, что из себя представлял Генеральный Секретарь.

Династия, представители которой вот уже семьсот лет стояли во главе правительства ОН, продолжала свое существование только за счет родственных браков.

Генеральному Секретарю было двадцать восемь лет. Он был, вероятно, одним из счастливейших людей на свете: любил животных, цветы, картинки и людей. Изображения планет и звезд приводили его в восторг - при виде их он начинал хлопать в ладоши и причмокивать губами от удовольствия, поэтому Институт Космических Исследований имел большой вес среди членов правительства Объединенных Наций. Но еще больше он радовался вымершим животным.

- Кому-то удалось убедить Генерального Секретаря в том, что ему хочется иметь самое большое на Земле животное. Вероятно, это сделали с целью поставить нас на место, - сказал Ра-Чен, - Скорее всего, кто-то считает, что на содержание нашего Иститута уходит чересчур большая часть бюджета. К тому времени, когда я был поставлен в известность о создавшейся ситуации, Генеральному Секретарю захотелось иметь бронтозавра. Мы никогда не смогли бы добыть его - ни одна из существующих кабин перелетов не может преодолеть такое огромное временное прстранство.

- Так, значит, это вы подкинули ему идею пожелать кашалота, сэр?

- Угу. Убедить его оказалось не очень легкой задачей. Кашалоты исчезли так давно, что даже не сохранилось картинок с их изображением. У меня не было ничего, кроме хрустальной скульптуры, найденной при раскопках Стьюбекской галереи, Библии и энциклопедии - все это я и показал ему. Мне с трудом удалось доказать, что левиафан и кашалот - одно и то же существо.

- Это не совсем так. - Свец как-то читал на компьюторе краткую Библию. - Этим именем можно обозначить любое чудовище, если оно большого размера и стирает все на своем пути.

- Только этого не хватало, Свец! Мы и без вас вконец запутались, обсуждая эту тему. Так или иначе, я обещал Генеральному Секретарю, что он станет обладателем самого огромного животного, из всех существовавших на земле. В справочнике написано, что это - кашалот. Стаи кашалотов нередко встречались в любом океане в первом веке доатомной эры. Найти одного кашалота - проще простого.

- И всего за двадцать минут?!

Ра-Чен изумленно посмотрел на него.

- Если большая кабина перелетов задержится в прошлом больше двадцати минут, путь назад будет для меня закрыт.

- Мне об этом известно.

- ... Фактор изменчивости энергетических констант...

- Свец...

-... сотрет Институт с лица Земли.

- Мы думали об этом, Свец. Вы отправитесь в малой кабине перелетов. Когда найдете кашалота, вызовете большую.

- Каким образом я ее вызову?

- Мы нашли способ посылать простейший сигнал сквозь время. Давайте вернемся в Институт, и я вам все объясню.

Монстр за стеклом проводил их взглядом кровожадных золотисто-желтых глаз.

Кабина перелетов являлась основной составляющей частью машины времени. Она осуществляла важнейшую функцию - перемещение во временном пространстве. Ее корпус был прозрачным, и поэтому казалось, что Свец оседлал летающее кресло, впереди которого вмонтировано что-то наподобие столика, какими обычно снабжены места в салоне самолета. Единственная разница была в том, что на столике в кабине горело множество лампочек, повсюду находились кнопки, рычаги и светящиеся зеленоватые полосы. Он приближался к восточному побережью Северной Америки, находясь в 100 году доатомной эры или 1845-м нашей эры. Инерционный календарь особой точностью не отличался.

Кабина летела, почти касаясь воды, напоминавшей по цвету свинец. Небо над ней было цвета графита. Он почти не управлял кабиной перелетов, и она свободно парила в двадцати метрах над уровнем воды, что позволяло ему внимательно следить за показаниями ИНА - Индикатора Нервной Активности.

Он ощущал какое-то неприятное чувство в животе. Сначала он подумал, что это его организм адаптируется к условиям возникшей гравитации, но потом решил, что это не так.

К счастью, ему не потребуется задерживаться здесь надолго.

В этот раз он охотился за самым большим из всех существовавших на земле животных. Такая громадина не останется незамеченной. Кроме того, теперь его экипировали прибором, который назывался ИНА, способным фиксировать присутствие живого существа на близком расстоянии.

Вдруг стрелка резко подскочила вверх и заколебалась.

Кашалот? Но она словно не могла решить, на чем остановиться. Значит, пересечение полей. Свец посмотрел в указанном направлении.

Внизу медленно и грациозно скользил по волнам стройный клиппер под белым парусом. Свец сообразил, что на нем находилось много людей, что, несомненно и вызвало такое странное поведение стрелки. Кашалот - центр сосредоточения нервной активности - оказал бы на нее более сильное воздействие.

Присутствие судна явно мешало нормальной работе прибора. Свец повернул кабину на восток и полетел прочь.

Свец чувствовал себя все хуже и хуже, хотя, по идее, его состояние должно было улучшаться.

Под летящим креслом Свеца волновалась серо-зеленая вода.

Вдруг его осенило: морская болезнь! Кабина автоматически дублировала колебания поверхности, над которой она двигалась, а эта поверхность вздымалась огромными волнами.

Не удивительно, что ему нехорошо! Свец усмехнулся и потянулся к пульту ручного управления.

Стрелка ИНА подскочила вверх. "Кажется, клюнуло!" - подумал он и посмотрел направо.

Стрелка замерла на верхнем делении индикатора.

Свец нажал кнопку "вызов".

Источник столь сильного сигнала, принятого ИНА, двигался справа от кабины. Свец последовал за ним. Пройдет несколько минут, пока его запрос достигнет Института Времени. После этого большую кабину перелетов направят по указанным Свецем координатам. Она доставит нужное для захвата кашалота оружие.

Много лет назад Ра-Чен грезил идеей спасения библиотеки Александрии от пожара. Именно для этой цели и была создана большая кабина перелетов. В кабине, по всей видимости, можно было поместить вдвое больше томов, чем находилось в хранилищах древней библиотеки.

Большая кабина стоила правительству целого состояния. Однако перенестись в 400 год доатомной эры так и не удалось. Книги, сожженные в Александрии, все еще оставались потерянными для истории.

Такая неудача сломила бы кого угодно, но только не Ра-Чена. Он с честью выдержал столь сильный удар по своей репутации.

Директор Института разъяснил Свецу все существенные различия между модификациями кабины перелетов, когда они вернулись из зоопарка.

- Мы снабдили ее регуляторами мощности и антигравитационными стяжками, которые приводятся в действие с помощью дистанционного управления. Помните, прикасаться к стяжкам строго воспрещается. Учтите, что за несколько минут разряд такой мощности убивает даже кашалота. Но, в принципе, эта кабина удобна в обращении.

Через некоторое время у Свеца заболел живот.

- Другим немаловажным новшеством является кнопка вызова. Ее значение состоит в том, чтобы передать нам ваш

сигнал. По первому же требованию вам будет предоставлена большая кабина перелетов. Мы направим ее по указанным вами координатам и приземлим всего в нескольких минутах лета. Департамент финансов значительно увеличил наш бюджет на этот год, чтобы была возможность заполучить этого кашалота.

Свец кивнул.

- Удостоверьтесь в том, что нашли животное, прежде чем вызывать кабину.

Свец неотступно следовал за находящимся под водой источником импульсов. Сигнал такой силы мог исходить только от кашалота.

Справа от кабины возникла неясная тень. На глазах Свеца она обрела четкую форму: большая серо-зеленаяя сфера зависла прямо рядом с ним.

Противоположная стенка сферы не была видна - она просто-напросто растворилась в воздухе.

Это свойство машины времени пугало Свеца больше всего - любая из ее частей могла как будто скрыться за несуществующим углом.

Сигнал стал слабее. Свец с помощью дистанционного управления развернул антигравитационные стяжки и стал спускаться вниз.

Ограничив ими источник импульсов, он включил подъемное устройство.

Левиафан оказался тяжелым, намного тяжелее, чем ожидал Свец.

В том месте, где вода вздымалась под натиском антигравитационных стяжек, показалась еле заметная тень. Левиафан поднимался...

Прошло еще несколько секунд, и из воды показался дрожащий шарообразный пузырь, внутри которого был левиафан.

Но в оболочке была заключена только часть - он оказался настолько велик, что не поместился туда целиком, хотя, по всем подсчетам, этого не должно было случиться.

Он был в четыре раза тяжелее и в двенадцать раз длиннее кашалота. У него не было ничего общего с хрустальной скульптурой, которую показывал Свену Ра-Чен. Левиафан отдаленно напоминал змею, покрытую бронзовой чешуей; создавалось впечатление, что к нему прикреплены тысячи щитов. Его зубы были похожи на костяные копья. Треугольные че-

люсти распахивались будто в желании кого-нибудь проглотить.

Свец замер в нерешительности, оцепенев от страха. Он ни на минуту не сомневался, что перед ним действительно библейский левиафан, самое крупное животное, которое когда-либо обитало в океане, животное, именем которого называли все громадное и опасное.

В любом случае этот великан никак не мог поместиться в предназаченную для него кабину перелетов.

Все еще не зная, что делать дальше, Свец вообще отключился от происходящего. В этот момент он был замечен глазами, похожими на две огромные щели.

Левиафан пытался дотянуться до Свеца своей зияющей пастью.

Зубы, напоминавшие ряд слоновых бивней, составляли один непрерывный ряд. Свец безучастно наблюдал, как эти пики двигались сверху и снизу висящей в воздухе кабины.

В последний момент он крепко зажмурился.

Сообразив, что он еще жив, Свец открыл глза. Сверцу было слышно, как скребут челюсти по невидимому корпусу кабины, о существовании которого он напрочь забыл.

Свец глубоко вздохнул. Он возратится домой с пустой кабиной и примет на себя всю ярость Ра-Чена. Однако такая участь его устраивала больше, чем смерть. Свец отстегнул антигравитационные стяжки от большой кабины перелетов.

Металл заскрежетал по металлу. Свец почувствовал запах горячего смазочного масла, и на контрольном табло зажглись красные лампочки. Он торопливо вернул стяжки в исходное положение.

Красные огоньки как-то неохотно погасли. Через прозрачный корпус проникал звук скрежета зубов. Левиафан пытался прогрызть кабину.

Под его огромным весом она уже почти отделилась от машины времени. Свец не сможет выбраться из прошлого, он останется в сотнях миль от суши, в сломанной кабине перелетов, а снаружи свою добычу будет поджидать морской монстр, Нет, убрать антигравитационные стяжки равносильно самоубийству.

Однако стяжки соединились с большой кабиной, а ее нельзя было задерживать больше пятнадцати минут. Когда она исчезнет, левиафан будет волен делать со Свецем все, что пожелает.

- Я оглушу его, - прошептал Свец.

Над ним было красное нёбо, под ним - красные десны и похожий на змеиный язык, и повсюду - кривые длиные клыки. Между двумя рядами зубов виднелась большая кабина перелетов, вокруг двери располагалась целая батарея глушителей. Он направил их прямо на левиафана.

- Похоже, я схожу с ума, - сказал Свец и привел глушители в прежнее положение. Произвести удар по левиафану, не покалечив себя, было невозможно.

Левиафан его в покое не оставит.

Настоящая западня.

Неожиданно он с облегчением вздохнул, сообразив, как можно спасти свою жизнь. Рычаг обратного полета освободит малую кабину из смертоносных челюстей левиафана, вернет ее во временной поток, доставит обратно в Институт. Задание он не выполнит, но его вины в этом не будет. Почему Ра-Чен не сообщил ему ничего о существовании морского змея, несоизмеримого с кашалотом?

- Он сам виноват, - рассуждал Свец, уже было потянувшись к рычагу, но засомневался.

- Я не смогу ему это сказать прямо в глаза, - рассуждал он. Ра-Чен наводил на него непреодолимый ужас. - Терпеть не могу бросать начатое дело, - сказал он. - Попробуем еще кое-что...

В щелях между зубов виднелись антигравитационные стяжки. Они были настроены на кабину перелетов. Если бы только удалось сосредоточить их на себе самом...

Свец тотчас ощутил разницу; он стал сильным и легкомысленным. Осталось только уменьшить фокус...

Казалось, морское чудовище начало еще громче скрежетать зубами.

Левиафан уже не парил в воздухе. Он висел прямо под кабиной перелетов, держась за нее зубами. Антигравитационные стяжки притягивали эту глыбу теперь уже непосредственно к кабине.

Монстру явно не нравилось находиться в подвешенном состоянии. Он неистово вращал желтыми глазами, кончик хвоста едва заметно подергивался, но челюсти оставались сомкнутыми...

- Давай, - говорил Свец, - проваливай, ты... чудовище.

Огромные зубы заскользили по прозрачному стеклу, и морской змей рухнул вниз.

Долей секунды позже Свец отстегнул стяжки. В кабину проник запах горелого мяса, и через мгновение одна за другой погасли красные лампочки на контрольной панели.

Левиафан, испустив истошный вопль, ушел под воду. Затем его длинное извивающееся тело показалось на поверхности, забилось в конвульсиях и больше не шевельнулось. Но Свец заметил, как пару раз дернулся кончик хвоста - левиафан был жив.

- А ведь я мог прикончить тебя, - сказал Свец. - Не отвел бы глушитель в сторону, и ты бы издох. Однако нечего терять время...

На поиски кашалота у него осталось еще десять минут. Этого, конечно, недостаточно, но если действовать с умом...

Морской змей ударил хвостом по воде и ушел в глубину.

- Минуточку, - хрипло сказал Свец. - И плевать мне на науку.

Он направил глушители на удаляющегося монстра.

В кабине перелетов была какая-то необычная гравитация. Свеца притянуло к неровной стене, и он с нетерпением ожидал окончания путешествия.

Морская болезнь была ничем по сравнению с ощущениями, возникавшими в процессе перемещения во времени.

Ощущение свободного падения, а потом - восстановление естественной гравитации давали себя знать. Свец, шатаясь, двинулся к двери.

Ра-Чен помог ему выбраться наружу.

- Нашли?

- Левиафана? Нет, сэр. - Свец смотрел будто бы сквозь босса. - А где большая кабина перелетов?

- Мы приближаем ее, но очень медленно, чтобы свести гравитацию к минимуму. Но если в ней нет кашалота...

- Я же сказал, что левиафана я не нашел.

- А что же вы тогда нашли? - поинтересовался Ра-Чен.

Услышав ответ, директор изумился:

- Не кит?

Когда Свец вкратце рассказал о случившемся, он спросил:

- Убили его? Но почему, Свец? Просто со злости?

- Нет, сэр. Это был мой самый осмысленный и умный поступок за весь рейс.

- Тогда почему же? Свец, прибыла большая кабина перелетов.

Серо-голубая тень в гнезде машины времени становилась все отчетливее.

- Похоже, в ней кто-то есть. Идиоты, введите в кабину антигравитационные стяжки! Вы что хотите, чтобы такая драгоценность разбилась?

Кабина приземлилась. Дверь открылась.

Нечто огромное металось по салону. Эта туша пыталась добраться до Ра-Чена, но не могла свободно передвигаться.

На месте одного глаза зияла пустотой темная дыра. Один из плавников был разорван. К спине животного рваными спутанными веревками был привязан труп одноногого мужчины с бородой.

- Не очень-то привлекательный у него вид, да? - заметил Ра-Чен.

- Осторожнее, сэр. Перед вами убийца. Я сам видел, как левиафан протаранил плывущий корабль и целиком проглотил этого человека, прежде чем я успел направить на чудовище глушители.

- Поразительнее всего, что вы умудрились найти его за те считанные минуты, которые у вас остались. Свец, вам действительно везет.

- Это не везение, сэр. Это самый разумный поступок за весь рейс.

- Вы уже говорили так об убийстве левиафана.

Свец торопливо объяснил:

- Морской змей перешел границы дозволенного. Я собирался прикончить его, но на это не хватило бы времени. Едва я решил отпустить его с миром, как он повернулся и защелкал зубами. Он ведь хищник. Мне следовало догадаться об этом раньше. Мне на ум пришло только единственное животное, которым можно насытить такую громаду.

- Великолепная мысль, Свец.

- У меня на этот счет даже не возникло сомнений. Наши ученые ни разу не встречали упоминаний о гигантском змее. Почему же так произошло?

- Только потому, что морской змей исчез двумя веками раньше того, как китобои совсем лишили их пищи.

- Так и есть. Я направил на левиафана глушители, пока он не успел уплыть, и отвел их только тогда, когда ИНА показал, что он мертв. По всему выходило, что раз в этих водах жил левиафан, то поблизости водятся кашалоты.

- Но сигналы, исходившие от левиафана, были намного сильнее, поэтому ИНА фиксировал только их.

- Как только левиафан испустил дух, ИНА принял другой импульс. Он привел меня к нему.

Через несколько дней двое стояли перед толстой стеклянной стеной.

- Мы произвели многократное клонирование, - говорил Ра-Чен, - а потом передали его в виварий Генерального Секретаря. Жаль только, что вы привезли альбиноса.

За стеклом из темной воды на Свеца смотрел одноглазый кит. Хирурги удалили из его тела почти все инородные предметы, но на боках остались многочисленные рубцы. Свец испытывал благоговейный страх перед эти животным. Думал о том, как долго оно воевало с Человеком. Века? Интересно, сколько живут кашалоты?

Ра-Чен понизил голос.

- Нам всем не поздоровится, если в один прекрасный день Генеральному Секретарю станет известно, что эта громадина - не самое крупное животное на земле. Вечно случается что-нибудь непредвиденное. Иногда я думаю...

"Надо тщательнее проводить исследования", мелькнуло в голове у Свеца.

- Вы знаете, что о путешествиях во времени стали думать только в первом веке доатомной эры? Вплоть до четвертого века постатомной эры эта машина жила только в смелых человеческих мечтах. Ее создание поставило под удар все общепринятые в то время законы природы, все теории, по которым время причислялось к константам. Теорию относительности, наконец.

- Меня поражает то, - продолжал он, - что каждый раз, когда мы отправляем кабину перелетов в один из четырех веков, она словно переносится в мир сказок. Вот откуда у нас появляются гигантские морские змеи, огнедышащие...

- Это нонсенс, - перебил его Свец. Он боялся своего босса, но все же есть разумные пределы.

- Вы правы, - неожиданно согласился Ра-Чен. Казалось, что эти слова даже принесли ему какое-то облегчение. - Даю вам отпуск на месяц, а потом - снова за работу. Генеральный Секретарь жить не может без птицы.

- Птицы? - Свец улыбнулся. - Не трудно догадаться, что он нашел ее в очередной детской книжке с картинками.

- Ну, конечно. Слыхали вы когда-нибудь о птице, которая называется рух[1]?

---

1 Рух - в арабской мифологии огромная сказочная птица.

СИНИЦА В РУКЕ

- Это не рух, - сказал Ра-Чен.

Птица глупо таращилась на них из-за толстой стеклянной стены. У нее были маленькие недоразвитые крылья и огромные до нелепости пальцы ног. Она весила триста фунтов и была почти восемь футов выстой.

Если бы не размеры, она во многом походила бы на игрушечного птенчика.

- Она лягнула меня, - пожаловался Свец. На этот раз он был настроен решительно. - Да, лягнула и сломала мне четыре ребра. Я еле затащил ее в кабину перелетов.

- И все же это не рух. Мы навели справки в исторической секции библиотеки Беверли Хиллс, пока вы лежали в больнице. Рух - сказочное существо.

- Но посмотрите на нее!

Директор кивнул.

- Возможно, перед нами птица, послужившая прообразом для создания легенды. Первые исследователи Австралии сразу встретили этих... ну, скажем, страусов, которых там было множество. Они подумали: "Если птенцы - такие гиганты, то какого же они станут размера, когда вырастут?" А затем, вернувшись домой, стали рассказывать легенды об их великанах-родителях.

- Значит, мои ребра пострадали из-за птицы, которая даже не умеет летать?!

- Выше нос, Свец. Страусы давно вымерли. Этот редкий экземпляр прекрасно впишется в виварий[1] Генерального Секретаря.

- Но Генеральный Секретарь просил руха. Что вы ему скажете?

---

1 Виварий - помещение (обычно при научно-исследовательских учреждениях) для содержания (иногда и разведения) животных.

Ра-Чен нахмурился.

- Это не самая большая проблема. Вам известно, что захотел иметь Генеральный Секретарь на этот раз?

Свецу сразу показалось, что директор чем-то озабочен. Теперь все встало на свои места.

Угодить Генеральному Секретарю не мог никто.

Подпорченные гены, унаследованные им от влиятельных предков, рожденных от родственных браков, оставили его умственное развитие на уровне шестилетнего ребенка. Кроме того, он получил неограниченное господство на Земле и в ее колониях.

Что бы ни Захотелось Генеральному Секретарю на сей раз, можно было не сомневаться, что это у него будет.

- Какой-то кретин взял его с собой понырять в Лос-Анджелесе, - сказал Ра-Чен. - Ему приспичило посмотреть, каким был город до потопа.

- Ну, это еще ничего страшного...

- Да, но это не все. Кто-то из Окружения, заметив его интерес, показал ему исторические снимки города. Они ему понравились. Он хочет участвовать в Мятеже Ваттов.

У Свеца перехватило дыхание.

- А как же обеспечить безопасность?

- Я тоже сразу об этом подумал. Генеральный Секретарь по происхождению кавказец.

- У меня голова идет кругом, - сказал Свец. - Зачем вы мне все это рассказываете? Знаете же, что я не интересуюсь политикой.

- Вы можете себе представить, что будет, если Генеральный Секретарь отправится на тот свет с непосредственной помощью Института Времени?

- Какой же выход? Мы не можем обойти вниманием просьбу, поступившую непосредственно от Генерального Секретаря!

- Но мы можем отвлечь его.

Они и до этого говорили тихо в целях конспирации, а теперь перешли на шепот.

- Как это сделать?

- Пока не знаю. Если бы мне удалось войти в доверие к няне, - сквозь зубы процедил Ра-Чен. - Но у меня ничего не выходит. Она ведь не расстается с ним вот уже тридцать четыре года. Откуда мне знать, чем другим привлечь его внимание. Я встречался с ним всего четыре раза и все время в официальной обстановке. Однако, я уверен, что он забудет об

Лос-Анджелесе, если нам удастся предложить ему что-нибудь более интересное.

На стене павильона, мимо которого они проходили, красовалась табличка:

СЛОН
доставлен из 700 года доатомной эры,
Найден в Индии, планета Земля.
Представитель вымершего вида.

Свец, доставший его из прошлого, вдруг понял, о какой не доступной человеку старости и мудрости этого животного ему говорили. Но тогда он не придал этому значения.

Именно Свец нашел и доставил половину животных вивария. И в то же время он их боялся. Почему же тогда Ра-Чен посылает исключительно его?

В следующем павильоне - ящерица длиной в сорок футов (*ДЖИЛЬСКОЕ ЧУДОВИЩЕ*, сообщала табличка), которая сразу узнала Свеца. Она выпустила в его сторону бело-оранжевый столб пламени и яростно захлопала малюсенькими крылышками, когда огонь, как обычно, не смог проникнуть через стеклянную перегородку. Если это чудовище когда-нибудь окажется на свободе...

Павильоны вивария были герметично закрыты - животных, доставленных из прошлого, следовало беречь от воздействия воздуха, которым дышали здесь, в настоящем.

- Что мы можем ему предложить? По-моему, эти животные ему уже успели поднадоесть. А как насчет жирафа?

- Насчет чего?

- Или собаки, или сатира... нужно придумать что-нибудь необычное, - бормотал Ра-Чен. - Плюшевый мишка?

Страх перед животными заставил Свеца рискнуть.

- Как бы нам не пойти по ложному пути.

- Как так? Почему?

- У Генерального Секретаря уже столько животных, что хватило бы на тысячу таких, как он. А хуже всего то, что нас может опередить Институт Космических Исследований - они тоже могут раздобыть для него игрушку.

- Я над этим не задумывался. Впрочем, вы правы. Нам нужно нечто такое...

С помощью машины времени можно осуществить самый смелый замысел.

Летающую тарелку можно вернуть в Центр. Ра-Чен предпочитал идти пешком.

Свец шел рядом с боссом, понурившись, не видя ничего вокруг. Именно в такие минуты его посещало вдохновение. Но они уже приблизились к красному песчаному кубу, в котором размещался Центр, а просветления в голове так и не наступило.

- Минутку, - мягко сказал Ра-Чен. - Нам, кажется, нанес визит Генеральный Секретарь.

Сердце Свеца забилось.

- Как вы догадались?

- Следовало бы вам заметить машину, стоящую на тротуаре. Это автомобиль с двигателем внутреннего сгорания, и принадлежит он Генеральному Секретарю.

- Что же нам делать?

- Войти и показать ему наши владения. Будем надеяться, что он не станет настаивать на посещении Лос-Анджелеса, где 11 августа 20 года постатомной эры взбунтовались Ватты.

- А вдруг станет?

- Придется сделать так, как он хочет. Но только сопровождать его будете не вы, Свец, а Зеера. Она негритянка и, к тому же, знает американский английский. Это великое дело.

- Может быть, пусть рискует Зеера.

Они поравнялись с машиной Генерального Секретаря. Капот был открыт, и начищенный до блеска мотор мог видеть каждый, кто проходил мимо.

- Стоп, - внезапно сказал Свец. - Ему нравится автомобиль?

- Пойдемте, Свец.

- Генеральный Секретарь любит свой автомобиль?

- Конечно.

- Мы добудем для него еще одну машину.

Ра-Чен внезапно остановился.

- А это идея! Удастся отвлечь его хоть ненадолго, а мы тем временем...

- Что?

Ра-Чен не слышал вопроса.

- Гоночный автомобиль..? Нет, он разобьется. Окружение потребует выделить робота-шофера. Может быть, автомобиль для передвижения по песку?

- Почему бы не спросить его самого?

- Стоит рискнуть.

В Центре было три машины времени. Там же находился и пульт управления с мигающими разноцветными лампочками. Генеральному Секретарю именно эта часть машины пришлась

по душе. Он радостно улыбался, когда Ра-Чен показывал ему все, что казалось ему занятным. Охранники следовали за ним по пятам.

Ра-Чен представил Свеца, сказав:

- Это мой лучший агент.

Помнил ли он о своем желании участвовать в мятеже Ваттов, оставалось загадкой; ни одного вопроса по этому поводу не было задано.

Совершенно сбитый с толку широким выбором предложенных ему моделей, Генеральный Секретарь, как младенец, сосал палец, а на его лице отражалась глубокая работа мысли.

Наконец, выбор был сделан.

- Действительно, почему было не спросить его самого?! Почему? - На лице Ра-Чена промелькнуло не меньше дюжины выражений. - Теперь все понятно. Первую машину! Он захотел иметь самую первую машину, появившуюся на Земле!

- Я надеялся, он попросит нас сконструировать автомобиль, - Свец потер глаза. - Вот придумал! Чтобы найти машину, о которой он мечтает, нужно обследовать временной промежуток в два десятка лет, объехать всю Северную Америку и Европу!

- Все не так уж плохо складывается. Нам помогут книги из библиотеки Беверли Хиллс. Хотя, конечно, приятного в этом мало, Свец...

Рейд в библиотеку Беверли Хиллс состоялся в полдень, 3 июля 20 года постатомной эры. Для этой цели потребовалась большая кабина перелетов и дюжина вооруженных охранников. Гигантские машины времени, какие-то чокнутые люди, пристегнутые ремнями безопасности, - в любой другой день об этом трубили бы все газеты и телекомпании страны. Но 3 июля стало для Института Времени чем-то вроде Дня Удачной Охоты.

Ни один калифорниец не успеет сообщить об увиденном, разве что расскажет своим ближайшим друзьям. Если даже информация о рейде и просочится в средства массовой информации, то будет вытеснена более важными новостями. На закате солнца произойдет серия подземных толчков, океан выйдет из берегов и обрушится на штат необъятной зеленой лавиной...

Свец, Ра-Чен и Зеера Саусворс за половину ночи успели перерыть почти все книги исторического отдела библиотеки Беверли Хиллс по интересующему их вопросу. Ра-Чен знал многих былых американских авторов и быстро отыскивал их имена на обложках; Зеера читала вслух.

Девушка была высокой, стройной и очень темнокожей; ее голову венчала копна вьющихся черных волос. Она сидела на полу, скрестив ноги, и зачитывала относящиеся к делу абзацы, в то время как ее спутники в задумчивости шагали из угла в угол по залу библиотеки. Мужчины еле успевали следить за ходом повествования. К двум часам ночи они уже выглядели унылыми и озлобленными.

- Выходит, что автомобиль никто не изобретал! - взорвался в конце концов Ра-Чен. - Он просто сам взял и появился!

- Да, сведения очень расплывчатые, - согласилась Зеера. - Как я понимаю, паровые автомобили нас не интересуют. Таким образом, Гугнот, Тревитик и другие изобретатели более поздних английских паровых транспортных средств исключаются автоматически.

- Нам нужно сосредоточить внимание на двигателях внутреннего сгорания.

В разговор включился Свец:

- Самые лучшие шансы у француза Ленуара, Маркуса из Вены. Кроме того, по всем показателям нам подходят Даймлер и Бенц. Патент Шелдена тоже...

- Да выберите же кого-нибудь одного, черт побери!

- Минуточку терпения, сэр, - из всех троих одна Зеера еще сохраняла относительное спокойствие. - Похоже, Форд - это именно то, что нам нужно.

- Форд? Но почему? По-моему, его достижением является только идея организации серийного производства.

Зеера указала на одну из книг. Свец вспомнил, что биографию этого человека она уже читала. Из нее следовало, что Форд отвечал за весь процесс, что именно он, а не кто иной, был основоположником автомобильной промышленности.

- Но мы же знаем, что это не так, - запротестовал Свец.

Ра-Чен прервал их спор.

- Давайте-ка не будем ссориться из-за пустяков. Возьмем машину Форда и эту книгу, чтобы никто не сомневался в нашей правоте. Кто заметит разницу?

- А если кто-нибудь проведет такое же, как мы, исследование... Ну. конечно, он получит аналогичные результаты. То есть, не получит практически ничего. Выбор Форда равнозначен всем остальным.

- Лучше все-таки, чтобы никто, кроме нас, не искал, - доверительно произнесла Зеера. - Очень жаль, что мы не можем заполучить модель Т; она гораздо больше похожа на автомобиль. Та же, с которой Форд начал, чем-то напоминает

игрушечную машинку. Здесь говорится, что он сконструировал ее из старых труб.

- Значит, надежность обеспечена, - заметил Ра-Чен.

- Нельзя просто забрать машину и исчезнуть, - говорил он Зеере. - Если тебя кто-нибудь заметит, возвращайся обратно даже без нее.

- Ясно, сэр. По-моему, безопаснее было бы взять экземпляр более позднего выпуска, например, из Смитсоновского Института.

- Автомобиль должен быть новым. Будь благоразумной, Зеера. Мы не можем вручить Генеральному Секретарю подержанную машину!

- Вы правы, сэр.

- Ты приземлишься около трех часов утра. Изменить внешность тебе помогут инфракрасные лучи и пилюли. Никто не должен видеть никаких огоньков. Искусственный свет может их до смерти напугать.

- Хорошо.

- Тебе показали...

- Я знаю, как пользоваться дупликатором, - девушка, как всегда, говорила немного надменно, - Известно мне и то, что он делает изображение перевернутым.

- Это не важно. Привези хотя бы зеркальную копию, а мы восстановим ее сами.

- Все понятно. - Казалось, она раздосадована, что ей не придется увидеть это собственными глазами. - А как насчет акцента?

- Ты прекрасно имитируешь речь белых американцев и негров, но так говорили в более позднем периоде. Забудь про сленг. Лучше придерживаться негритянского акцента, если только не потребуется произвести хорошее впечатление на белого человека. Тогда разговаривай, как он, но медленно и спокойно, используя слова попроще. Они примут тебя за иностранку. Будем надеяться.

Зеера решительно кивнула. Пригнув голову, она вошла в кабину перелетов, повернулась и втащила за собой дупликатор. Небольшой по размеру, аппарат весил около тонны без подъемного устройства, позволявшего ему летать. На одном конце его мерцал лунный огонь.

Мужчины наблюдали за удалявшейся кабиной перелетов, очертания которой становились все более и более расплывчатыми. Наконец, она исчезла во времени и пространстве,

куда не проникал свет. Связь с машиной времени должна была поддерживаться постоянно.

- Вот и славно! - Ра-Чен даже потер руки от удовольствия. - Надеюсь, что Зеера легко получит автомобиль Генри Форда. Проблемы начнутся, когда эту игрушку увидит Генеральный Секретарь.

Свец кивнул, вспомнив примитивные черно-белые фотографии в книгах. Машина Форда выглядела на них громоздкой, уродливой, без малейшего намека на надежность и элегантность. Все технические недостатки специалисты незаметно исправят, но сделать из этой "старушки" обольстительную "красотку" не сможет никто и ничто.

- Нужно отвлечь Генерального Секретаря чем-нибудь другим, - произнес Ра-Чен. - Мы только выиграем время, если новое задание будет сложным.

Малая машина времени, которую использовала Зеера, издала в этот момент звук рвущейся ткани, приглушенный, монотонный, успокаивающий. Десяток рабочих готовили большую кабину перелетов. Она понадобится Зеере для транспортировки автомобиля.

- Есть одна вещь, которой я бы с удовольствием занялся, - решился Свец.

- Вы о чем?

- О рухе.

Ра-Чен усмехнулся.

- Вам не дает покоя этот уродливый страус? Свец, это уже просто навязчивая идея.

Было ясно, что отступать Свец не собирается.

- Вы когда-нибудь слышали о таком явлении, как неотения[1]?

- Нет, никогда. Но, будем откровенны. Свец, мы и так превысили бюджет из-за экспедиции за рухом. Это, конечно, произошло не по вашей вине, однако еще один перелет обойдется нам в миллион коммерциалов.

- Мне не понадобится машина времени.

- Как?

- Мне просто потребуется помощь главного ветеринара. Ваших связей хватит, чтобы договориться обо всем?

---

1 Неотения - способность организмов размножаться на ранних стадиях развития, например в личиночном состоянии.

Главным ветеринаром оказалась приземистая тучная женщина с выдававшейся нижней челюстью, большим бюстом и мускулистыми ногами. Огромный поднос с аккуратно уложенными на нем медикаментами и необходимыми приборами следовал за ней, плывя по воздуху мимо павильонов.

- Я знакома со всеми животными, находящимися здесь, - рассказывала она Свецу. - Сначала я решила дать им имена. Живому существу ведь полагается иметь хотя бы кличку.

- Но у них есть имена.

Я это поняла потом. *ДЖИЛЬСКОЕ ЧУДОВИЩЕ, СЛОН, СТРАУС,* - прочитала она. - Хорасу дали имя, чтобы его можно было отличить от Джилберта. Но ведь никто не перепутает *ЛОШАДЬ* со *СЛОНОМ.* Так что здесь их названия не повторяются. Бедные зверушки. - Она остановилась перед павильоном с надписью *СТРАУС.* - Это ваша находка? Я давно собиралась навестить его.

Птица, не зная, что делать, поменяла опорную ногу и склонила на бок голову, словно оценивая стоящих по другую сторону стекла людей. Казалось, ее удивило появление Свеца.

- Он похож на только что вылупившегося птенца, - заметила женщина. - Если, конечно, не обращать внимания на ноги. Похоже, их ускоренное развитие вызвано необходимостью выдерживать слишком большой вес.

Свец сомневался, где он нужнее. По его же предложению Зеера отправилась в экспедицию - значит, его место сейчас в Центре. Но он не мог справиться с мыслью о том, сто страус был его первой неудачей.

- Не кажется ли вам, что эта птица неотеник?

- Неотеник? Ну конечно! Неотения является неотъемлемой частью эволюции. Вы никогда не задумывались, почему наши тела, в отличие от тел всех остальных приматов, лишены волосяного покрова? А все дело в том, что, когда наши предки начали охотиться на равнинах, им потребовалась более совершенная система терморегуляции, чем та, которой обладало большинство приматов. Вот вам и первый признак недоразвития - обнаженная кожа. Большая голова - возможно, второй. Классическим примером неотении считается аксолотль[1]...

- Кто, простите?

---

1 Аксолотль - личинка хвостатых земноводных, способная к размножению. В естественных условиях иногда не превращается во взрослую форму.

- Вы ведь знаете, как выглядит саламандра? На начальном этапе развития у нее есть жабры и плавники. У взрослой особи наблюдаются сформированные легкие, а жабры атрофируются, и всю свою дальнейшую жизнь она поэтому проводит уже на суше. Аксолотль - ее жизнеспособный отпрыск, который навсегда остается с жабрами и плавниками. Налицо генетический сдвиг, типичный для неотении.

- Я никогда не слышал ни об аксолотлях, ни о саламандрах.

- Для их нормального существования были нужны открытые водоемы, Свец.

Свец понимающе кивнул. Мысленно он успел прикинуть, что раз оба эти вида обитали в открытых водоемах, то, значит, они вымерли более тысячи лет назад.

- Неясно, когда ваша птица лишилась способности летать. Случайные и очень давние неотонические изменения могли повлиять на рост крыльев. В этом случае, такие большие размеры туловища являются чем-то вроде компенсации.

- Так значит, его предки...

... возможно, были не больше индюков. Хотите войти и выяснить это?

Стеклянная стена разомкнулась, и Свец, шагнув в павильон, сразу почувствовал искусственно повышенное атмосферное давление. Страус испуганно прижался к дальней стене.

Ветеринар открыла чемоданчик, лежавший на ее летающем подносе, и, достав оттуда глушитель, привела его в действие. Пронзительный птичий крик нарушил обычную для вивария тишину. Птица распласталась на полу, как будто ее подстрелили. Все было проделано обдуманно и неторопливо.

Ветеринар пошла по направлению к своему пациенту, но неожиданно остановилась на полпути. Она испуганно втянула носом воздух, потом еще раз.

- Кажется, у меня исчезло обоняние!

Свец извлек из кармана два похожих на целлофановые пакеты предмета и протянул ей один из них.

- Наденьте это.

- Зачем?

- Вы можете задохнуться, если не последуете моему совету. - Второй он натянул себе на голову и обжал край вокруг своей шеи так, что он прилип к коже, прекратив доступ воздуха. - Здесь воздух смертоносен для нас, - объяснил он. - В павильонах специально воссоздают воздух, каким дышали земляне полторы тысячи лет назад. Тогда еще не существовало

ни отходов производства, ни ядовитых выбросов в атмосферу. Теперь вы поняли, почему не почувствовали ничего, кроме запаха, исходящего от страуса?

- Да, конечно, для нормальной жизнедеятельности всех систем нашего организма не нужна ни двуокись серы, ни окись углерода, ни окись азота. Но зато нам необходим углекислый газ. Под вашей левой рукой в лимфатических железах находится множество нервных окончаний, регулирующих дыхательный процесс, которые, в свою очередь, активизируются только при определенной концентрации в крови углекислого газа.- Она, наконец, справилась со своим фильтрующим шлемом. - Насколько я понимаю, концентрация газа здесь доходит до недопустимо низкого предела.

- Ну, конечно. Мы просто забываем, что нужно усиленно дышать, потому что привыкли к тому, что воздух содержит приблизительно четыре процента углекислого газа, в то время как здесь - в десять раз меньше. Такой химический состав как раз годится для этой птицы. Она бы просто сдохла, если бы находилась за пределами павильона. Люди в течение полутора тысяч лет привыкали к тому воздуху, которым мы теперь дышим. Наш страус такой возможности не имел.

- Я запомню все, что вы рассказали, - мгновенно отозвалась она, и Свец почувствовал себя так, как будто пытался проинформировать человека о предмете его собственной научной работы. Ветеринар встала на колени рядом со спящим страусом, и летающий поднос опустился так, чтобы ей было удобно пользоваться им.

Свец наблюдал, как она брала частички мышечной ткани, определяла кровяное давление и частоту пульса птицы и снова замеряла эти параметры после введения малых доз гормонов и наркотиков.

В общих чертах он имел понятие о том, что она делает. Существовало специальное оборудование, фиксировавшее мутации организма данного животного за последнее время. Однако, никому не дано знать, что с ним случится через минуту. Доказательством тому в виварии был павильон с Homo habilis, который до недавнего времени принадлежал к Ближайшему Окружению, но имел неосторожность назвать Генерального Секретаря тираном и домоседом.

Идентифицируя неотонические изменения, врач, должно быть, пыталась представить, что получится, когда они будут устранены. Возникнут сложности, связанные с обменом веществ. Если Свец прав, то масса птицы должна резко увели-

читься. Пищу придется вводить внутривенно, а возможно, и изыскать какой-нибудь более интенсивный способ.

Вся процедура казалась ему таинственной и монотонной - о предмете исследований он знал все-таки очень мало.

Свец поймал себя на том, что рассматривает фильтрующий шлем на ее голове, который наполнился воздухом настолько, что стал практически невидимым. Только золотистый ореол оставался заметным на фоне желто-коричневого неба.

Неужели в Институте Космических Исследований действительно мечтают о воссоединении с Институтом Времени? Тогда этот золотистый нимб поможет им в достижении намеченной цели. Полупроницаемая оболочка, пропускающая через себя только определенные газы и поддерживающая внутри баллона необходимый для дыхания химический состав воздуха, была получена прямо со склада Института Космических Исследований.

Остальное же оборудование Института Времени: летатели, анастезирующие ружья, блоки уменьшения массы тела в целях антигравитации для новых кабин перелетов - поставляли предприятия по производству космического снаряжения.

Но главным их козырем было не это.

Раньше жизнь в океане била ключом, размышлял Свец. Теперь необитаемы целые континенты - там нет ничего, кроме покинутых людьми городов. Когда-то здесь зеленели деревья, пели птицы, журчали ручьи. Мы вырубили леса, истребили животных, отравили воду в реках, наладили искусственное орошение пустынь, окончательно загубив там все живое; на Земле не осталось никого, кроме нас самих.

Мы оторвались от своих корней, не знаем абсолютно ничего о нашем прошлом и даже не можем отличить правду от выдумки. Мы погубили многие формы жизни на планете за последние полторы тысячи лет и изменили состав воздуха до такой степени, что теперь уже не в состоянии исправить положение.

На меня наводят ужас жившие в прошлом существа. Я не могу дышать чистым воздухом. Я не знаю, какие растения годятся в пищу, и не умею охотиться. Я понятия не имею о том, какое животное представляет опасность для моей жизни.

Прошлое Земли так же чуждо мне, как и история любой другой планеты.

Так пусть им занимается Институт Космических Исследований!

Главный ветеринар была занята тем, что опускала меченые концы разноцветных трубок в пробирки с частицами тканей, взятыми из различных органов птицы. Трубки были соединены с находившимся на подносе прибором.

Зазвонил карманный телефон Свеца. Он откинул крышку.

- У нас неприятности, - сказал появившийся на экране Ра-Чен. - Зеера уже возвращается. Похоже, она нажала на рычаг обратного перелета, как только вызвала большую кабину.

- Она улетела из прошлого до прибытия туда большой кабины?

Ра-Чен угрюмо кивнул.

- Я не знаю, что именно произошло, но это случилось в считанные минуты. Раз она попросила отправить большую кабину перелетов, значит автомобиль был уже у нее. Секундой позже все было кончено. Свец, я очень волнуюсь.

- Мне бы очень не хотелось уезжать отсюда именно сейчас, - Свец повернулся и посмотрел на страуса. Как раз в это время у него стали отпадать перья, что делало его круглым и голым. Это расставило все точки над i. - Я не могу покинуть виварий, сэр. Через каких-нибудь десять минут мы получим настоящего гигантского руха.

- Что? Прекрасно! Но как вам это удалось?

- Страус является неотоническим отпрыском руха. Нам удалось воспроизвести его предка.

- Хорошо! Оставайтесь там, Свец. Мы вручим его прямо на месте, - связь с Ра-Ченом прервалась.

- Не следует давать обещаний, которых вы не можете сдержать, - сказала ветеринар.

У Свеца душа ушла в пятки.

- Беда?

- Нет. Пока что все идет гладко.

- Выпали все перья. Это нормально?

- Об этом не беспокойтесь. Ваш страус возвращается в то время, когда он был птенцом, - весело сказала она. - Точнее, когда его прародитель был птенцом. Если его предок на самом деле по размерам не отличался от индюка, когда лишился способности летать, то птенец будет еще меньше.

- А что произойдет после этого?

- Он утонет в собственном жиру.

- Надо было произвести клонирование.

- Слишком поздно. Вы только взгляните на него, особенно на ноги. Они уже не такие мощные, как раньше.

Птица теперь напоминала большой мяч, покрытый бледно-желтым пухом. Ее тело словно сморщилось, ноги резко уменьшились. Она стала не больше четырех футов длиной. Лишний мышечный вес превратился в жир, страус теперь напоминал шар, а точнее, надувную игрушку, лежащую на обвислом боку в облачке перьев.

- Вот теперь он на самом деле похож на птенца, - заметил Свец.

- Вы правы, Свец. Собственно, так и есть. У такого большого детеныша будет гигант-папаша. - Внезапно ветеринар вскочила на ноги. - Придется поторопиться, Свец. В этом павильоне предусмотрено стационарное снабжение пищей?

- Ну конечно. А что?

- Он будет постоянно требовать пищи, если мы не... Покажите, где выдается корм...

Обитатели этого своеобразного зоопарка получали питание, как и везде, порционно, но каждому из них полагались необходимые добавки. Компьютер, подключенный к мозгу животных, внушал им представление, что они едят в привычные для них часы. Их "распорядок дня" выясняли с помощью специально разработанной программы.

Свец подвел ветеринара к трубе, по которой подавался корм. С помощью шланга она соединила ее с одним из приборов на своем летающем подносе; после этого, настроив его на работу, она подсоединила еще один...

Птица увеличивалась в размерах прямо на глазах. Жировая прослойка уменьшалась. Ее ноги и крылья удлинились, а клюв принял естественную крючковатую форму, становясь при этом острым и твердым.

Однако Свец заволновался - птица все еще казалась не чем иным, как обтянутым кожей длинным скелетом. Только ее тело было покрыто густым пухом, а местами даже перьями.

Теперь пища поступала прямо в две стоящие на подносе емкости, а оттуда - в разноцветные трубки. Ветеринару каким-то образом удавалось тотчас обращать ее в плазму.

- Все наладилось, - сказала она. - Я не была уверена, что у нас получится. Страус будет в порядке, если только процесс роста замедлится в нужный момент. - Она улыбнулась Свецу. - Вы были абсолютно правы. Эта птица - неотонический отпрыск руха.

В это время произошло нечто неожиданное. Свец не до конца осознал, что встревожило его, но как только он взгля-

нул на небо, все стало ясно. Оно было нежно-голубым как в центре, так и над горизонтом.

- Что это? - Стоящая рядом с ним женщина-ветеринар была скорее поражена, чем испугана. - Я никогда в жизни не видела неба такого цвета!

- А я видел.

- Что все это значит?

- Пусть вас это не беспокоит. Только не снимайте фильтрующий шлем, особенно если придется покинуть павильон. Не забудете?

- Нет, конечно. - Ее глаза стали похожими на две щелки. - Вам что-то известно о происходящем, Свец. Это ведь имеет какое-то отношение ко времени, не правда ли?

- Думаю, что да.

И, желая избежать последующих расспросов, Свец нажал на нужную кнопку. В стекле появился проем, через который он выбрался наружу. Напоследок он обернулся и посмотрел, что делалось за стеклом.

Ветеринар, похоже, была испугана. Она, видимо, догадалась слишком о многом, чтобы оставаться спокойной. Но, тем не менее, пошла проверить состояние своего пациента.

Страус лежал на боку, его глаза теперь уже были открыты. Он казался огромным, но все таким же костлявым, несмотря на большое количество вводимой внутривенно пищи. Цвет его перьев менялся. Их окраска обещала быть черной с зеленым.

Птенец стал всего вдвое меньше находившегося в соседнем павильоне слона... чей задумчивый вид, как казалось, говорил о той неловкости, какую он испытывал, наблюдая за происходящим.

Птица не имела уже ничего общего со страусом.

Небо было голубым; именно таким оно было в прошлом; по нему плыли взбитые, как перина, ослепительно белые облака. Везде, куда только хватало глаз, был голубой цвет. Впервые за многие годы все оно стало однотонным, без каких-либо переходов и изменений цвета.

Люди в бессознательном состоянии лежали повсюду. Свец не решался остановиться и помочь кому-нибудь из них - то, что ему предстояло, было гораздо важнее.

Приблизившись к Центру, он перешел на шаг. Недавно сросшиеся ребра болели так, будто между ними ему всадили кинжал. Сотрудники Института Времени, лежащие в неестественных позах, попадались Свецу на каждом шагу. А перед

зданием стоял автомобиль Генерального Секретаря. Прямо позади машины, на спине, раскинувшись, лежал Ра-Чен.

Что он там может делать?

Подойдя поближе, Свец услышал шум мотора. Так вот в чем дело! Ра-Чен, должно быть, надеялся, что придет в себя, подышав выхлопными парами. Чертовски умно; и, по идее, расчет был верным. Но почему же получилось не так, как задумал его босс? Проходя мимо, Свец бросил взгляд на блестящие внутренности машины. Мотор стал каким-то другим... но что же изменилось? Как он теперь работал? На пару? На электричестве? От маховика? В любом случае, нигде не было видно выхлопной трубы, которую не нашел и Ра-Чен.

Директор был жив, его сердце билось с такой силой, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Свец вошел в Центр.

Не меньше дюжины мужчин и женщин лежали без сознания около светящихся пультов управления. Еще три человека раскинулись в проходе. Генеральный Секретарь застыл в неуклюжей позе, глупо улыбаясь, и смотрел в потолок. Его охранники с обеспокоенными, но вялыми лицами валялись рядом, не выпуская из рук оружия.

Малая кабина перелетов так и не вернулась.

Свец посмотрел на пустующее гнездо машины времени, и его охватил ужас. Он не мог довести дело до конца, пока Зеера не расскажет ему, что произошло.

От 50 года доатомной эры до настоящего момента было не больше тридцати минут лета. Ра-Чен позвонил в зоопарк меньше получаса назад. Авария соединила две точки во времени, и это казалось перстом судьбы. А если не судьба, значит, это был побочный эффект, роковая случайность. Парадокс времени, вероятно, сбил с нужной траектории полета кабину Зеры и либо обрек ее на вечное блуждание в прошлом, либо перенес в параллельный мир, либо...

Математика тут бессильна, тем более что математика путешествий во времени была просто напичкана случайностями.

В прошлом году возникла идея провести топологический анализ пути, по которому передвигалась кабина перелетов. В результате было доказано, что путешествие во времени невозможно и что скорость, превышающую световую, развить нельзя. Ра-Чен намеренно позволил этой информации просочиться в Институт Космических Исследований с расчетом на то, что их сверхбыстроходные корабли перестанут функционировать.

Что же предпринять? Снабдить всех фильтрующими шлемами? Мысль хорошая, но они хранятся не в Центре; придется бежать за ними через весь город. Решится ли он покинуть Центр именно сейчас?

Свец заставил себя сесть и успокоиться.

Через несколько минут какой-то хлопок вывел его из оцепенения - вернулась малая кабина перелетов. Зеера с трудом пробралась через маленькую круглую дверь.

- Залезай обратно, - скомандовал Свец. - Живо!

- Для меня твои приказы ничего не значат, Свец. - Она прошла мимо, не удостоив его взглядом. - С автомобилем ничего не вышло. Где Ра-Чен? - Зеера побледнела от пережитого потрясения и смертельной усталости. Она говорила монотонно, делая между фразами большие паузы.

Свец взял ее за руку.

- Зеера, мы...

Она резко дернулась в сторону.

- Надо что-то делать. Ничего не получилось. Ты что, не слышишь меня?

- А ты меня слышишь? Вернись в кабину!

- Но надо же решить, как нам быть. Почему я не чувствую никакого запаха? - Она втянула носом ничем не пахнущий, пустой, мертвый воздух. Девушка в замешательстве огляделась вокруг, только теперь начиная осознавать, что произошло нечто ужасное.

Вдруг ее глаза округлились, и Свец едва успел не дать ей рухнуть на пол.

Уже в кабине перелетов он взглянул в ее помертвевшее лицо и увидел, как сильно оно изменилось. Еще минуту назад его выражение было совершенно другим. Теперь же стало более мягким, открытым и красивым. Зеера оказалась довольно интересной женщиной.

- Тебе следует чаще отдыхать, - сказал он. В том месте, куда его лягнул страус, он почувствовал острую боль. Этот участок тела пульсировал в такт бьющемуся сердцу.

Открыв глаза, Зеера первым делом спросила:

- Что мы здесь делаем?

- В кабине своя система циркуляции воздуха, - ответил Свец. - Дышать за ее пределами очень опасно.

- Почему?

- Это тебя нужно спросить.

Ее глаза стали круглыми, как два блюдца.

- Автомобиль! Он пропал!

- Как это?

- Не знаю, Свец, клянусь, я все делала, как надо. Но когда я включила дупликатор, машина будто испарилась!

- Да, ничего хорошего в этом нет. - Свец старался не повышать голос. - Что ты...

- Я обращалась с ним точно так, как меня учили: направила на корпус мерцающий конец, настроила приборы, учитывая приблизительную массу и погрешность, считала показания...

- Должно быть, ты перепутала концы. Стоп! А где находилась инфракрасная вспышка?

- Я ее все время использовала. Дело происходило глухой ночью.

- И ты принимала пилюли, чтобы видеть инфракрасное излучение?

- Ты всегда соображаешь так медленно, Свец? - Выражение ее лица изменилось. - Я его и без пилюль видела. Говорю же тебе, что направила туда мерцающий конец.

- Конец дупликатора. На том месте, где стоял автомобиль, была продублирована пустота. С обоих концов ты получила пустое место.

- Идиотка, - с горечью отозвалась Зеера. - Идиотка. - Она засунула руки под колени, присев и облокотившись на стенку кабины. Через несколько секунд она сказала:

- В книге написано, что Генри Форд впоследствии продал эту машину за двести долларов. А еще позже у него возникли денежные затруднения.

- Сколько это - двести долларов?

- По-моему, все зависит от того, в каком времени это происходило, но достаточно, чтобы разорить человека, отняв их в нужный момент. Тогда право собственности на конвейеры, необходимые для производства автомобилей, переходит к другому человеку. А этот Форд ведь лучше других разбирался в устройстве паровых и электрических двигателей машин.

- Думаю, что скорее в паровых. Они ведь появились раньше всех остальных.

- Как же они могут загрязнять атмосферу? Мы свободно дышим выхлопными газами, хотя, понятное дело, могли бы прожить, даже если бы они не содержались в воздухе. CO_2, конечно, - исключение. Паровой автомобиль, кажется, работает на топливе, не так ли?

- Меня тоже это заинтересовало, - сказал Свец. - Я потерял немало времени, но все-таки разобрался. Некоторые химические элементы, присутствующие в выхлопных газах, навсегда

остаются в воздухе, создавая своеобразную преграду между нами и солнцем. Она висит над нами вот уже больше тысячи лет и сокращает количество получаемого Землей ультрафиолета в два раза. Вот мы и сделали так, чтобы этого не происходило.

- Фотосинтез. Так вот куда исчез весь углекислый газ!

- Ну да.

- Но, если состав воздуха настолько изменился, почему мы остались такими же, просто привыкнув дышать всем этим? Разве не должны были остановиться эволюционные процессы? И как сохранилась память?

- Не знаю. О путешествиях во времени нам не известно еще очень и очень многое.

- Ты не думай, Свец, я не проверяю тебя, а действительно не понимаю всего этого.

Оба замолчали. На ее лице отразилась напряженная работа мысли.

- Теперь все ясно, - через несколько минут произнесла Зеера. - Мне придется вернуться и предупредить самое себя, оставшуюся в том времени, о том, как нужно пользоваться дупликатором.

- Ничего не получится. Точнее, уже не получилось. Если бы ты сразу направила на автомобиль нужный конец, то не случилось бы всей этой путаницы. Выходит, что ты все сделала неправильно.

- Логика и путешествия во времени - вещи несовместимые.

- Кажется, я придумал, как все устроить, - как бы сомневаясь, Свец замолчал на несколько секунд, но потом продолжал: - Попробуем сделать вот что: я перенесусь в прошлое на час раньше, чем там побывает "первая" Зеера. К тому времени машина будет еще на месте. Я сделаю дубликат, а потом продублирую автомобиль еще раз и заберу вместе с оригиналом, поместив их в большую кабину перелетов. Таким образом, тебе останется только первый дубликат; его-то ты и превратишь в пустоту. После твоего возвращения в настоящее я снова отправлюсь в прошлое, оставлю Форду его автомобиль и доставлю сюда второй дубликат. Ну, как план?

- Кажется, все гладко. Не повторишь ли ты это еще разок?

- Слушай внимательно. Я перенесусь в...

Она засмеялась.

- Ладно, не надо. Но только отправлюсь обратно я, Свец. Тебе не найти дорогу. Ты даже не сможешь ничего спросить

или прочитать вывески на улицах. Так что оставайся и следи за приборами.

Свец уже выходил из кабины перелетов, когда услышал чей-то истошный вопль. Он похолодел от страха, но через секунду, опомнившись, бросился к стеклянной стене Центра. Зеера последовала за ним, поспешно натягивая на голову шлем, которым пользовалась во время своей неудачной экспедиции за дубликатом автомобиля Форда.

Стеклянная стена огибала дворцовую ограду и граничила с двумя рядами павильона Зоопарка. На их глазах разрушилась одна из построек, разваливаясь на куски как...

... потрескавшаяся яичная скорлупа. И, напоминая птенца, только что вылупившегося из яйца, на развалинах возвышался рух.

Пронзительный крик повторился.

- Что это значит?

- Раньше птица называлась страусом. Мне бы не хотелось сейчас вслух произносить его новое имя.

Птица двигалась как в замедленной съемке. Черная с зеленым, красивая и зловещая, она была непомерно огромной. На лбу у нее торчал хохолок из золотистых перьев; крючковатый клюв обращен в сторону павильона, стены которого напоминали папиросную бумагу.

Зеера махнула рукой.

- Пошли! Если этот гигант окажется на свободе, все решится само собой. Он уже задохнется к тому времени, как мы вернем машину на место.

- Правильно, - согласился Свец. Они взялись за дело, отправив большую кабину перелетов на несколько часов назад.

Когда Свец снова посмотрел в сторону Зоопарка, огромная птица взмыла в воздух. Крылья, подобные парусам, трепеща на ветру, отбрасывали черные тени на расположенные внизу постройки. Рух парил уже высоко в небе, и Свец с ужасом заметил, что в когтях он уносит что-то жалкое и отчаянно барахтающееся.

Сообразив, кто стал несчастной жертвой гигантской птицы, Свец осознал, насколько она велика.

В мыслях пронеслось: "Он схватил СЛОНА". Непонятная тоска захлестнула его душу. Это чувство было необъяснимо - до сих пор Свец ненавидел животных.

- Ты идешь или нет?

- Да, да. - Он помог Зеере войти в малую кабину и направил ее по намеченной траектории.

Несмотря на то, что весь персонал Центра бездействовал, оборудование работало отлично. Случись что-нибудь непредвиденное, Свецу пришлось бы работать за шестерых. Он сновал между пультами управления, не оставляя без внимания ни одну мелочь, делая необходимые поправки... Случайно взглянув в окно, на незнакомом голубом небе Свец увидел рух, летящего на огромной высоте. Любая другая птица уже давно исчезла бы из поля зрения, а ему сейчас был виден не только парящий в воздухе гигант, но и то, как он рвал на части и жадно поглощал СЛОНА. На тротуар падали окровавленные, обглоданные кости.

Прошло некоторое время.

Зеера должна была вернуться двадцать минут назад.

Времени на то, чтобы сделать два дубликата автомобиля, погрузить их в большую кабину перелетов и дать сигнал Свецу, отведено было более чем достаточно...

Поступил сигнал. Это означало, что все идет по плану. Свец действовал наверняка - перенес ее на шесть часов вперед, ближе к наступающему после неудачной ночи рассвету. Единственной опасностью было то, что кабину мог заметить какой-нибудь встающий ни свет ни заря человек. В любом случае при необходимости машина будет возвращена законному владельцу.

Рух закончил свою кровавую трапезу - СЛОНА не стало. Теперь - Свецу пришлось напрячь зрение, пока это не стало отчетливо видно, - птица пикировала вниз на широко распростертых крыльях.

Он наблюдал, как рух становился все больше и больше до тех пор, пока не начало казаться, что гигант заслонил собой все небо. Птица приземлилась на территории Центра, и Свецу показалось, что налетел ураган. Острые когти заскрежетали по земле.

Рух низко наклонил голову и заглянул в окно, бросив на Свеца жестокий взгляд.

"Он узнал меня", - подумал Свец. Мозг таких гигантских размеров, даже если он принадлежит птице, должен обладать каким-то интеллектом.

Огромная голова, поднявшись над крышей, исчезла из поля зрения.

"У меня был страус, и мне следовало бы остановиться на этом, - размышлял Свец. - Лучше синица в руке, чем журавль в небе". Старинная поговорка как нельзя лучше подходила для данного случая.

Под ударами крючковатого острого клюва проломилась крыша; на пол посыпались куски бетона. Повращав огромным желтым глазом, птица уставилась на Свеца, но дотянуться до него сквозь дыру не могла. Пока...

Через секунду голова исчезла.

Зажглись три красные лампочки. Свец подскочил к пульту управления и стал нажимать на кнопки и рычаги. Сначала два, а потом и все три огонька стали зелеными. Ему даже не пришло в голову убежать из Центра - птица настигнет его, куда бы он ни направился...

Вот оно! Зеера воспользовалась рычагом обратного перелета. Теперь все операции будут производиться автоматически.

Раздался треск. Свец оказался прижатым к стенке большой машины времени, холодея под пристальным взглядом громадного желтого глаза. Над Центром уже отсутствовало ровно полкрыши. Рух все еще не мог достать клювом свою жертву. Его огромная когтистая лапа шарила по комнате сквозь разбитое стекло.

Неожиданно все встало на свои места.

Свец вздохнул с облегчением. За грудой черно-зеленых перьев мелькнуло бледное, желто-зеленое небо, по которому плыли коричневатые облака.

Птица в недоумении глубоко вдохнула воздух, потом еще раз. В ее огромных глазах отразился панический страх, и она с трудом просунула голову через пробитую в крыше дыру. Ища спасения, рух отступил назад, и весь Центр, накрытый темными крыльями, погрузился в темноту.

В эту минуту Свецу был неведом ни страх, ни здравый смысл. Он вышел на улицу, чтобы посмотреть, как рух будет подниматься в небо.

Ему пришлось ухватиться за декоративную колонну. Ветер, поднятый гигантскими крыльями, по силе был подобен урагану. Птица, посмотрев вниз, увидела своего врага и отвернулась.

Она все еще мелькала на горизонте, когда к Свецу приблизилась Зеера. Через несколько секунд к ним подошел Ра-Чен, и вот уже больше половины обслуживающего персонала Центра провожали изумленными и испуганными взглядами удалявшуюся гигантскую птицу.

Рух превратился в черную тень, которая поднималась все выше и выше в нежно-зеленом небе.

Одного только вдоха для нее было достаточно, чтобы понять, что она задыхается, - все-таки мозг этой птицы был огромным, как и она сама. Не теряя ни минуты, забыв о Свеце, которого собиралась использовать в качестве десерта, она стала подниматься ввысь в необъятное небо, надеясь глотнуть там привычный для нее чистый воздух.

Генеральный Секретарь, стоявщий рядом со Свецем, непонимающе улыбался и радостно хихикал, устремив вверх тупой взгляд пустых глаз.

Было неясно, продолжал ли рух набирать высоту? Видимо, нет. Черная тень начала быстро увеличиваться, перестали двигаться гигантские крылья.

Откуда было руху знать, что чистого воздуха он нигде уже не найдет?

ВОЛК В МАШИНЕ ВРЕМЕНИ

Старая кабина перелетов была крайне неудобна в обращении, но в данный момент это вряд ли имело какое-то значение. На этот раз Свец прибыл не за каким-то определенным вымершим животным. Ра-Чен попросил привезти любое, которое само пойдет в руки.

Свец посадил кабину где-то в центре Америки, приблизительно в 1000 году доатомной эры - людей тут в тот период было немного, а животных - предостаточно. Может быть, ему посчастливится поймать бизона.

Он подошел к окну и осмотрелся. Всюду, куда ни падал взгляд, простиралась только голая белая земля.

В планы Свеца совсем не входило попасть сюда в разгар зимы.

Недолго думая, он решил вернуться во временной поток и привести в действие систему автоматического приземления. Попытать счастья еще раз можно было, выбрав другую дату. Но система оказалась новой, еще не испытанной, а стать ее первоиспытателем Свец не решался.

Кроме того, экспедиция и так обошлась в миллион коммерциалов, а эксплуатация системы автоматического приземления удвоила бы затраты. За это Ра-Чен его по головке не погладит.

Дрожа от холода, Свец все-таки открыл дверь. Все вокруг было в снегу, вдалеке мчалось нечто белое.

Свец выстрелил из анестезирующего ружья.

Чтобы добраться до места, потребовался бы летатель. Теперь, когда животное уже не двигалось, найти его оказалось задачей не из легких. Если бы не открытая красная пасть и не черные подушечки на лапах, оно было бы белоснежным. Через несколько минут Свец безошибочно определил, что это - арктический волк.Такая находка очень подходила для вивария и позволяла Свецу незамедлительно покинуть ледяной край. Он был очень доволен собой - нечасто случались столь короткие, безопасные экспедиции.

Уже в кабине он завернул спящего зверя в то, что именовалось чистым пластиковым пакетом, и запечатал его. Он пристегнул упакованного волка к одной из гофрированных стен, а сам примостился в углублении, расположенном в другой стене, когда кабина начала подниматься в вертикальном положении.

Гравитация постоянно менялась.

На голове Свеца было нечто, похожее на прозрачный мешок, края которого облепляли шею. После взлета Свец сначала приспустил его, а потом и вовсе снял. Кабина была оборудована системой циркуляции воздуха, поэтому использовать фильтрующий шлем здесь не было никакой необходимости.

Зато такая необходимость была у волка, который не мог дышать воздухом века индустрии. Он бы задохнулся и сдох, не будь на нем фильтрующего мешка. К настоящему моменту эти животные уже давно вымерли. Снаружи время летело, внутри кабины - ползло. Удобно устроившись в сферической выемке в стене, Свец наблюдал за волком, который к этому времени оказался прижатым к потолку.

Свец никогда не встречал живого волка. Он видел картинки в детских книжках с его изображением... эти книжки практически были украдены в далеком прошлом. Почему же у него появилось ощущение, что он уже однажды видел этого зверя?

Волк был большим, величиной с самого Ханвиля Свеца, стройного мужчину среднего роста. Бока животного вздымались от тяжелого частого дыхания. Его язык был длинным и ярко-красным, а зубы - острыми и ослепительно белыми.

Похож на собаку, сообразил Свец. Табличка на стеклянной стене вивария гласила:

СОБАКА СОВРЕМЕННАЯ

Этот павильон, единственный из всех, не был закрыт герметически. Для остальных животных в Зоопарке такая мера предосторожности была необходима - они не могли дышать естественным воздухом, а собаки могли.

В широком смысле, сохранение этого вида животных явилось результатом усилий одного-единственного человека, Лоуренса Уоша Портера, жившего в самом конце индустриального периода, между 50 и 100 годами постатомной эры. В то время, когда от поражений легких умирали миллионы и лишь несколько миллионов людей смогли адаптироваться в новой экологической обстановке, Портер решил спасти собак.

Почему именно собак? Мотивы его действий казались туманными, но то, как он делал это, свидетельствовало об истинной гениальности этого человека. Он приобретал собак всех существовавших на Земле пород и, скрестив их, выращивал в течение всей своей жизни.

Такого разнообразия собак никогда и нигде не было и больше не будет. В мире не осталось ни одного чистопородного пса. В результате получился гибрид, явившийся совершенно новой породой. Такие "дворняжки" легко переносили беспредельное повышение концентрации окисей углерода и азота, паров бензина и серной кислоты в воздухе.

Собак держали за стеклом только потому, что их боялись люди, успевшие к 1100 году постатомной эры отвыкнуть от любых, даже домашних животных, которых почти не осталось на Земле.

Волки и собаки... могут ли одни быть производителями других?

Свец поднял голову и, посмотрев на спящего волка, удивился. Он был одновременно и похож и не похож на пса. Собаки за стеклом скалились и виляли хвостами, когда в Зоопарке появлялись дети. Эти животные любили людей. Но волк, несмотря на то, что он спал...

Свец вздрогнул. Больше всего в своей работе он ненавидел возвращение домой один на один с чужим и нередко хищным вымершим животным. Кроме того, это было небезопасно. Когда он впервые выполнил подобного рода задание, лошадь серьезно повредила пульт управления. В последней экспедиции его лягнул страус, сломав ему три ребра.

Волк все время шевелился... в его внешнем виде что-то изменилось.

Зверь изменялся прямо на глазах. Пожалуй, морда была покороче, передние лапы определенно удлинились и стали мощнее. Свец замер в ожидании.

Едва не задохнувшись, Свец на мгновение забыл о волке. Ему не хватало воздуха, он терял сознание. Натянув фильтрующий шлем, он бросился к пульту управления.

Спотыкаясь, Свец выбрался из кабины и, сделав три шага, упал без чувств. Невидимые отравляющие вещества, вырвавшись наружу, смешались с окружающим воздухом.

Солнце садилось за оранжевое облако.

Свец, лежавший там, где и упал, извивался, корчась от удушья. Под ним, словно мягкий ковер, была зеленая и сырая, пахнущая растениями земля. Свец не узнал этот запах и не

успел сообразить, что ковер, по которому он метался в беспамятстве, - живой. Сейчас ему было не до этого. Он осознавал лишь одно - система циркуляции воздуха чуть не убила его. По своему самочувствию Свец понял, что висел на волоске от смерти.

Полет подходил к концу, когда, миновав 30 год постатомной эры, кабина наполнилась смертоносным воздухом. Он помнил, как схватился за рычаг автоматического приземления, после чего наступили бесконечно долгие минуты ожидания. Ядовитый воздух, проникая внутрь через ноздри, душил Свеца, заполняя его горло и бронхи. Ему пришлось ждать, пока кабина минует промежуток в двадцать лет. Он ощущал каждый миг полета. В 50 году постатомной эры он дернул за рычаг и, кашляя, покинул кабину.

50 год ПА. Хорошо, что ему посчастливилось попасть в индустриальный век. По крайней мере, здесь он сможет дышать.

"Все из-за лошади", - размышлял Свец. Три года назад она проткнула своим ужасным рогом пульт управления. Служба эксплуатации занималась ремонтом.

Значит, какая-то деталь вышла из строя.

"Она так враждебно смотрела на меня, когда я проходил мимо павильона, что было ясно - из-за нее со мной случится что-нибудь ужасное", - думал Свец.

Он вдруг обнаружил, что все еще держит в руке фильтрующий шлем, и резко сел.

Все вокруг было зеленым; сырой изумрудный ковер под ним оказался живым - он рос прямо из черной земли.

Рядом тянулся к небу зеленый холмик, разветвлявшийся вверху и обсыпанный какими-то красными и желтыми, тонкими, как бумага, штучками. Еще больше таких же, только съежившихся бумажек лежало у его основания. Нечто странное кружило над головой - этот миниатюрный летательный аппарат махал крыльями и издавал ласкающие ухо звуки.

Вот она свободная, дикая природа доиндустриального века!

Свец поспешно натянул на голову фильтрующий шлем и герметично закрыл его, обжав со всех сторон шею, и подождал, пока тот не примет форму воздушного шарика. Встроенная в шлем мембрана отфильтровывала строго определенные газы, поддерживая таким образом такой химический состав воздуха, что... что...

Свец закашлялся и стал срывать с себя шлем.

Он в отчаянии отбросил его. Сначала не сработала автоматика, теперь - этот шлем! Неужели кто-то преднамеренно повредил и то, и другое? Подвел и инерционный календарь: Свец находился по меньшей мере за сто лет до 50 года постатомноый эры.

Кто-то пытался убить его!

Свец безнадежно озирался по сторонам. На небольшом возвышении поодаль от него он заметил странный бледно-зеленый предмет с вертикальными гранями. Похоже, что он был построен человеком.

Значит, там, вероятно, живут люди. Он может...

Нет, он даже был лишен возможности просить о помощи. Кто ему поверит? Да и как ему можно помочь? Единственной надеждой оставалась кабина перелетов. К тому же, он, по всей видимости, сильно ограничен во времени.

Кабина находилась в нескольких ярдах от Свеца; на одной из ее стен чернела круглая дверь. Другая стена, казалось, растворилась в воздухе. Она была неотделима от машины времени и оставалась в 1103 году постатомной эры, соединяясь с ней невидимыми глазом узами.

У входа Свец остановился, не зная, как поступить. Единственным спасением для него было удалить из воздуха вредные вещества. Он задержал дыхание и...

Запах ядовитых добавок уже не чувствовался.

Свец втянул носом воздух. Да, незнакомый запах исчез сам по себе в результате какой-то химической реакции. Свец вздохнул с облегчением - все решилось само собой.

Он шагнул в кабину.

О волке он вспомнил, только когда увидел пустой разорванный фильтрующий мешок и возвышающегося над ним зверя. Его жесткая густая шерсть торчала во все стороны, в желтых глазах горел недобрый огонек, лапы с острыми когтями тянулись к своей жертве.

Ночь наступила очень быстро. На красноватом небе сияли несколько звезд. Все вокруг благоухало. Полная луна освещала долину.

Истекавший кровью, Свец стал медленно подниматься на холм.

Дом на вершине оказался большим и старым. Казалось, что он был величиной с городской квартал. Над землей поднимались два этажа. Он занимал все окружающее пространство, и поэтому создавалось впечатление, что какой-то вы-

живший из ума архитектор постоянно проектировал все новые и новые пристройки.

Металлические оконные рамы на втором этаже и ручки на ставнях были окрашены в бледно-зеленый цвет, а деревянные ставни - в более темный. Они были так плотно закрыты, что свет не пробивался нигде.

Дверь была рассчитана на человека двенадцати футов ростом, на ней красовалась массивная шарообразная ручка. Свец изо всех сил пытался повернуть ее, но у него ничего не получилось. Он застонал. Поискав глазами хоть какую-нибудь щелочку и не найдя ее, Свец понял, что никто в доме не узнает о его существовании. Не обнаружил он и звонка.

Может быть, внутри никого нет? Он никак не мог понять, что за здание было перед ним - оно слишком велико для одной семьи и слишком разбросано, чтобы быть гостиницей или многоквартирным домом. Возможно, склад или завод? Тогда что же здесь хранят или производят?

Свец оглянулся на кабину перелетов. Он заметил, как внутри загорелись лампочки. Кроме того, что-то двигалось по живому зеленому ковру, покрывавшему холм. Очертания были очень смутными, но силуэтов определенно было несколько.

Неужели эти существа приближаются к нему? Свец снова забарабанил кулаками по двери. Тишина. В это время поверх косяка он заметил металлический золотистый предмет необычной формы. Он дотронулся до него, дернул и отпустил. Раздался звон.

Он взял эту штуку обеими руками, продолжая раскачивать ее. Мелодичный звон возобновился. Кто-нибудь должен обязательно услышать этот пронзительный звук.

Что-то просвистело мимо его уха и стукнулось о дверь. Свец резко обернулся, дико вращая глазами, и еле успел увернуться от камня величиной с его кулак. Белые силуэты приближались. Существа, сгорбившись, шли на двух ногах.

Они стали слишком похожи на людей, но это, пожалуй, все-таки были не люди.

Дверь открылась.

Девушка оказалась молодой блондинкой, на вид не больше шестнадцати лет, с очень бледным лицом и красивыми, совершенно обесцвеченными бровями. Она была в платье без рукавов, доходившем ей до колен. Незнакомка показалась Свецу заспанной и злой.

- Помоги мне, - сказал он.

Ее глаза округлились от изумления. Зашевелились даже уши. Она произнесла несколько слов, которые Свец перевел с большим трудом - она говорила на древнем американском английском.

- Кто ты?

Ее вопрос не удивил Свеца. Даже его обычная одежда показалась бы очень странной для данного периода времени, а тем более сейчас, когда рубашка была совсем разорвана, а живот исцарапан в кровь. Четыре параллельные полосы крови струились по его лицу и груди.

Зеера обучала его американскому варианту языка. Подбирая слова, он медленно сказал:

- Я путешественник. Какое-то животное, чудовище, утащило то, на чем я езжу.

Было очевидно, что она поняла смысл его слов:

- Бедняжка! Опиши его.

- Оно очень похоже на человека, но все покрыто шерстью. У него ужасная морда... и лапы... лапы с когтями...

- Я вижу, какие они оставляют следы.

- Я до сих пор не понимаю, как оно оказалось рядом со мной. Я... - Свец вздрогнул. Нет, он не станет ей это рассказывать. Превращение обыкновенного волка в монстра-кровопийцу кому угодно покажется бредом сумасшедшего.

- Он ударил меня лишь один раз. По лицу. Думаю, мне удалось бы выдворить его с помощью оружия. У тебя есть базука[1]?

- Какое смешно слово! Думаю, что нет. Заходи. Тролли тебе ничего не сделали? - Она взяла его за руку, втащила в дом и закрыла дверь.

- Тролли?

- Ты странный человек, - заметила девушка, оглядев с головы до ног. - Ты необычно выглядишь, необычно пахнешь, необычно двигаешься. Я не знала, что на Земле живут такие люди. Должно быть, ты явился откуда-то очень издалека.

- Так и есть, - ответил Свец. Ему стало нехорошо, хотя теперь он почувствовал себя в относительной безопасности. Но почему волосы у него на затылке все еще стоят дыбом?

- Меня зовут Свец. А тебя?

---

1 Базука - ручной гранатомет в Вооруженных Силах США во время второй мировой войны.

- Врона. - Она доверчиво улыбнулась ему, видимо, ничего не боясь. Наверняка он казался ей страшным, исходя из того, что сама девушка выглядела непривычно с точки зрения Ханвиля Свеца. У нее была белая как мел кожа и такие же белые, густые волосы, которые больше подходили бы глубокой старухе. Очень крупный плоский нос обезобразил бы кого угодно, однако непонятно почему хорошо смотрелся на ее странном лице. Уши были очень большими и какими-то заостренными, а глаза - слишком широко посаженными... И Свецу нравилось все это. Его спасительница постоянно улыбалась, как-то интригующе и радостно, но не слишком широко. Прикосновение ее сильной руки, с длинными и острыми ногтями, казалось дружелюбным и успокаивающим.

- Тебе нужно отдохнуть, Свец, - сказала она. - Мои родители проснутся не раньше, чем через час. Они наверняка дадут тебе какой-нибудь дельный совет. Пойдем со мной, я отведу тебя в комнату для гостей.

Он пошел за ней через зал, в центре которого стоял большой прямоугольный стол и два ряда стульев с высокими спинками. На одном конце стола находилась микроволновая печь, а на другом - деревянное блюдо, полное каких-то... красных предметов неправильной конической формы, размером с бицепс крупного, сильного мужчины. На большем конце каждого из них было белое пятнышко. Свец не имел понятия о том, что это такое, однако ему не понравился их цвет. Казалось, что они кровоточат.

- Ой, - воскликнула Врона. - Что ж это я? Ты, наверное, хочешь есть?

Неожиданно для себя Свец понял, что он действительно голоден.

- У тебя есть дрожжевой грибок?

- Я не знаю, что ты имеешь в виду. Может быть, это он? Здесь все, чем мы богаты.

- Ладно, не будем об этом. - Едва Свец представил, как будет есть нечто такого цвета, окажись это даже плоды какого-нибудь растения, его живот сразу заурчал.

Врона поддерживала его под локоть, пока они не вошли в комнату, оказавшуюся прямоугольной и громадной. Довольно широкая кровать была ничем не покрыта и поднята от пола всего дюймов на шесть. Она помогла ему лечь.

- Здесь вход в ванную комнату, на случай, если ты найдешь силы помыться. Но лучше бы тебе вздремнуть. Я разбужу тебя часа через два.

Свец откинулся на спину. Ему показалось, что потолок над ним закружился, и услышал, как девушка вышла, закрыв за собой дверь.

До чего же странно она выглядела! И каким, должно быть, необычным казался ей он! Хорошо, что Врона не позвала никого присматривать за ним. Врач обязательно заметил бы явные различия.

Свец даже представить себе не мог, что предки настолько отличались от людей его времени. За тысячу лет, отделявших время, в котором он сейчас находился, и то, в котором постоянно жил, видимо, произошло массовое привыкание к воде и воздуху, ДДТ и нитратам, содержащимся в пищевых продуктах; к исчезновению с лица земли многих растений и млекопитающих, повлекшему за собой разведение пищевого дрожжевого грибка; к ни на минуту не прекращающемуся шуму, нехватке рабочих помещений и полной зависимости от медикаментов... Так как же людям было не стать другими? Странно еще, что человечество вообще выжило.

Врона не испугалась непохожести Свенца на ее соотечественников; царапины на его лице и груди только заинтересовали и позабавили ее. Она помогла ему, не вникая в детали, не задавая лишних вопросов. Именно поэтому девушка и понравилась Свецу.

Он задремал.

Боль от глубоких царапин и липкая одежда сделали сон беспокойным. Его мучили и жуткие видения: нечто громадное, похожее на человека и на зверя одновременно, протягивало к нему когтистые волосатые лапы, стараясь разодрать лицо. Это повторялось снова и снова. В результате он проснулся, почувствовав незнакомый мускусный запах.

Свец огляделся вокруг и нашел комнату более странной, чем помещения на первом этаже. Потолок очень высокий. Лампочка под круглым стеклянным абажуром светила так тускло, что комната была погружена в полумрак. За железными оконными рамами - темная ночь.

Удивительно, что он вообще проснулся - воздух доиндустриального периода должен был убить его несколько часов назад.

Он бы с удовольствием выбросил из головы, как страшный сон, все произошедшее в кабине перелетов - жуткое рычание, заостренные уши, два ряда острых белоснежных клыков, тянущаяся к нему алчная лапа с когтями, подобное чудовищной галлюцинации превращение волка в...

Такого просто не могло быть. Животные никогда не становятся мутантами таким образом. Несомненно, что-то еще забралось в кабину за то время, пока Свец, задыхаясь, лежал снаружи, и выгнало волка или убило его.

Но существовали ведь легенды о подобных превращениях. Две-три тысячи лет назад по всему миру распространялись легенды об оборотнях, людях, способных превращаться в зверей, и наоборот, животных, иногда становившихся людьми.

Свец сел на кровати. Боль сковала грудную клетку, потом стало чуть полегче. Он осторожно, не делая резких движений, встал и пошел в ванную. Разобраться с кранами оказалось нетрудно. Свец прополоскал одежду в теплой воде. Его лицо было испачкано запекшейся кровью. Из зеркала на него смотрел бледный, осунувшийся молодой человек с тонкими светлыми волосами... и не понятно отчего перекошенными подбородком и лбом. "Должно быть, это зеркало с дефектом, - решил он. - Примитивная ручная работа; оно могло бы быть еще худшего качества. А не делали ли сначала зеркала в двух измерениях?"

За дверью раздался резкий свист. Свец вышел и увидел Врону.

- Хорошо, что уже встал, - сказала она. - Папа и дядюшка Вроки хотят поговорить с тобой.

Выйдя в холл, Свец снова почувствовал все тот же едва ощутимый запах мускуса. Врона повела его по темному коридору, который, как и комната Свеца, был освещен лишь одной тусклой лампочкой, висящей под абажуром.Почему дом Вроны такой мрачный и темный, если здесь есть электричество?

И почему на закате солнца вся семья легла спать? Стол в то же время уже накрыт к завтраку...

Врона открыла дверь и жестом пригласила Свеца войти. Он на секунду замешкался на пороге - мускусный запах здесь стал гораздо сильнее. Он подскочил от неожиданности, когда кто-то сжал его плечо чуть выше локтя, - рука была сильной, на ладони росли волосы, острые и крепкие ногти оставили на его коже заметные отпечатки, - а над ухом прогремел резкий мужской голос:

- Заходите, мистер Свец. Моя дочь утверждает, что вы - попавший в беду путешественник.

В полумраке Свец едва разглядел мужчину и женщину, сидевших на табуретках. Волосы у обоих были такими же белыми, как и у Вроны, однако у женщины на голове темнела большая черная прядь. Второй мужчина усадил Свеца на сто-

ящую поблизости свободную табуретку. У него тоже были черные отметины: одна из бровей и полукруг над одним ухом.

Врона стояла прямо за ним. Свец обвел всех этих людей взглядом, убеждаясь, что, насколько они похожи между собой, настолько отличаются от него, Ханвиля Свеца.

Он всегда был ксенофобом, и сейчас его охватил страх, бороться с которым было бесполезно.

Эти существа очень походили друг на друга - густые белые волосы и брови, черные отметины в волосах, узкие черные ногти, широкие плоские носы, большие рты, острые белые зубы конической формы, напоминавшие клыки, способные двигаться заостренные уши, желтые глаза, волосатые ладони.

Свец тяжело опустился на мягкую табуретку.

Один из мужчин, тот что повыше, все еще оставался стоять.

- Должно быть, гравитационные эффекты слишком сильны, - предположил он. - Ведь я прав, Свец? Вы прибыли из другого мира. С первого взгляда видно, что вы не такой, как все люди. Вы сказали Вроне, что вы - путешественник, но не объяснили, откуда вы.

- Издалека, - бессильно произнес Свец. - Из будущего.

Сидящий мужчина подскочил как ужаленный.

- Из будущего? Так вы путешественник во времени? - Его голос походил на звериное рычание. - Вы хотите сказать, что мы превратимся в существа вроде вас?

Свец съежился от страха.

- Нет, нет.

- Надеюсь, вы говорите правду. А как же тогда?

- Похоже, что я выбрал неправильное направление. Вы произошли от волков, не так ли? Не от обезьян, а от волков.

- Ну, конечно.

Сидящий мужчина, казалось, смотрел куда-то сквозь Свеца.

- Теперь, когда он сказал нам об этом, то больше стал похож на тролля, чем любой из людей. Мы не хотели обидеть вас, Свец.

Окруженный людьми-волками, Свец попытался расслабиться, но у него ничего не получалось.

- Что такое тролль?

Врона присела на край табуретки.

- Ты наверняка видел их на лужайке. У нас их около тридцати.

- Равнинные обезьяны, - добавил мужчина, который был пониже ростом. - Завезены из Африки в прошлом веке. Из них получаются хорошие сторожа, а их мясо пригодно в пищу. Однако будьте с ними поосторожнее - они кидаются всякими предметами.

- Разрешите представиться, - неожиданно вмешался второй мужчина. - Вы уж простите нас, Свец. Я - Флаки Вроки. Это мой брат, Флаки Воррел, и его жена Бренда. С моей племянницей вы уже знакомы.

- Очень приятно, - безразлично сказал Свец.

- Вы говорите, что сбились с заданной траектории?

- Думаю, что да. Издержки длительного путешествия, - ответил Свец. - Высадился не там, где хотел. Это все лошадь...

В разговор вмешался Вроки.

- Лошадь?

- Ну да. Три года назад мою кабину перелетов сломала лошадь, но ее должны были починить. Видимо, что-то снова испортилось, и кабина взяла неправильное направление: перемещалась во времени не вертикально, а горизонтально. Вот я и попал в мир, где вместо Homo habilis появились волки. Одному Богу известно, куда меня занесет, когда я буду возвращаться назад.

Неожиданно ему в голову пришла гениальная мысль.

- Вы можете помочь мне вот в чем. Какое-то чудовище утащило мою кабину перелетов.

- Кабину перелетов?

- Часть машины времени, которая осуществляет перемещения. Вы поможете мне справиться с этим монстром?

- Ну, конечно, - сказал Воррел, в то время как его брат возразил:

- Скорее всего нет. Пожалуйста, считайся и с моим мнением, Воррел. Свец, мы оказали бы вам медвежью услугу, выгнав монстра из вашей кабины перелетов. Вы ведь захотите попасть обратно в свое время, не так ли?

- Естественно!

- Но вы только запутаетесь еще больше. Здесь вы, по крайней мере, можете дышать нашим воздухом и есть нашу пищу. Мы ведь выращиваем для троллей съедобные растения; вы можете научиться питаться ими.

- Как вы не понимаете? Я не могу здесь остаться. Я - ксенофоб!

Вроки нахмурился и вопросительно задвигал ушами.

- Что?

- Я панически боюсь разумных существ, которые не являются людьми, и не в состоянии справиться с тем, что заложено во мне с рождения.

- Я просто уверен, что вы вскоре привыкнете к нам, Свец.

Свец переводил глаза с одного мужчины на другого. Кто тут командовал, было понятно с первого взгляда - голос Вроки был громче и мощнее, чем голос Воррела; ростом он был выше всех остальных, а вокруг его шеи, как львиная грива, рос густой белый мех. Воррел даже не пытался отстаивать свои права. Что касалось женщин, то ни одна из них не раскрыла рта с той минуты, когда Свец вошел в комнату. Вроки определенно был главой семьи. Он не хотел отпускать Свеца.

- Вы никак не возьмете в голову, - в отчаянии произнес Свец, - что воздух... - Он замолчал.

- Так что же воздух?

- Он бы уже сто раз должен был убить меня. Почему же этого не случилось? - Ему самому показалось странным, что он задал этот вопрос только сейчас. - Должно быть, я адаптировался, - казалось, что Свец разговаривет сам с собой. - Кабина, видимо, пролетела слишком близко к данной исторической плоскости. Мои наследственные качества изменились, и легкие приспособились к воздуху доиндустриального периода. Черт побери! Не дерни я за рычаг авоматического приземления, ничего этого бы не произошло!

- Зато вы можете дышать нашим воздухом, - повторил Вроки.

- Я что-то никак не пойму. У вас разве нет промышленности?

- Понятное дело, есть, - моментально среагировал Воррел.

- Машины и самолеты с двигателями внутреннего сгорания? Дизельные поезда и корабли? Химические удобрения, ядохимикаты...

- Нет-нет, ничего подобного. Химические удобрения вымываются из почвы, загрязняя таким образом воду. Ядохимикаты, о которых я слышал, имели такой резкий запах, что их решили не производить. Практически все наши транспортные средства работают от различных батарей. Помнится, было время, когда началось повальное увлечение двигателями внутреннего сгорания. Тем не менее, они не получили широкого распространения из-за того, что жутко загазовывали воздух. Людей, разъезжавших в таких машинах, это не волновало, потому что всю гадость они оставляли позади себя. Когда

автомобильная эпидемия достигла своего апогея, двести машин с двигателями внутреннего сгорания колесили по Детройту, отравляя воздух. А потом, одной прекрасной ночью, жители города в ярости растащили их по кусочкам. Досталось тогда и их владельцам.

- Я всегда считал, что у людей более острое обоняние, чем у троллей, - заметил Воррел.

- Врона почувствовала исходящий от меня запах намного раньше, чем я. Вроки, мы ходим по замкнутому кругу. Мне просто необходимо вернуться домой. Похоже, я и впрямь привык к воздуху, но есть еще и другие проблемы. Например, я в жизни не ел ничего, кроме дрожжевого грибка, поскольку все продукты питания погубили различные бактерии много лет назад.

Вроки покачал головой.

- Если вы отправитесь в путь, Свец, ваша неисправная машина времени пренесет вас в еще более экзотическую обстановку. Должно быть, существует тысяча краев света. Представьте, чем может закончиться ваше путешествие к одному из них или, хотя бы, движение поблизости от него!

- Но...

- На другой чаше весов отношение к вам, как к дорогому почетному гостю. Подумайте только, скольким вещам могли бы научить нас вы, родившийся среди людей, которые конструируют машины времени!

Так вот в чем дело!

- Нет, вы не сможете использовать мои знания, - ответил Свец... - Я не механик и не сумею объяснить вам устройство наших аппаратов. Кроме того, вы не захотите мириться с их воздействием на окружающую среду. Слишком много продуктов переработки нефти использовалось в изобретениях последнего времени. Например, горящий пластик распространяет невыносимый...

- Но даже самые богатые нефтяные месторождения должны когда-то истощиться. Я никогда не поверю в то, что вы не изобрели других источников энергии.

Создавалось впечатление, что Вроки вот-вот проткнет его взглядом своих желтых глаз.

- А как насчет управляемого синтеза водорода?

- Но я не могу рассказать вам, как это делается! - воскликнул Свец. - Я не знаю ровным счетом ничего о физике плазмы.

- Физика плазмы? Что это?

- Использование электромагнитного поля для манипуляций с ионизированными газами. Вообще-то, у вас скорее всего изучают эту самую физику плазмы.

- Нет, я уверен, что вы поделитесь с нами своими познаниями как в этой, так и в других областях. У нас уже есть термоядерное оружие, но и европейцы не отстают... однако, у нас еще будет время, чтобы обсудить все это. - Вроки встал. На руке Свеца снова остались отпечатки от его черных ногтей. - Поразмыслите над тем, что я вам сказал. Чувствуйте себя здесь как дома, но не выходите один на улицу - там, знаете ли, тролли.

Свец вышел из комнаты. Голова у него пошла кругом - волки не дадут ему вернуться домой.

- Свец, как я рада, что ты остаешься, - Врона не замолкала ни на минуту. - Ты мне нравишься. Я уверена, что тебе будет у нас хорошо. Давай, я покажу тебе дом.

Надо же, одна-единственная лампочка на такой длиннющий коридор! Она похожа на макет луны, который внесли в помещение; и светит так же тускло. Такое впечатление, что на дворе ночь.

Ничего не поделаешь - волки есть волки.

- Я - ксенофоб, - повторил он. - И ничего не могу с собой поделать. Это у меня в крови.

- Ты научишься любить нас. Ну, не криви душой, Свец - я ведь уже тебе немного нравлюсь, правда? - Она протянула руку и поскребла у него за ухом. Это прикосновение оказалось неожиданно приятным, и он даже прикрыл глаза от удовольствия.

- Иди сюда, - позвала она.

- Куда ты меня ведешь?

- Я хотела бы показать тебе наших троллей. Неужели ты и вправду произошел от обезьян, Свец? Ни за что не поверю!

- Я все объясню тебе, когда увижу их, - сказал Свец. Он вспомнил находившегося в виварии Homo habilis, который раньше был человеком, советником, но вернулся на одну из предыдущих стадий развития, как только того пожелал Генеральный Секретарь.

Когда они проходили через столовую, Свец заметил на тарелках кости, о происхождении которых было весьма просто догадаться. Он вздрогнул. Его предки питались мясом; какую бы роль ни сыграли эти тролли в эволюции человека, на деле они оказались обыкновенными жестокими и кровожадными животными - Свеца трясло как в лихорадке. Его

голова стала тяжелой, думать было все труднее и труднее. У него возникло лишь одно нестерпимое желание - поскорее выйти из этой комнаты.

- Если ты считаешь, что дядюшка Вроки слишком сурово обошелся с тобой, тебе следует переговорить с европейским послом, - сказала Врона. - Не исключено, что у тебя появится такая возможность.

- Он бывает здесь?

- Иногда. - Врона понизила голос. - Я терпеть его не могу. Он не такой, как мы, Свец. В наших местах люди произошли от волков, по крайней мере, так нас учат в школе. В Европе все было по-другому.

- Не думаю, что твой дядюшка позволит мне встретиться с этим представителем или хотя бы расскажет ему о моем существовании. - Свец прикоснулся к глазам.

- Тебе повезло. Герр Дракула все время улыбается и говорит всякие мерзости елейным голосом. За минуту ты сможешь... Свец! Что случилось?

Свец издал звук, напоминавший стон агонизирующего больного.

- Мои глаза! - Он провел рукой чуть повыше глазниц. - Мой лоб! У меня нет больше лба!

- Я не понимаю, о чем ты.

Свец ощупывал свое лицо кончиками пальцев. Его брови стали похожи на двух волосатых гусениц, неподвижно сидящих на толстой кости; лоб отодвинулся назад и находился теперь под углом в сорок пять градусов к надбровным дугам; с подбородком тоже происходило нечто непостижимое - челюсть, плавно изгибаясь, слилась с шеей.

- Я регрессирую, превращаюсь в тролля, - констатировал Свец. - Врона, если я стану обезьяной, твои родственники меня съедят?

- Не знаю. Я не дам им сделать это, Свец!

- Пожалуйста, отведи меня к кабине перелетов. Если тебя не будет со мной, меня убьют ваши тролли.

- Хорошо. Но как же чудовище, Свец?

- Теперь мне будет легче справиться с ним. Все будет нормально, ты только проводи меня туда, прошу тебя.

- Я согласна, Свец, - она взяла его за руку. Зеркало его не обмануло. Он менялся с каждой минутой, его организм адаптировался к этому периоду истории - первым делом легкие потеряли способность дышать нормальным воздухом. Здесь ведь не развита промышленность. Нет здесь и Homo sapiens.

Врона открыла дверь. Свец принюхался. У него развилось необычайно острое обоняние. Он почувствовал приближение троллей по их запаху задолго до того, как животные появились в поле зрения. Они поднимались на вершину холма, упорно преследуя Свеца. Его пальцы зашевелились в поисках оружия.

Трое преследователей окружили Свеца и Врону. Один из них держал длинную белую кость. Тролли передвигались на двух ногах, но так, будто каждое движение причиняло им нестерпимую боль. Не покрытые шерстью тела были полностью схожи с человеческими. Это зрелище ужасало - тело современного человека с головой обезьяны! Homo habilis, равнинные обезьяны - убийцы, предки человека.

- Не обращай на них внимания, - бесцеремонно заявила Врона. - Они с нами ничего не смогут сделать. - Она начала спускаться вниз. Свец последовал за ней, стараясь не отставать ни на шаг.- Не понимаю, откуда он добыл эту кость, - удивленно сказала девушка. - Мы стараемся прятать то, что тролли могут использовать в качестве оружия. Иногда они калечат друг друга. Однажды один из троллей схватил железную лейку и убил ее садовника.

- Я вовсе не собираюсь отнимать у него эту кость.

- Смотри, вдали мигают огоньки. Это твоя кабина перелетов?

- Да.

- Я не знаю, правильно ли поступаю, Свец. - Она внезапно умолкла. - Дядюшка Вроки прав - ты только еще больше запутаешься. Здесь, во всяком случае, ты будешь окружен заботой.

- Нет, Вроки ошибается. Видишь как бы растворенную в воздухе темную стену кабины? Она все еще соединена с машиной времени, так что меня просто затянет обратно.

- Ой ли?

- Никто не знает, как долго она блуждала по временным параллелям. Быть может, с тех пор, как эта идиотская лошадь проткнула пульт управления своим чертовым рогом. Заметить такую мелкую неисправность просто не представилось случая - машину времени никогда до сих пор не останавливали на полпути.

- Свец, у лошадей нет рогов.

- У моей есть.

Позади них раздался какой-то шум. Врона вгляделась в темноту, к которой не были приспособлены глаза Свеца.

- Должно быть, нас заметили! Торопись, Свец!

Девушка потащила его к светящейся кабине. Они остановились прямо у двери.

- У меня гудит голова, - пробормотал Свец. - И язык какой-то онемевший.

- Что же делать с монстром? Я ничего не слышу...

- Да ведь здесь нет никакого монстра. Это, оказывается, просто человек с тяжелой формой амнезии. Он представлял опасность только на переходной стадии.

Она заглянула внутрь.

- Надо же, и правда! Сэр, не могли бы вы... Свец, он, кажется не понимает меня.

- Естественно. И не должнен понимать - он вообразил себя белым арктическим волком.

Свец вошел в кабину. Светловолосый человек, напоминавший зверя, забился в угол и с опаской наблюдал оттуда за всем происходящим. Он был очень похож на Врону.

Свец неожиданно для себя обнаружил, что держит в руке огромную палку. Наверное, он поднял ее автоматически, не отдавая себе в этом отчета. Он повернулся, держа наготове свое оружие. Его внезапно охватила дикая, ничем не объяснимая ярость. Захватчик! Этому дикарю нечего делать в его, Свеца, владениях!

Человек-волк попятился, его похожие на щелочки глаза округлились, он обезумел от страха. Не дав Свецу даже опомниться, он выскочил наружу и убежал, подгоняемый бегущими за ним троллями.

- Если получится, твой отец может воспитывать его, - заметил Свец.

Врона разглядывала пульт управления.

- Как действует этот аппарат?

- Подожди-ка, я не уверен, что помню. - Свец потер свой пологий лоб. - Нажатием вот этой кнопки закрывается дверь...

Врона нажала на нее, и дверь действительно закрылась.

- Ты разве не уходишь?

- Я хочу лететь с тобой, - сказала Врона.

- Ох! - Думать становилось все труднее и труднее. Свец окинул взглядом пульт управления. Была - не была! Кажется, эта... Свец нажал на кнопку.

Свободное падение. Врона взвизгнула. Появилась гравитация, направленная прямо противоположно центру кабины. Они оказались прижатыми к разным стенкам.

- Когда мои легкие вернутся в нормальное состояние, я, может статься, усну, - сказал Свец. - Пусть тебя это не беспокоит. - Должен ли он предупредить ее о чем-то еще? Он силился вспомнить.

- Ах, да! Ты не сможешь вернуться домой, - произнес он. - Мы никогда уже не найдем этой исторической параллелли.

- Я хочу остаться с тобой, - ответила Врона.

- Идет.

В глубоком гнезде машины времени появилась смутная тень. Она быстро приняла знакомые очертания, и, с опозданием в несколько часов, появилась кабина перелетов. Дверь автоматически распахнулась, но выходить почему-то никто не спешил.

Свеца долго трясли за плечи, прежде чем он с трудом пришел в себя. В кабине все еще чувствовался запах какого-то зверя и жимолости.

- Через минуту он будет в порядке. Прикройте то, что там есть помимо него, фильтрующим тентом, - приказал Ра-Чен. Босс стоял рядом со Свецем, стиснув руки на груди, и терпеливо ждал.

Свец шумно вздохнул и открыл глаза.

- Ну, что же произошло? - спросил директор.

Свец сел.

- Дайте мне сообразить. Я вернулся в доиндустриальную Америку. Вокруг все было в снегу. Я... усыпил волка.

- Мы уже приспособили для него тент. Что дальше?

- Нет. Волк сбежал. Мы его выгнали. - Тут глаза Свеца расширились от ужаса. - Врона!

Она лежала на боку, прикрытая фильтрующим тентом. Густой белый мех с черными отметинами покрывал ее тело, которое почти ничем не отличалось от волчьего. Глаза были закрыты; казалось, девушка-волчица не дышала.

Свец опустился на колени.

- Помогите мне снять с нее это! Вы что не можете отличить волка от собаки?

- Нет. А зачем вы, собственно, привезли собаку? У нас их тут десятки.

Свец не слушал, что говорит Ра-Чен. Он откинул фильтрующий тент и склонился над Вроной.

- Думаю, она все же собака. Во всяком случае, очень напоминает именно это животное. Людям всегда хочется приру-

чить друг друга. - Свец взглянул на своего босса. - Сэр, придется списать старую кабину перелетов. Она перемещается во времени горизонтально.

- Вы принимали пилюли во время экспедиции?

- Я сейчас вам все расскажу...

Врона открыла глаза. Она испуганно оглядела стоящих вокруг людей, пока не отыскала глазами Свеца. О: _ вопросительно взглянула на него.

- Я тебя в обиду не дам, не волнуйся, - сказал ей Свец. Повернулся к Ра-Чену - В виварии и так достаточно собак. Она может жить у меня.

- Вы что, с ума сошли, Свец? Вы ненавидите животных!

- Она спасла мне жизнь, и я не хочу, чтобы ее посадили в клетку.

- Конечно, не отдавать ее - ваше право! Пусть живет с вами. Только я сильно сомневаюсь в том, что вы сможете заплатить нам два миллиона, в которые обошлась Институту она. - Голос Ра-Чена был просто отвратительным. - Ну, ладно, рассказывайте, что там у вас стряслось. А это существо держите под контролем, идет?

Врона подняла голову, принюхалась и жалобно завыла. Этот душераздирающий вой разносился по всему Институту; десятки людей, испугавшись, вопросительно повернулись в их сторону.

Не понимая, в чем дело, Свец задумался и, наконец, сообразил.

В окружающем воздухе содержался слишком высокий процент продуктов горения нефти, окисей углерода и серы. Такой адской смесью, характерной для индустриального периода, Свец дышал всю свою жизнь. Теперь он возненавидел то, что люди называли живительным воздухом.

СМЕРТЬ В КАБИНЕ

Свец возвращался домой.

Скрестив на груди холодные руки, согнувшись в три погибели, чтобы уместиться в изгибе стены кабины перелетов, он лежал неподвижно и наблюдал за инерционным календарем.

Гравитация в кабине, улетевшей в будущее, менялась с каждой минутой. Центробежные силы были направлены от центра. - 41, - 40... Свец даже не мог дотянуться до пульта управления из-за сильного притяжения, хотя пульт находился прямо над головой. Слава Богу, это было ни к чему - корпус машины времени сам фиксировал определенное место и время (1102 год постатомной эры). Кабину просто-напросто должно было затянуть в приготовленное для нее гнездо.

Маленькое, закованное в панцирь существо, плененное Свецем, оказалось у противоположной стены. Оно не шевелилось с тех пор, как он усыпил его с помощью анастезирующего кристалла.

Цифры на инерционном календаре теперь уже поднимались вверх. +16, +17, +18... Уровень гравитации ежесекундно менялся. Свец лежал на спине. Через каких-нибудь два часа по внутреннему времени он будет дома.

От пульта управления начала подниматься тоненькая струйка дыма.

Свец принюхался. Воздух был насыщен окисями азота и серы и являлся смесью отходов производства. Таким воздухом Свец дышал со дня своего рождения. Он принюхался и не почувствовал ничего необычного.

Однако дыма становилось все больше. Он не рассеивался, а сгущался, обретая форму перед пультом управления.

Свец протер глаза и снова открыл их. Дымка не исчезала; теперь в ней можно было разглядеть контур мужчины в плаще с капюшоном. Силуэт руки дотронулся до рычага и потянул его.

Автоматическое приземление!

Свец сполз на пол; голова у него раскалывалась.

Призрак, с трудом переставляя прозрачные ноги, подошел еще ближе к пульту управлнения. Его ноги и колени были необычсайно худыми. Свец видел, что он нажимал изо всех сил... но рычаг ЭКСТРЕННАЯ ОСТАНОВКА оставался неподвижным.

Тень повернулась к Свецу и закричала на него, не издав при этом, однако, ни звука.

Свец завопил в ответ и закрыл глаза руками. Господи, ну и рожа! Когда Свец набрался храбрости и снова посмотрел туда, где стоял призрак, его уже не было.

Свеца начала бить дрожь. На инерционном экране появились цифры +36, +37...

- Привидения, говорите? - Краснолицый директор Института нахмурился. Он отнесся к рассказу Свеца очень серьезно. С таким же успехом босс мог послать его на психиатрическую экспертизу. - Только этого нам не хватало. Ну что вы сами думаете об этом случае?

- По-моему, с машиной времени что-то неладно. Скорее всего, нам не следует запускать ее, пока не выяснится причина.

- Думаю, что вы прекрасно справитесь с этим.

- Хорошо, сэр.

- Уделите мне еще пару минут. - Ра-Чен взял его за руку и повел куда-то. Мужчины остановились перед окном, через которое был виден вход в Институт Времени.

Внизу теснились магазины, извивались улицы города Капитолий. На противоположном холме возвышался огромный архитектурный ансамбль - Дворец Объединенных Наций.

Ра-Чен указал на подножие холма.

- Вот.

Четкий план города был нарушен: в развалинах домов виднелись изуродованные останки огромной птицы размером с пятиэтажное здание. Исходивший от них трупный запах чувствовался даже в помещениях Института.

- На сегодняшний день это наш самый большой промах. Обратите внимание - из Дворца открывается вид прямо на эту гадость. Единственный выход для нас - сделать что-нибудь экстраординарное и заставить Советников забыть о нашей неудаче. И чем скорее, тем лучше, Свец.

- Понимаю, сэр.

- Все это разнеслось по Дворцу.

- Вы имеете в виду запах, сэр?

Ра-Чен бросил на него убийственный взгляд.

- Мы уже практически лишились одной машины времени, - продолжал он. - Мне пришлось снять ее с линии, когда обнаружилось, что она двигается в горизонтальной плоскости, соскальзывая на другие параллели. Служба до сих пор ищет неисправность. Теперь вы хотите, чтобы я отправил в ремонт вторую. А не могло ли вам все это присниться?

- Я уже задавал себе этот вопрос.

- Ну и?

- Нет, сэр. Фигура существовала на самом деле.

- Сейчас совсем не время расставаться с обеими машинами - ассигнования на новое оборудование поступят только через три месяца.

Ветеринары вынимали броненосца из кабины перелетов. Свец наблюдал, как они покрывали привезенное им существо тонким фильтрующим тентом, дабы защитить от губительного воздуха 1102 года постатомной эры.

- Хватит с нас живых игрушек, - сказал Ра-Чен. - У Генерального Секретаря уже столько вымерших животных, что он перестал понимать, что с ними делать. Стоит попробовать что-нибудь новенькое.

- Что вы имеете в виду, сэр?

Ра-Чен не ответил. Оба смотрели, как медики брали у броненосца частицы тканей для клонирования, а затем ушли, унося его с собой.

- Так вот, насчет этого привидения, - неожиданно заговорил директор. - Это был человек или гуманоид?

- Помню только, что его лицо показалось мне каким-то странным... Я до смерти испугался, увидев его физиономию.

- Но все-таки это был человек или пришелец?

- А черт его знает! Он весь состоял из дыма. На нем был плащ с капюшоном. Я не видел ничего, кроме лица и страшно тощих рук. Он походил на двигающийся скелет.

- Скелет? Может, вы просто смотрели сквозь его плоть? Просвечивают же людей рентгеновскими лучами.

- Звучит правдоподобно.

- Но почему?

- Как интересно - я думаю о том же!

- Оставьте ваш сарказм, Свец.

- Прошу прощения, сэр.

- Мы оба пришли к заключению, что появление этого призрака свидетельствует о наличии каких-то неполадок в машине времени. А если он был реальным?

Свец энергично замотал головой.

- Привидений нет.

- Вспомните, что мы говорили то же самое и о рухе. Дыма без огня не бывает. Недаром во всех странах легенды о привидениях живут тысячи лет. До сих пор есть люди (правда немного), которые верят в привидения...

- Но, сэр, даже если существуют привидения, в чем я сильно сомневаюсь, как оно могло попасть на борт кабины перелетов? И что мы можем сделать?

- Поймать его, естественно. Генеральному Секретарю оно придется по душе. Он мог бы играть с ним. Судя по вашим рассказам, оно существо безобидное...

- Но...

- ... только уродливое. А что касается вашего вопроса, откуда же мне знать, как оно оказалось в кабине? Должно быть, можно создать схожие условия..

- Как это безобидное! Я же видел его и утверждаю, что это не так!

- Выясним, когда оно окажется в наших руках. Свец, мы должны взять реванш. Наша цель - увиденное вами привидение.

- Наша? Это значит моя? Я категорически против!

- Пойдемте, - сказал Ра-Чен. - Обсудим подробнее.

Кабина летела назад во времени, поэтому силы гравитации были направлены к центру тела Свеца.

"Похоже, я потихоньку привыкаю к этому", - подумал Свец.

Эта мысль таила в себе угрозу. Если даже появляющиеся при этом побочные эффекты становятся привычными для него, значит, он уже отказался от мысли поменять работу.

"Как ему удалось уговорить меня?"

Кабина перелетов снизила скорость. Гравитация уменьшилась, исчезла, потом снова появилась, но уже совсем слабая.

На инерционном календаре появилась цифра - 704. Через прозрачный корпус кабины Свец видел тысячи оттенков зеленого цвета, везде, куда достигал глаз, все было зеленым: это место просто пышет жизнью. Именно здесь он нашел покрытое панцирем животное, броненосца.

Свец надел фильтрующий шлем, затем включил систему циркуляции воздуха и открыл вентиляционные отверстия, чтобы кабина перелетов наполнилась окружающим воздухом. Привидение появилось примерно в 20 году постатомной эры.

Если оно существует и снова окажется в кабине, то может задохнуться. Дышать этой ядовитой смесью могут только люди индустриального периода.

Он снял со стены ружье со звуковым глушителем. "Эти заряды менее материальны, чем анестезирующие кристаллы, и скорее подействуют на привидение", - сказал он себе...

Свец дернул рычаг обратного перелета.

Вот в чем собака зарыта! Он не управлял кабиной, а только посылал сигналы. Управление кабиной осуществлялось в будущем, где находилась сама машина веремени. Технический персонал Института Времени по требованию теперь возвращал кабину. У них сохранились данные о его последней экспедиции, и теперь операторы сделают все возможное, чтобы восстановить прежние условия полета.

Свецу оставалось только ждать.

Если теперь он просто-напросто вернется обратно, Свец будет чувствовать себя полным идиотом. Единственным утешением было то,что Ра-Чен будет испытывать те же чувства.

Едва кабина миновала 17 год постатомной эры, как перед пультом управления начал образовываться туман. Свец, не двигаясь, лежал на спине с поднятым наготове ружьем.

В этот раз призрак был виден отчетливее - толще оказался слой дыма. На фоне темного плаща появились бледные, полупризрачные линии человеческого скелета. Отдельные части его были мутными. Призрак метался по кабине как безумный, кричал, жестикулировал, не издавая при этом ни звука. Он просил Свеца остановить аппарат.

Свец выстрелил звуковым зарядом.

У него зазвенело в ушах от непрекращающихся разрядов. Видение вскрикнуло и после этого перестало обращать на Свеца внимание. Оно заключило рычаг ЭКСТРЕННАЯ ОСТАНОВКА в свои объятия и попыталось потянуть его на себя.

Рычаг не сдвинулся с места. Эффект был таким, как если бы пульт управления просто окутал туман.

Свец расслабился. Скелет оказался безобидным.

Очень хотелось верить, что эти еле заметные кости хоть немного окружены плотью - тогда призрак хоть немного походил бы на человека. Возможно, перед Свецем предстал феномен вероятности. Казалось, что туманная фигура показывала то место, где мог находиться спутник Свеца, если бы на борту кабины перелетов был второй человек. У Свеца начала нестерпимо болеть голова. Его, по понятным причинам, никто не просил привезти феномен вероятности.

Призрак отпустил рычаг. Белые кости начали светиться сквозь темный плащ.

+132, +133, +134...

Внезапно скелет стал плотнее. Он резко дернул вниз рычаг ЭКСТРЕННАЯ ОСТАНОВКА, повернул его и неожиданно бросился по направлению к Свецу.

Свец издал высокий, леденящий душу вопль и сделал попытку увернуться, но привидение приземлилось к нему на спину, так что от неожиданности он присел, обхватив руками колени, приняв позу зародыша и чувствуя на себе сухие, легкие кости. Свец снова завопил. Костлявые пальцы впились в его плечо, и ему пришлось выпустить из рук ружье, которым тут же завладел скелет.

Шли минуты, но ничего не происходило. Свец ждал, когда ему придет конец. Но вместо этого раздались неторопливые шаги, похожие на щелчки.

Глухой, скрипучий голос произнес:

- Ладно, хватит с тебя. Поворачивайся.

Свец опрокинулся на спину и открыл глаза.

Его положение было ужасным. Привидение стало плотным, но все еще казалось не чем иным, как подвижным скелетом. Теперь оно стояло, держа в костяшках звуковое ружье. Там, где предполагалось лицо, в черепе зияли черные глазницы, из которых за Свецем неумолимо наблюдала пара цепких глаз.

- Хватит пялиться, - сказал призрак.

Он говорил на человеческом языке, который был понятен Свецу, только глотал согласные из-за отсутствия губ.

Скелет глухо захихикал.

- Ты меня видишь, не так ли? Это означает, что ты скоро умрешь. Если человек меня увидит, значит, он уже не жилец.

- Нет, - еле прошептал Свец. Он попытался придвинуться поближе к стене кабины перелетов.

- Говорю же, хватит пялиться! В том, что я здесь, нет моей вины. Все дело в радиации. - Призрак передернулся. - Как тебя зовут?

- С-свец.

- Позволь представиться. Я, доктор Натаниел Рейнольдс, первый в мире путешественник во времени, решил угнать твою машину.

Свец облизал пересохшие губы.

- Позвольте возразить. Первый путешественник во времени...

- Я опередил его. Разумеется, в другой исторической параллели, которая оказалась мертвой. Я сам виноват. Ты когда-нибудь слышал о Кубинском кризисе? Он произошел в 1958 году нашей эры, то есть в семнадцатом постатомном по-вашему.

- Нет.

- Ты уверен? Мы назвали этот момент истории Короткой войной.

Свец отрицательно покачал головой.

Призрак был совсем не скелетом, как до сих пор казалось Свецу. Кости обтягивала настолько бледная кожа, что она не отличалась от них по цвету. Сквозь шею Рейнольдса, поблизости от выпуклого ряда позвонков, проходили трахея и пищевод.

За ребрами виднелся комок вялой белой плоти, пульсирующий наподобие легких, свесившихся вместе с брюшиной непосредственно с позвоночника. Однако сквозь ребра был виден свет.

Вместо носа и ушей зияли дыры.

Доктор Рейнольдс был абсолютно безволосым и бесполым. Он сказал:

- Я не очень-то понятно говорю. Лишь люди, находящиеся на краю смерти, способны видеть и слышать меня. Некоторые не могут сосредоточиться, потому что неважно себя чувствуют, другеи слишком боятся смерти.

- Я умираю?

Рейнольдс захихикал.

- Как договоримся.

- Кто вы все-таки?

- Я - привидение и никого не виню в этом. Смеяться не стоит - такое может случиться с каждым.

Однако Свецу было не до смеха.

- Слушай. Я родился примерно через сто лет после окончания Короткой войны, - начал свой рассказ доктор Рейнольдс. - К тому времени всем уже стало ясно, что человечество на грани вымирания. Слишком много в ходе Короткой войны было сброшено бомб. Уровень радиации стал таким высоким, что появилось огромное количество мутанов, больных. Я оказался в числе счастливчиков.

Свец упорно молчал.

- Должно быть, я отбил у тебя охоту говорить, - заметил скелет и продолжал: - Я и правда был одним из тех, кому повезло. А что толку? Эта чертова радиация все равно не

позволяла мне иметь здоровых детей. Любое органическое изменение следовало подвергать медикаментозному лечению. Поэтому мне приходилось каждый день принимать всякие таблетки. Поверишь, когда-то у меня был солидный живот.

Свец покачал головой.

- Такое небольшое брюшко. От него пришлось избавиться, потому что оно доставляло массу неприятностей. Мышцы брюшной полости не могли справиться с лишним весом.

- А как вы стали привидением?

- Преднамеренно и путем длительных усилий. Лучшие умы века, какими мы являлись, были направлены на путешествия во времени. Наш проект назывался "Дубль". Знаешь, что это значит?

- Какую-то сцену прокручивают во второй раз с целью создания благоприятного эффекта и наиболее яркого впечатления.

- Так и должно было получиться в итоге. Мы не совсем верили, что сможем изменить прошлое, отправившись туда, но хотели попробовать. Результат оказался удачным. Наша машина времени вмещала лишь пилота и подъемную систему. Пилотом выбрали меня, потому что во мне было всего-навсего пятьдесят фунтов живого веса.

- И что же вы сделали?

- За неделю до Кубинского кризиса я забрал всю технику, приводившую в действие дистанционно управляемые снаряды, принадлежавшие Союзу Советских Социалистических Республик. Русским ничего не оставалось делать, как увезти с Кубы все свои ракеты. К тому моменту, как они привели боевую технику в порядок, время кризиса уже миновало, а они так и не узнали, что могло произойти. Не сомневаюсь, что в дальнейшем они стали внимательнее. Мои действия контролировались с помощью радиосвязи. Естественно, я позаботился о том, чтобы остаться незамеченным. Моя внешность слегка...

- Вы правы.

- После этого я решил вернуться домой, но не туда, где я вырос, а в созданное мной будущее, но моя машина времени не действовала. Мы облегчили ее тем, что источник энергии оставили в будущем. Теперь это будущее перестало существовать. Я оставил машину и решил сдаться, но тут обнаружил, что моя плоть исчезла. Вот и все, - закончил Рейнольдс. - Нам предстоит повернуть историю вспять.

- Как?

- С помощью твоей машины. Моя для этого не годится. Мы возвращаемся в 17 год постатомной эры.

- Это невозможно.

- Если мы не сделаем этого, тебе конец.

Свец знал, что призрак не обманывает его.

- Вы просто сумасшедший! Иначе бы вам в голову не пришло возвращаться обратно в свой нафаршированный бомбами мир.

Скелет щелкнул зубами.

- Свец, ты не спросил меня, сколько лет назад я стал привидением.

- Ну и сколько же?

- Не сосчитать, Свец. Я прикован к 17 году постатомной эры. Я жду, проходит около восьми месяцев после Кубинского кризиса, потом ход времени замедляется и, в конце концов, совсем останавливается. Я веду такую жизнь тысячу лет. Да, пожалуй, даже больше. Ты можешь представить участь, ужаснее моей? Этот мир словно законсервирован, люди неподвижны, как статуи, голуби застыли в воздухе. Я и сам будто заморожен. Солнечные лучи проходят сквозь меня. Я бы давно сошел с ума, если бы не машина времени.

Глаза Рейнольдса, упрятанные глубоко внутри черепа, загорелись недобрым огнем.

- Машины времени прилетают и улетают. Некоторые из них принадлежат твоей исторической параллели, остальные - другим. Однако реальным является лишь твое будущее, оно сотворено мною. Но я не могу перемещаться, используя любые аппараты. Обычно я отправляюсь на них в прошлое, как можно дальше. Тогда время идет своим чередом до 17 года постатомной эры. С десяток раз я побывал даже в средневековье. Большинство людей не видят меня, а те, кто видят, скоро умирают. Может быть, все дело в том, что они вот-вот навсегда покинут историческую плоскость, а то, в какой исторической параллели они находятся, не имеет значения. - Рейнольдс засмеялся. - Я думаю, что некоторые из них умирают потому, что, увидев меня, получают разрыв сердца.

Свец вздрогнул. Возможно, Рейнольдс был прав.

- Я, кстати, побывал и в будущем, точнее, в десятках будущих. Свец, тебе известно, что иногда машины времени двигаются горизонтально?

- Да, у нас тоже была такая. В ней нашли какие-то неполадки.

- Такое получается со всеми машинами без исключения. Самоходные машины теряются. Возвращаются лишь те, которые, подобно твоей, прочно связаны со своей исторической параллелью - их притягивает обратно. Я видел разные миры, Свец. Я побывал в раю, и там, куда вторглись пришельцы, и там, где живешь ты. Я летал в твое будущее, - с горечью повторил он. - Я оставался там довольно долго, чтобы выучить человеческий язык и понять, во что вы превратили созданный мною мир.

- Но что вы имеете в виду?

- Кругом грязь, запущенность, смерть! Вы истребили все живое, кроме самих себя и этой бурой гадости, которую вы едите...

- Она называется дрожжевой грибок.

- Я знаю одно короткое слово, которое гораздо лучше подошло бы к этой вашей пище. Я видел, как вы извергаете эту мерзость из своих ртов...

- Что?

- Да я просто перемещался из будущего в прошое, приближаясь к 17 году. Все это очень быстро перестает казаться смешным. Я не люблю переноситься в будущее, если не уверен в том, что смогу вернуться назад. Я возвращаюсь в любом случае, не так уж мала вероятность того, что машина времени собьется с пути и окажется в моей собственной исторической параллели. За это стоит бороться, правда?

- Я не понимаю.

- Ты ведь не обращал внимания на окружающее пространство, не так ли, Свец?

Впервые Свец осмелился посмотреть сквозь Рейнольдса.

Кабина перелетов приземлилась на площадке, напоминавшей почерневшее стекло. Никакой растительности. Вдалеке виднелся вал, окружавший нечто наподобие лунного кратера.

- Это ваш мир?

- Да, я у себя дома.

- Не могу сказать, что мне тут нравится.

Рейнольдс засмеялся, как всегда глухо и скрипуче.

- Однако здесь чище, чем у вас, Свец. Если бы я предвидел, что вы убьете все живое на земле, отравите почву и воздух... впрочем, мы еще поговорим об этом.

- Что вы хотите сказать? Вам нужно просто-напросто выйти из кабины! Здесь ваш дом!

- Он ненастоящий. Чтобы сделать его настоящим, мне нужен ты. В первый раз я смог остановить машину времени. Ты - мой единственный шанс!

- Но я же объяснил вам...

- Свец, у меня звуковое ружье. И учти, что я провел немало времени в средневековых камерах пыток.

- Постойте. Из какого года вы перенеслись в прошлое? Когда отправились предотвращать Короткую войну?

- Шел 2092 год.

- Какой это год постатомной эры?

- Сейчас соображу. 147-й.

На инерционном календаре застыла цифра +134.

- Ну так вот. Вы сможете совершить это путешествие на своей собственной машине времени! Осталось всего тринадцать лет. Переместиться на некоторое время вперед нам под силу. - Свец дотянулся до рычага обратного перелета. В то же мгновение его рука оказалась крепко прижатой к бедру.

Рейнольдс сказал:

- Но, если мы отправимся в будущее, не исключено, что мы двинемся горизонтально? Тогда цепь событий нарушится, и меня не станет.

- Что вы намерены делать? Ждать, пока минет тринадцать лет?

- По всей видимости. - Рейнольдс щелкнул зубами, что было для него единственной возможностью выразить свои чувства и заменяло улыбку, сердитый взгляд... - Ага! Я придумал кое-что получше! Свец, мы можем попасть в Австралию. Твой аппарат настраивается на определенную точку в пространстве?

- Да.

- Я хочу поменять оружие. Тяжелое иглострельное ружье. Оно, скорее всего, не сможет убить слона, но заряда вполне хватит, чтобы прикончить человека.

- Угу, - промычал Свец. От страха у него похолодели конечности.

- А теперь - в путь!

Австралия. Восточное побережье было изрезано улицами и усеяно продолговатыми строениями.

- Это единственное на Земле место, которое заселено полностью, - пояснил Рейнольдс. - Теперь тут почти не осталось людей.

Призрак ни на минуту не замолкал на протяжении всего полета, обрушивая на Свеца лавину воспоминаний.

- У меня, конечно, о людях осталось неблагоприятное впечатление, - отвечал он на заданный им же вопрос. - Если бы ты видел их, как я, в разных стрессовых ситуациях. Люди выглядят жалко в критические моменты, особенно на поле битвы. Возможно, я сужу субъективно. Наверное, мне следовало больше времени проводить на уличных гуляньях, балах, в местах, где люди постоянно смеются. Но, Свец, с кем бы я там разговаривал? Никто меня не слышит, не видит, если не находится на грани жизни и смерти. Но даже тогда они отказываются меня слушать. До чего же тяжело человек переносит страдания! А как он боится смерти! Я пытался объяснить им, что они счастливчики, что могут купить вечный покой ценой всего-то нескольких часов агонии. Я убеждал миллионы людей и потратил десятки тысяч лет. Единственным, кто хоть изредка прислушивался к моим словам, были дети. Свец, ты боишься смерти?

- Да.

- Идиот.

- Вы уверены, что знаете, куда мы направляемся?

- Мы найдем ее, ты не волнуйся. Мы ведь ищем школу.

- Зачем?

- Увидишь. Здесь только одна школа. Она слишком велика для такого количества детей... Знаешь, мне иногда кажется, что люди узнают меня. Но потом они ведут себя как идиоты. "Не забирай меня!" Как будто я имею к этому какое-то отношение. - Рейнольдс указал пальцем на большой парк. - Мы у цели.

Вся территория парка зеленела травой и деревьями. Это напоминало Свецу о джунглях, где он нашел броненосца. Но здесь растения казались свежее и аккуратнее, а между ними виднелись постройки.

- Вот это невысокое здание - зоопарк. А там - спортивная площадка, видишь белую разметку на траве? Возьми правее. Нам нужен двор начальных классов.

На школьном дворе находились дети. Но их было мало, и они не очень-то резвились. Многие были увечными.

- Остановись, - сказал Рейнольдс. - Открой дверь.

- Нет! - внезапно Сверц понял, что задумал его спутник.

- Открой дверь. - Рейнольдс направил ствол ружья в глаза Свеца, которому пришлось выполнить приказание.

Рейнольдс выстрелил по площадке, где играли дети.

Свец начал осторожно двигаться в сторону призрака, протянув к нему одну руку.

Заметив Свеца, Рейнольдс развернул ружье.

Свец подался вперед и ухватился за направленное ему в лицо дуло.

Рейнольдс изо всех сил пытался вырвать ружье, но это ему не удавалось. Когда Рейнольдс внезапно ударил соперника по подбородку, Эффект был как от удара куском пенопласта.

Свец резко потянул на себя ружье и, вырвав из костлявых рук, отбросил далеко назад. Призрак, не зная, что делать, хотел было поднять оружие, но Свец приподнялся и схватил его за горло.

Если он сомкнет пальцы, Рейнольдсу конец - его дыхательные пути не были защищены.

Свец глянул вниз.

Похожий на скелет мальчик раскинулся на земле за зеленой скамейкой; его окружали дети и какие-то непонятные маленькие существа. Всё говорило за то, что он мертв. Свец ногами сдвинул с места два рычага.

Появилось притяжение. Еще некоторое время Рейнольдс яростно сопротивлялся, а затем Свец обнаружил, что в руке у него ничего нет. Над рычагом ЭКСТРЕННАЯ ОСТАНОВКА появилось облако дыма. Свец, не отрываясь, смотрел, как оно постепенно рассеивалось.

- Он все-таки добился своего, - заметил Ра-Чен.

Свец пожал плечами:

- Я сделал все возможное.

- У вас ничего не вышло. Он убил себя и уже никогда не отправится в прошлое, чтобы предотвратить Короткую войну.

Свец кивнул.

- Значит, мы не существуем! Каким же образом вы здесь оказались?

- Меня притянула к себе машина времени. Если кабина перелетов соединена с настоящим, то она не может потеряться.

- Но если Рейнольдс уничтожил наше прошлое, если у нас больше нет истории, то...

- Что, если мы не существуем? Сэр, вы же чувствуете, что существуете, не так ли? Я тоже. Мы всегда сможем сказать себе, что проект "Дубль" дело наших рук, а не плод фантазии призрака Рейнольдса.

- Но...

- А может, мальчик выжил. У него не было волос и практически отсутствовал скальп. Если Рейнольдс попал ему в

голову, то анастезирующий кристалл просто отскочил от черепа, сбив при этом ребенка с ног?

- Мне нравится эта версия. Если бы умер этот девятилетний ребенок, то Рейнольдс сразу растворился бы. Нет, не так, черт побери! - Ра-Чен заворчал: - Если он перестал бы существовать, то и вы бы исчезли вместе с ним. Почему же тогда вы не видели его больше?

- Идите сюда на минутку. - Свец настойчиво дергал директора за рукав. Через несколько секунд Ра-Чен последовал за ним.

Сквозь окружавшую здание Института Времени стеклянную стену были видны развалины, в центре которых уже несколько недель лежал труп огромной птицы.

- Вам что, не о чем больше думать, кроме того, насколько вы реальны?

- Черт возьми, и правда, чуть не забыл. Нужно срочно что-то сделать с этим идиотским рухом,- сказал Ра-Чен. - Он все еще изволит возлежать тут, на обозрении у всего Дворца Объединенных Наций...

СИНДРОМ ТОЛПЫ

1

Весь Вилширский бульвар полностью был предоставлен пешеходам.

В прежние времена начерченные вдоль тротуаров белые линии и выступающие поребрики предназначались для безопасности пешеходов, как бы отделяя их от проезжей части. За долгие годы на бульваре даже выросли деревья. Белые линии остались только для велосипедистов.

Для пешеходной улицы Вилшир был слишком широк. Казалось, что люди, не исключая тех, кто ехал на велосипеде или мотоконьках, сиротливо жмутся по краям дороги: ведь он был рассчитан на автомобильное движение.

Сохранились давно никому ненужные дорожные знаки. Когда-нибудь городским властям придется навести здесь порядок.

Джерибери Джансен жил в пристройке, где раньше располагался прибрежный мотель, как раз на пути из Бейкерсфиль в Сан-Франциско. В былые годы теплыми ночами "Отдых в тени" заполнялся автомобилистами, платившими за комнату в этом райском уголке по десять долларов с носа. Теперь он стал отличным многоквартирным домом с бассейном и всем, что полагается для комфорта жильцов.

Когда Джерибери вышел из своей квартиры, в трансляторе находилась девушка. Он успел лишь скользнуть по ней взглядом, как она исчезла. Джанис Вулф. Жаль, что он не вышел чуть раньше... она ведь даже не видела его.

Возле транслятора редко кто-нибудь задерживался надолго, поэтому здесь никто ни с кем не встречался.

Это ведь не клуб, где назначают свидания. Транслятор перемещений представлял собой стеклянный цилиндр с закругленной крышей. Все необходимое оборудование скрывалось под полом, а на уровне грудной клетки помещался же-

тоноприемник и кодонабиратель, такой же, как на кнопочных телефонах.

Джерибери вставил свою кредитную карточку ЦИА в прорезь чуть ниже жетоноприемника, нажимая на соответствующие кнопки, набрал код и выдернул карточку. Через долю секунды он уже шел по коридорам здания Центральной Информационной Ассоциации, которая находилась в самом центре Лос-Анджелеса.

В огромном офисе царило полное запустение. Вся его площадь использовалась полностью только один раз, несмотря на то, что десятки сенсаторов стекались сюда, но каждый на несколько секунд. Одна стена состояла из выстроенных в ряд трансляторов перемещений, а в самом конце находился стол босса.

Малоподвижная работа и солнце Невады сделали свое дело - Джордж Бейли располнел, а его кожа покрылась стойким южным загаром. Каждое утро он добирался к месту службы с помощью дальнобойных трансляторов, находившихся в "Лос-Анджелес Интернейшнл".

Увидев Джерибери, он молча помахал рукой. Значит, сегодня все будет как обычно. Джерибери взял одну из камер, перекинув через плечо мягкий ремень. Внимательно изучив несколько вывешенных над столом листков с рядами цифр, он выбрал один.

Затем быстро отошел в сторону, чтобы не столкнуться с тремя своими коллегами-сенсаторами, выходившими из трансляторов. Приветствуя друг друга кивком головы, все расходились в разные стороны. Когда он подошел к двери, перед ним в транслятор проскользнула какая-то женщина. Ничего не поделаешь - час пик. Он улыбнулся ей, занял соседний транслятор и, заглядывая в путевой листок, набрал код.

В это утро он ни с кем даже словом не перекинулся.

Восточный конец Вилширского бульвара представлял собой обычное Т-образное пересечение высоких блочных строений. Уже нажимая на кнопки, Джерибери оглянулся. Ничего сенсационного? Кажется, нет. Он старался давить на кнопки шариковой ручкой, но это не помогало, на пальце образовалась непроходящая мозоль.

В столь ранний час улицы сити были совершенно безлюдными. Затем перед глазами Джерибери начали мелькать автомобили, двигавшиеся по шоссе Пасадена-Харбор. Выйдя из транслятора, он пару минут наблюдал за работой грузовиков и бульдозеров, покрывших эту часть дороги слоем рыхлой

земли. "Старым машинам найдено новое применение" - так это событие уже охарактеризовали его коллеги-сенсаторы. Он двинулся дальше.

Все трансляторы походили друг на друга как две капли воды. Он чувствовал себя так, словно находился в кинозале с круговой панорамой и наблюдал за всем происходящим вокруг. Он привык к тому, что действительность напоминает кадры кинопленки, меняющиеся с головокружительной быстротой. Он направился западнее Вилшира в ожидании какого-либо случая, сенсации.

Такой способ сбора сенсационных новостей зарекомендовал себя как самый дешевый и эффективный. ЦИА могло позволить себе содержать помимо постоянного штата лишнюю дюжину сенсаторов, работающих по договору. Временные сотрудники получали небольшую зарплату плюс премию за каждую сообщенную сенсацию и еще премии за новости, вошедшие в выпуск. Сумма получалась довольно кругленькая, а после того, как руководство ЦИА упорядочило коды, выросла еще больше. Последовательное передвижение по определенному маршруту давалось сотрудникам легче и быстрее.

Джерибери знал Вилшир как свои пять пальцев. Ему было двадцать восемь лет, и он еще помнил, как здесь ходили легковые автомобили и грузовики и подмигивали прохожим одноглазые светофоры. Город, конечно, стал совершенно другим, но больше всего изменился этот бульвар.

Набирая код, Джерибери не переставал думать о происшедших переменах. В Браун Дерби старую автостоянку переоборудовали в небольшую площадку для игры в гольф. В ближайшее время та же участь ждала и все остальные. Он связался с Бейли, которого не заинтересовало это сообщение Джерибери.

Миракл Майл, самый живописный из окружающих районов, неожиданно оказался очень модным - "охотники за покупками" толпились возле трансляторов, многие предпочитали идти пешком, чтобы не стоять в очереди на перемещение. Создавалось впечатление, что пешеходы разделены на определенные возрастные группы - взрослые сиротливо жались к поребрикам, а подростки невозмутимо разгуливали по середине улицы. Джерибери уже не раз замечал в действиях людей подобные странности. А все дело было в том, что он сам с детства был приучен переходить улицу только в указанных местах и по соответствующему сигналу светофора. Эта при-

вычка до сих пор иногда давала о себе знать, и он смотрел по сторонам, прежде чем ступить на бывшую проезжую часть.

Джансен двинулся дальше на запад в соответствии с заданными в листке координатами.

Молл стал пешеходной улицей еще тогда, когда трансляторы перемещений являлись лишь теоремой квантовой механики. Целые кварталы здесь занимали магазины, рестораны и театры, размещенные в невысоких зданиях с просветами голубого неба между ними.

Трансляторы перемещений были расставлены в этом районе на каждом шагу. Вокруг них бурлила жизнь. Прохожие сновали туда-сюда. Даже наличие у некоторых складных велосипедов не мешало им использовать трансляторы. Для экономии времени многие держали в руках кошельки с жетонами. После полудня на этих пятачках начиналось настоящее столпотворение - десятки людей, толкая друг друга, атаковали трансляторы.

Спор возник на улице перед входом в магазин "Пенни Департмент". В глаза бросалась только безапелляционность и резкость полицейского, и было слышно, как пронзительно кричит высокая спортивного типа женщина средних лет. Вокруг них собралась толпа - не из-за того. что прохожих интересовал уличный инцидент, а просто спорящие перегородили тротуар, и людям приходилось обходить их. Некоторые все же останавливались узнать, в чем дело. Многие свидетели происшествия впоследствии вспоминали, как полицейский упорно повторял: "Мадам, я должен арестовать вас по подозрению в магазинной краже. Что бы ни говорили..." Пусти он в ход после этого свою шок-дубинку, и ничего бы не произошло... возможно. Но и тогда их все равно окружили бы прохожие. Толпа уже запрудила весь Молл, были слышны крики, брань, оскорбления, диалоги типа: "Дайте пройти" - "Да не могу я, идиот". Напряжение нарастало. Однако разобрать хоть единое слово в этом хаосе было практически невозможно.

Джерибери Джансен оказался здесь в 12.55. Уже вставляя в прорезь кредитную карточку, он еще раз осмотрелся. Его взгляд скользнул по старым магазинам, располагавшимся в конце улицы, на секунду остановился на входе в лавку "Романофф". Может, там есть что-нибудь интересненькое? Иногда ведь здесь все-таки появляются знаменитости, о которых говорят везде - на кухнях и на заседаниях правительства. Но нет, кажется, тут нет ничего сенсационного. Он решил отправить-

ся дальше, и вдруг его внимание привлекла толпа перед входом в лавку "Пенни" в двух кварталах отсюда.

Несколько трансляторов располагались гораздо ближе к месту происшествия, но он не знал их кодов. Джерибери вынул карточку и вышел на улицу, послав предварительно сигнал в студию, но сообщения делать не стал. Подробности случившегося можно передать и позже. Он включил камеру. Похоже, дело здесь нешуточное.

Два квартала он пробежал на одном дыхании. Еще не совсем разобравшись в случившемся, он очень волновался, что инцидент будет исчерпан до его прибытия.

Джерибери окликнул совсем молоденького, остолбеневшего от неожиданности паренька.

- Прошу прощения, сэр. Не могли бы вы рассказать, с чего все началось?

- Не-а. Извините, я сам только подошел, - сказал юноша и отошел в сторону. Нужно будет вырезать его из записи. Но окружающие их люди уже стали удивленно вертеть головами, заметив появление... худощавого молодого человека с открытым, выражавшим явное любопытство, дружелюбным лицом, увенчанным копной вьющихся мелким бесом рыжеватых волос. В глаза бросался маленький микрофон в уголке рта, миниатюрный наушник в ухе, кошелек на поясе. В руках - гиростабилизированная телекамера с микрофоном направленного действия. Сенсатор... Пара цепких глаз задержалась на нем чуть дольше остальных.

Женщина взмахнула рукой, в которой держала кошелек. Полицейский, не успев отреагировать, получил сильный удар по голове - в кошельке, совершенно очевидно, лежало нечто тяжелое.

Страж порядка упал как подкошенный

Все произошло в считанные секунды.

Джерибери, подготавливая камеру к работе, торопливо бубнил себе что-то под нос. Вопросы, звучавшие в наушнике, отнюдь не сбивали ход его мыслей, а, наоборот, являлись как бы планом репортажа. Гиростабилизированная камера мгновенно ожила у него в руках. Она поплыла за обладательницей увесистого кошелька, которая, локтями освободив себе путь сквозь толпу, одарила Джерибери ядовитым взглядом и побежала по направлению к транслятору перемещений. Не ускользнуло от всевидящего ока камеры и то, как кто-то, в суматохе разбив витрину ювелирного магазина, схватил целую пригоршню драгоценностей и со всех ног бросился прочь.

Микрофон направленного действия зарегистрировал сигнал тревоги.

Полицейский все еще лежал на тротуаре.

Джерибери поспешил к нему на помощь. Ему неожиданно пришло в голову, что из всех присутствующих один офицер полиции наверняка знает все подробности случившегося. Голос из наушника сообщил, что на место происшествия скоро прибудут конкуренты, да и сам он уже видел выходивших из транслятора коллег, в руках которых были камеры, как две капли воды похожие на его собственную. Многих из них он знал в лицо.

Он встал на колени рядом с полицейским.

- Сэр, расскажите, пожалуйста, что тут произошло.

Человек в форме с трудом открыл глаза и ошеломленно посмотрел на вопрошающего. Затем он пробормотал нечто нечленораздельное, уловимое только высокочувствительным микрофоном. Джерибери не разобрал, что именно, из-за шума толпы. Позже, в выпуске новостей, он расслышал эту первую фразу:

- Где моя каска?

Джерибери повторил свой вопрос:

- Что случилось?

В то время, как сотрудники ЦИА опрашивали прохожих, из транслятора появилось несметное количество стражей порядка, которым пришлось пустить в ход шок-дубинки, чтобы пробраться сквозь толпу.

Некоторые из зевак, одновременно являвшихся свидетелями, покупателями и прохожими, решили побыстрее покинуть место происшествия - решение мудрое, но рискованное: окружающие трансляторы вряд ли могли одновременно обслужить всех страждущих. Каждая из этих стеклянных темниц была занята пассажиром, который изо всех сил старался изнутри открыть дверь, в то время как на нее налегали люди снаружи. Как только прибывшему удавалось вырваться на свободу, этого счастливчика в кабине тут же заменял следующий прибывший. Вот почему те, кто находился снаружи, практически не имели возможности попасть в трансляторы перемещений. Большинство прибывающих были случайными прохожими, оказавшимся здесь, чтобы просто поглазеть на происшествие. Но некоторые несли большие картонные транспаранты, ярко раскрашенные, аляповатые, с еще не высохшей краской, а у других карманы были набиты камнями.

Джерибери, стоявшему на коленях возле полицейского и пытавшемуся добиться от него хоть чего-нибудь вразумительного, послышались взрывы. Он поднял голову и понял, что прохожие взбунтовались.

- Это мятеж, - сказал он, трепеща и холо́дея от страха. Эту его реплику зафиксировал микрофон.

Толпа заволновалась, и он отошел подальше от магазина. Оглянувшись, он попытался разглядеть, что стало с полицеским. Если он до сих пор лежит на асфальте, он, возможно, ранен... Толпа, однако, хлынула в сторону. Люди, как ни странно, не обсуждали между собой произошедший на их глазах инцидент - обычно среди зевак всегда находятся дающие информацию и собирающие ее. Но в тот день многие сами могли рассказать о происшествии вновь прибывшим. Огромная людская масса пришла в движение.

Растрепанная молодая женщина с безумными глазами пробралась поближе к Джерибери. На ее лице отражалась борьба ярости и удовольствия.

- Легализуйте непосредственный электродный стимулятор! - закричала она, обращаясь к нему. Набрав в легкие побольше воздуха и развернув к себе стеклянный глаз и микрофон камеры Джерибери, снова провозгласила: - Узаконьте, я требую это!

Джерибери направил камеру в сторону огромной дисплейной витрины магазина "Пенни". Стекло уже успели разбить, какие-то люди, крадучись, пробирались сквозь образовавшиеся отверстия внутрь, явно не с целью что-либо купить. Джерибери поднял камеру высоко над головой и заснял воров. Не прошло и несколько секунд, как перед объективом появились три транспаранта, один из которых гласил "ТАНСТААФЛ", на другом было изображено облако в форме гриба и выведены слова "ВЛАСТЬ РАЗВРАЩАЕТ!", а содержание третьего осталось тайной для Джерибери - толпа снова отхлынула, и ему пришлось отпихивать окружающих, чтобы устоять на ногах. В тисках толпы оказались и мужчины, и женщины, и дети, и он сам мог стать одним из пойманных в ловушку.

Как это получилось? Он видел все почти с начала, но осознать не мог.

Он старался не опускать камеру, и неожиданно в кадре появился высокий, здоровый, сильно обросший детина, несущий под мышкой полдюжины двадцатидюймовых телевизоров. Вор, завидев направленную на него камеру и торжествующее лицо сенсатора, зарычал на Джансена.

Неожиданно для себя Джерибери осознал, что здесь найдется достаточно людей, которые не захотят попасть на экран. Верзила побросал свои телевизоры и локтями начал расчищать себе путь к Джерибери. Жертва средств массовой информации явно жаждала крови. Чтобы избежать расправы, Джерибери пришлось бросить камеру. Оглянувшись, он увидел, как разъяренный грабитель с размаху разбил ее о фонарный столб.

Идиот. Все равно этот эпизод, записанный на пленку, уже попал в агентства ЦИА в Лос-Анджелесе и Денвере.

Неуправляемая толпа росла и растекалась по соседним улицам, и Джерибери волей-неволей подчинился общему движению. Он думал лишь о том, как бы унести отсюда ноги.

2

Неожиданное событие на улице Молл застало органы защиты правопорядка врасплох. Полиции удалось окружить район, где сконцентрировались силы бунтовщиков. Людей выпускали из оцепления исключительно небольшими группками и только через пикеты...

На экранах телевизоров появлялись усталые, ошарашенные люди, по одному выходящие из оцепленного полицейскими квадрата. Карманы одного мужчины были набиты ворованными наручными часами. Он ничего не имел против конфискации награбленного при условии, что его отпустят восвояси. Девушка с отсутствующим взглядом ничего не выражающих глаз вцепилась руками в палку, приклеенную к измятому картонному транспаранту, от яркости красок которого осталось одно воспоминание.

- Все трансляторы перемещений в округе заперты. Оцепленная территория насчитывает четырнадцать городских кварталов. Зевак пытаются выдворить оттуда... Все происходящее будет освещаться нашими сотрудниками с вертолета, принадлежащего ЦИА...

Большинство уличных фонарей отключили - они отбрасывали на Молл причудливые тени. В окнах мебельного магазина мерцали желтоватые огоньки. Люди внизу, копошившиеся, как в муравейнике, разгневанные направленными на них с вертолета камерами, размахивали руками и, видимо, кричали что-то в адрес репортеров.

Спокойный грудной голос продолжал:

- Мы, к сожалению, не получаем сообщений с блокированной территории. В эпицентре происшествия находятся десять корреспондентов ЦИА и огромное количество полицейских, но они молчат...

- Многие мятежники вооружены. Один из вертолетов ЦИА был обстрелян еще утром, но, к счастью, рухнул за пределами обозначенного квадрата. Ответный выстрел, сделанный с другого вертолета, угодил в кирпичную стену, рядом с которой находились двое мужчин, бросившихся прочь. Нам до сих пор не известно, откуда у них взялось оружие. Полиция предполагает, что боеприпасы были украдены из находящегося на улице Молл филиала спортивного магазина Керра.

- С чего же все началось? - С голубого экрана на зрителей смотрело загорелое квадратное лицо, обладатель которого был известен во всех англоязычных странах. Сообщая хорошие новости, он расплывался в улыбке и попыхивал зажатой в передних зубах сигаретой. Сейчас он не улыбался. Выражение его лица было не просто растерянным, а скорее потрясенным.

Джерибери Джансен безучастно оглянулся назад.

Он бросил камеру и видел, как ее разбили. Кошелек и наушник он швырнул в мусорный бак. Во время мятежа выгоднее оказалось раствориться в толпе, перестать быть репортером. Прошел уже час с того момента, как его выпустили из оцепления, а он все еще бесцельно брел, куда глаза глядят. Его удручало сознание, что он практически потерял свою индивидуальность, стал безликой частью толпы.

Он остановился перед витриной магазина радиотоваров, где были выставлены телевизоры. Сквозь стекло раздавался грудной, хорошо поставленный голос Уоша Эванса:

- С чего же все началось?

Эванс исчез, а на экране появились кадры, снятые камерой Джерибери. Раздраженная толпа, обеспокоенная тем, что на пути возникло неожиданное препятствие... полицейский в синей форме, коренастая женщина с тяжелым кошельком...

- Офицер пытался арестовать подозреваемую в магазинной краже женщину, личность которой до сих пор не установлена, когда на место происшествия прибыл этот человек...

А вот и сам Джерибери Джансен с высоко поднятой над головой камерой - он попал в репортаж, снятый другим корреспондетом ЦИА.

- Берри Джером Джансен - исчезнувший сенсатор. Именно он запечатлел скандал: женщина размахнулась кошельком, полицейский упал, закрывая руками голову, - описал его своему боссу как начавшийся мятеж. - На экране возник Бейли, сидящий за своим столом в офисе в ЦИА. Джерибери вздрогнул и поежился. Раньше или позже ему придется написать объяснительную записку Бейли, отчитаться за пропавшую камеру. Он отснял неплохой материал, использованный в выпуске новостей. Значит, его ждет премия... если только Бейли не захочет взыскать с него стоимость камеры...

- Джордж Линкольн Бейли выделил группу своих сотрудников для освещения инцидента. Кроме того, он пустил репортаж практически в прямой эфир, монтируя его по мере поступления информационного материала. Таким образом, каждый житель США, имеющий телевизионный приемник, получил возможность наблюдать необузданную жестокость, свидетелями которой стали видавшие виды сенсаторы ЦИА.

На экране снова появилось загорелое лицо. Потом, словно через прорванную плотину, на улицу Молл начали стекаться толпы людей, совершенно озверевших и сокрушающих все, что попадалось под руку.

- Почему? - Уош Эванс усмехнулся, показав ослепительно белые зубы. - Кажется, есть профессиональные бунтовщики, которым это дело просто по душе.

Джерибери взъерошил волосы. Он никогда не слышал, чтобы подобные события комментировались таким вот образом.

- Теперь, кажется, все стихло. Кому же хочется быть замешанным в организации мятежа? - Уош Эванс начал загибать свои длинные, тонкие пальцы с розовыми ногтями. - Во-первых, чтобы утихомирить взбунтовавшуюся толпу, необходимо огромное число полицейских. Во-вторых, как можно больше сенсаторов. В-третьих, любому желающему разрешается обратиться к общественности.

На экране, за Уошем Эвансом, замелькали траспаранты, плывущие над волнующимся морем голов. Лицо девушки, такое огромное, что был виден один рот, перекосилось от ярости, и она пронзительно закричала: "Узаконьте электродное удовлетворение!"

- Любой, у кого есть что сказать. Любой жаждущий быть услышанным. Здесь репортеры! И камеры! И общественность!

Камера в руках сенсатора задергалась. Из транслятора перемещений выходила сама Анжела Монк! Несравненная Ан-

жела Монк, порнозвезда, совершенно непринужденно чувствовавшая себя в белом платье из редкой крупной сетки, не терявшая самообладания, пока не поняла, в какую заварушку она попала. Красотка хотела было скрыться незамеченной, но несколько сильных рук вытащили визжащую приму из транслятора до того, как она успела набрать код.

- ... Есть здесь и те, кто уже однажды участвовал в подобных событиях. Таких немало. Теперь они испытывают уже не такие чувства, как в прошлые разы. Однако эти категории составляют лишь малую часть присутствующих. Сколько же людей имели глупость просто прийти поглазеть на мятежников? Немного, но они прибыли из самых отдаленных уголков США и даже из других стран. И чем больше людей собиралось на улице Молл, чем громче они спорили и скандировали, тем лучшие условия создавались для грабителей. - Эванс загнул последний палец. - А они стекались отовсюду. В наши дни можно добраться из одного конца страны в другой за доли секунды.

Теперь лицо Эванса красовалось уже на фоне иных событий. Разбитые вдребезги витрины; приглушенные завывания полицейских сирен. Зависший в воздухе вертолет ЦИА. Похожий на гориллу детина, держащий под мышкой ворованные телевизоры.

Эванс спокойно взглянул с экрана на своих зрителей.

- Вы стали свидетелями событий на улице Молл. Неопознанный магазинный воришка, скрывшийся сенсатор, принявший обыкновенную уличную стычку с полицией за мятеж...

- Господи, Боже мой! - Джерибери Джансен мгновенно очнулся от своих раздумий. - Они же обвиняют во всем меня!

- Вы не одиноки - меня тоже, - сказал Джордж Бейли. Он запустил пальцы в свои белокурые блестящие волосы, обрамляющие загорелое лицо и спускавшиеся до плеч. - Вы - второй в цепи виновников случившегося, я - третий. Если бы только им удалось найти эту женщину, которая ударила полицейского!

- Она все-таки скрылась?

- Бесследно. Джансен, вы похожи на черта.

- Мне следовало сменить костюм. В этом я снимал мятеж, - неестественно засмеялся Джерибери. - Хорошо, что вы еще здесь. Надеетесь таким образом удержаться в своем кресле?

- Нет. Мы всю ночь заседали на конференции; разошлись только минут двадцать тому назад. Черт побери этого Уоша Эванса! Вы слышали...

- Кое-что.

- Пара директоров хотят уволить его. Однако это будет похоже на древний метод тушения пожара с помощью бензина. Внесены и более мудрые предложения... Вы были у врача?

- Со мной все в порядке. Отделался легкими ушибами... устал и проголодался. Я потерял камеру.

- Вам еще повезло, что сами остались живы.

- Я знаю.

Джордж Бейли сложил руки на груди.

- Жаль, что именно я должен сообщить вам об этом. Нам больше не потребуются ваши услуги, Джансен.

- Что? Вы увольняете меня?

- Да. Давление общественности. Мне не хотелось бы обманывать вас. Короткий репортаж Уоша Эванса сделал свое дело. Получается, что вы спровоцировали мятеж на улице Молл. Лучше всего, если мы сможем сообщить, что за это вас лишили работы.

- Но я ни в чем не виноват!

- А вы подумайте обо всем, что произошло. - Бейли смотрел мимо него. - Я тоже несу ответственность за случившееся. Администрация ЦИА может и меня вышвырнуть отсюда вслед за вами.

- Подождите... - Джерибери замолчал и, собравшись с духом, начал снова: - Подождите минуточку. Если я правильно вас понял... А как же свобода средств массовой информации?

- Мы и это обсуждали.

- Я ничего не преувеличивал, не передергивал факты. Вначале я сообщил как раз об уличном инциденте. Когда он перерос в мятеж, я назвал его мятежом. Я что, обманул кого-то? Сказал неправду?

- Смотря с какой стороны подходить к этому вопросу, - устало ответил Бейли. - У вас была возможность направить объектив камеры в другую сторону, однако вы брали в кадр дерущихся и спорящих, а я выбирал самые захватывающие моменты. Мы с вами отлично поработали - происходящее выглядело как настоящий, хоть и маленький мятеж. Повсюду стычки! Затем все желающие попасть в самую гущу событий поспешили на Молл, как и сказал Эванс, и через какие-нибудь

тридцать секунд маленький мятеж перерос в бесчинства разбушевавшейся толпы.

Он помолчал.

- Знаете, какие поступили предложения? Ввести лимит времени на сводки новостей и закон, запрещающий освещение событий до истечения двадцати четырех часов после того, как они имели место. Можете вообразить себе что-нибудь более глупое! В течение десяти тысяч лет наши коллеги стремились доносить до людей последние новости как можно быстрее и сообщать о них по возможности более полно, а теперь... Однако, Джансен, я ни черта не понимаю в проблеме свободы средств массовой информации. Мятеж так и не удалось подавить, и все винят в этом только вас. Вы уволены.

- Благодарю вас. - Джерибери, казалось, из последних сил поднялся со стула. Бейли тоже едва двигался, но к тому времени, как он успел обойти свой стол, Джерибери уже набирал код в трансляторе.

Он окунулся в темноту теплой ночи. Его мутило; он выглядел несчастным и смертельно усталым. Пробило два часа ночи. Костюм на нем измялся, порвался, в общем, был в непотребном виде.

Джордж Бейли вышел из транслятора прямо вслед за ним.

- Ну, подумали? А теперь, Джансен, давайте поговорим серьезно.

- Откуда вы узнали, что я здесь?

- Нетрудно было догадаться, что вы отправитесь прямо домой. Джансен, я не хочу, чтобы вы из-за этого переживали. На такой сенсации вы сможете сделать кучу денег. ЦИА хочет получить эксклюзивное право на ваше интервью о мятеже, вашу точку зрения. Три с половиной тысячи баксов.

- Вот уж расщедрились!

- Плюс к тому они обещают в течение двух недель выплачивать вам выходное пособие и целую кучу премий. Мы использовали большинство из отснятого вами материала. Уверен, что, когда буря уляжется, вас еще будут умолять вернуться обратно.

- Уляжется, говорите?

- Несомненно. Новости теперь устаревают мгновенно, уж я-то знаю. Джансен, почему вы не хотите заполучить тридцать пять сотен баксов?

- Вы только что изобразили меня зачинщиком мятежа на улице Молл. Почему же меня так низко ценят? Одну минуточку. Кто хочет взять у меня интервью?

- А вы как думаете?

- Уош Эванс!

- Он - человек справедливый. Вы получите право на собственную точку зрения, - заверил его Бейли. - Сообщите мне, если все-таки надумаете. У вас появится возможность защитить себя и при этом еще и получить кругленькую сумму.

- Нет, такой возможности у меня уже никогда не будет.

- Как знаете. - Бейли удалился быстрым шагом.

3

Появление трансляторов перемещений обрушилось на Эрика Джансена и его родных как гром среди ясного неба.

Вначале никто не придал этому событию должного значения.

Главе семьи было двадцать восемь лет (а Берри Джерому Джансену - три), когда "Джамп Шифт Инкорпорейшн" продемонстрировала увеличенный тоннельный эффект диода на свинцовой пластине. Эрик, увидевший это по телевизору, нашел сей проект одним из самых перспективных.

Добывание денег никогда не являлось сомоцелью для Эрика Джансена. Он писал стихи, статьи и короткие рассказы, отполированные до блеска, восхищавшие узкий круг посвященных читателей; иногда продавал их нищенствующим издателям, сотрудничество с которыми казалось ему наиболее престижным. Доходы приносили лишь унаследованные им акции. Вложи он вовремя деньги в акции "Джамп Шифт Инкорпорейшн" и... Однако многие в те дни совершили подобную ошибку. Тогда такой шаг казался слишком рискованным.

Когда коммерческие трансляторы перемещений начали использовать для перевозки грузов, Эрику исполнился тридцать один год. Внедрение этого изобретения не застигло его врасплох, хотя многие не верили в чудеса до тех пор, пока они не изменили жизнь человечества. Однако Эрик Джансен относился к данному феномену с большой осторожностью.

Он обнаружил, что существуют определенные специфические ограничения на увеличение тоннельного эффекта диода. Телепортация через разницу в высотах приводила к коренным изменениям температуры, понижение на семь градусов по Фаренгейту через каждую милю подъема и наоборот, благодаря концентрации энергии. Сохранение кинетической энергии и вращение Земли наложили ограничения на дальность горизонтального перемещения. Пассажир, направляющийся

на запад, будет неожиданно для себя подброшен вверх из-за разницы между его собственной скоростью и скоростью Земли; тот, кто держит путь на восток, резко потеряет высоту; при перемещении на север или юг он будет отброшен в обратном направлении.

Грузовые и пассажирские трансляторы появились в каждом американском городе, но лишь один Эрик Джансен понимал, что они всегда будут выполнять перемещения только на короткие расстояния: даже десятимильный рейс окажется слишком утомительным для пассажира, которому при приземлении придется двигаться со скоростью полмили в секунду!

Акции "Джамп Шифт" стремительно поднимались в цене. Эрик Джансен решил, что это еще не предел.

Прежде чем начать действовать, он все тщательно обдумал.

Он продал все принадлежавшие ему акции компании "Дженерал Телефон". Если кому-то будет необходимо поговорить с другом, то, несомненно, намного приятнее сделать это при личной встрече, чем по телефону. "Поездка" в трансляторе займет не больше времени, чем обычный звонок. Он постарался сбыть свои акции "Дженерал Моторс", что явилось мудрым решением, но вокруг было предостаточно умных людей, и цена на эти акции резко упала. Зато ему удалось расстаться с акциями различных компаний, производящих мотоциклы и скутеры. Позже он пожалел об этом - люди придумали себе новое развлечение, и все поголовно стали ездить на мотоциклах и скутерах. Это увлечение особенно распространилось, когда с улиц исчезли автомобили.

Однако теперь у него появились свободные деньги... и реальная возможность обставить всех своих соперников.

Цены на акции авиакомпаний упали сразу после резкого снижения стоимости всех остальных транспортных компаний. Еще до того, как его соотечественники успели осознать свою ошибку, Эрик Джансен вложил все свои деньги в ценные бумаги именно этих компаний, а также и тех, что производили самолеты. Первые трансляторы перемещений в любом городе сначала служили для связи с аэропортами. Надоевшие всем утомительные получасовые поездки из центра, высокие цены за проезд навсегда ушли в прошлое. А вот с самими авиаперевозками трансляторы конкурировать еще не могли!

Естественно, по-прежнему заранее нужно было проходить регистрацию... и самолеты летали только по расписанию... и во время рейсов до сих пор пропадал багаж...

Авиаполеты, несомненно, были привычнее, зато перемещения на короткие расстояния теперь стали бесконечно проще (именно *бесконечно:* попробуйте разделить десять минут - время, потребное для поездки транспортом, - на ноль). Рынок был наводнен видеокассетами, так что телевидение в те дни исполняло чисто информационную функцию - люди узнавали самые свежие новости, не выходя из дому; им было достаточно просто включить телевизор.

Что касалось акций телефонных компаний, то они оставались в цене - люди все еще звонили друг другу, особенно, если абонент находился на большом расстоянии. Привычка предупреждать звонком о своем приезде давала себя знать. Сообщая свои координаты, люди первым делом, как правило, называли номер телефона, а уж потом - код транслятора.

Как бы то ни было, авиакомпании продолжали существовать, но выплачивали слишком низкие дивиденды. Берри Джером Джансен рос в обстановке экономического бума. Его отец, при всей своей ненависти к трансляторам перемещений, все же пользовался ими по мере надобности.

Джерибери воспринимал эту странную неприязнь как свойство натуры своего отца, но не разделял ее. Он просто не обращал на трансляторы ни малейшего внимания, считая их всего-навсего удобным приспособлением, необходимым в работе сенсатора; короче, он их не замечал.

До того дня, когда они круто изменили его жизнь.

4

К утру накапливалось множество телефонных сообщений, которые он прослушивал обычно во время завтрака.

С полдюжины агентств новостей заявляли о своем желании приобрести эксклюзивное право на материал Джерибери о мятеже. Звонил Бейли из ЦИА и сообщал, что цену повысили до четырех тысяч. Остальные о деньгах умалчивали; среди них был и представитель "Плейбоя".

Это заставило его задуматься. В "Плейбое" хорошо платили, они к тому же были большими любителями прошедших незамеченными событий.

Трое позвонили, чтобы заявить о своем желании прикончить его. Двое из них не пожелали появляться на экране телефона, третьей оказалась седеющая полная дама, состоявшая сплошь из жира, ненависти и несбывшихся надежд, которая, замахнувшись кухонным ножом, без обиняков доло-

жила о своих намерениях. Джерибери вздрогнул и отключил ее. Его не на шутку заинтересовало, сможет ли кто-нибудь из них заполучить номер кода его транслятора.

В почтовом ящике лежал чек - выходное пособие и премия от ЦИА. Вот это другое дело.

Он складывал тарелки в посудомоечную машину, когда снова зазвонил телефон. Джерибери засомневался, но решил снять трубку...

Звонила Джанис Вулф, обладательница хорошенького личика, больших карих глаз и целой копны длинных вьющихся каштановых волос. Да, это тебе не убийца-инкогнито! Улыбка сошла с ее губ, как только она увидела его.

- Ты кажешься каким-то угрюмым. Попробуй приободриться!

- Я готов! - с жаром сказал Джерибери. - Заходи ко мне. Квартира шесть, код транслятора...

- Я же живу рядом. Ты что, забыл?

Он засмеялся.

- Да, забыл. К людям привыкаешь независимо от того, где они живут. Джордж Бейли, скажем, живет в Неваде; он добирается на службу с двумя пересадками, при помощи трансляторов перемещений, установленных в международных аэропортах Лос-Анджелеса.

Такие дальнобойные трансляторы установили на авиалиниях - это произошло уже после того, как его отец, чтобы прокормить семью, постепенно продал большинство своих акций. Они приносили доход в течение двух лет. И если подумать...

Раздался звонок в дверь.

За чашечкой кофе он рассказал Джанис о мятеже. Она слушала с сочувствием, задавая попутно вопросы и вызывая его на откровенность. Сначала Джерибери хотел позабавить ее и старался рассказывать обо всем с юмором, но в конце концов понял, что, во-первых, она вряд ли когда-нибудь останавливалась поглазеть на уличную перепалку и, во-вторых, ей уже известны все детали случившегося.

Знала она и о том, что его уволили.

- Поэтому я и позвонила. Они сообщили это в утреннем выпуске новостей, - сказала она.

- Очень важная новость!

- Чем ты теперь собираешься заняться?

- Напиться как свинья. Если не будет иного варианта, то в гордом одиночестве. Не согласишься ли ты провести со мной этот никчемный уик-энд?

Она задумалась.

- Ты зол на весь белый свет.

- Да, наверное. Я стал невыносимым человеком. Слушай, Джанис. Ты случайно не знаешь, каков принцип действия дальнобойных трансляторов?

- Нет. А что?

- Без них мятеж на улице Молл не вспыхнул бы. Этот чертов Уош Эванс мог хотя бы упомянуть об этом факте... хотя мне самому это только что пришло в голову. Надо же, в истории еще никогда не было такого молниеносно разгоревшегося мятежа.

- Я принимаю твое предложение, - решилась Джанис.

- Что? А, отлично.

- Но согласись, что нельзя начать пить прямо с раннего утра!

- Приходится признать. Ты сегодня свободна?

- Я свободна все лето - преподаю в школе.

- Ясно. Так чем же мы займемся? Как насчет зоопарка Сан Диего? - высказал он первую пришедшую на ум идею.

- Звучит забавно.

Ни один из них не двинулся с места. Малюсенькая кухня Джерибери выглядела очень уютно. К тому же они выпили еще не весь кофе.

- Только не думай обо мне плохо. Я просто хочу забыться, начать все сначала.

- Продолжай.

- Я сказал, что хотел.

- Я тоже, - тихо ответила она. - Ты хочешь избавиться от своего прошлого? Ладно, давай. Потом можешь попробовать вновь обрести корни.

- А кого ты учишь?

Она рассмеялась.

- Пятиклашек.

Они замолчали.

- Знаешь, что такое штамповочная линия? Уош Эванс хочет взять у меня интервью! После всего, что он наговорил обо мне!

- Неплохая идея, - удивленно отозвалась она. - Он дает тебе шанс изложить свою точку зрения. Ты ведь на самом деле не являешься зачинщиком мятежа, правда?

- Нет!.. нет! Джанис, этот просто чертовски славный парень хочет сделать из меня отбивную котлету. К тому времени, как я появлюсь на экране, во всем мире будут судачить о Человеке-Ставшем-Инициатором-Мятежа-На-Улице-Молл, потому что он...

- Он просто-напросто комментатор.

Джерибери расхохотался.

- Прикидывается простаком, - заявил он. - Знает, что на него устремлены миллионы глаз. Ты когда-нибудь видела его смущенным? А слышала, чтобы у него не хватало слов? Мой отец говорил так о своем творчестве, но так можно сказать и об Уоше Эвансе: самое сложное, чтобы это выглядело совсем просто, настолько просто, что любой олух будет уверен - и ему это под силу. Черт возьми, я знаю, что послужило причиной мятежа на Молл. Да, выпуск новостей - в этом Эванс прав. Но сделали свое дело и дальнобойные трансляторы перемещений. Стоит только взять их под контроль, и мы будем навсегда застрахованы от подобного рода событий. Но что я расскажу обо всем этом Уошу Эвансу? Я ведь совершенно не разбираюсь в технике!

- Так уж и не разбираешься!

Джерибери Джансен уставился в свою чашку с кофе. Через некоторое время он сказал:

- Я знаю, где можно все выяснить и найти тех, кто даст исчерпывающую информацию по интересующему меня вопросу. Такие действия называются "работа локтями". Нам постоянно твердили об этом на лекциях по журналистике, и я овладел этой тактикой.

Он взглянул на нее, и они встретились глазами. Затем он перегнулся через стол, чтобы добраться до телефона.

- Алло? Привет, Джансен. Передумали?

- Да, но...

- Отлично, замечательно! Я сведу вас с...

- Да, но...

- Ладно, продолжайте.

- Мне потребуется некоторое время для получения кое-каких сведений.

- Ну уж нет, черта с два, Джансен, вы же знаете, что времени у нас в обрез! Устаревшие новости перестают быть новостями. А что вы там задумали?

- Меня интересуют трансляторы перемещений.

- Господи, зачем? Ладно, не обращайте внимания, дело ваше. Какую отсрочку вы просите?

- А сколько дадите?

- Чертовски мало.

- Бейли, сегодня утром ЦИА подняло цену на мой репортаж до четырех тысяч. Чем это вызвано?

- Вы что, ничего не видели? Об этом же трубят на каждом углу. Мятежники прорвали оцепление полиции. Теперь у них в руках уже значительная часть Венеции, а их количество увеличилось вдвое - полиция не заблокировала ближайшие трансляторы, точнее, опоздала с этим на двадцать минут. Целых двадцать минут! - Казалось, что Бейли заскрежетал зубами. - Мы приостановили репортаж, пока оцепление не было прервано. Мы-то свою работу приостановили, а вот Эй-Би-Си пустила информацию в прямой эфир по всем каналам. Вот откуда о последних событиях узнали вновь прибывшие бунтовщики.

- Тогда... получается, что мятеж немного затянулся, и никому не известно, когда он закончится.

- Именно. А вы собираетесь тянуть резину. События не стоят на месте, не так ли? - Помолчав, он продолжил: - Извините. Эти ублюдки из Эй-Би-Си. Так сколько вам потребуется времени?

- Как можно больше. Неделю.

- Не иначе как вы вздумали издеваться надо мной. Скажите спасибо, если получите двадцать четыре часа, и то сам я это решить не могу. Почему бы вам не переговорить с Эвансом напрямую?

- Хорошо. Соедините меня с ним.

На экране загорелась надпись: ПАУЗА. Голубые узоры постепенно выстроились в двадцатидюймовый калейдоскоп. Не отрываясь от телевизора, Джерибери сказал:

- Если этот мятеж будет разрастаться, я имею шанс стать не менее знаменитым, чем Гитлер.

Джанис, поставив рядом с ним чашку горячего кофе, добавила:

- Или чем корова миссис О'Леари.

На экране появилось изображение:

- Джансен, вы можете заскочить сюда прямо сейчас, не откладывая? Уош Эванс хочет лично обсудить с вами детали.

- Ладно. - Джерибери отключился. Он ощутил какой-то странный трепет внутри... словно он чувствовал колебания земли, которые становились все резче и резче. Несомненно, все в мире случается очень неожиданно...

Джанис заметила:

- Пропал никчемный уик-энд.

- Нет еще, дорогая. Ты хоть понимаешь, куда я ввязался? Мне придется не спать ночами, понять, что такое телепортация, как она влияет... с чего же начать?

- С Уоша Эванса. Лучше не заставлять его ждать.

- Ты права. - Он залпом выпил свое кофе.

- Спасибо. Спасибо, что пришла и подала мне хорошую идею. Посмотрим, чем все это кончится. - Он быстрым шагом вышел, на ходу натягивая куртку.

Рост Уоша Эванса составлял пять футов четыре дюйма. Его почти всегда показывали крупным планом, и поэтому зрители часто забывали о его габаритах. В середине телеинтервью, когда камера то удалялась, то снова приближалась к двум раскрасневшимся спорящим физиономиями, грудной уверенный голос и смуглое, подвижное, выразительное лицо Уоша Эванса могли убедить кого угодно в чем угодно.

Уош Эванс взглянул на Джерибери Джансена и произнес:

- Интересно, следует ли мне извиняться перед вами?

- Ну, вы подумайте, а я подожду, - сказал Джерибери. Он как раз справился со всеми пуговицами на куртке.

- Скорее всего, нет. Я на самом деле просто осветил события, связанные с мятежом на Молл, и считаю, что с профессиональной точки зрения справился с этой задачей не самым худшим образом. Я вовсе не говорил зрителям, что вы являлись зачинщиком, а просто изложил голые факты.

- Кое-что вы все-таки упустили из виду.

- Хорошо. Значит, нам есть о чем поговорить. Присаживайтесь.

Они сели, поглядывая друг на друга уже гораздо спокойнее.

Джерибери сказал:

- Наша беседа не предназначается для прессы, и ее не следует расценивать, как интервью, которое я в будущем собираюсь дать, но за деньги. Сбивать себе цену, как вы понимаете, было бы просто глупо.

- Я принимаю ваши условия. Мы предоставим вам запись этого разговора.

- Я делаю свою собственную, - Джерибери слегка постучал по внутреннему карману, где что-то пощелкивало.

Уош Эванс ухмыльнулся:

- Понятное дело, мой мальчик. Итак, о чем же я умолчал?

- О трансляторах перемещений.

- Ну конечно, если бы трансляторы блокировали раньше...

- Если бы трансляторы вообще не существовали.

- Вы шутите? Но сейчас всем не до шуток! Джансен, если бы да кабы... Трансляторы перемещений никуда не денутся.

- Я знаю. Но подумайте как следует - сенсаторы появились гораздо раньше этого "чуда века". Мои коллеги используют это новшество с момента его изобретения.

- И что?

- Почему же подобный мятеж не был поднят раньше?

- Я, кажется, понимаю, к чему вы ведете. Хм. Трансляторы в аэропортах?

- Ну да.

- Джансен, вы что же, на полном серьезе собрались предстать перед этой тупой толпой и призвать с экрана телевизора не использовать дальнобойные трансляторы?

- Нет. Я... еще сам точно не знаю, что из этого получится. Теперь вы понимаете, как важно иметь хоть какое-то время для сбора информации по этому вопросу.

- Ага, - промычал Эванс и задумался.

Джерибери продолжал:

- Посмотрим на обратную сторону медали - вы что, намерены убедить зрителей в том, что программы новостей приносят только вред и их нужно отменить?

- Нет. Возможно, неплохо было бы наложить кое-какие ограничения на деятельность сенсаторов. Мы приблизились к тому пределу, когда уже следует снизить скорость поступления новостей. Механизм не заработает при полном отсутствии трения. То же самое касается и цивилизации... Однако мы, кажется, нарушаем наш договор.

- Этим вы только навредите себе.

- Ох, ничего страшного. - Эванс размял пальцами сигарету. - Итак, запрещение информационных выпусков привело бы к тому, что на телевидении не останется ничего, кроме образовательных программ и рекламы игрушек и кукурузных хлопьев. Не знаю, чем это может закончиться, Джансен.

- Все ясно, - сказал Джерибери.

- Вы хотите, чтобы я отнесся к случившемуся беспристрастно? - Эванс захихикал. - Я поддерживаю обе стороны. Договоримся, что интервью я у вас возьму сегодня в десять вечера. Таким образом, в вашем распоряжении двенадцать часов...

- Двенадцать часов!

- Этого ведь достаточно, не так ли? Вы хотите исследовать проблему телепортации. Я смогу включить это в программу, пока люди еще интересуются мятежом. И делаю я такой шаг

не для повышения своего рейтинга, а просто потому, что нам обоим есть что сказать. - Джерибери хотел было перебить его, но Эванс продолжал: - Тысячу мы вам дадим в задаток, а после того, как интервью будет отснято, - еще три. Если разговора не состоится, то вы, конечно, их не получите.

Джерибери согласился на такие условия.

- Я хочу попросить вас лишь об одном. Сделайте так, чтобы Бейли на время "забыл" аннулировать мою кредитную карточку. Мне, возможно, придется поездить.

- Я скажу ему, но не знаю, получу ли его согласие.

5

Через некоторое время Джерибери уже был в "Лос-Анджелес Интернейшнл", где располагалось огромное количество трансляторов перемещений, стеклянных цилиндров, увенчанных закругленными крышами и ничем не отличающихся от своих уличных собратьев. На противоположной стене, находившейся довольно далеко от Джерибери, горели большие красные буквы TWA. С минуту он не двигался с места, обдумывая план действий. Потом решительно набрал код.

Очутившись в "Отдыхе в тени", он снова начал нажимать на кнопки.

Теперь он оказался в конце другого ряда трансляторов. На стене красовалась эмблема "Юнайтед".

Зал был пуст, и только служащий в синей форме натирал пол.

Джерибери вышел наружу. Он, не отрываясь, разглядывал стоявшие длинной цепью трансляторы, в которых время от времени появлялись люди. Большинство их них, даже не взглянув наружу, начинали снова набирать цифры. Некоторые сбивались, раздраженно бормотали что-то себе под нос, повторяли набор и мгновенно исчезали. Пассажиров было так много, что на какой-то момент все поплыло перед глазами у Джерибери.

Прямо под эмблемой тянулся нескончаемый ряд прилавков, между которыми стояли весы для багажа. Аэропорт содержался в безупречной чистоте, но казался безлюдным, ненужным. Он был похож на пустынный сказочный дворец с постоянно появляющимися и исчезающими в стеклянных прозрачных трансляторах персонажами.

Голос за спиной Джерибери произнес:

- Что вам угодно?

- Где здесь кабинет управляющего?

Человек в форме указал на бесконечно длинный коридор.

- Отдел эксплуатации находится в самом конце. Я пойду вперед и доложу о вашем приходе.

Коридор оказался гораздо длиннее, чем мог себе представить Джерибери. Шаги в нем отзывались гулким эхом. Этот переход отнял неимоверно много драгоценного времени... Навстречу выехала открытая повозка и медленно поравнялась с Джерибери. Чопорный пожилой мужчина в застегивающемся на одну пуговицу пиджаке сказал:

- Здравствуйте. Вас подвезти?

- Благодарю, - Джерибери уселся рядом с ним и достал кредитную карточку ЦИА. - Я хочу получить некоторую информацию для... документального фильма. Меня интересуют дальнобойные трансляторы перемещений.

- О, вы попали как раз по адресу. Меня зовут Нилс Кьерульф. Я участвовал в их установке и несу ответственность за их эксплуатацию.

- Каков принцип их действия?

- С чего же начать? Вы знаете, на чем основана работа обычного транслятора?

- Конечно. Груз как бы исчезает во время перемещения, подобно электрону в тоннельном диоде. - Ответ был взят из научного раздела какого-то журнала, но Джерибери счел возможным выдать его за свои собственные мысли.

Старик Нилс Кьерульф был очень худощав, от его глаз и уголков рта, когда он улыбался, расходилось множество морщинок. Густые седые волосы обрамляли высохшее лицо. Он сказал:

- От этой теории пришлось отказаться. Когда посылают груз, скажем на Марс, приходится признать, что при десятиминутном перелете все-таки что-то остается. Действует принцип сохранения энергии.

- Понятно. А что именно остается?

- В приведенном примере - супер-нейтрино. Во всяком случае, так мне объяснили. Я не физик. В колледже я работал по коммерческой части. Несколько лет назад меня отправили на годичную переподготовку, чтобы я мог работать с дальнобойными трансляторами. Если вас интересует теория, вам следует получить консультацию у кого-нибудь из "Кейп Кеннеди". Ну вот, мы уже на месте.

Перед ними были два эскалатора, один из которых плавно двигался вверх, а второй - бездействовал. Они воспользовались первым. Джерибери спросил:

- Почему офис расположен так далеко? Подумайте только, сколько времени мы потеряли, пока добрались сюда!

- Вы что, никогда не слышали о катастрофах, которые случаются с "Боингами 707"? Понимаете, если разбивается самолет, то, во-первых, стоит оглушительный грохот, а, во-вторых, никто не хочет, чтобы при этом пострадали сразу все административные здания.

При выходе с эскалатора находились две полукруглые комнаты. Одна представляла собой немыслимый лабиринт из стульев и кушеток, разделенных низкими перегородками. Все это было изготовлено из хрома, окрашенного в бледно-оранжевый цвет. В другой вместо кушеток разместились кронштейны для приборов. Джерибери насчитал шесть человек, следивших за дисплеями.

Раздался тихий треск, отдаленно напоминавший звук жужжащей электробритвы. Джерибери крутил головой во все стороны, пытаясь уловить его источник. Едва он понял, что шум доносился откуда-то снаружи, как через стеклянную стену увидел маленький самолет, плавно севший на взлетную полосу.

- Да, мы до сих пор функционируем как аэропорт, - сказал Нилс Кьерульф. - Прыжки с парашютом, спортивные полеты, полеты планеров - все это осуществляется на нашей территории. Я и сам иногда летаю для удовольствия. Пилоты, работающие на настоящих реактивных самолетах, всегда нас ненавидели; наши спортивные самолеты требовали столько же посадочного времени, как "Боинги 747". Теперь мы имеем свои взлетные полосы.

- Похоже, что вы когда-то работали управляющим...

- Да, в этом аэропорту, еще до того, как люди узнали о возможности телепортации. Я был уверен, что это открытие разорит нас, и в течение тридцати лет следил за этим процессом.

- Не обижайтесь, но почему именно работнику с таким богатым опытом администрирования потребовалось изучать квантовую физику перемещений? Неужели не нашлось другого варианта?

- В этой области катастрофически не хватало специалистов, мистер Джансен. Ведь трансляторы изобрели не так давно.

- И чему вы научились за два года? У вас бывают поломки оборудования?

- Да, такое иногда случается. Примерно каждые две недели что-нибудь выходит из строя. Тогда транслятор бездействует, пока не найдут и не устранят неисправность. Иногда на это уходит около часа.

- А что же происходит с пассажиром?

Кьерульф искренне удивился.

- Ничего. Он остается там, откуда стартовал, или гигантское нейтрино, о котором мы говорили, отсылается обратно отправителю, но только в случае, если отсутствует возможность передать его по назначению. Самое страшное, что может случится, - потеря контроля над ограничителем скорости, и тогда... но мы научились не допускать этого. Мы просто временно перестаем принимать пассажиров, и основная нагрузка ложится на наших смежников. Теперь уже не существует конкуренции между компаниями. Почему? "TWA", "Юнайтед", "Истерн" и остальные всегда рекламировали "самую лучшую пищу во время полета", "самые комфортабельные кресла", "самых хорошеньких стюардесс" и все такое. Сколько времени вы проводите в трансляторах перемещений? Изменив всю систему, мы сделали так, что стоит набрать код "Лос-Анджелес Интернейшенл" или другого аэропорта, и пассажирам не надо ждать, пока их обслужит какой-то определенный аэропорт. Это выгодно всем - на отсутствии рекламы можно сэкономить целое состояние. Нет надобности создавать новые крупные тресты. Однако старые пока существуют и приносят доход. Но никто всерьез не занимается этой проблемой - просто нет острой необходимости. Система и так исправно функционирует. У каждой компании есть свой амортизатор изменения скорости. Мы не можем отключиться все сразу. В случае необходимости любая компания сможет управлять целой системой дальнобойных перемещений.

- Мистер Кьерульф, что такое амортизатор изменения скорости?

Кьерульф удивленно взглянул на него. Джерибери пояснил:

- Я учился на журналиста.

- Ясно.

- Это не праздное любопытство. Мой отец потерял все свое состояние, когда погорели авиакомпании...

- Я тоже, - сказал Кьерульф и вяло улыбнулся, словно вспомнив то, что некогда принесло немало горя.

- Да?

- Иногда мне приходила в голову мысль сбыть все акции. Но я считал, что трансляторы не смогут заменить воздушное сообщение, потому что имеют ограниченный радиус действия. Тем не менее, все обернулось иначе, и я разорился.

- Мой отец рассуждал точно так же.

- А теперь трансляторы перемещают пассажиров в любую точку земли, и я работаю на них, а они работают на меня. Я не нахожу ни одной весомой причины, из-за которой было необходимо внедрять систему дальнобойных перемещений в аэропортах. Здесь, конечно, много свободных площадей, все организовано... но, если посмотреть правде в глаза, необходимости доводить авиакомпании до разорения не было.

- Теперь говорить об этом слишком поздно.

- Возможно. Настанет день, когда мы превратимся в заурядное предприятие. - Кьерульф обвел взглядом полукруглую комнату и окликнул сидевшего возле плоской стены мужчину: - Дэн!

- А? - отозвался тот, не поднимая головы.

- Я не могу отлучиться на двадцать минут для беседы с представителем средств массовой информации?

Мужчина встал, а потом уселся на стул. Он медленно оглядел комнату. Джерибери догадался, что со своего рабочего места незнакомец видел все приборные доски. Последовал ответ:

- Конечно идите, какой разговор.

Воспользовавшись автокаром, они вернулись в здание аэропорта и вошли в транслятор. Джерибери вставил в прорезь кредитную карточку ЦИА и подождал, пока Кьерульф набрал код.

Они оказались в бетонном строении. За большими квадратными окнами, почти на уровне пола, плескалась и дыбилась водная гладь. Сотрудники, заинтересовавшись, на секунду оторвались от своих наблюдений, но, узнав Кьерульфа, снова склонились над рабочими местами.

- Озеро Мичиган. А вот там... - Кьерульф указал на огромный белый, похожий на купол холм, и Джерибери, понял, что это был большой круглый остров, - ... находится амортизатор изменения скорости, принадлежавший "Юнайтед Эйрлайнс". Все подобные приборы выглядят точно так же, только они плавают в разных озерах, морях и океанах. "Аэрофлот" для этой цели использует Каспийское море, амортизатор компании "TWA" находится в Мексиканском заливе.

- Так что же это такое?

- По существу, это размягченное железо, помещенное в пенопласт, что обеспечивает плавучесть. От него подпитывается приемник перемещений. Видите, как двигается все это сооружение?

Мнимый остров медленно приподнялся из воды на несколько футов, потом так же медленно погрузился обратно. Водная зыбь, по мере приближения к станции, превращалась в волны.

- Сами понимаете, что весит эта махина немало. Сейчас я объясню, как она работает. Вы знаете, что вращение Земли ограничивает расстояние, на которое можно переместить груз. Пожелав попасть отсюда, скажем, в Рио-де-Жанейро, вы бы оказались подвешенными в воздухе и, кроме того, сбились бы с намеченной траектории в сторону. Но, вероятнее всего, вас подбросило бы вверх, так как Рио и эта станция находятся примерно на одинаковом расстоянии от экватора. Однако, если вы воспользуетесь дальнобойным транслятором, приемник заберет кинетическую энергию и передаст ее амортизатору скорости, принадлежащему "Юнайтед Эйрлайнс". Эта масса железа будет совершать колебания вверх-вниз или в стороны до тех пор, пока ее не остановит вода... или кто-то не начнет перемещаться сюда из Рио, а корпус амортизатора автоматически охладится.

Джерибери задумался.

- А как же сохранить вращение? Получается, что вы оказываете влияние на скорость движения Земли.

- Так и есть. На ее вращение можно воздействовать, нужно только следить, чтобы куда-нибудь уходила лишняя энергия. Для охлаждения крпуса амортизатора, в случае его перегрева, предусмотрены специальные насосы.

Джерибери вынул "Минокс".

- Вы не будете против, если я произведу съемку?

- Нет, ради Бога.

Кинокамера "Минокс", конечно, не могла заменить качественный аппарат, но, в сущности, это не имело большого значения.

Если бы он располагал временем, то непременно вернулся бы сюда... однако, скорее всего, ни одной лишней секунды для этого не останется. Джансен отснял сотрудников станции за работой и запечатлел Нилса Кьерульфа на фоне окон. Почти минуту он потратил на съемку гигантского искусственного острова, надеясь запечатлеть его движение, и был вознаграж-

ден - купол погрузился в воду, отплыл немного в сторону и вскоре снова показался над водой. Волны неистово бились о стену станции. Струя молочного пара вырвалась с вершины белой громадины.

- Отлично, - радостно пробормотал себе под нос Джерибери. Он убрал складные опоры, сунул камеру обратно в карман и повернулся к Кьерульфу, который с большим интересом наблюдал за действиями репортера.

- Мистер Кьерульф, не могли бы вы рассказать мне что-нибудь о контроле помещений? Такая система существует?

- Что вы имеете в виду? Таможню?

- Не совсем... а впрочем, расскажите и о таможне.

- В Лос-Анджелесе есть таможенный зал, который находится в "TWA". Вы в последнее время не выезжали за границу? Нет? В общем, в каждом крупном аэропорту существует таможенный зал. В маленьких городах он обычно всего один. Если вы набираете любой зарубежный код, вас направляют в таможенный зал, принадлежащий одной из наших компаний. Трансляторы, установленные там, не снабжены кодонабирателями. Чтобы продолжить путь, необходимо пройти пункт таможенного контроля.

- Умно придумано. А на перемещениях в пределах США предусмотрены какие-нибудь ограничения?

- Нет. В этом случае от пассажира требуется лишь оплатить рейс "шоколадными" долларами и набрать код. Другое дело, если этот человек находится под наблюдением полиции и собирается покинуть пределы города. Тогда стражи порядка имеют право установить контрольные пункты в залах с большим скоплением трансляторов. Иногда мы даже приостанавливаем работу аэропорта с тем, чтобы дать детективу возможность как следует разглядеть интересующего его пассажира.

- А "въезд" в наш город свободный?

- Да, но вообще-то существует возможность... - Кьерульф беспокойно оглянулся и только тогда продолжил: - с помощью дистанционного управления отключить любой из трансляторов от ближайшей системы эксплуатации "Джамп Штифт". Что вы имеете в виду, мятеж на улице Молл?

- Да.

Все темы для разговора были исчерпаны. Он расстался с Нилсом Кьерульфом в аэропорту "Юнайтед" в Лос-Анжелесе и набрал код таможенного зала.

В течение нескольких минут он наблюдал пассажиров, условно разделив их на две группы.

К первой относились туристы, путешествовавшие вдвоем, иногда с одним, двумя детьми. Они с любопытством поглядывали по сторонам, почти все торопились и выглядели немного испуганными, а одеты были нелепо. Перед тем как выйти из транслятора, они обычно недоверчиво оглядывали зал. Иногда такие пассажиры объединялись по несколько человек.

Вторую - составляли бизнесмены, прибывшие по одному. На них были строгие, чуть старомодные костюмы, а в руках они держали чемоданы, отличавшиеся от подобных только размером. Почти все они выглядели солиднее туристов, держались с чувством собственного достоинства, и покидали транслятор, едва появившись в нем.

У барьера стояли четверо мужчин, облаченнных в одинаковые темно-синие костюмы с нашивками на рукавах. Джерибери, находившийся "по ту сторону", не привлекал их внимания. Он уже было решил набрать код Мехико, а потом вернуться... когда один из таможенников заметил Джерибери и узнал в нем сенсатора.

Его звали Грегори Шеффер. Этот невысокого роста, плотный, не молодой уже человек присел на барьер, обхватив колени обеими руками.

- Конечно, я уделю вам столько времени, сколько потребуется. Сегодня не напряженный день. Наши трансляторы работают в полную силу исключительно накануне таких праздников, как Рождество, Новый год, День Бастилии. Посмотрите вокруг, - сказал он, энергично жестикулируя пухлой рукой. - Поток пассажиров за последние полгода вырос в четыре раза. Раньше я всегда просматривал каждую сумку, просто чтобы чем-то заняться. Если количество пассажиров будет увеличиваться такими темпами и дальше, в следующем году нам придется удвоить штат таможенников.

- Почему вы так думаете?..

- Вам известно, что дальнобойные трансляторы функционируют уже целых два года без перерыва? И только последние шесть месяцев начало прибывать столько людей. Им приходится снова привыкать путешествовать. Посмотрите, сколько вокруг пустого места! До того, как создали "Джамп Штифт", тут яблоку негде было упасть. Люди просто забыли, как много разъезжали по свету двадцать лет назад. Сколько воды утекло!

- Да, конечно, - Джерибери с трудом вспомнил, зачем пришел. - Мистер Шеффер...

- Грег.

- Джерибери. Основная задача таможни - не допустить контрабанды, не правда ли?

- Ну... так было раньше. Теперь мы можем снижать ее количество, и то не очень эффективно. Ни один нормальный человек не станет проносить контрабандные товары через таможню, ведь существуют более безопасные пути.

- Какие?

- Возьмем, к примеру, бриллианты. Их ведь практически невозможно повредить. В Канзас перемещают грузовой транслятор из... ну, в южной части Тихого океана всегда находится точка с той же широтой и долготой, что и нужный район США. Стоит только бросить якорь в определенном месте, и становится ненужным амортизатор изменения скорости. Таким образом можно ввезти в страну партию швейцарских часов. Хотя для этого пришлось бы изрядно потрудиться - поместить каждую в противоударную упаковку.

- Боже милостивый! Выходит, можно запросто доставить любую контрабанду куда угодно.

- Практически да. И необязательно даже прибегать к этой "океанической" уловке. Так что, я думаю, наша служба давно устарела, - подытожил Шеффер. - Да и законы о борьбе с контрабандой тоже пора обновить. Вы ведь не будете печатать то, что я сказал?

- Я не назову вашего имени.

- Тогда все в порядке.

- Вы не могли бы проводить меня к трансляторам прибытия? Мне бы хотелось сделать несколько кадров.

- Зачем?

- Я еще сам точно не знаю.

- Позвольте посмотреть ваши документы. - Грегори Шеффер по привычке не доверял людям, дающим уклончивые ответы на конкретные вопросы. В течение нескольких секунд он внимательно изучал карточку ЦИА и вдруг воскликнул: - Джансен! Мятеж на Молл!

- Точно.

- Что там все-таки произошло?

Потратив полминуты, Джерибери вкратце описал события, невольным свидетелем которых он явился.

- Так вот, теперь я пытаюсь понять, как это случилось. Если бы существовала возможность остановить людей, не дать им толпами скапливаться на улице Молл...

- Вы пришли не по адресу. Смотрите, сейчас здесь всего-навсего дюжина пассажиров, а мы работаем не покладая рук.

Представьте только, что бы мы делали, если бы сюда стали перемещаться люди сотнями?

- Однако у меня не пропало желание осмотреть трансляторы прибытия.

Шеффер задумался, пожал плечами и повел его по залу. Он, как тень, стоял за спиной Джерибери, пока тот осматривал и снимал то, что его интересовало.

Трансляторы практически ничем не отличались от уличных, вот только вместо кодонабирателя сверкала блестящая металлическая панель.

- Я не знаю, что находится под ней, - сказал Шеффер. - По мне, наши трансляторы - точные копии тех, что установлены на каждом углу. Кстати, на то, чтобы убрать из них кодонабиратели, тоже потребовалось немало труда.

В этих словах содержалось рациональное зерно, но Джерибери было от этого ничуть не легче.

6

Запись передачи "Вечерняя викторина" была намечена на два часа дня.

Через двадцать минут после начала знаменитость удобно устроилась в кресле, постукивая по подлокотникам кончиками пальцев. Он. кажется, не обращал никакого внимания на миллионы глаз, устремленных в этот момент на телеэкран. Это незаменимая и редкая привычка. На этот раз первый "вечерний" гость - ведущий одной из постоянных рубрик известного научно-популярного звукового журнала.

Он говорит:

- Вы когда-нибудь видели, чтобы вода в море была красной? На побережье в Хермоса Бич такое случается довольно часто. Я провел там последний уик-энд. Днем вода просто грязная и мутная; от нее исходит пренеприятный запах. А вот ночью...

Он говорит с таким запалом, что способен передать свои чувства через телеэкран пятидесяти миллионам умов. Его действительно волнуют поднимаемые передачей проблемы. Этот человек способен выражать то, что чувствует, более красноречиво, чем многие его соотечественники. Он подается вперед; его глаза сверкают, голос срывается.

- Эти микроорганизмы вспыхивают синим огнем! Светящийся планктон перемешался с влажными песчинками. Это свечение исходит не из поверхностного слоя. Чтобы поверить

моим словам, нужно увидеть эту красоту своими глазами, - заключает он.

Эта телевизионная передача выйдет в эфир вечером, в половине девятого.

7

Стандартные трансляторы: а существуют ли параметры их стандартизации?

Какие компании, кроме "Джамп Штифт", прооизводят их? Монополия? А надолго ли? Скачок в космос?

Исследователи космического пространства тесно связаны с проблемой телепортации. Но эта тема оказалась слишком узкой и не очень интересной. Совсем опустив эту сугубо специальную часть, он выиграет драгоценное время. Джерибери задумался, а потом заменил вопросительный знак на восклицательный.

От двенадцати часов, предоставленных ему Эвансом, осталось только девять.

Из шести наиболее посещаемых клубов квартала самым спокойным считался "Погребок де Руа". В его зале, отделанном камнем и деревом, никто не мешал посетителю думать о самом сокровенном. Задняя стенка бара была разделена на ячейки, в которых покоилось несколько сот бутылок вина. Джерибери, вглядываясь в разноцветные огоньки, отражавшиеся в стекле, сделал из прозрачного бокала маленький глоток шампанского и записал первую пришедшую ему в голову мысль.

Социология. Как открытие телепортации повлияло на развитие общества?

Автомобили.

Нефтяные компании. Нефтяные акции. Смотри последние номера "Уолл Стрит Джорнал".

Мятеж ваттов? Чикагский мятеж?

Последний пункт он сразу же вычеркнул. Чикагский мятеж, кажется, является политическим событием. Больше ему не удалось вспомнить ни одного подобного случая - слишком давно все это было. Он записал: *Предупреждение мятежей. Действия полиции.*

Преступления? После установки трансляторов, позволявших в считанные минуты исчезнуть с места происшествия, уровень преступности резко вырос, не правда ли?

Ему, бесспорно, придется заглянуть в полицейский участок, хотя он не хотел делать этого всеми фибрами своей души. Однако там можно узнать что-нибудь полезное.

Джерибери, естественно, не ставил перед собой задачу убедить всех в ненужности трансляторов перемещений.

Он записал. *ЦЕЛЬ. Показать, что трансляторы создают опасность возникновения мятежа. Это социальная проблема, требующая безотлагательного решения.* Чтобы быть до конца честным, он добавил: *Толпы меня раздражают.* В считанные минуты улица Молл превратилась в место скопления взбудораженных людей. В некоторых местах это может повторяться регулярно. Секунду помедлив, он написал: *Таити. Иерусалим. Мекка. Остров Пасхи. Стоунхендж. Ущелье Олдовей.*

Джерибери встал. Пора сделать несколько телефонных звонков.

- Доктора Уайта, пожалуйста, - попросил Джерибери, глядя на экран телефона.

Диспетчер "Семи шестерок", представшая перед его взором, была полной противоположностью сексуального символа. Эта дама по возрасту годилась Джерибери в тети; она была довольно статной, но красотой не блистала. Женщина выслушала его с холодным достоинством, которое могло в любую минуту превратиться в холодную суровость.

- Берри Джером Джансен, - представился он, стараясь быть как можно учтивее.

Увидев на экране надпись ПАУЗА и медленно двигавшиеся по верхней его части красные фигуры, он приготовился терпеливо ждать.

Опорные клубы созданы довольно давно и пользовались большой популярностью у населения. Каждый гражданин принадлежал одному из этих клубов, а некоторые являлись членами сразу нескольких.

Однако "Семь шестерок" резко отличался от своих собратьев. Его номер телефона знали все от мала до велика. Максимальное количество членов этого клуба, уже и так достаточно большое со дня его основания, на самом деле следовало увеличить в несколько раз, чтобы он смог принять всех желающих. В него вступали президенты, короли, лауреаты Нобелевской премии, люди, живущие по всему земному шару. Местонахождение клуба оставалось тайной, покрытой мраком. Где-то в умеренном поясе Земли.

Середняки и принадлежавшие к кругу Джерибери должны были набраться смелости перед тем, как набрать номер 666 - 6666, но ему это не представлялось чем-то сложным. Общению и раскованности он научился на тренингах во время обучения журналистике. Выйти на источник - если даже это высокостоящая организация; не забывать о вежливости, заранее набраться терпения, ни за что не отступать от намеченной цели и никогда не жалеть о потраченном времени.

Его всегда забавляло, что слово "журналистика" до сих пор не вышло из употребления, хотя газеты уже давно стали достоянием истории. В Конституции, призванной защищать права газетчиков, все еще фигурировало понятие "пресса". Однако изменить законы - дело нехитрое...

На экране снова появилось изображение.

Робин Уайт был пожилым ученым-физиком, чей авторитет в данной области был неоспорим еще в те времена, когда "Джамп Штифт" впервые продемонстрировал телепортацию. Теперь, по прошествии двадцати пяти лет, он являлся последним оставшимся в живых специалистом, входящим в знаменитый штат исследователей "Джамп Штифт". Правда, теперь его череп сверкал розовой лысиной, а лицо заметно округлилось и обмякло. Его внешность соответствовала типичному портрету чьего-нибудь любимого дедушки.

Он очень внимательно оглядел Джерибери с головы до пят и сказал:

- Мне было любопытно взглянуть на вас. - Затем потянулся к рычагу, чтобы отключиться.

- Я не делал этого, - поспешно сказал Джерибери.

Уайт задержал руку.

- Нет?!

- Я не несу ответственности за события на улице Молл и надеюсь доказать это.

Старик задумался.

- И собираетесь подключить к этому меня? Каким образом?

Джерибери решил рискнуть.

- Мне кажется возможным доказать связь с мятежом на Молл и существованием трансляторов. Вся проблема в том, что я недостаточно подкован в вопросе технологии создания трансляторов перемещений.

- И вам требуется моя помощь?

- Вы являетесь автором этого изобретения, - уверенно сказал Джерибери. - Как только оно появилось, начали вспыхи-

вать мятежи, подскочил уровень преступности, буйным цветом разрослась контрабанда. Вы что же, собираетесь отмахнуться от этих проблем?

Робин Уайт звонко рассмеялся, откинув голову и демонстрируя белые, ровные зубы. Джерибери терпеливо ждал, гадая, попадется ли собеседник на его удочку.

- Ладно, - сказал Уайт. - Приезжайте. Хотя подождите, о чем это я? Вы не можете попасть в "Семь шестерок". Нам лучше где-нибудь встретиться. "Л'Оранжери" в Нью-Йорк Сити. Жду вас в баре.

Изображение исчезло. "Быстро же он сдался", - подумал журналист. - "Давай, идиот, нужно успеть, пока он не передумал".

В Нью-Йорке как раз близился час коктейля. Зал "Л'Оранжери", отделанный полированным деревом, был освещен тусклым светом. На мармитах подогревались шведские фрикадельки. Джерибери съел несколько штук, он не хотел пить на пустой желудок. Поужинать до этого он не успел.

Появился Робин Уайт, одетый в серый плащ на кокетке, переходившей в короткую перелину, которая отливала всеми цветами радуги - последний писк моды. Уайт сделал глоток молока.

- Я постепенно избавляюсь от своих грехов, - сказал он. - Пристрастие к спиртному было последним, но оно еще иногда дает о себе знать: очень трудно совсем перестать пить. Я согласился встретиться с вами потому, что меня подкупило ваше умение убеждать людей. Как ваше имя?

Берри Джером Джансен.

- Давайте проще. Я - Роби. А как можно вас называть?

- Джерибери.

Уайт засмеялся.

- Я не могу называть взрослого человека Джерибери. Давайте сойдемся на Берри.

- Как вам угодно, сэр.

- Что вас интересует?

- "Джамп Штифт" - большая компания?

- Ооох, довольно-таки большая. Хотя все познается в сравнении.

Джерибери, до этого момента не понимавший, смеется ли над ним Уайт или нет, отогнал прочь свои сомнения.

- Сколько видов трансляторов вы выпускаете?

- Трудно сказать. Три типа бытовых и около дюжины - для космических исследований, но их до сих пор производит толь-

ко экспериментальный цех. Мы на этом теряем деньги, так как их серийное производство еще не налажено. В чертежах у нас уже есть космический корабль, способный переноситься к любому приемнику...

Джерибери напомнил ему:

- Вы сказали, что существует также три вида бытовых трансляторов.

- Да. Существуют также бытовые грузотрансляторы. Третья модель - огромный передвижной транслятор для перемещений объемных предметов или живых кашалотов. Груз может быть установлен внутри практически в любом месте и зафиксирован в нужном положении при помощи вертолетных ремней. Можете себе такое представить? - Уайт сделал глоток молока. - При этом вам надо принять к сведению, что я уже давно не у дел. Я занимаю должность Председателя правления, но всеми делами ведают молодые перспективные специалисты, а я даже в цехах никогда не бываю.

- Обладает ли "Джамп Штифт" монополией на производство трансляторов перемещений?

Последовавшая за этим вопросом реакция была характерна скорее для сенатора, чем для опытного бизнесмена, - плотно сжатые губы и прищуренные глаза.

- Я неудачно выбрал слово! - быстро среагировал Джерибери. - Я просто хотел спросить, кто производит трансляторы, хотя уверен, что марка вашей фирмы стоит на подавляющем большинстве выпускаемых в США пассажирских трансляторов.

- Абсолютно на всех, но монополия здесь не при чем. Трансляторы могла бы сделать другая компания, но это было бы для них слишком дорого. Цены снизятся только тогда, когда будет налажено массовое производство. Вот представьте себе... Возьмем, к примеру, "Чайл", который производит чуть меньше миллиона пассажирских трансляторов модели "Джамп Штифт". Предположим, что они будут выпускать свои собственные. Тогда им придется наладить свою сеть перемещений или подстраиваться под смежников и копировать старую чужую модель. Ведь трансляторы, используемые в городе, должны иметь один и тот же объем.

- Естественно.

- Вообще-то, в мире существует примерно десять трансляторных сетей, самой большой из которых пока является советская, а самой маленькой, думаю, бразильская.

- А что происходит в приемнике с воздухом?

Уайт расхохотался.

- Я ждал этого вопроса! - Наконец он успокоился. - Единственным возможным решением было посылать воздух из приемника в отправитель, а это означает, что каждый отправитель будет одновременно и приемником.

- Следовательно, становятся возможными бестаможенные перемещения, ведь будет известно, кто, когда и откуда отправится.

- Конечно, но разве вы стали бы рассчитывать на это?

- Да, если бы захотел провезти что-нибудь контрабандой, минуя таможню.

- Что вы имеете в виду?

- Я просто представил себе такую ситуацию. Трансляторы прибытия на таможне называются так потому, что в них отсутствуют кодонабиратели...

- Да, помню. Тип 1 производится без кодонабирателей.

- Ладно. Предположим, что вы незаконно хотите ввезти в страну партию какого-либо товара. Вы перемещаетесь на аргентинскую таможню, но потом ваш друг из Калифорнии переносится тоже в Аргентину прямо в ваш транслятор, а вы после этого - в его транслятор, в Калифорнию, и оказываетесь уже вне пределов досягаемости таможенников.

- Замечательно, - сказал Уайт. - Но, к сожалению, существует предохранитель, не дающий пассажирам перемещаться в уже занятый транслятор.

- Черт!

- Извините, - сказал Уайт. - Вас это на самом деле интересует? Существуют более простые способы контрабанды, и их много. Хотя вообще-то мне извиняться не за что, да и сам я никогда не требую извинений.

- Я пытаюсь понять, можно ли предотвратить новый мятеж путем реконструкции кодонабирателей.

Уайт задумался.

- Снимать их со всех трансляторов бесполезно. Если вы действительно хотите застраховаться от подобных событий, надежнее всего было бы остановить людей, не дать им прибывать на место происшествия. Может быть, имеет смысл установить в трансляторах счетчики?

- Хм.

- Как это все происходило, Берри?

- Толпы народу - как будто прорвало плотину. Трансляторы закрыли снаружи, но недостаточно быстро. Возможно, в

этом все дело. Наверное, стоит блокировать их при первых же признаках возникающего бунта?

- Против нас ополчились бы тысячи людей.

- Да и вы сами не остались бы в стороне, да?

- В 70-х и 80-х уже пытались ослабить освещение улиц и витрин. А борьбу с непристойными телефонными звонками помните? С ними не могли поделать ничего, и это злило людей, провоцировало их на необдуманные поступки... именно поэтому и вспыхивают мятежи, Берри. Всегда находятся те, кто готов крушить все на своем пути.

- Как это?

- Так случались все мятежи, которые я помню, - улыбнулся Уайт. - Хотя уже давно не было ни одного, и в этом есть заслуга "Джамп Штифт". Мы устранили некоторые причины, постоянно раздражавшие людей. Смог. Транспортные пробки. Медленную доставку почты. Грязные меблированные комнаты - теперь служащим вовсе необязательно жить поблизости от офиса, где они трудятся. Погоня за местом работы. Толпы на улицах. Вы когда-нибудь попадали в уличный затор?

- Разве только когда был совсем маленьким.

- Один мой друг, профессор в колледже, долго мучился оттого, что жил далеко от работы. Пять раз в неделю ему приходилось тратить целый час, чтобы добраться до колледжа утром, и час пятнадцать, чтобы попасть домой вечером. Можете вообразить себе такую ситуацию? Естественно, пришлось бросить преподавательскую деятельность и начать писать.

- Еще бы!

- Такие вещи случались сплошь и рядом, - серьезно продолжал Уайт. - Причем имейте в виду, ему пришлось бы совсем туго. Деятельность "Джамп Штифт" не может стать причиной, вызывающей мятежи. Как раз наоборот, она избавила людей от многих проблем.

Он замолчал, очевидно ожидая, что Джерибери согласится с его доводами.

Пауза затянулась, и собеседники уже начали чувствовать себя неловко... тем не менее, единственным, что Джерибери нашел возможным сказать, дабы исправить положение, было:

- А как же мятеж на Молл? - Он остался верен себе.

- Допивайте скорее, - резко сказал Уайт. - Я кое-что покажу вам.

- Покажете мне?

- Допивайте, и уйдем отсюда, - Уайт сделал три больших глотка, осушил свой стакан молока и поставил его на столик.

- Готовы?

- Конечно.

В стеклах зданий, расположенных на Мэдисон авеню, отражались лучи заходящего солнца. Робин Уайт, выйдя из "Л'Оранжери", повернул направо. В четырех футах находился транслятор перемещений.

Не дав Джерибери вставить в прорезь его карточку ЦИА, он сказал:

- Платить буду я. Идея ведь моя... кроме того, все равно некоторые из кодов засекречены. - Он вставил свою карточку и набрал три кода.

Дважды перед их взором не появилось ничего, кроме рядов дальнобойных трансляторов. На третий раз в глаза ударил яркий солнечный свет и потянуло морем. Вдали прямо из воды поднимался большой цилиндр с закругленной крышей. Перед ним простирался песчаный пляж; над водной гладью то тут, то там играли волны. На неровной металлической поверхности цилиндра выделялись оранжевые буквы:

"ДЖАМП ШТИФТ". ТРАНСПОРТИРОВКА СВЕЖЕЙ ВОДЫ.

- Я бы мог подвезти вас поближе на лодке, - сказал Уайт. - Но это будет лишь пустой тратой времени, так как вы там ничего не увидите. Внутри - вакуум. Знаете, как действует это сооружение?

- Конечно.

- Открытие телепортации было равнозначно появлению лазерной техники. Главное - сделано грандиознейшее изобретение, а уж как его использовать, каждый думал сам. Целых двенадцать лет мы производили исключительно телепортационные насосы для различных муниципалитетов, чтобы стало возможным переправлять свежую воду во всех направлениях. Однако проблема всегда заключалась в том, где взять эту самую свежую воду, а не как ее транспортировать. И знаете, во что переросла наша первая идея? Новый проект однажды ночью приснился моей секретарше. Она умудрилась записать все, что увидела, и на следующее утро мы все, по очереди, пытались разобрать ее почерк... но не в этом дело. Идея оказалась простой. На высоте тридцати четырех футов над уровнем моря устанавливается бак без дна, герметически закрытый со всех сторон. На его крыше - телепортационный насос. Когда воздух из бака телепортируется, морская вода закипает. С этого момента можно начинать телепортировать

пар, который конденсируется, и заказчики получают свежую воду. Хотите сделать снимки?

- Нет.

- Тогда давайте посмотрим, какие результаты дает этот наш агрегат, - предложил Уайт и набрал код.

Теперь солнце светило ярче. Транслятор находился у стены длинного деревянного строения. Вдали виднелись плоские залежи соли, а за ними похожие на синие привидения горы. Уайт открыл дверь.

- Ууф! - вырвалось у Джерибери.

- Долина Смерти. Жарко, да?

- В такие минуты у меня просто не хватает слов; я, конечно, не уверен, но, по-моему, здесь жарко, как в доменной печи. - Джерибери с головы до пят стал покрываться потом. - Я сейчас представляю, что нахожусь в сауне. Почему бы не установить транслятор прямо здесь?

Они обошли деревянную постройку и попали... в оазис. Джерибери почувствовал себя совсем разбитым. С одной стороны барака царила суровая красота безжизненной пустыни, с другой - искусственные насаждения, бесконечные ряды деревьев.

- Мы можем вырастить хоть черта в ступе поблизости от этого строения. Начали мы с финиковых пальм, потом перешли на апельсиновые и грейпфрутовые деревья, затем пошли ананасы, рисовые плантации, манго. Короче говоря, здесь приживаются все тропические растения, правда, при условии их достаточного снабжения водой.

Джерибери уже успел заметить водонапорную башню, с виду похожую на отправитель. Он сказал:

- Хорошая почва тоже не помешала бы.

- Ну, конечно. Земля в Долине Смерти оставляет желать лучшего. Нам приходится постоянно подвозить сюда удобрения. - Струйка пота стекла по щекам Уайта. Его лицо приняло суровое выражение. - Но дело в принципе. С помощью телепортации человек получает возможность жить в любом регионе планеты. Работая на Манхэттене, в центре Лос-Анджелеса или где угодно, вы можете поселиться в...

- Неваде.

- Или на Гавайях, или в Большом Каньоне! Скученность людей в городах являлась причиной мятежей. Наша компания способна хоть на некоторое время избавить человечество от этой проблемы. Продвижение происходит медленно, люди,

перемещаясь, вынуждены сталкиваться друг с другом. Однако, благодаря нашей деятельности, появилась надежда.

Джерибери молча обдумывал сказанное его спутником, а потом спросил:

- А как насчет окружающей среды?

- Что?

- Долина Смерти признана экологически чистым местом с уникальным климатом. Как на ней отразится неограниченная подача воды?

- Скорее всего, ситуация в корне изменится.

- Вот вы говрите, Гавайи, Большой Каньон. Слава Богу, еще существуют законы, запрещающие возводить многоквартирные дома в местах, являющихся национальными памятниками. На данный момент на Гавайях приблизительно такая же плотность населения, как в Нью-Йорке. С помощью ваших трансляторов каждый может оказаться там, где пожелает, верно?

- Да, наверное, - медленно сказал Уайт. - Загрязнение окружающей среды... Хм. Что вы знаете о Долине Смерти?

- Здесь жарко, - по лбу Джерибери струился пот.

- Раньше Долина Смерти была внутренним морем, причем соленым морем. Потом произошли существенные изменения климата, и оно высохло. Интересно, как это отразилось на экологической обстановке?

Джерибери поскреб затылок.

- Море?

- Да, море! И тот факт, что оно высохло, дало толчок экологическому дисбалансу, однако таким образом зародилась новая экологическая ситуация. То же самое теперь делаем и мы. Ладно, оставим наш спор. Я хочу показать вам кое-что. Так значит, загрязнение, да? - Уайт вцепился в руку Джерибери изо всех сил.

Старик явно разозлился. Оказавшись в трансляторе, он долго не мог вспомнить код. В конце концов дрожащими пальцами он нажал несколько кнопок, потом сделал паузу и набрал еще номер.

Промелькнул зал аэропорта, потом наступила кромешная тьма.

- Ох, черт. Я забыл, что здесь сейчас ночь.

- Где мы?

- Проект мелиорации пустыни Сахара, автор Рудольф Хилл. Нет, выходить здесь нечего, вы все равно ничего не увидите в темноте. Вы знаете что-нибудь об этом проекте?

- Здесь пытаются насадить настоящие леса, где будет все, что необходимо, начиная с деревьев и заканчивая животными. - Джерибери старался разглядеть хоть что-нибудь сквозь стеклянную стену транслятора, но тщетно. - Ну как, получается?

- Пожалуй, да. Если мы будем продолжать в том же духе еще лет двадцать, эта часть Сахары превратится в лесной массив. Вы и на этот раз станете утверждать, что мы нарушаем экологический баланс?

- Ну, в данном случае, возможно, цель оправдывает средства...

- В былые времена Сахара была покрыта буйной растительностью. Люди, использовавшие эту землю под пастбища в течение тысячелетий, загубили ее, превратив в пустыню. Мы намерены стимулировать обратный процесс.

- Ясно, - сказал Джерибери. По раздавшимся щелчкам он догадался, что Уайт набрал код. Теперь сквозь стекло сияли звезды, и было видно небо, на фоне которого отчетливо вырисовывались кроны деревьев.

Он мимоходом взглянул на мелькнувшие огни аэропорта и спросил:

- Как мы миновали таможню?

- Территория, на которой претворяется в жизнь Проект Хилла, официально принадлежит США. - Уайт снова набрал номер. - Настанет день, когда, всего несколько раз нажав на эти кнопки, вы сможете попасть куда угодно, - проговорил он. - Конечно, коренная реконструкция наших трансляторов станет нам в копеечку. Ну вот мы и на месте.

Слепящее солнце, песчаный пляж, бескрайнее море. Они очутились возле отеля, располагавшегося на самом берегу. Джерибери последовал за Уайтом, который уверенно шагал к воде.

Они остановились там, где заканчивался песок. Ласковые волны подкатывали прямо к их ногам.

- Карпинтерия. Этот пляж рекламируется как самый безопасный в мире. Он, несомненно, при этом является еще и самым скучным. Здесь не бывает штормов. Вы наверняка слышали о Карпинтерии, Берри?

- По-моему, нет.

- Экономическая катастрофа. Недалеко отсюда, в районе Санта Барбара, потерпел крушение нефтяной танкер. Все ближайшие пляжи буквально почернели, так как оказались залиты нефтью. Я был среди добровольцев, вызвавшихся спасать

птиц, очистить от нефти их перья. Однако они все равно погибли. То, о чем я вам рассказал, Берри, произошло почти пятьдесят лет назад.

Джерибери начал смутно припоминать давно забытый урок истории.

- Мне казалось, что это случилось в Англии.

- В мире было много подобного рода случаев. Теперь нефть переправляется в трансляторах перемещений, да и не очень-то широко ее применяют.

- Автомобилей нет.

- Практически нет нефтяных скважин.

Они вернулись к отелю.

Через стенку сооруженного под водой стеклянного колпака был прекрасно виден искусственный риф, состоявший из остовов старых машин. Казалось, что их контуры стерлись, а форма изменилась под воздействием грязи, времени и облепивших их стай рыб. Проржавевшие насквозь металлические корпуса служили прекрасным убежищем для обитателей морского дна. Создавалось впечатление, что эта груда металла была свалена сюда только вчера - ни одну "машину" не отнесло в сторону.

Риф постепенно удалялся, исчезая в темноте.

Вот все, что осталось от автомобилей.

- Восточная река казалась настолько грязной, что люди поговаривали, что вода в ней способна самовозгораться, - сказал Уайт. - Теперь вы видите ее собственными глазами.

Мимо проплывали различные предметы. Куски пластмассы и металла были окружены пятнами отвратительной пены.

- Да, чистой эту воду не назовешь, - констатировал Джерибери.

- Вы правы, но только не подумайте, что эта река входит в канализационную систему. С помощью телепортации стало гораздо легче избавиться от этой гадости.

- Похоже, все дело в том, что сам я никогда не был свидетелем экологических катастроф, о которых вы рассказываете - разлитая нефть, озеро Мичиган, Миссисипи. Вы, может быть, преувеличиваете. Так какова же роль телепортации в мероприятиях по очистке, к примеру, загрязненных водоемов?

- Существуют записи, фотографии.

- Но людям-то гораздо проще сваливать все отходы в реку. Им наплевать на ваши расчудесные бездонные мусорные баки.

- Ну естественно.

- Причем собранные вами шлаки все равно нужно где-то захоронить.

Уайт взглянул на него с интересом.

- Очень проницательное замечание, Берри. Перейдем к следующему этапу.

Загородив спиной кодонабиратель, Уайт начал нажимать кнопки.

- Номер засекречен, - объяснил он. - Отправляемся в экспериментальную лабораторию компании "Джамп Штифт". Помещений нам требуется немного - опыты, связанные с телепортацией, практически безопасны...

Однако помещений оказалось предостаточно, и размещались они в огромном сборном здании из гофрированного железа. Сквозь прозрачные панели Джерибери увидел и соседние постройки, расположенные далеко друг от друга. Солнце стояло под углом сорок пять градусов. Знай он, где север, можно было бы рассчитать широту и долготу.

Очень высокая черноволосая женщина в белом халате встретила старика восторженными криками.

- Джемини Джоунс, - представил ее Уайт. - Джем, куда вы направляете радиоактивные отходы?

- В четвертое здание.

Копна черных, как смоль, волос обрамляла голову женщины-физика, делая ее похожей на черный одуванчик и зрительно прибавляя лишние дюймы к ее росту. Она взглянула на Джерибери с неподдельным любопытством.

- Сенсатор?

- Точно.

- Никогда не пытайтесь обмануть кого-нибудь. Вас выдают глаза.

Все трое вошли в транслятор и отправились в четвертое здание. Прошло несколько секунд, и они уже разглядывали металлический цилиндр через несколько запломбированных стеклянных панелей.

- Примерно каждые двадцать минут мы получаем груз, - сказала Джем Джоунс. - На каждой большой электростанции в США установлен отправитель, связанный с нашим приемником, который мы не отключаем ни на секунду. Если груз автоматически отсылается обратно, нам приходится выяснять причину. Это отнимает массу времени, потому что обычно неисправность оказывается в спусковом корабле.

- Спусковом корабле? - переспросил Джерибери.

Джемини Джоунс была искренне удивлена его полным неведением. Уайт сказал:

- Берри, как вы думаете, какие отходы представляют наибольшую опасность?

- Расскажите мне, пожалуйста, об этом сами.

- Я говорю о радиоактивных отходах, доставляемых сюда с атомных электростанций. Мы, в свою очередь, отправляем их на спусковой корабль. Неужели вы об этом ничего не знали?

- Я, конечно...

- Спусковой корабль - это передвижной телепортационный приемник с космическим зондом, у которого открыт один конец. Груз перемещается со скоростью, отличной от скорости спускового корабля, работающего исключительно в вакууме.

- Груз, - тихо предупредила Джем Джоунс.

Что-то непонятное появилось в металлическом цилиндре и исчезло еще до того, как Джерибери успел приглядеться.

- А где он находится, этот спусковой корабль?

- Вращается вокруг Венеры, - сказал Уайт. - Первоначально это входило в план освоения Венеры. С помощью спускового корабля появляется возможность перемещать все что угодно: топливо, кислород, пищевые продукты, воду и даже не очень громоздкие транспортные средства. Вокруг каждой из планет Солнечной системы, кроме Нептуна, вращается корабль. Перед тем как вернуться с Венеры, экспедиция оставила корабль на орбите. Вначале думали, что он даст возможность отправить туда еще одну группу исследователей, но, поразмыслив, решили, что эта планета для нас не очень интересна. Ведь мы используем ее лишь в качестве свалки - это все, на что она годится. К тому же теоретически не существует никаких помех для перемещения отходов через вращающийся вокруг Венеры спусковой корабль, пока он правильно ориентирован. Отправителей много, приемник - один. Конечно, возможна перегрузка, и тогда все отсылается обратно в отправитель, цикл повторяется. Как видите, никаких проблем.

- И сколько это стоит?

- Очень дорого. Ужасно. Затраты огромны, но следует учитывать, какую опасность таят в себе радиоактивные отходы. Я не перестаю надеяться, что когда-нибудь мы сможем от них избавиться и вовсе. - Уайт замолчал; он выглядел озабоченным. - Ничего, если я присяду?

Вокруг стола были расставлены складные стулья. Уайт тяжело опустился на один из них; Джем Джоунс поддерживала его под локоть. Она спросила:

- Может быть, вызвать доктора Жанеско?

- Нет, Джем, я просто устал. Здесь где-нибудь есть автомат с кока-колой?

Джерибери, найдя автомат, опустил "шоколадный" доллар и получил взамен две банки кока-колы. Повернувшись, он чуть было не задел Джемини Джоунс.

Она заговорила почти шепотом.

- Вы его просто загоняли. Вам не кажется, что стоит дать ему отдохнуть?

- Это он меня загонял! - прошептал ей в ответ Джерибери.

- В это нетрудно поверить. Постарайтесь устроить так, чтобы он успокоился.

Уайт открыл банку и залпом выпил почти все содержимое.

- Мне уже лучше, - он вздохнул.

- Теперь-то вы понимаете, что мы очищаем мир, а не загрязняем его?

- Да, я согласен.

- Спасибо.

- Мне не следовало бы спрашивать об этом вас. Сколько вы получили за мятеж на Молл?

Джерибери смутился.

- Мятеж на улице Молл еще не закончился, и они все еще обвиняют меня.

- А вы все еще обвиняете "Джамп Штифт".

- Смотря с какой стороны подойти к делу, - терпеливо сказал Джерибери. - Если даже... скажем, десять человек из каждого миллиона получат возможность ограбить магазин, то по США это составит четыре тысячи человек. Эти преступники запросто попадут в Санта Моника Молл за время, которое потребуется для набора двадцати одной цифры.

- Что же вы нам предлагаете? Больше ничего не изобретать?

- Нет, я совсем не об этом. - Джерибери открыл еще одну банку кока-колы.

- Что же тогда?

- Я сам толком не знаю. Но одна проблема влечет за собой другую. Означает ли это, что следует вообще отмахнуться от проблем?

- Ну что ж, давайте решим хотя бы одну.

Они сидели, потягивая кока-колу. Обоим очень хотелось отдохнуть. "Я выбился из сил в погоне за стариком!" - подумал Джерибери.

- Слишком велика плотность населения, - сказал он вслух.

- Конечно.

- Может быть, создать один приемник, рассчитанный на много отправителей. Фактически... каждый транслятор в городе принимает пассажиров из любого другого. А реально ли создать такой, который будет настроен только на отправку?

Уайт поднял глаза.

- Конечно, если присвоить не указанный в справочнике код.

- Но ведь воздух необходимо передавать обратно в отправитель.

- Быть может, следует включить в код такого приемника букву Н, которая есть только в номерах участков полиции и пунктов пожарной охраны. Н означает "непредвиденный случай".

- Неплохо придумано. Такие трансляторы следует установить в местах, где существует возможность большого скопления людей.

- Такое может случиться где угодно, вы же сами говорили.

- М-да.

- Нам придется удвоить количество трансляторов, расположенных по всей стране... или вдвое сократить число трансляторов прибытия. Тогда, чтобы добраться в место назначения, пассажиру потребуется делать пересадку. Так стоит ли огород городить?

- Сомневаюсь, чтобы это был последний мятеж, - заметил Джерибери. - Популярность перемещений к далеким местам растет, превращаясь в своеобразный туризм. Ваши трансляторы коротких перемещений резко сократили число тех, кто любил путешествовать. Дальнобойные трансляторы дали этим людям такую возможность. Вы можете себе представить, что будет, если вспыхнет непрекращающийся мятеж? Грабители, кочующие от толпы к толпе, "вооруженные" увесистыми кошельками, прикарманивающие все, что попадется им под руку...

- Я не хочу даже думать об этом.

Джерибери положил руку на плечо пожилого ученого.

- Пусть это вас не волнует. Вы необыкновенный человек. Вы творите чудеса. Вы ничуть не виноваты в том, как люди используют ваши изобретения. Быть может, именно вы спасли

мир. Степень загрязнения окружающей среды прогрессировала со страшной скоростью до тех пор, пока на арене не появилась "Джамп Шифт".

- Видит Бог, это чистая правда.

- Мне придется покинуть вас. Я должен еще многое увидеть собственными глазами, а время не ждет.

8

Таити. Иерусалим. Мекка. Остров Пасхи. Стоунхендж. Места с мировой известностью. чьи названия невольно всплывают в памяти. Набрать код одного из них в порыве может любой.

Мекка. Вереницы мусульман (количество можно уточнить и позже) стекаются сюда пять раз в день. Коран призывает каждого мусульманина совершить хотя раз в жизни паломничество к святыне. Единственной отраслью промышленности, развитой в этом городе, является изготовление предметов религиозного культа. И попасть в такое место можно, нажав всего несколько кнопок...

Стоунхендж. Загадка древности. Кто, когда и зачем возвел эти каменные постройки? Ни один ученый не способен дать четкий ответ на этот вопрос. Дорога, идущая от северо-восточного гористого склона мимо могильных холмов, вела... к стоявшему на возвышенности дальнобойному транслятору.

В Стоунхендже сейчас примерно одиннадцать часов вечера. Час ночи в Мекке и Иерусалиме. Эти города уже спят. Джерибери вычеркнул их из списка.

Эйфелева башня, египетские пирамиды, сфинксы, Ватикан, черт побери, во всех известнейших местах мира уже стемнело. Что он увидит там в полночь?

Тогда...

Таити. Стоит только сказать "рай в тропиках", и каждый услышавший благоговейно прошепчет: "Таити". Гавайи, конечно, ничуть не уступают, но расположены они слишком близко ко всем цивилизованным городам, поэтому от их самобытности уже осталось одно воспоминание. Таити, находящийся в южном полушарии, расположен в уединенном месте и по этой причине избежал такой участи.

Все поплыло перед глазами, когда он закончил набирать код. Джерибери прислонился к стене, испуганно озираясь по сторонам. Ведь он погибнет, если не произошла передача скорости! Должно быть, просто слегка нарушилась синхронность.

Он слишком много знал, вот и все.

По эту сторону барьера находилось шесть трансляторов разного типа. Единственный таможенник с унылым видом пропускал мимо себя непрерывный поток пассажиров, похоже, не разглядывая ни одного из них.

Джерибери присоединился к этой движущейся толпе.

Вокруг него были в основном мужчины. Многие держали в руках видеокамеры и лишь некоторые - чемоданы. Среди пассажиров угадывались англичане, американцы, французы, немцы и даже испанцы и русские. Большинство были одеты в светлые... и дешевые костюмы. Туристы, прошедшие таможенный досмотр, толпились возле прямоугольных трансляторов отправления, у которых одна из стен была стеклянной и которые принадлежали Общему Рынку. Джерибери заметил напряженное и испуганное выражение на многих лицах. Может быть, их смущало это новое, чистое, современное здание, где, казалось, уже начинается "райский остров", кондиционеры и яркое освещение?

Выстояв очередь, чтобы позвонить, Джерибери обнаружил, что автомат не принимает ни его денег, ни его кредитной карточки. По дороге к прилавку, где меняли валюту, он рассматривал трансляторы. Получив целую пригоршню французских монет, он вернулся к автомату.

Компьютерный справочник реагировал на английскую речь и моментально сообщил коды трансляторов, установленных в центре Папеэте.

Наконец-то он снова ощутил себя сенсатором. Набрав код, он всматривался в мелькавшие пейзажи, оглядывался по сторонам, опуская в прорезь жетоны, и снова набирал код. Жетоноприемник был расположен очень высоко, и жетоны казались слишком большими и тонкими. К тому же, кодонабиратель представлял собой диск с отверстиями. Несмотря на эти мелкие неудобства, Джерибери, однако, вскоре полностью освоился в трансляторе.

Перед ним простирался пляж, ограниченный недостроенными гостиницами причудливых форм. Он сразу понял, что наибольшее количество людей в Папеэте можно увидеть на пляже и в воде. Загорающих было так много, что позже он не мог вспомнить цвет песка на побережье - его плотно закрывали человеческие тела.

В центре располагались высотные здания со стеклянными фасадами, строительство некоторых из них уже завершилось, а другие были еще недостроены. Встречались в городе как хижины, так и великолепные особняки. Однако, что бы ни попадалось ему на пути - всюду виднелись палатки и навесы, установленные в спешке. Они располагались перед трансляторами, кафе и туалетами, что очень мешало прохожим. Протянувшийся на несколько кварталов рынок под открытым небом был с обоих концов блокирован палатками и тентами, так что попасть туда можно было лишь с помощью транслятора.

"Они зашли еще дальше нас, - подумал Джерибери. - Если есть трансляторы, то кому нужны улицы?" Эта мысль не позабавила его, а, наоборот, привела в ужас.

По дороге ему повстречалось несколько нищих. Вначале он не обращал на них внимания, так как шел очень быстрым шагом. Но как только он выходил из очередного транслятора, хотя бы пара горожан решительно направлялась в его сторону. Он остановился у стеклянной стены какого-то здания, окруженного палатками, и стал ждать.

Нищие. В некоторых из них безошибочно угадывались коренные жители - эти мужчины, женщины и дети необычайно походили друг на друга бронзовой кожей, одеждой, акцентом и движениями. Однако они оказались в меньшинстве. А подавляющее большинство составляли белые люди, иностранцы. Они подходили к Джерибери с распростертыми объятиями, улыбаясь или придавая своим лицам скорбное выражение, и начинали тараторить на языке, который он, по их мнению, должен был понимать. Половина из них не ошибалась в своем выборе.

Он пробовал набирать различные коды - нищие одолевали его повсюду.

Итак, Таити оказался мечтой состоятельных людей.

Ему надоело слоняться по Папеэте, и, заглянув в свой список кодов, Джансен набрал тот, который переместил его за город.

Когда он открыл дверь, воздух клубами вырвался из транслятора. Джерибери пришлось как следует зевнуть, так как за время перемещения у него заложило уши.

Какой пейзаж! Он находился недалеко от вершины гранитной горы. Перед ним простиралась долина с пышной растительностью. Все вокруг было зеленым и желтым, над головой - белые облака, вдали - серо-голубые скалы, а еще дальше - море.

Поблизости располагался автобусный вокзал, и к Джерибери как раз приближался старый автобус дальнего следования. Водитель затормозил и с дружелюбным видом прокричал что-то на французском языке. Джерибери улыбнулся в ответ и решительно замотал головой. Водитель пожал плечами, и автобус пронесся мимо.

Вряд ли здесь с самого начала был устроен вокзал. Чтобы добраться сюда до изобретения трансляторов перемещений, нужно было было потратить многие и многие часы. Перебазировав сюда автобусный вокзал, бюро путешествий преуспевало.

Автобус был переполнен. Предприятие оказалось очень выгодным.

Джерибери долгое время стоял, не двигаясь, упиваясь пышной красотой острова. Так вот чем прославился Таити! Демографический взрыв ничуть не отразился на самобытности местной природы, и это казалось настоящим чудом.

Он вовремя вспомнил, что предоставленные ему двенадцать часов вот-вот истекут, и нехотя направился к кассе.

Молодой человек любезно улыбнулся ему:

- Я вас слушаю.

- Вы говорите по-английски?

- Конечно. - Черты его лица и цвет кожи выдавали коренного таитянина. Он довольно чисто говорил по-английски, а еле заметный акцент был отнюдь не французским. - Вы хотите приобрести билет на экскурсию?

- Нет, благодарю. Я бы хотел побеседовать с вами, если у вас найдется свободная минутка.

- Что именно вас интересует?

- Таити. Я - сенсатор.

Лицо молодого человека стало менее привлекательным.

- Вы хотите рассказать всем о нашем острове?

- Вроде того.

На лице кассира не осталось уже и следов улыбки.

- Можете вернуться в свою страну и сообщить, что Таити и так битком набит.

- Я обратил на это внимание в Папеэте.

- Мне посчастливилось иметь дом в Папеэте - говорили, надежная недвижимость. Но мою семью силой заставили уехать оттуда! Из дома было даже толком не выйти... - он так разгорячился, что стал говорить с паузами. - Его плотно окружили палатками... - Он употребил слово, которого Джерибери не расслышал. - У нас не хватало денег, чтобы купить

транслятор мгновенного действия. Да мы и не могли бы подвезти его к дому, потому что... - Джерибери снова не понял этого слова. -... запрудили улицы. Полиция оказалась бессильна.

- Почему?

- Их слишком много. Мы же не звери и не способны расстреливать людей в упор, а лишь это способно остановить их. Они приезжают сюда без денег, без одежды, и остановиться им негде. Но. однако, это не самая большая проблема. Расскажете об этом, когда вернетесь?

- Я записываю на пленку все, что вы говорите.

- Объясните, что самые противные те, у которых куча денег. Они строят отели повсюду, и я не сомневаюсь, что в конце концов наш остров превратится в одну сплошную гигантскую гостиницу! Смотрите сами! - Он махнул рукой, указав куда-то вниз к подножию горы. - Клуб "Плейбой" строит под нами новый отель.

Джерибери взглянул на временные постройки и на огромную стальную коробку с вертолетными роторами на ней. Он достал "Минокс" и запечатлел все это на пленку, затем отснял панораму находившихся вдали гор и закончил съемку, увековечив с помощью камеры хмурое лицо молодого человека в билетной кассе.

- Скваттеры, - неожиданно произнес кассир. - Я никак не мог толком вспомнить это слово. Я уверен, что в нашем доме, как только мы его покинули, поселились скваттеры. Не забудьте сказать, что они нам осточертели.

- Обязательно скажу, - заверил его Джерибери. Напоследок, перед тем, как покинуть эту долину, он окинул ее долгим взглядом. Буйная изумрудно-зеленая растительность, серо-голубые горы, полоса моря вдали... но его глаза задержались на сплошном потоке стройматериалов, выгружаемых из грузового транслятора третьего типа, принадлежавшего клубу "Плейбой".

Остров Пасхи. Огромные, большелицые, торжественные каменные статуи с головами из красноватого вулканического туфа. Карикатуры на них встречались даже чаще, чем фотографии ("Помолчи, пока не уедут эти археологи!" - шепчет одна статуя другой), которые, несмотря на свою достоверность, едва ли могли дать представление о невозмутимой торжественности каменных гигантов. Но и на этот древнейший остров можно попасть за считанные минуты - стоит только набрать код...

Проблема в том, что в справочнике наверняка нет данных о трансляторах на острове Пасхи.

Несомненно, должна существовать какая-то возможность попасть туда с помощью транслятора, но вряд ли перспектива появления на острове Пасхи миллионов иностранных туристов вызывает энтузиазм у правительства Перу.

Итак, существовала и обратная сторона медали - трансляторы перемещений давали возможность попасть в любую точку земного шара, но с тем условием, что там тоже должен быть установлен транслятор. Набирая код аэропорта "Лос-Анджелес Интернейшнл", Джерибери удовлетворенно улыбался.

9

В полицейском участке, находившемся на Пьюрдю авеню, не нашлось ни единого человека, изъявившего желание побеседовать с сенсатором.

Его профессиональное терпение не покидало его, хоть и казалось несовместимым с постоянными перемещениями. В конце концов, один из дежурных соблаговолил выделить немного времени и произнес:

- Послушайте, все очень заняты. Мы заканчиваем расчищать улицу Молл после мятежа.

- Заканчиваете? Мятеж подавлен?

- Почти. Нам пришлось убрать из Чикаго все трансляторы, способствовавшие увеличению толпы бунтовщиков. Теперь эту технику, конечно, придется устанавливать снова. Но инцидент исчерпан.

- Отлично!

- Рано радоваться. Я ведь не говорю, что все виновные наказаны. Банда грабителей умудрилась подтащить грузовой транслятор ко входу в магазин "Пенни". Таким образом им удалось поместить туда награбленное и скрыться самим. Когда они появятся снова, мы такой наглости уже не потерпим. Правда, теперь бандиты вооружены.

- Ряды мятежников постоянно пополнялись?

- Можно сказать, что да. Послушайте, у меня нет времени на разговоры. - Он вернулся к телефону.

Следующий полицейский, которого остановил Джерибери, узнал его с первого взгляда.

- Так это вы заварили всю эту кашу! Не мешайте работать.

Джерибери вышел на улицу.

Летний закат. Наступило время коктейля... прошло три с половиной часа.

Выйдя из полицейского участка, Джерибери почувствовал, что у него кружится голова. Он прислонился к стене. Наверное, виной всему постоянные перемещения - за сегодняшний день он сменил слишком много мест, временных поясов и климатических зон. Из вечернего Нью-Йорка он окунался то в сырость морского побережья, то в жару доменной печи в Долине Смерти, то в ночную Сахару. Трудно было даже перечислить все те места, где он побывал.

Почувствовав себя лучше, он направился к "Погребку де Руа".

Каждый человек ищет оптимальную для него пропорциональность между переменами и постоянством. Если ничего не меняется, ему становится скучно. Отсутствие стабильности ввергает его в панику, лишает возможности адаптироваться к данным условиям. Тот, кто за десять лет сменил шесть жен, никогда не расстанется со своим местом работы. Тот, кто постоянно ездит в служебные командировки, не бросит свою подругу. Женщина, прикованная к дому и семье, вскоре почувствует непреодолимое желание изменить что-нибудь в своей внешности, завести любовника или постоянно участвовать в карнавалах.

Смену событий обеспечивают трансляторы перемещений, а вот стабильность обрести очень трудно. Для многих воплощением постоянства и стабильности являются клубы, некоторые из них имеют филиалы в разных городах. Член такого клуба, покинув свой родной Вайоминг, находил его в Денвере. Люди, вступившие в один и тот же клуб, очень часто становились похожими друг на друга. Те же, кто привык к постоянной смене ролей, менял клубы, как перчатки.

Клубы предоставляли людям редкую возможность общения, чего теперь уже не могли обеспечить ни автобусы, ни аэропорты, ни даже дворы. Некоторые из них предлагали развлечения, в некоторых велись серьезные споры и дискуссии. В "Пляжном клубе", к примеру, можно было сыграть партию в пинг-понг.

"Погребок" действовал на приходивших сюда людей умиротворяюще. Поданный по первому требованию клиента стаканчик виски и прохлада полутемного бара сразу пришлись по вкусу Джерибери, и сейчас он почувствовал острую необходимость во всем этом. Вглядываясь в огоньки, отражавшиеся в расставленных вдоль стенки бутылках, он пытался вспом-

нить вертевшуюся у него на языке фамилию. Как только она, наконец, всплыла в памяти, он поспешно записал ее и продолжил самозабвенно потягивать виски.

Гарри Мак Корд был начальником полиции Лос-Анджелеса в течение двенадцати лет, а на службе состоял и того больше. В отставку он ушел лишь год назад. Чтобы найти его номер, компьютерному справочнику потребовалось немало времени - Мак Корд жил в Орегоне.

Его маленький домик стоял в сосновом бору. С веранды была видна разбитая грязная дорога, служившая здесь единственным связующим звеном с цивилизованным миром, и создавалось впечатление, что она вот-вот затеряется в высокой траве. Однако установленный неподалеку транслятор оказался на удивление новым.

Удобно устроившись на веранде, они взяли в руки по кружке пива.

- Преступление - вещь совершенно обычная, - сказал Гарри Мак Корд.

- Меня интересует зависимость количества неправомерных поступков от наличия трансляторов на месте их совершения, - объяснил Джерибери. - Хотелось бы знать, повлияла ли возможность в считанные секунды скрыться от полиции на результативность вашей работы.

- Так вот вы о чем!

Джерибери терпеливо ждал, когда он снова заговорит.

- Изобретение трансляторов довольно-таки круто изменило нашу жизнь, а соответственно повлияло и на деятельность органов правопорядка. Трансляторы появились в ... когда? В тысяча девятьсот девяностом году? Но их внедрение происходило достаточно медленно, чтобы мы успели к ним привыкнуть. Общеизвестным, например, является тот факт, что поначалу некоторые люди устанавливали трансляторы прямо у себя в гостиных, а когда у них из квартир выносили всё подчистую, обвиняли нас в недостаточной бдительности... - Начав говорить очень неторопливо, Мак Корд постепенно набирал скорость. Он уже давно был крупным общественным деятелем и слыл прекрасным оратором. - Итак, начнем. Кража со взломом: В данном случае трансляторы даже приносили кое-какую пользу. Если дом или квартира стояли на сигнализации, охрана получала возможность почти моментально прибыть по тревоге на место преступления. В случае, когда вор,

заметив блокировку, сразу же покидал дом, он не успевал ограбить свою жертву.

Существовали также усложненные системы сигнализации, запиравшие изнутри дверь транслятора и тем самым задерживавшие преступника до прибытия полиции. Находились, естественно, профессионалы, которые были способны проникнуть в стоявшую под охраной квартиру, и при этом в полицию не поступало сигнала тревоги. Тогда не оставалось практически никакой надежды задержать их после того, как они исчезали с места происшествия. Попадались, наоборот, и раззявы, которые не успевали покинуть дом только потому, что забывали купить заранее жетоны для транслятора.

Небезызвестен и некий Лон Виллис, который, пробравшись в квартиру, баррикадировал снаружи дверь транслятора. Заметив, что сработала сигнализация, он проникал в одну из соседних квартир и исчезал с помощью транслятора, установленного там. Его система работала безотказно - он отнимал у нас столько времени, что поймать его становилось несбыточной мечтой. Но однажды вечером он вскрыл квартиру, находившуюся под охраной, и, заметив это, хотел было прибегнуть к своей обычной хитрости, но хозяин соседней квартиры легко ранил его, и этого оказалось достаточно, чтобы мы смогли задержать вора.

Убийство: Понятие алиби с появлением трансляторов исчезло навсегда. Преступник, веселившийся весь вечер на званом ужине в Париже, вполне мог застрелить в этот вечер кого-нибудь на Гавайях. Причем вся "процедура" занимала столько же времени, сколько требовалось на мытье рук.

Так поступал Джордж Клейтон Ларкин. Он не учел лишь того, что мы можем найти его по номеру кредитной карточки, которой он оплачивал перемещение, - сказал Мак Корд. - По собственной глупости попалась и Люсиль Доуни - у нее закончились жетоны, и ей пришлось купить их в киоске. И это с запачканными кровью рукавами!

Воры-карманники: У вас есть карман с "замком"?

- Конечно, - ответил Джерибери. Его внутренний карман с прочной пластмассой, вшитой в подкладку, застегивался на молнию, открыть которую можно было только обеими руками. - Украсть что-нибудь из него очень трудно, но все же возможно.

- Что у вас там лежит? Кредитки?

- Верно.

- Вы ведь можете за три минуты заморозить их действие. Карманные кражи уже невыгодны, иначе толпа воров напала бы на участников мятежа на Молл.

Контрабанда: Никто и не пытается бороться с этим видом преступлений.

Наркотики: Пока что мы не нашли способа, оградившего бы нас от ввоза их в страну. Наркотики может приобрести любой, кому они нужны. Мы арестовываем всех, кто причастен к наркобизнесу, и что из этого? Лично я делаю ставку только на Дарвина.

- Что вы этим хотите сказать?

- Следующее поколение откажется от наркотиков, потому что их родители не лишены здравого смысла. Если бы это зависело от меня, я бы узаконил это пресловутое "электродное удовольствие". Электрод, вживленный в ваш мозговой центр удовольствия, даст вам все то, чего сейчас ожидают от наркотиков, и тогда на вас уже не сможет рассчитывать ни один торговец этим товаром.

Мятежи: Мятеж на улице Молл стал первым удавшимся мятежом за последние двадцать лет. Полиция всегда имела возможность попасть к месту событий еще до того, как инцидент перерастал в мятеж, - заявил Мак Корд. - Мы называем это явление синдромом толпы и стараемся предотвратить его возникновение. Мы поставили перед собой такую задачу с тех пор... с тех пор, как это стало реальностью. - Он замолчал, обдумывая, стоит ли говорить дальше, и затем решительно продолжал: - Обратите внимание, трансляторы с жетоноприемниками обычно сначала устанавливались в местах, где сосредоточены магазины, а уж потом - в жилых кварталах. Мятежи вспыхивали и до того, как "Джамп Шифт" поместила свои трансляторы в районах бедноты.

- Разумно.

Мак Корд рассмеялся.

- Я рассказал вам только половину. Когда трансляторы появились в трущобах, мятежи почти прекратились. Люди перестали быть привязанными к своим домам, начали перемещаться по стране.

- Как вы думаете, почему полиция не пресекла мятеж на Молл?

- Забавно было наблюдать за происходящим, да? Я стал непосредственным свидетелем - случайно оказался в тот день на Молл. Вы видели, что происходило около грузового транслятора, находящегося в подвале магазина "Пенни"?

- Нет.

- Там работали профессионалы, уверенные в своих силах, не допускавшие ни единой ошибки. Похоже, что они действовали по определенной схеме. Мы проследили передвижение награбленных ими вещей до грузоприемника, находящегося в центре Лос-Анджелеса, но так и не узнали, куда они отправились дальше, так как кто-то из преступников остался, повредил приемник и скрылся. Настоящий профессионализм. Некая хорошо организованная банда решила использовать мятежи в своих корыстных целях.

- Вы считаете, что это была для них проба пера?

- По-моему да. Похоже, они поняли, что настало их время. Видимо, эти люди достаточно хитрые и проницательные, так как осознали, что с внедрением дальнобойных трансляторов синдром толпы стал возникать гораздо чаще, чем раньше. Это новый вид преступлений. Когда я думаю об этом, я немного жалею, что ушел в отставку.

- У вас есть какая-нибудь идея по поводу усовершенствования трансляторов? Возможно ли облегчить работу полиции?

Мак Корд не стал распространяться по этому поводу - он слишком плохо разбирался в устройстве трансляторов.

Семь часов. Интервью с Эвансом намечено на десять.

Джерибери вернулся в "Погребок" в надежде, что вкусный обед уменьшит его страх перед камерой.

Он отверг несколько предложений провести время в теплых компаниях. Интервью висело над его головой как дамоклов меч и делало его скучным собеседником. Он сел подальше от остальных посетителей и продолжал записывать приходившие в голову важные мысли. Ему не могла помешать даже дымившаяся перед ним тарелка с супом.

Трансляторы отправления. Перемещают пассажиров куда угодно; принимают только из полицейских участков и пожарных станций.

Полиция может закрыть все расположенные в соседних кварталах трансляторы. Кроме трансляторов отправления? Нет, это позволит грабителям быстро скрыться с места преступления. Но остановить их не представляется возможным. Во всяком случае, так смогут выбраться с захваченной мятежниками территории хотя бы случайные прохожие.

Ха! *Трансляторы отправления перемещают пассажиров исключительно в полицейский участок!*

Он зачеркнул последнее предложение и написал: *Все трансляторы перемещают пассажиров только в полицейский участок!* Однако зачеркнул и эту фразу, заменив ее более распространенным вариантом:

1) Сигнал о начале мятежа поступает из полицейского участка.

2) Все ближайшие трансляторы перестают принимать пассажиров.

3) Все ближайшие трансляторы перемещают пассажиров только в полицейский участок.

Он приступил к еде. Прошло несколько минут, вдруг он задумался, отложил вилку в сторону, снова начал писать:

4) Миллионы бунтовщиков, оказавшись возле полицейского участка, разносят его вдребезги.

Надо же, идея оказалась такой удачной, и все-таки она не безупречна!

Джерибери скучал над чашкой кофе, когда еще одна хорошая мысль пришла ему в голову. Он направился к телефону.

Секретарша "Семи шестерок" пообещала соединить Джерибери с доктором Уайтом, как только тот появится в клубе. Джансен ограничил время разговора, и, ему показалось, она обрадовалась этому.

Мак Корда не оказалось дома.

Джерибери вернулся к своему кофе. От волнения его бросило в дрожь. Он бы многое отдал, чтобы узнать, выполнима ли задача, которую он сформулировал. Если все это окажется пустой затеей, он будет вхолостую распространяться... перед миллионной аудиторией.

Прошло уже двадцать минут, и он собрался было снова подойти к телефону и позвонить в "Семь шестерок", как официант сообщил, что доктор Робин на проводе.

- Как я понимаю, необходимо произвести кое-какие усовершенствования, - сказал Джерибери. - Позвольте мне высказаться, каким должен быть результат, а вы подумайте, пожалуйста, возможно ли такое, хорошо?

- Я слушаю.

- Первый шаг - полиция сообщает о возникшем синдроме толпы, то есть о том, что и случилось на улице Молл. С помощью экстренных выключателей, находящихся в Штабе, выводятся из строя трансляторы, расположенные в том или ином квартале.

- Такая система существует и сейчас.

- В настоящее время эти выключатели просто отключают трансляторы, а я бы хотел, чтобы они несли большую нагрузку - переключали трансляторы на экстренный режим работы: чтобы они могли принимать лишь людей из полицейских участков и с пожарных станций, а пассажиров перемещать только в полицейские участки.

- Это вполне осуществимо, - Уайт прикрыл глаза и задумался. - Ясно. Тогда полицейские смогут отпустить ни в чем не повинных прохожих, госпитализировать пострадавших, задержать явных грабителей, зафиксировать фамилии свидетелей... правильно. Блестящая идея. Для этого следует произвести реконструкцию приемника, снабдить его дополнительной камерой.

- Возможно. По крайней мере, приемник в этом случае будет под надежной охраной.

- Мне кажется, стоит обеспечить полицейских и представителей правительства специальными приспособлениями, которые позволят им пользоваться блокированными трансляторами.

- Замечательно.

Неожиданно Уайт замолчал и нахмурился.

- Существует одна загвоздка. По-настоящему сплоченная, многочисленная толпа может разнести участок полиции или серьезно помещать его работе. Вам это приходило в голову?

- Хорошо бы наладить связь не с одним, а с несколькими полицейскими участками.

- Назовите точную цифру. Существуют ведь ограничения в радиусе действия... Берри, о чем вы думаете?

- Сейчас дальнобойные трансляторы устроены так, что пассажир должен набрать по меньшей мере три кода, чтобы достигнуть цели. Помнится, вы говорили, что способны сократить их количество до двух. А одним кодом ограничиться можно?

- Не знаю.

- Я спрашиваю об этом для очистки совести, - заметил Джерибери. - Проблема состоит в том, что и эти меры не лишат мятежников возможности стекаться в определенное место со всех концов Соединенных Штатов. Вот если бы мы могли задействовать полицейские участки по всей территории государства! По мере заполнения камеры приемника, мы бы отправляли ее в Сан-Диего или Орегон!

Уайт рассмеялся.

- Видели бы вы сейчас свое лицо! Берри, вы мечтатель и витаете в облаках.

- То, что я предлагаю, невыполнимо?

- Нет конечно, ваша идея - утопия. Хотя подождите минутку. - Уайт поджал губы. - Выход есть. Все бы получилось так, как вы говорите, если бы в полицейском участке был установлен дальнобойный приемник. Нужно соединить всю систему с амортизатором скорости! Я же объяснял вам, что причин, мешающих пассажиру набрать код дальнобойного приемника из любого транслятора, не существует.

- Тогда мой план станет реальностью!

- Сообщив зрителям о своем проекте, вам придется попросить, чтобы они субсидировали его. Произвести необходимые усовершенствования не составит для нас особого труда. Мы способны снабдить страну сетью трансляторов экстренного действия за пару лет.

- Вы позволите сослаться на ваши слова?

- Конечно. Мы продаем трансляторы - это наш бизнес.

10

Ток-шоу - единственная развлекательная программа, сохранившаяся на телевидении. К кассетам обычно прилагается сопроводительный лист; чего можно ожидать от очередного ток-шоу, зритель заранее не представляет. Эта передача своеобразна, не похожа ни на какую другую, не требует больших денежных затрат и, при всем этом, обладает высокой конкурентноспособностью.

"Вечерняя витрина" обычно выходит в эфир в 20.30.

Они начинают прибывать около девяти вечера, группами выходя из трансляторов, расположенных чуть в стороне от жилых домов, и кружат по улицам в поисках тропинок, ведущих к побережью. Затем перебираются через высокую каменную стену, возведенную, дабы отгородить песок от домов, и, наконец, замирают, переполняемые благоговейным страхом.

Планктон, сияющий синим огнем, выплескивается на берег из черных морских глубин.

По прошествии нескольких минут Хермоса Бич уже запружен толпой людей. Мужчины, женщины и дети прибывают сюда парами и даже целыми семьями. Они держатся за руки и вглядываются в бескрайнюю водную гладь. Они пританцовывают, как дикари, в надежде оставить как можно более четкие отпечатки на влажном песке и вскрикивают от радо-

сти, увидев синее свечение у себя под ногами. Намного выше, на сухом песке, валяется разбросанная одежда. В море полным-полно купающихся, которые, как дети, забавляются голубыми россыпями.

Когда они отправились на это побережье, движимые услышанным в "Вечерней витрине" рассказом, многие были уже навеселе или побросали какие-то дела. Те, кто оказался здесь, радовались предоставившейся возможности позабавиться. У некоторых были сумки, у других - просто кошельки с жетонами.

Непрерывная цепочка людей тянулась вдоль побережья на север и, минуя пристань Хермоса, на юг. Больше всего народу толпилось возле пирса. Все новые и новые зрители прибывали на пляж, спускаясь друг за другом прямо к морю, чтобы присоединиться к тем, кто их опередил.

Джерибери Джансен оказался в студии за час до назначенного Эвансом времени.

Тут царил абсолютный беспорядок, и кишащие повсюду люди делали студию похожей на муравейник. Джерибери решил отправиться на поиски Уоша Эванса, когда тот, обогнав его, резко остановился прямо перед сенсатором.

- Послушайте, - сказал Джерибери. - Не считаете ли вы нужным обсудить кое-какие детали до начала интервью?

Эванс показался ему каким-то растерянным.

- Да, да, - невнятно пробормотал он и, набрав в легкие побольше воздуха, выпалил: - Ваши новости уже не актуальны, Джансен. Нам даже незачем снимать это интервью.

Джерибери грубо выругался:

- Я слышал, что полиция разогнала бунтовщиков...

- Больше того, они поймали женщину, ограбившую магазин.

- Отлично!

- Выслушайте меня, Джансен. По сделанным вами фотографиям ее узнали около тысячи человек, но прав оказался лишь один из них. Эту дамочку зовут Ирма Хеннеси, живет она в Джерси Сити, но разъезжает по всей стране, объясняя это тем, что нападать дважды на один и тот же магазин - не в ее правилах. Она - просто находка, Джансен, мечта сенсатора. Я не хочу вас обижать, но собираюсь сегодня вечером взять ее под залог из тюрьмы. Я буду делать интервью с ней.

- Значит, я больше не зачинщик мятежа на Молл? У вас новая игрушка - Ирма Хеннеси. Что ж, прекрасно. Я вовсе не горел желанием стать знаменитостью. Я свободен? - Он думал о том, что суета прошедшего дня, собранные сведения и потраченное время - все оказалось мартышкиным трудом. Если теперь ему удастся хотя бы записать лекцию для звукового журнала, это можно будет считать огромной удачей.

К действительности его вернул голос Эванса:

- Кстати, в Хермоса Бич начался новый мятеж, как две капли воды похожий на предыдущий.

- Черт побери, вы серьезно?

- Серьезнее некуда. - Уош Эванс закурил и продолжил: - Вы ведь знакомы с Гордоном Лундтом, звездой звукожурнала? Он участвовал в "Вечерней витрине", и его кто-то дернул за язык рассказать, что морская вода в Хермоса Бич - красная. Что случилось дальше, понятно и идиоту - каждый американец, услышавший его слова, решил, что непременно должен собственными глазами увидеть "красное" море.

- Какие оттуда поступают известия?

- В последней сводке сообщалось, что жертв нет. Домов они пока не крушат. Кажется, эта толпа зевак настроена вполне дружелюбно, и, к тому же, там нечего стащить, кроме песка. Похоже, этот мятеж пройдет тихо и мирно, Джансен. Но следует все же учесть, что народу там до черта.

- Все правильно - неизбежно возникнет синдром толпы, - сказал Джерибери. - А подобная ситуация возможна в любом месте, где установлены трансляторы.

- Правда?

- Синдром толпы существовал во все времена. Однако с появлением дальнобойных трансляторов люди стали свободно перемещаться по всей Земле. В некоторых местах, таких как Таити, сохраняется постоянная опасность его возникновения. Я сказал что-то смешное?

Уош Эванс как-то странно улыбался.

- Просто я убедился, что мы никогда не найдем вам достойной замены. Вы, как школьник, добросовестно готовились к предстоящей "контрольной", да?

- Целый день, - признался Джерибери. Он вытащил из кармана "Минокс". - Я побывал повсюду, где считал нужным, связывался с людьми, достаточно компетентными в интересующем меня вопросе. Я даже записал на пленку некоторые из их рассказов. В его руках появился диктофон. - Понятное дело,

у меня было мало времени, чтобы отобрать наиболее удавшийся материал...

- Сейчас не время думать об этом, - Эванс забрал у него камеру и диктофон. - Ваш труд не пропадет зря - мы используем то, что вы приготовили, в специальном выпуске. В данный момент мы ждем новостей из Хермоса Бич. Все сказанное вами доказывает, что вам понятен механизм возникновения "синдрома толпы" и известны методы борьбы с этим явлением. Вы согласитесь дать интервью?

- Я... конечно.

- Тогда отправляйтесь в ЦИА и получите у Джорджа Бейли новую камеру. Так... сейчас уже четверть десятого. Даю вам полчаса, подготовьте как можно больше материала и возвращайтесь. Ваша задача - изучить возникший в Хермоса Бич "синдром толпы". Именно это станет темой нашей беседы.

Джордж Бейли встретил Джерибери непонимающим взглядом. Он выразительным жестом указал на единственную оставшуюся на столе камеру, откинул рукой волосы со лба и вернулся к дюжине светящихся телеэкранов.

Джерибери, взяв в руки камеру, проверил, работает ли она. Убедившись в ее исправности, положил в карман лист с кодами Хермоса Бич и отправился к трансляторам. Выпитый за день кофе булькал у него в животе. Внезапно он остановился с задумчивым видом.

Вполне достаточно одного центра контроля за вспыхнушими мятежами. Тогда не нужна никакая система связи с полицией. Потребуется лишь один дальнобойный приемник на всю страну и здание величиной со стадион Янки, откуда будет вестись "управление" мятежом. Этот вид преступления только зарождается, так что на создание такого центра уйдет гораздо меньше времени и денег, чем на организацию сети полицейских участков.

Но об этом позже. Пора приниматься за работу. Он вошел в транслятор, набрал код и исчез из поля зрения.

КАКОЙ ПРОК ОТ СТЕКЛЯННОГО КИНЖАЛА?

I

За двенадцать тысяч лет до рождества Христова, во времена, когда чудеса казались людям делом привычным и естественным, один колдун владел древним секретом, много раз спасавшим его жизнь.

Впоследствии он, правда, сожалел об этом. Благодаря тайне Магического Колеса, он прожил несколько обычных человеческих жизней. Воинствующий демон Глирендри и его тупой пленник-варвар, наверняка, уже давно убили бы его, но даже сам дьявол не стал бы тягаться с тем, кому известен секрет предков.

Теперь все уже кончено, и лишь отголоски прошедших событий тех давно минувших дней расходятся по свету, как круги на воде от брошенного в пруд камня.

Противостояние Глирендри и Колдуна было слишком похоже на сказку, и не стоит даже об этом рассказывать. Настанет день, когда каждый уважающий себя чародей волей или неволей осознает, что сила его волшебства может исчерпать себя. Вот вам и еще одна до смешного простая и одновременно страшная тайна. Удивительным теперь кажется лишь то, что никому это не приходило в голову раньше.

Через год после схватки Колдуна с Глирендри, летним вечером Аран Соглашатель пришел в деревню Шейл с твердым намерением украсть Магическое Колесо.

Аран был тощим восемнадцатилетним юношей с худым удлиненным лицом и острым подбородком. Его глубоко посаженные глаза зорко следили за всем происходящим вокруг; короткие прямые темные волосы свисали почти до бровей. Ни для кого не оставалось загадкой, кем он был; любой пожимавший ему руку человек сразу соображал, в чем тут дело, - ладони Арана были покрыты блестящей шерстью. Но вот если бы кто-нибудь вдруг догадался о выполняемой им миссии, его сразу сочли бы сумасшедшим.

Дело в том, что Колдун являлся предводителем Гильдии Волшебников. Все знали, что у него есть имя, но никто не решался произнести его вслух. Дух окрестившего его демона - тень которого позже заточили в вытатуированные на спине Колдуна руны[1] - необыкновенно опасный телохранитель, верно?

Но и Аран не был беззащитен. С его плеча свисала старая рваная кожаная котомка, зашитая через край и выглядевшая крайне небрежно. Судя по виду, в ней могли лежать орехи, засохший сыр, хлеб, но никак не деньги. На самом деле в ней помещались амулеты, чары которых могли пригодиться ему больше, чем сыр и хлеб, а пропитание себе Аран доставал ночью по пути в деревню.

К пещере Колдуна он подошел вскоре после захода солнца. Ему не раз объясняли, как с помощью волшебства перехитрить нечистую силу, охранявшую Колдуна. Чтобы до конца использовать свои чары, Арану требовался голос и руки, вот почему ему необходимо было сохранять человеческое обличье - это очень нервировало его. Как только луна залила окрестности своим мутным серебристым светом, он нараспев проговорил слова заранее выученного наизусть заклинания, вынул из сумы живую летучую мышь и слегка подтолкнул ее к зарешеченному входу в пещеру.

Раздался взрыв, и летучая мышь превратилась в парящее над каменным полом кровавое облачко. Арана чуть не стошнило, и он хотел было убежать прочь, однако, поборов панический страх, протиснулся вслед за мышью между прутьями решетки.

Те, кто послал его сюда, несколько раз детально описывали пещеру, чертили подробнейшие планы - теперь он запросто смог бы ограбить ее с завязанными глазами, на ощупь. Он бы даже, пожалуй, предпочел темноту мерцающему синеватому свету, исходившему от привязанного к потолку предмета, являвшегося трофейной светящейся стрелой. Он действовал быстро, но в то же время скрупулезно следовал полученным советам, стараясь не сбиться с "безопасного маршрута".

---

1 Руны - вырезавшиеся на дереве, камне и т. п. буквы алфавита, применявшегося скандинавскими и древнегерманскими народами главным образом для культовых и памятных надписей.

Несмотря на то, что в лаборатории Школы Меркантильных Гуманитариев в Атлантиде были широко представлены различные магические атрибуты, большинство вещей, принадлежавших хозяину пещеры, оказалось незнакомо Арану. Еще не наступил век серийного производства. Он на минуту задержался у стола. Зачем это Колдуну потребовалось точить стеклянный кинжал?

В этот момент его взгляд упал на потемневший от времени металлический диск с начертанными по краю рунами - несомненно, он отыскал то, за чем пришел. Он торопливо снял таинственный предмет со стены и пристегнул его ремнем к бедру, дабы освободить руки на случай, если понадобится драться. Он уже развернулся, собираясь покинуть эту мрачную пещеру, когда ниоткуда раздался смеющийся голос.

- Эй, паршивец, положи эту штуку на место, сукин ты сын...

Аран превратился в волка.

Резкая боль пронзила его бедро! Аран, принявший человеческое обличье, был худеньким подростком, волк же из него вышел здоровенный и страшный. Однако в данный момент ничто не могло ему помочь. Его тело сковала жгучая, невыносимая боль. Аран-волк взвизгнул и сделал попытку избавиться от мучений.

Постепенно он пришел в себя. Его голова гудела, бедро нестерпимо болело, запястья и колени горели. Неожиданно он сообразил, что, должно быть, врезался головой в стену и потерял сознание.

Он лежал на боку с закрытыми глазами, не подавая никаких признаков жизни. Попытавшись незаметно пошевельнуться, он понял, что связан по рукам и ногам. Ну что ж, его учили заклятью, развязывающему узлы.

Пожалуй, лучше не пользоваться им до тех пор, пока обстановка не прояснится.

Он слегка приоткрыл глаза.

Оказалось, что Колдун сидел рядом в позе "лотоса" и с улыбкой разглядывал своего пленника. В руке он держал тонкий ивовый прут.

Колдун был высоким, пышущим здоровьем мужчиной. Его сильное тело покрывал ровный бронзовый загар. Легенда гласила, что Колдун всегда ходил раздетым по пояс. Определить его возраст не представлялось возможным - ему в равной степени могло быть как двадцать, так и пятьдесят лет. На самом деле ему уже стукнуло сто девяносто, и он гордился

этим, так как его внешность и сильный организм свидетельствовали о могуществе его волшебства.

Взглянув на стену, Аран убедился, что Магическое Колесо вернулось на свое законное место.

Будет теперь караулить следующую жертву! Настоящее Магическое Колесо было медным, и те, кто послал сюда Арана, прекрасно знали об этом. А эту приманку, похоже, сделали из серебра, поэтому она окислилась и обожгла его.

Вид у Колдуна был сонный, а взгляд отсутствующий. Вероятно, еще не все потеряно, его можно застать врасплох.

- Хплир... - только и успел произнести Аран, как Колдун хлестнул его по горлу.

Ивовый прут обладал свойством пружины - Аран задохнулся и замолчал; он помотал головой, стараясь сделать хоть глоток воздуха.

- Это слово состоит из четырех слогов, - сообщил ему Колдун до боли знакомым голосом. - Ты никогда не произнесешь его.

- Проклятье, - сказал Аран.

- Я хочу знать, кто тебя подослал.

Аран не отвечал, хотя дыхание его уже восстановилось.

- Ты не заурядный вор, но ты и не волшебник, - почти мечтательно произнес Колдун. - Я слышал, как ты наизусть декламировал заклинание. Ты использовал лишь самые распространенные заговоры, которые легко заучиваются, но произносил ты их к месту. Тот, кто следил за мной, обладает даром предвидения и очень прозорлив. Он изучил все применяемые мной средства защиты, - мягко сказал старый волшебник. - Нетрудно догадаться, что я недоволен этим. Я хочу знать, кто и зачем собирает сведения обо мне.

Аран безмолвствовал, и Колдун продолжал:

- Он располагает полной информацией и догадывается, чем все это может закончиться, потому и не рискнул встретиться со мной с глазу на глаз. Вместо себя он послал круглого дурака. - Колдун посмотрел Арану прямо в глаза. - Или он счел, что оборотню будет легче одолеть меня? Кстати, тебе лучше на время остаться в человеческом обличье.

- Вы заранее знали, что я появлюсь здесь?

- У меня было предостаточно оснований для этого. Тебе не приходило в голову, что я сам обладаю способностью предчувствовать и предвидеть события? Зато такая мысль посещала твоего хозяина, - заметил Колдун. - Он обезопасил тебя, погрузив в зону непостоянности, где предвидение бессильно.

- Почему же этот план не сработал?

- Я сохранил возможность предвидеть то, что происходит в зоне постоянности, простофиля. Кто именно прокрался в пещеру, оставалось для меня загадкой, но я видел все вокруг этого невидимки. Проследив твой путь, я сразу понял, что тебе тут надо, - ты шел прямо к цели. Кроме того, на полу появились отпечатки босых ног. Я имел удовольствие разглядеть их еще до того, как ты их оставил. Ты просто превзошел себя, сделав попытку проникнуть сюда при свете полной луны, вместо того чтобы укрыться под покровом темноты сумерек. Если не принимать во внимание перечисленные мелкие погрешности, вылазка прошла довольно удачно. Запустить в мою пещеру оборотня было блестящей идеей. Только тщедушный мальчишка вроде тебя мог просочиться между прутьями решетки, но такой хилятик наверняка проиграл бы схватку с хозяином. Однако крупный волк должен был одержать победу в предстоявшем единоборстве.

- Драка прошла просто на "ура".

- Меня интересует, как им удалось подбить на это жителя Атлантиды. Они, должно быть, четко представляли себе, что может получиться из их затеи. Тебе что, даже не объяснили, зачем нужно мое Колесо?

- Оно нейтрализует чары, - ответил Аран.

Оборотень был раздосалован и вовсе ни капельки не удивлен, что Колдун говорит на понятном ему языке.

- Нейтрализует ману, - поправил его Колдун. - Ты знаешь, что такое мана?

- Сила, стоящая за чарами.

- Они втемяшили тебе в голову даже это! Может, они сообщили тебе и о том, что, когда мана покидает данную зону, ее никакими силами нельзя вернуть туда? Никогда!

Аран перевернулся на бок. Полностью уверенный в том, что вот-вот отправится на тот свет, он считал, что ничего не изменится, если он позволит себе некоторую вольность в разговоре.

- Что-то я не понимаю, почему общеизвестные факты нужно держать в секрете. Эта вещица - Магическое Колесо, - всемогуща. Она даже способна навсегда устранить опасность войн! Вы владеете самым действенным из всех когда-либо изобретенных видов оборонительного оружия!

Казалось, Колдун не понимал, о чем идет речь. Аран продолжал:

- Не верю, что вы никогда не задумывались над этим. Смотрите сами - ни одно заклятье врагов не страшно Атлантиде, если там будет Магическое Колесо, способное поглотить все нападки недоброжелателей!

- Теперь мне ясно, что тебя послал не министр обороны Атлантиды. Он разбирается в таких вещах гораздо лучше. - Колдун окинул его пронзительным взглядом. - Или тебя прислали с Греческих островов?

- Не понимаю.

- Ты разве не знаешь, что Атлантида - остров, тектонически неустойчивый? Единственным, что отводит волны от Атлантиды, являются заклинания величайших волшебников мира.

- Вы лжете.

- Зато ты вполне искренен. - Колдун как бы отмахнулся от одолевавших его тревожных мыслей. - Но Колесо способно нанести непоправимый вред не только твоей Атлантиде, но и любой другой территории. Одного его оборота достаточно, чтобы навсегда сделать окружающее пространство недоступным для волшебства, для заговоров и заклинаний. Я ведь уже говорил тебе об этом. Так какой же дурак решится привезти домой такую штуку?

- Я.

- Ты? Зачем?

- Войны сидят уже у нас в печенках, - резко ответил Аран, не обращая внимания на то, что употребил злополучное "мы". - Магическое Колесо положит конец этим вечным баталиям. Вы можете представить себе армию, вооруженную одними лишь мечами да кинжалами? Никаких смертельных заклятий, никаких провидцев, вынюхивающих планы противника, никаких демонов-убийц, исподтишка губящих людей! - Глаза Арана сверкали. - Воины скрестят мечи, встретившись лицом к лицу; кровь и бронза сольются воедино, и никому не будет пощады, не будет надежды на исцеляющие заговоры. Естественно, что ни один король не согласится вести войну на таких условиях! Люди, наконец-то, перестанут убивать друг друга!

- Наверное, где-то в глубине души я всегда был пессимистом; вот и теперь эта затея кажется мне очень сомнительной.

- Вы смеетесь надо мной, не желаете поверить моим словам, - презрительно сказал Аран. - Лишившись маны, вы станете обыкновенным смертным человеком, и ваш возраст моментально сведет вас в могилу!

- Должно быть, ты прав. Ну, а теперь давай посмотрим, кто же ты есть на самом деле. - Колдун дотронулся прутом до котомки Арана и замер в такой позе на несколько секунд. Юноша сгорал от нетерпения узнать, чем закончится эта процедура. Конечно, если подведут заклинания и сума откроется, то...

В данном случае все заклинания оказались бессильны. Колдун, порывшись в мешке, извлек оттуда еще одну летучую мышь, несколько листов пергамента, на части из которых были начерчены различные фигуры (очевидно, они являлись конспектами лекций по геометрии), а другие были исписаны крупным аккуратным почерком.

- Над этим немало потрудился какой-то школьник, - заметил хозяин пещеры. - Все начерчено по линейке, ошибки подчищены и исправлены. Идиот! Он забыл поставить крючкообразный хвостик в чертеже Водоворота. Странно, что он еще остался жив. - Колдун взглянул на своего пленника. - Выходит, меня атакуют дети? Эти заклинания сочиняли с полдюжины учеников!

Аран не ответил, но понял, что скрывать что-либо в дальнейшем бесполезно.

- Тем не менее, они не лишены способностей. Итак, ты член организации Соглашателей, верно? Туда входят юноши призывного возраста. Держу пари, что тебя поддерживает половина студентов выпускного класса Школы Меркантильных Гуманитариев. Похоже, они следят за мной в течение уже многих месяцев, чтобы выведать, как своевременно обезоружить меня. Так ты хочешь положить конец войне с Греческими островами и думал, что это можно сделать, заполучив Магическое Колесо? Ну что ж, я вот-вот решу отпустить тебя восвояси, отдав тебе предмет ваших надежд. Это послужит тебе хорошим уроком за то, что ты хотел ограбить меня.

Он внимательно поглядел в глаза Арана.

- Ты ведь осуществишь свой план, правда? Я спрашиваю: правда?

- Оно бы мне все-таки пригодилось.

- Ты потопишь Атлантиду. Неужели все Соглашатели записались еще и в предатели?

- Я не предатель, - Аран говорил тихо, но враждебно. - Мы хотим изменить жизнь в Атлантиде, а не погубить остров. Если бы мы стали обладателями Магического Колеса, весь мир подчинился бы нашим требованиям!

Он попытался освободиться от сковывавших его движения веревок и снова вспомнил слово, способное освободить его. Потом можно было бы стать волком и удрать отсюда! Протиснуться между прутьями решетки, кубарем скатиться вниз по склону холма, исчезнуть в лесу и.. здравствуй, свобода!

- Пожалуй, я сделаю из тебя консерватора, - неожиданно заявил Колдун.

Он поднялся на ноги и слегка провел ивовым прутом по губам Арана, и тот сразу почувствовал, что не в силах открыть рот. Только теперь он осознал, что находится полностью во власти хозяина пещеры... и вообще, сейчас он обыкновенный, пойманный с поличным воришка.

Колдун отошел к столу, и взору Арана представилась яркая, выполненная красными, зелеными и золотистыми чернилами, витиеватая пятигранная татуировка на его спине. Юноша вспомнил о том, что ему рассказывали о телохранителе Колдуна.

- Недавно мне приснился сон, - сказал хозяин пещеры. - Я увидел, что найду применение стеклянному кинжалу. Решив, что сон вполне может оказаться пророческим, я вырезал...

- Глупость какая-то, - перебил его Аран. - Какой прок от стеклянного кинжала?

Оборотень заметил этот самый кинжал с аккуратно отшлифованным четырехгранным клинком, тщательно отточенными лезвиями и странной формы рукояткой, снабженной предохранителем, как только вошел в пещеру. Оружие было укреплено на столе с помощью двух обшитых лисьей кожей зажимов. Лезвие, обращенное кверху, Колдун обработать еще не успел.

Сейчас он занимался тем, что извлекал кинжал из зажимов. Аран молча наблюдал, как Колдун острым осколком алмаза, видимо стоившего его обладателю немалых денег, выцарапывал какие-то знаки на одной из граней кинжала, тихим вкрадчивым голосом нашептывая своему детищу слова, не долетавшие до слуха Арана. Затем он замахнулся им словно... настоящим кинжалом.

Юноша настолько испугался, что не мог поверить своим глазам. Он чувствовал себя козленком, которого вот-вот возложат на жертвенник. Акт жертвоприношения сам по себе был переполнен маной, а тем более, если в жертву приносили живого человека... но этому не бывать! не бывать!

Колдун занес кинжал высоко над головой и с размаху глубоко всадил в грудь Арана.

Оборотень вскрикнул, явственно ощутив нож в своем теле! Боли не было, лишь дальний ее отголосок, еле заметное покалывание - кинжал оказался всего-навсего прозрачной иллюзорной тенью, пронзившей сердце Арана Соглашателя! В доказательство тому из груди юноши торчала рукоятка!

Колдун еле слышно, торопливо пробормотал какие-то заклинания, после чего стеклянная рукоятка растворилась в воздухе и стала невидимой.

- Сделать прозрачное стекло невидимым очень легко. Клинок будет находиться в твоем сердце, но не думай о нем. Пусть тебя это не волнует. Ни один человек не сможет увидеть мой кинжал. Но будь осторожен: если ты окажешься в зоне, где волшебство бессильно, клинок обретет естественные свойства, и тебе придет конец...

Аран тщетно пытался разомкнуть губы.

- Ты хотел узнать секрет Магического Колеса - что ж, дело твое. В нем просто-напросто действуют кинетические чары, но только незамкнутые с одной стороны. - Он произнес заклинание от начала и до конца. - Колесо набирает скорость вращения, пока не вберет всю ману, имеющуюся на данной территории. Имей в виду, что после этого оно часто распадается на мелкие кусочки, и, чтобы вновь собрать их воедино, необходимо знать специальное заклинание... - Он медленно и отчетливо произнес волшебные слова. Казалось, что он только в эту минуту заметил, как Аран извивается на полу подобно рыбе, выкинутой прибоем на берег. - Хплирапрантри, - изрек Колдун.

Веревки мгновенно упали. Аран, покачиваясь, поднялся на ноги. Обнаружив, что снова обрел дар речи, он взмолился:

- Вытащите кинжал из моего сердца, прошу вас.

- Знаешь, чтобы унести мою тайну с собой в Атлантиду, ты должен выполнить единственное условие. Как я понимаю, ты все еще не отказался от своей затеи? Знай, прежде, чем использовать Колесо в своих целях, тебе придется поведать людям о его магических свойствах. Сделать это очень легко. Такое крупное государство, как Атлантида, наверняка имеет немало врагов, верно? Ты поведаешь им о том, как за одну ночь можно потопить ваш остров.

Аран машинально ощупывал то место, куда вонзился кинжал, но ничего не чувствовал.

- Вытащите его, - упрямо повторял он.

- По-моему, лучше оставить все на своих местах. Теперь мы оба висим на волоске от смерти, мальчик-волк. Прощай, и

не забудь передать от меня привет студентам Школы Меркантильных Гуманитариев. Ох, чуть не забыл - не надо возвращаться обратно через ущелье Хвирин.

- Потомок обезьяны! - пронзительно закричал Аран, но больше не мог произнести ни слова - вдруг оказавшись возле решетки, он превратился в волка и, даже не коснувшись прутьев, выскользнул наружу. Его мозг инстинктивно реагировал на клинок, пронзивший сердце, а зловещий смех Колдуна продолжал звучать у него в ушах, пока он спускался с холма. Он не смолкал, даже когда оборотень почувствовал живительную лесную прохладу.

Его следующая встреча с Колдуном состоялась лишь через тридцать лет в тысячах миль от той злополучной пещеры.

II

Если подворачивался удобный случай, Аран путешествовал, приняв волчье обличье. На дворе стоял век всемогущего волшебства; оборотень мог изменять свой внешний вид в любую из тех минут, когда луна заливала Землю белым, прозрачным светом. Аран-волк имел возможность добывать себе пропитание обманным путем, а попросту - грабить жителей окрестных деревень и городов. При этом он сохранял деньги, которые наверняка должны понадобиться ему для скорейшего возвращения на родной остров.

У него в голове вертелась отборная брань в адрес Колдуна.

Один раз он даже не удержался и, поднявшись на невысокий холм, повернулся на север, в сторону деревни Шейл. Он ощетинился, вспомнив громкий смех хозяина пещеры и стеклянный кинжал. Он мысленно представил себе горло Колдуна и почувствовал во рту солоноватый вкус его крови, брызнувшей фонтаном из прокушенной артерии. Но тотчас же перед глазами Арана предстал яркий, замысловатый узор на спине Колдуна, и оборотень отчетливо осознал, что потерпел поражение, - сражаться с призрачным демоном он бы никогда не отважился. Аран завыл и повернул к югу.

Через некоторое время он понял, что приближается к горному массиву Нилдисс, как бы центральной оси континента. За грядой скал плескалось море, где на волнах соблазнительно покачивались лодки, готовые унести его домой вместе с тайной, доверенной ему Колдуном. Может быть, следующему смельчаку повезет больше...

И Аран, не задумываясь, направился к ущелью Хвирин.

Некогда эта непрерывная цепь гор была непреодолимым препятствием для торговцев. Позже, примерно тысячу лет назад, чародей из Ринилдиссена совершил истинное чудо - расколол горный массив пополам, словно ударив по нему топором. Окруженное со всех сторон отвесными скалами, ущелье Хвирин плавно спускалось к побережью, а его сравнительно пологие склоны казались отполированными рукой неизвестного умельца.

Частенько там приходилось вылавливать разбойников, и делать это с каждым годом становилось все труднее - в районе ущелья заклинания против бандитизма не срабатывали, и в ход вместо них пускались обыкновенные мечи. Такие усилия компенсировались хотя бы тем, что горные драконы-людоеды исчезли сами по себе не так давно.

Аран остановился у входа в ущелье и, углубившись в раздумье, присел на задние лапы.

Ведь Колдун, желая сыграть со своим пленником злую шутку, мог нарочно направить его в обход, по горной гряде Нилдисс.

Однако кости драконов, валяющиеся поблизости от ущелья, говорили сами за себя - драконы подыхали там, где волшебство бессильно. Эти гигантские кости, несомненно останки рептилий, попадались тут на каждом шагу. По непонятным причинам некоторые из них расплавились, слившись воедино с окружающими скалами и выглядели теперь так, будто их возраст составлял десятки миллионов лет.

Аран и раньше пробирался через ущелье в волчьем обличье. Если бы эта территория была полностью лишена магических чар, то он бы с радостью принял свое изначальное человеческое обличье. Или он теперь никогда больше не станет восемнадцатилетним юношей?

"Скорее всего, я смогу пройти здесь, только оставаясь волком, - размышлял Аран. - В этом случае, меня может убить лишь оружие из серебра или платины. Стеклянный кинжал станет чувствителен, но... Черт! Я неуязвим, но волшебство ли это? Если в ущелье Хвирин бессильны заклинания..." - Он вздрогнул.

Клинок никогда не причинял ему боли, кроме каких-то отдаленных ощущений, да и те исчезли примерно за полчаса и уже не возобновлялись. Но Аран точно знал, что кинжал на месте - притаившаяся, невидимая смерть, пронзившая его сердце и терпеливо поджидавшая своего звездного часа.

Даже если клинок материализуется, а из груди опять будет торчать рукоятка, он все же сможет выжить - но только в обличье волка. Но, Боже, какой жгучей будет боль! И он уже никогда не станет человеком.

Аран повернулся и побрел прочь от ущелья Хвирин. Вчера по пути он набрел на какую-то деревню. Может быть, ему окажет помощь живущий там волшебник?

- Стеклянный кинжал! - Волшебник расхохотался. Этот упитанный, веселый, но уже начинающий лысеть мужчина явно привык к безбедному существованию. - Я внимательно выслушал твой рассказ. Так что же тебя, собственно, беспокоит? У него есть рукоятка, правильно? Это заклинание показалось тебе каким-то особенным?

- Не думаю. Перед тем, как всадить этот нож в мое сердце, он нацарапал какие-то руны на одной из его граней.

- Все ясно. Плату я беру заранее. И лучше обернись волком - просто, чтобы действовать наверняка. - Он назвал сумму, заплатив которую Аран рисковал остаться совсем без денег, необходимых на дорогу домой. Поторговавшись, они остановились на цене, которая вполне устраивала обоих, и приступили к работе.

Через шесть часов волшебник сдался. Он охрип; его глаза покраснели под действием необычно пахнущего и столь же необычно окрашенного дыма, окутавшего комнату; его руки были покрыты разноцветными пятнами.

- Я не могу ни прикоснуться к рукоятке, ни сделать ее видимой. Мне не под силу даже ощутить, что она существует. Если я применю еще более сильнодействующее заклинание, ты имеешь шанс распрощаться с жизнью. Я ничем не могу помочь тебе, мальчик-волк. Кто бы ни наложил на тебя это заклятье, он явно умеет больше, чем простой деревенский волшебник.

Аран потер грудь в том месте, где кожа была покрыта пятнами смывающихся красителей.

- Его называют Колдун.

Толстяк напрягся.

- Колдун? Ты сказал Колдун? И ты даже не подумал предупредить меня заранее? Убирайся отсюда сию же минуту!

- А как же мои деньги?

- Я не стал бы ввязываться в такое дело, даже если бы ты предложил мне в десять раз больше, чем дал! Меня, самого заурядного волшебника, ты вздумал поставить лицом к лицу с Колдуном! Мы оба могли бы отправиться на тот свет. Раз ты

теперь еще и берешь на себя смелость требовать, чтобы я вернул твои деньги, пойдем к вождю и попросим его разрешить наш спор. Но, по справедливости, ты должен немедленно оставить меня в покое.

Аран вышел из дома, выкрикивая оскорбительные слова и проклятья.

- Если хочешь, попробуй обратиться к другим чародеям, - кричал ему вдогонку волшебник. - Попытай счастья в Ринилдиссен Сити! Но сразу предупреди, с чьими заклинаниями им придется бороться!

III

Чтобы принять такое решение, Колдуну надо было буквально пересилить себя, но его подстегивал тот факт, что некогда принадлежавшая ему одному тайна теперь передавалась из уст в уста. В создавшейся ситуации он счел необходимым проследить хотя бы за тем, чтобы чародеи всего мира правильно поняли смысл его объяснений.

По вопросам, касающимся истощения запасов маны и секрета Магического Колеса, Колдун решил обратиться в Гильдию Волшебников.

- Думайте об этом каждый раз, когда пользуетесь чарами, - прогремел он, но после данного им сугубо технического описания Колеса, эти слова показались всем детским лепетом. - Учтите, что всему есть предел; может исчезнуть и мана. С каждым годом ее становится все меньше, так как тысячи волшебников относятся к этой важной проблеме совершенно безалаберно. В давние времена миром правила горстка богоподобных людей, но их энергия нейтрализовала ману, являвшуюся для них источником жизни.

Представьте, что однажды ее запасы будут полностью исчерпаны, и тогда канут в Лету все демоны, драконы и единороги, тролли, кентавры и рухи, чей обмен веществ во многом зависит от чар. Тогда сразу же испарятся воздушные замки, и никто уже никогда не поверит в то, что они существовали. Тогда всем магам придется срочно превращаться в кузнецов и лудильщиков, и жить в мире станет нестерпимо скучно. В вашей власти приблизить или отдалить тот день!

Следующей ночью он видел сон.

Дуэли между волшебниками часто напоминают рассказы с приключенческим сюжетом, которых ходит по свету огромное множество, но лишь немногие из них правдивы. Победи-

тель в подобном поединке почти никогда не выдает секреты своего мастерства, а проигравший обычно умирает.

Магов-новичков часто поражает то, что на удивление долгие и тщательные приготовления к дуэли почти никогда не находят применения, оказываются тщетными. Поединок с Волшебником Холма начался с того сновидения, которое неизбежно должно было присниться Колдуну в ночь, последовавшую за памятным днем его выступления перед членами Гильдии. Это соперничество продолжалось затем целых тридцать лет.

Враг в этом сне так и не появился, зато Колдун увидел яркий, вполне безобидный сказочный замок, расположенный на холме невероятных размеров, казавшемся взметнувшейся волной на фоне окружавшей его равнины, поросшей травой. Построенный на гребне этой "волны", замок, казалось, наполовину висел в воздухе.

Колдуну снилось, что он нахмурился. Такой холм непременно опрокинулся бы, не удержи его кто-то особым заклинанием. Дурак, создавший этакую, никому не нужную громадину, лишь потратил впустую бездну маны.

Колдун сосредоточился, стараясь ничего не упустить из виду и запомнить все до мелочей. По склону холма извивалась узкая тропинка. Вдруг все перемешалось, как часто бывает в снах. Он не мог сообразить, поднимался ли он туда один или его кто-то сопровождал; прошел ли он живым через ворота, или, подойдя к ним, умер в страшных муках, поскольку в него вонзились огромные острые клыки.

Он сделал над собой усилие и проснулся, пытаясь понять, что к чему.

Призрачный спутник был необходим, так же, как и ворота. У него не было никакой возможности увидеть то, что происходило за ними, во дворе соперника. Для того, чтобы столь тщательно блокировать его собственные чары, кто-то, видимо, пустил в дело Магическое Колесо.

На то, чтобы придумать заклинание, способное лишить Волшебника Холма дара предвидения, ушло целых три дня. Три ночи Колдун спал крепко, без сновидений. Чужие чары действовали так же магически, как и его собственные.

IV

В порту покачивались на волнах поставленные на якорь большие корабли.

Были там и грузовые суда, чьи причудливые демонические носовые украшения ограничивали амплитуду их движения. Однако расходившиеся от этих гигантов волны периодически вспугивали крыс, постоянно облеплявших швартовы. Пассажирский лайнер под флагом Атлантиды был снабжен двумя одинаковыми аутригерами, сделанными из цельных кусков дерева. В ближайшем доке непонятным образом зависла над водой изящная яхта, принадлежащая волшебнику. Аран с тоской смотрел на все эти корабли.

У него ушло слишком много денег на переход через горы. Через неделю после того, как он оказался в Ринилдиссен Сити, его взял на работу в качестве телохранителя, сторожевого пса, один торговец коврами. У Арана тогда не оставалось ни единой монеты, он проголодался и смертельно устал.

В данный момент купец Ллорагинези и его секретарша Ра-Харру заключали какую-то коммерческую сделку с капитаном нильского грузового судна. Аран поджидал их у причала и с поддельным безразличием разглядывал корабли.

Вдруг он насторожился - мимо проходил бородатый мужчина в форменной капитанской юбке.

- Эй, капитан! Вы идете в Атлантиду? - окликнул его Аран.

Бородач бросил на него хмурый взгляд:

- А тебе что за дело?

- Я бы хотел послать туда письмо.

- Обратись к волшебнику.

- Лучше бы обойтись без него, - ответил Аран. - Вряд ли он осмелится сказать одному чародею, что хочет отправить с ним указания по поводу того, как можно ограбить другого чародея. Если бы не это, его послание уже давно было бы в Атлантиде.

- Я возьму дороже, и по назначению оно попадет позже, - почему-то удовлетворенно сказал бородатый капитан. - Кому и по какому адресу передать письмо в Атлантиде?

Аран дал ему городской адрес и извлек из кармана запечатанный конверт, который он вот уже три месяца постоянно носил с собой.

Аран тоже пересиливал себя, принимая такое решение. Его письмо содержало предупреждение о тектонической неустойчивости Атлантиды и соображения по поводу того, как можно проверить, не солгал ли Колдун. О том, что он знает, как изготовить Магическое Колесо, Аран умолчал.

Далеко в море без устали резвились дельфины и водяные. Судно, идущее к Атлантиде, подняло паруса, которые тут же

надул откуда-то внезапно появившийся ветер. Постепенно он стих, очевидно, удаляясь из гавани вслед за кораблем.

Теперь ждать оставалось совсем недолго - деньги на обратную дорогу Арану отошлют незамедлительно. Не оплати он дважды напрасные старания чародеев, его карман бы не опустел, да к тому же и результат оказался плачевным - справиться со стеклянным кинжалом было невозможно. Оценив ситуацию, Ллорагинези не делился коммерческими тайнами со своим телохранителем, так как прекрасно понимал, что Аран не задержится у него ни на минуту после того, как получит деньги.

Хозяин и секретарша спускались по сходням: Ллорагинези для своей комплекции передвигался весьма грациозно; перед ним неторопливо шла девушка, несущая на голове образцы ковров. Когда к этой процессии присоединился и Аран, Ра-Харру, обращаясь к торговцу, сказала так громко, чтобы ее мог услышать и юноша:

- Я буду отсутствовать на работе пять дней, начиная с завтрашнего. Вы ведь знаете... - Она покраснела.

- Хорошо, хорошо, - рассеянно ответил Ллорагинези, кивая головой.

Аран тоже знал, в чем дело. Он улыбнулся, но не поднял глаз. Его взгляд мог бы смутить ее... а он отлично знал, кто такая Ра-Харру. Волосы у нее были короткие, черные, жесткие; нос большой, но такой плоский, что почти сливался с лицом; из-под темных и густых бровей испытующе смотрели огромные карие глаза, а аккуратные заостренные уши слишком высоко посажены. Словом, такая прехорошенькая девушка вполне могла понравиться любому, не говоря уж о ее сородичах, людях-волках.

Они шли, держась за руки. Он чувствовал прикосновение ее узких, твердых ногтей, а блестящая шерсть, покрывавшая ее ладони, приятно щекотала пальцы Арана.

В Атлантиде он бы наверняка предложил ей выйти за него замуж, имей он хоть немного денег, чтобы содержать ее. Здесь об этом не могло быть и речи, хотя уже больше месяца между ними сохранялись теплые дружеские отношения. Ночная жизнь Ринилдиссен Сити таила в себе множество соблазнов для влюбленной парочки, а Ллорагинези временами прекрасно обходился и без них.

Возможно, хозяин просто преднамеренно устраивал все так, чтобы они могли оставаться вдвоем. Сам он не относился к людям-волкам, и ему, видимо, доставляли удовольствие

волнующие мысли о связывающих Арана и Ра-Харру сексуальных отношениях. Однако секс здесь был не при чем - для занятий любовью отводилось всего несколько дней в месяц. Именно в это время Аран не встречался с ней, потому что она находилась под домашним арестом в доме ее отца, а юноша даже не знал, где она живет.

Прояснилось все лишь через пять ночей.

Он следил за Ллорагинези, когда тот отправился в Дом Удовольствий, хозяйкой которого была Адриенна. Хозяин собирался провести ночь... на парящем в воздухе надувном матрасе, о котором Аран не раз слышал, но никогда его не видел. Что ж, сладкий сон - не последнее из удовольствий.

Стояла теплая ночь, воздух благоухал десятками ароматов. Аран двинулся домой, широко шагая по находившемуся неподалеку от заведения Адриенны пустырю. Эта широкая, ровная площадка в свое время служила приютом для дворца Шилбри Мечтателя; существование этой постройки полностью зиждилось на колдовских чарах, что уже само по себе являлось большим достижением. С тех пор прошло триста лет, и, в конце концов, дворец, как сказал бы Шилбри, слегка поизносился.

Настал тот день, когда этот воздушный замок бесследно исчез, и теперь на пустыре не действовало ни одно, даже самое примитивное заклинание.

Аран где-то узнал, что семьи людей-волков занимают несколько кварталов в одном из жилых районов. Вскоре, учуяв специфический запах, он удостоверился в том, что был на верном пути. Сгорая от любопытства увидеть, какое жилище может позволить себе в Ринилдиссене богатый оборотень, Аран свернул на одну из улиц.

Еле уловимый запах привел его к высокому, нелепой формы дому с латунной дверью... он внезапно потерял власть над собой, ибо другой, всепоглощающий запах забился в его ноздри, проник в его кровь, овладел его мозгом. Весь остаток ночи он выл перед заветной дверью, но никому не было до этого дела, и никто не пытался его остановить. Соседи, вероятно, уже успели привыкнуть к подобного рода вещам или просто-напросто понимали, что он скорее умрет, чем покинет это место.

Несколько раз Аран слышал, как откуда-то сверху ему отвечали грустным и одновременно страстным воем, и безошибочно узнал голос Ра-Харру. В глубине души он понимал, что через несколько дней ему придется приносить извинения

за свое поведение, так как она решит, что он пришел сюда преднамеренно, но, к несчастью, ничего не мог с собой поделать.

Аран выл и плакал - это было его песней грусти, разлуки и стыда.

V

Стажер Гильдии Волшебников, искавший черные опалы, первый на своем пути увидел деревушку под названием Гат. Ему крупно повезло не только потому, что он сразу же нашел заветные самоцветы, но и потому, что никто не мешал ему собирать их - деревня как будто вымерла. Удивленный таким оборотом дела, ученик мага огляделся вокруг и сразу же заметил развалины замка, находившиеся на безжизненном, голом участке земли. Возможно, они возвышались здесь уже многие века. Или возведенная при помощи чар постройка рухнула, когда в округе совсем не осталось маны, а случиться это могло хоть вчера, хоть на прошлой неделе.

Последняя версия казалась весьма сомнительной, но подобные вещи случались сплошь и рядом. Стажер набил карманы черными опалами - без этих камней нельзя было сделать действенным ни одно заклятье. Выполнив задание, он повернул обратно, но его еще долго не покидали мысли о безлюдной деревне.

- Сначала я решил, что это дело рук работорговцев, - рассказывал он затем Колдуну. - Поблизости я не обнаружил ни одного трупа. Те, кто продают рабов, никогда не убивают людей, если только не наталкиваются на серьезное сопротивление.

Но почему тогда эти разбойники даже не притронулись к драгоценным камням, разбросанным прямо на дороге вперемешку с сеном? У меня создалось впечатление, что какой-то ювелир тайком перевозил их, и... его фургон был чем-то разбит взребезги. Но почему же все-таки никто не собрал самоцветы?

Об этом разрушенном замке Колдун вспомнил лишь через три года, услышав название Шискабил от севшей ему на плечо сороки. Она плавно спустилась с небес и прошептала:

- Колдун?

Он отправился в путь, как только услышал заветное слово.

Шискабил - так называлась деревня. состоявшая из каменных домиков, окруженных каменнной стеной. Видимо, жители

оставили ее совсем неожиданно - на тарелках засохла и покрылась плесенью еда, мясо в печах сгорело дотла. Колдуну не встретился ни один живой человек, не нашел он и трупов. Стена полностью сохранилась, но повсюду были видны следы насилия: расколота вдребезги мебель, взломаны замки, двери сняты с петель, разбросаны копья, мечи и самодельные дубинки. Но больше всего ужасало то, что все вокруг было залито кровью, запекшейся темной человеческой кровью. Воображение упорно рисовало прошедший здесь кровавый ливень.

Хлабфут Увечный был самым юным членом Гильдии Волшебников. Этот худощавый, серьезный молодой человек все еще не мог избавиться от страха перед данной ему властью над магическими чарами. Вид деревни Шискабил невероятно удручал его. Он понуро брел, чуть сгорбившись и стараясь обходить лужи крови.

- Странно, правда? Но я не случайно послал именно за вами, - сказал Хлабфут. - За пределами деревни - мертвая зона. Мне пришло в голову, что кто-то использовал там Магическое Колесо.

Некогда плодородная земля, ставшая теперь совершенно безжизненной, казалась особым предзнаменованием - грядет время, когда чары окажутся бессильны. В центре деревни находилась словно специально сваленная сюда груда камней, между которыми уже начали пробиваться зеленые побеги.

Колдун начертил линию вокруг злополучного места - он не имел желания ступать туда, где волшебство было бессильно. Колесо за все время пригодилось ему лишь однажды, в поединке с Глирендри, после того как демон тени Колдуна погиб от дьявольского меча. Колесо тогда впитало всю его молодость, за несколько секунд превратив Колдуна в двухсотлетнего старца.

- В деревне, несомненно, произносили заговоры, - заметил Хлабфут. - Я испробовал здесь простейшие заклинания - уровень маны катастрофически низкий. Однако лично я что-то не припоминаю ни одного знаменитого мага родом из Шискабила, а вы?

- Я тоже.

- В общем, что тут произошло, не понятно, но в любом случае тут действовала магия, - это слово Хлабфут произнес почти шепотом, так как знал, что магия бывает и пагубной.

Они обнаружили ведущую в контур, очерченный ими, зигзагообразную тропинку к еще не до конца омертвевшей зоне

на ограниченном ими участке земли. Одного жеста Колдуна оказалось достаточно, чтобы камни зашевелились, словно собираясь принять прежние очертания.

- Значит, этот замок кому-то принадлежал, - сказал Хлабфут. - Интересно, как ему удалось добиться такого эффекта?

- Как-то раз я достиг подобного эффекта. Скажем, вы приложили к меньшему Колесу сверхмодные кинетические чары. Оно начинает крутиться в бешеном темпе и нейтрализует ману на совсем небольшой территории...

Хлабфут закивал головой.

- Все ясно. Кто-то прокатил Колесо по узкой тропинке и создал нечто наподобие преграды, чтобы волшебство не действовало на живую зону.

- А контур он оставил незамкнутым, имея таким образом возможность вносить и выносить оттуда свои магические атрибуты. Дорожку, ведущую к входу, он сделал зигзагообразной, чтобы внутрь не могло проникнуть ни одно заклинание. Таким образом, никто не мог теперь предугадать его действий. Вот только непонятно...

- Вот только непонятно, что он так тщательно прятал.

- А мне непонятно, что все-таки произошло в Шискабиле, - сказал Колдун. Внезапно у него в памяти всплыла непреодолимая преграда, которой был окружен замок Волшебника Холма. С той ночи, когда Колдун сражался с безликим противником, прошло двенадцать лет.

Следующая разрушенная таким же образом деревня была обнаружена неподалеку еще через одиннадцать лет.

Деревня Хацорил была больше и известнее, чем Шискабил. Колдун услышал о ней, когда пропал караван, груженный слоновой костью и ценными породами дерева.

По всей видимости, жители покинули свои дома всего за несколько дней до того, как туда прибыли Колдун и Хлабфут. Перед их глазами снова предстала та же кошмарная картина - недоеденная пища на столах, недопеченные пироги, расколотая мебель, беспорядочно разбросанное повсюду оружие, сломанные двери...

- Но нигде нет следов крови. Интересно, почему? - Хлабфут напрягся как струна. - Все остальное абсолютно идентично с предыдущим случаем. Население деревни внезапно покинуло обжитые места - не исключено, что их увели отсюда насильно. Прошло целых десять лет; нет, больше. Я уже почти забыл... Вы оказались здесь чуть раньше меня. Обнаружили мертвую зону и развалины замка?

- Нет, хотя и искал.

У молодого волшебника была покалеченная нога. Он мог бы заговорить это врожденное уродство, но при этом рисковал лишиться половины своих сверхъестественных сил.

- Как бы нам не ошибиться! Если мы имеем дело с тем же самым субъектом, то на данном этапе он коренным образом изменил тактику.

Следующей ночью Колдуну приснился яркий цветной, но очень запутанный сон. Он проснулся с мыслями о Волшебнике Холма.

- Давай-ка поднимемся на несколько расположенных поблизости возвышенностей, - предложил он утром Хлабфуту. - Я пришел к выводу, что трагедия этих деревень как-то связана с Волшебником Холма. Скорее всего, на одной из вершин мы обнаружим мертвое пятно.

Эта ошибка чуть не стоила ему жизни.

Когда Хлабфут попытался взобраться на последний холм, песок начал струиться из-под его ног, то и дело съезжавших с гладких, скользких булыжников; крупные камни с шумом скатывались вниз непрерывным потоком. Близился закат, но, потеряв терпение и обследовав все холмы в округе, они не сдавались, одержимые идеей найти в конце концов то, что искали.

Хлабфут, двигавшийся очень медленно, все еще оставался почти у самого подножия, когда Колдун стал карабкаться вслед за ним.

- Хватит, спускайтесь вниз! - смеясь, прокричал он. - Какой кретин будет возводить постройки на вершине этой кучи песка!

Хлабфут оглянулся и завопил:

- Возвращайтесь немедленно - вы стареете!

Колдун провел рукой по своему лицу и почувствовал трещинки внезапно появившихся морщин. Он скатился вниз в мгновение ока, не забыв, однако, о мерах предосторожности, дабы не поломать хрупкие старческие кости. По земле за ним тянулся след множества выпавших серебристо-седых волос.

Покинув границы опасной для него, лишенной маны территории, Колдун захихикал фальцетом.

- Я ошибся, но зато понял, что он предпринял. Хлабфут, мертвая зона находится внутри холма.

- Прежде чем отправиться на поиски, нужно подвергнуть вас действию омолаживающего заклинания, восстановить ваш прежний возраст, - Хлабфут выложил на траву свои магиче-

ские принадлежности: кусок древесного угля, серебряный нож, пакетики с травами...

- Такой контур обладает малой мощностью и отсасывает ману изнутри, поэтому его необходимо постоянно передвигать. Вместо этого Волшебник придал холму форму волны. Как только чары были нейтрализованы, холм как бы накатился на замок и поглотил его. Такая операция, без сомнения, будет проделана им еще раз.

- Умно, ничего не скажешь. Так что же, по вашему мнению, стряслось в деревне Хацорил?

- Похоже, что это навсегда останется для нас тайной. - Колдун потер вновь образовавшиеся в уголках его глаз морщинки. - Что-то ужасное. Что-то очень страшное.

VI

В тот день Аран прохаживался по базару, разглядывая ковры.

Обычно это занятие доставляло ему истинное удовольствие - развешанные повсюду, они превращали эту часть города в разноцветный лабиринт. Чаще всего вскоре с разных сторон раздавались знакомые ему голоса. За этим следовала дружеская болтовня, заканчивающаяся почти всегда выгодной сделкой.

Аран торговал коврами в Ринилдиссен Сити уже целых тридцать лет. Из скромного молодого помощника Ллорагинези он постепенно превратился в опытного продавца, выгодно сбывающего собственный товар. Наиболее качественные и самые дешевые ковры поставлялись в Ринилдиссен Сити по морю и на верблюдах со всего континента и с близлежащих островов. Оптовые торговцы, лавочники и приезжие богатеи, жаждущие украсить свои особняки, отовсюду стекались в Ринилдиссен. В полдень ковры, отливающие всеми цветами радуги, освещаемые лучами находившегося в зените солнца, выглядели особенно привлекательно... но на этот раз их красота не трогала Арана - он был поглощен мыслями о родном острове.

Неожиданно из-за развешанных выделанных шкур сфинксов показался не знакомый ему человек. Лысая, как яйцо руха, голова вовсе не старила его; сразу становилось ясно, что этот мужчина полон сил. Раздетый до пояса, он походил на грузчика в порту, что никак не вязалось с его шикарными брюками и высокомерным смешным видом. Сам того не желая, Аран

лая, Аран смотрел на него очень недружелюбно, хотя, приглядевшись, нашел в нем что-то знакомое.

Человек прошел мимо, даже не взглянув на продавца.

Какая-то неведомая сила заставила Арана обернуться, и он даже подскочил от неожиданности. Широко раскрытыми глазами он смотрел на пеструю пятигранную татуировку, красовавшуюся на спине незнакомца.

- Колдун! - воскликнул Аран и тут же пожалел об этом.

Колдун, оглянувшись, окинул его презрительным взглядом, каким обычно отвечают на радостный вопль обознавшегося нахала-прохожего.

Колдун совсем не состарился со дня их встречи, если не считать выпавших волос. Однако Аран понимал, что за прошедшие тридцать лет сам он изменился до неузнаваемости. Из бойкого восемнадцатилетнего юноши он стал пятидесятилетним мужчиной с лицом, носившим отпечатки бурно прожитой жизни. Не забыл он и о том, что поседел и облысел, а кроме того, прекрасно помнил обстоятельства, при которых он познакомился с Колдуном.

Аран провел тысячи бессонных ночей, раздумывая о возможных путях мщения хозяину пещеры в деревне Шейл, но, как ни странно, сейчас его единственным желанием было избежать встречи с ним.

- Прошу прощения, сэр, - вежливо сказал он.

Но в этот момент ему в голову, видимо, пришла какая-то хорошая мысль, и он добавил:

- И все-таки мы уже встречались.

- Где и когда? Я что-то не припоминаю, - холодно сказал Колдун.

Ответ Арана был преисполнен чувства собственного достоинства, которое приходит к человеку вместе с возрастом и деньгами.

- Я пытался ограбить вашу пещеру, - сказал он.

- Неужели! - Колдун подошел поближе. - Ах да, тот самый парнишка из Атлантиды. Вы, наверное, позже обворовывали и других волшебников?

- Я привык к более размеренной жизни, - спокойно парировал Аран. - И, кстати, я располагаю неопровержимым доказательством того, что мы с вами знакомы.

- Доказательством? - Колдун разразился таким громким и заразительным смехом, что в их сторону повернулись головы всех продавцов и посетителей базара. Не переставая хохотать, он взял Арана под локоть, увлекая его куда-то в сторону.

Они медленно брели по торговому кварталу, причем Колдун, конечно, шел чуть впереди.

- Я не должен сбиваться с определенного маршрута, - объяснил он. - Я сам составил этот план. Итак, мой мальчик, чем ты занимался все эти тридцать лет?

- Пытался избавиться от вашего дурацкого стеклянного кинжала.

- Стеклянный кинжал? Ну да, помню. Но у тебя ведь наверняка хватало времени и на другие увлечения?

В этот момент Аран чуть не ударил Колдуна. Но он еще не получил от него того, что хотел, и поэтому сдержал нараставшее в нем раздражение.

- Своим чертовым ножом вы пустили под откос всю мою жизнь, - заметил он. - На обратном пути мне пришлось обходить ущелье Хвирин за тридевять земель. В итоге я оказался в совершенно незнакомом мне городе с пустым кошельком. У меня не оставалось денег ни на дорогу домой, ни на то, чтобы платить волшебникам, а это означало существование с пронзившим мое сердце ножом. Тогда я нанялся на службу к торговцу коврами по имени Ллорагинези и стал его телохранителем и, по совместительству, сторожевым псом. За эти годы я сам стал преуспевающим и богатым торговцем коврами в Ринилдиссен Сити; у меня две жены, восемь детей, есть уже и правнуки, и теперь я уже вряд ли когда-нибудь вернусь в Атлантиду.

Они купили вина у проходившего мимо разносчика, несшего на плечах два огромных бурдюка, и по очереди выпили из принадлежавшего продавцу латунного кубка.

- Так ты, в конце концов, извлек кинжал? - поинтересовался Колдун.

- Нет, и вам бы следовало знать об этом лучше меня! Что за заклинание вы применили к вашему "произведению искусства"? Лучшие чародеи континента не смогли даже прикоснуться к кинжалу, сделать его видимым, не говоря уже о том, чтобы извлечь его из моей груди. Если бы им это удалось, я бы не торговал сейчас коврами.

- Это почему же?

- Я бы давным-давно накопил денег на дорогу в Атлантиду, не обращайся я по очереди ко всем волшебникам в округе с просьбой избавить меня от этого несчастного клинка. Продажа ковров стала для меня постоянным источником получения денег для оплаты услуг ваших коллег. В конце концов, я оставил чародеев в покое и разбогател. Единственным делом,

которое я довел до конца, было рекламирование вашей особы по всем окрестностям.

- Спасибо, - вежливо поблагодарил его Колдун.

Арану было не по душе шумное веселье его спутника. Он решил положить конец этому бесполезному разговору.

- Я рад, что мы встретились, - сказал он, - потому что у меня есть проблема, решить которую для вас - пара пустяков. Вы можете рассказать мне что-нибудь о Вейвихиле, Волшебнике Холма?

Ему показалось, что Колдун напрягся.

- Что именно тебя интересует?

- Использует ли он в своих заклинаниях чрезмерное количество энергии.

Колдун вопросительно поднял брови.

- Видите ли, мы стараемся запретить применение в Ринилдиссен Сити магических чар. Если такая обширная и значимая территория перестанет подчиняться волшебству, это будет национальным бедствием - никто не сможет остановить наводнение или ураган, предотвратить набеги варваров. Вы находите в моих словах что-то смешное?

- Нет, нет. Но какое отношение имеет ко всему этому стеклянный кинжал?

- Это вас не касается, Колдун, и будет моей тайной, если только вы не станете читать мои мысли.

- Нет, конечно. Прости.

- Я бы хотел подчеркнуть, что здесь затронуто не просто благополучие жителей Ринилдиссен Сити. Если этот город станет мертвой зоной, водяным придется покинуть свою родную гавань. Совсем недалеко от доков они построили настоящий подводный город. К тому же, на них держится вся работа в порту и успех рыболовного промысла...

- Ну что ты так горячишься! Успокойся, я с тобой абсолютно согласен, и ты это знаешь, - он усмехнулся. - Следовало бы знать!

- Извините. Я всегда зацикливаюсь на чем-то одном. Прошло уже десять лет с тех пор, когда в Ринилдиссен Сити видели последнего дракона, а те, которые обитают в округе, изменились до неузнаваемости. Когда я впервые оказался здесь, у драконов были даже свои лавки в самом центре города. Что вы делаете?

Колдун поспешно вернул разносчику вина пустой кубок и настойчиво тянул Арана за рукав.

- Пойдем со мной, пожалуйста, иначе я собьюсь с дороги.

- С дороги?

- Я следую туда, куда меня ведет предвидение, и могу погибнуть, если собьюсь с курса. Так на чем ты остановился?

- Взгляните вон туда, - Аран указал на прилавки с разложенными на них фруктами.

Стоявший там тролль, человек с обезьяньей головой, был весь покрыт жесткой коричневой шерстью. Судя по величине, им встретилась самка, но у нее вместо грудей были только соски, как у обезьян. В руках она держала плетеную корзину. Она выразительно посмотрела на палец Арана, направленный в ее сторону, карими человеческими глазами и сразу перевела взгляд на дыню, которую собиралась купить.

Эта сцена вызвала какую-то почтительность к троллю, предку давно вымершего Homo habilis, но при этом была совершенно обычной и будничной. Миллионы различных видов погибли в Африке от засухи, но уже несколько веков назад волшебники научились возвращать их к жизни.

- По-моему, ты пытаешься решить одну из стоящих передо мной проблем, - тихо сказал Колдун. Теперь он стал очень серьезен, от былой веселости не осталось и следа.

- Замечательно, - с притворной радостью откликнулся Аран. - Лично я никак не могу понять, сколько маны расходуют тролли Вейвихила. Следует начать с того, что уровень содержания маны никогда не был очень высоким, и, значит, Вейвихил должен использовать сверхмощные заклинания, чтобы его питомцы могли хотя бы передвигать ногами, - Аран автоматически провел кончиками пальцев по груди. - Мне страсть как не хотелось бы уезжать из Ринилдиссен Сити, но, если здесь перестанут действовать магические чары, выбирать не придется.

- Мне необходимо выяснить, какие заклинания у него в ходу. Расскажи мне что-нибудь о Вейвихиле, ладно? Постарайся вспомнить все, что знаешь.

Большинство жителей Ринилдиссен Сити встретили волшебника Вейвихила очень радушно.

С давних пор все привыкли к слугам-троллям. Обладавшие недюжинной силой, не чувствительные к боли, они были способны выполнить любое задание своего господина. Они могли работать даже в дни официальных всенародных праздников и при этом не нуждались в отдыхе и ни разу не были уличены в воровстве.

Но древний Ринилдиссен день ото дня терял свои запасы маны. Многие годы люди не встречали в городе ни одного тролля, а те, которые все-таки решались войти в ворота Ринилдиссен Сити, обращались в пыль.

И тут появился Вейвихил. Количество принадлежащих ему троллей казалось неиссякаемым, причем они могли благополучно пересекать границы города. Желающих приобрести таких слуг оказалось больше чем достаточно, и за своих троллей Вейвихил получал кругленькие суммы золотом и безграничное уважение горожан.

- Полвека грабители по праздникам беспрепятственно делали свое черное дело, - рассказывал Колдуну Аран. - Теперь в Ринилдиссен Сити снова создана состоящая из троллей полиция, так что людей обвинить не в чем - они просто благодарны этим бесстрашным существам, а соответственно, и Вейвихилу, которого, несмотря на мои возражения, избрали членом Муниципального Совета, то есть наделили безграничной властью. Теперь он волен делать в Ринилдиссен Сити все, что ему вздумается.

- Очень грустно слышать об этом. Почему ты сказал, что его избрали, несмотря на твои возражения? Ты тоже входишь в Совет города?

- Да. Именно я провел в жизнь большинство законов, запрещающих использование в городе магических чар. Справедливости ради скажу, что многие, не менее важные мероприятия мне провести не удалось. Все проблемы в том, что Вейвихил производит своих троллей далеко за пределами Ринилдиссен Сити, а вот где именно - узнать не удается пока никому. Если он и наносит удар по уровню маны в городе, то делает это откуда-то извне.

- И что же тебя волнует?

- Представьте себе, что тролли поглощают ману, едва появляются на свет! Как вы думаете, такое может быть?

- По-моему да, - ответил Колдун.

- Я так и знал. Вы можете повторить то, что только что сказали, на заседании Муниципального Совета? Ведь...

- Нет, и не проси.

- Но это необходимо! Я не в силах в одиночку убедить в этом горожан. Вейвихил, наиболее влиятельный волшебник в округе, дает показания, прямо противоположные моим! Кроме того, члены Совета сами имеют слуг-троллей. Если мы с вами правы, получается, что самых уважаемых горожан обвели вокруг пальца, а они ни за что не захотят признать это. Тролли

погибнут, как только сами же снизят уровень содержания маны до критического.

Выпалив последнее предположение, Аран умолк, понимая, что Колдун стоически ждал конца его пламенной речи.

Колдун выдержал паузу, заменившую восклицательный знак после конечной фразы, а потом сказал:

- Так дело не пойдет. Выступать с этим вопросом в Совете - то же самое, что метать бисер перед свиньями.

- Неужели он непобедим?

- Боюсь, что да.

Аран тщетно пытался понять, смеется ли над ним Колдун, или говорит серьезно. Его лицо сохраняло совершенно невозмутимое выражение... Аран столько раз видел это лицо в ночных кошмарах. "Зачем я здесь? - спрашивал он самого себя. - Я хотел задать ему профессиональный вопрос по поводу троллей и сделал это... а теперь..."

- Что же ты замолчал? Я должен получить как можно больше информации о Вейвихиле. И пожалуйста, шевели мозгами, - сказал Колдун. - Он давно приехал сюда?

- Вейвихил появился в Ринилдиссен Сити семь лет назад. Никто не знает, откуда он взялся, и говорит он без какого-либо определенного акцента. Его дворец стоит на холме, который, похоже, вот-вот рухнет вниз. Почему вы все время киваете?

- Я знаю, о каком холме ты говоришь. Продолжай дальше.

- Он появляется в городе не очень-то часто, а когда бывает здесь, приводит с собой несколько предназначенных для продажи троллей. Иногда он приходит исключительно, чтобы проголосовать в Совете по какому-нибудь важному вопросу. Невысокого роста, смуглый...

- Это, скорее всего, кажущаяся внешность. Не обращай на меня внимания, опиши его - я с ним никогда не встречался.

- Он невысокого роста, смуглый человек с длинным носом и заостренным подбородком и сильно вьющимися темными волосами. Чаще всего он бывает одет в мрачный плащ из какого-то приятного на ощупь материала, похожую по форме на цилиндр шляпу, сандалии. Кроме того, он никогда не расстается со своим мечом.

- Неужели! - Колдун громко рассмеялся.

- Что тут смешного? Я и сам иногда ношу с собой меч. Ну, волшебники, вообще-то, в два счета справляются с вооруженными людьми при помощи заговоров!

- Не в этом дело. Меч считается символом мужской силы.

- Да?

- Ты меня понял, правда? Чародею меч ни к чему, у него есть более эффективные средства защиты. Когда практикующий волшебник носит повсюду с собой меч, это значит, что ему необходимо средство от импотенции.

- Это приносит ожидаемые результаты?

- Естественно. Чары, о которых идет речь, направлены непосредственно на установление отношений между двумя субъектами. Но для того, чтобы они вступили в силу, нужно взять меч с собой в постель! - загоготал Колдун, но тут же осекся, когда его взгляд упал на спешившего мимо слугу-тролля.

Он проследил глазами, как этот человек-обезьяна проскользнул через ворота в высокой белой стене. Они покинули пределы торгового квартала.

- Мне кажется, что Вейвихил занимается некромантией[1].

- Некромантией? А что это такое? Звучит как-то противно.

- Специальный термин для обозначения новой отрасли магии. Это и на самом деле не особо приятное занятие. Давай свернем здесь налево.

Они очутились на узкой темной улочке, по обеим сторонам которой теснились двух- и трехэтажные дома. Дорога была очень грязной, но, как только Колдун сердито заворчал и сделал какие-то пассы руками, середина ее полностью очистилась от мусора. Колдун торопливо повел своего спутника в конец проулка.

- Вот здесь, я думаю, мы можем остановиться. Садись, если хочешь. Мы, по крайней мере я, точно задержимся тут на некоторое время.

- Колдун, вы что, вздумали издеваться надо мной? Зачем мы кружим по всему городу? Неужели это столь необходимо для победы в поединке между двумя волшебниками?

- Закономерный вопрос. Ты знаешь, что находится в самом конце этой улицы?

Аран прекрасно ориентировался на местности, зная город как свои пять пальцев, и запутать его было не так-то просто.

- Дворец Правосудия?

---

1 Некромантия - искусство или практика общения с умершими людьми в целях предсказания будущего.

- Точно. А чуть подальше - пустырь рядом с Домом Удовольствий, самое гиблое место во всем Ринилдиссен Сити. Раньше там стоял дворец Шилбри Мечтателя.

- Можно поинтересоваться...

- Как и следовало ожидать, в здании суда запасы маны тоже на исходе. Десять тысяч обвиняемых и тридцать тысяч юристов, каждый из которых просит оправдания или требует осуждения, поглощают огромное ее количество. Когда между мной и Вейвихилом располагается один из этих участков, он лишается способности предсказывать мои действия.

Аран задумался.

- Но вы-то знаете, где он сейчас.

- Нет. Я лишь иногда догадываюсь, где он может находиться в данный момент. Видишь ли, и Вейвихил, и я сам научились вполне профессионально выводить из строя дар предвидения противника. Но сейчас, вдобавок ко всему, меня сопровождает не знакомый ему сообщник, вот я и решил, что в эти минуты он следит за мной особенно тщательно, и не желаю доставить ему такое удовольствие. Понимаешь, Колесо изобрел я, а Вейвихил, используя мою идею, создал, по меньшей мере, две его модификации. Естественно, истратив при этом гигантское количество маны. Кроме того, у меня имеются основания подозревать его в массовых убийствах. Так как здесь есть доля и моей вины, я считаю своим долгом покончить с этим злодеем. Мне ничего не остается, как убить его.

Аран вспомнил, что жены ждали его дома с горячим обедом и что он собирался положить конец разговору с Колдуном несколько часов назад. Не забыл он и рассказанную ему некогда историю о том, как мирянин вмешался в поединок двух магов, и что из этого вышло.

- Что ж, мне пора, - сказал он, поднимаясь. - Желаю вам победы на дуэли, Колдун. И если понадобится моя помощь...

- Будьте моим союзником в этом сражении, - скороговоркой произнес Колдун.

Аран затаил дыхание, но потом рассмеялся.

Колдун с присущим ему одному терпением ждал, пока собеседник успокоится. Как только у него появилась возможность быть услышанным, он сказал:

- Мне все время снилось, что я встречу сообщника: единомышленника, который проводит меня к воротам замка Вейвихила. Однако, сны мне помочь не смогут. Этот волшебник -

опасный и бесстрашный противник. Я предчувствую, что, отправившись к нему один, погибну.

- Подберите себе другого помощника, - посоветовал ему Аран.

- Нет, слишком поздно. Время не ждет.

- Посмотрите, - Аран хлопнул ладонью по своему дряблому животу. - Для человека у меня не очень много лишнего веса, - сказал он. - И я не вызываю отвращение своим видом. Но, обратившись волком, я бы выглядел как будто на сносях! Я уже много лет не обращался в волка. Хотя, что это я? Я вовсе не собираюсь доказывать вам что-то, - резко сказал Аран и быстро пошел прочь.

Колдун догнал его, когда он уже выходил из темного проулка.

- Клянусь, ты не пожалеешь, если останешься. Я еще не все тебе сказал.

- Не заходите так далеко, Колдун. Вы собьетесь со своего драгоценного пути, - засмеялся Аран, глядя ему прямо в глаза. - Почему я должен принять вашу сторону? Если я вправду так необходим вам для того, чтобы одержать победу, лучшей мести мне не придумать! Я провел сотни ужасных ночей - мне постоянно снились кошмары, в которых я видел вас и ваш треклятый стеклянный кинжал! Так умрите же, Колдун. Я опаздываю к обеду.

- Шш, - прошептал Колдун, и Аран заметил, что он смотрит куда-то через его плечо.

Аран почувствовал всепоглощающую ненависть к стоявшему перед ним человеку. Однако он перехватил его взгляд, и проклятия застряли у него в горле.

К ним приближался тролль, самец с огромным тюком на спине.

Колдун все энергичнее жестикулировал по мере того, как человек-обезьяна подходил ближе. Или это были какие-то магические пассы?

- Пойми, - сказал Колдун. - Я бы мог сказать тебе, что бороться с судьбой бесполезно, и тебе бы стоило поверить мне как специалисту. Но на самом деле, утверждая это, я бы покривил душой. Лучше я предложу тебе взамен за услуги избавление от стеклянного кинжала...

- Идите к черту! Я уже научился жить, нося в сердце этот нож...

- Человек-волк, если у вас до сих пор не хватило ума научиться у меня чему-нибудь полезному, усвойте хотя бы,

что не следует богохульствовать в присутствии чародея! Извините. - Тролль проходил как раз мимо них. Колдун взял его за руку. - Вы поможете мне? Я хочу снять с его спины этот тюк.

Пока они стаскивали мешок, Аран не переставал удивляться своему поведению. Может быть, какие-то чары обрекли его на вечную покорность? Тюк оказался очень тяжелым. Арану пришлось приложить всю свою силу, хотя основной удар Колдун принял на себя. Тролль смотрел на них ничего не выражающими карими глазами.

- Отлично. Если бы я имел неосторожность провернуть эту операцию в любой другой части города, об этом бы, без сомнения, стало известно Вейвихилу. Но я знаю наверняка, где он находится в данный момент - в Доме Удовольствий, принадлежащем Адриенне. Этот идиот ищет меня там! Здание суда он уже облазил. Но не в этом дело. Ты слышал о деревне Гат?

- Нет.

- А название Шискабил тебе не знакомо?

- Нет. Хотя постойте. - Житель этой деревни как-то раз купил у него комплект из шести зеленых ковров. - Да. Эта деревушка находится к северу от Ринилдиссен Сити. Там... что-нибудь случилось?..

- За одну ночь все жившие там люди словно куда-то испарились. Остались все их пожитки и лужи непонятно откуда взявшейся крови.

- Все правильно, - Аран почувствовал, что в его душе зародилось ужасное подозрение. - Это всегда было трудно объяснить.

- Началось все в деревне Гат. Позже та же участь постигла жителей Шискабила и Хацорила. Причем размер населенного пункта с каждым разом увеличивался. В Хацориле он действовал уже с умом - умудрился спрятать свой дворец и не оставил за собой крови.

- Но что он делает? Куда исчезают люди?

- Что ты знаешь о мане, Аран? Тебе известно, что это сила, стоящая за чарами, и что ее запасы истощаются день ото дня. А что еще?

- Я не волшебник, а торговец коврами.

- Ману можно поставить на службу добру или злу; ее можно нейтрализовать или передать другому предмету или человеку без его согласия на то. Некоторые люди, по всей видимости, носят в себе определенное количество маны, но

обычно она сконцентрирована в камнях причудливой формы, в предметах религиозного культа или в метеоритах.

- Очень много маны расходуется во время убийств, - продолжал Колдун. - Так много, что это количество бывает опасным для жизни окружающих. В свое время мой учитель многократно предупреждал нас об опасности работать поблизости от места, где совершено убийство, рядом с трупом убитого человека и оружием, использованным с этой целью. Кстати, военное оружие - совсем другое дело, оно не приносит никакого вреда. Война и убийство имеют совершенно разные цели. Некромантия использует убийство в качестве источника магических чар. Эта отрасль магии - самая мощная. Она стала быстро развиваться после того, как уровень маны по всему миру заметно снизился. Так вот, я считаю, что Вейвихил практикует эту самую некромантию, - констатировал Колдун и повернулся к все еще стоявшему тут же человеку-обезьяне. - Через несколько секунд нам станет это известно наверняка.

Тролль оставался неподвижным, его длинные руки были опущены и прижаты к бедрам. Он смотрел на Колдуна слишком человечьими карими глазами, и в его взгляде сквозило чувство собственного достоинства, странным образом контрастировавшее с его низким обезьяньим лбом и сплошь покрытым шерстью телом. Он не сопротивлялся, когда Колдун надел ему на шею какой-то похожий на ожерелье предмет.

Превращение свершилось настолько неожиданно, что Аран попятился, ловя ртом воздух. Ожерелье Колдуна висело теперь на шее человека. Перед ними стоял бородатый блондин лет тридцати пяти, одетый в форменную юбку, какие носят привратники. Его живот был, очевидно, вспорот одним взмахом меча или сабли. Аран ощутил исходивший от него запах - он умер три или четыре дня назад, не считая того времени, которое он прожил после этого с помощью примененных к нему чар. Он так ни разу и не пошевелился, покорно ожидая своей участи; на его лице не дрогнул ни один мускул.

- Вейвихил изобрел что-то типа вечного движения, - сухо заметил Колдун и тут же сделал несколько шагов назад, спасаясь от трупного запаха. - В убитом сохраняется именно такое количество энергии, какое нужно послушному рабу, и еще остается чуть-чуть на то, чтобы придать ему облик тролля. Он потребляет из окружающей среды больше маны, чем живой человек, но что из этого? Когда в деревне Гат ее запасы истощились, тролли Вейвихила стали убивать своих хозяев. Затем вдвое большее количество слуг двинулось в Шиска-

бил. В Хацориле они, очевидно, пользовались удавками, не проливая таким образом ни капли крови, да и сами они не могли пораниться. Хотелось бы знать, куда он отправится после Ринилдиссен Сити.

- Никуда! Мы расскажем о его преступлениях в Муниципальном Совете!

- Имей в виду, что Вейвихил сам является его членом. Так дело не пойдет. Ты не заставишь членов Совета хранить эти сведения в тайне. Кто-нибудь, в конце-концов, сболтнет Вейвихилу, что это ты порочишь его честное имя.

- Но уж вам-то они поверят!

- Достаточно будет того, что в нашей правоте усомнится лишь один из них. Как только он скажет Вейвихилу, тот отпустит своих троллей на все четыре стороны. Нет. Тебе следует сделать три вещи, - у Колдуна был вид пророка. - Пойти домой. На следующей неделе увезти своих жен и детей из Ринилдиссен Сити.

- О, Господи!

- Обещаю, ты не пожалеешь о том, что послушался меня. В-третьих, если решишься, приходи ровно через неделю на заре к северным воротам. Не забудь пройти мимо Дома Удовольствий, - приказал Колдун, - и задержись там на несколько секунд - под действием мертвой зоны ты перестанешь оставлять следы. Сделай то же самое и сегодня. Мне бы не хотелось, чтобы Вейвихил следил за твоими действиями. Ну, иди, - сказал Колдун.

- Я не знаю, как поступить!

- У тебя есть неделя на размышления.

- А если я не соглашусь, как мне известить вас?

- Никак, но это не имеет значения - я пойду в любом случае, с тобой или без тебя. - Колдун резким движением снял ожерелье с шеи стоявшего рядом трупа, повернулся и стал быстро удаляться, стараясь не сбиться с пути.

Мертвец снова превратился в тролля. Он проводил уходящего Арана взглядом больших почти человеческих карих глаз.

VII

Наступило утро, близился рассвет. Дом Удовольствий, принадлежащий Адриенне, был окутан плотным туманом.

Торговец коврами Аран вышел из дома, постоял немного на крыльце, а потом. дрожа как в лихорадке, решительно ступил в прохладу раннего утра.

Он держал наготове меч, дабы внезапно напавший противник не застиг его врасплох. Туман, все такой же густой, начал понемногу светлеть. Пару раз Арану показалось, что за ним по пятам следуют какие-то темные исполинские тени, но нападения так и не последовало. На рассвете он подошел к северным воротам.

Колдун уже поджидал его в условленном месте. Его сопровождали две гигантские ящерицы - уродцы величиной с бунгало. На одной из них лежал багаж, на другой, как на тандеме, были установлены два седла.

- Садись позади меня, - настойчиво приказал Колдун. - Неплохо было бы попасть на место до наступления ночи.

Несмотря на утреннюю прохладу, пронизывавшую насквозь, Колдун был раздет до пояса. Он повернулся к Арану, устроившемуся позади него.

- Ты что, похудел?

- Я постился в течение шести дней и делал упражнения для того, чтобы сбросить лишний вес. Мои жены и дети четверо суток назад уплыли в Атлантиду. Вы можете легко догадаться, каким удовольствиям после этого я предавался в заведении Адриенны.

- Я не верю своим глазам. У тебя плоский, как доска, живот!

- Волк способен не есть очень долго. Прошлой ночью я проглотил невероятное количество пищи, так что сегодня я уже не возьму в рот ни крошки.

Как только они пересекли границу Ринилдиссен Сити, туман рассеялся. Утро, выбранное Колдуном для начала решающего поединка, оказалось ясным, солнечным и жарким. Когда Аран сказал об этом, Колдун признался:

- Сгустившийся туман - моих рук дело. Надо же мне было запутать Вейвихила, замести следы.

- В темноте мне почудилось какие-то преследовавшие меня тени. Вы и тут позаботились?

- Нет.

- Спасибо и за это.

- Вейвихил хотел лишь припугнуть тебя, Аран, а нападать не имело никакого смысла. Он отлично понимал, что убить тебя по пути к воротам ему не удастся.

- Так вот зачем вам понадобились эти навьюченные ящерицы. А я-то гадал, как вы думаете остаться незамеченным.

- А я и не собирался прятаться. Он знает, что мы приближаемся и ждет нас.

Земля вокруг замка Вейвихила изобиловала чарами, что становилось ясно с первого взгляда: повсюду гигантские грибы, словно соревнующиеся друг с другом в форме и окраске; лишайники, принявшие очертания людей и зверей; деревья с искривленными стволами и ветвями, которые угрожающе зашевелились, чувствуя приближение груженых ящериц.

- Я мог бы наделить их даром речи, - заметил Колдун, - но тогда перестал бы доверять им. Они наверняка стали бы сообщниками Вейвихила.

Освещенный красноватыми лучами заходящего солнца, замок Вейвихила, расположенный на вершине волшебного холма, казался сложенным из плит розового мрамора. Устремленная вверх башня была как будто специально построена для заточения похищенных девушек. Сам холм, увиденный Араном впервые, больше походил на угрожающе поднятый к небу кулак, чем на ударяющуюся о скалы волну.

- Мы не станем раскручивать здесь Магическое Колесо, - сказал Колдун, - иначе на нас рухнет все это сооружение вместе с горой.

- А я бы и не позволил вам использовать Колесо.

- Не переживай, я не взял его с собой.

- Куда идти?

- Вверх по дорожке. Ему известно, что мы уже близко.

- Ваш демон-тень готов к схватке?

- Демон-тень? - Колдун был явно озадачен. - А! Я не сразу сообразил, что ты имеешь в виду. Глирендри убил его тридцать лет назад.

Слова застряли у Арана в горле, а потом с хрипом вырвались наружу.

- Почему же вы тогда не носите рубашек?

- Сила привычки. Причуд у меня более, чем достаточно. А с чего ты так разволновался?

- Не знаю. Я с утра разглядываю вашу спину и, похоже, рассчитывал на помощь этого демона-тени. - Аран сглотнул слюну. - Выходит, нас всего двое?

- Да, ты и я.

- И вы даже не возьмете с собой ни меча, ни кинжала?

- Нет. Ну, пошли?

Противоположная сторона холма представляла собой склон под углом в шестьдесят градусов. Ящерицы не смогли передвигаться по узкой извилистой тропе, поэтому Аран и Колдун спешились и стали медленно карабкаться наверх.

- Нам не поможет никакая хитрость. Мы сможем проникнуть лишь до ворот и ни на шаг дальше. Об этом известно Вейвихилу... извини. - Колдун бросил вперед на дорожку пригоршню серебряной пыли. - Земля чуть было не скинула нас вниз. Похоже, Вейвихил ничего не принимает на веру.

Ничего не почувствовавшему Арану оставалось лишь прислушиваться к словам своего спутника. Это оказалось единственной поджидавшей их на пути опасностью.

Латунные ворота были отделены от дороги квадратным прудом, через который был перекинут горбатый мостик. Они уже приближались к нему, когда из ворот выскочил первый "посланник" Вейвихила.

- Что это? - прошептал Аран. - Я никогда не видел ничего подобного.

- Потому что ничего подобного в природе не существует. Это - гибрид. Назовем его улиткодракон.

... Спиралевидная раковина улиткодракона оказалась настолько широкой, что полностью загородила ворота. Изящное, гибкое животное полностью высунулось наружу и изогнулось так, чтобы получше разглядеть незваных гостей. Блестящая чешуя покрывала лишь голову и шею, оставляя беззащитным мягкое серовато-коричневое туловище. Устремленные на приближающихся врагов глаза казались сделанными из черного мрамора; щелкавшие зубы были ослепительно белыми и очень острыми, а два самых больших даже блестели.

Колдун, все еще стоявший перед мостом, крикнул:

- Эй, стражник! Тебя предупредили о нашем приходе?

- Нет, - ответил дракон. - Если бы вас ждали в замке, я бы знал об этом.

- Ждали! - оглушительно захохотал Колдун. - Мы здесь, чтобы убить твоего хозяина. Любопытнее всего то, что ему известно о нашем приближении. Почему же он не дал тебе никаких указаний?

Улиткодракон наклонил покрытую чешуей голову.

Не дождавшись ответа, Колдун сказал:

- Он уверен, что мы все равно не отступимся и проникнем во двор любой ценой, но предпочел не говорить тебе об этом.

- Очень мило с его стороны. - Голос дракона, очень низкий и оглушительно громкий, походил на грохот падающих с гор камней.

- Да, ты прав. Однако, если исход нашей битвы предопределен самой судьбой, почему бы тебе не освободить нам путь и не уйти в горы? Мы никому не выдадим твоего секрета.

- Не положено.

- Ты - плод магических экспериментов, улиткодракон. Звери, чья жизненная энергия подпитывается чарами, развиваются совершенно непредсказуемо в тех местах, где уровень содержания маны минимален. Большинство подобных мутантов нежизнеспособны. Это относится и к тебе, - сказал Колдун. - Раковина вряд ли явится защитой от решительного и терпеливого врага. Ты рассчитываешь на то, что спасешься бегством?

- Именно этот вопрос не дает мне покоя, - отозвался стражник. - Допустим, я пропущу вас, а сам уйду, а что дальше? Вполне вероятно, что мой хозяин расправится с вами, когда вы проникнете к нему в покои. Тогда он задастся вопросом, как вам удалось миновать охрану. Через пару недель он решит, что пора оттащить от ворот никому не нужную раковину. К тому времени, если повезет и ветер будет дуть в спину, я преодолею уже полпути к лесам. Быть может, он не заметит меня в высокой траве, - протрубил дракон величиной с бунгало. - Нет, уж лучше мне попытать счастья здесь, у ворот. В этом случае я, по крайней мере, буду знать, кто победит.

- А ведь ты прав, черт возьми, - воскликнул Колдун. - Прими мои соболезнования, улиткодракон.

И он занялся обращением моста в твердую субстанцию. Та его половина, что была ближе к ним, оказалась изначально твердой, а противоположная - до того, как ею занялся Колдун, представляла собой отраженную тень.

- Под водой проходит граница мертвой зоны, - предупредил он Арана. - Смотри не упади.

Улиткодракон почти целиком скрылся в раковине, и лишь покрытая чешуей голова торчала наружу, когда Колдун и Аран начали переходить мост.

Аран побежал.

Он все еще сохранял человеческое обличье. Вейвихил, скорее всего, не догадывался о том, что Аран - оборотень. Ни на секунду не сомневаясь, что они смогут миновать злополучные ворота, он приберег свое последнее оружие до встречи с хозяином замка и пошел на противника с обнаженным мечом.

Дракон выпустил огненное облако.

Аран прошел сквозь огонь - его хранил заветный амулет.

Но видеть сквозь облако он не мог. Почувствовав впившиеся ему в плечо острые зубы, он задохнулся от боли. Аран вскрикнул и опустил блестящее лезвие меча на отливающую металлом чешую. Разжавшаяся челюсть тщетно пыталась достать Колдуна, который отошел назад и залился кромким смехом...

Но Колдун был безоружен!

Дракон рухнул на землю. Его толстенная шея оказалась перерубленной почти попалам, несмотря на покрывавшую ее чешую. Колдун вытер о брюки свое оружие и победоносно поднял его над головой.

Аран внезапно почувствовал, что его тошнит.

Колдун снова расхохотался.

- Какой прок от стеклянного кинжала? Самое забавное, что если ты волшебник, то все ждут от тебя применения чар, а не обычного оружия.

- Но, но...

- У меня в руках самый обыкновенный стеклянный кинжал. На нем не лежит ни единого заклятья - именно поэтому Вейвихил ничего не знает о его существовании. Я нашел его в пруду пару дней тому назад. Стекло практически незаметно в воде, особенно таким простофилям, как Вейвихил.

- Простите, что я слушал вас с таким нескрываемым интересом - я просто-напросто не питаю особой любви к стеклянным кинжалам. Ну, так что же дальше?

Труп и раковина улиткодракона все еще загораживали проход через ворота.

- Если мы попытаемся пробраться во двор где-нибудь в другом месте, можем угодить в ловушку. Придется перебираться через эту громадину.

- Быстрее, - сказал Аран.

- Верно, быстрее. Помни, что он может встретить нас где угодно.

Колдун разбежался и вмиг оказался на вершине спиралевидной раковины.

Аран последовал его примеру, стараясь не отставать.

- К нему в покои, - сказал улиткодракон.

Пока Аран карабкался на раковину, его не покидала картина, вызванная этими словами. Вейвихил, наверное, дожидается их в подвальных помещениях или, наоборот, в верхнем этаже башни, то есть в наиболее безопасном месте. Арану и Колдуну придется с боем пробираться по коридорам, преодолевая всевозможные препятствия, а хозяин замка в это время

будет оценивающе наблюдать за их маневрами. Подобные легенды о битвах волшебников передавались из уст в уста...

Аран был голоден, как настоящий волк. Это обстоятельство давало ему силы, наделяло энергией, какой он не ощущал в себе уже десятки лет. Он перескакивал с места на место, словно вместо ног у него были пружины, а тело его весило не больше перышка. Как только он добрался до вершины раковины, Колдун повернулся к нему - в его взгляде отражался плохо скрытый испуг.

И тут Аран увидел, что по деревянному настилу им навстречу поднимается целая орда вооруженных до зубов скелетов. Должно быть, Вейвихил послал им навстречу целую сотню своих воинов. Аран вскрикнул и обнажил меч. Но разве можно убить скелет?

Колдун тоже начал выкрикивать какие-то незнакомые слова на языке Гильдии.

Скелеты завыли. Казалось, что их приподняло и швырнуло вперед каким-то неожиданно поднявшимся ураганным ветром. Они уже начали терять форму, извиваясь, подобно кольцам табачного дыма. Аран успел заметить, как растворился в воздухе последний скелет.

Вот это да! Должно быть, всех их заставил двигаться какой-то демон, а Колдун загнал его в ловушку, пустовавшую, поджидая свою добычу, целых двадцать лет.

Аран и Колдун ошибались, предполагая, что нападать начнет многоликий демон.

Внезапно Аран заметил стоявшего на другом конце двора и отчаянно жестикулировавшего Вейвихила, который уже заканчивал произносить заклинание.

Оборотень повернулся и хотел уже криком предупредить своего спутника об опасности, но в этот момент увидел, что с ним сделало заклятье противника. Колдун моментально состарился. Он выглядел растерянным, когда выплюнул в ладонь горстку почерневших камешков, оказавшихся его зубами. Закрыв глаза, он начал медленно оседать на землю.

Аран подхватил его под руки.

У него создалось впечатление, что он держит не человеческое тело, а груду невесомых костей. Он аккуратно опустил Колдуна на раковину. Из груди старика вырывались хрипы и стоны, и было ясно, что жить ему осталось недолго.

- Аран Торговец коврами!

Аран взглянул вниз.

- Что вы сделали с ним?

Волшебник Холма был, как обычно, одет в темный плащ; обут в сандалии, а на голове красовалась высокая шляпа. На поясе у него висел неизменный меч с большой рукояткой.

- Мне бы хотелось поговорить о том же. Я вывел магическую формулу, которая обладает тем же действием, что и Колесо Колдуна, но только направленным. Я доходчиво объясняю?

- Мне все ясно.

- Если пользоваться языком обывателей, я высосал из него всю силу волшебства. Именно это превратило его в двухсотдвадцатишестилетнего старца. Насколько я понимаю, такой исход поединка оставляет победу за мной? Я вот только сомневаюсь, стоит ли даровать жизнь тебе, Аран. Ты представляешь, что сделает с тобой мое заклятье?

Аран прекрасно знал, чем все это для него может закончиться, но...

- Будет лучше, если вы скажете мне об этом сами. И объясните, откуда вы все узнали.

- Помогли коллеги. После того, как я понял, что вы являетесь моим противником, я, естественно, начал наводить справки о вас. Вы, похоже, обращались ко множеству волшебников с просьбой избавить вас от этого иллюзорного кинжала, пронзившего ваше сердце.

- Да, более чем к дюжине. Что дальше?

- Иди с миром и никогда больше не возвращайся.

- Я хочу взять с собой Колдуна.

- Он мой враг.

- И в то же время мой сообщник. Я не оставлю его здесь, - упорствовал Аран.

- Ладно, забирай его.

Аран склонился к лежащему старику. Ему, в его сорок восемь лет, уже был знаком горький привкус поражения, но отведал он и всепоглощающий энтузиазм борьбы. Но его спутник теперь стал лишь высохшей и невесомой мумией. На данный момент перед Араном стояла единственная задача - спустить хрупкое старческое тело со скользкой раковины.

Вейвихил монотонно бубнил какое-то заклинание!

Аран поднялся - и как раз увидел последний жест Волшебника Холма. Затем чары вступили в силу.

В первую секунду ему показалось, что материализовался торчавший в его сердце кинжал. Но боль разлилась по всему телу, словно миллионы микроскопических иголочек вонзились изнутри в каждую мышцу. Странным образом измени-

лась форма его шеи, вытянулись конечности, череп сплющился, нос удлинился, губы деформировались, обнажив острые зубы, а глаза потеряли цветоощущение.

Превращение было самым быстрым и самым полным за всю жизнь Арана-оборотня. Его разум погрузился в темноту. Обыкновенный волк беспомощно, кубарем скатился с огромной раковины прямо во двор, глухо ударился о землю, опершись на лапы, яростно зарычал и решительно двинулся по направлению к Вейвихилу.

Волшебник оторопел. Он начал повторять заклинание, быстро-быстро бормоча его по мере того, как к нему приближался Аран. Он закончил, когда волк находился на расстоянии всего лишь одного прыжка до цели.

На этот раз никакого превращения не произошло; оборотень бросился на своего противника, и тот попытался отскочить назад, но острые зубы настигли его, прокусив насквозь горло.

Именно в это мгновение Аран понял, что все происходившее с ним до того - только цветочки, ягодки ждали его впереди.

Вейвихил, без сомнения, должен был умереть. Его поврежденная сонная артерия сильно пульсировала, из горла вырывались леденящие кровь булькающие звуки... Волшебник Холма выхватил из ножен меч и набросился на врага.

Аран-волк кинулся прочь, но оружие Вейвихила полоснуло его прямо по сердцу. Рана моментально зажила, и это ничуть не удивило оборотня. Он вскочил, побежал и был опять сражен, снова вскочил...

Создавалось впечатление, что эта схватка бесконечна.

Укус на шее волшебника уже не кровоточил - его тело было обескровлено, но он все еще двигался. Живым казался и его меч. Аран атаковал, только когда он убеждался в том, что это безопасно, но меч снова и снова настигал его. И каждый раз, нападая, он откусывал кусок плоти Вейвихила.

Он все еще не терял уверенности в победе, у него просто не было иного выхода. Раны на его теле моментально заживали, укусы же, сделанные им, не затягивались. Аран срывал мясо с костей волшебника.

Просветление в его мозгу так и не наступило. Им двигал не человеческий разум, а звериное чутье. Он постоянно загонял Вейвихила на скользкие плиты, где тот уже потерял почти всю свою кровь. Четыре ноги, естественно, оказывались устойчивее двух. Все то же чутье подсказывало, что не следует

выпускать врага со двора, хотя он и пытался уйти. Скорее всего, где-нибудь в замке у него был запас излечивающего волшебства. Но Аран ни за что не давал ему возможности воспользоваться им.

Вейвихил, несомненно, применил какое-то заклинание, удерживавшее его теперь на грани жизни и смерти. Должно быть, теперь он искренне раскаивался в этом. Аран-волк покалечил его, снова и снова впиваясь зубами в колени врага с явным намерением перегрызть все мускулы и сухожилия, лишив противника возможности двигаться. В конце концов, он добился своего, но Вейвихил продолжал борьбу, стоя на коленях. Приблизиться к нему оборотень мог, лишь рискуя получить несколько сильных ударов мечом...

Все происходящее стало казаться Арану кошмарным сном.

Аран Соглашатель ошибся. Если Аран Торговец коврами мог сражаться без устали, выдирая живую плоть из тела умирающего человека, при этом созерцая кровоточащие раны, если Аран мог терпеть такую боль, ради того, чтобы заставить страдать врага...

То ни истощение запасов волшебства, ни что-либо иное не в силах заставить людей навсегда забыть о войнах. Они все равно будут продолжать убивать друг друга мечами, камнями или любым другим попавшим под руку оружием до тех пор, пока существует род человеческий.

Внезапно к Арану вернулся разум. Причиной тому, вероятно, был заколдованный меч: мана, которую забрал из его тела Вейвихил с помощью своей формулы, заменившей Магическое Колесо, была возмещена этим волшебным оружием.

И в то же мгновение он осознал, что этот меч ожил.

Вейвихил превратился в груду окровавленных костей. Возможно, он не умер, но, тем не менее, не мог уже двигаться и драться. Меч, который все еще сжимали костлявые пальцы, не останавливался ни на минуту, стараясь не подпускать оборотня к своему хозяину.

Аран увернулся от проскользнувшего мимо клинка. Он схватил зубами рукоятку и выдернул оружие из остатков того, что некогда было рукой Волшебника Холма. Он почувствовал непроизвольное, но упорное сопротивление, которое, естественно, преодолел без особых усилий.

Для того чтобы забраться на раковину улиткодракона, Арану пришлось принять человеческое обличье.

Колдун был еще жив, хотя звуки, доносившиеся из его горла, скорее напоминали рычание, чем человеческое дыха-

ние. Аран прикоснулся клинком меча к неподвижному телу и замер в ожидании.

Колдун снова помолодел. Конечно, он уже не выглядел таким бодрым и здоровым, как прежде, но, во всяком случае, не походил больше на мертвеца. Когда он очнулся и протер глаза, на вид ему было около семидесяти.

- Что случилось? - спросил он.

- Вы пропустили все самое интересное, - заметил Аран.

- Похоже, тебе пришлось нелегко. Прими мои извинения. Все-таки с тех пор, как я взял верх над Глирендри, прошло тридцать лет. Ни одному волшебнику еще не удалось полностью скопировать Магическое Колесо - для этого нужно не просто повторить его, но и добавить что-то свое.

- Он опробовал на мне свою формулу.

- Да? - Колдун захихикал. - Насколько я понимаю, ты недоумеваешь по поводу этого кинжала.

- Я думал об этом, не скрою. Куда он делся?

- Висит у меня на поясе. Неужели ты решил, что я оставлю его в твоем теле? Мне привиделся вещий сон о том, что кинжал мне еще понадобится. Вот я и забрал его. И наверняка...

- Но он был в моем сердце!

- Я создал его отражение, которым и пронзил твое сердце, а потом рассеял его.

Аран судорожно дотронулся до того места, откуда, насколько он помнил, когда-то торчала стеклянная рукоятка.

- Ты, сукин сын! Как можно было издеваться надо мной целых тридцать лет, заставляя думать, что нож все еще во мне!

- Ты пришел ко мне в дом, чтобы обворовать меня, - напомнил Колдун. - Я не звал тебя - ты был непрошенным гостем!

Аран Торговец обращался с грабителями точно так же. Скрывая досаду, он сказал:

- Это была просто маленькая шутка великого мага, верно? Не мудрено, что ни один из ваших коллег не смог извлечь кинжал из моей груди. Бог с ним. Теперь объясните мне, почему своим заклинанием Вейвихил обратил меня в волка.

Колдун осторожно сел.

- Что? - изумленно произнес он.

- Он сделал какие-то пассы руками и тем самым резко снизил содержание маны в моем теле. После этого я принял волчье обличье. Я даже утратил способность мыслить, мой разум притупился. Вместе с тем я стал неуязвим. Если бы не

его заколдованный меч, он одним махом разрубил бы меня пополам.

- Что-то я не понимаю. Ты должен был оставаться человеком все это время. Иначе...

Пронзившая его мозг мысль, по всей видимости, поразила его - и без того бледные щеки приобрели землистый оттенок.

- Тебе вряд ли придется по душе то, что я скажу, - сказал он, помолчав.

Выражение этого старческого лица, изможденного и очень печального, не оставляло Арану никакой надежды.

- Продолжайте, - взмолился он.

- Колесо - не такое уж древнее изобретение. Первые мертвые зоны появились гораздо позже. Создавшаяся теперь ситуация ни с чем не сравнима. Люди, особо не задумываясь над этим вопросом, издавна считают, что оборотни - люди, способные становиться волками. Это кажется всем совершенно очевидным. Ведь вы даже не можете принять звериное обличье, пока не взошла луна. Вы обладаете человеческим разумом. До сих пор никто не имел веских доказательств того, что вы - люди, а не волки.

- Вы хотите сказать, что я - зверь?

- Не подвергаясь действию волшебства, ты останешься навсегда волком, - согласился Колдун.

- А что это меняет? Всю свою жизнь я прожил по-человечески, - прошептал Аран. - Какая разница, хотя... Ну, да.

- Это не имело бы ровным счетом никакого значени, если бы у тебя не было детей.

- У меня их восемь. И у них будут свои дети. В один прекрасный день запасы маны на всей земле снизятся до минимального уровня. И что же тогда, Колдун?

- Ты уже обо всем догадался сам.

- Они навсегда превратятся в животных, станут обычными псами.

- И ничего с этим не поделаешь.

- Однако выход существует! Я сделаю так, что ни один волшебник не войдет больше в ворота Ринилдиссен Сити! - Аран провозгласил свой план, стоя на гигантской раковине так, словно она была трибуной. - Вы слышите меня, Колдун? Все представители вашей профессии попадут в опалу, сама магия станет абсолютно никчемной, ненужной. Мы сохраним необходимое количество маны для обитателей моря и для драконов!

Похоже, он претворил в жизнь свои далеко идущие планы. Прошло четырнадцать тысяч лет, но люди, населяющие земли, где раньше находился Ринилдиссен Сити, до сих пор бережно хранят легенды об оборотнях. Волшебников в тех местах, конечно, не осталось.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Несколько слов о том, как появились эти рассказы.

Я хотел доказать, что путешествия во времени - плод нашего воображения и ничто больше, это явление не достойно освещения в научно-фантастической литературе. Дело в том, что путешествия во времени невозможны, какого бы уровня развития ни достигла мировая цивилизация. Однажды утром мне неожиданно пришло в голову, что, если перемещения во времени - просто фантазия, то действующая машина времени стала бы... в результате был написан рассказ "Срочно нужна лошадь!", который в конечном варианте я назвал "Полет лошади". Днем я в общих чертах набросал его сюжет, а вечером рассказал о своем замысле нескольким друзьям во время коктейля.

Рассказу, прошедшему подобное испытание, гарантирован успех: если его можно изложить стоя, ни разу не сбившись с мысли и не запутав слушателя, то его, несомненно, стоит перенести на бумагу. Обычно в качестве первого эксперта я использовал своего брата. Теперь я уже могу сам оценить новое произведение, не прибегая к этому испытанному способу. (Тем не менее, я бесконечно благодарен тебе, Майк.)

Но все рассказы о Свеце я сначала отдавал на суд друзей-слушателей, а потом уже писал их. Такой парадокс казался мне довольно забавным. Судите сами: кабина перелетов - вымышленное средство передвижения, а Свец об этом даже не подозревает...

И вот что интересно - рассказ, основанный на фантазии автора, честно говоря, не имеет под собой абсолютно никакой реальной почвы. Таким образом, писателю ничего не остается делать, как только пользоваться общедоступным языком. В противном случае, он будет просто-напросто носить воду в решете. (Хотя каждый, естественно, поступает так, как считает нужным.)

Прошло немало времени, прежде чем я научился облекать в слова те образы, которые рисовало мое воображение. Я много и плодотворно работал и в жанре научной фантастики.

"Стеклянный кинжал" на данный момент, а возможно и навсегда, является единственной моей новеллой, где действуют заколдованные мечи и магические заклинания.

Я ненавижу быть ограниченным строго определенными сроками. На таких условиях я работал всего дважды в жизни, и оба раза писал для составляемых Бобом Силвербергом антологий. Он может рассказать вам, чем закончилась моя первая попытка подобного рода, когда я обещал ему рассказ о планете Плутон для "Туморроуз Уорлдс".

За две недели до назначенного им дня я уже писал Бобу письмо, где обещал, что заказ не будет готов в срок, поскольку сюжет придуман только наполовину, а оставшихся двух недель недостаточно для завершения работы, и принес свои глубочайшие извинения. Письмо так и осталось лежать на моем столе и не было отправлено, потому что я придумал и вторую часть. В конце концов Боб получил малюсенький рассказик, и то отослал я его в самый последний момент.

Таких проблем, к счастью, не возникло с "Синдромом толпы", если не считать того, что моя жена, у которой из головы не шел тот первый случай, постоянно буквально силой усаживала меня за стол, заставляя писать. Она постоянно пилила меня, и в итоге все было готово намного раньше назначенного срока.

А по всей комнате до сих пор валяются наброски целой серии рассказов, связанных с влиянием телепортации на развитие общества. Когда-нибудь я возьмусь за них.

СОДЕРЖАНИЕ

Р. Силверберг
Ночные крылья. *Роман* 5
Человек в лабиринте. *Роман* 181
Л. Нивен.
Полет лошади. *Рассказы* 337
Послесловие

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ
НОЧНЫЕ КРЫЛЬЯ
ЧЕЛОВЕК В ЛАБИРИНТЕ

ЛАРРИ НИВЕН
ПОЛЕТ ЛОШАДИ

Перевод с английского

Художник К. Швец
Редактор В. Волкова
Художественный редактор И. Фаррахов
Корректоры Л. Денисова, Т. Зарубина

Набор и макет выполнены ИКА «Тайм-аут»

Подписано в печать 22.02.93. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Печ. л. 17,0. Усл. печ. л. 28,56. Тираж 100 000. Заказ 21431 .

Библиополис, 198147, Петербург, Бронницкая, 17.

Изготовлено с готовых диапозитивов, предоставленных ТОО «Библиополис» на ЦКФ ВМФ

В серии «ОРИОН» вышел из печати:

Желязны

Бог света

Повелитель сновидений

Готовятся к выпуску:

Пол

Проклятие волков

Век нерешительности

Рассказы

Ван Вогт

Мир ноль-А

Пешки ноль-А

Вечный дом

Желязны

Создания света, создания тьмы

Остров мертвых